

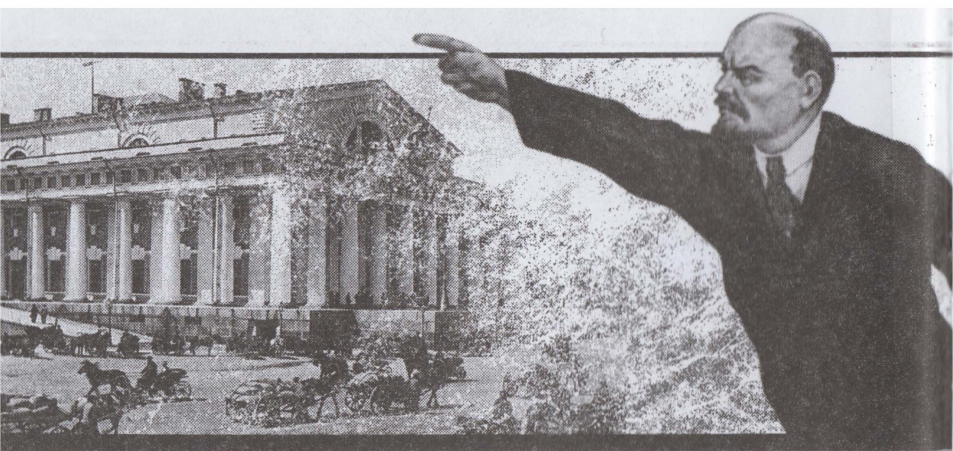
С. Яров, Е. Балашов
В. Мусаев, А. Рупасов
А. Чистиков

ПЕТРОГРАД НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

**ПЕТРОГРАД
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ**

С. Яров, Е. Балашов
В. Мусаев, А. Рупасов
А. Чистиков

ПЕТРОГРАД НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Москва – Санкт-Петербург
ЦЕНТРОЛИГРАФ
Русская тройка-СПб

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)
ПЗ1

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой*

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук

ПЗ1 **Петроград на переломе эпох. Город и его жители
в годы революции и Гражданской войны / Яров С.В.
и др. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф,
2013. — 543 с.**

ISBN 978-5-227-04577-5

Настоящая книга очерков истории Петрограда в годы Гражданской войны, не сгущая краски, показывает трудности и теневые стороны жизни, не пренебрегая тем положительным, что уже отражено в исторической литературе, но и не избегая тяжелых и мрачных явления быта и повседневных тягот горожан, которым довелось прожить несколько лет на переломе эпох. Старый дореволюционный порядок с его уже ставшими привычными устоями жизни сменился резким скачком к неизведанному будущему, ставшим тяжелым испытанием для бывшей столицы Российской империи...

Изучение истории Петрограда эпохи Гражданской войны вплоть до настоящего времени все еще остается далеким от завершения. Замысел авторов — максимально правдиво рассказать читателям о жизни города и его жителей на непростом этапе перемен.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

© С.В. Яров, Е.М. Балашов,
В.И. Мусаев, А.И. Рупасов,
А.Н. Чистиков, 2013
© ООО «Рт-СПб», 2013
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-227-04577-5

Предисловие

В последние сто лет Россия пережила столько катаклизмов, что одному государству хватило бы на несколько столетий. Не составлял исключения и главный город России — сначала императорский Петербург, затем военный и революционный Петроград. Естественно, что огромная историография и имперской столицы, и Петрограда, и большевистской цитадели революции отличалась прежде всего характеристикой, описанием и оценкой достижений правящих верхов в связи с 300-летием дома Романовых, а затем большевистской диктатуры. Не меньшее внимание в ней уделялось геополитическим проблемам внешней политики и тем войнам, которые отражали геополитические интересы держав, участвовавших в войне, и в том числе России; проблемам внутренней политики самодержавного строя, опорой которого было поместное дворянство; постепенно стали затрагивать и крепостническую систему отсталой крестьянской страны. Социальные сдвиги в Петербурге, рост рабочего класса и рабочее движение в целом, появление и деятельность различных революционных кружков — от декабристов до РСДРП (большевиков), также со временем оставались важными проблемами, которые выдвигались авторами, сознававшими назревание перемены в организации политического строя; появились работы о Государственной думе и Государственном совете, министерствах и Кабинете министров.

Вместе с тем народные массы, являвшиеся основными творцами истории и вынесшие на своих плечах Русско-японскую, Первую мировую, наконец, Гражданскую войны, по-прежнему оставались как бы объектами важнейших исторических событий. Лишь некоторые историки стремились проникнуть в психологию

петербуржцев, особенно в переломные годы первой русской революции, русских революций 1917 г. (Февральской и Октябрьской), Гражданской войны, когда главной фигурой исторического процесса вдруг стал простой солдат (вчерашний крестьянин), фронтовик, уставший от войны и ставший сторонником большевиков, которые обещали с ней покончить и установить всеобщий мир без аннексий и контрибуций. Еще меньше исследователей вникали в психологию новых носителей революции, их быт, обусловленность их политического сознания и поведения; мало кто пытался уяснить традиции самодержавной России, воспринятые партией и Советами, вдруг воплотившиеся в росте бюрократизма, авторитаризма правящих групп; избирательные системы, характеризовавшиеся как неведомое советское достижение, хотя выборы были несправедливы; преступность, проституция долгое время оставались вне рамок исторических сочинений; новый человек «социалистического общества» выглядел в значительной мере ходульно, являя собой некую схему, а не живое творение природы и общества; распределительная сеть и торговля оценивались лишь с классовых позиций.

Историки, взявшиеся за эти темы, увидели массу «белых пятен», нерешенных проблем и необходимость переосмысления прошлого, по крайней мере, применительно к истории Петрограда времен Гражданской войны. Их ждал непочатый край работы и серьезное изучение многих сторон жизни города и его обитателей. Поэтому и была предпринята попытка нового освещения истории Петрограда на переломе эпох, оценки поведения, жизни, быта горожанина, ранее появлявшегося на страницах книг в образе «химически чистого» жителя, который был готов стать стержнем города новой «социалистической цивилизации», отношения к религии и т. д.

Всекие переломные исторические события неизбежно находят свое отражение как в научной литературе, так и в художественной. При этом чем с более резкими катаклизмами, порою значительно меняющими социальный строй в той или иной стране, ее городах, они сопряжены (а наиболее крупные из них — приводящие к глобальным переменам в развитии человечества и общего процесса мировых изменений), тем большее внимание современников и потомков этих крутых поворотов истории они

привлекают. Можно отметить и определенную закономерность в проявлении ими интереса к различным сторонам этих трагических и порою сметающих на своем пути многие устои, социальные институты, политические структуры, наконец, обычаи, традиции и оценки событий прошлого. Следует также заметить, что художественная литература, отражающая эти крутые переломы истории со значительно большим запозданием, чем откровенно политическая или социально-ориентированная на чисто классовые оценки недавнего прошлого публицистика или конъюнктурная подчас историография, гораздо полнее и с большей глубиной разрабатывает жизнь, быт, психологию, нравы, особенности жизни и поведения самых различных слоев общества, застигнутого всякими потрясениями того или иного времени.

Вряд ли случайно, что Лев Толстой лишь в 1863–1869 гг. показал с огромной силой жизнь, нравы, громадный патриотический подъем русского общества, проявленный во время Отечественной войны 1812 г. («Война и мир»), то есть спустя более чем пятьдесят лет после самой этой войны, перевернувшей судьбы многих поколений населения России. Причиной этого был и довольно сложный процесс ознакомления с источниками, их истолкование непосредственно во время грозных военных столкновений, когда сами события еще только развивались и на первый план выступала сама война как главный фактор политической истории. Все человеческое — быт, нравы, психология людей, их взаимоотношения, отношение к власти и различным явлениям — требовало гораздо большего времени и знания такого материала, который выходил за рамки боевых действий. С другой стороны, отечественная историография Октябрьского переворота и последовавшей за ним Гражданской войны упорно, на протяжении пяти-семи десятилетий ограничивала свое внимание и понимание грандиозных последствий 1917 г. главным образом действиями красноармейских отрядов, попытками реализовать «красногвардейскую атаку на капитал», доблестными рейдами красной кавалерии и пехоты на различных дорогах борьбы с армиями Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, Врангеля, белополяками и т. д. Историков этого времени интересовала прежде всего героическая эпопея большевиков, стремившихся построить пусть и во многом иллюзорное, но по их представлениям справедливое

социальное общество, где рабочий, крестьянин, солдат, хотя и несли основное бремя Гражданской войны, голода, разрухи, тем не менее были «возвышены» над бывшими «эксплуататорами» — дворянами, чиновничеством, представителями правоохранительных органов, интеллигенцией, офицерским корпусом старой армии, помещиками и капиталистами, выходцами из состоятельных слоев, членами многих правых, либеральных или «недостаточно революционных» партий меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д.

Вот почему советская историческая литература, посвященная красному Петрограду, уделила основное внимание прежде всего военным действиям на разных участках Северо-Западного региона, особенно весенним и осенним наступлениям корпуса Родзянко — Юденича на Петроград, организации борьбы с ними, помощи со стороны относительно немногочисленных сил интервентов (американцев и англичан), героической борьбе рабочих, красноармейцев и солдат, комсомольцев, мобилизованных на борьбу с силами контрреволюции, кайзеровской, а затем британской помощи становлению противосоветских самостоятельных республик, уточнению боевых операций, оценкам боевых действий флотов и флотилий и т. д. Это, впрочем, не помешало появлению больших фундаментальных работ Н.А. Корнатовского, А.С. Пухова, А.А. Геронимуса и других, где немалое место уделялось подлинным воспоминаниям красноармейцев и белогвардейцев, дезертирству, противостоянию различных политических сил на северо-западе России — Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и т. д.¹

Однако вне поля зрения даже лучших советских исторических книг, посвященных истории экономического и политического развития Петрограда в 1918–1920 гг., его военно-политическим и классово-партийным столкновениям, «красному» и «белому» террору, оставались многие темы, проблемы и события, выпадавшие из быстро сложившегося стереотипа — «борьбы с белыми прихвостнями буржуазии», поддерживающими их интервентами и шпионами.

---

¹ См.: Чистиков А.Н. *Историография и источниковедение // Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг. Л., 1995. С. 7–33.*

Речь идет о многих обойденных классово ангажированной направленностью этих работ «подробностях жизни». А таких «подробностей» в истории послереволюционного Петрограда было немало. Партийно-советская печать и литература не давали себе труда оценить новый слой правящей бюрократии, ее образ жизни, степень близости или, напротив, оторванности от простого люда, ее моральный облик, особенно неприглядный на фоне десятков и сотен тысяч голодающих рабочих и крестьян. Г.Е. Зиновьев, З.И. Лилина, С.С. Зорин успевали не только оторваться от основной массы с каждым годом убывающего из города простого народа, но и отгородиться от него системой спецпайков, столовых, дорогостоящей одеждой, автомобилями как неизбежными атрибутами новых властителей. И если всеобщая трудовая повинность, введенная ими для утративших лоск бывших представителей имущих классов, означала изнурительную работу на валке леса и его погрузке, заготовке угля, дров, продовольствия, то новая советская бюрократия немало времени проводила в театрах, участвовала в новых зрелищных мероприятиях, помпезных праздниках «монументальной скульптуры», в склоках и адюльтерах.

Разумеется, необходимость опоры на класс-гегемон требовала и организации работы по продовольственному обеспечению части этой категории народа. Описание роли Советов, их выборов занимало много места и создавало видимость подлинно демократической власти, пришедшей на смену старому строю. Однако упор делался на тысячи избранных депутатов, на преобладание в Советах коммунистов и вытеснение из них представителей всех других демократических групп. Одновременно затушевывались такие первостепенные вопросы, как отсутствие тайного голосования, непрямые выборы, пятикратное преимущество рабочих перед крестьянами среди участников выборов. Кроме того, громоздкие по численности Советы реально не участвовали в организации власти и в управлении разнообразными сторонами городской жизни. На первый план вышли сначала узкие по составу руководящие органы управления Советами (исполкомы), а затем партийные комитеты всех уровней. Еще больше пробелов оставалось в историографии относительно жизни, быта, настроений горожан, их подлинной оценки советской власти. Многие слои

населения города воспринимали советскую власть как реальную политическую силу, но далеко не все с симпатией относились к отдельным ее звеньям (ЧК, продотряды, заградотряды), наконец, к отдельным ее представителям и руководителям. Конечно, необходимость приспособиться к новой обстановке ради выживания порождала поверхностное политическое клише, поддерживаемое обывателями, но многие из этих клише скорее отражали стремление к самосохранению, формальному восприятию новой риторики, позволяющему выглядеть «как все». Развиваемый во многих исторических работах 1920–1970 гг. тезис, будто интеллигенция, поколебавшись, с готовностью пошла на службу советской власти, отчасти отражал настроение этой группы городского населения. Лишь с введением нэпа часть интеллигенции уверовала в возможность какой-то пользы от коммунистов для возрождения разрушенной и покалеченной России. В гораздо же большей степени получение работы, пайка, улучшение продовольственного положения побуждали многих представителей интеллигенции по крайней мере формально поддерживать новые лозунги власти, обещавшие скорое изобилие, социальную справедливость, подъем сельского хозяйства и промышленности. Горожанин как политик находился вне серьезного изучения многих авторов, которые на первый план вывели не подлинные настроения рабочих (и нередкое в ту пору рабочее забастовочное движение).¹ Историков интересовали крестьяне с их спонтанными разрозненными выступлениями в Петроградской губернии, часто вызванными не столько серьезным отражением политической программы большевиков, сколько переживаемыми трудностями, недовольством произволом и своеволием местных властей; интеллигенции, которая поначалу, не доверяя советской власти, активно участвовала в так называемом саботаже, а позже пополнила ряды белого офицерства, бежавшего на юг и организовавшего несколько крупных очагов сопротивления. Еще позже жизнь заставила ее служить за паек или за кратковременную веру в возможность возродить страну.

---

¹ Отметим в этой связи вышедшую совсем недавно весьма ценную работу С.В. Ярова «Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев» (СПб., 1999).

Еще меньше интересовались послереволюционные историки жалким бытом различных слоев населения города, проявлениями всех видов преступности и правонарушений (массовые грабежи, квартирные и карманные кражи, взлом продовольственных хранилищ, убийства с целью похищения одежды и ценностей, быстрое развитие организованной преступности, создание воровских шаек и притонов, взяточничество, казнокрадство, влияние многолетней войны на общую нравственность горожанина). Особо следует отметить шарахания в религиозной политике, позднее приведшие к варварскому уничтожению православных и иных конфессиональных культовых зданий, замене традиционной религиозности бойкими агитками и разоблачениями, часто в форме, оскорбляющей чувства верующих.

Были оставлены без внимания такие социальные болезни послевоенного времени, как массовые эпидемии, проституция, переместившаяся из бывших роскошных публичных домов в грязные и обшарпанные особняки и притоны. Выдвинутая новыми властями проблема воспитания нового человека будущего социалистического общества во многом свелась к пионерской и иной риторике, комсомольским обрядам, утрате привычных и широко распространенных религиозных и народных празднеств, развитию футуристических шествий, оформлению улиц и площадей нередко низшего качества гипсовыми статуями вождей мирового пролетариата и т. д.

Провозглашенная советской властью ликвидация частной торговли отчасти компенсировалась системой пайков, столовых, доступных для части рабочих и в особенности руководящих деятелей нового режима. Однако «запереть» свободную торговлю не удалось. В городе процветала «сухаревка», рынки держаных вещей и продовольствия, массовым стало мешочничество отчаявшихся добиться пропитания своим семьям, спекуляция, обнищание бывших состоятельных людей.

Одним словом, картина Петрограда на переломе эпох писалась в послереволюционные годы почти исключительно красным, бравурным и будоражающим цветом. Город же и его жители, число которых с нескольких миллионов человек в 1914 г. понизилось до 700 тыс. к концу лета 1920 г., истерзанные голодом, болезнями, реквизициями, произволом властей всех уровней, жили тяжелой

и временами беспросветной жизнью. Лишь с переходом к нэпу в середине 1921 г. положение стало улучшаться.

Настоящая книга очерков истории Петрограда в годы Гражданской войны ставит перед собой задачу, не сгущая краски, показать многие трудности и теневые стороны жизни, не пренебрегая тем положительным, что уже отражено в исторической литературе, но и не избегая тяжелых и мрачных явлений быта и повседневных тягот горожан, которым довелось прожить несколько лет на переломе эпох. Старый дореволюционный порядок с его уже ставшими привычными устоями жизни сменился резким скачком к неизведанному будущему, ставшему тяжелым испытанием для бывшей столицы Российской империи.

Таким образом, изучение истории Петрограда эпохи Гражданской войны вплоть до настоящего времени все еще остается весьма далеким от своего завершения. Данная работа не претендует на то, что ее авторы смогли дать исчерпывающие ответы на затронутые вопросы. Однако они постарались привлечь максимально возможный на данном этапе круг источников.

Работа подготовлена коллективом научных сотрудников отдела современной истории России Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН под редакцией члена-корреспондента РАН В.А. Шишкина в составе: Е.М. Балашов, В.И. Мусаев, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков, С.В. Яров.

В.А. Шишкин, декабрь 1999 г.

* * *

Это предисловие к первому изданию мы решили оставить без изменений, за исключением незначительной редакторской правки в память о нашем наставнике и коллеге — Валерии Александровиче Шишкине.

Вниманию читателя предлагается второе издание книги, исправленное и дополненное, с учетом исследований историков и публикаций документов, вышедших за последние 12 лет.

Осталась прежней структура книги, отражающая главный замысел авторов — рассказать о жизни города и его жителей в годы революции и Гражданской войны в форме исторических очерков.

Авторы, январь 2013 г.

А.Н. Чистиков

У кормила власти

«Семь нянек» горожанина

Февральские события 1917 г. и последовавшие за ними перипетии внесли сумятицу в управление Петроградом. К октябрю того же года в городе одновременно существовали Временное правительство, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, центральные городские Дума и управа (ее исполнительный орган), а также районные Думы, управы и Советы. Все они постоянно или эпизодически принимали постановления, касающиеся городской жизни. Наличие внутри этих органов представителей различных политических партий, стоящих порой на диаметрально противоположных позициях, затрудняло выработку единых решений. Ситуация «когда в товарищах согласия нет» дала соответствующий результат: политические пристрастия, вызванные катастрофическим состоянием экономики, еще больше углубили экономический кризис.

Выход из замкнутого круга, казалось, нашли большевики, взяв власть в свои руки в столице 25–26 октября 1917 г. Но государственное устройство будущего социалистического общества виделось им не совсем отчетливо. Ограничившись лозунгом «Вся власть Советам!», партийные лидеры до Октября 1917 г. не разработали подробно принципы управления новым государством. Теоретические посылки не выходили за рамки общих лозунгов и идей. Теперь необходимо было все это конкретизировать, к чему обязывал, в частности, переход партии из оппозиционной в правящую. Все же в организационном плане Советы к этому времени приобрели некоторый опыт.

Около 5 часов утра 26 октября II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшийся в Актовом зале

Смольного, принял написанное В.И. Лениным обращение к «Рабочим, солдатам и крестьянам». В нем были и такие строки: «...съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»¹

Однако во многих районах страны, в том числе и в Петрограде, номинальная власть Советов не всегда сразу переходила в реальную. Возникший в конце февраля 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов представлял собой достаточно громоздкий орган, насчитывавший в марте до 3000 депутатов² и разделенный всего на две секции: рабочую и солдатскую. Большевики, находившиеся в явном меньшинстве в Совете, с самого начала его работы требовали перевыборов, но неизменно натывались на сопротивление меньшевиков и эсеров. Правда, на отдельных предприятиях в мае–июне депутаты были переизбраны, тогда же изменился персональный состав районных Советов, частично завоеванных большевиками. После событий 3–5 июля уже меньшевики и эсеры ратовали за перевыборы Совета, намереваясь, по выражению члена Петербургского комитета РСДРП(б) В. Володарского, «вытурить» из него большевиков. Ничего у них из этого не вышло. Большевики же без перевыборов увеличивали ряды своих сторонников в городском Совете и в ночь с 31 августа на 1 сентября впервые на пленуме Петросовета провели свою резолюцию по текущему политическому моменту и по вопросу о власти. 9 сентября Совет отправил в отставку старый президиум и исполком, что позволило ленинской газете «Рабочий путь» провозгласить: «Отныне политической линией Совета будет линия партии большевиков»³. С этого времени кампания по перевыборам Совета оживилась, но своего пика достигла лишь в ноябре–декабре 1917 г., уже после Октябрьского вооруженного восстания. Большевики укрепляли свои позиции, хотя сформировать Совет полностью из своих сторонников не смогли.

Менее удачными для них были перевыборы исполкома Петросовета в сентябре 1917 г. По предложению Л.Д. Троцкого и Л.Б. Каменева, вызвавшему возражения Ленина, исполком избирался членами солдатской и рабочей секций на пропорциональной основе. Большевики получили в исполкоме половину — 22 места, эсеры — 16 и меньшевики — 6. Правом решающего

голоса обладали еще 7 человек, делегированных различными политическими партиями и организациями. Председателем Петросовета стал большевик Троцкий. Заседания политически пестрого исполкома опять превратились в поле для теоретических битв. Ни исполком, ни сам Петросовет, пленумы которого в сентябре–октябре состоялись 12 раз, не стали тем органом, который привел большевиков к власти. Пока на этой арене шли словесные баталии, Петербургский комитет партии большевиков (ПК) 15 октября согласился с решением своего ЦК от 10 октября о том, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело» и с этой точки зрения необходимо «обсуждать и разрешать все практические вопросы»⁴.

Практическими вопросами вплотную занялся Петроградский военно-революционный комитет (ВРК), детище исполкома Петросовета, рожденное на его заседании 9 октября. Задача ВРК (первоначально он назывался Революционным комитетом обороны) состояла в обеспечении революционной обороны Петрограда и безопасности народа от корниловцев. Фактически сразу же «штаб обороны города» превратился в «штаб для захвата власти».

И после Октябрьского восстания комитету, ставшему уже всероссийским органом, вплоть до роспуска его 5 декабря 1917 г. суждено было также заниматься судьбой города. На плечи членов ВРК легла борьба против антибольшевистских сил и охрана порядка, обеспечение Петрограда продовольствием, а рабочих — зарплатой, выпуск газет и организация работы предприятий, банков и т. п. По сути дела, ВРК в первый месяц после восстания олицетворял собой ту власть Советов, о которой говорили большевики, заменив и Петроградский Совет, и во многом центральную городскую Думу.

Депутаты Петросовета, казалось, тоже не сидели без дела. Но вопросы, обсуждаемые на общих собраниях, в подавляющем большинстве касались не только и не столько Петрограда, сколько всей новой России. Создание однородно социалистического правительства и начало мирных переговоров с Германией, выражение доверия новому общероссийскому органу власти — Совету народных комиссаров (СНК) и его главе — Ленину и призыв

к служащим почт, телеграфа и железных дорог к сотрудничеству с советской властью – вот что стояло, в первую очередь, на повестке дня. По политическому составу Петросовет и после восстания не стал однородным. По предположению историка М.Н. Потехина, с которым можно согласиться, окончание перевыборов Совета в декабре 1917 г. привело к следующей расстановке сил: большевики имели 65–70 % мандатов, остальные принадлежали меньшевикам и эсерам (главным образом левым). До весны-лета 1918 г. работали в Совете эсеровская и меньшевистская фракции, изрядно редевшие с каждым месяцем⁵.

Иная картина складывалась в исполкоме Совета. В дни восстания он распался: большевики ушли в ВРК, центральные комиссариаты и другие органы; меньшевики и эсеры саботировали его работу по политическим мотивам. Поэтому 27 ноября были проведены перевыборы исполкома: большую часть мест в нем получили большевики (34) и левые эсеры (10), меньшевики и эсеры были представлены незначительной группой политиков. В президиум исполкома вошли только большевики и левые эсеры. Председателем Петросовета с 13 декабря стал (и бессменно им оставался в течение всей Гражданской войны и дольше, вплоть до весны 1926 г.) Г.Е. Зиновьев, секретарские обязанности выполнял И.П. Бакаев, а членами президиума являлись П.А. Залуцкий, В. Володарский, М.М. Лашевич, В.М. Молотов, В.Ф. Ершов и левые эсеры Л.И. Диесперов и М.А. Левенсон. Ленин был избран почетным председателем Петросовета⁶.

Хотя к ноябрю 1917 г. численность Совета по сравнению с мартом того же года уменьшилась значительно, она, видимо, составляла около 1000 человек⁷. Такое количество депутатов по-прежнему делало пленумы Совета больше похожими на митинги, чем на рабочий орган. Правда, с августа 1917 г. в структуре Петросовета кроме двух секций появилось несколько отделов, занимавшихся организационными, муниципальными, агитационными и прочими делами. В начале октября количество отделов и комиссий увеличилось⁸.

Стремясь повысить эффективность своей работы, 17 ноября 1917 г. Петросовет постановил «разделить без всякой отяжки районные и общегородской Советы на отделы, из которых каждый

берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления»⁹. Через месяц количество отделов с секциями и комиссиями приблизилось к двадцати. Учитывая, что это была первая разветвленная структура нового — после 25 октября — органа власти, приведем полный список подразделений Совета. На первом же заседании исполкома были образованы отделы: труда, финансовый, литературно-издательский, юридический, медико-санитарный, автомобильный, культурно-просветительный и пропагандистский, рабочей гвардии, хозяйственный; стол донесений, мандатный стол и комиссия по реквизиции, ревизионная комиссия и книжный склад. Лишь малая их часть совпадала с теми отделами и комиссиями, которые были образованы до Октября 1917 г. Позднее в составе Совета появились отделы печати и общественных работ, комиссии театральная и по охране города. Существовала при нем и тюремная секция.

Даже на первый взгляд видно, что не все ячейки этой структуры равнозначны; существование некоторых из них не поддается логическому объяснению. В самом деле, почему была театральная комиссия и не было кинематографической? Ведь кинотеатров в столице было больше, чем театров! Больше, чем автомобилей, было в Петрограде и трамваев, однако транспортного отдела тоже не существовало. Удивляться, конечно, особенно нечему. Новизна дела, отсутствие подробных проектов переустройства общества, реакция на возникающие обстоятельства — вот объяснение сложившейся ситуации.

Похожим было положение в районных Советах. Количество отделов, формировавшихся в них в октябре–ноябре 1917 г., колебалось от 3 до 12, да и направленность работы заметно отличала их друг от друга. Отметим все же, что в районных Советах создавался продовольственный отдел, чего не было в городском. Отсутствие в Петросовете таких отделов, как продовольственный, народного просвещения, социального обеспечения, можно оправдать существованием в столице иных органов, занимающихся этими вопросами. Наличие в Петрограде Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), СНК, народных комиссариатов, которые тоже вмешивались в течение городской жизни, ставило немало препятствий работе Совета. К тому

же в столице продолжала пока еще действовать городская Дума, ее частью являлось Особое присутствие по продовольствию, снабжавшее горожан продуктами.

Согласно положению, Дума наделялась правом издавать обязательные постановления по нескольким десяткам предметов «ведомства городского управления». Сюда входили поддержание чистоты и порядка на улицах и площадях, оказание населению медицинской и юридической помощи, обеспечение горожан продовольствием и предметами первой необходимости, заведование учебными заведениями и пр. После прихода большевиков к власти многие направления деятельности Думы стали дублироваться народными комиссариатами или отделами Петросовета. Причина тому — отрицательное отношение подавляющего большинства гласных к восстанию. Большевики были представлены как в городской, так и районных Думах, но нигде не имели большинства за исключением Выборгской районной Думы. По итогам выборов 20 августа 1917 г. они получили в городской Думе треть мест (67 из 200). В городскую управу, возглавляемую городским головой эсером Г.И. Шрейдером, входили 7 эсеров, 6 большевиков, 3 кадета, по 2 меньшевика и народных социалиста (энеса), один — от группы «Единство» и один беспартийный¹⁰.

Как и Петросовет, Дума занималась больше политическими сражениями, нежели городскими делами. Подобная тональность была задана еще накануне августовских выборов. «Подавая свой голос, он (избиратель. — А. Ч.) выражает свое отношение не только к трамвайным, продовольственным и т. д. делам, но и к вопросам государственного и экономического строя...», — высказывали свое мнение меньшевики. Под этими словами могли подписаться без колебаний представители и других политических партий, ибо их заявления были созвучными¹¹. Неудивительно, что штурм Зимнего подавляющее большинство думцев встретило в штыки. «В переходные дни Дума играла очень важную роль, — вспоминал С.А. Ан-ский (Раппопорт). — Так как правительство было арестовано, все антибольшевистские силы, как гражданские, так и военные, стали группироваться вокруг Думы, которая в качестве демократического представительного органа столицы сыграла роль политического центра»¹².

Поначалу гласные попытались как-то контролировать ситуацию, сложившуюся в городе во время восстания. Образованный ими Комитет общественной безопасности заявил, что примет помощь в борьбе «с хулигански-погромными элементами» и от Временного правительства, и от ВРК. Один из членов Думы был выделен для технической связи с Военно-революционным комитетом. Но на этом, пожалуй, все контакты с большевиками закончились. После восстания стороны начали резко расходиться в противоположных направлениях. Новые власти терпели Думу некоторое время, рассчитывая или надеясь на то, что она займется городским хозяйством и не будет ввязываться в политическую борьбу. Самим большевикам в первые недели просто невозможно было справиться с управлением городом и прежде всего с обеспечением его продовольствием. Но надежды оказались иллюзорными. Дума, крайне политизированная еще до 25–26 октября, осталась такой же и после этого рубежа. Обсуждение даже сугубо бытовых вопросов на думских заседаниях неизбежно приобретало политическую окраску. А 1 ноября Дума объявила себя органом, полномочным созвать Собор представителей городских и земских самоуправлений «для воссоздания власти и порядка в стране и впредь до Учредительного собрания»¹³. Попытка возложить на себя миссию общероссийского масштаба не удалась. Не прекращались в течение первой недели ноября и активные попытки части думцев исключить из своих рядов гласных-большевиков. В действительности же все произошло по-иному. Большевики, стремясь сломить саботаж чиновников, чему Дума способствовала в немалой мере, и ослабить политических противников, решили ликвидировать это, по выражению Ленина, «гнездо корниловцев». События, как и положено в революционную эпоху, развивались стремительно. 9 ноября ВРК на своем заседании только поднял вопрос о роспуске городской Думы, а уже 17 ноября СНК опубликовал в печати соответствующий декрет¹⁴.

27–28 ноября состоялись выборы в новую Думу. Кадеты, меньшевики и правые эсеры их бойкотировали. Одержавшие победу большевики заняли посты председателя, товарища (т. е. заместителя) председателя и секретаря Думы. Городским головой стал М.И. Калинин. Хотя гласных избрали на срок до 1 января

1919 г., их деятельность прекратилась раньше. Многие функции Думы постепенно стали уходить к центральным комиссариатам. Думские школы перешли в ведение Наркомпроса, больницы — Наркомздрава, телефонная станция — Наркомпочтеля, а электростанции — ВСНХ и т. д. По постановлению Петросовета от 29 января 1918 г., городская управа превратилась в отдел городского хозяйства Совета. К тому же за пять дней до этого комиссариат внутренних дел опубликовал положение «О замене земских и городских самоуправлений Советами». «Там, где органы самоуправления не наши, где они выступают против советской власти, они должны быть распущены, — говорилось в нем, — а где они работают с Советами, должны слиться с ними, дабы не было двух однородных органов»¹⁵.

В течение декабря 1917 — января 1918 г. прекратили существование и районные Думы Петрограда. Кроме Выборгской и Новодеревенской, в которых большевики и левые эсеры имели большинство, остальные районные Думы солидаризировались с городской; а с районными Советами их отношения тоже не сложились. В постановлениях о роспуске говорилось о назначении в будущем новых выборов, но они так и не состоялись¹⁶.

Городская Дума и управа формально продолжали существовать еще несколько месяцев, пока наконец в сентябре 1918 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО) не издал постановление об окончательном их упразднении. В середине октября завершилась ликвидация районных управ и контролировавших их комиссариатов¹⁷. К этому времени управление местным хозяйством уже полностью сосредоточилось в советских органах. Важно отметить еще одно обстоятельство: избранная в конце 1917 г. большевистская городская Дума была сориентирована на управление хозяйством города, а не на осуществление властных полномочий. Политическая власть в Петрограде распределялась между Петросоветом, ВЦИК и СНК. Такое положение сохранялось в городе до марта 1918 г.

Все на выборы?

Все же единственным и полновластным хозяином города, следуя большевистской теории, оставался Петросовет. Его решения должны были серьезно влиять на жизнь города и горожан, что, в свою очередь, подразумевало активное участие петроградцев в выборах высшего городского органа власти. Но результат выборов зависел не только от волеизъявления избирателей, а и от того, какая партия управляет органом, руководящим выборами, кто определяет принципы и порядок выборов и т. п. Все нити находились в руках большевиков, и это имело значение при формировании Совета.

В основу избирательной системы ими были положены принцип неравного представительства различных классов и групп населения, лишение права голоса эксплуататоров и множественный вотум, опробованные еще в революции 1905–1907 гг. Неравноправие избирателей зиждилось на главном тезисе большевиков — установлении диктатуры пролетариата. Следовательно, депутаты от рабочих должны были преобладать во властных органах. Эта цель достигалась несколькими способами. Были снижены нормы представительства в Совет от рабочих: в 1918 г. 1 депутат от 500, с 1919 г. — от 400 человек. Посланцами рабочих считались депутаты, избранные от отраслевых промышленных профсоюзов на районных беспартийных конференциях. Примечательно, что до 65% делегатов беспартийных конференций составляли коммунисты¹⁸. По одному представителю в Совет посылали заводские комитеты временно закрытых предприятий. (На 1 апреля 1918 г. в Петрограде из 773 предприятий, на которых трудились свыше 5 человек, было закрыто 231. В 1919 г.

еще несколько десятков заводов прекратили работу¹⁹). Число пролетариев с 1 января 1918 г. по 1 января 1920 г. уменьшилось с 293 296 до 87 950 человек²⁰. Тем не менее перечисленные меры по-прежнему обеспечивали им преобладающее место в органах власти. Даже красноармейцы и матросы, посылавшие в Совет одного депутата от 200 человек, не имели в нем численного превосходства в связи с малочисленностью Петроградского гарнизона.

Перевес депутатов от рабочих, особенно в первый год пролетарской диктатуры, достигался и косвенным образом — лишением, например, избирательного права некоторых групп населения. По Конституции 1918 г. к участию в выборах не допускались «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли», «живущие на нетрудовой доход», торговцы и посредники, служители култов, бывшие помещики и жандармы, душевнобольные и заключенные. За исключением двух последних категорий всех остальных еще можно было с пролетарской точки зрения причислить к эксплуататорам. Но «за бортом» выборов в Петрограде до июля 1919 г. оставались домашние хозяйки, до декабря 1919 г. — трудящаяся интеллигенция, до июня 1920 г. — учащаяся молодежь. Это являлось прямым нарушением конституционных норм.

Большевики сознательно регулировали приток новых групп избирателей, гарантируя себя от поражения. В 1918 г. в выборах участвовали представители нескольких оппозиционных новой власти партий, поэтому появление на политической арене упомянутых выше категорий горожан могло привести к нежелательной для большевиков ситуации. Показательна очередность привлечения новых избирателей: не особо разбирающиеся в политике домохозяйки, политизированная, но осторожная интеллигенция и, наконец, молодежь, как и во все времена, делящая мир на «белое» и «черное» (вследствие этого радикализма наиболее непредсказуемая группа). Отражение подобного расчета слышится и в выступлении одного партийного работника на заседании Петроградского губкома партии большевиков 2 апреля 1919 г. «Тов. Оборин, возражая тов. Судику, говорит, что, по словам т. Судика, мы уже настолько сильны, что можем ослабить диктатуру и привлечь широкие массы, — записано в протоколе. —

Можно установить три фазы в развитии диктатуры пролетариата: 1) захват власти; 2) подавление сопротивления буржуазии; 3) дальнейшее развитие и строительство. Надо решить, какой момент мы переживаем. 1-ая и 2-ая фазы, очевидно, прошли, но не всюду. И не всюду можно привлекать наших классовых врагов и обывательщину. Особенно в Питере и Петроградской губернии, где еще кипит классовая борьба... Допускать в Советы слишком широкие массы не следует»²¹.

Еще одна категория избирателей — служащие — участвовала в выборах уже с 1918 г. Численность ее была значительной. По данным, приводимым М.Н. Потехиным, в середине 1918 г. из 617 000 петроградских избирателей служащих насчитывалось 148 000 человек (24 %)²². Через два года удельный вес служащих среди самостоятельного населения города составлял 38,8 %. Политические пристрастия их, видимо, были различны. Коммунистическая прослойка составляла небольшую часть. Даже среди служащих аппарата Петросовета и районных Советов в 1920 г., например, насчитывалось всего 11,5 % членов партии большевиков²³. Несомненно, часть новых служащих вышла из рабочих, солдат и матросов. Однако определенная преемственность старой и новой власти наблюдалась. Во-первых, многие бывшие чиновники остались на своих местах или даже заняли руководящие должности в появившихся структурах. Во-вторых, некоторые социальные группы в целом, ранее входившие во власть, сохранили эту возможность и после революции 1917 г., но на уровне персонального представительства и при определенных условиях.

Старых чиновников писательница З.Н. Гиппиус довольно удачно с психологической точки зрения поделила на «сдавшихся», «склонившихся» и «приспособившихся». «Сдавшиеся» служили советской власти не за страх, а за совесть. «Приспособившиеся» тянули лямку, думали о еде и втихомолку ругали новых правителей. «Склонившиеся», составлявшие, по мнению писательницы, большинство служащих, «с великим страданием, со стиснутыми зубами» несли «чугунный крест жизни»²⁴. Это большинство психологически не было готово выступить открыто против новой власти, не могло составить мощное объединение избирателей,

способных привести к победе антибольшевистские силы. Добавим к этим трем группам еще одну небольшую, но существовавшую. В нее входили те, кто приравнивал работу к служению Родине, а не конкретному режиму. Не принимая большевиков, они тем не менее не влились в ряды саботажников. К тому же для большинства служащих, как нам представляется, в качестве побудительной причины действовал не один, а несколько факторов одновременно.

В арсенале коммунистических правителей были и иные средства для контроля над выборами. Организацией выборов занималась центральная избирательная комиссия, состоявшая в 1918 г. из представителей исполкома Петросовета и Петроградского совета профсоюзов и возглавляемая В. Володарским. Состав районных избирательных комиссий утверждался райкомами большевистской партии. Своеобразными рабочими органами комиссий на предприятиях были фабзавкомы, в большинстве своем контролировавшиеся большевиками. С этой стороны трудно было ожидать каких-то неприятностей, хотя они все-таки иногда бывали. Так, на июньских (1918 г.) выборах в Петросовет рабочие Обуховского завода и «Арсенала» приняли резолюции, подготовленные мелкобуржуазными демократами²⁵.

Вмешивалась власть и в порядок проведения голосования. Так как четко установленного правила — тайная или открытая формы голосования — не было, избирательные комиссии ратовали за последнюю. Расчет был прост: не каждый осмелится открыто, публично выступить против намеченных властью кандидатов. Но, даже прорвавшись через эти рогатки, новоиспеченный депутат не мог чувствовать себя уверенно. Избиратели имели право отозвать его. Сам по себе этот принцип оправдан и действен, если депутата подобным образом наказывают за бездеятельность или невыполнение предвыборных обещаний. Однако в Петрограде в годы Гражданской войны неоднократно проводились перевыборы, а центральная мандатная комиссия не регистрировала депутата, если он стоял «далеко от платформы советской власти»²⁶. Подобные факты также свидетельствовали о постепенном формировании целой системы отбора представителей, полезных и удобных правящей партии.

Меры предупредительного характера пришлось принимать в связи с предвыборной кампанией, развернувшейся в городе в июне 1918 г., и ее результатами. Это были первые и самые многопартийные выборы в Петросовет после Октябрьского восстания. Участие в них приняли представители 10 политических партий, в том числе меньшевики и правые эсеры — основные и наиболее сильные оппоненты большевиков. Правда, ВЦИК 14 июня 1918 г. предложил всем Советам удалить их из руководящих государственных органов, но в Петрограде этой рекомендации не последовали. Главный вопрос, который развел крупнейшие политические партии по полюсам в предвыборной борьбе, формулировался просто: Советы или Учредительное собрание. Лозунг «Вся власть Советам!» поддерживали кроме большевиков левые эсеры, и в этом отношении обе партии выступали как союзники, но своих кандидатов они проводили отдельно. По другим вопросам (Брестский мир, комбеды, продотряды и пр.) согласия у них не было. Меньшевики и правые эсеры объединились вокруг лозунга «Вся власть Учредительному собранию!», на местах же, как они считали, управление должно принадлежать органам самоуправления.

Вокруг этих лозунгов и развернулась основная агитационная борьба политических противников. Заочная дуэль на страницах «Петроградской правды», «Красной газеты», «Дела народа», «Нового луча» перетекала в очную на митингах, где выступали ораторы от разных партий. Для большего проникновения в умы и сердца потенциальных избирателей были призваны на помощь даже самодеятельные поэты, и на газетных полосах нередко появлялись вирши, литературное несовершенство которых вполне уравновешивалось злободневностью темы:

Кто желает под японцев?..
И свободу свести на нет? —
Выбирают оборонцев
В обновленный наш Совет.
Пусть слова их знойно-пылки,
Сторонись лгунов, народ;
Кто ведет вас к Учредилке,
Тот к царизму вас ведет!²⁷

Предвыборной борьбой со стороны большевиков, как ни странно, руководил не ПК. Его вклад был скромнен — в комиссию по организации выборов вошел член ПК К.Г. Аршавский, да от имени комитета часть петроградских газет опубликовала «Наказ депутатам в Совет». Набор пунктов наказа был стандартным для того периода: отстаивать власть Советов, законы о земле и рабочем контроле, бороться с врагами трудового народа, спекулянтами и мародерами, подавлять контрреволюцию. Интерес вызывает, пожалуй, последний шестой пункт: «Требовать от всякого меньшинства в новом Совете безусловного подчинения решениям, принятым большинством представителей трудового народа»²⁸. Судя по тексту, большевики были вполне уверены в своей победе и заранее пытались погасить фракционную борьбу узаконением одного из принципов демократического централизма.

Руководство предвыборной кампанией, как признавал член ПК К.И. Шелавин, «оставалось в руках исполнительного комитета Петроградского Совета, неизмеримо более сильного прежде всего по составу своих работников. И в избирательной кампании постоянно мелькают имена тогдашних советских вождей — Г.Е. Евдокимова, М.М. Лашевича, А.В. Луначарского, М.М. Володарского и других...»²⁹ Непосредственной практической работой по организации и проведению выборов занимались районные комитеты партии большевиков и районные Советы.

Упорная борьба за депутатские места в Петросовете вкуче с избирательными ухищрениями принесла победу большевикам. Другие партии провели лишь 184 кандидатуры (из них 102 — левые эсеры, союзники большевиков) из 1147³⁰. Наибольшее количество голосов меньшевики и правые эсеры получили на собраниях фабрично-заводских рабочих и служащих, железнодорожников, профсоюзов. После выборов депутаты Петросовета от фракций меньшевиков, эсеров и беспартийных приняли декларацию о злоупотреблениях большевиков во время перевыборов. Они требовали ликвидации двойного, тройного и четверного представительства рабочих, исключения из Совета «мертвых душ» в виде представителей от завкомов неработающих предприятий, соблюдения гарантии действительно демократических выборов и т. п.³¹, однако никакой реакции на их выступление не последовало.

К следующим выборам, проходившим в декабре 1918 г., большевики изменили тактику. Хотя меньшевики и правые эсеры вновь выставили свои партийные списки, такого размаха агитации со стороны правящей партии, как это было летом, не наблюдалось. Агитаторы — посланцы партии большевиков и советских органов — выступали избирательно, обращая внимание в основном на те предприятия и учреждения, где существенно изменился состав работников или отмечалась активность демократических партий. Даже в «Наказе» ПК лишь один пункт из пяти нацеливал на борьбу против мелкобуржуазных социалистов. Впоследствии эта тема вообще исчезла из коммунистических напутствий будущим депутатам. Изменилась (и до конца 1920 г. оставалась неизменной) тактика меньшевиков и правых эсеров. По-прежнему критикуя политику большевиков, они уже не занимались открытой антисоветской агитацией. Впрочем, для агитации у них оставались только митинги и собрания, ибо их газеты были закрыты. К тому же среди правых эсеров произошел раскол, что не способствовало проведению успешной для них предвыборной кампании. Еще одним барьером, прежде всего для оппозиционных партий, стало правило, действовавшее при пере выборах Совета с декабря 1918 г.: «От политических партий в Совете могут иметь представительство только те партии, которые будут иметь не меньше 50 делегатов, избранных от рабочих и красноармейцев. Такие политические партии имеют право выбрать в Совет по 1 человеку на каждые 50 выбранных делегатов»³². В результате этих и некоторых других причин в новом Совете меньшевики получили 5 мест, правые эсеры — 1, левые — 8. Подавляющее большинство в Петросовете, насчитывавшем более 1660 депутатов, вновь осталось за большевиками³³.

Выборы в городской Совет в декабре 1918 г. не сопровождались выборами в районные Советы. По зимнему (декабрьскому) варианту Устава Петроградской трудовой коммуны райсоветы формировались из депутатов Петросовета от данного района. «Такой порядок их создания значительно суживал круг <...> депутатов, избранных непосредственно на рабочих собраниях», — справедливо замечает М.Н. Потехин³⁴. В 1919 г. любые даже слабые попытки райсоветов проявить свою власть встречали

сопротивление Петросовета, а 3 сентября его исполком принял постановление, которое фактически ликвидировало районные Советы. Райисполкомы не имели права вмешиваться в деятельность своих отделов, отныне подчиняющихся соответствующим отделам Петросовета. Более того, служащие райсоветов могли менять работу или должность только с разрешения президиума Петросовета. Райсоветы превратились, по сути дела, в территориальные секции горсовета. Подобная централизация противоречила в корне тем принципам демократии, которые провозглашали большевики, но была на руку верхушке городского советского руководства, позволяя ей избегать возможных (даже теоретически) проявлений непослушания со стороны районов.

Опыт первых двух избирательных кампаний был обобщен в специальной инструкции о выборах в Петроградский Совет, опубликованной в конце июня 1919 г., накануне новых выборов. Отметим, что списки кандидатов в депутаты, выдвинутых коллективами работников, передавались в фабзавкомы или правление профсоюза, красноармейцами — в военную секцию райсовета. Учитывая главенство коммунистов в большинстве завкомов и союзов, нетрудно догадаться, что уже на этом этапе представителям демократических партий приходилось нелегко. Новый отряд избирателей — домохозяйки — тоже был поставлен под контроль. Обязательность предоставления ими в домовый комитет бедноты сведений «об общественном и семейном положении» означала на практике возможность отбора и отсева голосующих. Выборы среди них проходили на митингах, для чего каждый городской район разбивался на 4–5 участков. Значительно усилилась агитационная работа. Впервые и единственный раз за годы Гражданской войны была применена такая форма агитации, как посещение квартир потенциальных избирателей. Предполагалось также проводить агитацию в чайных и столовых, трамваях и очередях. На районных конференциях-митингах, на предвыборных собраниях звучали голоса большевистского и советского руководства. Такое пристальное внимание к избирателям объяснялось в немалой степени напряженным военным и продовольственным положением Петрограда. Особое беспокойство, в частности, доставил Обуховский завод, где коммунистические лозунги, сведенные

в «Наказ», были одобрены лишь незначительным большинством рабочих и служащих. На «Арсенале» «Наказ» коммунистов не прошел. Но в целом картина выборов оказалась успешной для большевиков, может быть, даже лучше, чем они сами могли ожидать.

Итоговые результаты, приводимые разными авторами, отличаются друг от друга. По одним данным, из 1750 депутатов было примерно 300 беспартийных, 2 анархиста и 3 представителя группы «Единство», которая через год вошла в РКП(б). Остальные числили себя коммунистами³⁵. По другим сведениям, из 1836 депутатов насчитывалось 338 беспартийных, 248 не указали своей партийной принадлежности и всего 1 (!) являлся левым эсером³⁶. Такого политического единообразия не было в Совете ни раньше, ни позже за весь период Гражданской войны. Связано это, на наш взгляд, с целым комплексом причин. О некоторых из них уже говорилось. Добавим еще несколько. Во-первых, за две недели до начала избирательной кампании, в момент обострения военной обстановки под Петроградом, в городе были проведены «повальные обыски в буржуазных кварталах и массовые аресты контрреволюционеров». Во-вторых, усиление активности меньшевиков и эсеров весной 1919 г. в связи с ухудшением продовольственного положения в городе обернулось против них репрессиями со стороны правящей партии.³⁷ В-третьих, учитывая эти два обстоятельства, можно допустить, что часть оппозиционеров баллотировалась как беспартийные.

За последующие полтора года петроградцы еще дважды отдавали свои голоса за депутатов Совета V созыва (в декабре 1919 г.) и VI созыва (в июне 1920 г.). К этому времени военная ситуация под Петроградом заметно улучшилась. Осеннее наступление войск генерала Н.Н. Юденича на город закончилось неудачей. Хотя продовольственное положение по-прежнему оставалось тяжелым, «играть» на нем становилось все труднее; ибо демократические партии уже давно не представляли собой организационно сплоченные группы. Все же их представительство в последующих двух Советах увеличилось. В декабре 1919 г. в Петросовет прошли 10 членов Меньшинства партии социалистов-революционеров (эсеров меньшинства), 2 меньшевика, один левый эсер и 4 представителя более мелких политических групп. Через полгода ряды

демократов расширились с 17 до 24 человек: 17 эсеров меньшинства, 5 меньшевиков и 2 представителя от других антибольшевистских партий. Но на фоне всевозрастающего общего количества депутатов Петросовета (в Совете V созыва — 2022, VI — 2214 человек)³⁸ их роль сводилась в основном к редкому сотрясению воздуха при выступлениях на пленумах Совета. Поддержки при этом от основной части депутатов, особенно в конце Гражданской войны, оппозиционеры не получали. Анархистку Эмму Голдман, прибывшую в Петроград из США, поразила картина, которую она наблюдала на одном из заседаний Петросовета в 1920 г. «Меньшевик попросил слова. Немедленно начался ад крошечный. Крики „Предатель!“ „Колчак!“, „Контрреволюционер!“ понеслись со всех частей толпы и даже с трибуны. Это выглядело для меня как недостойный поступок для революционного собрания», — вспоминала она.³⁹

В исполнительные органы, действительно руководившие городом, к этому времени входили только большевики. Даже беспартийные сюда не допускались, хотя в самом Совете они составляли к осени 1920 г. почти четверть депутатского корпуса (годом двумя раньше их насчитывалось менее одной пятой). Увеличение доли беспартийных обычно объясняется сознательным привлечением коммунистами широких слоев внепартийных трудящихся к управлению государством и расширением контингента избирателей. Объяснение логичное, но вряд ли единственное. Вполне вероятно, что, выбирая беспартийного депутата, некоторые горожане тем самым выражали протест против политики коммунистической верхушки.

Конечно, подобный способ сопротивления правящей партии не был широко распространен. Чаще недовольство выражалось простым уклонением от участия в выборах. Размеры его были значительными. В декабре 1919 г. в выборах участвовали 279 000 избирателей из 480 000 (58 %), в июле 1920 — 296 600 из 562 400 человек (52,7 %). Хотя А.В. Гоголевский, приводя эти данные, указывает, что они условны, думается, все же они не столь далеки от действительных. И впоследствии активность избирателей не была высокой: в 1922 г. — 41,2 %, в 1923 — 54,9 %⁴⁰. «Голосовала ногами» не только неорганизованная публика в лице

интеллигентов, домохозяек и им подобных, но и рабочие, и служащие крупных и мелких предприятий. Костер революционного энтузиазма не мог гореть вечно. На первое место выходили прозаические причины: тяжелое продовольственное и вообще материальное положение, усталость от обилия обещаний, которые не выполнялись, видимое невооруженным глазом расслоение на «массу» и начальство, усиливающееся с каждым годом. Кроме того, среди городских жителей было немало и тех, кто старался самоустраниться от политических страстей, придерживаясь известной поговорки: «Моя хата с краю...».

Сделать это было не всегда легко. Волеизъявление горожан выражалось не индивидуально на избирательных участках, а коллективным открытым (как правило) голосованием на избирательных собраниях, проводимых на заводе, фабрике, в учреждении. В таких условиях выступать против власти решался далеко не каждый, поэтому многие предпочитали просто не ходить на собрания. Примеров тому много. Власть пыталась воздействовать на несознательных и агитацией, и наказаниями. Например, в декабре 1918 г. служащих одной из районных продовольственных управ предупредили, что в случае неявки на подобное собрание их оштрафуют в размере однодневного заработка⁴¹. Видимо, и эти меры оказались не вполне эффективными. Авторы новой инструкции по выборам в Петросовет (июль 1919 г.) нашли оригинальный выход, предложив определять количество выдвигаемых депутатов, исходя из численности работающих на данном предприятии или в учреждении, а не только присутствующих на избирательном собрании. Отныне любое собрание было правомочным, и теоретически число присутствующих на нем могло оказаться меньшим, чем количество выдвигаемых ими депутатов. Конечно, существовала опасность проведения в депутаты лиц, неугодных новому режиму. Но, учитывая весь комплекс предохранительных мер, о которых уже говорилось, такая вероятность была невелика, что подтверждается и приведенной ранее статистикой.

Что же характеризовало деятельность Петроградского Совета? Насколько весомым был его вклад в городскую политику, в выработку курса новой жизни? Как уже отмечалось, первоначально Совет занимался в основном общероссийскими, в том

числе и внешнеполитическими проблемами. С ноября 1917 г. по март 1918 г. не менее семи раз на заседаниях обсуждался вопрос о мире с Германией. Его сложность предопределила не только бурное обсуждение, в котором приняли участие вернувшиеся в двадцатых числа января в Совет меньшевики и эсеры, но и противоречивость решений. От признания необходимости мира в декабре 1917 г. большинство депутатов через одобрение разрыва переговоров пришли к ратификации мирного договора в начале марта 1918 г. Ленин, выступавший за мир, был чрезвычайно доволен этой развязкой событий. Он часто рассматривал Петросовет не столько как городской орган власти, сколько как некий образец для остальных Советов России. Когда возникла идея создания новой социалистической армии, Ленин, по свидетельству Н.И. Подвойского, отказался выпустить соответствующий декрет СНК до обсуждения этого вопроса на заседании Петроградского Совета, объяснив, что надо действовать демократически, через Советы⁴².

Участие Петросовета в обсуждении общероссийских проблем, будь то судьба Учредительного собрания, национализация банков, формирование новых судебных органов и т. д., продолжалось до тех пор, пока в Петрограде находилась центральная власть. С перемещением ее в Москву в марте 1918 г. Совет переключился на более узкие региональные и городские проблемы. Но необходимость заниматься ими хотя бы частично возникла уже с начала декабря 1917 г. после ликвидации ВРК. Борьба с винными погромами и очистка города от снега, безработица и продовольствие, транспортный и жилищный вопросы — с этим депутатам пришлось столкнуться в первые же недели и месяцы правления новой власти. Некоторые из этих вопросов и впоследствии не раз значились в повестках дня заседаний Петросовета. Правда, частотность появления была разной. Продовольственные проблемы депутаты чаще решали в 1918 г., точнее даже в мае и августе, когда продовольственный кризис принял наиболее острую форму. В 1919 и 1920 гг. о продовольствии говорили больше в связи с работой столовых и развитием огородничества, хотя ситуация если и улучшилась, то не настолько, чтобы ее не нужно было обсуждать. Осенью 1919 — весной 1920 г. депутаты

занимались решением топливной проблемы. Военная ситуация под Петроградом к этому времени значительно улучшилась, промышленность начала оживать, и снабжение ее топливом стало первостепенным делом. О самой промышленности разговор шел тоже главным образом в 1920 г., а вот вопрос о партиях, оппозиционных большевикам, в это время на пленумах Петросовета уже не поднимался. Начав еще в 1917 г. с характеристики кадетов как «врагов народа», одоббив разоружение анархистских отрядов весной 1918 г., депутаты проявили некоторые сомнения лишь в отношении левых эсеров. Несмотря на рекомендации центра об удалении их из властных органов в связи с мятежом 6 июля 1918 г., Петросовет почти год пытался «отделить овец от козлищ»: исключить из своих рядов тех, кто поддержал июльский «мятеж», и оставить тех, кто не согласился с линией ЦК левоэсеровской партии. Однако поддержка левыми эсерами сначала выступления моряков 2-го флотского экипажа в октябре 1918 г., а затем «волынок» на предприятиях города в марте 1919 г. переполнила чашу терпения большинства депутатов и Петроградской ЧК. В декабре 1919 г., как уже указывалось, в Совет был избран всего один левый эсер, в 1920 г. — ни одного. Зато представителей партии эсеров меньшинства после июньских выборов 1920 г. в Петросовет прибавилось по сравнению с выборами в декабре 1919 г.: с 10 до 17 депутатов. Их деятельность, по-видимому, не обсуждалась на пленумах Совета, хотя фракция эсеров меньшинства в феврале 1920 г. обратилась к депутатам со специальной декларацией, в которой изложила свои взгляды на дальнейшее переустройство общества. Шестистраничный машинописный документ заканчивался уверенностью, что «Петроградский Совет, несмотря на почти исключительно коммунистический его состав, <...> не с узкой партийной, а с классово-революционной и социалистической точки зрения придет к правильным и глубоко продуманным ответственным решениям <...> и даст рабочим и крестьянам полноту творчества трудовой жизни»⁴³. Дискуссии, увы, не получились. На третий день после поступления в канцелярию исполкома Петросовета декларация перекочевала в ПК. Депутаты, видимо, о ней так и не узнали. Более того, вскоре эсеры меньшинства, обвиненные ПК в противодействии большевистской внешней политике

и организации забастовки на Александровском заводе, стали преследоваться петроградскими чекистами⁴⁴.

Вытесняя политических соперников из Совета, большевики тем самым укрепляли в нем свое положение. Имя уже летом 1918 г. более половины мест в высшем городском органе власти, к концу 1920 г. они получили здесь более двух третей. Учитывая, что в исполнительные органы после весенних событий 1919 г. входили только коммунисты, вывод напрашивается сам собой: господство большевиков в советских органах было безраздельным и непоколебимым. В других губернских городах ситуация была сходной.

К такому результату партия большевиков шла вполне осознанно и целеустремленно. Провозгласив Советы политической властью, она тем не менее рассматривала именно самоё себя как руководящую силу и не скрывала этого. «Пока управлять будет правящая партия, — подчеркивал Ленин, — пока эта партия должна решать все вопросы о разных назначениях, вы не допустите, чтобы важнейшие государственные назначения делала не руководящая партия»⁴⁵. Левые эсеры, единственные и временные союзники большевиков, нечасто получали ведущие посты как в центре, так и на местах.

Характерной особенностью первых послеоктябрьских месяцев стал отлив большевистских сил из партийных организаций в советские. Не был исключением и Петроград. «В советский аппарат с головой уходит вся руководящая часть партии... — писал об этом периоде Зиновьев в одной из статей 1921 г. — Основной задачей в то время является создание нового государственного аппарата на пепелище старого строя... Чисто партийная работа на время как бы ослабевает»⁴⁶. Его слова перекликаются с воспоминаниями Шелавина о работе ПК в марте — начале июня 1918 г.: «Тогдашний исполнительный комитет Петроградского Совета во многих случаях, а в особенности в продовольственном деле, заменял собою Петербургский комитет РКП(б)»⁴⁷.

Но уже с весны 1918 г. начался обратный процесс «назад в партию», усилившийся со второй половины того же года. Советы оказались заражены бюрократизмом и волокитой, отчуждением от масс и чиновничьим чванством — «закомиссарились», как объяснял Зиновьев в той же статье. Лишь партия, по его мнению, могла «исправить ошибки, наладить работу, перетряхнуть аппараты и

людей, учесть богатый опыт, помочь рабочим учиться управлять государством»⁴⁸. Вряд ли эту причину можно считать действительной для процесса «назад в партию», поскольку и партия не была свободна от этих отрицательных явлений. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов считал, что после ратификации Брестского мирного договора советы как власть были ограничены в некоторых действиях, которые «возможно проводить через партию»⁴⁹. Отметим также, что, как нам представляется, изменение тактики вызывалось не в последнюю очередь и стремлением удержать власть. Натолкнувшись поначалу на сопротивление в советах, большевистское руководство решило построить собственную — партийную — ветвь власти. Кроме того, переход к советам экономических, культурно-бытовых вопросов от прежних органов управления как бы «растворял» политическую функцию советов среди других. И с этой стороны большевикам было удобно забрать реальную политическую власть, оставив ее — номинально — в ведении советов.

Однако в самом Петрограде партийные структуры не раз сталкивались с мощным сопротивлением со стороны советских органов, когда пытались «исправить ошибки» и «помочь рабочим учиться управлять государством». После июльского левозсеровского мятежа Петросовет ослушался не только рекомендаций ВЦИК, но и постановления ПК, решившего переизбрать всех левых эсеров — членов городского и районных Советов. Фракция левых эсеров продолжила свою работу, а часть их вошла, как было уже сказано, в состав исполкома. Июль еще не кончился, как между ПК и исполкомом возник новый конфликт, в котором обе стороны пытались выяснить, кому из них принадлежит право отпускать из Петрограда партийных работников⁵⁰. Избавлению от постоянных скандалов не помогли ни переезд ПК в августе 1918 г. из дома № 48 по Литейному проспекту в Смольный, по соседству с Советом, ни вхождение в состав ПК в сентябре того же года ряда руководящих работников исполкома Петросовета. К этому времени вопрос о взаимоотношениях между партией большевиков и местными Советами встал и в других губерниях России и, имея принципиальное значение, должен был решаться не на местном, а на общероссийском уровне. Но идею — обсудить проблему «партия и Советы» на предстоящем съезде РКП(б) — выдвинули петроградцы. Непосредственным поводом к этому

стали еще два конфликта, переполнившие чашу терпения партийных функционеров.

17 января 1919 г. на заседании Северного областного комитета (СОК) РКП(б) Е.Д. Стасова сообщила, что нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский неправильно информировал Ленина о мобилизации, проводившейся в Детском Селе, чем вызвал гневную ленинскую телеграмму в адрес СОК, наполненную ложными обвинениями. Постановив призвать Луначарского «к порядку за нарушение партийной дисциплины», члены комитета решили настаивать перед ЦК РКП(б) на скорейшем созыве съезда партии⁵¹. Через две недели на заседании СОК проблема «партия — Советы» вновь стала предметом обсуждения. Теперь речь шла о конфликте между СОК и комиссаром по внутренним делам СКСО С.Н. Равич, которая без согласования с партийными органами выдала мандаты, предоставлявшие следователям чрезвычайные полномочия. Равич также была «призвана к порядку», а члены СОК решили проводить на будущем партийном съезде идею о верховенстве партии над Советами. Советская верхушка города также не осталась в долгу. Зиновьев опубликовал в «Петроградской правде», членом редколлегии которой он являлся, статью, где осуждалось поведение СОК и высмеивались его постановления. Одновременно Совет комиссаров СКСО потребовал от СОК, чтобы в тех случаях, когда у последнего «возникает недовольство деятельностью того или другого комиссара», он предварительно обращался бы в Совет комиссаров⁵². Позицию СОК поддержал ПК. Дискуссия перекинулась на страницы петроградских газет и в районные организации. Тезисы ПК, основная идея которых выражалась формулой: «Руководить деятельностью Советов, но не заменять их»⁵³, легли в основу соответствующего решения, принятого VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г.

Увы, формулировка осталась лишь лозунгом. На том же партийном съезде Ленин заявил, ссылаясь на низкий культурный уровень населения России, что «Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой отряд пролетариата»⁵⁴, т. е. через партию большевиков. Это была, по справедливому замечанию видного отечественного историка

И.В. Волобуева, коренная перемена взглядов на Советы. Отныне центром политической системы становились не они, а большевистская партия, использующая Советы в качестве рычага⁵⁵. И хотя вопрос о разделении полномочий будоражил умы функционеров и на последующих советских и партийных съездах и конференциях, на деле монополия партии укреплялась.

Петроград к этому времени тоже не стал исключением из общего правила. Когда летом 1919 г. все 6 членов президиума Петросовета во главе с Зиновьевым вошли в состав ПК⁵⁶, исчез последний личностный повод для возникновения конфликтов между партийными и советскими органами города. Раздражающая «наместника Петрограда» ситуация, при которой он — член Петроградского бюро ЦК РКП(б) с марта 1918 по март 1919 г. — не являлся членом городского комитета партии, наконец-то изменилась.

Петроградский Совет все больше и больше превращался в марионетку, нити управления которой находились в руках даже не всей партийной организации города, а группы ее представителей, практически несменяемых и к тому же занимающих ключевые посты и в советских органах. Формирование Петросовета, и ранее проводившееся с удобных для коммунистов позиций, отныне полностью перешло к ним. Вот несколько примеров. 12 июля 1919 г. ПК, обсудив итоги только что прошедших выборов в Совет, которые принесли победу большевикам, тем не менее решил дополнить состав Совета 12 коммунистами от политуправления Петроградского военного округа и 14 представителями от райкомов⁵⁷. В 1920 г. партийный контроль стал воистину всеобъемлющим. В июне ПК устанавливает сроки перевыборов Петросовета, а бюро ПК формирует состав центральной избирательной комиссии⁵⁸. На первом заседании объединенного губкома 5 июля были избраны персонально председатель Петросовета и его секретарь, секретарь и члены исполкома, члены большого президиума, т. е. все руководящее ядро. Депутатам оставалось лишь утвердить этот список. Примечательно, что из 19 членов и кандидатов в члены большого президиума исполкома по крайней мере 15 (80 %) являлись членами губкома партии или его кандидатами⁵⁹. Именно они и вершили судьбу города в последний год Гражданской войны.

На верхних этажах управленческой пирамиды

Многочисленность депутатов превращала Петросовет в достаточно громоздкий и неповоротливый орган, что с самого начала привело к повышению роли исполнительных структур. На фоне активно вмешивающейся в жизнь Петрограда центральной власти эти структуры выглядели поначалу блекло, но положение стало меняться с марта 1918 г.

Поздно ночью 10 марта со станции Цветочный пост, расположенной около Заставской улицы за Московскими воротами, отошел специальный поезд № 4001. Советское правительство отбывало в Москву. «Период Смольного» кончился, начиналась «эра Кремля». 12 марта петроградские газеты опубликовали пространное сообщение. Из него горожане узнали, что исполком Петросовета «установил местный орган власти, который будет управлять Петроградской трудовой коммуной под контролем и руководством Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Совет народных комиссаров — так он назывался — должен был приступить к работе после утверждения его персонального состава Петросоветом в тот же день. Исполком Совета предлагал на обсуждение и одобрение депутатам следующие кандидатуры: председатель СНК — Г.Е. Зиновьев, комиссары: провещения — А.В. Луначарский, финансов — В.Р. Менжинский, городского хозяйства — М.И. Калинин, продовольствия — М.М. Лашевич, юстиции — П.И. Стучка, Совета народного хозяйства — В.М. Молотов, социальной помощи — А.А. Иоффе, по Петроградскому военному округу — И.Т. Смилга, транспорта — М.К. Владимиров, советской печати, агитации и пропаганды — В. Володарский.

Вместе с СНК ПТК был сформирован ВРК, получивший «чрезвычайные полномочия для охраны революционного порядка в Петрограде и защиты его от внешнего врага»⁶⁰. Вся деятельность ВРК, руководимого Л.Д. Троцким, ограничилась несколькими жесткими заявлениями. Поскольку Троцкий воспротивился вмешательству политических комиссаров в распоряжения военных специалистов, большинство Петроградского бюро ЦК большевиков настояло на смещении его с этого поста⁶¹. Как сообщило Петроградское телеграфное агентство, Троцкий был назначен 13 марта наркомом по военным делам и отбыл в новую столицу.

ВРК распался, а Петроградский СНК с благословения Петровета приступил к работе. Правда, слово «народных» из названия было сразу же изъято: уж слишком сильно смахивало название на центральный орган, возглавляемый Лениным. Тем не менее определенная перекличка с кремлевским СНК осталась, например, в функциональном делении комиссариатов. В течение второй половины марта–апреля 1918 г. к уже существующим прибавились комиссариаты внутренних дел (его возглавил М.С. Урицкий), иностранных дел (А.А. Иоффе), путей сообщения (А.Д. Нагловский), народного здоровья (Е.П. Первухин) и труда (В.В. Шмидт)⁶².

Название «Петроградская трудовая коммуна» было навеяно романтической историей Парижской Коммуны, пример которой оказал сильнейшее влияние на всю деятельность руководства большевистской партии. Применительно к Петрограду это выражение встречается на страницах печати и в выступлениях большевистских лидеров уже с января 1918 г. Вполне логично, что впоследствии оно было закреплено официально. Возможно, тем самым, как пишет М.Н. Потехин, Зиновьев и его сторонники стремились возвеличить свою власть и противопоставить себя ленинскому совнаркому⁶³. Но стоит, на наш взгляд, учитывать и дух революционной романтики, присущий многим большевикам в первый период революции.

Как бы то ни было, появление Совета комиссаров не только не упорядочило структуру власти и управления в Петрограде, но вконец ее запутало. 18 марта «Красная газета» довела до сведения горожан, что Петроградский Совет остается «верховным

органом местной власти» и сообразует свою работу с постановлениями ВЦИК и СНК России. Остается и исполком Петросовета, заменяющий Совет «во всех случаях, не терпящих отлагательства». Новообразованный орган — Совет комиссаров — непосредственно осуществляет местную власть, неся ответственность и перед Советом, и в ряде случаев перед его исполкомом. Комиссариаты, включив в себя соответствующие отделы Петросовета, «объединяют в своих руках все отдельные отрасли местной работы». Их руководство, кстати, простиралось и на местные органы центральных российских комиссариатов.

Громоздкость и путанность структуры очевидны. При наличии исполкома Петросовета Совет комиссаров выглядел совершенно ненужным звеном. Но дробление на этом не заканчивалось. Совет комиссаров, в свою очередь, делился на большой и малый. На заседаниях первого рассматривались наиболее принципиальные вопросы, второго — текущие проблемы. Наконец, существовал еще и президиум Совета комиссаров. Подобная пирамидальная структура копировала полностью построение центральных органов управления. С чем это было связано? Можно видеть в этом своеобразное стремление Зиновьева стать «Лениным петроградского масштаба». Возможно, в последующем Совет комиссаров заменил бы полностью исполком Петросовета. Но при этом следует все-таки учитывать общую теоретическую неразработанность проблемы государственных и местных органов власти и управления. Весной 1918 г. Совнаркомы существовали в Московской, Курской, Астраханской, Бакинской губерниях, Казанской республике и других местностях. В Иркутске были образованы три совнаркома: городской, уездный и сибирский⁶⁴.

Многообразие руководящих и исполнительных органов, вполне могущее запутать рядового петроградца 1918 г., современного читателя или исследователя-правоведа, не усложняло деятельности власть имущих в Северной столице в то время. Большинство из них являлось членами почти всех перечисленных выше органов. Зиновьев одновременно входил в состав президиума, большого и малого Советов комиссаров, являлся его председателем и председателем исполкома Петросовета и, естественно, членом Петроградского Совета. Все комиссары тоже были членами

Совета и его исполкома. «На заседаниях исполнительного комитета и Совета комиссаров зачастую рассматривались сходные вопросы», — замечает А.В. Гоголевский⁶⁵. А в протоколах мелькают одни и те же фамилии: Г.Е. Зиновьев, И.П. Бакаев, С.И. Гусев, А.А. Копяткевич, М.М. Лашевич, М.С. Урицкий, З.И. Лилина... Они и еще несколько человек, стоявших на верхних этажах управленческой пирамиды, определяли политику в Петрограде.

Пока горожане привыкали к новым, весьма звучным названиям руководящих органов Петрограда, ситуация вновь резко изменилась. В конце апреля в городе на Неве собрался 1-й съезд (после Октября 1917 г.) Советов Северной области. (Строго говоря, первым считался съезд Советов Северной области, проходивший в Петрограде в середине октября 1917 г.) Подавляющее большинство делегатов из Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской и Псковской губерний поддержали идею создания Союза коммун Северной области (СКСО)⁶⁶. Они избрали Совет комиссаров СКСО, во главе которого встал Зиновьев. Совет комиссаров управлял деятельностью 16 комиссариатов, либо созданных на базе комиссариатов Петроградской трудовой коммуны, либо вновь образованных (национальностей, земледелия, почт и телеграфов, государственного контроля). Схема построения высших органов СКСО копировала структуру общероссийских советских органов.

Наряду с главами новых комиссариатов в Совет комиссаров СКСО вошел весь Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны. Бывшие городские комиссары, отвечавшие теперь за судьбу Северной области, лишь сменили таблички на дверях своих кабинетов и распорядились заказать новые штампы и печати. Руководство областью, как и раньше городом, сосредоточилось в Смольном. Комиссары подчинялись областному центральному исполнительному комитету, председателем которого был тот же Зиновьев, подотчетному областному съезду Советов — высшему органу власти Северной области.

Создание СКСО еще больше усложнило порядок управления городом. Стремление авторов двух Уставов Петроградской трудовой коммуны (первый был составлен в Совете комиссаров СКСО в мае 1918 г., второй принят Петроградским Советом 29 декабря

того же года) упорядочить иерархию власти только подтверждает это. По весеннему варианту Устава высшая власть в городе по-прежнему принадлежала Петросовету, исполнительным органом которого являлся исполком. Восстанавливались отделы Петросовета, подчинявшиеся и городскому Совету, и областным комиссариатам. Сам Петроградский Совет также должен был исполнять распоряжения не только ВЦИК и СНК РСФСР, что соответствовало Конституции 1918 г., но и областного правительства. Зимний вариант Устава еще больше усиливал эту зависимость от областной власти: городской Совет обязывался согласовывать свои постановления с решением органов СКСО. Вместо отделов Петросовета предлагалось создать уже городские отделы областных комиссариатов, т. е. Петроградский Совет лишался теперь и своей опоры. Все же областные комиссариаты, располагавшиеся в Петрограде, часто решали и городские проблемы. Нередко даже многие губернии, входившие в Северную область, оказывались обделенными их вниманием.

Но выдержать полностью эту чрезвычайно усложненную структуру не удалось. Жизнь вносила свои коррективы. В частности, наряду с областным комиссариатом по продовольствию в Петрограде с мая 1918 г. действовал и городской — Петрокомпрод, возглавляемый сначала К.К. Стриевским, а затем А.Е. Бадаевым.

Существование СКСО было кратковременным и весьма неустойчивым. Трения между Москвой и Петроградом, возникшие по этому поводу сразу же после образования Северной области, не прекращались на протяжении всего 1918 г. А после того как в конце декабря того же года Вологодская губерния заявила о своем выходе из Союза коммун, СКСО стал распадаться. Третий съезд Советов Северной области, открывшийся в Петрограде 24 февраля 1919 г., признал «рациональным ликвидировать СКСО»⁶⁷. Правда, заседания Совета комиссаров продолжались еще до апреля, поскольку моментально перестроить структуру управления регионом было невозможно⁶⁸.

В Петрограде вновь взялись за переименование управленческого аппарата. Комиссары, ставшие заведующими отделами Петроградского Совета, снова начали менять печати, таблички и

штампы. Принцип организации отделов остался прежним — отраслевым. К осени 1919 г. число отделов достигло 15 и охватило почти все сферы городской жизни. Исключение составили лишь социальное обеспечение, связь (эти отделы были преобразованы из комиссариатов в конце 1919 и первой половине 1920 г.), национальные дела, агитация и пропаганда. Верхняя часть надстройки тоже изменилась. Состав исполкома Петросовета значительно расширился за счет представителей от большевистских, военных и комсомольских организаций. Членами исполкома являлись и заведующие отделами Совета. Естественно в полном, да и в неполном составе такой исполком часто собираться не мог (за первое полугодие 1920 г. состоялось 19 его заседаний), поэтому из состава исполкома был выделен президиум, а из последнего — малый президиум. Чиновничья пирамида сохранилась, уцелели в основном и уже знакомые петроградцам персоны: Зиновьев, Бакаев, Равич, Зорин, Бадаев и др.

Казалось бы, теперь — к середине 1920 г. — административные пертурбации закончились. Опытным путем была установлена, как тогда казалось коммунистическим лидерам, достаточная эффективность управленческой системы, основанной на централизации, пирамидальности, жестком вертикальном подчинении. Но Смольный не мог жить без потрясений: началось объединение губернских и городских советских и партийных органов. Импульс этим потрясениям был задан еще в период агонии СКСО — в январе 1919 г. Тогда административная комиссия СКСО выдвинула проект слияния аппаратов исполкома СКСО и Петроградского губисполкома. Против этого предложения выступили участники 2-й петроградской конференции РКП(б)⁶⁹. Тем не менее идея не была окончательно похоронена. Военные события под Петроградом весной и осенью 1919 г., неопределенная позиция Кремля по поводу объединения, сопротивление со стороны губернских чиновников лишь отодвинули ее на время. Возможно, дискуссия затянулась бы еще на продолжительное время, если бы не неожиданная помощь Москвы сторонникам объединения. В конце декабря 1919 г. сначала в «Известиях ВЦИК», затем в «Петроградской правде» был напечатан декрет ВЦИК «об упрощении» аппарата советской власти. Он предусматривал слияние

городских и губернских исполкомов в Москве и Петрограде. Спустя несколько дней выяснилось, что этот декрет является лишь проектом и, следовательно, не имеет силы закона, но колесо уже закрутилось. Странники объединения — члены президиума Петросовета, возглавляемые Зиновьевым — уже 2 января 1920 г. образовали комиссию для претворения своей идеи в жизнь⁷⁰.

Ошибка центральных властей (в которой, кстати, признался секретарь президиума ВЦИК А.С. Енукидзе на страницах «Известий ВЦИК» через два дня после опубликования проекта декрета и о которой членам губкома и губисполкома было известно) внесла разлад в ряды советских и партийных функционеров губернии. На объединенном заседании губернских исполкома и комитета РКП(б) 3 января 1920 г. председатель губисполкома П.Л. Пахомов заявил: «До сих пор в нашей среде сторонников объединения не было. В настоящее время положение значительно изменилось». «Губисполком власти фактически не имеет. <...> Влечит в дальнейшем жалкое существование не имеет смысла», — с грустью констатировал Н.А. Кубяк. «Светила города испепелят нас», — возражала ему М.Н. Мино. Все же сторонников самостоятельности на сей раз оказалось больше; в принятой резолюции было записано: «Считать нецелесообразным объединение»⁷¹.

Новая волна обсуждения поднялась весной, когда ВЦИК решил объединить губернский и городской советы народного хозяйства. По мнению Зиновьева, это неизбежно влекло за собой и «слияние губ- и горисполкомов и партийных организаций». Губерния еще пыталась не сдавать свои позиции, но колебания в рядах управленцев усилились. На заседании губкома РКП(б) было решено передать вопрос об объединении на суд ЦК партии. После этого предполагалось созвать губернскую партийную конференцию, объявить на ней решение ЦК и, естественно, подчиниться ему. Но развязка наступила быстрее, чем ее ожидали. 11 мая бюро губкома, большинство которого составляли противники объединения, опять высказалось за раздельное существование губернии и города. Но собравшиеся в этот же день члены губкома решили наоборот. Последние сомнения отпали после того, как 30 июня на совещании активных работников ПК Зиновьев заявил, что и ЦК высказался за объединение. При этом он

сослался на Н.Н. Крестинского. Правда, когда член бюро губкома Е.Д. Стасова позвонила в Москву Крестинскому, выяснилось, что он высказал лишь свое мнение в ответ на запрос Зиновьева. Впрочем, к этому времени ничего уже нельзя было изменить, ибо и последние защитники губернской свободы сдали свои позиции: город окончательно победил деревню. 5 июля губком собрался в новом составе, включавшем как губернских, так и городских партийных работников. На этом же заседании был определен численный состав губисполкома и избран персонально его большой президиум: Н.М. Анцелович, Г.Е. Евдокимов, П.И. Судаков, А.С. Куклин, И.П. Бакаев, М.А. Трилиссер, М.М. Лашевич, С.Н. Равич, С.С. Митрофанов, К.А. Юносов, Г.Е. Зиновьев, Михайлов. Одним из шести кандидатов в члены большого президиума стал С.С. Зорин — секретарь Петроградского губкома партии большевиков. На посту председателя Совета остался Зиновьев⁷².

Главными аргументами в пользу объединения городские власти выдвигали упрощенность структуры управления, сокращение штата чиновников и отсутствие в губернии опытных работников, могущих ею управлять. В действительности этим ожиданиям не удалось сбыться. Прежние губернские отделы влились в городские на правах подотделов, тем самым увеличив, а не уменьшив ряды управленцев. Состав губисполкома расширился с 40 до 53 человек, что не способствовало оперативности и гибкости в управлении. К тому же теперь он находился в тройном подчинении: российским властям (ВЦИК и СНК), губернскому съезду Советов и Петроградскому городскому Совету рабочих и красноармейских депутатов. В советском и коммунистическом аппаратах губернии высшие посты заняли работники городских структур. В новом губкоме их было в три раза больше, такое же соотношение наблюдалось и в большом президиуме Петросовета. «Светила города», как и предсказывала М.Н. Мино, вошедшая, кстати, в состав объединенного губкома, «испекли губернию».

На политическом олимпе: Григорий Зиновьев

Главной фигурой на политическом олимпе Петрограда времен Гражданской войны был, несомненно, Г.Е. Зиновьев. Влияние председателя Петросовета, председателя Совета комиссаров СКСО и прочих органов власти на жизнь в городе было столь велико, что некоторые мемуаристы небезосновательно называли его «диктатором» или «царьком». Имя Зиновьева каждодневно и не единожды встречалось на страницах петроградских газет. Его «огромный голос тенорового тембра, чрезвычайно звонкий»⁷³, звучал на митингах и собраниях, заседаниях и конференциях, которыми изобиловала жизнь революционного Петрограда. Порой обыватели могли лицезреть Зиновьева и при его передвижениях по городу. Язвительная З.Н. Гиппиус вспоминала: «Любопытно видеть, как „следует“ по стогнам града „начальник Северной коммуны“. Человек он жирный, белотелый, курчавый. На фотографиях, в газете, выходит необыкновенно похожим на пышную, старую тетку. Зимой и летом он без шапки. Когда едет в своем автомобиле — открытом, — то возвышается на коленях у двух красноармейцев. Это его личная охрана»⁷⁴.

На полноту Зиновьева обращали внимание многие мемуаристы. «Григорий Зиновьев, приехавший из эмиграции худым как жердь, так откормился и ожирел в голодные годы революции, что был даже прозван Ромовой бабкой», — замечал позднее Ю. Анненков⁷⁵. Обвинения Зиновьева в том, что он «ожирел на выжатых из голодного населения деньгах»⁷⁶, довольно часты среди его противников и в какой-то мере справедливы. Питание высших слоев партийной и советской номенклатуры заметно и в лучшую сторону отличалось от питания подавляющего большинства

населения города. Нелишне все же заметить, что с юности Зиновьев страдал болезнью сердца, которая давала предрасположенность к полноте. Болезнь помешала ему окончить Бернский университет, где он учился сначала на экономическом, затем на юридическом факультетах⁷⁷, но не помешала связать свою жизнь с большевистской партией.

К 1917 г. популярность Зиновьева среди партийного ядра была велика. Он все время шел вторым после Ленина: в апреле 1917 г. при выборах в ЦК кандидатуры Ленина и Зиновьева были приняты без обсуждения; в июле–августе на VI съезде РСДРП(б), опять же на выборах в ЦК, Зиновьев получил 132 голоса из 134, всего на один голос меньше, чем Ленин. Фамилиями Ленина и Зиновьева открывался список представителей большевиков в Учредительное собрание. Даже несогласие Зиновьева с курсом партии на вооруженное восстание и демонстративный выход в ноябре 1917 г. из состава ЦК не поколебали его позиций в партии. Ленин рекомендовал выдвинуть кандидатуру Зиновьева на пост председателя Петроградского Совета, и с 13 декабря 1917 г. в течение восьми с лишним лет Зиновьев был руководителем советских органов города. А «в марте 1918 года, когда Совнарком решил переезжать из Петрограда в Москву, Ленин заявил в Смольном, что хочет оставить Троцкого в Петрограде главой питерского Совнаркома, а Зиновьева взять с собой в Москву». Это утверждение А.Д. Нагловского, бывшего при Зиновьеве комиссаром путей сообщения, косвенно подтверждается упоминавшимся уже сообщением о создании в Петрограде 11 марта 1918 г. ВРК во главе с Троцким. Но питерская партийная верхушка поддержала Зиновьева, и Ленину пришлось с этим согласиться⁷⁸. Трудно сказать, насколько самому Зиновьеву понравился этот выбор. Ясно одно: масштаб обычного, заурядного города его не привлекал. Зиновьев был рьяным сторонником создания СКСО и долго сопротивлялся последующим указаниям Москвы о ликвидации Союза коммун. Потерпев поражение, он начал усиленно проводить в жизнь новый проект — объединение города и губернии — и добился успеха. Конечно, и образование СКСО, и слияние «города и деревни» нельзя сводить только к честолюбивым замыслам Зиновьева. Были и другие сторонники этих объединений, было,

во всяком случае на первом этапе образования СКСО, стремление к единению ряда губерний Северной области. Но амбициозность Зиновьева при осуществлении данных проектов также не стоит сбрасывать со счетов.

Будучи фактическим правителем города, он в то же время (по крайней мере до осени 1918 г.) ощущал себя и неким местоблюстителем центральных органов страны в Петрограде. Решение ВЦИК о переносе столицы Советской России в Москву, принятое в конце февраля 1918 г., было подтверждено постановлением IV Всероссийского съезда Советов 16 марта⁷⁹. Зиновьев, выступивший на съезде с докладом о переезде правительства, выразил надежду, что «перенесение столицы в Москву будет кратковременным»⁸⁰. Через несколько месяцев — уже на 2-м съезде Советов Северной области — он повторил свою мысль: «Петроград <...> до сих пор в значительной степени не потерял своих функций как столица <...> и будем надеяться, что в ближайшее время он сможет себе их вернуть и наша центральная власть первая будет рада реэвакуации сюда»⁸¹. Немного позже, в начале ноября, делегатам от Северной области, избранным на VI Всероссийский съезд Советов, был предложен написанный Зиновьевым проект резолюции, в которой утверждалась необходимость существования СКСО, «вплоть до того момента, когда Совет народных комиссаров и Всероссийский ЦИК смогут переехать в Петроград и Петроград вновь станет столицей советской России». Делегаты высказались за сохранение СКСО, но эту оговорку из проекта резолюции вычеркнули⁸².

Все же мысль об особенностях, о возвышении Петрограда, о соблюдении дореволюционной традиции двух столиц, но теперь уже в иной очередности, не покидала некоторых управленцев и впоследствии. Именно этим можно объяснить брошенную Зиновьевым на заседании ПК 12 января 1920 г. фразу: «Колчак пойман и будет, вероятно, привезен в Питер»⁸³. А в конце того же года заведующий отделом коммунального хозяйства Петросовета Л.М. Михайлов, радуя за строительство метрополитена в городе на Неве, подчеркивал, что появление метро повысит значение Петрограда «в ряду городов Республики»⁸⁴. Примечательны в этом же отношении приводимые отечественным историком

Н.Ю. Черепениной данные о содержании поднятых Зиновьевым в 1919–1922 гг. вопросов на Политбюро ЦК РКП(б): из 111 вопросов 39 были связаны с международными делами, 30 — с Петроградом и 26 — с общегосударственными проблемами⁸⁵. Петроград волновал его больше, чем всероссийские проблемы, и немногим меньше, чем внешнеполитическая ситуация.

Среди петроградских руководителей Зиновьев выделялся как хороший оратор. В этом он уступал, пожалуй, лишь признанному всеми «трибуну революции» В. Володарскому. Правда, в отличие от Володарского, Зиновьев не слишком часто выступал на митингах, но положительный эффект от его выступлений в первые месяцы пролетарской революции отмечали даже его будущие недруги. Бывший комиссар Нагловский признавал, что «в широких слоях партии и среди революционно настроенных рабочих Зиновьев пользовался тогда несомненно большим влиянием, и все его выступления проходили неизменно с шумным успехом»⁸⁶. Он же отмечал удивительную легкость речи оратора. О ясности и общедоступности мысли и гладком, легком стиле выступлений Зиновьева писал и Луначарский⁸⁷.

Но не всегда все проходило гладко. Когда период революционной эйфории сменился временем борьбы не только против внешних и внутренних врагов социализма, но и за собственное выживание, петроградцы не стали столь положительно откликаться на каждое слово своего «вождя». Например, по свидетельству Гиппиус, на конференции матросов и красноармейцев в 1919 г. речь Зиновьева вызвала противоположную ожидаемой реакцию. «Надежное собрание возмутилось, — пишет она. — „Коммунисты“ вдруг точно взбесились: полезли на Зиновьева с криками: „Долой войну! Долой комиссаров!“»⁸⁸

Будучи неплохим оратором, Зиновьев был довольно плодовитым публицистом. Его статьи нередко появлялись на страницах «Северной коммуны», «Петроградской правды», «Красной газеты». В списке авторов брошюр и книг, выпускаемых издательством Петросовета, он неизменно занимал верхние строчки. В каталоге книг, выпущенных этим издательством к концу 1919 г., указано, что из печати вышло 16 работ Зиновьева, печатаются две и еще две работы Зиновьев подготовил с Лениным и Луначарским.

У Ленина было опубликовано 5 работ и 4 находились в печати. За это же время у Троцкого вышли 3 книги и одна печаталась, у жены Зиновьева, З.И. Лилиной, — соответственно 2 и 3⁸⁹.

В этом же издательстве в конце 1919 г. готовились к выпуску портреты К. Маркса и Ленина, Троцкого, Зиновьева, Луначарского. В апреле того же года Кинематографический комитет в Петрограде издал открытки с портретами Зиновьева и председателя ВЦИК М.И. Калинина⁹⁰. Подобные мероприятия диктовались чисто агитационно-пропагандистскими требованиями момента и не вызывают удивления. Но порой стремление повысить популярность политического лидера достигалось методами, весьма сходными с теми, которые употребляли царские чиновники, столь ненавидимые и критикуемые большевиками. В частности, уже в первые годы советской власти зародилась широко распространившаяся в 1920–1930-е гг. традиция называть различные учреждения или географические пункты именами здравствующих политиков. Это явление, имевшее всероссийский масштаб, затронуло и Северную столицу. Так, образовавшийся в 1918 г. в Петрограде Крестьянский (позднее — Рабочекрестьянский) университет получил имя Зиновьева. В начале 1919 г. неизвестный автор подал в Петросовет записку о создании агитационного «плавучего дворца „Культура“» и о присвоении ему имени Зиновьева. Основным аргументом в пользу такого предложения было то, что в Москве есть поезд им. Ленина, а в Питере ничего подобного нет⁹¹. Этот проект по каким-то причинам не был воплощен в жизнь, зато другой встретил понимание и одобрение председателя Петросовета. 1 февраля 1919 г. на имя Зиновьева поступила телефонограмма от членов исполнительный коллегии Кинематографического комитета. Они просили разрешения назвать кинотеатр «Художественный Выборгский», находившийся в доме № 8 по Финскому переулку, «Государственным Свето-Театром имени тов. Зиновьева». Резолюция председателя Петросовета была написана в духе тех самых советских бюрократов, которых он неустанно обличал: «Ответить согласием. Г. Зиновьев»⁹².

Наверняка с желанием повысить популярность среди жителей города связаны дела о покушении на Зиновьева. В конце

августа — начале сентября 1918 г. петроградские газеты, переполненные материалами о ранении Ленина и об убийстве председателя местной ЧК М.С. Урицкого, информировали читателей о покушении на председателя Совета комиссаров СКСО. Буквально сразу же в прессе появился текст обращения по радио Ф.Э. Дзержинского, Г.Е. Зиновьева, А.В. Луначарского и военного комиссара СКСО Б.П. Позерна «Ко всему цивилизованному миру». «Организаторами покушения на Ленина и Зиновьева, — говорилось в нем, — являются англо-французы»⁹³. Однако спустя некоторое время газеты сообщили, что на самом деле к Зиновьеву приходил какой-то человек с пакетом и, не застав хозяина дома, ушел. Этот случай и был принят за террористический акт, ибо других доказательств покушения пресса не приводила. Позднее, на процессе по делу эсеров в 1922 г., боевик Г.И. Семенов показал, что, по мнению лидера партии А.Р. Гоца, необходимо было убить Зиновьева и Володарского: «Так как Зиновьев почти не выезжал из Смольного, а Володарский часто бывал на митингах <...>, то решено было убить его первым»⁹⁴. Трудно сказать, насколько все это соответствовало действительности. Эсеры, правда, уже левые, обвинялись в подготовке покушения на Зиновьева и в 1919 г. Выступая на заседании Петросовета 11 апреля, председатель петроградской ЧК С.С. Лобов заявил, что левые эсеры «в последнее время намечают ряд террористических актов против вождей петроградских рабочих и, в частности, против тов. Зиновьева»⁹⁵. Фактов при этом приведено не было. Учитывая, что двумя днями раньше исполком Совета лишил левых эсеров депутатских мандатов, возникает сомнение в искренности главного чекиста города. Повторимся, что, скорее всего, все истории с несостоявшимися покушениями создавались искусственно и должны были работать на повышение авторитета Зиновьева.

Все же на долю председателя Петросовета выпадало немало сложных моментов, когда надо было заботиться не только о себе, но и о поддержавших его избирателях. Наиболее кризисными ситуациями были, конечно, наступления белогвардейцев весной-летом и осенью 1919 г. и восстание в Кронштадте в феврале-марте 1921 г. Судя по воспоминаниям многих бывших товарищей по партии, в этих случаях «диктатор» был не на высоте.

А.Д. Нагловский утверждал, что «в период опасности <...> Зиновьев превращался в растерянного, панического, но необычайно кровожадного труса»⁹⁶. Л.Д. Троцкий, прибывший в Петроград в октябре 1919 г., вспоминал позднее об этих днях: «Центром растерянности был Зиновьев. Свердлов говорил мне: „Зиновьев — это паника“. А Свердлов знал людей. И действительно: в благоприятные периоды, когда, по выражению Ленина, „нечего было бояться“, Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал. Начиная с семнадцатого года, я мог убедиться, что средних настроений Зиновьев не знал: либо седьмое небо, либо диван. На этот раз я застал его на диване»⁹⁷. Когда осенью 1921 г. в петроградской парторганизации разгорелся конфликт между Н.А. Углановым, в то время секретарем петроградского губкома, и Зиновьевым, Угланов заявил, что Зиновьев обычно уезжает из Петрограда в трудное для города время, и добавил, что, по собственным словам Зиновьева, с конца февраля до начала сентября 1921 г. тот «отсутствовал более трех месяцев»⁹⁸. Особняком в этом «хоре голосов» стоит свидетельство А.В. Луначарского, который в уже цитировавшейся статье писал, что «в дело управления Петроградом» Зиновьев вносил «черты твердости, искусной тактики и спокойствия при самых трудных обстоятельствах»⁹⁹. Конечно, мнения и той, и другой стороны достаточно субъективны, но если учесть, что в кризисные для Петрограда ситуации Москва обязательно присылала своего представителя (в мае 1919 г. — И.В. Сталина, в октябре — Л.Д. Троцкого, в марте 1921 г. — М.И. Калинина и для командования войсками М.Н. Тухачевского), то можно, по крайней мере, утверждать, что в этих событиях Зиновьеву не пришлось играть роль единоличного лидера. Проанализировав деятельность Зиновьева на военном поприще в 1918–1919 гг., современный исследователь В.М. Вихров приходит к оригинальному, хотя и не бесспорному выводу о том, что «основная роль главы Петрограда на этом направлении заключалась в привлечении внимания большевистской элиты к опасности падения Петрограда»¹⁰⁰.

Зиновьев болезненно переносил это вмешательство в его правление, но терпел, понимая, что он, по словам Троцкого, «не был

создан для таких положений». Зато во внутригородских столкновениях, возникавших между Зиновьевым и другими партийными и советскими функционерами, он, как правило, побеждал. Конфликт вокруг Равич, разгоревшийся в конце января — начале февраля 1919 г. между Зиновьевым, с одной стороны, и СОК и ПК (секретарем последнего был П.С. Заславский) — с другой, закончился скорым отъездом Заславского из Петрограда¹⁰¹. В том же году Зиновьев «не пустил <...> обратно в Питер» после выздоровления В.М. Молотова¹⁰², председателя Совета народного хозяйства Северного района. В 1920 г. пришлось покинуть Петроград председателю Петрокоммуны А.Е. Бадаеву, еще через два года аналогичным образом разрешилось противостояние Зиновьева и Угланова: последний был отозван в распоряжение ЦК.

Далеко не безоблачными были отношения председателя Петросовета с Луначарским. После переезда Советского правительства в Москву Луначарский, являясь наркомом просвещения России, стал и комиссаром по просвещению Петроградской трудовой коммуны. Официально это объяснялось необходимостью заботы о культурных ценностях Петрограда, неофициально Луначарский оставался своеобразным представителем центрального правительства в Северной столице.

Роль наркома в сбережении культурного наследия общеизвестна. «Об этом свидетельствуют, — писала в своем обстоятельном исследовании о культурном строительстве в Петрограде в первые годы советской власти Г.И. Ильина, — его многочисленные устные заявления, высказывания в печати и практическая деятельность»¹⁰³. «Луначарского сейчас считают спасителем культуры. Он все больше и больше завоевывает симпатии. Самый гуманный и культурный из большевистских деятелей», — эти строки занес в дневник 25 октября 1918 г. архивист Г.А. Князев, достаточно критически относившийся к новой власти¹⁰⁴. Безусловно, не вся интеллигенция одобряла деятельность Луначарского, но многие, выбирая из двух зол меньшее, шли к комиссару по просвещению, а не к другим петроградским «вождям». Самому Луначарскому это общение, судя по наблюдениям современников, доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие. К.И. Чуковский, часто встречавшийся с ним в начале 1918 г., записал 14 февраля:

«Он лоснится от самодовольства. Услужить кому-н[и]б[удь], сделать одолжение — для него нет ничего приятнее! Он мерещится себе как некое всесильное существо, источающее на всех благодать: — Пожалуйста, не угодно ли, будьте любезны, — и пишет рекомендательные письма ко всем, к кому угодно — и на каждом лихо подмахивает: Луначарский <...>

Портрет царя у него в кабинете — из либерализма — не завешен. Вызывает он посетителей по двое. Сажает их по обеим сторонам. И куда говорит с одним, другому предоставляется восхищаться государственной мудростью Анатолия Васильевича. Кокетство наивное и безобидное»¹⁰⁵.

Зиновьеву Луначарский, видимо, не казался безобидным. Две значительные для города фигуры так и не смогли найти общий язык. Об одном конфликте между ними, связанном с Детским Селом, уже говорилось. Возможно, против Луначарского и Максима Горького было направлено и дело № 517, заведенное Петроградской ЧК весной 1919 г. Суть его состояла в следующем. По подозрению в спекуляции художественными ценностями в мае 1919 г. были арестованы несколько человек, среди них сын известного ювелира Карла Фаберже Агафон. Однако спекулятивность сделки, по мнению следствия, состояла не в завышении продажной цены коллекции, а в организованных арестованными роскошных пиршествах для экспертов и высоких гостей, в число коих входили Луначарский, Горький, М.Ф. Андреева. Последних следователь собирался привлечь к ответственности «за злоупотребление властью». Основные обвиняемые, хотя позже и оказались в тюрьме, в обвинительном заключении проходили на втором плане. Дело тянулось до начала 1920 г. и, кажется, закончилось ничем для высоких гостей¹⁰⁶. К этому времени Луначарский уже окончательно переехал в Москву. Его отъезд был связан с изменением статуса комиссариата по просвещению СКСО после ликвидации Северной области весной 1919 г. Просуществовав еще некоторое время, комиссариат стал одним из отделов Петросовета. Летом того же года Петросовет упразднил должность комиссара по просвещению на основании того, что Луначарский чаще жил в Москве, чем в Петрограде. Вслед за комиссаром постепенно из гороно были удалены и сотрудники, с которыми он работал и которые его поддерживали.

В ряду заметных для Петрограда фигур стоял и Максим Горький. В отличие от Зиновьева и Луначарского его популярность определялась не постами, хотя он был депутатом Петросовета и даже какое-то время входил в состав его исполкома, а известностью как писателя и общественного деятеля еще с дореволюционных времен. Среди рабочих отношение к Горькому в целом было уважительным. Интеллигенция же была в этом отношении менее однородна: одни любили и поддерживали его, другие пытались использовать писателя для устройства собственных дел, третьи ненавидели за сотрудничество с большевиками. Впрочем, были и такие, которые ненавидели, но помощью Горького не гнушались. Да и сотрудничество писателя с властью в период Гражданской войны заметно отличалось от его отношения к коммунистам в 30-е гг. В первые годы советской власти Горький выступал обычно не певцом новой власти, а ее критиком. Достаточно вспомнить ставшие теперь широко известными «Несвоевременные мысли», публиковавшиеся им в 1917–1918 гг. в газете «Новая жизнь». К.И. Чуковский записал в дневнике 2 апреля 1919 г.: «О большевиках он (Горький. — А. Ч.) всегда говорит: они! Ни разу не сказал: мы. Всегда говорит о них, как о врагах»¹⁰⁷. Немногом позже Чуковский вновь обращается к теме «Горький и большевики»: «Горькому журнал («Завтра». — А. Ч.) очень люб. Он набросал целый ряд статей — некоторые читал, некоторые пересказывал — и все антибольшевистские. Я поехал в Смольный к Лисовскому¹⁰⁸ просить разрешения; Лисовский разрешил, но, выдавая разрешение, сказал: прошу каждый номер доставлять мне предварительно на просмотр. Потому что мы совсем не уверены в Горьком»¹⁰⁹.

Но Горький все же был слишком значительной фигурой, чтобы подобная неуверенность в нем власть предержащих переросла в репрессии против писателя. Кроме того, за ним стоял Ленин. И, наконец, главное — Горький являлся своеобразным «мостиком» между партийными функционерами и петроградскими рабочими. Порой «мостик» превращался в «щит», как это случилось на уже упоминавшейся конференции «матросов и красноармейцев». З.Н. Гиппиус вспоминала, что, когда непонимание между залом и Зиновьевым достигло опасного предела, личная

секретарша Зиновьева Костина «бросилась отыскивать Горького. Ездил на зиновьевском автомобиле по всему городу, даже в наш дом заглядывала <...> Где-то отыскала, наконец, привезла — спасать Зиновьева, спасти большевиков»¹¹⁰. Все же отношения между ними были достаточно сложными, а в 1920 г., если верить воспоминаниям В.Ф. Ходасевича, племянница которого жила в квартире Горького на Кронверкском проспекте, испортились вконец: «До открытой войны дело еще не доходило, но Зиновьев старался вредить Горькому, где мог и как мог»¹¹¹. Например, подверглись перлюстрации письма Ленина к писателю, по распоряжению Зиновьева чекисты произвели обыск в его квартире. Н.Н. Берберова, жена В.Ф. Ходасевича, полагает, что «Зиновьев, как ближайший человек Ленину, не терпел мысли о возможности Горького занять его место в сердце великого человека». Кроме того, по мнению Берберовой, конфликт усугублялся пребыванием в доме Горького Марии Игнатьевны Будберг, которую петроградские власти считали английской шпионкой¹¹².

Конфликты возникали не только между известными в Петрограде и в стране политическими фигурами. Более низкий уровень управленцев также не отличался монолитностью. Речь в данном случае не идет о разногласиях, вызываемых принципиальными вопросами политического, экономического или военного характера. Безусловно, такие проблемы, как отношение к Брестскому миру, продрозверстке, продотрядам и т. п., не могли быть решены единогласно, учитывая их важность и наличие определенной степени демократичности в партийно-советской среде в то время. Речь идет о разногласиях или, точнее, о склоках, которые изредка вырывались на поверхность и делили чиновников на враждебные группировки. Прекрасной иллюстрацией к сказанному может служить «Письмо уездным и городским комитетам РКП(б) от членов губкома и бывшего состава губисполкома об интригах в губкоме и губисполкоме», написанное, по всей видимости, не позднее марта 1920 г. Его авторы П.Л. Пахомов, Дмитриев, Новицкий, Козлов, Клейнштейн и Тиман, заявляя о выходе из состава губкома и губисполкома, объясняли свой поступок нездоровой обстановкой, сложившейся в этих органах еще с 1918 г. «Подлый и низкий разгул интриганства» они связали

с образованием группы, в которую вошли М.Н. Мино, К.А. Юносов, С. Цейтлин и другие, а возглавил ее «вождь, вдохновитель, жрец и бог интриганской оппозиции» В.П. Оборин. На восьми машинописных страницах авторы письма обеляли себя и бывшего секретаря петроградского губкома Н.А. Кубяка и обвиняли своих противников, причем суть разногласий не выходила за рамки самой обычной склоки¹¹³. По распоряжению ЦК РКП(б) авторы письма были направлены на работу в другие районы страны, и раздоры прекратились. Этот способ — перевод представителей одной из конфликтующих сторон на работу в иные местности — применялся в дальнейшем не раз при возникновении подобных ситуаций.

Победители торжествовали недолго. После объединения губернских и городских органов власти в начале июля 1920 г. Юносов, сменивший Пахомова на посту председателя губисполкома, вошел в состав большого президиума нового губисполкома, но уже 16 августа был направлен на работу в Совет народного хозяйства¹¹⁴. Секретарь губкома Мино оказалась довольно скоро в коллегии отдела работниц и крестьянок при ПК, а затем по личному заявлению перешла в комитет партии большевиков Петербургского уезда¹¹⁵. Ее муж и «вдохновитель оппозиции» Оборин в ноябре 1920 г. служил в Петрополитпути¹¹⁶. Таким образом, городские функционеры не позволили бывшим высшим губернским чиновникам даже приблизиться к рычагам реальной власти. Городская верхушка ревниво охраняла свои позиции. К этому времени в партийном и советском аппарате сложился прочный блок сторонников и единомышленников Зиновьева, во многом благодаря которым он и удерживался у власти. Эти же люди поддержали Зиновьева в 1925–1927 гг., когда началась его борьба со Сталиным. Под известным «заявлением 83-х» (май 1927 г.) встречаются подписи И.П. Бакаева и С.М. Гессена, Н. Гордона и Г.Е. Евдокимова, С.С. Зорина и С.М. Закс-Гладнева, А.С. Куклина и С.Н. Равич, М.М. Харитоновна¹¹⁷. В зиновьевскую оппозицию 1927 г. входили также И. Авдеев и П. Залуцкий, М. Лашевич и З. Лилина. Все они находились на достаточно высоких постах в Петрограде в 1918–1920 гг. Подбор «своих людей» на ключевые должности — явление, характерное не только

для Петрограда и лично для Зиновьева, но и для других районов страны и разных уровней власти. От этого принципа большевики не отказывались и в дальнейшем.

Другой особенностью, весьма распространенной при распределении должностей в первые годы советской власти, была семейственность. Многие руководители разных рангов находились между собой в родственных отношениях. Отчасти это было закономерное явление, так как в революционном движении в царской России участвовали целыми семьями. Браки, заключенные между революционерами, тоже были нередкими. После захвата власти многие из этих категорий подпольщиков оказались на весьма ответственных и высоких постах. Не стал исключением и Петроград. Первая жена Зиновьева, З.И. Лилина, в 1918–1919 гг. была комиссаром социального обеспечения СКСО, с декабря 1919 г. стала заведующей школьным отделом петроградского комиссариата просвещения¹¹⁸. Вторая, гражданская, жена С.Н. Равич также профессиональная революционерка, после убийства Урицкого возглавила комиссариат внутренних дел СКСО, неоднократно избиралась членом ПК и исполкома Петросовета¹¹⁹. Брат Лилиной — И.И. Ионов (Бернштейн) — после Октябрьского восстания заведовал издательством Петроградского Совета, затем петроградским отделением Государственного издательства и был известен как поэт¹²⁰. По утверждению историка Н.А. Васецкого, бывший в 1921 г. редактором «Петроградской правды» С.М. Закс-Гладнев тоже состоял в родстве с Зиновьевым, являясь его шурином¹²¹. По некоторым сведениям, председатель Петроградской ЧК (с сентября 1919 по август 1920 г.) И.П. Бакаев был женат на А.П. Костиной, личной секретарше Зиновьева, а ее сестра была замужем за П.А. Залуцким¹²². Своего родственника в когорте петроградских руководителей имел и Урицкий. Его племянник Б.Г. Каплун в годы Гражданской войны являлся управляющим делами Петросовета и слыл радетелем и меценатом литературно-художественного мира Петрограда¹²³.

Безусловно, родственные связи накладывали своеобразный отпечаток на отношения внутри ответственных работников и могли даже влиять на их деятельность и принимаемые решения.

Бюрократизм в действии

В идеале, как мечтал Ленин, Советы, соединившие в себе законодательную, исполнительную и судебную власти, превратились бы из говорилен в работающие учреждения. Депутатов, избранных населением, лишенных привилегированного положения и получающих оклады не выше зарплаты квалифицированного рабочего, избиратели могли контролировать и при необходимости отзывать. При этих условиях, когда «все на время становились „бюрократами“ и <...> поэтому никто не мог стать „бюрократором“»¹²⁴, уничтожалось бюрократическое чиновничество как особый социальный слой. Но, понимая, что «любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством»¹²⁵, Ленин выступал за привлечение старых кадров к новой государственной службе.

Сделать это на первых порах было нелегко. Реакция многих служащих на большевистское восстание характеризовалась одним словом: саботаж. Его масштабы в разных районах страны и ведомствах были различными. Петроград, как город во многом чиновничий, оказался в тяжелом положении. Управленцы и технические работники требовались не только в местные, но и в общероссийские структуры. Первоначально ставка была сделана на наиболее грамотный слой рабочих, солдат и матросов, которые пытались закрыть образовавшиеся бреши. В иных новых властных кругах даже существовала уверенность в том, что эта мера является единственно верной. «Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники», — говорилось в постановлении Петросвета от 17 ноября 1917 г. Депутаты предлагали

переквалифицировать в служащих «наиболее сознательных и способных в организационной работе товарищей с заводов и из полков»¹²⁶.

Но между организационной работой и специальными знаниями невозможно поставить знак равенства. К тому же слой «наиболее сознательных и способных» трудящихся был тонок. И в этом плане замечание журнала «Трибуна государственных служащих» о том, что «самый храбрый матрос» не сможет заменить «скромного писца из какого-нибудь департамента»¹²⁷, звучало справедливо. Стремясь сломить саботаж, большевики, помимо мобилизации трудящихся, прибегли и к другим способам, в основном карательным. Ленин еще в конце октября призывал конфисковывать у саботажников имущество и заключать их в тюрьму на 5 лет¹²⁸. 26 ноября от имени ВРК в газетах появилось распоряжение «О саботаже чиновников», подготовленное Троцким. В нем саботажники назывались ставшим в 1930-е гг. широко распространенным по отношению к другой категории лиц термином «враги народа». Списки сопротивляющихся новой власти чиновников предполагалось печатать в газетах и вывешивать «во всех публичных местах»¹²⁹. Большевистская городская управа уволила с работы всех забастовщиков с 1 декабря 1917 г., а через месяц отключила их домашние телефоны и сделала предупреждение о выселении из казенных квартир¹³⁰. В 20-х числах января 1918 г. на основании решения СНК из армии стали увольнять в запас бывших городских служащих и направлять их в распоряжение петроградского городского головы М.И. Калинина¹³¹. С конца 1917 г. к публичному осуждению саботажников добавилась новая и весьма эффективная мера: привлечение их к трудовой повинности. В связи со снежными заносами Петросовет мобилизовал на расчистку улиц и тротуаров всех жителей города, но в первую очередь «лиц, не состоящих нигде на службе и занимающихся эксплуатацией чужого труда»¹³². Позднее, уже с лета 1918 г., трудовая повинность для горожан, не выполняющих, с точки зрения власти, общественно-полезных функций, стала постоянной.

Но, пожалуй, основная причина прекращения саботажа — экономическая. Большинство служащих не располагало средствами, позволявшими им, не работая, существовать безбедно в течение

долгого времени. Не очень большая, к тому же подверженная инфляции зарплата дополнялась возможностью получения пайка не только по основной, но и по дополнительной карточке. Хотя последняя полагалась лишь рабочим особо тяжелого физического труда, реально ее в начале 1918 г. получала почти половина населения города, в том числе служащие, прислуга и т. п.¹³³ К тому же на многих чиновничьих местах уже в то время действовали различные льготы, не всегда оформленные законодательно.

Весной 1918 г. Ленин, выступая на расширенном бюро ЦК РСДРП(б), констатировал: «Саботаж интеллигентских кругов сломлен, техники идут к нам, надо их использовать»¹³⁴. К лету того же года классовый состав новой бюрократии заметно изменился. В Москве, например, среди сотрудников центрального государственного аппарата 58,3 % составили служащие бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий¹³⁵. По Петрограду данных о соотношении старых и новых чиновников в местных органах власти и управления нет, но, вероятно, не будет преувеличением утверждать, что и здесь картина была аналогичной. Конечно, в верхние слои управленцев они попадали крайне редко, но на более низком уровне их было много.

Одновременно началась работа, пока еще эпизодическая, по подготовке новых кадров технических работников и управленцев низшего и среднего звена. Уже 3 января 1918 г. при Петербургском комитете РСДРП(б) открылась школа районного партийного актива. В последний день ноября того же года в бывшем Таврическом дворце прошел первый выпуск курсантов Первого рабоче-крестьянского университета им. Зиновьева. Здесь в тот момент готовили специалистов по сельскому хозяйству, милиции и уголовному розыску, советскому управлению.

И старые, и новые чиновники, став «единицами» советскими бюрократами, сразу же обратили на себя внимание обывателя своими отрицательными сторонами, столь знакомыми ему по дореволюционным временам. «„Новое начальство“ столь же грубо, как старое, только еще менее внешне благовоспитанно. Орут и топчут ногами в современных участках, как и прежде орали. И взятки хапают, как прежние чинуши хапали, и людей стадами загоняют в тюрьмы», — писал Горький в «Новой жизни» 19 декабря 1917 г.

Конечно, за два месяца трудно было что-то изменить радикально, но во множестве воспоминаний и документов 1918–1920 гг. другими словами рисуется та же картина. Г.А. Князев занес в дневник 27 сентября 1918 г.: «Удивительно прямо, какая разведена канцелярщина. Все теневые стороны бюрократизма сделались еще темнее, еще несноснее. Добиться чего-нибудь можно после больших хлопот и неприятностей»¹³⁶. «Чтобы добиться чего-н[и]б[удь], нужно пятьдесят неграмотных подписей... Шиловскому (который преподает в школе шоферов) понадобились для учебных целей поломанные автомобильные части — он обратился в комиссариат. Целый день ходил от стола к столу — понадобилась тысяча бумаг, удостоверений, прошений — а автомобильных частей он так и не достал», — это из дневника Чуковского за 5 марта 1919 г.¹³⁷ И наконец, еще одна цитата — теперь уже из письма театрального режиссера С.А. Марголина писателю С.Д. Мстиславскому от 12 сентября 1920 г.: «Вся бюрократия чиновничества потрепалась внешне и — ей-ей! — сохранилась внутренно в том же, не красном (какое заблуждение!), а в тупом сонном городе Петербурге»¹³⁸.

Нельзя сказать, чтобы власти не ведали об этом положении. Борьба с бюрократизмом, «волоконничеством», канцелярщиной, взяточничеством, комиссародержавием началась сразу же после образования новых структур и не прекращалась на протяжении всей Гражданской войны. Уже 20 апреля 1918 г. большой Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны поручил комиссару юстиции Н.Н. Крестинскому выработать резолюцию о борьбе против взяточничества и представить на утверждение депутатам Петровета¹³⁹. С соответствующим докладом на заседании Совета выступил председатель Революционного трибунала С.С. Зорин. Признав, что взяточничество есть и развивается, он предложил бороться с ним «разъяснениями и репрессиями». Лица, дающие и берущие взятки, должны были привлекаться к ответственности¹⁴⁰. На общероссийском уровне эта борьба была подкреплена изданием 8 мая 1918 г. декрета СНК о взяточничестве, определявшем наказанием для недобросовестных чиновников лишение свободы сроком до пяти лет¹⁴¹. Однако положение не изменилось. В конце сентября 1918 г. с гневной статьей, обличающей бюрократов, на страницах «Петроградской правды» выступил

Зиновьев. По его мнению, дух бюрократизма — более страшный бич, чем чехословаки, холера или правые эсеры. Призывая покончить с ним, автор провозглашал: «Новому времени новый костюм потребен для нового дела»¹⁴². Подобные выступления вряд ли могли утешить рядового гражданина, так как вреда бюрократам они не наносили.

С конца 1918 г. борьба с отрицательными сторонами работы советских учреждений стала приобретать менее отвлеченный агитационный характер. В октябре–ноябре 1918 г. Петроградское отделение Рабоче-крестьянской инспекции начало ревизию отчетности и делопроизводства районных Советов. Среди выявленных недостатков контролеры отмечали, в частности, наличие в сейфах Советов вещей из драгоценных металлов, облигаций, золотых и серебряных монет, которые, согласно инструкциям, должны были сдаваться в финансовые органы¹⁴³. В конце января 1919 г. объединенное заседание Совета комиссаров СКСО и исполкома Петросовета приняло совместное постановление. «Ответственные руководители отделов, комиссариатов, районных Советов должны привлекаться к революционному суду не только за умышленное злоупотребление по должности, но и за халатность, плохую отчетность, незнание своего дела, бумажную волокиту и т. п., — говорилось в нем, — принадлежность к РКП от ответственности не избавит»¹⁴⁴. Отныне же каждый депутат Петросовета должен был отчетываться перед своими избирателями не реже одного раза в месяц. Одновременно стали раздаваться голоса и о необходимости чистки в коммунистическом и советском аппаратах. С таким призывом выступил на страницах «Красной газеты» Н. Мещеряков. По его мнению, чтобы избавиться от «обилия нечисти», надо выявить прошлое всех служащих, а новых, в том числе и беспартийных, принимать только при наличии благоприятного отзыва с прошлой работы или по рекомендации одного-двух коммунистов¹⁴⁵. Подозрение в нелояльности к советской власти вызывали в данном случае главным образом старые служащие, но обойтись без них новые управленцы не могли. Более того, в эти же дни НКВД разослал циркуляр, в котором рекомендовалось «старых чиновников не увольнять. Не давая им ответственных постов, их желательно оставлять на службе». Не являлись исключением даже

бывшие полицейские чины: самые незаменимые из них с разрешения местных исполкомов и большевистских партийных комитетов могли отныне служить новому обществу¹⁴⁶.

Нетрудно заметить, что борьба с бюрократизмом пришлась на тот же период, когда решалась проблема взаимоотношения между партией большевиков и Советами. Как составная часть проблемы антибюрократические меры рассматривались на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. и нашли отражение в новой программе большевиков. По мнению делегатов, причины «частичного возрождения бюрократизма внутри советского строя» объяснялись недостаточно высоким культурным уровнем, отсутствием необходимых навыков у новых чиновников, отвлечением самого развитого слоя городских рабочих на военную работу и привлечением старых специалистов. Все упиралось, таким образом, в личности, но не в систему органов власти, в незыблемости которой сомнений не возникало. Соответственным образом мыслились пути преодоления этого зла: привлечение каждого члена Совета к определенной управленческой работе и последовательная смена этих работ, а также «постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством»¹⁴⁷. Как и положено программному документу, эти меры не могли быть реализованы быстро. Для ослабления отрицательного влияния бюрократизма в ближайшее время предпринимались и иные усилия. В мае 1919 г. при Петроградском отделении госконтроля была образована комиссия по сокращению штатов. По сообщению «Красной газеты», проведя сокращение в комиссариате торговли и промышленности и пожарном страховом отделе ВСНХ, комиссия приступила к аналогичной работе в комиссариате народного просвещения¹⁴⁸. Вероятно, эффективность подобных мер была невысокой, если учесть, что, как уже упоминалось, в 1920 г. численность служащих (в процентном отношении ко всему населению) по сравнению с 1919 г. в городе увеличилась.

Другое направление заключалось в желании уменьшить канцелярщину и волокиту в бумажных делах. В июле 1919 г. межведомственное совещание предложило учреждениям значительно упростить канцелярскую переписку, оставив лишь два типа деловых бумаг: «сношение» и «служебную записку», ограничить

число подписей и различных «грифов». Допускалось сокращение наименований должностей и наиболее употребительных слов¹⁴⁹. К слову сказать, распространение аббревиатур в годы Гражданской войны было чрезвычайно широким, и иногда сокращения принимали совершенно чудовищные с точки зрения русского языка формы. Достаточно назвать «Ковнуделсевоб» (комисариат внутренних дел Северной области) или «Чусоснабарм» (чрезвычайный уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной армии и флота). Появление многих подобных сокращений объяснялось, в частности, созданием так называемого условного телеграфного адреса и требованием строжайшей экономии бумаги¹⁵⁰.

Антибюрократические меры не давали должного эффекта, ибо носили косметический, а не глубинный характер. Поток жалоб на деятельность советских органов не иссякал. По данным бюро жалоб и заявлений рабоче-крестьянской инспекции, только за первую половину 1920 г. о беспорядках в советских учреждениях написали 317, а о злоупотреблении властью — 221 человек. С 1 июня 1919 г. по 1 сентября 1920 г. из 3507 поступивших в РККИ из города и губернии письменных обращений 2207 (62,9 %) касались неправильных, по мнению граждан, действий Советов различных уровней, отделов губисполкома, продорганов и ЧК. Большинство жалоб были вполне обоснованными, так как в последнем случае, например, из 2076 рассмотренных заявлений 1307 были удовлетворены¹⁵¹. Вероятно, виновные или многие из них понесли наказание, но наказывали чиновников в основном низшего и среднего ранга. Что же касается служащих высшего ранга (речь в данном случае идет об ответственных советско-партийных работниках), они жили, обособившись не только от пролетариев, но и от многих соратников. Их жизнь строилась по законам, отличавшимся от деклараций, провозглашаемых ими же на митингах, в резолюциях и постановлениях. Круг этих революционеров был узок, и с каждым годом они все больше и больше отдалялись от народа. Некоторые элементы отдаления, объяснявшиеся поначалу здравыми причинами, с течением времени гипертрофировались и вкуче с остальными привели к пропасти между «верхами» и «низами».

«Кто у власти, тот и у сласти»

Символом нового с Октября 1917 г. стал бывший Смольный институт благородных девиц, где располагались центральные, а после их переезда в Москву местные органы власти. Многие чиновники здесь не только работали, но и жили. Первое время комиссары делили коридоры и этажи с прежними обитателями, но усилиями коменданта П.Д. Малькова в ноябре–декабре 1917 г. Смольный был частично очищен от «посторонней публики». Процесс фильтрации жильцов продолжался и при Зиновьеве. Выселяли в основном лиц, не работающих в Смольном, так как учреждений, занявших многочисленные помещения бывшего института, тоже было с избытком. В августе 1920 г. здесь размещались ПК, канцелярия исполкома, отделы хозяйственный, литературный, продовольственный, медико-санитарный, финансовый, агитационно-пропагандистский, телефонной связи, информационный III Интернационала, секции военная, работниц, фронтовая, мандатная комиссия, комитеты РК, обороны, служащих, помощи больным и раненым красноармейцам, ЧК по бронированию квартир, уполномоченный Смольного и совет трудовой армии, издательство III Интернационала, а также радио- и переговорочная станции, почтовое отделение, библиотека-читальня, музыкальная школа, Смольный детский дом (ясли), фотокиностудия, отряд особого назначения¹⁵². Если добавить к перечисленным в списке учреждениям и организациям многочисленные вспомогательные технические службы, то Смольный превратился в огромную и переполненную «коммуналку». По воспоминаниям В. Семенова, работавшего в Смольном в 1918–1919 гг., в это время «штаб революции» обслуживали более 1000 рабочих и

служащих¹⁵³. О количестве проживающих прямых сведений нет, но, по косвенным данным, приблизительную численность можно установить, во всяком случае для 1920 г. Из 725 комнат и квартир 594 являлись жилыми. Существовавшей при Смольном баней, работавшей два раза в неделю (четверг — мужской день, суббота — женский), ежемесячно пользовались примерно 5000 человек. Таким образом, количество жильцов превышало 600 человек¹⁵⁴.

Избавление от лишних происходило порой самым решительным образом. Вот образец подобного распоряжения коменданта (с сохранением стиля подлинника): «Всем тов. эмигрантам, не работающим в Смольном и еще живущим почему-то, предлагаю выселиться в <...> двухдневный срок по 7 апреля с. г. (1920 г. — А. Ч.) включительно. Не исполнившие моего предложения будут приняты соответствующие меры вплоть до предания народному суду, а также и до ареста»¹⁵⁵. Одновременно удаляли лиц, чья политическая репутация вызывала сомнение или подозрение. По постановлению смольнинских коммунистов с 1 марта 1921 г. жилье предоставлялось только членам большевистской партии. Этого принципа власти придерживались и в дальнейшем.

Ответственные работники жили не только в Смольном. По воспоминаниям Чуковского, Луначарский в феврале 1918 г. обитал «в доме Армии и Флота — в паршивенькой квартирке — наискосок от дома Мурузи, по гнусной лестнице»¹⁵⁶. Председатель Петроградской ЧК Н.П. Комаров занимал в 1920 г. квартиру в доме № 2 по Комиссаровской (бывшей Гороховой) улице, где располагалось и само учреждение, наводившее страх на обывателей. М.С. Урицкий жил на 8-й линии Васильевского острова вместе со своим родственником Б.Г. Каплуном. Немалое число ответственных работников заселило номера гостиницы «Астория», превращенной в 1-й Дом Петроградского Совета (1-й Дом Совета). Второй аналогичный дом с 1921 г. занял помещения бывшей «Европейской» гостиницы. Дома Совета, как определяли их документы той эпохи, имели «структуру общежитий с отдельными комнатами, общей столовой и общими кухнями и предназначены исключительно для постоянного проживания советских служащих по ордерам, выдаваемым из отдела Управления Домами и Отелями»¹⁵⁷. В первую очередь, такие ордера получали члены

ВЦИК и ЦК РКП(б), областного бюро ЦК РКП(б) и губкома, члены губисполкома и их заместители, а также члены коллегий отделов губисполкома. Помимо них на комнаты в Доме Совета могли претендовать сотрудники ВЧК и Петроградского военного округа, сотрудники райкомов и райисполкомов, командированные «высоких рангов», а в последнюю очередь и при наличии свободных помещений — «ответственные работники с партийным стажем не позднее 1918 г.»¹⁵⁸.

В реальности в бывшие гостиницы правдами и неправдами попадали не только перечисленные в этих документах категории горожан и гостей Северной столицы. Приходилось, как и в Смольном, периодически «вычищать» «неподходящих» жильцов. Свидетельство тому — фраза о «бесспорно оставляемых» и встретившееся в протоколе заседания президиума Совета комиссаров ПТК от 10 июня 1918 г. решение о немедленном выселении из «Астории» всех нежелательных элементов¹⁵⁹. В списке «бесспорно оставляемых жильцов», датированном примерно осенью 1919 г., из 104 фамилий ряд хорошо известных тогда горожанам. Среди них бывшие комиссары продовольствия Петрограда К.К. Стриевский и продовольствия СКСО С.П. Восков, председатель ЧК И.П. Бакаев, заведующий петроградским отделением Госиздата И.И. Ионов. Обладателями трех комнат были С.С. Зорин, Г.Е. Евдокимов, С.Н. Равич и некто Сергеев. Остальные довольствовались одной или двумя комнатами¹⁶⁰. Ранжированность в обладании апартаментами сохранялась и год спустя. Г.Е. Зиновьев, с сентября 1920 г. постоянно проживавший в 1-м Доме Совета, занимал пять комнат на втором этаже, его бывшая жена З.И. Лилина с сыном — две. На третьем этаже в трех комнатах жили дочери Л.Д. Троцкого Зинаида и Нина Бронштейн. У помощника Зиновьева по Петросовету А.Е. Васильева было также три комнаты, у секретаря Петросовета Н.П. Комарова — одна¹⁶¹. Как видим, принцип прямо пропорциональной зависимости между занимаемой должностью и метражом комнат, который, видимо, лежал в основе распределения жилья, выдерживался не всегда.

«Гнездовой» принцип расселения исповедовали и высшие губернские советские чиновники. Летом 1918 г. ими были определены

в качестве собственного жилья дома № 40-42 по Моховой улице и № 37-39 по Литейному проспекту. Когда же оказалось, что часть квартир в этих домах занимают служащие областного комиссариата земледелия, последним было предложено «очистить занимаемое помещение в течение трех дней ввиду того, что оно необходимо для нужд губсовдепа». «В случае отказа в выезде хозяйственный отдел будет принужден прибегнуть к вооруженной силе», — сообщалось далее в грозной бумаге хозяйственного отдела Петрогубсовдепа¹⁶². Этот случай не был единичным. В мае 1920 г. из дома № 35 по проспекту Володарского (бывшему Литейному) выселяли служащего Ириновского волостного Совета, так как комната понадобилась для сотрудников губисполкома¹⁶³.

Стремление высших чиновников образовывать своеобразные кондоминиумы объясняется не столько приверженностью их к коммуна, горячо пропагандируемым в те годы, сколько возможностью и необходимостью создать собственные «островки» в бушующем революционном море. Жизнь на этих «островках» заметно отличалась от окружающей. Комендант Смольного в записке, направленной в декабре 1919 г. в президиум городского исполкома, характеризуя большинство жильцов Смольного как «брюзжащую обывательщину», отмечал, что при этом они пользуются «громкими привилегиями в отношении революционных рабочих города, как-то: бесплатная квартира, отопление, освещение и один из лучших обедов всего Петрограда»¹⁶⁴.

Действительно, быт ответственных работников был организован лучше, чем остального населения. Собственные баня и прачечная, обеспечение медикаментами, мебель, реквизируемая у «буржуев» или доставшаяся в наследство от старых хозяев (стоит, правда, отметить, что мебель считалась собственностью учреждения), наконец, гараж, в котором сосредоточивалось подавляющее большинство имевшихся в городе автомобилей. Реплика З.Н. Гиппиус: «Автомобиль — это, значит, едут большевики. Автомобилей других нет», — вполне соответствовала действительности, но с оговоркой. Не каждый большевик мог и имел возможность пользоваться машиной. В сентябре 1919 г. президиум Совнархоза Северного района решил предназначенные

для районных Советов автомобили передать исполкому, а также Совкомхозу для обслуживания городских предприятий. Районные Советы, потерявшие к этому времени какую-либо реальную политическую власть, лишались и важной привилегии. Спустя год, в декабре 1920 г., бюро губкома предложило президиуму губисполкома передать ПК еще три легковые машины, а также «увеличить число машин при гараже исполкома, затребовав [их] через Губчека»¹⁶⁵. Чиновникам пониже рангом полагались конные экипажи.

Служебный транспорт не разрешалось использовать в личных целях, но нарушения были столь часты, что в мае 1921 г. исполком Петросовета специальным постановлением вынужден был запретить поездки за город и на острова на автомобилях и в экипажах по личным делам. Виновным грозил народный суд¹⁶⁶. Попытки бороться с этим злом делались и раньше. «Красная газета» сообщала, что в апреле 1919 г. райкомовцы II городского района обнаружили вечером у подъезда Мариинского театра 27 рысаков. «„Собственники“ советских лошадей, — писал корреспондент, — подразделяются на комиссаров, помощников и членов заводских комитетов и вереницу тепленько устроившихся людей: двое военных, врач, начальник хозяйственной части, заведующий обозом транспорта Наркомпрода, приказчик мельницы и т. д.». Заклучалась статья патетическим восклицанием: «Не пора ли установить порядок пользования лошадьми Республики во всех учреждениях!»¹⁶⁷ В том же году и у того же театра патруль задержал в машине самого председателя Петросовета с женой и высадил их, руководствуясь запрещением ездить в автомобилях не по служебным делам¹⁶⁸. Эта история, содержащаяся в воспоминаниях Э.М. Иогансона, написанных в 1950-е гг., не подтверждается другими документами, но, учитывая характер Зиновьева и нравы некоторых новых властителей, вполне могла произойти.

В Мариинке высшие чиновники имели специально зарезервированные для них места. Определенные ложи и кресла числились за Смольным, комиссариатом народного просвещения и его высшими чинами, за дирекцией театра. Представителям милиции было отведено кресло № 1 в 13-м ряду. Ложа «С», закрепленная за президиумом Петросовета, всегда была заперта на особый

ключ, который выдавался только по записке секретаря исполкома Костиной. Во время спектакля у двери ложи безотлучно находился специальный капельдинер, не пропускавший никого опять-таки без записки от Костиной¹⁶⁹. В феврале 1921 г. в связи с обострением ситуации в Петрограде городская верхушка пошла на некоторое ограничение своих привилегий. Тогда, в частности, малый президиум губисполкома постановил провести «сокращение индивидуально закрепленных мест» в государственных театрах¹⁷⁰. Видимо, по мнению властей, подобная акция, результаты которой могли быть хорошо заметны со стороны, способствовала бы ослаблению конфликта между «низами» и «верхами».

Если в театре ложу охранял один капельдинер, то безопасность Смольного обеспечивали сотни вооруженных людей. Система и кадры охраны начали складываться еще при пребывании правительства Ленина в Петрограде. Пропускная система, посты, матросы и красногвардейцы составляли неотъемлемую часть жизни Смольного. Постепенно красногвардейцев и матросов сменили латышские стрелки, численность которых к марту 1918 г. составляла 500 человек. По утверждению первого большевистского коменданта Смольного П.Д. Малькова, охрана должна была переехать в Москву вместе с правительством. Но петроградская верхушка не отпустила ее, пока не была найдена замена¹⁷¹. Ею стала рота особого назначения, насчитывавшая в конце октября 1919 г. 150 человек. Правда, в эти тревожные для большевиков дни — наступление войск Юденича на Петроград — оборону Смольного держали также артиллерийский взвод и пулеметная команда, рота самокатчиков и 4-я коммунистическая рота батальона особого назначения. Общее количество защитников «штаба революции» превышало 400 человек. Здание было окружено окопами, вырытыми рабочими, присланными штабом обороны Смольнинского района, проволочными заграждениями, а перед входом стояли пушки, державшие под обстрелом Советский (бывший Суворовский) проспект. «Все проживавшие в Смольном лица и их семьи поспешили выбраться из него», — вспоминал один из тогдашних его обитателей К.С. Жарновецкий¹⁷². Внутренний распорядок для оставшихся был ужесточен. Были введены именные пропуска, оставлены для входа и выхода только главные ворота, запрещено ночевать в Смольном

посторонним. «Пребывание в коридорах Смольного без дела воспрещается, — гласил приказ коменданта. — Всем живущим в помещениях Смольного и не ночующим дома сообщать об этом в домовый комитет. Домовой комитет обязан после 12 час. ночи сообщать мне списки лиц, не ночующих дома»¹⁷³.

Юденичу не удалось взять Петроград, обитатели постепенно вернулись в свои комнаты и квартиры. Орудия были убраны, а часть защитников приступила к выполнению иных обязанностей. Охрану Смольного несла лишь рота особого назначения, численность которой в течение 1920 г. росла и к ноябрю–декабрю насчитывала около 500 человек¹⁷⁴. Они несли караул не менее чем на 17 постах, в том числе у кабинета и «у подъезда т. Зиновьева». Судя по сохранившимся рапортам дежурных Смольного, каких-либо серьезных эксцессов в 1920 — начале 1921 г. не происходило. Пожалуй, самым хлопотным выдался первый день мая 1921 г. С полуночи вокруг Смольного началась беспорядочная стрельба с участием часовых и каких-то посторонних людей, задержать которых не удалось. Вечером, в связи с проводившейся неподалеку от Смольного церковной службой, караулы были усилены, но ночь прошла спокойно. Надежность смольнинских охранников была, по-видимому, достаточно высока. За полтора года в рапортах дежурных отмечены лишь два случая игры в карты на деньги среди бойцов роты да арест инструктора и организатора политотдела караульной бригады, «в пьяном виде шатавшегося в стенах Смольного» в ночное время.

Отличался надежностью и созданный в 1918 г. для охраны других большевистских и советских учреждений города и руководящих работников автоброневой отряд. В него входили коммунисты и им сочувствующие, обязательно имевшие рекомендации от большевиков. В распоряжении отряда находились броневики, легковые и грузовые машины, мотоциклы с пулеметами¹⁷⁵.

Вооруженная охрана, автомобили и телефоны, отдельные места в театрах, неизменное пребывание в президиумах различных собраний — эти явления отчужденности, обособленности власти от городских жителей были хорошо заметны.

Не всегда легко было сохранить в секрете и размеры окладов, получаемых ответственными работниками. Опасаясь, что

из-за увеличения содержания членам Петербургского комитета РСДРП(б) «сможет возникнуть недовольство в рабочих массах», группа членов ПК на заседании комитета 12 декабря 1917 г. высказалась за сохранение прежних окладов. Однако большинство проголосовало за повышение зарплаты, поскольку «приходится тратить не 8 часов на партийную работу, а целые дни до поздней ночи»¹⁷⁶. В последующие годы оклады у чиновников, равно как и у представителей всех других профессий, постоянно росли: в апреле 1918 г. члены исполкома получали 600 рублей, а в сентябре 1919 г. — от 4050 до 4200 рублей в месяц. Правда, в 1919 г. они не могли рассчитывать на иные, дополнительные вознаграждения, но с 1 января 1920 г. за сверхурочную работу тарифная почасовая ставка увеличивалась в 1,5 раза. Оклады высшего слоя руководителей города в эти годы значительно превышали среднюю зарплату петроградских рабочих основных профессий, но часто уступали, хотя и не намного, размерам окладов, которые власть назначала «буржуазным специалистам». В любом случае принцип эгалитаризма, который Ленин исповедовал до Октября 1917 г., был нарушен почти сразу же и не только для специалистов, но и для высших чиновников. Впрочем, в связи с обвальной инфляцией различие в денежных доходах не вызывало такую жгучую ненависть обывателя, как отличие в продовольственном снабжении.

Продовольственные же привилегии руководства оказались более замаскированными, чем денежные. При введении «классового пайка» в июле 1918 г. советские и партийные работники не упоминаются ни в одной из четырех категорий, на которые было разделено население. Возможно, они числились в III категории среди «прочих граждан, не вошедших в I-ю или II-ю категории и не принадлежащих к IV-й»¹⁷⁷. При новой разбивке горожан в ноябре того же года уже на три категории ответственные работники советских учреждений, наряду с рабочими физического труда и детьми, были отнесены к I категории, как трудившиеся без ограничения времени¹⁷⁸. В 1919 г. специальным распоряжением политические управленцы, а также милиционеры, чекисты, часть рабочих и служащих стали получать военный паек, величина которого не оставалась неизменной, но была выше общегражданского. Когда же 30 апреля 1920 г. Совнарком РСФСР принял

общероссийский декрет о трудовом пайке, в нем была выделена группа рабочих и служащих, занятых тяжелым или вредным, или высококвалифицированными видами труда. Ответственным работникам предоставлялись одинаковые с рабочими права на получение товаров натурой и дополнительных пайков. Установлением норм пайков и определением круга лиц, имеющих на них право, ведала комиссия по рабочему снабжению при Наркомпроде. Таким образом, нормы продовольственного снабжения, казалось бы, жестко увязывались с нормами для рабочих.

Насколько официальные установки соответствовали действительности, судить трудно, особенно для 1918–1919 гг. Все же отрывочные данные свидетельствуют об отличиях в питании между партийно-советскими функционерами и остальным населением города. Упомянутая уже Э. Голдман, тесно общавшаяся в Петрограде в 1920 г. с высшими политическими чиновниками, писала впоследствии, что «пайки, выдаваемые жильцам 1-го Дома Советов („Астории“), были много лучше пайков, получаемых рабочими на заводах. Конечно, их было недостаточно, чтобы поддержать жизнь, но никто в „Астории“ не жил лишь на эти пайки. Члены коммунистической партии, квартировавшие в „Астории“, работали в Смольном, а пайки в Смольном были самыми лучшими в Петрограде»¹⁷⁹. Такая ситуация сложилась в Смольном еще в конце 1917 г., когда по поручению председателя ВЦИК Я.М. Свердлову комендант Мальков организовал здесь небольшую столовую для наркомов и членов ЦК. Питание в ней было тоже скудное, как и в общей столовой, куда мог зайти любой посетитель, имевший пропуск в здание, но все же получше. «Обеды в ней были не бог весть какие: то же пшено, но зато с маслом. Иногда удавалось даже мясо достать, правда, не часто», — вспоминал Мальков¹⁸⁰.

В начале 1921 г. различные категории горожан (от безработных до рабочих вредных и горячих цехов) получали от половины до двух фунтов хлеба в день. После 22 января эти нормы были снижены на треть¹⁸¹, т. е. составляли от $\frac{1}{6}$ до $\frac{2}{3}$ фунта. Сотрудники же, дежурившие в исполкоме Петрогубсовета, в начале марта получали по 1,5 фунта хлеба, а также по полфунта масла, сыра и некоторые другие продукты¹⁸².

Дифференциация существовала и внутри правящей группы. Именно ею можно объяснить кажущееся противоречие в дневнике Чуковского за ноябрь 1919 г. 11 ноября он записал слова Горького: «<...> в Смольном куча... икры — целые бочки — в П[етербур]ге жить можно... Можно... Вчера у меня одна баба из С[мольного] была... там они все это жрут, но есть такие, которые жрут со стыдом». Через три дня писатель пометил в дневнике: «Обедал в Смольном — селедочный суп и каша. За ложку залогу — сто рублей»¹⁸³. О различиях в питании управленцев упоминает и комиссар Нагловский: «По его (Зиновьева. — А. Ч.) личному распоряжению в Смольном стали даваться так называемые комиссарские обеды, которые не только уже на фоне революционного всеобщего недостатка, но и в мирное время могли бы считаться лукулловскими. Только когда в столице голод принял чрезвычайно сильные размеры, Зиновьев приказал перенести комиссарские обеды в „Асторию“ — гостиницу, целиком занятую коммунистической знатью, где подобные „отдыхи“ могли проходить более незаметно»¹⁸⁴.

Более четко расслоение руководящих кадров в продовольственном отношении можно проследить на основе документа, принятого, видимо, в сентябре 1920 г., по которому право на дополнительный паек имели лица, работавшие «неограниченное количество времени», получавшие по тарифу ответственных политических и профессиональных работников, а также ответственные технические сотрудники, не получавшие персональной, премиально-сдельной и сверхурочной по совместительству доплаты. Они были поделены на три категории в зависимости «от ответственности на занимаемой должности и фактической перегруженности работой» или, иными словами, в зависимости от должности и учреждения.

В первую группу (катеорию) вошли члены бюро Петербургского комитета РКП(б), президиума и исполкома Петроградского совета, президиумов Петроградского СНХ и губпрофсовета, члены Петрокоммуны и ее Контрольного совета, организаторы и члены бюро районного уровня, а также заведующие наиболее крупными отделами перечисленных организаций. Во вторую группу объединили заведующих остальными отделами

и подотделами, «самостоятельных ответственных ораторов», разъездных инструкторов, в третью — ответственных инструкторов крупных отделов, членов фабзавкомов и месткомов предприятий и учреждений с числом работающих 200 и 500 человек соответственно. Величина пайка между этими категориями рассчитывалась в пропорции 1 : 0,75 : 0,5, т. е. ответственные работники третьей категории получали в два раза меньше, чем первой¹⁸⁵.

Принцип деления на «ответственных» и «особоответственных» (термин того времени!) сохранился и позднее. На рубеже 1920–1921 гг. нормы распределения продуктов различались для сотрудников отдела управления Петросовета и его радиостанции, райкомов партии и комсомола, финансового и хозяйственного отделов¹⁸⁶. Количество продовольствия менялось, но всегда было выше выдаваемого остальному населению.

Право на данную привилегию многие ответственные работники отстаивали самым неукоснительным образом. 31 мая 1920 г. уже неоднократно упоминавшийся И.И. Ионов с возмущением писал заведующему продотделом Смольного Н.В. Барышеву: «На днях, после длительного перерыва, я сделал выписку продуктов из отдела Смольного. Весь список не только был урезан до нищенских размеров (например, папирос мне дали 25 штук), но не выдали даже того, что в этот день было в отделе. Я самым решительным образом протестую против такого обращения ко мне. Неужели я должен перед вами разыгрывать роль просителя». В свою очередь, продотдел Смольного, как мог, блюл корпоративные интересы. Получив из Петрокоммуны сообщение о том, что во второй половине февраля — первой половине марта 1920 г. вместо мяса будут выдавать рыбу или другие продукты, Барышев переправил его в исполком. На следующий день секретарь исполкома М.А. Трилиссер потребовал от председателя Петрокоммуны А.Е. Бадаева «снабжать Смольный без ограничений, как и до сих пор»¹⁸⁷.

Заботилась верхушка не только о своевременном и полном поступлении продуктов, но и об их качестве. Любопытно в этом отношении сопоставление содержания двух документов, волею судеб объединенных в одном архивном деле. Один из них — записка, полученная Зиновьевым на заседании Петросовета 11 февраля 1920 г. Ее автор, укрывшийся за инициалами «Л. К.»,

обращаясь к председателю Петросовета, писал: «<...> в душной, тесной, полутемной, липкой коммунальной столовой Вы увидите малоотрадную родную картину того, как изнуренный, грязный и усталый петроградец вот уже сколько месяцев хлебает все те же жиденькие кислые щи, как с потолка в ту же тарелку щей непрерывно капает какая-то жидкость и т. д.». Немногом ранее, 16 января, отдел здравоохранения Смольного получил из городской лаборатории извещение о результатах исследования ветчины, предназначенной для выдачи сотрудникам «штаба революции»: «В обоих кусках ветчины признаков разложения, трихин и финн не обнаружено. Мышьяка и солей других ядовитых металлов не найдено»¹⁸⁸.

К сбережению своего «государственного имущества» (так Ленин охарактеризовал здоровье наркома продовольствия А.Д. Цюрупы, подразумевая, что здоровый человек принесет больше пользы государству и партии, чем больной), ответственные работники относились по-разному. Для некоторых из них работа во имя идеи превращалась в фанатизм. Чиновник М. Смиг-Бенарио писал о петроградском окружном военном комиссаре Б.П. Позерне: «Человек железной воли, он беззаветно отдался работе по организации красной армии Северной области. С утра до поздней ночи он без отдыха работал в военном комиссариате»¹⁸⁹. Э. Голдман подобными же словами характеризовала З.И. Лилину и чету Зориных. Но она же отмечала и иную тенденцию. Посетив вместе с С.С. Зориним подготовляемые к открытию дома отдыха на Каменном острове, она обнаружила «полдюжины комиссаров, уже заведующих, окруженных множеством неработающего народа. <...> У каждого комиссара были свои любимцы, которых он ухитрялся записывать как нуждающихся в работе, таким образом давая им право на хлебные карточки и еду. Так что прежде чем какие-либо настоящие рабочие появились на сцене, восемьдесят утвержденных „специалистов“ уже имели обеденные и хлебные карточки»¹⁹⁰.

Возможность приобщения к комиссарскому пайку в условиях голода и катастрофической инфляции для подобного рода людей была стимулом к достижению государственных и партийных постов. К тому же попавший на орбиту власти редко с нее сходил. В Петрограде, во всяком случае с 1920 г., стали проявляться первые признаки такого явления (широко распространившегося

много позднее), как передвижение «по горизонтали» не справляющихся со своими обязанностями функционеров. Так, на заседании губкома 3 февраля 1920 г. при обсуждении положения в Гатчинском ревкоме выяснилось, что его члены Я.Р. Лейтис и Нирк не пользуются достаточным авторитетом. По этой же причине их нельзя было вернуть в Детскосельский уезд. В результате Нирк уехал на партийную работу в Петергоф, а Лейтис — в Гдов¹⁹¹. Подобная ситуация сложилась тогда же и в городе. 27 февраля 1920 г. бюро горкома обсуждало положение в петроградской ЧК, где заведующим особым отделом был Крайнев. По мнению членов бюро, если Крайнев окажется вскоре неподходящим для этой работы, то его следует направить в Совнархоз. Любопытно, что это решение было записано в 5-м пункте повестки дня, а в 8-м (на этом же заседании!) бюро уже решило предложить кандидатуру Крайнева в председатели Совнархоза. Но через месяц несостоявшийся чекист оказался организатором Василеостровского района, а при формировании объединенного губкома в июле 1920 г. стал заведующим организационно-инструкторским отделом¹⁹². Подобные случаи не были единичными. Объяснять их лишь нехваткой квалифицированных или советских работников, наверное, не совсем правильно. В силу вступали личные связи, родственные отношения и т. п.

Многочисленные нарушения и прегрешения чиновников различных уровней вкупе с фактами и слухами об их жизни вызывали недовольство обывателей и небезосновательные обвинения властей в «комиссародержавии», карьеризме, «волокиитничестве», бюрократизме, кумовстве. Понимали это и сами функционеры. В дневнике бойца бронепоезда № 6 И.П. Фирсенкова за 1 октября 1920 г. есть запись его разговора с одним старым партийным работником. Последний признался, что вышел бы из партии большевиков, но «на партийную работу положено много сил и не так легко ее бросить, хотя не легче и смотреть на все безобразия, которые творятся примазавшимися к власти»¹⁹³.

Но наиболее показательны в этом отношении выступления на закрытом партийном собрании 19 августа 1920 г. Участниками его стали члены ПК, бюро райкомов, бюро фракций профсоюзов, коммунисты отделов Петросовета, т. е. именно те, кто знал жизнь

и деятельность ответственных работников не со стороны и не понаслышке. Хотя на собрании стоял вопрос о созыве X общегородской партийной конференции, он свелся к обсуждению личных качеств коммунистов, стоящих у власти. Тон задал Зиновьев, сообщивший, что группа московских товарищей подала в ЦК записку, в которой указала на «необходимость пересмотра основных положений внутри нашей партии». Под этой обтекаемой фразой крылось не что иное, как обеспокоенность ростом в рядах большевиков бюрократившихся шкурников, «комиссаров» и прочих функционеров, которые «действительно только примазались к партии и далеки от коммунизма по своему духу». Выражения «кремлевский коммунист», «смольнинский коммунист», признал докладчик, стали порой ругательными. Остальные выступавшие тоже были настроены достаточно критически: они говорили о роскошной жизни отдельных партийцев, о том, что на «субботниках работают босые, а верхи разъезжают на автомобилях», о стремлении некоторых заботиться главным образом о себе и своей семье, о неравномерном распределении благ и ужасающем бюрократизме. Выход виделся в железной дисциплине, притоке в партию рабочих (коммунист из интеллигенции «проявляет высший бюрократизм по отношению к рабочим и лакействует перед высшим „начальством“», утверждал А.Я. Клявс-Клявин), перерегистрации членов партии, широком обсуждении среди коммунистов каждого случая превышения власти. Итоги своеобразного «самобичевания» (один из выступавших заметил, что наше собрание есть критика самих себя) подвел Зиновьев. Отметив, что равенства сразу достичь нельзя, а коммунистическое равенство придет только после мировой революции, он предложил «сегодняшние прения продолжить в тесном кругу определенных выдержанных товарищей, не вынося его (вопрос. — А. Ч.) на широкие общественные собрания»¹⁹⁴.

Возражений не последовало. Одно дело — критиковать себе подобных, не называя при этом имен, в узком кругу, другое — дать волю рабочим-коммунистам, которые могут выйти из-под контроля и принять самые неожиданные решения. Кроме того, это привело бы к подрыву авторитета руководителей города. Подобные прецеденты уже были. За месяц до этого собрания бюро

губкома рассматривало конфликт между окружным военкомом Г.С. Биткером и профсоюзным работником Н.М. Анцеловичем. Они устроили склоку в присутствии членов рабочих делегаций. Анцеловичу было поставлено на вид, что «нельзя на общем собрании компрометировать тов[арища], занимающего ответственный пост»¹⁹⁵.

Неизвестно, проводились ли еще заседания по поводу нравственных и деловых качеств функционеров. Во всяком случае, к весне 1921 г. никаких заметных улучшений не произошло. Февральские «волынки» рабочих Петрограда и восстание в Кронштадте заставили петроградскую верхушку отказаться от некоторых раздражающих глаз обывателя льгот или ограничить немного свои запросы, но успешный для большевиков исход событий все вернул «на крути своя».

Примечания

- ¹ Декреты советской власти (далее — ДСВ). Т. 1. М., 1957. С. 8.
- ² История рабочих Ленинграда. Т. 2. Л., 1972. С. 20.
- ³ Цит. по: *Потехин М.Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. М.; Л., 1966. С. 79.
- ⁴ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г. М., 1958. С. 85.
- ⁵ *Потехин М.Н.* Первый Совет... С. 28, 40.
- ⁶ *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. Петроград в первые месяцы советской власти. Л., 1969. С. 182, прим. 30. У А.Л. Фраймана неточно — Диасперов. Исправлено по: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4 (3 июля — 25 октября 1917 г.). М., 2003. С. 364 и др.
- ⁷ На общем собрании Петросовета 9 октября 1917 г. присутствовало, по утверждению газеты «Новая жизнь», около 1000 чел. (См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... Т. 4. С. 473, прим.).
- ⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... Т. 4. С. 111, 461–462.
- ⁹ Цит. по: *Саутин Н.В.* Великий Октябрь в деревне на Северо-Западе России (октябрь 1917–1918 гг.). Л., 1959. С. 64.
- ¹⁰ *Кручковская В.М.* Центральная городская Дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 57.
- ¹¹ Там же. С. 33.
- ¹² *Ан-ский С.* После переворота 25-го октября 1917 г. // Архив русской революции. Т. 8. М., 1991. С. 44.
- ¹³ Цит. по: *Кручковская В.М.* Центральная городская Дума... С. 107.
- ¹⁴ ДСВ. Т. 1. С. 91–92.

- ¹⁵ Триумфальное шествие советской власти: Документы и материалы. Ч. 2. М., 1963. С. 390.
- ¹⁶ Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции... С. 139.
- ¹⁷ Петербургская городская дума. 1846–1918. СПб., 2005. С. 402.
- ¹⁸ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 101.
- ¹⁹ Потехин М.Н. Первый Совет... С. 252; Гоголевский А.В. Петроградский Совет в годы Гражданской войны. Л., 1982. С. 112.
- ²⁰ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 90. Данные по 13 основным отраслям промышленности.
- ²¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об. На этот документ нам указал С.В. Яров.
- ²² Потехин М.Н. Первый Совет... С. 66.
- ²³ Зубарев В.А. Перестройка работы Петросовета в первые годы нэпа (1921–1923 гг.) // Ленинградский Совет в годы Гражданской войны и социалистического строительства. 1917–1937 гг. Л., 1986. С. 163, 173.
- ²⁴ Гиппиус З.Н. Черная книжка // Под созвездием топора. Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый. М., 1991. С. 338–339.
- ²⁵ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 101.
- ²⁶ Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 25.
- ²⁷ Красная газета. 1918. 21 июня.
- ²⁸ Северная коммуна. 1918. 19 июня.
- ²⁹ Шелавин К.И. Петербургский комитет большевиков седьмого созыва в 1918 году // Красная летопись. 1929. № 2 (29). С. 31–32.
- ³⁰ Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.
- ³¹ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата», Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 138–139.
- ³² Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. С. 115.
- ³³ Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.
- ³⁴ Потехин М.Н. Первый Совет... С. 64.
- ³⁵ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.
- ³⁶ Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 2. Л., 1968. С. 104.
- ³⁷ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 107. 108.

- ³⁸ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.
- ³⁹ Goldman E. My disillusionment in Russia. New York, 1923. P. 21.
- ⁴⁰ Зубарев В.А. Перестройка работы Петросовета... С. 175.
- ⁴¹ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 21.
- ⁴² См.: Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. С. 237.
- ⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 990. Л. 6.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 370. Л. 2–4.
- ⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 166.
- ⁴⁶ Зиновьев Г.Е. Наша партия за четыре года революции // День великой революции. Однодневная газета... 1921. 7 ноября.
- ⁴⁷ Шелавин К.И. Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 г. // Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 83.
- ⁴⁸ Зиновьев Г.Е. Наша партия за четыре года...
- ⁴⁹ Из доклада Я.М. Свердлова о VII съезде партии на собрании актива Нижегородской организации РКП(б) 23 марта 1918 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 106.
- ⁵⁰ Шелавин К.И. Петербургский комитет большевиков... С. 33–35.
- ⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 301. Л. 2 об.
- ⁵² Там же. Л. 3 об., 4.
- ⁵³ Петроградская правда. 1919. 9 февраля.
- ⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.
- ⁵⁵ См.: Волобуев П.В. Власть Советов: расчеты и просчеты (1917–1923) // Коммунист. 1991. № 11. С. 81.
- ⁵⁶ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 84.
- ⁵⁷ Очерки истории Ленинградской организации КПСС... С. 105.
- ⁵⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 738. Л. 153 об.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 49, 51–53, 76–77.
- ⁶⁰ Красная газета. 1918. 12 марта; Правда. 1918. 12 марта.
- ⁶¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 321.
- ⁶² С 18 марта комиссаром по Петроградскому военному округу стал С.П. Восков, с 4 апреля комиссаром по социальной помощи — З.И. Лилина, юстиции — Н.Н. Крестинский.
- ⁶³ См.: Потехин М.Н. Первый Совет... С. 52.
- ⁶⁴ См.: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. Л., 1987. С. 152–153.
- ⁶⁵ Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 74.
- ⁶⁶ Некоторые отечественные историки (М.К. Ветошкин, В.М. Губарева) видели в создании СКСО только воплощение

сепаратистских взглядов Зиновьева и его сторонников. З.Л. Серебрякова в статье «Областные съезды Советов в 1918 г. (январь–июнь)» (Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 189–190) полагает, что этот процесс имел и объективно положительное значение. Не отрицая этих выводов, добавим, что в реальности СКСО для укрепления власти Советов удалось сделать немного, потому что организационный этап затянулся и во многом из-за того, что он был отягощен сопротивлением центробежных сил, направленных против существования этого областного объединения.

В начале апреля 1918 г. на I областной партийной конференции был избран Северный областной комитет РКП(б) для руководства партийными организациями губерний, вошедших в состав Северной области.

⁶⁷ См.: *Губарева В.М.* Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти на Северо-Западе России. Л., 1982. С. 130. Ровно через месяц по постановлению ЦК РКП(б) был упразднен Северный областной комитет РКП(б).

⁶⁸ *Вихров В.М.* Коммунистический лидер Г.Е. Зиновьев во главе Петрограда–Ленинграда (конец 1917 г. — начало 1926 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2011. С. 37.

⁶⁹ *Губарева В.М.* Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти на Северо-Западе России. С. 128–129.

⁷⁰ См.: *Гоголевский А.В.* Петроградский Совет... С. 88.

⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–3.

⁷² Там же. Л. 47, 48, 51.

⁷³ *Луначарский А. Г.Е. Зиновьев (Радомысльский) // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты.* М., 1991. С. 295. П.А. Сорокину голос Зиновьева казался «высоким женским» (См.: *Сорокин П.* Долгий путь. Сыктывкар. 1991. С. 97), К.И. Чуковскому — «сиплым и сытым» (См.: *Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 129).

⁷⁴ *Гиппиус З.Н.* Черная книжка. С. 359.

⁷⁵ *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 1. Л., 1991. С. 32.

⁷⁶ *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. М., 1995. С. 311.

- ⁷⁷ *Васецкий Н.А.* Г.Е. Зиновьев — страницы жизни и политической деятельности // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 112.
- ⁷⁸ См.: *Нагловский А.Д.* Троцкий // Смена. 1990. № 9. С. 57.
- ⁷⁹ См.: Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. М., 1959. Т. 1. С. 53.
- ⁸⁰ Цит. по: *Зиновьев Г.Е.* // Городская власть Санкт-Петербурга: Биохроника трех столетий. СПб., 2007. С. 293. (Биографический очерк о Г.Е. Зиновьеве подготовлен Н.Ю. Черепениной.)
- ⁸¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 143. Оп. 1. Д. 3. Л. 86–87.
- ⁸² Там же. Д. 25а. Л. 3.
- ⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 738. Л. 21.
- ⁸⁴ Научно-справочная библиотека ЦГА СПб. Журнал № 88 коллегии Петрогубсовкомхоза. 1920. 13 декабря. Эти сведения любезно предоставлены М.А. Антифеевой.
- ⁸⁵ Зиновьев Г.Е. // Городская власть Санкт-Петербурга... С. 297.
- ⁸⁶ *Нагловский А.Д.* Троцкий. С. 51.
- ⁸⁷ См.: *Луначарский А.* Г.Е. Зиновьев (Радомысльский). С. 295.
- ⁸⁸ *Гиппиус З.Н.* Черная книжка. С. 356. О похожих ситуациях, сложившихся на одном из петроградских заводов в 1920 г. и на митинге в Петрограде в начале 1921 г., рассказывают, соответственно, Э. Голдман (см.: *Goldman E.* My disillusionment in Russia, P. 81) и П.А. Сорокин (см.: *Сорокин П.* Долгий путь. С. 149).
- ⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 159. Л. 20–22, 24.
- ⁹⁰ См.: Там же. Д. 146. Л. 84, 128.
- ⁹¹ Там же. Л. 160–161.
- ⁹² Там же. Л. 12. Не были обойдены вниманием и другие лидеры петроградских большевиков. В 1919 г. в Олонекской губ. была, например, Луначарская (бывшая Алексеевская) волость (см.: Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920. Петрозаводск, 1964. С. 166, 269, 412).
- ⁹³ Красная газета. 1918. 3 сентября.
- ⁹⁴ Цит. по: *Кутузов В.А.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 131.
- ⁹⁵ Красная газета. 1919. 12 апреля.
- ⁹⁶ *Нагловский А.Д.* Троцкий. С. 54.

- ⁹⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1–2. М., 1991. С. 407.
- ⁹⁸ Н.А. Угланов [Биографический очерк] // Публ. подгот. Л. Чиждова, А. Кирилина, А. Степанов, В. Юданов // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 117.
- ⁹⁹ Луначарский А. Г.Е. Зиновьев (Радомысльский). С. 298.
- ¹⁰⁰ Вихров В.М. Коммунистический лидер Г.Е. Зиновьев во главе Петрограда–Ленинграда (конец 1917 г. — начало 1926 г.). Диссертация... С. 62.
- ¹⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 301. Л. 3 об.–5. См. также воспоминания В. Семенова, члена бюро коллектива РКП(б) Смольного в январе 1918 — августе 1919 гг. (Там же. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2390. Л. 2).
- ¹⁰² См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 166.
- ¹⁰³ Ильина Г.И. Культурное строительство в Петрограде. Октябрь 1917–1920 гг. Л., 1982. С. 171.
- ¹⁰⁴ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.) // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 116.
- ¹⁰⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 90.
- ¹⁰⁶ Подробнее см.: Чистиков А.Н. Дело № 517: Горький, Луначарский, Агафон Фаберже и другие // Некоторые вопросы отечественной истории: события и судьбы. СПб., 1994. С. 78–86. Более обстоятельно все перипетии вокруг этого дела исследованы в книге: Агафон Фаберже в Красном Петрограде. Научно-иллюстрированное издание / Авторы-составители С.К. Бернев, А.И. Рупасов, В.В. Скурлов, Т.Ф. Фаберже. СПб., 2012. С. 48–80.
- ¹⁰⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 109.
- ¹⁰⁸ М.И. Лисовский был в это время комиссаром печати и пропаганды.
- ¹⁰⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 112–113. Запись от 7 июня 1919 г.
- ¹¹⁰ Гиппиус З.Н. Черная книжка, С. 356.
- ¹¹¹ Цит. по: Берберова Н.Н. Железная женщина. М., 1991. С. 128. См. также: Ходасевич В. Горький // Знамя. 1987. № 5. С. 153.

- ¹¹² См.: *Берберова Н.Н.* Железная женщина. С. 130.
- ¹¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–4 об.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 36. Л. 65 об.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 56, 88.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 90.
- ¹¹⁷ См.: *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927.* Т. 3. М., 1990. С. 70–72.
- ¹¹⁸ См.: *Балашов Е.М.* Становление советской системы народного образования. Октябрь 1917 — весна 1921 гг. (на материалах Петрограда). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1992. С. 85, прим.
- ¹¹⁹ Первым мужем С.Н. Равич был видный деятель большевистской партии В.А. Карпинский, в 1918–1922 гг. — редактор газеты «Беднота» (см.: *Минувшее.* Т. 16. М.; СПб., 1994. С. 544).
- ¹²⁰ В «Дневнике» Чуковского дана следующая характеристика ИONOва: «Тов. Ионов: маленький, бездарный, молниеносный, как холера, крикливый, грубый» (*Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. С. 93).
- ¹²¹ См.: *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1991. С. 162.
- ¹²² См.: *Реабилитация. Политические процессы 30–50-х гг.* М., 1991. С. 146.
- ¹²³ См.: *Минувшее.* Т. 13. М.; СПб., 1993. С. 520; *Гаген-Торн И.И.* Вольфила: Вольно-Философская Ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг. // *Вопросы философии.* 1990. № 4. С. 90. По другим сведениям, Б.Г. Каплун был двоюродным братом Урицкого (см.: *Минувшее.* Т. 16. С. 544).
- ¹²⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 46, 109, 115.
- ¹²⁵ Там же. Т. 34. С. 315.
- ¹²⁶ Цит. по: *Саутин Н.В.* Великий Октябрь в деревне... С. 64.
- ¹²⁷ Цит. по: *Ирошников М.П.* Рожденное Октябрем. С. 73.
- ¹²⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 42.
- ¹²⁹ *Васецкий Н.А.* Троцкий... С. 93.
- ¹³⁰ См.: *Потехин М.Н.* Петроградская трудовая коммуна (1918–1919 гг.). Л., 1980, С. 81.
- ¹³¹ См.: *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 308.
- ¹³² Цит. по: *Потехин М.Н.* Первый Совет... С. 163.

- ¹³³ См.: Вишневский Н.М. Принципы и методы организованного распределения продовольствия и предметов первой необходимости. М., 1920. С. 129.
- ¹³⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 107.
- ¹³⁵ Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. С. 109.
- ¹³⁶ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента... С. 99.
- ¹³⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 102.
- ¹³⁸ Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 162.
- ¹³⁹ ЦГА СПб. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- ¹⁴⁰ Красная газета. 1918. 25 апреля.
- ¹⁴¹ ДСВ. Т. 2. М., 1959. С. 241–242. За ним последовали и другие документы: постановление Совета обороны от 8 декабря 1918 г. о борьбе с областничеством и канцелярской волокитой, декрет Совнаркома от 30 декабря 1919 г. «Об устранении волокиты» и т. п.
- ¹⁴² Петроградская правда. 1918. 27 сентября.
- ¹⁴³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 828.
- ¹⁴⁴ Красная газета. 1919. 1 февраля.
- ¹⁴⁵ Там же. 7 февраля.
- ¹⁴⁶ Там же. 6, 8, 15 февраля.
- ¹⁴⁷ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 397.
- ¹⁴⁸ Красная газета. 1919. 25 мая.
- ¹⁴⁹ Там же. 24 июня.
- ¹⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 35–35 об.; Д. 28. Л. 50а.
- ¹⁵¹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 607. Л. 49, 300.
- ¹⁵² Там же. Ф. 1000. Оп. 79. Д. 300. Л. 20–20 об.
- ¹⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 90. Л. 1.
- ¹⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 125. Л. 92.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 9.
- ¹⁵⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 89.
- ¹⁵⁷ Цит. по: Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2011. С. 138. Они же указывают, что отели Петросовета — общежития комнатной системы с общими кухнями — предназначались «для советских и партийных работников, не обладавших длительным партстажем и не занимавших большие должности» (Там же. С. 140).

- ¹⁵⁸ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский... С. 139.
- ¹⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 757.
- ¹⁶⁰ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 299. Л. 21–22.
- ¹⁶¹ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский... С. 140.
- ¹⁶² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 79. Д. 65. Л. 74.
- ¹⁶³ Там же. Д. 294. Л. 17.
- ¹⁶⁴ Там же. Оп. 3. Д. 295. Л. 23.
- ¹⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Л. 97.
- ¹⁶⁶ Вестник Петросовета. 1921. № 4.
- ¹⁶⁷ Красная газета. 1919. 9 мая.
- ¹⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1173. Л. 21.
- ¹⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 10. Л. 227; Ф. 1000. Оп. 3. Д. 146. Л. 132.
- ¹⁷⁰ Там же. Оп. 5. Д. 141. Л. 5.
- ¹⁷¹ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. С. 76, 134–136.
- ¹⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2841. Л. 7.
- ¹⁷³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 295. Л. 10, 11.
- ¹⁷⁴ Там же. Оп. 19. Д. 325, 326. Численность роты не оставалась постоянной. 31 октября 1920 г. в ней насчитывалось 517 бойцов, 1 декабря — 494, 9 декабря — 464 человека и т. п.
- ¹⁷⁵ Потехин М.Н. Первый Совет... С. 196.
- ¹⁷⁶ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 603–604.
- ¹⁷⁷ Красная газета. 1918. 21 июня.
- ¹⁷⁸ Продовольствие Севера. 1918. 12 ноября.
- ¹⁷⁹ Goldman E. My disillusionment in Russia. P. 22.
- ¹⁸⁰ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. С. 70.
- ¹⁸¹ Ленинградская кооперация за 10 лет. Т. 2. Л., 1928. С. 296, прим.
- ¹⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 414. Л. 3.
- ¹⁸³ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 122, 123.
- ¹⁸⁴ Нагловский А.Д. Зиновьев. С. 54.
- ¹⁸⁵ См.: Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 236.
- ¹⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 79. Д. 279. Л. 37.
- ¹⁸⁷ Там же. Д. 278. Л. 26, 175.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 8, 36.
- ¹⁸⁹ Смилг-Бенарио М. На советской службе // Архив русской революции. Т. 3–4. М., 1991. С. 148.

¹⁹⁰ *Goldman E. My disillusionment in Russia. P. 69.*

¹⁹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 19 об., 20 об.

¹⁹² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 738. Л. 68, 68об., 87; Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 50.

¹⁹³ Там же. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2476. Л. 104.

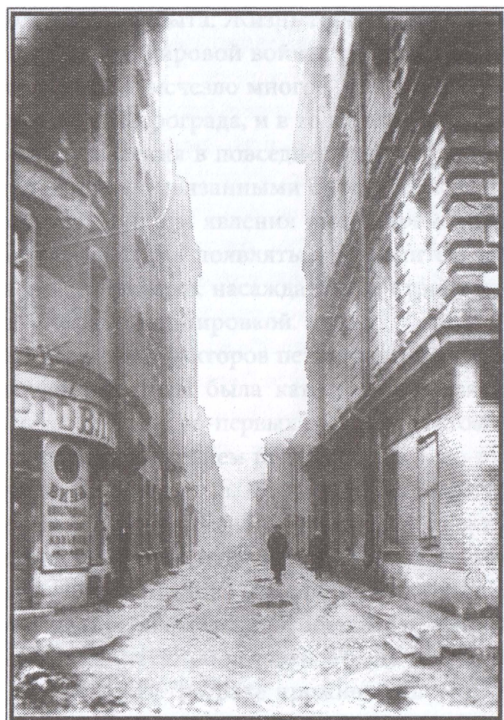
¹⁹⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 59–62.

¹⁹⁵ Там же. Д. 36. Л. 54 об.

В.И. Мусаев

Городская повседневность

Состояние города. Повседневная жизнь горожан

Революция 1917 г. и события последующих лет не могли не затронуть и повседневную жизнь петроградцев, не нарушить сложившийся уклад их быта. Жизнь города, начавшая изменяться еще в годы Первой мировой войны, радикально трансформировалась после 1917 г.: исчезло многое, что было характерно для дореволюционного Петрограда, и в то же время появилось немало новых черт. Изменения в повседневной жизни были вызваны не только трудностями, связанными с Гражданской войной и хозяйственной разрухой: эти явления имели временный характер. Черты нового быта стали появляться в значительной мере под влиянием новой идеологии, насаждаемой в стране пришедшей к власти политической группировкой.

Одним из основных факторов петроградской жизни в первые послереволюционные годы была катастрофическая убыль населения. Это объясняется, во-первых, резким ростом смертности и столь же резким понижением рождаемости и, во-вторых, оттоком части населения из города. В 1914 г. в Петрограде проживало 2 103 000 человек. На протяжении последующих двух лет численность населения города не только не уменьшалась, но, напротив, увеличивалась за счет притока беженцев с оккупированных немцами территорий и рабочей силы на военные предприятия города и в 1916 г. достигла 2 415 700 человек. Убыль населения началась с 1917 г., и в 1920 г. в Петрограде проживало всего 722 229 человек, то есть с 1916 г. число жителей уменьшилось более чем в три раза¹. Безлюдность, отсутствие прежнего оживления были основными внешними признаками петроградских улиц того времени. Именно это бросалось в глаза иностранцам, приезжавшим в город,

и производило на них неизгладимое впечатление. В их описаниях внешнего вида улиц и домов Петрограда присутствует мотив некоей потусторонности, ирреальности окружающего. Вот ощущения английского журналиста А. Рэнсома, побывавшего в городе в 1919 г., от прогулки по набережной реки Мойки: «Улицы были едва освещены, в домах почти не было видно освещенных окон. Я ощущал себя призраком, посетившим давно умерший город. Молчание и пустота на улицах способствовали созданию такого впечатления»². Подобные же ассоциации вызвала встреча с Петроградом у Виктора Сержа (Кибальчича), французского социалиста славянского происхождения, который был выслан из Франции за революционную деятельность и прибыл в город в январе 1919 г.: «Мы вступили в мир смертельной мерзлоты. Финляндский вокзал, блестящий от снега, был пуст. Широкие, прямые артерии, мосты, перекинутые через Неву, покрытая снегом замерзшая река, казалось, принадлежали покинутому городу. Время от времени худой солдат в сером капюшоне, женщина, закутанная в шаль, проходили вдалеке, похожие на призраков в этом молчании забвения»³. Американская анархистка Э. Голдман также была выслана в Советскую Россию и приехала в Петроград в начале 1920 г. Она прожила в Петербурге несколько лет накануне Первой мировой войны и теперь имела возможность сравнить нынешнее состояние города с прежним: «...Санкт-Петербург всегда оставался в моей памяти яркой картиной, полной жизни и загадочности. Я нашла Петроград 1920 года совершенно другим. Он был почти в руинах, словно ураган пронесся через город. Дома походили на старые поломанные гробницы на заброшенном кладбище. Улицы были грязные и пустынные, вся жизнь ушла с них. Люди проходили мимо, похожие на живых покойников»⁴. Город производил особенно сильное впечатление зимой в вечернее время: уличное освещение почти не работало, с наступлением вечера город погружался в полный мрак, люди предпочитали не покидать своих домов. Однако и днем малолюдность города также была вполне очевидна. По замечанию А. Рэнсома, «в дневное время город казался менее пустынным, но все же было очевидно, что „разгрузка“ населения Петрограда, которую безуспешно пытались провести во времена режима Керенского, была осуществлена в весьма больших масштабах»⁵.

Все иностранцы, побывавшие после Петрограда в Москве, сравнивая между собой оба города, сходились в мнении о том, что в Москве убыль населения чувствовалась не так сильно и что в целом положение в Москве было более благополучным. По наблюдениям испанского социалиста Ф. де лос Риоса, Москва не производила такого тягостного впечатления, как Петроград, ее жители не выглядели столь изможденными и изголодавшимися⁶.

Об этом же писала англичанка Э. Сноуден, супруга одного из лидеров лейбористской партии Великобритании, приехавшая в Россию в составе делегации этой партии. Приехав из Петрограда в Москву, она отмечала: «Нетрудно было почувствовать разницу между этими людьми и теми, которых мы недавно покинули. Здесь было меньше напряжения и мучения, больше человеческого веселья и доброты; меньше фанатичного пыла революции, больше ее созидательной надежды. Люди выглядели истощенными, как и в Петрограде, однако в их походке было больше живости, меньше страдания на их лицах»⁷. А вот впечатления от Москвы Э. Голдман: «На улицах было много мужчин, женщин, детей. Было оживление, движение, совершенно непохожие на неподвижность и тишину, которые подавляли меня в Петрограде... Здесь, как казалось, не было такого недостатка продовольствия, как в Петрограде, люди были одеты лучше и теплее»⁸.

Бытовые условия жизни петроградского населения начали резко ухудшаться вскоре после октябрьских событий 1917 г. Сами эти события — захват отрядами Красной гвардии и революционными частями Петроградского гарнизона ключевых пунктов города, низложение Временного правительства и провозглашение Советской власти — для большинства населения прошли почти незамеченными. Каких-либо массовых демонстраций, беспорядков, характерных для февральских и июльских событий, не было. По свидетельству известного публициста, деятеля кадетской партии А.С. Изгоева, «захват власти большевиками 25 октября в первые дни не произвел на широкие круги петроградского населения никакого впечатления»⁹. Однако вскоре реальность нового политического режима стала ощущаться более явственно. Помимо того, что дали о себе знать политические мероприятия новой власти, начали меняться условия повседневной жизни и быта

петроградцев. Основным фактором, накладывавшим отпечаток на жизнь города в течение последующих лет, была хроническая нехватка продовольствия и топлива. Конечно, такая ситуация сложилась не в одночасье. Перебои со снабжением начались еще в начале 1917 г. Однако тогда это были лишь единичные случаи. По мере углубления хозяйственного кризиса товарообмен между губерниями все более дезорганизовывался, а Гражданская война, первые сражения которой прогремели уже в конце 1917 г., еще более усугубила положение.

Из-за нехватки топлива электростанции города уже в ноябре 1917 г. работали с большими перебоями. Ток давался жилым зданиям и торгово-промышленным учреждениям в среднем по 6 часов в сутки. В декабре и январе не удавалось выдерживать и эту норму, и отпуск электроэнергии во многих районах производился не более трех часов в сутки, а иногда вообще прекращался на несколько дней¹⁰. В 1918 и 1919 гг. положение с топливом никак не могло улучшиться. Напротив, оно стало еще тяжелее, поскольку нефте- и угледобывающие районы страны неоднократно занимались антисоветскими силами и оказывались отрезанными от центра. В лучшем случае электричество включалось по вечерам на 2–3 часа. Жилые дома освещались в основном керосиновыми лампами и свечами. Однако поскольку спрос на керосин сильно вырос, а доставка его в город сократилась, его приходилось экономить. Положение с керосином несколько облегчилось, когда в конце января 1918 г. в Балтийском порту на складах Нобеля были обнаружены большие запасы.¹¹ По решению Центральной продовольственной управы керосин отпускался на особых распределительных пунктах в количестве одного фунта на десять дней на каждую продовольственную карточку¹². Однако и нобелевские запасы не были неисчерпаемыми. Свечи и спички вскоре также стали дефицитными товарами. В середине 1918 г. фунт керосина стоил на рынке 800 рублей, свеча — 500, коробка спичек — 80 (при средней заработной плате в несколько тысяч рублей)¹³.

Не лучше обстояло дело с уличным освещением. На 1 января 1915 г. в Петрограде работало 15 тысяч фонарей различного типа¹⁴. После октября 1917 г. электрическое освещение на улицах, как и в домах, действовало с перебоями и периодически

отключалось. Некоторое время на улицах действовали керосиновые и газовые фонари. С 1918 г., вследствие дефицита керосина, освещение улиц керосиновыми лампами было прекращено. К 1920 г. прекратили работу газовые заводы. Если в начале этого года частичное освещение улиц еще временами производилось посредством выноса ламп на фасады домов, то с марта 1920 г. уличное освещение в городе прекратилось вообще¹⁵.

Топливный голод повлек за собой и большие трудности с отоплением зданий. Центральная отопительная система зимой 1917/18 г. в основном, а в последующие зимы полностью бездействовала. Почти все дома перешли на печное отопление, а основным топливом стали дрова. Заготовка дров стала важным занятием для организаций и жителей города. На улицах громоздились кучи поленьев, охраняемые солдатами¹⁶. В 1919–1920 гг. несколько тысяч деревянных домов были разобраны на дрова. В.Б. Шкловский весной 1920 г. писал в статье «Петербург в блокаде»: «Это был праздник всесожжения. Разбирали и жгли деревянные дома... В рядах улиц появились глубокие бреши. Как выбитые зубы, торчали отдельные здания. Появились искусственные развалины. Город медленно превращался в гравюры Пиранези...»¹⁷ Кое-где уже начали выламывать на дрова торцы деревянных мостовых¹⁸. С первой послереволюционной зимы в обиход вошли так называемые «буржуйки» — небольшие железные печки с изогнутой трубой. Эффект от таких печек был весьма низким: они давали тепло только тогда, когда горели, и только в той комнате, где стояли. Особенно трудно было прогреть квартиры с большими по площади комнатами и высокими потолками, а таких было немало, особенно в центре города. Дров не хватало, и, чтобы обогреться, приходилось сжигать паркет, мебель, книги. За годы Гражданской войны в огне исчезли целые библиотеки, погибли великолепные образцы старинной мебели. В.Б. Шкловский сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и множество книг. «Если бы у меня были деревянные руки и ноги, я топил бы ими и оказался бы к весне без конечностей», — писал он¹⁹. Художник Ю.П. Анненков одну за другой снимал, разрубал на части и сжигал в печке все двери внутри своей квартиры, затем принялся за паркет²⁰. В. Серж, чтобы обогреться и обогреть

соседнюю семью, сжег полный свод законов Российской империи²¹. Водопровод в подавляющем большинстве зданий также не работал — водопроводные трубы замерзли и полопались.

Воду приходилось таскать с колонок, колодцев и из рек в ведрах, что было особенно тяжело для жителей верхних этажей домов. Использование буржуек и трудности с водоснабжением должны были бы повлечь за собой повышение пожароопасности, однако сколько-нибудь значительного роста числа пожаров не произошло. Согласно милицейским сводкам, с июня по ноябрь 1918 г. по городу было зафиксировано 84 пожара и взрыва (из них 41 в жилых домах, 6 — в правительственных учреждениях, 9 — на фабриках и заводах), за декабрь 1918 г. — 22, за январь 1919 г. — 20 — цифры, не превышающие обычной нормы.²²

В зимнее время проблемой для города стали снежные заносы. Зима 1917/18 г. выдалась ранней и суровой. Уже 5 ноября начались обильные снегопады, 9 ноября в городе ездили на санях. После оттепели в середине и второй половине ноября, сопровождавшейся наводнениями, с декабря началось новое похолодание со снегопадами и метелями.²³ Площади, улицы и мосты были покрыты толстым слоем снега. Дети устраивали прямо на улицах катки и катальные горки. На Невском проспекте вокруг тогда еще работавших газовых фонарей намело такие высокие сугробы, что прохожие могли прикуривать прямо от огня фонарей²⁴. Даже Лафонская площадь перед Смольным (с 1918 г. — площадь Диктатуры) была завалена снегом²⁵. Борьба со снежными заносами стала предметом рассмотрения на заседаниях СНК 20 и 21 декабря. Совнарком принял декрет о введении всеобщей повинности по очистке снега в Петрограде и на Петроградском железнодорожном узле, причем по инициативе В.И. Ленина в декрет была внесена поправка о привлечении к трудовой повинности в первую очередь нетрудовых элементов. Общее наблюдение за проведением декрета в жизнь было возложено на районные Советы²⁶. К работе по очистке снега стали привлекать заключенных и задержанных. Раздавались призывы направлять на принудительные работы саботажников. Всем домовладельцам, домовым комитетам, старшим дворникам вменялось в обязанность следить, чтобы снег свозился в специально отведенные для этого

места или сбрасывался в реки и каналы. Запрещалось валить снег на берега и устраивать завалы на улицах²⁷. Домовладельцы должны были обеспечить чистку снега вокруг своих домов, за неисполнение этого на них налагался штраф от 1 до 5 тысяч рублей. Гостинодворские купцы были подвергнуты штрафу в размере 900 тысяч рублей за неудовлетворительное состояние улиц вокруг здания Гостиного Двора²⁸. Эти и другие меры возымели действие — снег стали чистить лучше.

Наконец, еще одним характерным внешним признаком города стало почти полное отсутствие транспорта. Автомобилей на улицах города почти не было видно: не хватало бензина, запасных частей для ремонта. О катастрофическом состоянии городского транспорта говорил на заседании Чрезвычайной комиссии по санитарно-техническому надзору в мае 1919 г. председатель транспортного отдела Кольцов. В этих условиях возросло значение гужевого транспорта. Но и здесь, по словам Кольцова, положение было плачевным: недоставало корма для лошадей, падеж лошадей от истощения принял широкие масштабы, к тому же из-за нехватки мяса конину стали употреблять в пищу. поголовье лошадей сократилось в городе до 10 тысяч, в полную негодность пришли подводы²⁹. В не менее катастрофическом состоянии находился трамвайный парк. Новые трамваи не производились, поломанные не ремонтировались, оборудование оставшихся в действии поездов быстро изнашивалось из-за неумеренной эксплуатации. К тому же трамвайное движение часто останавливалось вследствие отключения электроэнергии. Немногочисленные ходившие трамваи всегда были наполнены до отказа, люди висели на подножках. М. Бьюкенен, дочь британского посла Дж. Бьюкенена, сравнивала петроградские трамваи с двигающимися пчелиными ульями³⁰. Другой англичанин, Дж. Лэнсбери, удивлялся, что, несмотря на убыль населения, трамваи в Петрограде всегда были так же полны, как в Лондоне на набережной Темзы в утреннее и вечернее время³¹.

Самой тяжелой проблемой для населения Петрограда был, однако, продовольственный дефицит, который, в отличие от проблем с топливом и освещением, ощущался не только в зимнее, но и в летнее время. Первые перебои в продовольственном снабжении

проявились еще в начале 1917 г., они в значительной степени послужили поводом для начала массовых беспорядков, которые в дальнейшем привели к Февральской революции. При Временном правительстве была введена карточная система, причем нормы выдачи по карточкам несколько раз сокращались. После провозглашения Советской власти продовольственное положение на очень короткий срок улучшилось, однако вскоре началось его резкое ухудшение. Дезорганизация работы железнодорожного транспорта привела к перебоям с доставкой продовольствия в город. К примеру, 31 октября в Петроград прибыло только три вагона с продовольствием и фуражом, 1 ноября — шесть, в то время как для удовлетворения потребностей города требовалось ежедневно 28 вагонов³². Наиболее резкое сокращение норм выдачи продуктов началось с декабря 1917 г. В то же время составы с продовольствием, прибывшие к Петрограду, по каким-то труднообъяснимым причинам подолгу не разгружались. В начале 1918 г. в окрестностях города простаивало в общей сложности около 14 тысяч вагонов³³. К лету 1918 г. Петроград находился на грани голодной катастрофы. Как вспоминал известный экономист С.Г. Струмилин, современник тех событий, «картофельная шелуха, кофейная гуща и тому подобные „деликатесы“ переделываются в лепешки и идут в пищу; рыба, например, селедки, вобла и т. п., перемалывается с головой и костями и вся целиком идет в дело. Вообще ни гнилая картошка, ни порченное мясо, ни протухшая колбаса не выбрасываются. Все идет в пищу»³⁴. По подсчетам Струмилинина, при средней норме для работника физического труда в 3600 калорий в день, а при минимальной — 2700 калорий, продукты, получаемые по продовольственным карточкам, давали накануне революции 1600 калорий, а к началу лета 1918 г. — до 740, то есть 26–27% от минимальной нормы³⁵. Как свидетельствовал экономист, «решающую роль в общей выдаче играет хлеб; выдача других продуктов постепенно приобретает все более случайный характер»³⁶. Но и вместо хлеба зачастую распределялся овес. З.Н. Гиппиус записала в дневнике: «К весне 1919 года почти все наши знакомые изменились до неузнаваемости... Опухшим... рекомендовалось есть картофель с кожурой, но к весне картофель вообще исчез, исчезло даже наше лакомство — лепешки из

картофельных шкурок. Тогда царила вобла, и, кажется, я до смертного часа не забуду ее пронзительный, тошный запах»³⁷. Вот свидетельства еще одного современника тех лет, В.Б. Лопухина: «Мы пекли лепешки из жесткой маисовой муки, а когда ее не стало — из кофейной гущи... Варили кисель из случайно заполученного овса. Радовались, как деликатесу, брюквине. Не прививалась, из-за неприятного вкуса, замена в кофе и чае мне сахара сахарином. Искали патоку. У кого были гомеопатические аптечки с медикаментами в сахарных крупинках, опустошали такие аптечки»³⁸. Чтобы прокормиться, необходимо было покупать продукты на рынке. В частной торговле можно было приобрести любые продовольственные и промышленные товары. Э. Голдман с удивлением отмечала, что, в то время как все было строго рационировано и во всем чувствовался недостаток, на рынках в изобилии имелись мясо, рыба, картошка, мыло, обувь и другие товары³⁹. Однако далеко не все могли позволить себе делать покупки на рынках: в условиях инфляции удорожание продуктов значительно опережало рост заработной платы. К примеру, реальная заработная плата петроградских промышленных рабочих составляла относительно уровня 1913 г.: в 1917 г. — 81,6, в 1918 г. — 16,6, в 1919 г. — 20,8 и в 1920 г. — 9,6 %⁴⁰. Городскими властями предпринимались различные меры для облегчения продовольственного положения в Петрограде. Это, во-первых, натурализация заработной платы, за что как раз ратовал и своих статья С.Г. Струмилин⁴¹. Во-вторых, организация сети общественного питания. Первая общественная столовая была открыта еще в начале ноября 1917 г. на базе буфета Народного дома на Петроградской стороне⁴². Затем такие же столовые были открыты в различных районах города. Общественное питание было централизовано Петрокомпродом. К началу 1920 г. в городе насчитывалось уже свыше 700 коммунальных столовых, которыми пользовалось более 830 тысяч человек⁴³. Организация общественного питания имела большой положительный эффект, хотя и здесь было немало трудностей. В зимнее время многие коммунальные столовые и кафе-чайные периодически закрывались из-за отсутствия топлива⁴⁴. Качество продуктов, которыми кормили в общественных столовых, часто оставляло желать лучшего. Баронесса М.Д. Врангель, находившаяся на советской службе,

вспоминала: «Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками, ела темную бурду с нечищенной гнилой картофелею, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу или прежуткую пшеничную бурду, хлеба один фунт в день, ужасного из опилок, высевок дуранды и только 15% ржаной муки. Сидя за крашеными черными столами, липкими от грязи, все ели эту тошнотворную отраву из оловянной чашки, оловянными ложками»⁴⁵. Сотрудники Университета получали в университетской столовой, по свидетельству известного ученого и публициста П.А. Сорокина, «только горячую воду с плавающими в ней несколькими кусочками капусты»⁴⁶. Тем не менее, значение общественного питания трудно переоценить: неизвестно, что было бы, если бы горожане не имели хотя бы этого.

В организации общественного питания и борьбе с голодом велика была роль огородничества, получившего широкое распространение в черте Петрограда и его ближайших пригородах. Во всех районах города были созданы специальные огородные комиссии, которые взяли на учет весь земельный фонд, инвентарь и семена. Участки выделялись для коллективной обработки и для индивидуальной — в первую очередь рабочим и служащим. Всего к весне 1918 г. было роздано 2176 участков разной величины, общей площадью 5246 десятин земли⁴⁷. С профессионалами-огородниками заключались договора, по которым выращенный ими урожай овощей сдавался в Комиссариат продовольствия по заранее установленным и согласованным ценам. Благодаря огородничеству столовые города и заводов были обеспечены запасом картофеля и различных овощей.

Еще одной серьезной проблемой для жителей Петрограда, как и других российских городов, стал недостаток одежды. Иностранцев, приезжавших в страну, удивляло и поражало, как плохо были одеты здесь люди. Э. Сноуден отмечала, что, проехав от Петрограда до Астрахани, она встретила не более ста человек, чья одежда не была потерта и заношена до последней степени. «Университетские профессора приходили на встречу с нами, одетые не лучше английских бродяг! У знаменитого певца, выступавшего перед нами, пальцы торчали из ботинок! Женщины знатного происхождения и хорошего воспитания расхаживали

по мостовым с ногами, обернутыми войлоком, многие были без чулок»⁴⁸. А вот свидетельство А. Рэнсома: «Бросается в глаза, особенно на Невском, который всегда был заполнен людьми, одетыми по последней моде, общая нехватка новой одежды. Я не видел никого, чья одежда имела бы на вид меньше двух лет, за исключением некоторых офицеров и солдат. Петроградские дамы всегда питали особое пристрастие к хорошей обуви, и именно в обуви ощущался особенно сильный недостаток. Я видел одну молодую женщину в хорошо сохранившемся, по всей очевидности, дорогом меховом пальто, а под ним у нее виднелись соломенные туфли с полотняными оборками»⁴⁹. Знакомая К.И. Чуковского рассказывала ему, «что в церкви, когда люди станут на колени, очень любопытно рассматривать целую коллекцию дыр на подошвах. Ни одной подошвы без дыры!»⁵⁰. «Шла дама по Таврическому саду. На одной ноге туфля, на другой — лапоть», — это уже из дневника З.Н. Гиппиус⁵¹. Бедный вид жителей Петрограда отметил в своей книге «Россия во мгле» знаменитый английский писатель-фантаст Г. Уэллс, посетивший город на Неве в октябре 1920 г.⁵² Во время встречи с деятелями культуры в Доме Искусств гостю пришлось выслушать полуистерическое выступление писателя А.В. Амфитеатрова, который заявил: «...Многие из нас, и может быть, наиболее достойные, не пришли сюда позать вашу руку за неимением приличного пиджака, и... ни один из здесь присутствующих не решится расстегнуть перед вами свой жилет, так как под ним не окажется ничего, кроме грязного рванья, которое когда-то называлось, если я не ошибаюсь, „бельем“...»⁵³

Ситуация, сложившаяся с одеждой горожан, на первый взгляд, вызывает удивление: после революции прошло совсем немного времени, трудно поверить, что за этот срок носильные вещи могли так быстро прийти в негодность. При объяснении этого феномена следует учесть ряд факторов. Многим в условиях продовольственного дефицита пришлось продать или обменять на продукты большую часть своего гардероба, оставшиеся вещи действительно быстро изнашивались из-за постоянного употребления и трудностей ухода за ними (проблемы со стиркой из-за необходимости экономить воду, неработающие прачечные и ремонтные мастерские и т. п.). Осенью 1918 г. в городе в соответствии

с декретом Петроградского Совета проводилась кампания по изъятию теплых вещей у «нетрудовых элементов» для нужд фронта. Один из авторов «Красной газеты» заявлял по этому поводу: «Все должно быть отнято у тунеядствующих буржуев. Если понадобится, мы оставим их в одних комнатных туфлях, а лучшую теплую обувь и одежду отправим на фронт»⁵⁴. Надо также иметь в виду, что многие просто боялись одевать сохранившиеся у них хорошие вещи, опасаясь быть ограбленными, что при тогдашнем разгуле уличной преступности было вполне реально. Кроме того, с изменением условий жизни, исчезновением многих прежних форм досуга для людей, привыкших вести светский образ жизни, не оставалось возможности демонстрировать свои туалеты: они не слишком годились для того, чтобы таскать в них дрова или воду, убирать снег или скалывать лед. Соседка баронессы Врангель по дому, не лишенная чувства юмора, надевала свой лучший наряд на ночные дежурства у ворот дома, «облачаясь для потехи в оставшееся от бывшего великолепия вечернее платье, шикарную еще сохранившуюся шляпу и в белые перчатки, уверяя, что это единственный случай себя показать, так как, сидя на службе в грязи или дома стирая, такое на себя не наденешь, в театры же и в кинематографы ей ходить не по карману»⁵⁵. Наконец, следует учитывать одно обстоятельство. В послереволюционной России не без воздействия официальной пропаганды складывалось предубеждение против определенных элементов одежды. По внешнему виду определяли социально-классовую принадлежность. Сюртуки, шляпы, галстуки, манжеты считались отличительными признаками «буржуев» со всеми вытекающими последствиями для их носителей. Это напоминало положение в революционной Франции в период якобинской диктатуры, когда за пристрастие к атрибутам аристократической моды можно было прослыть врагом народа. Позднее, в 1920-е гг., борьба с «непролетарской модой» велась на страницах печати⁵⁶. Ничего удивительного, что многие представители «непролетарских» слоев старались не выделяться из общей массы и предпочитали одеваться попроще и похуже. Вместе с тем широкое распространение получили элементы «милитаризованного стиля» в одежде: шинели, фуражки, кожаные куртки. Сложился тип повседневной одежды,

вроде униформы, отличавший представителей элиты: кожаный френч, дополнявшийся сапогами и фуражкой военного образца. Кожанка, самый модный атрибут эпохи, служила символом революционных преобразований и ассоциировалась с принадлежностью к руководящим слоям нового общества. Желавшие приобщиться к «революционной культуре», особенно из числа молодежи, всячески стремились обзавестись кожанкой.

Культурная жизнь города, несмотря на все трудности, не замедляла даже в самые тяжелые времена. Театры, концертные залы, музеи продолжали работать, ставились новые спектакли, проводились лекции и экскурсии. В оперных и драматических театрах большим успехом пользовался классический репертуар. В Петрограде часто выступал Ф.И. Шаляпин. Предпринимались меры, чтобы активнее приобщать к театральным зрелищам рабочих. В определенные дни недели в театрах специально устраивались спектакли исключительно для рабочих, причем билеты не поступали в продажу, а распределялись Советом профсоюзов между рабочими организациями. Разумеется, и в работе культурных учреждений имелись немалые трудности, связанные в первую очередь с топливным кризисом. Например, 23 ноября 1919 г. Отдел театров и зрелищ в связи с недостатком топлива высказался за то, чтобы из государственных театров в зимний период функционировали только Мариинский и Александринский. Было решено закрыть оба театра Народного дома, Большой драматический театр, Стекланный театр за Невской заставой. Из районных театров было решено оставить не более четырех⁵⁷.

Многие жители города принимали участие в массовых празднествах, которые активно насаждались после революции. Центральное место среди них занимали годовщины Октябрьской революции. Красочные зрелища, театрализованные постановки с участием сотен и даже тысяч людей, иллюминации привлекали внимание жителей. Эти празднества носили идеологическую нагрузку, однако многие относились к ним просто как к новым формам досуга. Весьма существенно было то, что в дни крупных праздников иногда выдавали продукты сверх обычной нормы. Например, в первую годовщину революции, в ноябре 1918 г., жителям города было выдано по одной белой булке, что, видимо,

должно было поднять праздничное настроение. А.С. Изгоев язвительно замечал: «Советские граждане уже в то время в такой мере были ошарашены свалившимся на их голову социалистическим строительством и голодовкой, что об этой „белой булке“, действительно, говорили днями, старательно комментируя все сведения советской печати»⁵⁸.

Годы Гражданской войны были тяжелыми для всех жителей Петрограда, однако различные слои городского населения оказались при этом далеко не в одинаковом положении. Расслоение, деление на «своих» и «чужих» искусственно поддерживалось и усугублялось различными мерами городских властей. В первую очередь здесь надо назвать знаменитое постановление о классовом пайке, которое было принято Петроградским Советом 29 мая 1918 г. и вступило в силу с 1 июля того же года. Согласно этому постановлению, население Петрограда разделялось на четыре категории, в соответствии с получаемой по карточкам хлебной нормой. Петроград оказался первым городом России, в котором было проведено подобное разделение жителей.

Самые большие нормы — первой категории — предусматривались для рабочих. Однако, несмотря на свое формально привилегированное положение, петроградские рабочие переживали немалые трудности. Паек первой категории хотя и превосходил другие нормы, для нормального питания был явно недостаточен, составляя лишь около 20 % необходимого для поддержания жизнедеятельности организма. К тому же положенная норма не всегда выдавалась. В этих условиях рабочим приходилось идти на разные ухищрения, чтобы добыть пропитание. Некоторые занялись изготовлением ходовых товаров, как, например, на заводе Гейслера, где рабочие вместо производства телефонных и телеграфных аппаратов мастерили зажигалки⁵⁹. Огромные масштабы приняло воровство с предприятий инструментов и материалов, которые затем продавались или обменивались на продукты. Получил распространение отход рабочих в кустарную и мелкую промышленность, которая обслуживала крестьянский рынок и имела товары для обмена на хлеб. Однако, хотя особое положение рабочих в социальной структуре нового общества было в значительной степени декларативным, меры по улучшению их

жизни носили не только формальный и пропагандистский характер, некоторые из этих мер действительно имели важное практическое значение. Одним из первых законов Советской власти был принятый СНК 29 октября (11 ноября) 1917 г. декрет о восьмичасовом рабочем дне, которым также устанавливались сокращенный рабочий день на вредных производствах и двойная оплата сверхурочных работ⁶⁰. Это было очень существенно, если учесть, что до Февральской революции продолжительность рабочего дня на ряде предприятий достигала 12 часов, охраны труда почти не существовало. Мероприятия городских властей в области продовольственной политики — организация общественного питания, огородничества — были направлены в первую очередь на удовлетворение нужд рабочих. С начала 1919 г. для ряда категорий рабочих, занятых в основном на крупных предприятиях, был введен дополнительный трудовой паек — так называемый «бронированный». За март и апрель этого года фабрично-заводские комитеты и правления союзов распределили «бронированный» паек на 155 370 человек, работавших на 445 предприятиях⁶¹. Определенная поддержка, хотя и не столь существенная, оказывалась служащим различных государственных учреждений, получавшим пайки по карточкам второй категории.

Наиболее разительные перемены, по замыслам идеологов нового строя, должны были произойти в жизни тех, кого они относили к «нетрудовым элементам»: представителей буржуазии, дворянства, бывших чиновников старого аппарата. Помимо самой низкой нормы продовольственного пайка против «враждебных классов» был направлен целый комплекс различных мер — ограничения предпринимательской деятельности, замораживание текущих счетов в банках, кампания обысков для реквизиции ценных (и не очень ценных) вещей, введение трудовой повинности, жилищная политика, наконец, знаменитый «красный террор». Говоря о бедствиях, постигших бывшие привилегированные слои, следует воздерживаться от широких обобщений. Действительно, часть буржуазии и старого чиновничества стала жертвой «красного террора» или экономической политики советской власти. В то же время многие успели вовремя покинуть город и перебраться за границу или в районы, занятые антисоветскими силами.

Были и такие, которые сумели найти *modus vivendi* с новыми властителями и вполне благополучно устроить свою жизнь. В этом плане весьма показательным замечание бывшего служащего Центральной комиссии по трудовой повинности М. Смиг-Бенарио по поводу кампании по мобилизации «нетрудовых элементов» на принудительные работы в Вологду: «Что меня больше всего возмутило при собирании материалов о посылке мобилизованной буржуазии на Северный фронт, это то, что действительные капиталисты и спекулянты среди сосланных совершенно не были привлечены к трудовой повинности. Действительные капиталисты, по всей вероятности, вовремя откупилась»⁶².

Среди так называемых «бывших» в наиболее тяжелом положении оказались работники интеллектуального труда — ученые, преподаватели, деятели культуры. Крупными денежными накоплениями они, как правило, не располагали, спекулировать и заниматься другими подобными махинациями не умели, их единственным источником существования оставался скудный паек третьей или, в лучшем случае, второй категории. Многие ученые и преподаватели были вынуждены покинуть Петроград, многие умерли, не выдержав голода и лишений. Среди видных ученых, умерших в эти годы в Петрограде, были историки академики М.А. Дьяконов и А.С. Лаппо-Данилевский, филолог академик А.А. Шахматов, экономист М.И. Туган-Барановский, лингвист и этнограф академик В.В. Радлов, профессор геологии А.А. Иностранцев, главный хранитель Государственного Эрмитажа Э.Э. Ленц, известный пушкиновед П.С. Морозов и многие другие⁶³. По словам П.А. Сорокина, собрания профессорско-преподавательского состава Университета немногим отличались от поминок по умершим коллегам. Закрывая одно из таких собраний, ректор обратился к присутствующим с речью, полной мрачнейшего юмора: «Господа, покорнейше прошу вас не умирать так быстро. Отходя в мир иной, вы находите успокоение для себя, но создаете массу проблем нам. Вы же знаете, как трудно обеспечить вас гробами... и как дорого стоит вырыть могилу дня вашего вечного успокоения. Думайте прежде всего о своих коллегах и старайтесь протянуть как можно дольше»⁶⁴.

В то же время на властном, да и на бытовом уровне отношение к научной и творческой интеллигенции было не лучше, чем

к «буржуйам» — данный термин трактовался большевистской пропагандой весьма вольно и, как правило, расширительно и часто распространялся на людей, не имеющих никакого отношения к буржуазии как таковой. В «буржуи» можно было попасть не только за политические убеждения, но и даже за внешний вид и манеру изъясняться. Ученые, вузовские преподаватели неоднократно становились жертвами «красного террора», некоторые из них, в частности, были арестованы в качестве заложников. Именно тогда был в первый раз арестован видный историк С.Ф. Платонов, занимавший в то время пост директора Археологического института⁶⁵. Материальные бедствия ученых усугублялись, таким образом, моральным давлением. Не лучше было положение студентов. Их общее число резко сократилось: многие, бросив учебу, перешли на службу в советские учреждения, ушли в армию или уехали из города. В институтах оставалось по две-три сотни студентов. Занятия в холодное время года часто проходили в нетопленых кабинетах и лабораториях. В сентябре 1918 г. правление Российской Академии наук направило прошение в адрес Народного Комиссариата просвещения, в котором, в частности, говорилось: «В последнее время положение их (ученых. — В. М.) сделалось совершенно невыносимым: эти люди поставлены в наихудшие условия относительно питания, всевозможные случайности берут у них драгоценное время, так как их то арестуют, то привлекают к трудовой повинности, их квартиры не свободны от всевозможных случайных вторжений, их библиотеки — от разгрома и конфискации. В такой атмосфере невозможен умственный производительный труд, в котором нуждается Россия...» В прошении перечислялись меры, которые могли спасти русскую науку: «1) Прекращение похода против людей умственного труда и охрана властью их безопасности и свободы, их умственного труда от добавочной трудовой повинности. 2) Обезопасение их жилищ и рабочей обстановки от всевозможных случайных вторжений. 3) Принятие срочных мер для обеспечения лучшего питания переводом работников умственного труда в высшие категории...»⁶⁶ Несмотря на все трудности, многие ученые и в этих невыносимых условиях продолжали свой поистине героический труд, так как в этом был смысл их существования.

Когда в партийном и советском руководстве осознали, наконец, что дезорганизация работы научных и учебных учреждений может обернуться огромным ущербом для государства, ученым начали оказывать государственную помощь. 23 декабря 1919 г. СНК принял декрет «Об улучшении положения научных специалистов», в котором содержались положения о предоставлении продовольственных пайков, улучшении их жилищных условий, освобождении от различных повинностей⁶⁷. С февраля 1920 г. ученые и преподаватели стали получать академический паек, распределением которого в Петрограде ведала Петроградская комиссия по улучшению быта ученых⁶⁸. Но даже и теперь материальное положение многих ученых и учебных заведений было далеко не блестящим. Вот, к примеру, выдержки из письма, направленного в Петросовет руководством Петроградского университета в ноябре 1921 г., когда, казалось бы, мероприятия новой экономической политики уже начинали давать эффект и материальное положение в городе уже не было таким бедственным: «Совет Петроградского государственного университета, выслушав сообщение Правления о финансовом положении университета, давно уже не имеющего сколько-нибудь достаточного количества денежных знаков <...> постановил довести до сведения правительственной власти, что это положение вынуждает Университет... приостановить... неотложные строительные и ремонтные работы, в том числе ремонт общежитий студентов, которым буквально негде жить; прекратить даже необходимые закупки и объявить всему персоналу и рабочим, что Университет лишен возможности выплачивать жалованье и заработную плату. Как учебный, так и технический персонал Университета, не получая содержания с июля и при том доселе состоя на старых ставках, которые далеко не покрывают даже расходы на трамвай, не в силах долее исполнять свои обязанности»⁶⁹. О реальном улучшении жизни научной интеллигенции можно говорить лишь применительно к середине 1920-х гг.

Криминогенная ситуация и борьба с преступностью

Революционное преобразование старого строя, как обычно бывает в переломные моменты исторического развития, сопровождалось обострением внутренних противоречий и проблем, которые в периоды общественной стабильности либо существуют в скрытой форме, либо проявляются в гораздо меньшей степени. К числу таких явлений относятся уголовная преступность и другие виды девиантного (отклоняющегося) поведения, которые во времена революций и внутренних конфликтов, в обстановке хаоса, слабости и нестабильности власти, приобретают огромные масштабы. Именно это происходило в 1917-м и в последующие годы в России и, в частности, в ее бывшей столице — Петрограде.

Первые месяцы после февраля 1917 г. в Петрограде ознаменовались невиданным ранее разгулом уголовной преступности, буквально захлестнувшей город. Ухудшение криминогенной обстановки было предопределено всем ходом событий во время и после Февральской революции. Прежняя правоохранительная система была разрушена в дни революции явочным порядком. Восставшие солдаты и толпы народа вымещали свое озлобление против царского режима на его слугах: громили полицейские участки, жгли архивы полиции, отлавливали и убивали городских, жандармов, агентов сыска. Американский посол Д.Р. Фрэнсис следующим образом описывал события, свидетелем которых он был в февральские дни: «Полицейский участок через три дома от здания посольства (на Фурштатской улице. — В. М.) подвергся разгрому толпы, архивы и документы выбрасывались из окна и публично сжигались на улице — и то же самое происходило во всех

полицейских участках города. Архивы секретной полиции, включая отпечатки пальцев, описания примет преступников и т. д., были таким образом полностью уничтожены... Солдаты и вооруженные гражданские лица преследовали полицейских, разыскивая их в домах, на крышах, в больницах»⁷⁰.

10 марта 1917 г. Временное правительство санкционировало фактически уже осуществленную ликвидацию департамента полиции, а чуть позже был формально упразднен корпус жандармов. Одновременно были предприняты меры для создания новой правоохранительной системы. 10 марта правительство приняло постановление об учреждении Временного управления по делам общественной полиции по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан (в июне переименовано в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан), а 17 апреля утвердило Временное положение о милиции⁷¹. Вновь созданная милиция оказалась, однако, неэффективной. Подготовка милиционеров была низкой, вследствие недостаточного финансирования не доставало оружия и обмундирования. Ощущалась нехватка квалифицированных кадров, так как было запрещено принимать на милицмейскую службу лиц, служивших ранее в полиции⁷². Должного внимания борьбе против преступности не уделялось: различные политические силы были заняты главным образом выяснением отношений между собой. Не лучшим образом на организации работы органов охраны порядка сказывался сложившийся весной 1917 г. параллелизм: наряду с городской милицией, находившейся в ведении органов городского самоуправления, стала создаваться рабочая милиция, подчинявшаяся Советам рабочих и солдатских депутатов (после июльских событий рабочая милиция была упразднена Временным правительством)⁷³. Милицмейское руководство не отличалось должной энергией и инициативой. Начальник городской милиции (с лета 1917 г.) Н.В. Иванов, адвокат по специальности, по словам одного из работников милицмейского управления, «никаким авторитетом ни у своих подчиненных по управлению, ни у комиссаров, ни у начальства не пользовался. Никогда он не пробовал проявить хотя бы малейшую

инициативу в смысле реорганизации, упорядочения милиции, относясь к своим обязанностям совершенно по-казенному»⁷⁴.

В обстановке усиливавшегося разброда и хаоса преступные элементы чувствовали себя все более вольготно. Отсутствие контроля при раздаче оружия гражданским лицам привело к тому, что на руках у населения скопилось огромное количество единиц огнестрельного оружия. Уголовное население города росло. По амнистии Временного правительства на свободу вышло большое количество отпетых уголовников (их называли «птенцами Керенского»). Газета «Петроградский листок» констатировала: «То, что Петроград сегодня обокран и разграблен, не должно удивлять нас, поскольку из различных тюрем было выпущено около 20 тысяч воров. Грабители получили полные гражданские права и свободно ходят по улицам Петрограда. Офицеры уголовной милиции подчас узнают воров на улице, но ничего не могут сделать»⁷⁵. 7 марта помощник градоначальника издал предписание комиссарам районов регистрировать освободившихся уголовных заключенных, являющихся в комиссариаты, и «выдавать им удостоверения, подтверждающие их явку и обязывающие их явиться в места, которые будут указаны особым объявлением Петроградского общественного градоначальника, в трехдневный срок по издании этого объявления».⁷⁶ Особого эффекта это предписание не имело, так как бывшие заключенные, естественно, не спешили являться в комиссариаты и регистрироваться.

Другим источником пополнения преступного элемента были многочисленные дезертиры. Некоторые солдаты тыловых частей, принимавшие участие в февральских событиях, в казармы так и не вернулись. К ним присоединялись дезертиры с фронта. Как правило, все эти люди были вооружены. К середине 1917 г. в городе скопилось от 50 до 60 тысяч дезертиров⁷⁷. На рост армии уголовников оказывала влияние также безработица, особо разросшаяся уже после свержения Временного правительства. В результате сворачивания военного производства многие рабочие, занятые ранее на военных заводах, оказались на улице. Далеко не все из них имели возможность или желание уехать из Петрограда. Безработные и праздная молодежь образовывали шайки и занимались хулиганством. Стали возникать целые

слободы, заселенные уголовниками и дезертирами. Такие поселения располагались, в частности, в Гавани на Васильевском острове, на острове Голодай, в Семенцах, на Лиговке, в Песках, в Полуострове. Милиционеры просто боялись там появляться⁷⁸.

После октябрьских событий 1917 г. новые власти предприняли шаги для реорганизации правоохранительной системы. Хотя милиция стояла на позиции невмешательства в политическую борьбу и во время событий 24–26 октября соблюдала нейтралитет, большевистское руководство считало ее неблагонадежной. 28 октября вышло постановление нового правительства об образовании рабочей милиции⁷⁹. На следующий день Н.В. Иванов был снят с поста начальника городской милиции. В районах контроль новой власти над правоохранительными органами устанавливался следующим образом: милицейские комиссариаты занимались отрядами солдат или красногвардейцев, посланными Военно-революционным комитетом, прежние комиссары увольнялись от должности, и на их место назначались новые, уполномоченные от ВРК. Личный состав милиции по-разному относился к изменениям: часть служащих была готова сотрудничать с советской властью, другие от этого решительно отказывались. До начала 1918 г. длился своеобразный «переходный период»: кое-где продолжали еще функционировать органы старой милиции, в то же время предпринимались меры для организации новых структур охраны правопорядка. 2 декабря решением Исполнительного комитета Петроградского Совета был образован Комитет революционной охраны Петрограда в составе представителей от Петросовета, городского самоуправления, межрайонного совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, Красной гвардии и штаба Петроградского военного округа⁸⁰. На одном из заседаний Комитета был рассмотрен проект организации охраны города. В Петрограде вводилась милицейская повинность. Промышленные предприятия должны были выделять определенное количество рабочих, из которых формировались батальоны дружинников. Дежурный батальон в течение недели нес охрану в своем районе, затем переходил в запас, а дежурить в порядке очередности начинал другой батальон⁸¹. Одновременно к несению службы по охране порядка привлекались отряды солдат и

Красной гвардии. 30 декабря Петроградским Советом было принято постановление об окончательной ликвидации старой милиции к 30 января 1918 г.⁸²

Переходный процесс протекал достаточно болезненно, подчас на местах возникал некоторый вакуум, когда старые структуры уже не действовали, а новые еще не были сформированы. Такая ситуация отмечалась, к примеру, на заседании Исполкома Василеостровского районного Совета 3 января 1918 г. Один из выступавших заявлял, как записано в протоколе, что «постановление Петроградского Совета о роспуске милиции ставит комиссаров в очень тяжелое положение. Милиционеры отказываются сдавать оружие и требуют выдачу жалованья за шесть месяцев вперед. Окончательный расчет назначен на 30 января, но милиционеры отказываются нести службу и дежурства. Чтобы не остаться без всякой охраны, необходимо найти какой-нибудь компромиссный выход, чтобы убедить милиционеров исполнять служебные обязанности»⁸³. После роспуска управления городской милиции (решение о котором было принято Народным Комиссариатом внутренних дел 4 декабря) при осмотре занимаемого им помещения в доме № 2 по Гороховой улице была обнаружена картина полного разгрома: была изуродована вся мебель, провода оборваны, телефонные аппараты и большая часть пишущих машинок расхищены. В распоряжении бывшего начальника милиции было 10 автомобилей и 10 мотоциклов, а при осмотре гаража там оказалось всего по два автомобиля и мотоцикла. Выяснилось, что многие делопроизводства были взяты служащими на дом. Кроме того, было расхищено много ценных канцелярских принадлежностей, юридические книги и другое имущество. Как отмечалось в отчете об осмотре помещения, «это ужасное дело разгрома явно указывает на желание бывших служащих милиции создать разруху и лишить преемников возможности успешно продолжать работу»⁸⁴.

Очевидная слабость правоохранительной системы в конце 1917 — начале 1918 г. создавала условия для дальнейшего роста преступности. Заметное влияние оказывало ухудшение экономической ситуации. Уровень жизни в городе стремительно снижался, возникли перебои в снабжении продуктами и предметами

первой необходимости. В условиях нищеты, голода и всеобщего дефицита, когда становилось невозможно добыть законным путем самые элементарные продукты и вещи, даже в прошлом вполне законопослушные люди могли решиться на противозаконные действия. При анализе причин ухудшения криминогенной ситуации следует учесть и причины физиологического и психологического порядка. Постоянное недоедание, нервное напряжение, стрессы угнетающе действовали на психику людей, способствуя развитию агрессивности. Накапливавшаяся в организме отрицательная энергия должна была искать выход. Это приводило к росту конфликтов на бытовом уровне, которые также нередко имели своим результатом правонарушение. Сыграли свою роль и официальная, а также анархистская пропаганда. Отрицание библейских заповедей и общечеловеческой морали, насаждение классовой ненависти, лозунги типа «Грабь награбленное!» способствовали исчезновению уважения к чужой собственности, обесцениванию человеческой жизни. Многие видели в большевистских лозунгах оправдание для беззакония и насилия.

Вскоре после большевистской революции в городе поднялась волна погромов. Основным объектом посягательств стали запасы вина и пива, хранившиеся в подвалах Зимнего дворца и на многочисленных складах. Первые известия о погромах стали поступать в ВРК в середине ноября. 14 ноября был разграблен пивоваренный завод Дурдина на Обводном канале. Охранявшие завод солдаты железнодорожного батальона сами начали ломать замки и пить пиво, а собравшаяся у ворот толпа в несколько сот человек с ведрами была пропущена солдатами во двор завода. Порядок восстановила прибывшая на место учебная команда Петроградского полка⁸⁵. С конца месяца пьяные погромы стали распространяться по всему городу. Особо широких масштабов они достигли в начале декабря, когда были разграблены винные склады на Васильевском острове, Вознесенском проспекте, Галерной и Пантелеймоновской улицах⁸⁶. Происхождение погромной вакханалии объяснить трудно. В советской историографии погромы связывались с подстрекательской деятельностью буржуазных элементов, якобы готовивших антисоветское выступление⁸⁷. Имеющиеся в распоряжении материалы пока не дают

возможности ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение. Изданные ВРК приказы о запрещении производства алкогольных напитков и предании суду лиц, занимающихся их изготовлением и продажей, виновных в хищении вина и появляющихся в общественных местах в состоянии опьянения⁸⁸, не имели большого эффекта. Безобразия продолжались. В ночь на 7 декабря толпа одетых в солдатскую и матросскую форму людей ворвалась в Зимний дворец и принялась грабить винные запасы. К утру к погромщикам стали присоединяться новые группы любителей спиртного. Прибывший отряд красногвардейцев и солдат никак не мог восстановить порядок. Оргия длилась еще несколько часов, пока не прибыли пожарные, которые затопили подвалы дворца, при этом многие перепившиеся погромщики утонули (свидетельницей этих событий была дочь английского посла Дж. Бьюкенена М. Бьюкенен)⁸⁹. Имели место случаи нападения пьяных толп, искавших спирт, на аптеки. Правление профсоюза аптечных служащих обращалось в ВРК с требованием принять экстренные меры для недопущения подобных эксцессов⁹⁰. При борьбе с погромами властям пришлось прибегнуть к уничтожению винных запасов. Около аптек были поставлены караулы. На предприятиях рабочие за появление на работе в нетрезвом состоянии наказывались вплоть до увольнения⁹¹. С середины декабря волна погромов начала стихать и к началу 1918 г. почти исчезла. Однако отдельные рецидивы случались и в январе–марте 1918 г. Например, 9 января около 70 вооруженных солдат совершили нападение на винный погреб Балабинской гостиницы в Александро-Невском районе. По прибытии красногвардейцев и милиционеров произошло вооруженное столкновение, закончившееся гибелью двух и ранением четырех человек⁹². 24 января двухтысячная толпа, пытавшаяся разгромить винный склад на Екатерининском канале, была разогнана отрядом красногвардейцев⁹³. В середине марта объектом нападения снова стал завод Дурдина. Собравшиеся здесь громилы, большинство в состоянии сильного опьянения, открыли беспорядочную стрельбу из ружей. Подоспевший армейский отряд с трудом прекратил разгром, при разгоне хулиганов двое из них были убиты⁹⁴.

Общее количество уголовных преступлений в городе, увеличившееся в конце 1917 г. на волне погромов, в начале 1918 г.

несколько уменьшилось. Если в декабре 1917 г. по городу было зафиксировано 1368 правонарушений, в следующем месяце их было только 699⁹⁵. Однако уровень преступности оставался очень высоким, и предпосылок для его дальнейшего снижения не имелось, так как продолжавшееся ухудшение жизненных условий способствовало его поддержанию. Росло количество безработных, все больше дезертиров, бежавших с разваливавшегося фронта, наводняли город (неслучайно преступники очень часто были одеты в солдатскую форму). Уличные грабежи стали обычным явлением. Человек мог в любой момент подвергнуться на улице нападению и быть лишен всего сколько-нибудь ценного, что он имел с собой, или даже раздет. «Союзником» грабителей была царившая на улицах темнота: в зимнее время в Петрограде темнеет очень рано, а электрическое освещение на улицах и в домах после октября 1917 г., как уже упоминалось, из-за нехватки электроэнергии давалось с большими перебоями и периодически отключалось. Жители города старались по вечерам без крайней нужды не покидать своих домов. Однако и дома нельзя было чувствовать себя в полной безопасности. Частные квартиры часто становились объектами грабежей, причем далеко не всегда сумма похищенного была значительной, то есть грабились не только богатые квартиры. По-видимому, наряду с опытными бандитами действовали шайки дилетантов, которые вламывались в первую попавшуюся квартиру. Грабители нередко действовали с бессмысленной, садистской жестокостью, зверски убивая целые семьи хозяев квартир⁹⁶. Человеческая жизнь максимально обесценилась, убить могли за какую-нибудь мелочь. Так, в октябре 1918 г. в своей квартире был зверски убит двенадцатилетний сын мастера мастерской ломовых качек; убийца (им оказался вскоре задержанный девятнадцатилетний рабочий той же мастерской) похитил 159 рублей и четыре продовольственные карточки⁹⁷.

С начала 1918 г. налетам особенно часто стали подвергаться магазины и склады. В середине января этого года отмечалась серия разгромов складов на Гутуевском острове, сообщалось о хищениях вина, консервов, ткани, сукна и других товаров, причем среди грабителей были замечены матросы, в частности, с ледокола «Ермак»⁹⁸. Случаи краж и разгромов, особенно в продовольственных

лавках и складах, участились в мае 1918 г.⁹⁹, что было неудивительно: именно в это время продовольственное положение города было особенно тяжелым. Действуя с чрезвычайной наглостью, банды грабителей устраивали налеты не только на частные квартиры и магазины, но и на государственные учреждения. 22 февраля 1918 г. трое сотрудников Комиссариата юстиции, которые везли на извозчике крупную сумму денег, полученную в казначействе для выдачи жалованья служащим, у самых дверей комиссариата были застигнуты автомобилем, из которого выскочили трое грабителей и, угрожая револьверами, захватили деньги и скрылись¹⁰⁰. В один из январских дней среди бела дня был ограблен М.С. Урицкий: бандиты сняли с него шубу, когда он на извозчике следовал в Таврический дворец¹⁰¹. При проведении своих «акций» грабители нередко сами выдавали себя за представителей власти. Под видом сотрудников ЧК или милицейских органов, предъявляя поддельные мандаты и ордера на обыск, они являлись на квартиры и — особенно часто — в общественные места. К примеру, в ночь на 24 февраля 1918 г. в гостиницу «Медведь» явилась группа вооруженных лиц. Представившись отрядом ЧК и предъявив фальшивый ордер на обыск, злоумышленники забрали у посетителей 40 тысяч рублей и скрылись, но позднее их предводителей, неких Смирнова и Занозу, удалось задержать. По постановлению ЧК они были расстреляны¹⁰².

Еще одним характерным явлением для «послеоктябрьской» преступности стали преступления против личности и имущества граждан и подданных иностранных государств. Вечером 29 января 1918 г. тремя вооруженными лицами, одетыми в солдатскую форму, на Моховой улице был ограблен голландский консул. Вечером следующего дня нападению подвергся итальянский посол, маркиз делла Торетта: на углу Михайловской площади и Итальянской улицы трое неизвестных на автомобиле преградили ему путь и под предлогом поиска оружия отобрали у него портфель и сняли с него шубу; в 25-градусный мороз, коченея от холода, посол с трудом добрался до своих апартаментов¹⁰³. Несколько ранее, в новогоднюю ночь 1918 г., было совершено нападение на итальянское посольство, однако высланный армейский отряд сумел предотвратить разгром¹⁰⁴. Под видом реквизиции был

ограблен склад, принадлежавший датскому подданному Х. Аскову. 11 октября 1918 г. на склад явились несколько вооруженных лиц в красноармейской форме. Один из них, назвавшись комиссаром, но не предъявив никакого ордера, заявил, что для предстоявшего празднования годовщины пролетарской революции они реквизируют все имеющиеся на складе лампочки и проволоку. Всего изъяли электролампочек на сумму около 82 тысяч рублей. Председатель местного Совета, узнав об этой реквизиции, произведенной якобы по его приказу, был крайне удивлен и заявил, что подобного приказа он не давал¹⁰⁵. 19 ноября того же года грабежу подверглось имущество швейцарской миссии, временно находившееся на хранении в здании норвежского посольства (наб. р. Мойки, 42). Около десяти вооруженных лиц, явившись в здание, предъявили ордер на обыск, якобы от Петросовета, затем, войдя в помещение, обезоружили и связали двух охранников и вынесли 21 чемодан с деньгами и ценностями на общую сумму около 7 миллионов рублей. Через несколько дней, в ночь на 24 ноября, предположительно теми же лицами было ограблено испанское посольство¹⁰⁶.

Иностранцы встречались не только среди жертв преступлений, но и среди самих преступников. Особенно тесно с проблемой преступности был связан китайский вопрос. Во время войны петроградские промышленники, чтобы компенсировать потерю рабочих рук вследствие призыва части рабочих в армию, стали вербовать на свои предприятия китайцев. К 1917 г. в Петроград приехало более 10 тысяч китайцев¹⁰⁷. Они трудились в основном строителями и малоквалифицированными рабочими на фабриках. Находясь в бесправном положении и почти не владея русским языком, китайцы одними из первых испытали на себе воздействие экономического кризиса: многие из них теряли работу, что и толкало их на преступления. Обычно жертвами преступников-китайцев оказывались их же соотечественники. В частности, 21 декабря 1918 г. сообщалось об убийстве бандой китайцев владельцев чайной по Предтеченской улице, китайца Ли Фа и его жены, и разграблении их квартиры и чайной¹⁰⁸. 19 января 1919 г. был убит председатель Союза китайских рабочих Чжан Юйцан, причем за два дня до убийства в ЧК поступила

жалоба на самого Чжан Юйцана, в которой утверждалось, что он занимался неблагоприятными делами: спекулировал продовольственными карточками, собирал дань с китайских рабочих под угрозой ареста¹⁰⁹. Временами китайская преступность выходила за рамки самих китайских общин: так, в середине июня 1918 г. сообщалось о покушении китайцев, проживавших в квартире в доме № 21 по Кузнечному переулку, на жизнь жителя той же квартиры Бондарева, его жены и брата¹¹⁰. Районы расселения китайских общин, в частности в Новой Деревне, Песках и Семенцах, изобиловали тайными притонами и курильнями опиума. При обыске в китайском общежитии в доме № 102 по Воронежской улице в апреле 1918 г. обнаружили более фунта опиума, другие наркотические средства, оружие, два десятка колод игральных карт¹¹¹. В числе преступников попадались и другие иностранцы. Например, в марте 1918 г. арестовали двух индусов, занимавшихся грабежами, преимущественно на Васильевском острове и Петроградской стороне. Ими было совершено около 40 грабежей.¹¹²

Помимо обычных уголовников, грабежами и разбоями в городе занимались анархисты. Свои действия они прикрывали «идейными» мотивами. Орган Петроградской федерации анархистов «Буревестник» открыто призывал к погромам¹¹³. В городской и районные Советы поступали многочисленные сообщения о самочинных захватах анархистами зданий и ограблении квартир. На Васильевском острове анархисты захватили особняк барона Гинцбурга и отказались очистить его, несмотря на категорическое предписание Петроградского Совета. Когда, наконец, их удалось выдворить оттуда, оказалось, что в особняке разграблены все драгоценности, расхищены или попорчены ковры, картины и гобелены, вывезена мебель, с оставшихся кресел и диванов содрана обшивка¹¹⁴. Также на Васильевском острове в ночь на 24 февраля 1918 г. был ограблен столичный ломбард. Грабители, числом около 15 человек, подъехавшие на двух автомобилях, заявили сторожам, что они анархо-коммунисты и грабят только богатых. Действительно, мелких вкладов они не тронули. Всего же было похищено ценностей на сумму 600–700 тысяч рублей.¹¹⁵

Вакханалию грабежей пытались обуздать суровыми мерами. В силу постановления чрезвычайной охраны Петрограда,

изданного в конце февраля 1918 г., грабители и погромщики подлежали расстрелу на месте. За день и ночь 26 февраля расстреляли 20 человек¹¹⁶. Это постановление на первое время заставило преступников несколько поумерить свой пыл. «Красная газета» за 8 марта отмечала значительное снижение количества вооруженных нападений и грабежей. Однако полтора месяца спустя, 20 апреля, на страницах той же газеты констатировалось, что, «несмотря на суровые меры... преступления как будто не уменьшаются». На улицах города временами разыгрывались настоящие бои между шайками преступников и силами охраны порядка. Один такой бой произошел 31 марта 1918 г. около ресторана «Севастополь» (Обводный канал, 153), когда во время обыска в ресторане группа вооруженных лиц оказала сопротивление проводившим обыск красноармейцам. Перестрелка, перекинувшись на улицу, длилась несколько часов. Только после прибытия солидного подкрепления красноармейцы заставили противника сдаться. В перестрелке было убито восемь бандитов и восемь ранено, столько же было раненых среди красноармейцев¹¹⁷. Ожесточенная перестрелка произошла в апреле того же года на крышах домов около театрального клуба на Литейном проспекте, в котором банда злоумышленников пыталась произвести самочинный обыск. Члены клуба сумели сообщить о происходившем в ближайший комиссариат, откуда срочно прибыл наряд бойцов революционной охраны и красногвардейцев. Шестеро бандитов были схвачены, один из них, ранивший в перестрелке охранника, был тут же расстрелян¹¹⁸.

Велико было и количество бытовых преступлений. Обилие оружия на руках у населения в сочетании с обостренной агрессивностью приводило к тому, что люди стали прибегать к этому «аргументу» при ссорах и сведении личных счетов. В одном из номеров «Красной газеты» за март 1918 г. описан трагический случай во Владимирской церкви. Во время венчания бывшая возлюбленная жениха, желая отомстить счастливой сопернице, пыталась облить ее кислотой. Однако жених был начеку: выхватив револьвер, он тремя меткими выстрелами размогил мстительнице голову. В поднявшейся суматохе жених сумел скрыться¹¹⁹. В Нарвском районе солдат Разумов, вернувшись с фронта, узнал об измене невесты и, недолго думая, пристрелил ее. За это

убийство он был приговорен судом всего лишь к одному месяцу тюремного заключения¹²⁰.

Ответом жителей города на уголовный террор стали самосуды над пойманными с поличным преступниками. Первые случаи подобных расправ зафиксированы еще до октября 1917 г., однако особо широкий размах они приобрели в первой половине следующего года. Сводки о происшествиях изобилуют подобными случаями. Когда двое из пятерых бандитов, ограбивших в январе 1918 г. ювелирный магазин на Загородном проспекте и убивших при этом владельца, были задержаны и доставлены в комиссариат, вокруг собралась толпа и потребовала выдачи преступников. Получив отказ, люди ворвались в комиссариат, насильно вывели задержанных во двор и расстреляли их¹²¹. В феврале несколько неизвестных в солдатской форме по подложному ордеру производили обыск в квартире в доме № 17 по Прядильной улице. Прохожим показался подозрительным оставленный ими автомобиль, и они сообщили в комиссариат, откуда вскоре прибыл помощник комиссара с нарядом. Трех из злоумышленников удалось задержать, но в штаб был доставлен только один из них: с двумя другими толпа покончила самосудом¹²². 15 апреля толпой народа в комиссариат был доставлен неизвестный, пытавшийся ограбить квартиру в доме № 59 по Екатерининскому каналу. Допустив составление протокола, толпа выволокла грабителя на улицу и утопила в канале¹²³. В один из тех же дней были задержаны двое из троих грабителей, покушавшихся на квартиру в одном из домов на Безбородкинском проспекте. Во время допроса вокруг собралась огромная толпа, которая требовала выдачи задержанных. Поскольку предотвратить самосуд не представлялось возможным, грабители по постановлению следственной комиссии Выборгского района были в срочном порядке расстреляны¹²⁴.

Участники самосудов доходили до крайней степени ожесточения, и если кто-то порой пытался удержать их от незаконных расправ, тот сам мог стать жертвой озверевшей толпы. Подобный случай, описанный в нескольких газетах, имел место на набережной Фонтанки в мае 1918 г. Когда толпа хотела расправиться с человеком, подозреваемым в воровстве, двое из собравшихся стали настаивать на том, что его вина не доказана и что следует

передать его в руки правоохранительных органов. В результате гнев толпы обратился и против этих двоих, и все трое были утоплены в реке¹²⁵. Самосуды стали серьезной проблемой, их развитие вызвало беспокойство властей. Правительство, в начале 1918 г. еще находившееся в Петрограде, призывало со страниц «Известий»: «Самосуды — пятно на революции, они позорят ее честь. Не совершайте бессудных расправ над кем бы то ни было!»¹²⁶ Однако обуздать вырвавшиеся наружу низменные инстинкты было непросто. Тем более что сама же большевистская пропаганда, отрицавшая прежнюю «буржуазную» систему судопроизводства, вольно или невольно внушала людям мысль, что им самим принадлежит право выносить приговор и карать. А.М. Горький писал в «Несвоевременных мыслях»: «Уничтожив именем пролетариата старые суды, народные комиссары этим самым укрепили в сознании улицы ее право на самосуд — звериное право»¹²⁷. С другой стороны, самосуды были реакцией обывателей на слабость правоохранительных органов, своего рода способом самозащиты, хотя, по замечанию Горького, самосуды никого не устрашали и отнюдь не приводили к снижению уровня преступности. Другой современник описываемых событий, генерал А. Будберг, отмечал: «Вообще самосуд начинает прививаться; очевидно, они сродни нам, а сейчас, кроме того, дает хоть какой-нибудь ответ на общий вопль найти где-нибудь защиту»¹²⁸. Только с 1919 г., когда система охраны правопорядка и судопроизводства начала более или менее отлаживаться, случаи бессудных расправ стали сходить на нет и в конце концов прекратились: за вторую половину 1919 г. не было отмечено ни одного случая самосуда.

В такой тяжелой обстановке новым властям приходилось заниматься организацией и налаживанием работы правоохранительной системы. В первые послеоктябрьские месяцы положение усугублялось отсутствием какой бы то ни было централизации и разграничения компетенции в области охраны порядка. Помимо Комитета охраны действовала Чрезвычайная комиссия, которая также располагала вооруженными отрядами, имела право не только арестовывать и вести следствие, но и выносить приговоры и не была подотчетна Петроградскому Совету, подчиняясь непосредственно СНК. Кроме того, с ноября 1917 г. по февраль 1918 г.

существовал Комитет по борьбе с погромами. По собственному усмотрению действовали командование петроградского гарнизона и революционные трибуналы. Для городского руководства важной задачей было не только укрепление органов охраны правопорядка, но и систематизация их деятельности. Решением Петроградского Совета от 28 марта общее руководство деятельностью по охране порядка было передано только что образованному Комиссариату внутренних дел Петроградской Трудовой Коммуны, при котором создавался Отдел наружной охраны¹²⁹. В ведении отдела находился Комитет революционной охраны, который непосредственно руководил работой правоохранительной системы через районные комитеты. Одновременно было решено перейти от системы милиционной повинности к кадровой милиции¹³⁰. В каждом районе формировались отряды гвардейцев охраны, набор которых возлагался на районные комитеты революционной охраны. В отряды на добровольной основе принимались лица от 18 до 40 лет, не имевшие судимости. Гвардейцы несли постовую и патрульную службу по охране города. Довольствие, вооружение и обмундирование они должны были получать на общих условиях с красноармейцами¹³¹. С мая по июль 1918 г. Комитет революционной охраны находился в ведении М.С. Урицкого, который возглавлял одновременно Петроградскую ЧК и Комиссариат внутренних дел СКСО.

18 июля 1918 г. Комитет революционной охраны был по решению Петроградского Совета реорганизован в Комендатуру революционной охраны. Назначением комендатуры, по определению Положения о революционной охране города Петрограда, были наблюдение за внешним порядком в городе, защита «всех граждан от насилий и самоуправств» и проведение в жизнь правительственных распоряжений и постановлений. Общее руководство охраной города принадлежало Центральной комендатуре, которой подчинялись районные и порайонные комендатуры (всего в городе было образовано 14 районных и 49 подрайонных комендатур). Центральная комендатура состояла из коменданта, которым был назначен В.С. Шатов, и двух его помощников, утверждаемых Петросоветом. В компетенцию Центральной комендатуры входили организация и распределение вооруженной силы для охраны

города, издание обязательных постановлений о внешнем порядке, финансирование районных комендатур, снабжение их оружием и транспортными средствами, контроль над их работой¹³². В своей деятельности Центральная комендатура была подотчетна Комиссариату внутренних дел СКСО и получала средства по смете этого комиссариата. Общее количество гвардейцев охраны во второй половине 1918 г. колебалось в пределах 6–7 тысяч человек (на 15 декабря 1918 г. — 6705 человек)¹³³, что нельзя было считать достаточным для выполнения всех возложенных на них функций. Кроме того, в распоряжении Комиссариата внутренних дел находился полк по охране города Петрограда, сформированный на базе бывшего Семеновского полка. Полк насчитывал в разные периоды около 2000–2500 человек, его основным назначением была охрана ценностей и государственных учреждений. Караулы полка размещались, в частности, в Государственном банке и других финансовых учреждениях, в Петросовете, в Городской думе, в Петропавловской крепости, у складов на Гутуевском острове, на телефонной станции¹³⁴.

Наряду с вооруженной постовой и патрульной охраной на улицах города осуществлялась наружная самоохрана домов, введенная в феврале 1918 г. Домовладельцы и домовые комитеты должны были нанимать сторожей и организовать круглосуточную сторожевую охрану. В обязанности самоохраны входило наблюдение за порядком и чистотой около своих домов и сообщение в комиссариаты милиции (позднее — комитеты и комендатуры революционной охраны) обо всех замеченных беспорядках¹³⁵. После объявления Петрограда на осадном положении в мае 1919 г. самоохрану решено было усилить. 3 мая Отдел управления Петросовета издал приказ домовым комитетам и комендантам домов в трехдневный срок организовать круглосуточную домовую охрану на основе всеобщей повинности, привлекая всех жильцов в возрасте от 18 до 50 лет. У всех входящих и выходящих предписывалось проверять документы, ворота должны были закрываться с 21 часа вечера до 7 часов утра¹³⁶. В конце ноября 1919 г. наружная охрана домов в ночное время (с 23 часов до 7 часов утра) была заменена дежурствами наемных сторожей, которые могли находиться в закрытом помещении и выходили

к воротам по звонку¹³⁷. 18 августа 1918 г. правительством было утверждено «Положение о советской милиции», определявшее основные принципы организации правоохранительных структур в центре и на местах¹³⁸. На основании положения следовало унифицировать работу милицеских органов в городах и губерниях. В Петрограде и Петроградской губернии соответствующая реорганизация была проведена весной 1919 г. В связи с ликвидацией системы СКСО упразднялись областные комиссариаты.

Вместо Комиссариата внутренних дел 27 апреля было образовано окружное полномочное представительство Народного Комиссариата внутренних дел, в круг деятельности которого входили дела, находившиеся ранее в ведении областного комиссариата¹³⁹. 5 мая 1919 г. Отдел управления Петроградского Совета (принявший на себя ряд функций упраздненного Совета Комиссаров СКСО) издал приказ о переименовании Центральной комендатуры революционной охраны в Управление Петроградской советской рабоче-крестьянской милиции. Подрайонные комендатуры преобразовывались в городские участки. Комендант города Петрограда отныне именовался начальником Петроградской городской советской милиции, районные и подрайонные коменданты — начальниками милиции районов и участков, гвардейцы революционной охраны теперь назывались советскими милиционерами¹⁴⁰. В том же месяце в городе началась организация женской милиции.

Работа милицеских органов на протяжении всего рассматриваемого периода сопровождалась большими трудностями. Помимо некомплекта кадров, они были связаны с хронической нехваткой обмундирования, вооружения, неудовлетворительным продовольственным снабжением. Шатовым и последующими руководителями петроградской милиции было сделано немало для исправления положения в этой области, однако добиться радикального улучшения не удавалось. С осени 1919 г. петроградская милиция оказалась в особо сложных условиях. В связи с белогвардейским наступлением на Петроград почти половина личного состава была призвана в действующую армию. Был практически ликвидирован конно-милицеский отряд, милиция лишилась автомобильного транспорта, отправленного на

фронт. Оставшимся в городе милиционерам приходилось нести службу с двойной нагрузкой, их рабочий день доходил до 16 часов в сутки. Это при том, что, по словам тогдашнего начальника городской милиции П. Рощана, новое обмундирование и обувь не выдавались с 1918 г., все лучшее оружие было отдано в армию, а взамен были выданы винтовки Бердана устаревшего образца (их называли «палками») ¹⁴¹. Некоторое улучшение положения намечилось с конца зимы 1920 г. После окончания военных действий и демобилизации численность милиции несколько увеличилась, с марта милиция была зачислена на фронтовой паек, было проведено ее перевооружение, восстановлен конный отряд ¹⁴². Однако и в дальнейшем жалобы на неудовлетворительное состояние дел в городской милиции не прекращались. На совещании милиционерского актива в январе 1921 г. один из руководителей петроградской милиции И.П. Рекстин заявлял, что снабжение и вооружение милиции находится «ниже всякой критики», около 70 % милиционеров «почти босые и оборванные», у многих неисправно оружие. Главмилиция «отпускает какие-то остатки, которыми можно одеть только 50 человек». Рекстин обрисовал сложность положения с кадрами: многие увольняются, среди служащих растет процент заболеваний и проступков по службе ¹⁴³.

Необходимо сказать и о таком важном подразделении системы охраны правопорядка, как уголовный розыск. Начало его деятельности было положено еще при Временном правительстве. В июне 1917 г. было образовано Столичное управление уголовным розыском ¹⁴⁴. В ноябре того же года управление было реорганизовано в отдел уголовного розыска при центральной уголовно-следственной комиссии. С февраля 1918 г. уголовный розыск находился в ведении Комиссариата юстиции. Во главе его до декабря 1918 г. стоял опытный специалист А.А. Кирпичников, бывший начальник сыскной полиции ¹⁴⁵. В своей работе уголовный розыск также сталкивался с большими трудностями. Отделу в течение первого года работы несколько раз приходилось переезжать в различные помещения, как правило, непригодные, из технического оборудования имелись лишь крохотные остатки от того, что удалось спасти от прежних сыскных отделений, секретной агентуры не существовало. Диапазон деятельности

уголовного розыска был непомерно широк, ему на первых порах приходилось участвовать в политических расследованиях, делах о должностных преступлениях, саботаже, спекуляции и др.¹⁴⁶. Лишь со второй половины 1918 г. начали делаться попытки систематизировать его работу. На межведомственном совещании 30 июля 1918 г. было решено реорганизовать уголовный розыск на началах более тесного сближения со следственными органами. При каждой следственной комиссии должно было существовать отдельное бюро уголовного розыска, при Центральной следственной комиссии — Центральное бюро уголовного розыска¹⁴⁷. В феврале 1919 г. уголовный розыск был передан из Комиссариата юстиции в Комиссариат внутренних дел, в составе которого считался самостоятельным отделом¹⁴⁸. С июля 1920 г. уголовный розыск носил название Петроградская губернская следственно-розыскная милиция, а еще через год был переименован в Отдел уголовного розыска при Петроградской губернской милиции¹⁴⁹. Именно с 1921 г. началась более планомерная работа по упорядочению деятельности уголовного розыска: был издан ряд приказов и инструкций, регламентирующих его функции, принимались меры к повышению квалификации кадров, к использованию научно-технических приемов борьбы с преступностью, включая фото, дактилоскопию, химический анализ и т. д.¹⁵⁰

Меры по улучшению работы правоохранительных органов, несмотря на все трудности в этом деле, давали определенные результаты. В 1918–1919 гг. милиция и уголовный розыск обезвредили несколько крупных банд грабителей, в частности шайку Александрова (Паныча), хранившего награбленные ценности в склепе на Охтинском кладбище, 16 налетчиков во главе с Афанасьевым (Мишкой-портным), на счету которых было 20 грабежей на сумму около миллиона рублей¹⁵¹. К 1919 г. удалось добиться значительного снижения уличной преступности, в городе стало спокойнее. Если, к примеру, за июль 1918 г. было зарегистрировано 635 уличных краж и грабежей и 245 квартирных¹⁵², в августе 1919 г. было отмечено лишь 17 уличных краж и 497 квартирных¹⁵³. Хотя количество квартирных краж выросло вдвое, это были в основном мелкие кражи. Если судить по информации суточных рапортов о происшествиях, меньше стало квартирных

грабежей, сопровождавшихся насилием в отношении хозяев, зато возросло число случаев проникновения воров в квартиры в отсутствие жильцов путем подбора ключей. Кроме того, обитатели коммунальных квартир, которых в городе становилось все больше в результате проведения так называемых уплотнений, часто обворовывали друг друга. В целом за первую половину 1919 г. по городу было зарегистрировано 3806 хищений, 19 налетов и 58 убийств (за вторую половину 1918 г., соответственно, 5902, 54 и 153)¹⁵⁴. Среди районов города первое место по уголовной статистике занимал Первый Городской район, за ним следовали Петроградский и Второй Городской. Самая спокойная обстановка была в Пороховском и Петергофском районах (см. табл. № 1).

Таблица № 1

Статистика преступлений по районам Петрограда в 1918–1919 гг.*

Районы	Вторая половина 1918 г.	Первая половина 1919 г.
Первый Городской	1521	917
Петроградский	1127	743
Второй Городской	729	488
Рождественский	618	383
Выборгский	496	265
Василеостровский	383	340
Нарвский	309	120
Невский	280	267
Новодеревенский	138	86
Охтинский	104	74
Адмиралтейский	96	14
Пороховской	60	14
Петергофский	41	9

* Источник: ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 3. Д. 16. Л. 35.

Помимо краж и грабежей распространенным типом правонарушений были различные виды мошенничества, в частности продажа поддельных бриллиантов, фальшивых документов, обвешивание покупателей. В конце 1918 — начале 1919 г. участились случаи подделок продовольственных карточек и различных машин с ними¹⁵⁵. Количество мошеннических операций не снижалось и в последующие годы: за первую половину 1921 г., к примеру, 1561 человек подвергся аресту за мошенничество¹⁵⁶. Сравнительно немногочисленны дела фальшивомонетчиков. В начале 1918 г. уголовному розыску удалось накрыть две группы фальшивомонетчиков, занимавшихся изготовлением фальшивых «керенок» достоинством в 20 и 40 рублей¹⁵⁷. С июня по ноябрь 1918 г. было арестовано 16 человек за фабрикацию денежных знаков и 56 — за сбыт фальшивых денег¹⁵⁸. В прессе сообщалось о расстреле 16 фальшивомонетчиков в январе 1919 г. по постановлению ЧК¹⁵⁹. К 1920 г. случаи подделки денежных знаков совершенно прекратились, так как в условиях гиперинфляции и преобладания бартерного обмена товарами заниматься этим не было никакого смысла.

Начавшаяся со второй половины 1921 г. относительная стабилизация жизни в бывшей столице, казалось бы, должна была привести к снижению уровня преступности. С ликвидацией дефицита основных продуктов питания и предметов первой необходимости исчез один из главных стимулов к правонарушениям, а правоохранные органы стали организованнее и обеспеченнее технически. Однако оживление предпринимательской деятельности с введением нэпа стимулировало новое усиление бандитизма: появились шайки, специализировавшиеся на грабежах «нэпманов» — богатых торговцев и предпринимателей. Сравнение результатов работы милиции за 1921 и первую половину 1922 г. (см. табл. № 2) говорит не только об усилении ее эффективности, но и о новом оживлении криминального мира. За 1922 г. было зарегистрировано в общей сложности 26 710 правонарушений — почти на 10 тысяч больше, чем в 1920 г. (16 806)¹⁶⁰. Говорить о реальном снижении уровня преступности можно лишь применительно к середине 1920-х гг. (количество зарегистрированных преступлений за 1923, 1924 и 1925 гг., соответственно, — 18 452, 16 650 и 7899)¹⁶¹.

Таблица № 2

**Сравнительная сводка деятельности петроградской милиции за
1921 г. и первую половину 1922 г.***

	1921 г.	Первая половина 1922 г.
Аресты	67 384	196 947
Обыски	27 771	83 829
Облавы	4706	12 432
<i>Задержано:</i>		
контрреволюционеров	2824	1401
бандитов	7312	7973
воров-рецидивистов	56 980	38 456
военных дезертиров	44 639	22 801
дезертиров труда	89 563	12322
<i>Отобрано:</i>		
винтовок	4747	5012
пулеметов	79	97
револьверов	2704	5128
штыков	608	716
Применение оружия	856	2240
* Источник: Рабоче-крестьянская милиция. 1921 № 1. С. 14.		

Борьба с проявлениями девиантного поведения, спекуляцией, должностными преступлениями

Новая власть руками органов внутренних дел — милиции, НКЧК, Рабоче-крестьянской инспекции — вела борьбу также против должностных преступлений в государственных и хозяйственных органах, спекуляции и ряда «пережитков прошлого», которые по своей сути не являются очевидными преступными деяниями, но или относятся к проявлениям девиантного поведения, или не согласуются с морально-правовыми нормами определенного общественно-политического строя: пьянством, наркоманией, проституцией, азартными играми.

Сухой закон, введенный в стране в 1914 г., остался в силе и после большевистской революции. Искоренить употребление спиртного, однако, не удалось ни в годы Первой мировой войны, ни после 1917 г. Хотя повторения массовых «пьяных погромов» после зимы 1917/18 г. в городе не наблюдалось, борьба с пьянством оставалась серьезной проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода. В донесениях из районов неоднократно сообщалось о том, что в частных кафе, чайных и ресторанах продолжается подпольная торговля спиртным. При обходе милиционерами сводно-боевого отряда гостиниц и ночлежных домов на Литовском проспекте в ночь на 5 июля 1919 г. в гостинице «Аркадия» на углу Литовского и Кузнечного переулка обнаружилось, что, как сказано в рапорте, «все помещения были заняты настолько пьяной публикой, что двери некоторых номеров пришлось взламывать, ибо ночующие там находились в бессознательном состоянии. Номерщик и коридорный... также были пьяны»¹⁶². Широко распространилось самогоноварение. Любопытно, что около половины задержаний за изготовление и

хранение спиртных напитков приходилось на один из самых благополучных районов города — Пороховской (за декабрь 1918 г. — 30 из 67)¹⁶³. Гнали самогон и в близлежащих селах и деревнях (причем этим занимались только русские крестьяне; в деревнях с финским населением, как отмечалось в материалах Токсовского волостного исполкома, самогонварения не было¹⁶⁴).

Сотрудники милиции, на которых возлагался контроль за соблюдением сухого закона, нередко и сами оказывались уличены в пьянстве, причем это касалось не только рядового, но и командного состава. За четыре последних месяца 1919 г., к примеру, за пьянство был наказан 81 сотрудник милиции¹⁶⁵. Вот довольно типичный пример: начальник 14-го участка милиции А.А. Жигарь, находясь на именинах у своих знакомых, дал распоряжение инструктору своего участка достать спирт; когда спирт был доставлен, Жигарь распил его вместе с другими участниками застолья. Смольнинский народный суд, рассмотрев дело Жигаря (помимо распития спирта, ему также инкриминировалось хищение дров), приговорил его к двум месяцам исправительного дома с «лишением общественного доверия» (весьма загадочная формулировка) на шесть месяцев¹⁶⁶. Однажды «попался» в состоянии алкогольного опьянения и сам комендант города В.С. Шатов. В один из октябрьских вечеров 1918 г. патруль отряда имени Володарского остановил на Невском проспекте автомобиль, одним из пассажиров которого оказался нетрезвый Шатов. На требование предъявить документы Шатов разразился руганью и угрозами, военного коменданта Спасского района А.С. Ракова (будущего героя Гражданской войны) назвал болваном¹⁶⁷. Только после введения нэпа сухой закон официально отменили.

Вызванные введением сухого закона трудности с добыванием спиртного влекли за собой рост потребления наркотических средств. Наиболее распространенными в городе наркотиками были кокаин и морфий. Наркотик средней тяжести кокаин изготавливается из листьев коки — растения, произрастающего в Южной Америке, и представляет собой белый порошок, который вдыхается через нос для достижения наркотического опьянения. В Европе он появился в конце XIX в. и вскоре получил весьма широкое распространение, потеснив на подпольном

рынке другие наркотические средства. В Россию этот наркотик проник в 1910-е гг. В то время он имел хождение в основном в ночных увеселительных заведениях, его называли «наркотиком для богатых»¹⁶⁸. После 1917 г. круг потребителей кокаина значительно расширился, в него стали вовлекаться солдаты, матросы, представители бывших городских низов, начавшие заполнять бывшие фешенебельные кафе и рестораны. Кокаином здесь стали торговать почти в открытую. В феврале 1918 г. в Комиссариат внутренних дел поступила записка от одного медицинского работника, в которой констатировалось, что после ограничения продажи спиртного проститутки и уголовные элементы стали пользоваться другими дурмящими веществами, в первую очередь кокаином. «Появились целые шайки спекулянтов, расширяющих его, и сейчас редкая проститутка не отравляет себя кокаином. Кокаинизм, по-видимому, распространился в последнее время и среди других слоев городского пролетариата»¹⁶⁹. Кокаин, наряду со спиртным, находили в различных притонах, как, к примеру, произошло в сентябре 1919 г. при обыске в гостинице «Москва» на углу Невского и Владимирского проспектов¹⁷⁰. Распространению наркомании способствовало закрытие частных аптек, в результате чего значительное количество наркотических веществ было выброшено на рынок. Кроме того, в течение 1918 г., до окончания германской оккупации Прибалтики и Белоруссии, из оккупированных областей через демаркационную линию и из Финляндии через Кронштадт поступал контрабандный немецкий кокаин¹⁷¹. Случалось, наркотики предлагали прямо на рынках и улицах. К примеру, в начале мая 1918 г. помощником комиссара 1-го Казанского подрайона задержаны двое татар, торговавшие кокаином прямо на улице среди бела дня¹⁷².

Среди торговцев и потребителей наркотиков кокаин был известен под разными зашифрованными названиями — марафет, белая фея, антрацит, кокс и др.¹⁷³ В одной из милицейских сводок о происшествиях за февраль 1918 г. зафиксирован трагикомический случай: в один из подрайонных комиссариатов Казанского района явился некий Арнаутов и потребовал, чтобы его арестовали и расстреляли. Столь необычное требование Арнаутов объяснил тем, что он не хочет больше жить из-за своего пристрастия

к кокаину, для добывания которого он способен на преступление. После врачебного обследования Арнауты был отправлен в больницу Николая Чудотворца¹⁷⁴. Как и в случае со спиртным, среди потребителей кокаина порой оказывались не только низы общества, но и опора власти—служащие милиции, ЧК, моряки, а также киноактеры¹⁷⁵. В январе 1919 г. на заседании петроградской комиссии по борьбе с проституцией среди основных причин ее развития называлось «чрезвычайное распространение в последнее время, особенно среди молодежи, в частности учащихся, кокаиномании». Члены комиссии требовали принять меры к пресечению торговли кокаином в кафе и прочих увеселительных заведениях, строго контролировать продажу сильнодействующих веществ в аптеках и т. д.¹⁷⁶ С 1919 г. за распространение наркотических веществ стали арестовывать и приговаривать к длительным срокам лишения свободы — на 10 лет и более. Принимаемые суровые меры, однако, не давали должного эффекта. После закрытия кафе и меблированных комнат в центральной части города подпольная торговля кокаином переместилась в чайные, общественные столовые, ночлежки уже по всему городу. Возникла целая сеть кокаиновых очагов в Невском, Спасском, Литейном, Московском районах, главным образом вблизи Николаевского и Царскосельского вокзалов. В народе эти очаги называли «чумными чайными»¹⁷⁷.

Второе место вслед за кокаином занимал морфий. Распространение морфинизма было вызвано условиями военного времени, когда морфий стал легкодоступен благодаря его широкому использованию в качестве обезболивающего средства в военной медицине. Употребление морфия было распространено в первую очередь среди самих врачей и медицинских работников, однако нередко он поступал из медицинских учреждений и на сторону. На одном из кораблей Балтийского флота существовал даже «клуб морфинистов»¹⁷⁸. В последующий период морфинизм начал постепенно угасать, кокаинизм же, напротив, расцвел пышным цветом в условиях нэпа. Тогда кокаин стал поступать в огромных количествах из-за границы, его провозили в начинке папирос, в медальонах, часах, перстнях, фруктах и т. д. Гонения же на торговцев наркотиками после окончания Гражданской войны

ослабели, до конца 1924 г. в Уголовном кодексе РСФСР даже не было четко сформулированной статьи о привлечение к ответственности за распространение наркотиков. Среди проживавших в городе китайцев, как уже упоминалось, было распространено курение опиума, который порой шел в продажу на сторону.

Под запретом оказалась при советской власти и «древнейшая из профессий» — проституция. Число публичных домов в Петрограде стремительно сокращалось уже с начала века, и к 1917 г. дома терпимости в обычном понимании этого слова — как закрытые заведения — исчезли¹⁷⁹. После Февральской революции упразднили Врачебно-полицейский комитет, отменена регистрация проституток, в результате чего бывшие «легальные» — так называемые бланковые и билетные проститутки оказались в одинаковом положении с «нелегальными». В годы Гражданской войны число женщин, занимавшихся продажей своего тела, резко сократилось. Понижение уровня проституции в 1917–1920 гг. объясняется не столько воздействием репрессивных мер, сколько естественными причинами. Город обезлюдел, закрылось большинство кафе и ресторанов. Под влиянием голода и бытовых неурядиц понизилась сексуальная активность. Из 7840 арестованных и задержанных за июнь–сентябрь 1918 г. только четверо были арестованы за изнасилование, за декабрь того же года — один из 1209.¹⁸⁰ Тем не менее проституция не исчезла полностью. Тайные притоны возникали на частных квартирах, в гостиницах и ночлежных домах. При проведении облавы в уже упоминавшейся гостинице «Москва» в сентябре 1919 г. обнаружили, что «гостиница эта является в полном смысле этого слова притоном, где проделывают свою вакханалию женщины, продающие себя, и уголовные элементы»¹⁸¹. Определенный уровень спроса на интимные услуги поддерживался благодаря присутствию в городе значительного числа солдат и матросов. Определить точное количество «жриц любви» в городе не представлялось возможным, в 1920 г. называлось приблизительное число в 17 тысяч, действовало около 300 притонов¹⁸². За «любовь» расплачивались теперь не только деньгами, но и «натурой»: продовольствием, продовольственными карточками, ордером на жилплощадь, а иногда и освобождением арестованных родственников.

Методы борьбы с проституцией неоднократно были предметом рассмотрения на различных межведомственных совещаниях с участием представителей комиссариатов внутренних дел, здравоохранения и юстиции. Звучали предложения отказаться от законодательного запрещения проституции, которое все равно не приведет к успеху, и начать борьбу с осуществлением строгой регламентации, делая упор на меры воспитательного характера¹⁸³. Сторонники филантропической линии находились главным образом среди медиков, которые стремились взять борьбу с проституцией в свои руки. В 1918 г. при Комиссариате здравоохранения СКСО организовали Венерологический совет, несколько позже была образована межведомственная комиссия под председательством комиссара здравоохранения Е.П. Первухина¹⁸⁴. На заседании Венерологического совета 27 ноября 1918 г. проанализировали различные факторы, способствовавшие появлению проституции (экономические, жилищные, психические и т. д.) и разработали рекомендации различным комиссариатам по осуществлению мер, которые должны были способствовать искоренению проституции. Так, Комиссариату социальной помощи рекомендовали оказывать помощь женщинам, выходящим из больниц, приютов, тюрем, организовать общежития для приезжих девушек, Комиссариату труда — создать особые должности инспектрис женского труда, следить за биржами труда, где нередко промышляли сводницы, Комиссариату юстиции — усилить меру наказания за сводничество, растление малолетних, заражение венерическими болезнями, Военному комиссариату — обратить внимание на посещение красноармейцами и матросами гостиниц и меблированных комнат и т. д.¹⁸⁵ Совет решительно возражал против установления особого надзора за продажными женщинами и какой-либо правовой дискриминации последних. Этой же линии придерживалась и возникшая в конце 1919 г. при Наркомате социального обеспечения Межведомственная комиссия по борьбе с проституцией¹⁸⁶.

В то же время при борьбе с проституцией практиковались и репрессивные меры. Звучали предложения обязать женщин «без определенных занятий» явиться в подотделы принудительного труда для получения работы по специальности или обучения

профессии, уклонявшихся от явки предполагалось направлять в женские трудовые колонии¹⁸⁷. С.Н. Равич доказывала эффективность использования принудительного труда для искоренения проституции¹⁸⁸. На проституток устраивались облавы. В мае 1919 г. в Петрограде организовали первый в стране концлагерь принудительных работ для женщин, а в конце того же года на станции Разлив создали женскую трудовую колонию со строгим режимом для «злостных проституток»¹⁸⁹. За первую половину 1921 г. за занятие проституцией задержали 114 женщин¹⁹⁰. Ни «мягкие», ни «жесткие» меры не могли, однако, привести к полной ликвидации проституции. Более того, в период нэпа, когда было восстановлено денежное обращение, народился новый слой городской буржуазии, стали снова открываться рестораны и другие увеселительные заведения, а с другой стороны, уровень безработицы, в том числе среди женщин, оставался очень высоким, торговля «любовью» вновь активизировалась. В 1922 г. начальник петроградской милиции И.С. Серов отмечал: «Все более или менее оживленные улицы города в вечерние и ночные часы кишат... женщинами, откровенно торгующими своим телом и обращающими на себя внимание своим вызывающим поведением...»¹⁹¹

Несовместимыми с принципами построения нового общества считались также азартные игры. Еще 24 ноября 1917 г. ВРК постановил «закрыть все клубы и притоны, где производится игра в карты»¹⁹². Те же меры предприняли и в отношении игры в рулетку и лото. В июне 1918 г. Совет Комиссаров СКСО постановил прекратить производство на карточной фабрике¹⁹³. Однако азартные игры, так же как и вышеупомянутые явления, невозможно было уничтожить репрессивными мерами. Власти закрывали одни клубы и притоны, но на их месте появлялись другие, действовавшие нелегально или под вывеской всевозможных «культурных» объединений, любители азартных игр перемещались на частные квартиры. За июнь–сентябрь 1918 г. за карточную игру задержали 188 человек¹⁹⁴. За вторую половину 1919 г. милицией зафиксировано 304 случая игры в карты на деньги¹⁹⁵, т. е. ряды любителей карт отнюдь не поредели. Не брезговали картами и сами милиционеры: за последние четыре месяца 1919 г. 31 стража порядка наказали за это увлечение¹⁹⁶. Против законодательного запрещения

азартных игр выступал М.И. Калинин, возглавлявший до середины 1918 г. Комиссариат городского хозяйства. Отмечая, что репрессивные меры не дают положительных результатов, он предлагал легализовать игры в определенных пределах, а клубы и собрания, в которых они будут проводиться, обложить налогом в пользу города в размере 10–30 % от валового дохода, что могло бы дать городскому хозяйству более 6 миллионов рублей в год¹⁹⁷. Г. Благодоров, исполнявший в то время (в апреле 1918 г.) обязанности Комиссара внутренних дел, отреагировал на выступление Калинина следующим образом: «Согласен с товарищем Калининным, что полицейскими мерами азартных игр не уничтожить, их не уничтожить также и теми мерами, которые предлагает товарищ Калинин. Дадут ли предлагаемые меры средства городу, не знаю. Я не был сторонником декрета о закрытии клубов, но полагаю, что раз он издан, необходимо с его отменой не спешить»¹⁹⁸. В результате предложение М.И. Калинина так и не было реализовано.

Если против карт и рулетки новые власти начали борьбу сразу после октября 1917 г., игра на бильярде продолжала еще некоторое время легально существовать, в то время как в городских верхах шла дискуссия о целесообразности ее запрещения. 28 мая 1918 г. Петроградская городская управа, рассмотрев ходатайство Объединенной комиссии ресторанный промысла города Петрограда, постановила разрешить игру на бильярде в заведениях ресторанный промысла «при условии недопущения азартной игры»¹⁹⁹. Последнее условие, однако, трудно было контролировать. Поэтому в Исполкоме Петросовета в конечном итоге победила точка зрения о необходимости полного запрещения бильярдной игры, что и было сделано к октябрю 1918 г.²⁰⁰

Органам внутренних дел, помимо прочего, вменялось в обязанность вести борьбу против спекуляции. Мероприятия, проводимые в этой сфере, не давали, однако, должного эффекта, поскольку борьба против спекуляции и хищения товаров, как правило, подменялась борьбой против частной торговли вообще. На рынках периодически устраивались облавы, во время которых реквизиции продуктов и задержания производились совершенно бессистемно и случайно. В Петросовет и другие органы поступали

жалобы, в которых говорилось о реквизициях ненормированных продуктов на рынках, причем отбирали не только у торговцев, но и у купивших. При этом товары выхватывались силой и угрозой оружием. Особенно часто такое происходило на Клинском рынке. Такие меры не могли привести к искоренению частной торговли, так как слишком для многих она была источником существования. Поэтому, как писала З.Н. Гиппиус: «На нее большевикам поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы и лишь периодически громить и хватать покупающих–продающих»²⁰¹.

В 1919 г. была сделана попытка упорядочить частную торговлю, ввести ее в определенные рамки. 29 августа Исполком Петросовета издал постановление об урегулировании уличной торговли. Постановлением запрещалась всякая торговля на улицах, площадях и во дворах города. Торговля продуктами питания и предметами домашнего обихода разрешалась только на девяти определенных рынках, при наличии соответствующего разрешения и уплате регистрационного сбора. Детям до 16 лет и лицам мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет заниматься торговлей вообще запрещалось. Виновные в нарушении постановления подлежали задержанию и отправке на принудительные работы на срок до шести месяцев, а их товар конфисковывался²⁰². За несовершеннолетних ответственность несли их родители. Комиссариат продовольствия вменял в обязанность милиционерам останавливать автомобили и повозки, перевозящие в пределах города зелень и овощи, и требовать предъявления документов, удостоверяющих, откуда и куда доставляются продукты. Лица, уличенные в провозе овощей без документов, подлежали «аресту и революционному суду как способствующие спекуляции»²⁰³. Была ужесточена ответственность для лиц, виновных в хищении продуктов питания или злоупотреблении ими: такие лица карались как за спекуляцию и приговаривались к тюремному заключению или к общественным работам на срок от трех месяцев до трех лет²⁰⁴. На железнодорожных вокзалах и станциях ужесточили контроль заградительные отряды.

В середине 1920 г. городские власти решили окончательно отказаться от «либерального» подхода и полностью запретить частную торговлю, закрыть все рынки и частные магазины.

Это решение было проведено в жизнь 30–31 июля. Было опечатано 2556 частных магазинов и ларьков, в каждом районе организовывались государственные магазины по распределению предметов первой необходимости, которые торговали по твердым ценам. Рынки ликвидировались, а конфискованные на них продукты распространялись между детскими столовыми²⁰⁵. Закрытие рынков не привело, да и не могло привести к исчезновению спекуляции. Безрезультатность этой радикальной меры была вполне предсказуема, так как делалась попытка ликвидировать следствие, не затрагивая причину. Спекуляция лишь приняла другие формы. На улицах, около закрытых рынков, продолжали торговать. В начале сентября 1920 г. комендантом Петрограда была устроена облава в разных частях города: у Детскосельского вокзала, у Клинского рынка и на углу Невского и Литейного проспектов. При проведении этого рейда было задержано 342 торговца, причем 239 из них были в красноармейской форме²⁰⁶. Бесплезность и вредность проводимой политики хорошо понимали некоторые члены Петроградского Совета. На заседании Совета 20 августа выступающий Файнштейн подверг резкой критике решение о закрытии рынков: «Нам объясняют, почему были закрыты рынки — там происходила торговля краденым. Совершенно верно. Так что же, от того, что закроют рынки, кражи прекратятся? Разве от того, что закрылись магазины, прекратилась спекуляция? Спекуляция теперь находится около рынков. Если спекуляция будет прекращена на улицах, она будет в домах. Спекулянты и советские буржуи фактически не пострадали при закрытии рынков, а пострадала беднота»²⁰⁷. Оратор отверг как несостоятельный аргумент о том, что закрытия рынков требовали рабочие: он, по его словам, слышал от рабочих противоположное. Ликвидация частной торговли, не устранив проблему, в то же время породила другую. На рынках жители города имели возможность приобрести что-то из продуктов или промышленных товаров или обменять на продовольствие свои вещи и изделия. Теперь такая возможность исчезла. Государственные магазины на некоторое время наполнились товарами, конфискованными в частном секторе, но вскоре в них воцарилась привычная пустота. Лишь в следующем году, с началом осуществления нэпа, запрет с частной торговли в Петрограде был снят.

Жизнеспособность спекуляции обеспечивалась самой ситуацией, сложившейся в сфере распределения. Весной 1918 г. в Петрограде ввели карточную систему распределения основных продуктов. Всеобщий дефицит и отсутствие надлежащего контроля создавали для должностных лиц, причастных к сфере распределения, широкие возможности для личного обогащения и осуществления различного рода незаконных операций, которые они часто осуществляли. И спекуляцию в значительной степени подпитывали сами органы распределения. В одном из номеров «Красной газеты» за май 1919 г. отмечалось, что свободным товаром, находящимся в частных руках, спекулировать перестали — он израсходовался, зато стали спекулировать товаром, выкраденным из советских учреждений. Был приведен пример, как сахар, предназначенный для выдачи рабочим-строителям железной дороги Петроград–Орел, путем различных махинаций оказался на свободном рынке, рабочие же остались ни с чем²⁰⁸. Положение, сложившееся в сфере распределения, ярко охарактеризовано в одном из постановлений, принятых Петроградским Советом летом 1918 г.: «В настоящее время происходит хищническое и самовольное получение грузов, систематически грузы выпускаются по разрешениям уже ликвидированных воинских частей и других несуществующих организаций, сплошь и рядом грузы, вывозимые по разрешениям Советской власти, не поступают непосредственно на место потребления, а направляются на противоположные (так в тексте. — В. М.) пункты для образования искусственных запасов в целях спекуляции... Даже фабзавкомы и другие организации иногда стоят не на высоте положения, занимаются обманом, передачей, перепродажей между собой... всякого рода материалов, преследуя при этом свои часто эгоистические интересы и игнорируя общие задачи, производят самовольные реквизиции и конфискации, вторгаются в компетенцию других учреждений...»²⁰⁹

Ревизиями, проводимыми органами РКИ, вскрылись крупные злоупотребления в нескольких районных коллегиях Комиссариата продовольствия. В январе 1919 г. в результате ревизии в коллегии Компрода Петроградского района были обнаружены «полная безотчетность... и целый ряд злоупотреблений и даже

преступных действий со стороны должностных лиц Компрода»²¹⁰. В частности, уполномоченный Петроградского Компрода Грачев и заведующий отделением лавок и складов Крикман были изобличены в хищении продуктов, реквизированных в магазине братьев Елисеевых, путем подлога в акте реквизиции²¹¹. При ревизии отдела транспорта коллегии выяснилось, что при наличии 15 годных автомобилей и 9 лошадей отдел пользовался еще 81 подводой частных извозчиков; недовоз и растрата при таком способе перевозки выразились за август 1918 г. в сумме 48 575 рублей²¹². В итоге проверки отделение по ревизии райкомпродов постановило привлечь к ответственности уполномоченного районной коллегии Компрода Грачева, главного бухгалтера Федоровского и нескольких членов коллегии «по обвинению в бездействии власти и в преступном нерадении по службе»²¹³. Грачев и его сподвижники еще не раз оказывались замешанными в скандальных делах. Имя Грачева фигурировало в мае 1919 г. в связи с махинациями в рецептурном отделе Петроградского Компрода, когда выяснилось, что служащие рецептурного отдела выписывали рецепты на получение продуктов на свое имя под предлогом, что сами больны, и получали продукты и выдавали их своим знакомым чаще и в больших количествах, чем настоящим больным. Как сказано в донесении коллегии контроля Петроградских районных компродов, «...служащим Компрода выдавали из запасов, предназначенных для больных, продукты... по заведомо фиктивным рецептам, каковой порядок выдачи введен самим уполномоченным Грачевым... Действительно больные граждане района, помимо сокращения нормы выдач, обставлены еще такими условиями, что для получения продукта по рецепту должны простоять в очереди целую ночь за номером, дающим право на вход в Компрод. Между тем для своих знакомых... такие формальности не соблюдаются»²¹⁴. Через несколько дней, 31 мая, коллегия контроля приняла постановление, изобличающее Грачева, членов коллегии Петроградского Компрода Н.Ф. Виллевалдта и А.В. Неймана, заведующих отделами А.К. Жиха, З.К. Гарбуза и М.Ф. Бойцова (в постановлении они фигурируют как «бывшие», то есть к тому времени они уже были отстранены от исполнения своих обязанностей) в «превышении власти и незаконной раздаче продуктов сверх

нормы в ущерб интересам населения». Дело вышеперечисленных лиц было решено передать в юридический отдел Петроградского отделения Государственного контроля²¹⁵. К сожалению, документы не дают возможности проследить, получили ли наконец Грачев и его присные по заслугам за свои художества.

Значительные злоупотребления были обнаружены в результате ревизии ряда других компродов летом и осенью 1919 г. Членам коллегии Компрода Пороховского района ставилось в вину, что ими делались незаконные распоряжения о выдаче продуктов учреждениям и частным лицам без карточек, учет имущества полностью отсутствовал, в лавках и столовых были обнаружены неточные весы и гири; в учреждении широко привился nepoтuзм: 11 лиц пристроили на службу своих ближайших родственников²¹⁶. Против уполномоченного коллегии П. Ефимова и нескольких членов коллегии было возбуждено уголовное дело²¹⁷. В марте 1920 г. вскрылись злоупотребления в Нарвско-Петергофской коллегии. В ведомости на получение продовольственных карточек, составленные домовыми комитетами бедноты и различными учреждениями, вписывались мертвые души, причем количество приписанных несуществующих едоков доходило до 20 %. Продукты, полученные для этих фиктивных карточек, оставались на складах. Всего таким способом было утаено 70 фунтов сахарного песка, 65 тысяч штук папирос, 55 пудов рыбы, 100 пудов керосина, 30 пудов сельдей²¹⁸. Остается лишь догадываться, сколько подобных махинаций осталось нераскрыто.

Схожими махинациями занимались и служащие других учреждений, имевших отношение к распределению продуктов или промышленных товаров, разница была лишь в масштабах. Вот несколько примеров. При ревизии второго карточного бюро Первого Городского района инспектор РКИ Ф. Лескевич изъясил у 24 служащих бюро 44 продкарточки, выписанные ими незаконно на мертвые души для собственного пользования²¹⁹. При обследовании пятого хлебозавода Петрогубкоммуны (пр. Стачек, 53) было установлено, что, как записано в акте обследования, «почти ежедневно, помимо ордера на выдачу из экспедиции в хлеборезку хлеба на порцион, согласно табелю и норме, выписывался из экспедиции и отпускался ею хлеб по запискам членов

заводской администрации в количестве, сильно превышающем норму порциона»²²⁰. В заключении, подписанном заведующим консультационным столом РКИ А.А. Аменицким, было зафиксировано подобное нарушение, имевшее место на продовольственном складе «Черниговские холодильники» (Московский район). Несколько служащих, как указывалось в документе, «...с целью обратить в свою пользу восемь пудов какао, указывали неверные цифры получаемых отвесов на весах и дали неверную цифру, полученную при окончании взвешивания какао, уменьшив ее на восемь пудов, чем совершили проступок, именуемый мошенничеством... Упомянутые лица все восемь пудов разделили между собой и другими служащими, имеющими то или другое отношение к приемке, выпуску и распределению какао»²²¹. Дело о растрате на складе передали на рассмотрение народного суда. Органам РКИ приходилось бороться с хищениями не только в других учреждениях, но и в собственных рядах. В частности, в октябре 1921 г. привлекли к ответственности заведующего канцелярией РКИ П.С. Федулina: он и некий Винцкевич, «составив список лиц, значительно больший по количеству рабочих и служащих, имеющих право на получение предметов домашнего обихода и головных уборов, получили продзнаков на 68 штук больше, по которым и пытались получить не принадлежащие им предметы»²²². Федулina и Винцкевич были арестованы, их дело было передано в Революционный трибунал.

Упомянутые выше явления были лишь одним из видов должностных преступлений, которые вовсе не канули в прошлое вместе со старым режимом и прежним чиновничеством. Многие представители новой руководящей элиты достаточно быстро научились использовать изменившиеся условия с выгодой для себя, применяя при этом далеко не самые законные методы. На одном из заседаний Петроградского Совета в августе 1919 г. Ф.И. Медведь, представитель ЧК, сообщал, что из всех дел, находящихся на тот момент в производстве в ЧК, не менее 40 % составляют должностные преступления. Квалифицируя должностные преступления, Медведь разделил их на пять категорий: подделка и фабрикация документов, продовольственные и денежные хищения, денежные растраты, должностные преступления на

железных дорогах, взяточничество и вымогательство²²³. Что касается последних, то эти застарелые болезни российской бюрократии при новом режиме также приобрели новые черты. Взятки стали брать не только за предоставление каких-то льгот, но также за освобождение от повинностей и наказаний. Так, были раскрыты злоупотребления в комиссии по трудовой повинности Первого Городского района: работник комиссии Вомпас вместе с другим членом районной администрации Таммером за взятки освобождали лиц, подлежащих высылке на принудительные работы в Вологду. Когда это дело раскрылось, Вомпаса и Таммера арестовали, однако на следующий же день Вомпаса освободили за недостаточностью улик, к тому же за него ходатайствовал перед следователем ЧК Исполком районного Совета²²⁴.

Справедливости ради надо, впрочем, заметить, что далеко не всегда партийный билет или принадлежность к властным структурам спасали от наказания. Случалось, коммунистов и чекистов, совершивших должностные преступления, постигала самая суровая кара, вплоть до расстрела, не спасали никакие прошлые заслуги перед партией и революцией. Одним из самых громких было дело члена коллегии петроградской ЧК Д.Я. Юдина, приговоренного к расстрелу в августе 1919 г. Он, как сказано в материалах дела, связался с шантажисткой Свободиной и за взятки освобождал задержанных спекулянтов. Вместе с Юдиным были расстреляны Свободина и ее сожигатель Дрейцер²²⁵. В одном из сентябрьских номеров «Петроградской правды» за тот же год сообщалось о разоблачении махинаций военного руководителя Петроградского губернского военного комиссариата, кандидата в члены РКП(б) А.Н. Альмедингена. Этот деятель выдавал за своей подписью бумаги на выдачу по подложным документам якобы для Красной Армии грузов, которые в действительности поступали в распоряжение частных торговцев В.М. Крачковского и З.А. Таташвили. Последними, в частности, через Альмедингена было получено 8000 папирос, 18 ящиков пива с завода «Бавария» и другие товары. Альмедингена, Крачковского и Таташвили приговорили к расстрелу²²⁶. В ноябре 1919 г. на страницах печати описывалось еще одно дело, в котором был замешан следователь ЧК член РКП(б) Биллер. Он вошел в сговор с двумя спекулянтами,

Брянским и Громштейном. Последние продали некоему Бакшту под видом галантерейных товаров две корзины рухляди, за которые получили 60 тысяч рублей, после чего Биллер явился к Бакшту и арестовал его. Брянский и Громштейн тем временем связались с родственниками арестованного, стали требовать деньги за его освобождение и вытянули 260 тысяч рублей. По постановлению ЧК троицу злоумышленников расстреляли. Был наказан, видимо, в назидание, и Бакшт — его приговорили к общественным работам без срока²²⁷. Бывали случаи, когда должностные преступления переплетались с чистой уголовщиной. Так было в деле, описанном в январе 1920 г. на страницах «Петроградской правды», в котором оказались замешаны сотрудники ЧК Н.М. Осинский и П.М. Грундельсон и некий Н.А. Смирнов, охарактеризованный как «потомственный дворянин, примазавшийся к коммунистам». Осинский, занимавшийся какими-то темными делами, решил избавиться от свидетелей — двух женщин, знавших о его преступлениях. Он подговорил Грундельсона убить их, что последний и сделал совместно со Смирновым. Все трое были расстреляны, а вместе с ними коммунист И.Н. Томашевич, который к убийству не был причастен, но «принимал деятельное участие во всех преступных делах Осинского»²²⁸.

Помимо явных преступлений, в среде городской элиты совершалось немало более мелких проступков и провинностей. Одним из наиболее распространенных явлений такого рода было неправомерное использование автомобильного транспорта. Ввиду резкого сокращения парка автомашин и недостатка бензина, были разрешены только выезды по служебным делам, поездки по личным делам запрещались. Представители руководящих структур сплошь и рядом игнорировали этот запрет, используя автомобили в личных целях, в частности, для поездок в театры. Президиум Совета народного хозяйства Северной области был даже вынужден в марте 1919 г. сделать предупреждение учреждениям, владеющим автомобилями, что тем, кто использует машины не по назначению, топливо выдаваться не будет²²⁹. Однако проверить, в каких целях используется та или иная машина, бывало достаточно трудно, так как ехавшие в них должностные лица зачастую отказывались предъявлять свои мандаты милицейским

патрулям. Особым высокомерием отличались сотрудники ЧК. Осенью 1919 г. руководство Петроградской городской милиции вынуждено было обратиться к председателю Петроградской ЧК И.П. Бакаеву с письмом следующего содержания: «В управление Петроградской... милиции поступило заявление постовых милиционеров о том, что в ночное время члены ЧК, проезжая в автомобилях по городу Петрограду, не считают нужным останавливать машину и предъявлять документы для проверки последних, ограничиваясь лишь заявлением: „Мы комиссары из ЧК“, причем нередко имело место некорректное с постовыми милиционерами обращение. Так как приказ о контроле за автомобилями и о проверке документов у седоков является обязательным для всех без исключения, управление Гормилиции просит сделать зависящее от Вас... распоряжение, чтобы сотрудники ЧК строго придерживались указанных правил, тем более что они являются представителями Советской власти и, следовательно, должны беспрекословно подчиняться общим декретам и постановлениям, а не игнорировать последние»²³⁰. Имели место случаи злоупотребления не только автомобильным, но также и гужевым транспортом. В одном из номеров «Красной газеты» рассказывалось о свадьбе некоего Барышева, заведующего пекарней, который в «лучших» традициях устроил катание на лошадях. Автор заметки насчитал шесть или семь пролетов и экипажей, запряженных тройками лошадей²³¹. И это в условиях катастрофического положения с гужевым транспортом, когда, казалось, каждая здоровая лошадь была на учете и недоставало лошадей и повозок для вывоза мусора и нечистот и для других неотложных работ.

Для членов РКП (б), тем более для лиц, занимавших не последнее место в партийной или советской иерархии, серьезным проступком считалось участие в религиозных обрядах. Хотя советская власть провозгласила свободу совести, на членов большевистской партии это не распространялось: атеизм вменялся им в обязанность. Однако некоторые партийцы по-прежнему не гнушались таинствами церкви. В «Петроградской правде» в статье «Большевистская свадьба» рассказывалось о венчании в церкви на Охте коммуниста Павловича. На церемонии присутствовали товарищи жениха — также члены коммунистической партии.

Этот случай обсуждался на заседании партийной ячейки, где было решено «поставить на вид свадебникам... недопустимость для членов партии подобного рода отступления от партийной программы»²³². Наказание, как можно видеть, достаточно мягкое. Несколькими годами позже простым порицанием дело бы не ограничилось: тогда Павловичу пришлось бы положить на стол свой партбилет. В другом номере той же газеты рассказывалось о «коммунистических крестинах». Член комитета при Компроде крестил своего сына. На крестинах присутствовали «общественные верхи, близкие к Совету и комитету», а кумом был член компартии. После церемонии «на почетном месте за столом восседал отец Гавриил с дьяконом одесную»²³³. Опять же для чуть более позднего периода такое было бы немыслимо. Но в первые годы после революции не все партийные и советские деятели успели отрешиться от старых привычек.

Хотя должностные преступления в первые послереволюционные годы были серьезной проблемой, следует отметить, что ситуация в этой сфере тогда не казалась такой безнадежной, как она выглядит в наши дни. Несмотря на большое количество, преступления и проступки по должности имели все же частный характер и не сложились в систему. Коррупция тогда не стала повальным и всеобъемлющим явлением, не существовало еще того, что в наши дни называют мафией или организованной преступностью, то есть вращающегося криминалитета во властные структуры. Поэтому борьба с должностной преступностью могла иметь (и порой действительно имела) реальный успех.

Жилищный вопрос

Обзор повседневной жизни и быта жителей Петрограда в первые послереволюционные годы не был бы полным без рассмотрения такого важного вопроса, как жилищный, который стал в этот период объектом радикальных преобразований. Деятельность большевистского руководства в этой области должна была продемонстрировать наглядный образец классового подхода. Политика переселений и уплотнений впервые была декретирована в Петрограде и именно здесь раньше, чем в других городах России, начала проводиться в жизнь. Как и в случае с введением классового пайка, в жилищной политике Петроград послужил примером для всей страны.

Безусловно, решение жилищного вопроса должно было стоять на повестке дня революционных преобразований. В дореволюционном Петрограде жилищные условия значительной части населения были совершенно неудовлетворительными. Это касается прежде всего жителей рабочих окраин города, простиравшихся к северу и востоку от Большой Невки и Невы (Новая Деревня, Выборгская сторона, Охта) и к югу от Обводного канала (Невская, Московская, Нарвская части, Петергофский участок). Там находились основные крупные предприятия, вокруг которых были расположены рабочие слободы. В этих районах зачастую не было нормальной системы водо- и электроснабжения, хороших дорог. При том, что в начале века в Петербурге на одну комнату в среднем приходилось 2,1 жителя, примерно в 50 тысячах квартир проживало до четырех человек в одной комнате, встречались даже случаи, когда в одной комнате обитало 20 человек²³⁴. Накануне и во время Первой мировой войны жилищные

условия в городе ухудшились в связи с притоком беженцев из оккупированных немцами и прифронтовых районов и рабочей силы на военные заводы. Средний рабочий занимал так называемый угол — пространство около 2–2,5 квадратных метров в комнате, нередко в подвальном или чердачном помещении. Углы были отделены друг от друга занавесками или тонкими стенками. Многие жили в еще худших условиях, местом их обитания была койка, которую к тому же в ряде случаев делили два человека («коечные жильцы») ²³⁵. Подобные помещения в большинстве случаев были сырыми, плохо освещались и проветривались, что отрицательно влияло на состояние здоровья проживавших в них. Уровень смертности среди населения Выборгской стороны был в четыре раза выше, чем в центральных районах города ²³⁶. Многие рабочие обитали в бараках, представлявших собой большие одноэтажные строения с обширными спальными комнатами на много человек, с кухнями общего пользования. В более благоприятных условиях находились квалифицированные рабочие, получавшие сравнительно высокие заработки: они имели возможность платить за целую комнату или даже квартиру. Однако далеко не всем удавалось найти жилье вблизи своего предприятия. Некоторым приходилось селиться в отдаленных частях города или в пригородах и долго добираться до места своей работы. Например, часть рабочих Путиловского завода проживала в деревнях к югу от города ²³⁷. Наконец, в городе было много бездомных, которым приходилось рассчитывать на помощь благотворительных организаций и местом обитания которых были ночлежки и заброшенные дома.

После Февральской революции 1917 г. какой-либо планомерной политики в жилищном вопросе не проводилось. В первые революционные дни отряды рабочих и солдат явочным порядком захватили некоторые здания: гостиницу «Астория», дома и квартиры видных сановников царского режима, например дом графа Фредерикса (Почтамтская ул., 23), министра императорского двора. Графиня М. Клейнмихель смогла вернуться в свой дом (Сергиевская ул., 33) через несколько дней после того, как он был разграблен солдатами, и занять две его комнаты — в остальной части дома поселились революционно настроенные студенты ²³⁸. Хорошо известна история с захватом дачи Дурново

на Полюстровской набережной. После Февральской революции здесь самовольно разместились несколько революционных организаций, в частности правление профсоюзов Выборгского района, Совет Петроградской рабочей милиции, Петроградская федерация анархистов-коммунистов, организация эсеров-максималистов. Попытки министра юстиции Временного правительства П.Н. Переверзева выселить их успеха не имели. В ночь на 19 июня (2 июля) правительственные войска захватили дачу Дурново и арестовали всех, кто в ней в этот момент находился. Это вызвало возмущение рабочих и солдат и стало звеном в цепи событий, которые привели к июльскому кризису²³⁹.

Таким образом, начало большевистской политике в жилищном вопросе было положено «творческой энергией революционных масс». Одновременно вопрос разрабатывался и на теоретическом уровне. В.И. Ленин в статье «Письма издалека», говоря о задачах пролетарской милиции, указывал, что она должна, наряду с решением других задач, обеспечить переселение трудящихся в особняки господствующих классов, «чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим...»²⁴⁰ Позднее он возвращался к этому вопросу в таких своих сочинениях, как «Государство и революция» и «Удержат ли большевики государственную власть». В последней статье Ленин писал, что пролетарское государство обязательно будет заниматься выселением буржуазии из ее квартир и вселением семей рабочих²⁴¹. После установления власти Советов Ленин разработал непосредственные основы жилищной политики партии и правительства в «Тезисах закона о конфискации домов с сдаваемыми внаем квартирами» и «Проекте декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости».

Уже 30 октября (12 ноября) 1917 г. только что созданный Комиссариат внутренних дел принял два постановления: «О жилищном моратории», согласно которому семьи военнослужащих и бедноты с доходом не более 400 рублей в месяц освобождались от квартирной платы на время войны и в течение трех месяцев после ее окончания, и «О правах городского самоуправления в деле регулирования жилищного вопроса», которое давало право городским самоуправлениям распоряжаться всеми пустующими

помещениями, годными для жилья, устанавливать нормы жилищной площади и вселять нуждающихся в занимаемые гражданами помещения, создавать домовые комитеты, жилищные инспекции и жилищные суды²⁴². 19 декабря того же года декрет СНК разрешил Петроградской городской думе устанавливать единовременный дополнительный к государственному подоходному налогу денежный сбор в размере 10 % оценочной стоимости имущества. В случае его неуплаты Петроградскому самоуправлению давалось право конфискации²⁴³.

С конца 1917 г. жилищный вопрос начал решаться и на районном уровне. 27 декабря районная управа Выборгской стороны решила создать квартирное регистрационное бюро в целях справедливого распределения жилого фонда. Все домовладельцы и домовые комитеты были обязаны в трехдневный срок заявить о свободных жилых помещениях²⁴⁴. Схожие постановления принимались в других районах. Например, Совет Второго Городского района обязал домовые комитеты предоставить сведения о пустующих помещениях, жилых и нежилых, о квартирах, занятых лицами, фактически в них не проживающими, о больших квартирах, занятых непропорционально малыми семьями²⁴⁵. На собрании членов Василеостровского районного Совета 11 января 1918 г. говорилось о том, что, в то время как рабочие ютятся в жалких и сырых каморках, буржуазия занимает громадные особняки. Было внесено предложение ввести уравнительное пользование жилой площадью²⁴⁶.

В первые дни и месяцы после победы революции рабочие самовольно захватили для своих организаций ряд казенных помещений и дворянских особняков. Чтобы упорядочить распределение помещений для общественных нужд, Петроградский Совет 10 января 1918 г. образовал комитет по принудительному занятию помещений²⁴⁷. Этот комитет, однако, не занимался вопросами переселения рабочих семей в квартиры буржуазии. Впервые вопрос об этом обсуждался на заседании Петросовета 19 января 1918 г., когда речь шла о национализации домов. Совет принял предложение городского головы М.И. Калинина не проводить немедленной национализации жилых домов и рекомендовать Городской управе принять меры по более строгому

взысканию оценочного сбора и подоходного налога с домовладельцев. В случае неуплаты жилые строения подлежали конфискации. Одновременно было принято решение подготовить специальный декрет о переселении рабочих²⁴⁸.

Жилищные проблемы обсуждались и на страницах печати. В «Красной газете» появилась рубрика «Борьба за жилище». В одной из статей под этой рубрикой автор призывал: «Не надо ждать, что светлая, сухая квартира упадет с неба. Стоят пустые барские квартиры, хозяева которых уехали. Организуйтесь, переселяйте туда лишенных света и воздуха»²⁴⁹. В «Известиях» обращалось внимание на высокие доходы, получаемые домовладельцами со сдаваемых внаем квартир. Например, хозяин уплачивал за пятикомнатную квартиру с паровым отоплением 120 рублей, а сдавал каждую комнату за 100 рублей и имел, таким образом, солидную прибыль. В той же статье говорилось о проекте, разработанном «группой рабочих и студентов», претворение которого в жизнь должно было способствовать справедливому решению жилищной проблемы. Согласно положениям этого проекта, сумма, уплачиваемая квартиросъемщиками домовладельцу, не должна была превышать плату за квартиру; члены семьи хозяина не могли занимать больше одной комнаты каждый²⁵⁰.

Эти и другие рекомендации были приняты во внимание при подготовке декрета по жилищному вопросу. 1 марта 1918 г. Петроградский Совет заслушал специальный доклад В. Володарского «О вселении рабочих и их семей в квартиры буржуазии» и принял декрет, согласно которому жилищные права буржуазии существенно ограничивались. Устанавливалась норма — по одной комнате на одного взрослого человека или на двух детей. При проживании в одной квартире шести и более взрослых человек допускалась сверх нормы одна общая столовая. Вся остальная площадь подлежала реквизиции. Домовладельцы и домовые комитеты обязаны были сообщать в местный Совет о наличии у них освободившихся комнат. За невыполнение декрета и утайку жилой площади виновные подвергались выселению из квартиры с конфискацией всего имущества. Районные Советы брали на учет освободившиеся помещения и проводили работу по переселению. Вселяться должны были в первую очередь семьи

находившихся на фронте красноармейцев, многодетных и безработных рабочих, от квартирной платы они освобождались. В декрете подчеркивалось, что заниматься должны были в первую очередь «пустующие квартиры, дома и особняки лиц господствующих классов, затем их квартиры и, наконец, квартиры интеллигенции, размер которых превышает установленную норму»²⁵¹. В случае временного отъезда жильца занимаемое им помещение продолжало числиться за ним в течение трех месяцев. Не должны были заниматься для вселения помещения общественных организаций, больницы, учебные заведения, библиотеки и редакции газет²⁵².

Первое переселение в соответствии с положениями этого декрета было произведено в середине марта на Выборгской стороне: около 50 рабочих семей, по выбору фабзавкомов, было расселено в новых квартирах. Василеостровский районный Совет, по предложению заводского комитета Балтийского завода, передал в распоряжение завода два жилых дома (На Большом проспекте и Косой линии)²⁵³. В широком масштабе проводил национализацию домов Новодеревенский районный Совет. Уже к апрелю 1918 г. в его распоряжение перешло до 200 домов и особняков. Доходы от национализированного жилого фонда Совет использовал для ремонта домов в Старой и Новой Деревне, для работ по благоустройству рабочих кварталов²⁵⁴. В мае-июне с целью учета жилого фонда проводилась перепись жилых строений, в результате которой выявили 8259 свободных квартир²⁵⁵ (общее число квартир в Петрограде в июне 1918 г., по подсчетам З.Г. Френкеля, составляло 294 952; по тем же подсчетам, на одну жилую квартиру в это время приходилось около пяти человек)²⁵⁶. Летом и осенью 1918 г. Петросовет решил передать под заселение рабочим семьям ряд центральных гостиниц. 5 августа гостиница «Северная» была отдана рабочим Николаевской железной дороги. Через два дня другая гостиница (Невский пр., 99) была передана рабочим и служащим конного двора почтамта. В октябре гостиница «Европейская» поступила в распоряжение Комиссариата социального обеспечения для организации первой социалистической трудовой коммуны²⁵⁷. К августу 1918 г. за неуплату домовладельцами сбора с недвижимых имуществ и подоходного налога в Петрограде конфисковали 2669 домов²⁵⁸.

Больших масштабов политика переселений, однако, не достигла. Рабочие въезжали в новые квартиры гораздо медленнее, чем предполагалось. В отечественной историографии, в частности в работах М.Н. Потехина и С.Х. Гофмана, в «Очерках истории Ленинграда», эта ситуация традиционно объясняется саботажем со стороны домовых комитетов, которые, будучи избранными еще до Октябрьской революции и оставаясь буржуазными и мелкобуржуазными по составу, искажали сведения о свободной площади, выдавали ложные справки богатым квартиросъемщикам и даже пытались запугать переселенцев. Подобные факты, безусловно, имели место, однако дело было не только в этом. Тем более что летом 1918 г. на основании декрета СНК от 11 июня были образованы новые домовые комитеты бедноты, состоявшие из рабочих, прислуги и низших служащих, однако разговоры о малом успехе политики переселений продолжались и во второй половине 1918 г., и в 1919 г. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов факты обструкции со стороны владельцев больших квартир, которые шли на различные ухищрения, чтобы не допустить уплотнения своей жилплощади: укрывали свободную площадь, приписывали фиктивных жильцов, откупались взятками, всеми правдами и неправдами стремились заполучить охранные удостоверения, освобождавшие квартиру от подселений. Это была важная, но отнюдь не единственная причина указанного выше положения. Основная причина заключалась в том, что многие рабочие сами не проявляли большого желания менять место жительства. За год советской власти жилищный вопрос в Петрограде утратил прежнюю остроту. Население города, как уже упоминалось, значительно сократилось. Прежней тесноты и скученности, характерных для дореволюционных лет, уже не было. В середине 1918 г., по подсчетам С.Г. Струмилина, на 100 квартир приходилось в среднем 530 человек вместо прежних 880. Жилищные условия большинства жителей Петрограда, таким образом, изменились к лучшему. Почти исчезли коечные жильцы, угловые жильцы составляли теперь лишь 5 % населения, комнатные — 22 %, 73 % населения города проживало в квартирах. При этом квартирная плата в небольших квартирах оставалась относительно небольшой, так как ее рост заметно отставал от других цен. В 1918 г. она составляла

в среднем 4 % от заработной платы (до революции — до 20 %) ²⁵⁹. В этих условиях многие рабочие были вполне удовлетворены своим положением и не хотели переезжать в квартиры буржуазии, так как и без того не испытывали тесноты. Автор заметки по жилищному вопросу в «Красной газете» Н. Рет указывал на такую характерную особенность переселенческой проблемы, как изобилие свободных больших квартир при крайнем недостатке малых. С одной стороны, это было хорошо: в большие квартиры можно было вселить больше людей. Но, с другой стороны, это создавало новые трудности: слишком просторные квартиры трудно отапливать — требовалось много дров, которые непросто было добыть. Оставленные прежними хозяевами дома и особняки часто находились в неудовлетворительном состоянии и требовали большого ремонта ²⁶⁰. Немалые средства требовались для самого переезда на новую квартиру: перевозка домашнего скарба стоила не меньше среднемесячной заработной платы рабочего. Кроме того, новые квартиры, которые предлагались рабочим для заселения, нередко находились далеко от места их работы: подлежавшие уплотнению квартиры «буржуазных элементов» располагались в основном в центре города, где не было промышленных предприятий. По количеству отданных под заселение домов среди районов города первое место занимал совершенно не промышленный Литейный ²⁶¹. Заводы же располагались ближе к окраинам, и добираться до них из центра было крайне затруднительно: трамваи ходили плохо, нередко не ходили совсем, а услуги частных извозчиков стоили очень дорого.

Осенью 1918 г. жилищный вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Петроградского Совета. На заседании 21 сентября с большим докладом по этой теме выступил С. Пилявский. Говоря о необходимости ускорить выполнение декрета от 1 марта, докладчик выдвинул ряд положений, которые должны были этому способствовать: установить строгую очередь среди рабочих семей, подлежащих переселению, выяснить, кто проживает в самых плохих квартирах, и переселять их в первую очередь; снабдить переселенцев перевозочными средствами; занимать в первую очередь те дома, которые находятся в более удовлетворительном состоянии и проживание в которых «не грозит зимой какими-либо

сюрпризами». Доклад был полон инвектив по адресу «классовых врагов»: «Рабочий должен понять, что, победив царизм, вырвав власть из рук буржуазии, он должен лишить угнетателей тех привилегий, за которые они еще крепко держатся. Рабочие должны выкинуть буржуазию из ее теплых и уютных квартир и переселить туда лишенные воздуха и света свои семьи. Фабриканты, купцы, меньшевики, правые эсеры и прочие белогвардейцы должны быть лишены удобных и просторных квартир...»²⁶²

На основании этого доклада Совет принял соответствующее постановление. Был образован межрайонный жилищный Совет и его исполнительный орган — Центральная исполнительная комиссия по жилищным делам²⁶³. Жилищному Совету и Центральной комиссии подчинялись все учреждения города, ведавшие жилищным вопросом. В октябре 1918 г. жилищный Совет и Центральная комиссия приняли ряд решений по квартирному вопросу, в частности о конфискации всех квартир с мебелью и имуществом, владельцы которых отсутствуют в городе более двух месяцев (16 октября), о предоставлении бесплатных квартир семьям красноармейцев и матросов (28 октября)²⁶⁴. 17 октября Исполком Петросовета известил Центральную комиссию о том, что на заседании Исполкома днем ранее было признано необходимым, чтобы при переселении рабочих в большие дома туда в первую очередь вселялись коммунисты²⁶⁵. В постановлении Исполкома, принятом на заседании 2 ноября, указывалось, что переселять рабочих следует в первую очередь в крупные квартиры буржуазии и по мере возможности щадить трудовую интеллигенцию. В том же постановлении говорилось о недопустимости каких-либо особых привилегий советским служащим и чиновникам²⁶⁶. 14 декабря Центральная комиссия, обратив внимание на факты вывоза из Петрограда мебели, которая «водворяется в дома деревенской буржуазии (кулаков)», приняла постановление «прекратить впредь до особого распоряжения выдачу разрешений на вывоз мебели из Петрограда гражданам»²⁶⁷. Также в декабре Президиум Петросовета принял решение, согласно которому переезд семей рабочих на новую квартиру обеспечивался бесплатным транспортом или пособием в размере 150–200 рублей, рабочим предоставлялся бесплатный проезд в трамвае к месту

работы. Переселенцам предоставлялись и другие льготы. В частности, они снабжались за счет буржуазии мебелью, которую могли в рассрочку приобрести в собственность²⁶⁸. Согласно постановлению Центральной комиссии от 22 декабря 1918 г., семьям красноармейцев и матросов предоставлялось бесплатное освещение и отопление квартир. Это же постановление устанавливало льготы по оплате коммунальных услуг для малоимущих семей: семьи, имеющие доход в 750 рублей, платили за услуги 25 % их стоимости; получавшие 800 рублей — 30 % и так далее, с прибавлением 5 % за каждые 50 рублей. При доходе в 1000 рублей платили 50 % стоимости услуг, получавшие больше 1000 рублей вносили плату за отопление и освещение на общих основаниях.²⁶⁹

Одновременно жилищный вопрос активно обсуждался на страницах прессы. Рабочих усиленно агитировали за переселение в дома буржуазии. Автор заметки «Вон из подвалов» в «Петроградской правде» писал: «Многие рабочие продолжают смотреть на вселение в буржуазные квартиры как на что-то незаконное. С этим явлением косности и отсталости надо бороться. Нужно указать рабочим, что жилище играет первостепенную роль в жизни каждого культурного человека»²⁷⁰. На страницах той же газеты некто В. Володин отмечал, что в деле организации переселений до сих пор наблюдались бессистемность и кустарничество: рабочие вселялись от случая к случаю. Чтобы устранить психологические препятствия к переселению, автор предлагал проводить вселение не в одиночку, а массами и вселяться целыми фабриками и заводами: «Рабочие выбирают какой-либо хороший дом, выселяют оттуда всех жильцов и вселяются сами»²⁷¹. Автор еще одной газетной заметки обращал внимание на то обстоятельство, что не уделяется должного внимания агитации среди переселенцев в пользу более бережного обращения с имуществом в их новых квартирах. Отмечалось, что на квартиру с мебелью, которую отводили через жилищный отдел, нередко смотрели как на чужое добро, и «часто тот же матрос, у которого на корабле ни пылинки... ломает и портит в отведенной квартире мебель»²⁷². Немало говорилось о необходимости борьбы с таким явлением, как выдача охранных свидетельств на квартиры, что практиковалось различными учреждениями. 14 ноября 1918 г. Президиум

Петроградского Совета указал Народному комиссариату просвещения на недопустимость выдачи охранных свидетельств, что производилось Наркомпросом систематически, и предложил отобрать такие удостоверения у лиц, которым они были выданы²⁷³. В заметке «Квартиры-невидимки» на страницах «Красной газеты» говорилось, что наличие укрываемых квартир «ни себе, ни другим» вредно отзывается на вопросе об уплотнении, так как эти квартиры не отапливаются и портят отопление и водоснабжение всего дома. Квартиры-невидимки, заключал автор, будут «расколдованы»²⁷⁴. Вопрос о бронировании квартир обсуждался на заседании Петроградского Совета в августе 1919 г. Комиссар городского хозяйства Л.М. Михайлов отмечал в своем докладе, что бронирование квартир тормозит осуществление мероприятий по переселению рабочих. Всего по городу насчитывалось свыше 15 тысяч бронированных квартир. Для снятия охранных свидетельств с квартир Совет образовал специальную комиссию во главе с ответственным организатором Лесного райкома РКП(б) Н.И. Кокко²⁷⁵.

Таким образом, с конца 1918 г. начался новый этап жилищной политики. При этом необходимость удовлетворения жилищных потребностей наименее обеспеченных жителей города если и не отошла на второй план, то, во всяком случае, была уже не единственной целью проводимой политики. Правда, в городе оставалось еще немало семей, которые нуждались в улучшении своих жилищных условий. Однако, как видно из данных, приведенных С.Г. Струмилиным, общая картина значительно улучшилась. На протяжении 1919 и первой половины 1920 г. убыль населения продолжалась быстрыми темпами. Впрочем, одновременно шел процесс сокращения жилого фонда: многие деревянные дома были разобраны на дрова (несколько тысяч), на это нередко уходили и деревянные части каменных домов. В августе 1920 г. общее количество квартир в Петрограде составляло, согласно данным З.Г. Френкеля, около 247 тысяч, сократившись, таким образом, за два года — с середины 1918 г. — на 45 тысяч.²⁷⁶ Однако опустение города шло быстрее. Если в середине 1918 г. на одну жилую квартиру приходилось в среднем по городу 5 человек (в 1917 г. — 10), в 1920 г. это соотношение определялось

как 3,5 человека на квартиру. Из вышеназванного числа квартир занято было около 200 тысяч²⁷⁷. Таким образом, все жилищные проблемы можно было решить посредством вселения нуждавшихся в жилье семей в пустующие дома и квартиры. Но на практике здесь имелись значительные сложности, так как далеко не все из пустующих помещений были пригодны для жилья. В 1919 г. всего 23 % домов находились в Петрограде в полностью исправном состоянии, причем в центральных районах процент исправных домов был особенно низким: например, в Смольнинском районе их было 18 %, в Первом Городском — 5,4 %, во Втором Городском — 2,5 %²⁷⁸. В окраинных районах и в пригородах, где преобладали оставшиеся в руках прежних владельцев небольшие дома, процент исправных домов был выше (в Нарвско-Петергофском районе — 34 %, Петроградском — 33 %, Выборгском и Невском — по 29 %, Пороховском — 47 %). В Петрограде 20 % домов были совершенно непригодны для проживания, 13 % нуждались в капитальном ремонте, примерно половине был нужен мелкий ремонт²⁷⁹. Около 90 тысяч квартир, то есть треть всех квартир города, не имели электрического освещения²⁸⁰.

Нельзя сказать, что городскими властями ничего не делалось для ремонта домов. Согласно отчету комиссара городского хозяйства Михайлова, за период 1918 г. и первой половины 1919 г. отремонтировали 500 жилых домов, насчитывавших 85 тысяч комнат (цифра весьма внушительная, если, конечно, эти данные не завышены), еще столько же предполагалось отремонтировать до конца 1919 г.²⁸¹ Петросовет выделил Центральной жилищной комиссии миллион рублей для электрификации квартир беднейшего населения²⁸². Таким образом, резервы для решения жилищной проблемы имелись, и прибегать к принудительным уплотнениям и выселениям не было большой необходимости. Однако идеологов нового строя не устраивало то, что квартиры «буржуазных элементов» остались бы в этом случае в неприкосновенности. В высказываниях партийных и государственных деятелей неоднократно звучала мысль о превращении жилищной политики в орудие классовой борьбы, в средство давления на буржуазию. Реквизиции и уплотнение буржуазных квартир, с одной стороны, избавляли от затрат и хлопот по ремонту пустующих домов,

а с другой — давали возможность преподать еще один хороший урок «классовым врагам».

Переселенческая политика не могла не привести к эксцессам и злоупотреблениям, так как деятельность больших и малых начальников контролировалась слабо, а от их воли зависело слишком много. Предложение вышеупомянутого В. Володина выселять из того или иного дома всех(!) жильцов не осталось пустым звуком: такое действительно случалось, причем не столько при переселении рабочих, сколько при занятии домов различными государственными и общественными организациями. При этом не обращалось внимания на социальный состав выселяемых, и, наряду с представителями «враждебных классов», которым, согласно замыслам творцов жилищной политики, как раз и следовало преподать урок, пострадавшими оказывались и «братья по классу» — рабочие и низшие служащие. В Петросовет поступало немало жалоб на подобные действия. К примеру, председатель Московского районного Совета Собакин, облюбовав дом № 1 по Смоленской улице под помещение Совета, дал жильцам дома один день на сборы к выселению. В доме, общее население которого составляло около 600 человек, проживало немало семей красноармейцев, почтовые и трамвайные служащие, рабочие и служащие различных предприятий и учреждений. При этом, отмечалось в жалобе, в районе имелось немало домов, целиком или частично пустующих²⁸³. С аналогичной жалобой обратились в Петросовет жильцы дома № 11-13 по Большой Спасской улице на Петроградской стороне, который по распоряжению районной тройки Чрезвычайной комиссии по улучшению быта красноармейцев подлежал передаче советской гимнастическо-фехтовальной школе. Подчеркивалось, что население дома состояло исключительно из пролетарского элемента и трудовой интеллигенции, живущих только своим трудом, многие работали в государственных учреждениях. Как и в предыдущей жалобе, жильцы дома просили обратить внимание на полную заселенность дома, «между тем как на Петроградской стороне и даже поблизости имеются дома со значительным количеством пустующих квартир и с более имущим составом населения».²⁸⁴ Автор одной из жалоб на имя Г.Е. Зиновьева, некто Дубровин, писал,

что он, находясь в Красной Армии со дня ее возникновения, в 1918 г. вместе с управлением пограничных войск эвакуировался в Москву, оставив за собой в Петрограде квартиру с мебелью и другой обстановкой. Когда в конце 1919 г. его перевели обратно в Петроград, квартира оказалась занятой и вещи перешли в пользование новых жильцов. Дубровин даже не претендовал на свою квартиру, понимая, видимо, что это не имеет смысла, а только просил оказать содействие к возврату вещей²⁸⁵. Случаи, когда хозяева квартир в результате длительного отсутствия лишались и самих квартир, и своего имущества, были не единичными. П.А. Сорокин, придя в собственную квартиру на Надеждинской улице, обнаружил, что ее заняла некая еврейская семья. «За исключением нескольких книг и рукописей, все мое имущество исчезло. Несколько книг лежало возле печки, показывая, куда все девалось»²⁸⁶.

«Отличились» на поприще жилищной политики и уже упоминавшиеся функционеры коллегии Компрода Петроградского района во главе с Грачевым. В октябре 1918 г., заручившись согласием районной жилищной комиссии, они заняли под помещение коллегии 10 квартир в доме № 26-28 по Каменноостровскому проспекту, выселили жильцов и приняли в свое распоряжение весь инвентарь и обстановку. Как отмечалось в рапорте контролера РКИ, реквизиция была произведена не только без надлежащего разрешения, но и вопреки явным протестам центральных властей. «Реквизированное имущество представляло из себя... богатую и роскошную обстановку, что для надобностей делового казенного учреждения не подходило, а... многое из него... являлось совершенно излишним (пианино, картины, люстры, ковры и т. п.)», при этом опись имущества составлялась умышленно неполно²⁸⁷. Случалось, что должностные лица пользовались своими правами, для того чтобы свести с кем-то личные счета. Известен, к примеру, случай с больницей для душевнобольных, находившейся в одном старинном здании на Охте. Председатель местного Совета, который одновременно был военным комиссаром района, решил реквизировать именно это здание для устройства в нем казармы для мобилизованных красноармейцев и отдал распоряжение очистить его в течение четырех дней. Хотя, как затем

выяснилось при расследовании, в той местности располагалось немало других зданий, подходящих для этой цели. Как оказалось, председатель Совета находился в лично враждебных отношениях с управляющим больницы²⁸⁸. Лишь в последний момент, когда уже были посланы милиционеры, чтобы очистить больницу, этот бесчеловечный приказ отменили.

Не обошлось без злоупотреблений и при проведении широко разрекламированной кампании по организации домов отдыха для трудящихся на Каменном острове. Решение о создании там домов коллективного отдыха принято Исполкомом Петроградского Совета 5 мая 1920 г. Для этого отводилось 32 бывших особняка и дачи. В основном эти здания пустовали, однако часть из них использовалась под школы-интернаты и общежития для детей с умственными отклонениями, некоторые другие занимали старые ученые, учителя. Ничего не было сделано для того, чтобы обеспечить выселяемых жильем в другом месте, и люди оказались просто выброшенными на улицу²⁸⁹. 20 мая 1920 г. с большой помпой состоялось официальное открытие домов отдыха. За лето 1920 г. около 4000 рабочих провели в них свой отпуск²⁹⁰. Однако через несколько лет дома отдыха перестали быть доступными для простых рабочих, превратившись в санатории для партийной, советской и профсоюзной элиты.

Часть реквизированных домов, начиная с 1919 г., передавалась культурным организациям и учреждениям. В частности, 19 декабря 1919 г. в доме № 15 по Невскому проспекту, бывшем доме семьи Елисеевых, по инициативе А.М. Горького открыли Дом Искусств. Дом вскоре стал литературным центром города, в нем проживали многие известные писатели, поэты, деятели искусства, среди них О.Э. Мандельштам, Н.С. Гумилев, В.Ф. Ходасевич, Н.С. Тихонов, О.Д. Форш, М.С. Шагинян, здесь часто бывали А.А. Блок, Е.И. Замятин, Ю.П. Анненков, М.В. Добужинский, К.С. Петров-Водкин, здесь же была образована литературная группа «Серапионовы братья»²⁹¹. Бывший дворец Великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной (дом № 26) передали Дому Ученых. Некоторые дворцы — Шереметевский и Шуваловский на Фонтанке, Юсуповский на Мойке — превратились в музеи дворянского быта, благодаря чему их богатейшие

интерьеры были в значительной степени сохранены и спасены от порчи и разорения.

Переселенческая кампания в основном завершилась к началу 1920-х гг. Не существует сколько-нибудь достоверных данных об общем количестве домов города, переданных под заселение рабочим или различным учреждениям. Так или иначе, речь должна идти о значительной цифре. К концу зимы 1918/19 г. только домов с центральным отоплением было заселено по городу 136 (в них насчитывалось 10 тысяч квартир)²⁹². Также нет точных данных об общем количестве переселившихся в новые квартиры семей. По расчетам М.Н. Потехина, всего переселилось около 65 тысяч рабочих семей²⁹³. В работах других авторов можно встретить другие цифры, расходящиеся с вышеприведенными²⁹⁴.

Дать однозначную оценку жилищной политике советской власти сложно. С одной стороны, бытовые условия значительной части населения города стали намного лучше. Многие семьи выехали из подвальных и чердачных помещений, исчезли, как уже отмечалось, коечные и угловые жильцы. Однако этот процесс сопровождался многочисленными эксцессами, в которых не было никакой необходимости и которых при разумной организации переселенческой политики можно было бы избежать. Сделать это городским властям помешала психология классово-вражды и нетерпимости, когда стремление «проучить буржуев» превалировало над реальной заботой о благе трудящихся. Сыграло свою роль и желание большевиков устроить жизнь людей в соответствии с идеалами коммунистического общежития, образовать из жилищ некое подобие фаланстеров Роберта Оуэна. Сведение разных семей в одной квартире, таким образом, из средства улучшения условий жизни превращалось в самоцель. Именно к тем временам надо отнести возникновение пресловутых коммуналок, которых и поныне еще много осталось в городе.

В новых условиях тайна личной жизни сделалась совершенно невозможной. Жизнь людей находилась под неусыпным контролем со стороны домовых комитетов бедноты. Этот контроль зачастую облегчался благодаря самим жильцам, которые придирчиво следили друг за другом и не упускали случая донести на своих соседей. Вот типичный образец подобного «творчества»:

некто Рябчикова написала заявление на свою квартирную хозяйку Лясси, которая, по словам Рябчиковой, «поносит Советскую власть и ждет ее падения. Она живет в квартире из восьми комнат и продает свою обстановку по спекулятивным ценам; к ней часто ходят другие буржуи, говорят по-французски». Донос заканчивался фразой: «Думаю, что следовало бы расследовать ее положение и поступки»²⁹⁵. В ЧК поступали заявления о собиравшихся на квартирах подозрительных компаниях. В одном из них говорилось об устраивавшихся в доме № 5 по Волынскому переулку кутежах, «в которых принимают участие разные темные личности; даются обеды и ужины, за которые платят бешеные суммы — 40–100 тысяч рублей».²⁹⁶

Цель многих подобных доносов очевидна: добиться ареста или по меньшей мере выселения своего соседа и затем занять его жилплощадь. Конечно, отнюдь не все авторы доносов вдохновлялись именно этими мотивами. Некоторые стремились просто досадить или отомстить своим личным недругам. Были и такие, кто доносил совершенно бескорыстно, руководствуясь «классовым самосознанием» и «революционной бдительностью». Но нельзя отрицать и корыстность устремлений многих доносителей. Со стороны властей доноительство не осуждалось, а напротив, всемерно поощрялось и стимулировалось. Вот, например, какое предписание получили домовые комитеты бедноты Василеостровского района от своего районного Совета: «Ввиду объявления на осадном положении города Петрограда (1 мая 1919 г. — В. М.) гражданское отделение Василеостровского Совета предписывает вам предоставить список лиц, проживающих в доме, подозрительных в контрреволюционном направлении, явных провокаторов, буржуа, лиц, эксплуатирующих чужой труд, финских подданных, дезертиров, спекулянтов, лиц, не имеющих или не предъявляющих документов, удостоверяющих личность, уклоняющихся от несения охраны в доме и вообще всех лиц, враждебно относящихся к Советской власти»²⁹⁷. Обтекаемость последней формулировки оставляла широкий простор для импровизации: к «лицам, враждебно относящимся к Советской власти», мог быть отнесен кто угодно, по выбору председателя домового комитета или по доносу соседа.

Подводя краткий итог, можно констатировать, что жилищная политика новых властей радикально изменила привычный уклад жизни петроградцев, причем не только в физическом, но и в психологическом плане. Прежняя социальная структура города была демонтирована, и в то же время возникли новые формы сосуществования. При этом население города оказалось разделенным на две неравные группы: на тех, кто выиграл от этой политики, и тех, чьи интересы оказались ущемленными (это деление не всегда совпадало с классовым).

Санитарное состояние. Эпидемии и борьба с ними

Социально-политические и экономические потрясения в любом обществе, наряду с расстройством привычного уклада жизни, голодом, ростом преступности, часто сопровождаются более широким, по сравнению с периодами стабильности, распространением различных заболеваний. Именно так и происходило в годы Гражданской войны во многих российских городах, в том числе в Петрограде. Эпидемии, среди которых преобладали различные формы тифа, были настоящим бедствием для горожан. Они поражали значительную часть населения города и уносили немало человеческих жизней. Убыль населения, резкий рост смертности среди жителей города были в значительной степени связаны именно с этим.

Рост заболеваемости в Петрограде после 1917 г. был вполне закономерным. Это вытекало из общего неблагоприятного санитарного состояния города. Водопровод в большинстве домов не действовал. Зимой в неотапливаемых зданиях грязь на лестницах и лестничных площадках целыми слоями примерзала к полу. Улицы города, включая даже центральные магистрали, были чрезвычайно загрязнены. Работа по их очистке затруднялась вследствие недостатка финансирования и нехватки транспортных средств. Комиссар городского хозяйства Л.М. Михайлов в конце апреля 1919 г. в своих обращениях к В.И. Ленину, М.И. Калинину и Г.Е. Зиновьеву сообщал о неудовлетворительном санитарном состоянии Петрограда и просил отдать распоряжение Народному банку удовлетворить денежными знаками городское хозяйство в первую очередь, наряду с военным ведомством. «Я мечтаю к 1 мая хотя бы очистить улицы от навозных куч, но боюсь, что даже эта

скромная задача останется неосуществленной, так как окрестные крестьяне, которым мы задолжали <...> отказываются выйти на работу», — писал Михайлов²⁹⁸.

Проблема загрязненности города и вопрос о его очистке обсуждались на заседании Исполкома Петроградского Совета 19 апреля 1921 г. Один из выступавших, В. Мурашов, нарисовал совершенно безрадостную картину. По его словам, чтобы справиться с вывозом нечистот, требовалось 1200 лошадей, в наличии же имелось 591. Нельзя было рассчитывать и на значительное число трамвайных платформ, так как на них перевозилось топливо. Существовало еще одно средство — вывоз нечистот на баржах. Однако положение с водным транспортом также оставалось тяжелым: имелось всего шесть барж для вывоза мусора, но и те были неисправны. Пароходов не давали и не обещали дать в течение всего лета. Выступавший также обратил внимание на резкое уменьшение количества дворников, которых раньше в городе насчитывалось несколько десятков тысяч, а теперь не набрать было и нескольких сотен. «Сейчас Невский и Литейный более или менее очищены от куч мусора <...> но общее состояние довольно плачевное», — заключал Мурашов²⁹⁹. Другой выступавший, А. Комаров, обратил внимание на оставшиеся в Александровском саду защитные железные крути для орудий, которые были там поставлены во время наступления на Петроград армии генерала Н.Н. Юденича. Теперь орудия были убраны, а эти крути остались, и их превратили в уборные, распространявшие зловоние в самом центре города. Оратор говорил о необходимости немедленно убрать их³⁰⁰.

После революции прекратили поливку улиц, которая ранее регулярно проводилась для борьбы с пылью. Не принималось никаких мер для борьбы с дымом в районах, где располагались промышленные предприятия. Высоты фабричных труб не регулировалась, и, например, многочисленные трубы Путиловского завода вдоль Петергофского тракта были так низки, что при малейшем порыве ветра дым и газы заполняли прилегающие улицы, на которых погибли все древесные насаждения³⁰¹.

Эти обстоятельства не могли не способствовать развитию в городе эпидемических и прочих заболеваний. Свою роль сыграла

продовольственная ситуация. При постоянном недоедании, нехватке витаминов, калорий и других питательных веществ сопротивляемость организма, как известно, существенно снижается, и люди гораздо сильнее подвержены заболеваемости, чем в обычных условиях. Наблюдались случаи, когда люди вырезали куски мяса из трупов павших лошадей и затем употребляли их в пищу. Подобный случай описал в своем дневнике К.И. Чуковский: «Возле нашего переулочка — палая лошадь. Кто-то вырезал у нее из крупа фунтов на десять — надеюсь, не на продажу, а для себя»³⁰². Схожую картину наблюдала и З.Н. Гиппиус: «На Никольской улице вчера оказалась редкость: павшая лошадь. Люди бросились к ней. Один из публики... устроил очередь. И последним достались уже кишки»³⁰³. Между тем употребление в пищу мяса павших лошадей было чревато самыми опасными последствиями, особенно если учесть, что среди лошадей свирепствовали сап и другие эпизоотии. Рассадниками всевозможных болезней были рынки и другие места, где производилась торговля продовольственными товарами с рук: здесь царил антисанитария, какой-либо контроль над качеством продуктов обычно отсутствовал.

Борьба против угрозы эпидемий затруднялась вследствие катастрофического положения системы здравоохранения. Ощущалась острая нехватка медикаментов, перевязочных средств, спирта, инструментария. Больницы в холодное время года нередко не отапливались, и хирургам приходилось работать в холодных операционных. По свидетельству хирурга И.И. Грекова, операции на брюшной полости производились при такой низкой температуре, что «пар шел из живота, как из самовара»³⁰⁴. Больница им. С.П. Боткина, согласно воспоминаниям ее сотрудницы М.М. Фигуриной, выглядела следующим образом: «Больничный городок выглядел убого: у барачков провисли крыши, со стен обвалилась штукатурка, веранды подгнили и подкосились. Водопровод бездействовал. Состояние электропроводов было таково, что оно могло в любую минуту привести к пожарам, которые действительно возникали по нескольку раз. Температура в палатах стояла в зимнее время ниже нуля, нередко замерзали лекарства. Больные лежали в верхней одежде, в валенках, укрывались тулупами. Из-за отсутствия халатов, а главным образом

из-за холода, персонал работал в пальто и платках. Единственно доступным был суп из воблы и пшена. В связи с порчей водопровода и закрытием уборных больные отправляли свои естественные надобности на территории около барачков. Такое исключительно тяжелое положение продолжалось до 1921 года»³⁰⁵.

Герберт Уэллс при посещении Петрограда обратил внимание на трудности с медицинскими средствами: «Также невозможно достать лекарства и другие аптекарские товары. При простуде и головной боли принять нечего... Поэтому небольшие недомогания легко переходят в серьезную болезнь. Почти все, с кем мы встречались, казались удрученными и не вполне здоровыми»³⁰⁶.
Сын писателя побывал в Обуховской больнице и рассказал, «что она находится в самом бедственном состоянии: нехватка медикаментов и предметов ухода ужасающая, половина коек пустует из-за того, что большее количество больных обслужить невозможно. Не может быть и речи об усиленном, подкрепляющем питании... Доктор Федоров сказал мне, что операции производятся всего раз в неделю, когда удастся к ним подготовиться. В остальные дни это немыслимо, и больные вынуждены ждать»³⁰⁷.

Ощущалась нехватка самих врачей и медицинского персонала. Часть медицинских работников саботировала новую власть. Саботажники концентрировались вокруг Центрального врачебно-санитарного совета и правления общества врачей в память Н.И. Пирогова. На заседании правления Пироговского общества 2 ноября 1917 г. приняли резолюцию, призывающую врачей противостоять всем мероприятиям советской власти³⁰⁸. Многие врачи не поддерживали резолюцию, однако раскол среди медиков наносил немалый ущерб работе системы здравоохранения. Общее количество врачей за годы Первой мировой и Гражданской войн уменьшилось более чем вдвое. Если в 1914 г. в городе насчитывалось более двух тысяч докторов, преимущественно мужчин, в 1921 г. их оставалось 920, не менее половины которых составляли женщины³⁰⁹. Если также иметь в виду трудности с водой, хронический дефицит мыла, нехватку дезинфекционных средств и тот факт, что из-за отсутствия топлива не функционировали бани и прачечные и что в холодных квартирах люди неделями не меняли одежду и толком не умывались, можно сделать вывод, что вспышки эпидемий в Петрограде были неизбежны.

В феврале 1918 г. в городе разразилась первая крупная эпидемия сыпного тифа. Быстро разрастаясь, эпидемия достигла своего пика в марте — первой половине апреля. В марте было зарегистрировано 896 заболеваний (в феврале — 413)³¹⁰. Больше всего пострадала от эпидемии южная часть города, особенно Александро-Невский район, где было зарегистрировано в общей сложности 1317 заболевших³¹¹. К концу весны эпидемия пошла на убыль, в последних числах мая наблюдались лишь единичные случаи заболевания сыпным и брюшным тифом. Зарегистрированы были также отдельные случаи заболевания натуральной оспой, но массового характера эта опасная болезнь не приняла (к примеру, за период 8–19 мая было отмечено 15 заболеваний, за 24 мая — три, за 26 мая — один).³¹² На 1 мая 1918 г. в 13 городских больницах и 12 отделениях числились в общей сложности 15 581 человек, из них 2315 больных заразными болезнями и 12 157 остальных³¹³.

Постепенно деятельность основанного 24 марта 1918 г. Комиссариата здравоохранения Союза Коммун Северной области³¹⁴ начала давать некоторые результаты. Работа медицинских учреждений была несколько упорядочена. После проведения в апреле муниципализации аптек стало улучшаться аптечное дело. Был организован центральный аптечный склад, многие аптеки были намечены к ремонту, внутри аптек устанавливались постоянные дежурства³¹⁵. Началась постепенная национализация больниц (этот процесс был завершён через два года).

Принятых мер, однако, оказалось недостаточно для предотвращения новых эпидемий. Серьезным недостатком в деятельности медицинских органов было отсутствие эффективной работы по профилактике заболеваний. Это и явилось одной из причин зарождения и быстрого распространения в Петрограде эпидемии холеры, которая поразила город в июле 1918 г. Источником эпидемии послужила загрязненная вода реки Невы: она оказалась зараженной холерными вибрионами. Первый случай холерного заболевания был обнаружен 4 июля. Эпидемия распространялась с большой скоростью. 5 и 6 июля было зарегистрировано 174 случая, 7 июля — 220, 8 июля — уже 450. Умерли от холеры в эти первые пять дней 14 человек. Сильнее всего эпидемия свирепствовала в Песках, Нарвском районе и в районе Невского и Литейного

проспектов. Не было пока заболеваний в Лесном районе, где питьевая вода была лучше всего очищена и годна к употреблению³¹⁶. В последующий период от холеры больше всего пострадали Васильевский остров (особенно Гавань), Александро-Невский район и Новая Деревня³¹⁷.

Городские власти были серьезно обеспокоены катастрофически быстрым распространением холеры и начали принимать неотложные меры по борьбе с эпидемией. Противоэпидемическая комиссия Комиссариата здравоохранения СКСО приступила к организации специальных пунктов для производства противохолерных прививок. Петроградский Совет принял решение ассигновать на борьбу с холерой 12 миллионов рублей и образовать Центральную рабочую комиссию по борьбе с холерой³¹⁸. На учет взяли все склады медикаментов и дезинфекционных средств, аптеки перевели на круглосуточный режим работы, все фармацевты подлежали постановке на учет. Поскольку антисанитария уличной торговли в немалой степени способствовала распространению эпидемии, торговлю с рук продовольственными товарами в ряде районов запретили. Разрабатывался план распространения среди населения виноградного вина. Для этого распечатали склад гостиницы «Москва», из которого были извлечены 6000 бутылок³¹⁹.

Отдел общественного питания принял ряд мер в столовых. Все столовые снабдили кипяtilьниками, на столах ставилась холодная вода с лимонной или соляной кислотой. Посуда промывалась кипятком, зелень мылась и ополаскивалась кипяченой водой, кушанья закрывались сетками или марлей. У входов в столовые поставили умывальники и чашки с раствором сулемы для опускания рук после мытья³²⁰. Всем владельцам заведений квасных, фруктовых, минеральных вод было предписано вырабатывать напитки исключительно на кипяченой воде. Усилили санитарно-просветительную работу среди населения. Проводились лекции о холере и способах ее предотвращения, выпускались листовки и бюллетени, в общественных местах развешивались плакаты. Людей призывали не пить сырой воды, овощи и фрукты перед употреблением пропаривать и не есть свежими, истреблять мух, уничтожать кучи мусора. Отхожие места предписывалось поливать разведенной карболовой кислотой, керосином или чистым

дегтем³²¹. 10 июля Центральная рабочая комиссия по борьбе с холерой постановила произвести мобилизацию буржуазии для организации санитарных отрядов по борьбе с холерой и чистке города. Мобилизации подлежали лица в возрасте 18–45 лет, получавшие нормированные продукты по карточкам 3-й и 4-й категорий. Это был один из первых случаев привлечения «буржуазных элементов» к трудовой повинности, которая стала широко практиковаться в дальнейшем.

В результате всех принятых мер дальнейшее распространение холерной эпидемии удалось остановить, и с конца июля она постепенно пошла на спад. Если в середине месяца заболели ежедневно более 300 человек, 25 июля зарегистрировали 114 холерных заболеваний и 27 подозрительных по холере, а 5 августа — 88 холерных, 12 подозрительных и 11 острожелудочных³²². К концу сентября можно уже было говорить о полном прекращении эпидемии. Всего от холеры в городе умерли 4305 человек, из них более 3000 умерли в июле, когда эпидемия достигла своего пика. Общее же число заболевших составило около 12 тысяч человек (включая подозрительных по холере)³²³. Больше всего заболевших оказалось в Василеостровском (1483 человека, из них 452 в Гавани), Александро-Невском (1132 человека) и Нарвском районах. Максимальный коэффициент заболеваний — 21,2 человека на тысячу — дала Новая Деревня³²⁴. Врач И.Г. Федоров, приведший эти данные, отмечал также, что ближайшие по времени холерные эпидемии 1892 и 1908 гг. эта эпидемия значительно превзошла по размерам, экстенсивности и стремительности развития³²⁵.

После примерно месячного «затишья» город оказался во власти новой эпидемии. На этот раз испанки — тяжелой формы гриппа. Эту болезнь занесли в Петроград из Новгородской губернии, где она зародилась в Большой и Малой Вишере. Затем болезнь была отмечена в Луге и Новой Ладогe, а в начале октября проникла в Петроград. Заболеванию испанкой было подвержено в основном взрослое трудоспособное население в возрасте от 25 до 40 лет. До середины октября через Петропавловскую больницу прошли 245 заболевших. Смертность от испанки составляла 10 %³²⁶. Эту эпидемию в основном ликвидировали к концу 1918 — началу 1919 г.

Эпидемии холеры и испанки удалось ликвидировать относительно быстро. Гораздо более стойкими оказались различные формы тифа, в первую очередь сыпной. Вспышки тифозных эпидемий на протяжении трех послереволюционных лет возникали несколько раз, периодически то затухая, то вновь усиливаясь. Тиф появился в городе в 1917 г. — впервые за предшествующие 20 лет. Первая крупная вспышка, как уже упоминалось, имела место зимой-весной 1918 г., с осени 1918 г. вновь началось заметное увеличение заболеваемости тифом. В ноябре зарегистрировали 1500 случаев, в декабре — до 3000. В Городскую инфекционную больницу за 1918 г. поступило до шести тысяч больных тифом — больше, чем за все предыдущие 36 лет существования этой больницы. При этом нередкими были случаи заражения медицинского персонала. Смертность от сыпного тифа в эту эпидемию была относительно невысока — до 10 % заболевших (в предыдущую эпидемию умерло около 20 %) ³²⁷. Сильнее всего заболеванию были подвержены жители Александро-Невского, Московского, Петроградского и Охтинского районов. Меньше всего пострадали Адмиралтейский и Коломенский районы ³²⁸. За первую половину 1918 г. сыпным тифом в городе заболели 5500 человек ³²⁹. За 1919 г. было отмечено 36 367 заболеваний сыпным тифом, что было почти в 70 раз больше чем за 1917 г. (571 случай) ³³⁰.

Следующая крупная вспышка тифозных заболеваний относится к началу 1920 г. Руководитель Отдела здравоохранения Е.П. Первухин связывал ее с последствиями боев под Петроградом во время отражения наступления армии Юденича. В те дни через город прошло большое количество воинских частей, которые, по мнению Первухина, и способствовали развитию эпидемии. Еще больше повлияли на рост эпидемии перебежчики от белых ³³¹. Для предотвращения дальнейшего распространения эпидемии решили в недельный срок открыть все бани, как можно скорее обеспечить население мылом, усилить дезинфекционные мероприятия. Поскольку основными разносчиками эпидемии становились приезжие, одной из основных мер борьбы с эпидемией было признано обеззараживание прибывавших пассажиров. Чрезвычайная комиссия по борьбе с эпидемиями приступила к организации санитарно-пропускных пунктов на вокзалах.

Все приезжающие пассажиры пропускались через эти пункты, их вещи дезинфицировались, каждому пассажиру отпускалось по $\frac{1}{16}$ фунта мыла и чистое полотенце. Было начато оборудование санитарных поездов-бань³³². Весной-летом 1920 г. эпидемия тифа пошла на убыль. В целом же в течение этой эпидемии сыпным тифом заболели 23 684 человека, умерли 1816³³³. Общее число заболевших было велико, но смертность от тифа заметно снизилась по сравнению с 1918–1919 гг.

Тифозные заболевания, таким образом, обычно усиливались с наступлением холодов. Именно так и произошло в конце октября 1920 г., когда похолодание ознаменовалось новой вспышкой сыпного и возвратного тифа³³⁴. На этот раз эпидемия протекала довольно вяло и постепенно начала отступать со второй половины зимы 1921 г. За последнюю неделю января в Петрограде и пригородах зарегистрировали 73 случая сыпного, 6 — брюшного и 24 — возвратного тифа³³⁵. Общее улучшение питания и бытовых условий на протяжении 1921 г. создало условия для полного исчезновения тифозных эпидемий. Количество заболевших сыпным тифом в названном году понизилось в шесть раз по сравнению с 1920 г.³³⁶ Из всех эпидемических заболеваний тиф, таким образом, был самым большим бедствием для населения Петрограда. Посетившая в этот период бывшую российскую столицу Э. Сноуден, супруга одного из лидеров лейбористской партии Великобритании, обратила внимание на то, что у многих женщин и девушек волосы были коротко острижены. Англичанке объяснили, что короткие стрижки — это отнюдь не мода и не обычай среди русских женщин. Просто эти женщины переболели тифом и были вынуждены остричь волосы.³³⁷

Из других инфекционных заболеваний широких масштабов достигала дизентерия, особенно во второй половине лета 1920 г., когда она приняла форму эпидемии. Всего за лето 1920 г. дизентерией заболел 2271 человек. Из этого числа к концу августа 993 человека выздоровели, 304 умерли³³⁸. В тот же период наблюдался рост заболеваемости дифтерией и кровавым поносом. Что касается оспы, то, помимо весны 1918 г., кратковременная вспышка этой болезни наблюдалась в конце зимы — начале весны 1919 г. За последнюю неделю февраля 1919 г. заболели 192 человека.

Больше всего заболевших регистрировали в Петроградском и Невском районах³³⁹. Оспенная эпидемия, однако, и на этот раз не приобрела массового характера. Это было достигнуто в первую очередь благодаря своевременной организации оспопрививания. Как отмечала «Красная газета», в то время как в других городах декрет об оспопрививании только начал проводиться в жизнь, в Петрограде большая часть соответствующей работы была уже выполнена. На сентябрь 1920 г. оспа была привита двум третям населения города³⁴⁰.

Среди других болезней наибольшее беспокойство вызывала цинга, что вполне объяснимо в условиях недоедания и нехватки витаминов. К тому же вследствие угрозы холерной эпидемии овощи и фрукты рекомендовалось не есть свежими и употреблять только в вареном виде, а при термической обработке овощей и фруктов разрушается содержащийся в них витамин С, который служит основным гарантом против цинги. Первые случаи цинги были отмечены в конце 1918 г. Болезнь достигла широких масштабов в середине 1919 г. К концу года число заболевших достигало тысячи человек³⁴¹. Цинга протекала в относительно легкой форме и выражалась в разрыхлении десен и боли в ногах, к тяжелым последствиям она, как правило, не приводила. Однако ликвидировать ее было нелегко. Случаи цинги наблюдались еще в 1921 г., когда эпидемические заболевания в основном уже шли на спад. В частности, 13 апреля 1921 г. подотдел Петроградского губернского отдела народного образования обратился в Петросовет с просьбой принять срочные меры к улучшению питания детей, так как в некоторых детских учреждениях началась цинга³⁴².

Не последней проблемой в Петрограде стали венерические заболевания, особенно сифилис. Их распространение было связано с тем, что после закрытия домов терпимости и выхода проституции из-под государственного контроля «жрицы любви» перестали подвергаться регулярному медицинскому осмотру. Сохранилось любопытное письмо отдела Комздрава Московского района, адресованное Г.Е. Зиновьеву. В письме выражалась обеспокоенность ростом числа больных сифилисом в районе, причем среди заболевших было 12 служащих самого Комздрава. Для борьбы с угрозой распространения сифилиса предлагались

радикальные меры: освидетельствование всего населения с последующим отделением больных от здоровых и издание декрета об обязательном вступлении в брак лиц, достигших зрелого возраста³⁴³.

* * *

Такой в общих чертах была повседневная жизнь петроградцев в первые, самые трудные послереволюционные годы. Как подчеркивал в своих заметках А. Моризе, французский социалист, побывавший в России в 1921 г., из всех крупнейших городов России именно Петроград сохранил в первоначальной чистоте дух коммунизма, но репутация авангарда революции стоила ему огромного количества жертв и лишений.. Положение начало меняться только со второй половины 1921 г., когда стали ощущаться результаты мероприятий нэпа. Жизнь постепенно входила в нормальное русло. Как отмечал П.А. Сорокин, Петроград мало-помалу начал снова приобретать внешний облик европейского города. «Люди ремонтировали свои жилища, стали лучше одеваться, следить за своей внешностью. Печать смерти и запустения, лежавшая на нас целых два года, почти исчезла». Свидетельством нормализации жизни было и прекращение убыли населения города. С 1921 г. численность населения Петрограда вновь начала расти и в 1923 г. впервые после 1919 г. достигла миллионного уровня, составив 1 067 000 человек.

Примечания

- ¹ Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып. 6. С. 57.
- ² *Ransome A.* Russia in 1919. New York, 1921. P. 11–12.
- ³ *Serge V.* Mémoires d'un révolutionnaire. Paris, 1951. P. 80.
- ⁴ *Goldman E.* My disillusionment in Russia. New York, 1923. P. 12.
- ⁵ *Ransome A.* Russia in 1919. P. 13.
- ⁶ *Rios F. de los.* Mi viaje a la Rusia Sovietista. Madrid, 1922. P. 13.
- ⁷ *Snowden E.* Through Bolshevik Russia. London, 1920. P. 18.
- ⁸ *Goldman E.* My disillusionment in Russia. P. 32, 34.
- ⁹ *Изгоев А.С.* Пять лет в Советской России // Архив русской революции. М., 1991. Т. 10. С. 20.
- ¹⁰ См.: *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции: Петроград в первые месяцы Советской власти. Л., 1969. С. 319.
- ¹¹ Красная газета. 1918. 28 января.
- ¹² *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 319.
- ¹³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 193. Л. 168.
- ¹⁴ *Френкель З.Г.* Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство. Пг., 1923. С. 70.
- ¹⁵ Там же. С. 72.
- ¹⁶ *Rios F. de los.* Mi viaje a la Rusia Sovietista. P. 22.
- ¹⁷ Цит. по: *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1990. С. 36.
- ¹⁸ *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 256.
- ¹⁹ *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч. С. 36.
- ²⁰ Там же. С. 89.
- ²¹ *Serge V.* Mémoires d'un révolutionnaire. P. 131.

- ²² Вестник Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области. 1919. № 5. С 571–572.
- ²³ *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 319–320.
- ²⁴ *Marabini J.* La vie cotidiene en Russie sous la révolution d'octobre. Paris, 1965. P. 166.
- ²⁵ ЦГА СПб. Ф. 130. Оп. 2. Д. 347. Л. 16.
- ²⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 281–282.
- ²⁷ Известия. 1918. 12 января.
- ²⁸ Красная газета. 1918. 6 февраля.
- ²⁹ Петроградская правда. 1919. 6 мая.
- ³⁰ *Buchanan M.* Petrograd. The City of Trouble. 1914–1918. London, 1918.
- ³¹ *Lansbury G.* What I Saw in Russia. London, 1920. P. 135.
- ³² *Scheibert P.* Lenin an der Macht. Das russische Volk in der Revolution 1918–1922. Weinheim, 1984. S. 358.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ *Струмилин С.Г.* Статистико-экономические очерки. М., 1956. С. 267.
- ³⁵ Петроградская правда. 1919. 9 апреля.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. С. 241.
- ³⁸ *Лопухин В.Б.* После 25 октября. // Минувшее. 1990. № 1. С. 254.
- ³⁹ *Goldman E.* My disillusionment in Russia. P. 18.
- ⁴⁰ *Кульшиев Ю.С., Носач В.И.* Партийная организация и рабочие Петрограда в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Л., 1971. С. 254.
- ⁴¹ Петроградская правда. 1919. 9 апреля.
- ⁴² *Потехин М.Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966. С. 294.
- ⁴³ *Кульшиев Ю.С., Носач В.И.* Партийная организация... С. 258.
- ⁴⁴ Петроградская правда. 1919. 25 ноября.
- ⁴⁵ *Врангель М.Д.* Моя жизнь в советском раю // Архив русской революции. М., 1990. Т. 4. С. 200.
- ⁴⁶ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1992. С. 129.
- ⁴⁷ *Потехин М.Я.* Первый Совет... С. 297.
- ⁴⁸ *Snowden E.* Through Bolshevik Russia. P. 21.

- ⁴⁹ *Ransome A.* Russia in 1919. P. 15.
- ⁵⁰ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 118.
- ⁵¹ Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. С. 256.
- ⁵² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 13, 17.
- ⁵³ Цит. по: Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. С. 37.
- ⁵⁴ Красная газета. 1918. 22 сентября.
- ⁵⁵ Врангель М.Д. Моя жизнь в советском раю. С. 201.
- ⁵⁶ Левина Н.Б. Сталинизм и мода // С.-Петербургская панорама. 1993. № 8. С. 33.
- ⁵⁷ Петроградская правда. 1919. 23 ноября.
- ⁵⁸ Изгоев А.С. Пять лет в Советской России. С. 30.
- ⁵⁹ Петроградская правда. 1920. 9 марта.
- ⁶⁰ Астапович З.А. Первые мероприятия Советской власти в области труда (1917–1918 гг.). М., 1958. С. 49–50.
- ⁶¹ Кульшиев Ю.С., Носач В.И. Партийная организация... С. 257.
- ⁶² Смильг-Бенарио М. На советской службе // Архив русской революции. М., 1991. Т. 3. С. 166.
- ⁶³ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1984. С. 65.
- ⁶⁴ Сорокин П.А. Дальняя дорога. С. 132.
- ⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 275. Л. 37.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 187. Л. 80.
- ⁶⁷ Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 427–428.
- ⁶⁸ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда. С. 65.
- ⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 235. Л. 91.
- ⁷⁰ Dollars and Diplomacy. Ambassador David Rowland Francis and the Fall of Tsarism, 1916–1917. Durham (N.C.), 1981. P. 117.
- ⁷¹ Звягинцева А.П. Контрреволюционная сущность милиции Временного правительства // Правоведение. 1971. № 4. С. 112, 113.
- ⁷² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.
- ⁷³ Звягинцева А.П. Контрреволюционная сущность... С. 113.
- ⁷⁴ Кельсон З.С. Падение Временного правительства // Былое. 1925. № 6 (34). С. 192.
- ⁷⁵ Петроградский листок. 1917. 24 апреля.
- ⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.
- ⁷⁷ Петроградский листок. 1917. 23 июля.

- ⁷⁸ *Хасегава Ц.* Преступность и социальный кризис в Петрограде во время русской революции: март–октябрь 1917г. // *Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды / Сборник научных статей.* СПб., 1994. Вып. 3. С. 75.
- ⁷⁹ *Скилягин А.Т., Лесов В., Пименов Ю.* Дела и люди ленинградской милиции. Очерки истории. Л., 1967. С. 23.
- ⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.
- ⁸¹ *Скилягин А.Т., Лесов В., Пименов Ю.* Дела и люда ленинградской милиции. С. 26.
- ⁸² Там же. С. 25.
- ⁸³ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 75. Л. 226.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 142. Л. 55.
- ⁸⁶ *Канн П.Я.* Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами // *История СССР.* 1962. № 3. С. 133–136.
- ⁸⁷ Там же. С. 134; *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 185.
- ⁸⁸ Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 3. С. 400.
- ⁸⁹ *Vichapan M.* Petrograd. The City of Trouble. 1914–1918. London, 1918. P. 231.
- ⁹⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
- ⁹¹ *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 189–190.
- ⁹² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 202. Л. 14 об.
- ⁹³ Красная газета. 1918. 8 февраля.
- ⁹⁴ Там же. 16 марта.
- ⁹⁵ Известия. 1918. 15 марта.
- ⁹⁶ Красная газета. 1918. 16 февраля, 12 июня.
- ⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1209. Л. 270.
- ⁹⁸ Там же. Д. 1164. Лл. 1, 7, 9, 25.
- ⁹⁹ Красная газета. 1918. 10 мая, 25 мая.
- ¹⁰⁰ *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 191.
- ¹⁰¹ *Бонч-Бруевич В.Д.* Избр. соч. М., 1963. Т. 3. С. 133.
- ¹⁰² Красная газета. 1918.3 марта.
- ¹⁰³ *Dotergue G.* La Russie rouge. Paris, 1919. P. 183.

- ¹⁰⁴ Ibid. P. 184; ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 11. Л. 120.
- ¹⁰⁵ ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 121. Л. 60–61.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–3, 11, 20.
- ¹⁰⁷ *Хасегава Ц.* Преступность и социальный кризис... С. 75.
- ¹⁰⁸ ЦГА СПб. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1347. Л. 50.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 51. Л. 72, 74.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1246. Л. 589.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 21. Л. 3; Красная газета. 1918. 10 апреля.
- ¹¹² Красная газета. 1918. 30 марта.
- ¹¹³ *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 191.
- ¹¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 241.
- ¹¹⁵ Красная газета. 25 февраля.
- ¹¹⁶ Там же. 27 февраля.
- ¹¹⁷ Там же. 2 апреля.
- ¹¹⁸ *McAulay M.* Bread and Justice. State and Society in Petrograd. 1917–1922. New York, 1991. P. 54.
- ¹¹⁹ Красная газета. 1918. 3 марта.
- ¹²⁰ Там же. 1918. 7 апреля.
- ¹²¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 149. Л. 2.
- ¹²² Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 159. Л. 61.
- ¹²³ Там же. Л. 162.
- ¹²⁴ Там же. Л. 172.
- ¹²⁵ *McAulay M.* Bread and Justice. P. 55.
- ¹²⁶ Известия. 1918. 9 января.
- ¹²⁷ *Горький А.М.* Несвоевременные мысли. Записки о русской революции. М., 1990. С. 102.
- ¹²⁸ *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. М., 1991. Т. 12. С. 267.
- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 58. Л. 249.
- ¹³⁰ *Скилягин А.Т., Лесов В., Пименов Ю.* Дела и люди ленинградской милиции. С. 29.
- ¹³¹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 28. Л. 19; Ф. 47. Оп. 1. Д. 41. Л. 38.
- ¹³² Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 166. Л. 2–3.
- ¹³³ Там же. Д. 297. Л. 6.
- ¹³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 113.
- ¹³⁵ Красная газета. 1918. 22 февраля.

- ¹³⁶ ЦГА СПб. Ф. 141. Оп. 1. Д. 23. Л. 206.
- ¹³⁷ Красный милиционер. 1919. № 3. С. 6.
- ¹³⁸ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 253. Л. 72–79.
- ¹³⁹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8. Л. 51 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Оп. 8. Д. 188. Л. 77.
- ¹⁴¹ *Роцкан П.* Очерк истории питерской милиции // Красный милиционер. 1921. № 2/3. С. 12.
- ¹⁴² Там же. С. 13.
- ¹⁴³ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 619в. Л. 13–14.
- ¹⁴⁴ За восемь лет. Материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска. 1917–12 ноября 1925 г. Л., 1925. С. 52.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 61.
- ¹⁴⁶ Рабоче-крестьянская милиция. 1922. № 1. С. 55.
- ¹⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 287. Л. 14., 4S Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 14.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 14.
- ¹⁴⁹ За восемь лет. С. 85.
- ¹⁵⁰ Рабоче-крестьянская милиция. 1922. № 1. С. 55.
- ¹⁵¹ *Скилягин А.Т., Лесов В., Пименов Ю.* Дела и люди ленинградской милиции. С. 27, 47.
- ¹⁵² ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 159. Л. 245. 153.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 7455. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.
- ¹⁵⁴ Красный милиционер. 1919. № 2. С. 2.
- ¹⁵⁵ Вестник КВД СКСО. 1919. № 5. С. 571–572.
- ¹⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 2 Д. 245. Л. 16.
- ¹⁵⁷ За восемь лет. С. 63.
- ¹⁵⁸ Вестник КВД СКСО. 1919. № 5. С. 571.
- ¹⁵⁹ Петроградская правда. 1919. 25 января.
- ¹⁶⁰ За восемь лет. С. 92.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 442.
- ¹⁶³ Вестник КВД СКСО. 1919. № 5. С. 571.
- ¹⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. 212. Оп. 1. Д. 270. Л. 24.
- ¹⁶⁵ За восемь лет. С. 21.
- ¹⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 90. Л. 331–332.
- ¹⁶⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 9. Л. 419.

- ¹⁶⁸ Шкаровский М.В. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е года // Невский архив. III. СПб., 1997. С. 467.
- ¹⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 9 Л. 324.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 58. Л. 476.
- ¹⁷¹ Шкаровский М.В. Семь имен «кошки». С. 468.
- ¹⁷² Красная газета. 1918. 5 мая.
- ¹⁷³ Лебина Н.Б. «Белая фея», или Как наводили марафет в Советской России // Родина. 1996. № 9. С. 66.
- ¹⁷⁴ ГАРФ.Ф. 393. Оп. 1.Д. 202 Л. 131 об.
- ¹⁷⁵ McAulay M. Bread and Justice. P. 276.
- ¹⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 526. Л. 39.
- ¹⁷⁷ Шкаровский М.В. Семь имен «кошки». С. 468.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 469.
- ¹⁷⁹ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Деталь ночного пейзажа. Кое-что из мира проституток Санкт-Петербурга и Ленинграда // Родина. 1994. № 1. С. 62.
- ¹⁸⁰ Вестник КВД СКСО. 1918. № 3. С. 317; 1919. № 5. С. 533.
- ¹⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 476.
- ¹⁸² Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 57. Л. 17; Петроградская правда. 1920. 11 июля.
- ¹⁸³ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп 1. Д. 9. Л. 515.
- ¹⁸⁴ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. М., 1994. С. 141.
- ¹⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 522. Л. 27–30.
- ¹⁸⁶ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. С. 142.
- ¹⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 57. Л. 9–10.
- ¹⁸⁸ Равич С.Н. Борьба с проституцией в Петрограде // Коммунистка. 1920. № 1. С. 20.
- ¹⁸⁹ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. С. 165.
- ¹⁹⁰ ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 2. Д. 245. Л. 16.
- ¹⁹¹ Цит. по: Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. С. 81.
- ¹⁹² Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. С. 318.
- ¹⁹³ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.
- ¹⁹⁴ Вестник КВД СКСО. 1918. № 3. С. 317.

- 195 *Чистиков А.Н.* Тройка, семерка, туз // Родина. 1994. № 10. С. 46.
- 196 Там же.
- 197 ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. I. Д. 131. Л. 50.
- 198 Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
- 199 Там же. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 175. Л. 13.
- 200 Там же. Л. 28.
- 201 *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. С. 236.
- 202 ЦГА СПб. Ф. 7455. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- 203 Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 8. Л. 91.
- 204 Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 142. Л. 28.
- 205 Петроградская правда 1920. 1 августа.
- 206 Красная газета. 1920. 8 сентября.
- 207 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 4. Л. 76.
- 208 Красная газета. 1919. 17 мая.
- 209 ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 24. Л. 216.
- 210 Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3488. Л. 2.
- 211 Там же. Л. 13.
- 212 Там же. Л. 10.
- 213 Там же. Л. 2.
- 214 Там же. Д. 3348. Л. 1.
- 215 Там же. Д. 3435. Л. 3.
- 216 Там же. Д. 3441. Л. 1–2, 19 об.
- 217 Там же. Л. 23.
- 218 Красная газета. 1920. 17 мая.
- 219 ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3359. Л. 249.
- 220 Там же. Л. 45.
- 221 Там же. Л. 35.
- 222 Там же. Д. 3354. Л. 46.
- 223 Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских депутатов.
Четвертый созыв. Стенографические отчеты заседаний Совета.
Пг., 1919. С. 43.
- 224 *Смилг-Бенарио М.* На советской службе. С. 174–177.
- 225 Петроградская правда. 1919. 24 августа.
- 226 Там же. 9 сентября.
- 227 Красная газета. 1919. 14 ноября.
- 228 Петроградская правда. 1920. 7 января.

- ²²⁹ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.
- ²³⁰ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.
- ²³¹ Красная газета. 1920. 27 апреля.
- ²³² Петроградская правда. 1919. 15 февраля.
- ²³³ Там же. 11 апреля.
- ²³⁴ *Jahn H.G. Housing Revolution in Petrograd 1917–1920 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. Heft 2. S. 213.*
- ²³⁵ Ibid. S. 214.
- ²³⁶ *Бабкин В.Н., Вишняков К.А. Сила революционных традиций // Выборгская сторона. Из истории борьбы рабочего класса за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. статей и воспоминаний. Л., 1957. С. 199–200.*
- ²³⁷ *Газа И.И. Путиловец на путях к Октябрю. М.; Л., 1933. С. 72.*
- ²³⁸ *Brown D. Doomsday 1917. The Destruction of Russia's Ruling Class. London, 1975. P. 66.*
- ²³⁹ См.: *Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964.*
- ²⁴⁰ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 44.*
- ²⁴¹ Там же. Т. 33. С. 58; Т. 34. С. 313.
- ²⁴² *Потехин М.Н. Переселение петроградских рабочих в квартиры буржуазии (октябрь 1917–1919 гг.) // История СССР. 1977. № 5. С. 141.*
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ *Jahn H.G. Housing Revolution... S. 219.*
- ²⁴⁵ *Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. С. 328–329.*
- ²⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.
- ²⁴⁷ *Потехин М.Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. С. 169.*
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Красная газета. 1918. 10 февраля.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Известия. 1918. 2 марта.
- ²⁵² Там же. 9 марта.
- ²⁵³ *Кульшев Ю.С., Носач В.И. Партийная организация... С. 261.*
- ²⁵⁴ *Гофман С.Х. Партия большевиков в борьбе за улучшение жилищных условий рабочего класса Петрограда в первые годы Советской власти (октябрь 1917 — март 1919 года) // Ученые*

- записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Л., 1968.
Вып. 3. С. 78.
- ²⁵⁵ *Потехин М.Н.* Первый Совет... С. 170.
- ²⁵⁶ *Френкель З.Г.* Петроград периода войны и революции. С. 59.
- ²⁵⁷ *Потехин М.Н.* Первый Совет... С. 170–171.
- ²⁵⁸ Красная газета. 1918. 9 августа.
- ²⁵⁹ Там же. 1919. 18 мая.
- ²⁶⁰ Там же. 1918. 12 октября.
- ²⁶¹ *Потехин М.Н.* Переселение петроградских рабочих... С. 143.
- ²⁶² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 141. Л. 3.
- ²⁶³ Северная коммуна. 1918. 18 сентября.
- ²⁶⁴ *Потехин М.Н.* Переселение петроградских рабочих... С. 143.
- ²⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 141. Л. 3.
- ²⁶⁶ Там же. Л. 8.
- ²⁶⁷ Там же. Д. 291. Л. 4.
- ²⁶⁸ *Потехин М.Н.* Переселение петроградских рабочих... С. 143.
- ²⁶⁹ *Гофман С.Х.* Партия большевиков... С. 83–84.
- ²⁷⁰ Петроградская правда. 1919. 17 октября.
- ²⁷¹ Там же. 31 августа.
- ²⁷² Красная газета. 1920. 7 марта.
- ²⁷³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 141. Л. 5.
- ²⁷⁴ Красная газета. 1919. 26 ноября.
- ²⁷⁵ *Потехин М.Н.* Переселение петроградских рабочих... С. 144.
- ²⁷⁶ *Френкель З.Г.* Петроград периода войны и революции. С. 59.
- ²⁷⁷ Там же.
- ²⁷⁸ Там же. С. 61.
- ²⁷⁹ Там же. С. 62.
- ²⁸⁰ *Гофман С.Х.* Партия большевиков... С. 86.
- ²⁸¹ *Потехин М.Н.* Переселение петроградских рабочих... С. 144.
- ²⁸² *Гофман С.Х.* Партия большевиков... С. 86.
- ²⁸³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2 Д. 141. Л. 22.
- ²⁸⁴ Там же. Оп. 3. Д. 187. Л. 2–3.
- ²⁸⁵ Там же. Оп. 4. Д. 233. Л. 391.
- ²⁸⁶ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. С. 127.
- ²⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп.1. Д. 3436. Л. 3–4, 6.
- ²⁸⁸ *Смилг-Бенарио М.* На советской службе. С. 154–155.

- ²⁸⁹ *Goldman E.* My disillusionment in Russia. P. 70.
- ²⁹⁰ *Сукновалов А.Е.* Петроградская сторона. Л., 1960. С. 113.
- ²⁹¹ *Ильина Г.И.* «Сумасшедший корабль» и его пассажиры // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века / Тезисы докладов и сообщений научной конференции. СПб., 1996. С. 105–107. Дом Искусств просуществовал до осени 1922 г., когда он был закрыт по распоряжению Г.Е. Зиновьева.
- ²⁹² *Потехин М.Я.* Переселение петроградских рабочих... С. 143.
- ²⁹³ Там же. Л. 144.
- ²⁹⁴ В 4-м томе «Очерков истории Ленинграда» (Л., 1964. С. 485) общее число переселившихся определяется в 300 тысяч человек. Это существенно выше данных М.Н. Потехина, если исходить из среднего состава семьи в четыре человека. Ю.С. Кулышев и В.И. Носач (Партийная организация. С. 262) приводят данные о переселении за полгода — с ноября 1918 г. по апрель 1919г. — 18 448 семей рабочих.
- ²⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 206. Л. 75.
- ²⁹⁶ Там же. Д. 187. Л. 11.
- ²⁹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 187. Л. 77.
- ²⁹⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 137. Л. 30.
- ²⁹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 46. Л. 1–3.
- ³⁰⁰ Там же. Л. 8.
- ³⁰¹ *Френкель З.Г.* Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное хозяйство. Пг., 1923. С. 69–70.
- ³⁰² *Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. СПб., 1991. С. 171.
- ³⁰³ *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 270.
- ³⁰⁴ *Хромов Б.М., Свешников А.В.* Здравоохранение Ленинграда. Краткий исторический очерк. Л., 1969. С. 28.
- ³⁰⁵ *Фигурина М.М.* Ленинградская больница имени С.П. Боткина. Л., 1961. С. 31.
- ³⁰⁶ *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1958. С. 16.
- ³⁰⁷ Там же. С. 16–17.
- ³⁰⁸ *Хромов Б.М., Свешников А.В.* Здравоохранение Ленинграда. С. 22.
- ³⁰⁹ *McAulay M.* Bread and Justice. State and Society in Petrograd 1917–1922. New York, 1991. P. 277.

- ³¹⁰ Красная газета. 1918. 21 апреля.
- ³¹¹ Федоров И.Г. Эпидемия сыпного тифа в Петрограде в 1917–1918 гг. // Известия Комиссариата здравоохранения Союза Коммун Северной области. 1919. № 3–4. С. 35.
- ³¹² Красная газета. 1918. 22, 25, 28 мая.
- ³¹³ Там же. 24 мая.
- ³¹⁴ До мая 1918 г. носил название Комиссариат здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны, а в июле 1919 г., после упразднения СКСО, был преобразован в Отдел здравоохранения Исполнительного комитета Петроградского Совета.
- ³¹⁵ Красная газета. 1918. 24 мая.
- ³¹⁶ Там же. 10 июля.
- ³¹⁷ Федоров И.Г. Эпидемия холеры в Петрограде 1918 г. // Известия Комиссариата здравоохранения Союза Коммун Северной области. 1918. № 1. С. 86.
- ³¹⁸ Красная газета. 1918. 11, 12 июля.
- ³¹⁹ Там же. 16 июля.
- ³²⁰ Там же. 24 июля.
- ³²¹ Там же. 17 июля.
- ³²² Там же. 26 июля, 7 августа.
- ³²³ Федоров И.Г. Эпидемия холеры в Петрограде 1918 г. С. 86.
- ³²⁴ Там же. С. 86, 88.
- ³²⁵ Там же. С. 85.
- ³²⁶ Красная газета. 1918. 10, 17 октября.
- ³²⁷ Петроградская правда. 1919. 10 января.
- ³²⁸ Там же. 18 января.
- ³²⁹ Федоров И.Г. Эпидемия сыпного тифа в Петрограде в 1917–1918 гг. С. 35.
- ³³⁰ Хромов Б.М., Свешников А.В. Здравоохранение Ленинграда. С. 29.
- ³³¹ Петроградская правда. 1920. 3 февраля.
- ³³² Красная газета. 1920. 6 марта.
- ³³³ Петроградская правда. 1920. 22 июня.
- ³³⁴ Там же. 31 октября.
- ³³⁵ Там же. 1921. 4 февраля.
- ³³⁶ Хромов Б.М., Свешников А.В. Здравоохранение Ленинграда. С. 31.
- ³³⁷ Snowden E. Through Bolshevick Russia. P. 18.

³³⁸ Петроградская правда. 1920. 19 сентября.

³³⁹ Там же. 1919. 4 марта.

³⁴⁰ Красная газета. 1920. 12 сентября.

³⁴¹ Петроградская правда. 1920. 11 июля.

³⁴² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 235. Л. 577.

³⁴³ Там же. Оп. 4. Д. 125. Л. 306.

А.И. Рупасов

Торговля и распределение

При знакомстве с архивными материалами по вопросам торговли и распределения в Петрограде в годы Гражданской войны поражает не столько крайняя беспомощность властей в делах снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости, неспособность прогнозировать хотя бы ближайшие последствия предпринимаемых шагов, сколько явная уверенность этого самого населения в бестолковости властей и необходимости в силу этого положения дел действовать на свой страх и риск — иначе просто не выжить. Впрочем, риск значительно снижался благодаря тому, что взлелеиваемое новыми городскими властями дитя — контроль за всем и вся — как-то не желало расставаться со своим детством и позволяло не лишённому здравой сметки горожанину сводить концы с концами.

Стороннему наблюдателю взаимоотношения городской власти и населения могут показаться азартной игрой, в которой каждая из сторон играла по собственным правилам, с той лишь разницей, что первая, крайне озабоченная поддержанием (или скорее, быть может, желанием приобретения?) авторитета, обращала исключительное внимание на формальное закрепление таковых правил в виде обязательных постановлений, предписаний и прокламаций, доводившихся до сведения всех от мала до велика посредством немногочисленной городской прессы, выступлениями агитаторов, партийными и профсоюзными собраниями и тому подобным и, что действительно удивительно, явно верила при этом в наличие у населения столь желаемого для любой власти законопослушания. Вторая же, не озабоченная размышлениями о

чем бы то ни было авторитете, основное внимание уделяла разработке методик выполнения или, что ближе к истине, — уклонения от выполнения предписанных ей правил. Пускаться при этом на особо изысканные уловки горожанину и нужды не было: город велик, хотя революционные потрясения и привели к тому, что население сократилось почти втрое, жителей оставалось все-таки не настолько мало, чтобы к каждому дому, где там — к каждому человеку можно было приставить по соглядатаю. Да и с последним, если таковой все же оказывался в ненужном месте в ненужное время, можно было вполне договориться, если только того не обуревало желание оставить себе все.

Безусловно, утверждать, что стоявшие перед городскими властями проблемы относились к разряду легко и быстро разрешимых, нельзя. Столь же бесспорно и то, что наследство, которое им досталось, оказалось тяжким бременем. Именно поэтому их деятельность уже в первые послеоктябрьские месяцы оставляет впечатление явной растерянности, лишь слегка прикрытой гневно-устрашающей фразеологией массы строжайших распоряжений, света надежды в глазах жителей не зажигающих.

Наследство

Наследство включало не только массу разного рода торговых и промышленных предприятий с их огромными складами и холодильниками, финансовые организации, транспортную инфраструктуру, таможи, различные контрольные учреждения и, наконец, собственно городское население, у значительной части которого революция пробудила невиданные прежде активность и самоуверенность. Неотъемлемой частью наследства был также и клубок острейших проблем и, что не менее важно, способов разрешения последних. Среди этих способов прежним хозяевам не хватило только смелости воспользоваться опытом Александра Великого. Впрочем, и новые решились на подобный шаг далеко не сразу.

Дореволюционный Петроград был не только столицей огромной империи, но и ее крупнейшим торговым центром, включенным в систему международной торговли. Город представлял собой сложную торгово-финансовую структуру, способную к быстрой адаптации в резко меняющихся политических и экономических условиях. Составляющими звеньями этой структуры были не только разветвленная сеть крупных и мелких финансово-кредитных организаций (банков, кредитных товариществ, ссудных касс, ломбардов, страховых обществ и пр.), но и великое множество разного рода торговых заведений (магазинов, ларей, складов, ресторанов, кафе, трактиров).

Точное количество перечисленных выше торговых предприятий накануне потрясений 1917 года определить трудно, если вообще возможно. Единой системы статистики внутренней торговли Россия не имела. Данные о внутренней торговле никем не

обобщались. Единственным источником о ней являются сводные данные обложения торговых предприятий промысловым налогом. Последний раз эти данные были опубликованы за 1912 г. в 1915 г. департаментом окладных сборов Министерства финансов. Однако судить о численности торговых предприятий по приводимым данным о количестве выбранных патентов нельзя: патенты выдавались не только на постоянно действующие в году, но и на временные (сезонные), а также в случаях перехода торгового предприятия к другому лицу или при изменении характера деятельности предприятия. В 1912 г. на всю Санкт-Петербургскую губернию было выдано по пяти разрядам свыше 36 000 патентов. Для сравнения укажем: в Новгородской губернии было выдано около 6000, а в Псковской — немногим более 7000¹.

В какой степени повлияла на численность торговых заведений и объемы их оборотов порожденная войной экономическая ситуация, также сказать трудно. В годы мировой войны Петроград, однако, остался одним из немногих городов страны, через который еще могли осуществляться крупные внешнеторговые операции. Поскольку утвержденными министром финансов правилами от 4 мая 1915 г. был запрещен вывоз за границу товаров из портов Балтийского моря, расположенных в пределах Петроградской, Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерний, столичный торговый порт уступил свою роль Финляндской железной дороге, по которой и пошел основной поток грузов. Уже в 1915 г. экспорт в Финляндию и транзит грузов через нее в нейтральные и союзные европейские государства возрос с 3,6 до 33 % (с 49 до 132,7 млн руб.), а импорт из и через Финляндию — с 4,1 до 21,4 % (с 56 до 243,7 млн руб.)².

Столь же затруднительно сказать, сколько действовало в столице в 1917 г. кредитно-банковских учреждений. Ряд российских банков перенесли свои конторы с оккупированных территорий в Петроград, однако не все из них успели развернуть свои операции. Что касается органов мелкого и среднего кредита, то шел непрерывный процесс появления новых и ликвидации старых кредитных товариществ, их объединений, ломбардов, ссудных касс и т. д. Можно лишь утверждать, что вклады населения в разного

рода кредитные товарищества в 1917 г. значительно возросли и что одновременно заметно сократились вклады в государственные сберегательные кассы, из которых население после провала летнего наступления и последовавшей попытки корниловского переворота стало изымать свои деньги.

Война продиктовала необходимость ужесточения государственного контроля над экспортно-импортными операциями торговых компаний и деятельностью банков. За годы войны возросло количество ведомств, от решений и действий которых зависело функционирование городской системы торговли. Свою точку зрения на некоторые экспортные операции высказывал, например, штаб Северного фронта, даже предпринимавший определенные шаги, целью которых было воспрепятствование проведению тех или иных торговых операций. Предпринимаемые штабом фронта меры были тогда во многом обусловлены появлением слухов, что часть транспортируемых грузов идет транзитом через Финляндию в Германию. Так, в начале января 1916 г. начальник штаба Северного фронта М.Д. Бонч-Бруевич направил генерал-губернатору Финляндии Ф.-А.А. Зейну письмо, в котором утверждалось, что в некоторых частях Великого Княжества специально устраиваются запасы зерна в целях подготовки поддерживаемого Германией восстания против России. Командующий Северным фронтом П.А. Плева потребовал тогда от главы правительства Ивана Логгиновича Горемыкина прекращения любых поставок продовольствия в Финляндию³. Подозрительность штаба Северного фронта вызывали в начале 1917 г. даже безобидные на глаз обывателя поставки семян клевера в Данию, так как считалось, что из Датского королевства они якобы попадали в Германию, где из них вырабатывались «удушливые газы»⁴. Это дело породило оживленную переписку нескольких министерств; в итоге через несколько месяцев военным пришлось пойти на попятный. Вместе с тем следует отметить, что к началу 1917 г. российским правительством стал признаваться тот факт, что, учитывая опыт торговли Великобританией со Швецией и другими европейскими государствами, можно расширить торговые связи со Скандинавией через Петроград без опасений, что экспортируемые туда товары окажутся в Германии.

Вполне естественно, что наличие у различных государственных институтов несопадающих точек зрения могло иногда надолго затягивать осуществление тех или иных торгово-финансовых операций. Но, как известно, у семи нянек дитя без глаза, а если еще принять во внимание порожденную войной атмосферу спекулятивного ажиотажа, то тот факт, что торговая деятельность в имперской столице не впала в состояние летаргии, удивления вызывать не станет. Спекулятивные операции, в которые оказались вовлеченными не только владельцы частных торговых предприятий, банки, кооперативы и так далее, но и государственные ведомства, в первую очередь расположенные в городе армейские интендантские службы, внесли свой вклад в ускорение процесса развала финансовой системы империи. Размах этих операций делал возможным появление утверждений вроде тех, которые привел в своей докладной записке в сентябре 1917 г. заведующий подотделом продовольственных правонарушений Петроградской Центральной Продовольственной управы Б.Д. Левин: «Всем нам хорошо известно, что в городе существует целая организация спекулянтов-контрабандистов, которая всеми правдами и неправдами доставляет продукты в Петроград и продает их по чрезмерно завышенным ценам... Спекуляции помогают железнодорожные агенты, а также различные воинские части». Что касается «целой организации спекулянтов-контрабандистов», то сколько-нибудь точных данных никто так никогда и не привел. Но в интендантской службе действительно время от времени возникали скандальные дела. Тот же Левин спустя месяц напишет: «Интендантство, Красный Крест⁵ и иные учреждения получают грузы в свой адрес и распределяют их, как бог на душу положит»⁶.

Нерастроченной за годы мировой войны деловитости отечественных представителей торгово-финансового мира с точки зрения властей, как имперских, так и городских, был присущ один как минимум серьезный недостаток: она пагубно сказывалась на умонастроении значительной части городских жителей, которым все труднее приходилось удовлетворять свои далеко не изысканные потребности из-за постоянного роста цен. Хотя надо признать, что в то время жители города все же еще не были пока

объединены в «одну тесную семью, щелкающую зубами» (по выражению Н. Тэффи), это произойдет несколько позднее.

Недоброжелательное и нередко излишне эмоционально окрашенное отношение весьма широких слоев городского населения к представителям так называемого «торгового класса» являлось одним из факторов, крайне осложнявших борьбу последнего за устранение введенных во время войны ограничений на свободу торговли. Если учесть, что Февральская революция положила начало проходившему довольно быстро процессу институционализации новой власти, то для «торгового класса» складывалась мало комфортная ситуация устранения из сферы принятия политико-экономических решений. Избежать подобного направления развития событий считалось возможным, прежде всего, путем «ликвидации деморализации в собственных рядах» и самоорганизацией, а также тем, что в наше время называется работой над имиджем.

«Банковая и торговая газета» устами одного из своих обозревателей М. Мерева так обрисовала, например, портрет предполагаемого предпринимателя: «Из мародера, набивающего свой карман, из спекулянта, мнящего себя гением после стрижки околных баранов, из чиновника, пристроившегося благодаря своим связям к тепленькому местечку, предприниматель должен превратиться в организатора, одушевленного рядом со здоровым эгоизмом, также общественными идеалами, в мыслителя и энергичного проводника своих замыслов, в которых должен проявляться творческий гений предпринимателя для хозяйственной жизни и экономического развития страны»⁷.

Возможно, именно потому, что подобная «социальная эволюция капитала» была процессом длительным, то основное внимание было обращено на «самоорганизацию». Однако и на этом пути, даже в рамках одного города, до октябрьских событий 1917 г. особых успехов так и не было достигнуто. «В то время как другие группы населения нашего великого государства неустанно работали над созданием организованных ячеек, в то время как самые, казалось бы, некультурные классы населения объединились и нашли в себе духовные силы для создания той или иной внутренней спайки, в то время как съезды непрерывной чередой идут

в Петрограде, в это время торгово-промышленный класс удосужился созвать одно или два бледных собрания и сорганизовать рахитический торгово-промышленный союз, не проявляющий ни энергии, ни воли жизни и ничего до сих пор не сделавший для предпринимателей... В этой деморализации таится в связи с предстоящими повсеместно муниципальными выборами, а также с выборами в учредительное собрание серьезная опасность для торговцев и промышленников. Если голос народа признает их мародерами тыла, вредными или даже бесполезными посредниками в экономическом обороте страны, то они будут стерты, а в лучшем случае заперты в том столкновении интересов, которое произойдет в городских думах и учредительном собрании»⁸.

Так или иначе, но явная неспособность «торгового класса» изменить отношение к себе населения, устранить «деморализацию» в своих рядах, найти баланс между целями собственной деятельности и быстро и непривычно меняющейся правовой основой последней в немалой степени способствовала все более широкому распространению и развитию различных форм нелегальной торговли и торговли вразнос. В свою очередь, подобная ситуация еще более сокращала возможности властей не только получать сколько-нибудь объективную картину о сфере торговли, но, естественно, и прогнозировать результаты и последствия собственных действий. В определенном смысле призывы поправить дело «всем миром», «широкой общественностью», «развитием кооперации» и так далее являлись в 1917 г. всего лишь модификациями более понятного обывателю клича: «Спасайся, кто может!».

Безусловно, сводить причины всех обрушившихся на жителей города в военные годы бед к страсти торговца к наживе нельзя. Существовал ряд объективных причин, постепенно делавших ситуацию со снабжением города все более и более трагичной. Среди этих причин отнюдь не последнюю роль играла ситуация на транспорте. В силу своего географического положения и соответствующих природно-климатических условий город находился в прямой зависимости от четкого функционирования всей той транспортной инфраструктуры, которая связывала его с остальной страной. Ближайшие губернии не были способны удовлетворить потребности столицы как в обеспечении населения

основными продуктами питания, так и ее промышленности сырьем и энергоресурсами. Поэтому любой сбой в работе железнодорожных (Николаевская, Северо-Западная, Московско-Виндаво-Рыбинская железные дороги) и речных (Мариинская, Вышневолоцкая, Тихвинская системы, судоходство на Ладоге) коммуникаций имел серьезные последствия. Даже в таком деле, как поставка дров, значительная масса которых поступала с северо-восточного побережья Ладоги, т. е. из пределов Великого княжества Финляндского, происходили сбои, правда, не достигавшие тех масштабов, какие они приобрели год спустя.

На указанных выше железных дорогах весной 1917 г. уже недоставало примерно четверти паровозного парка⁹. Управляющий транспортным отделом Особого совещания по перевозкам полковник И.Д. Михайлов в составленной в конце лета этого года докладной записке с полным основанием приходил к следующему выводу: «Нет никаких сомнений, что с наступлением зимнего периода разрушение подвижного состава пойдет гигантскими шагами и что большая половина паровозов после первого зимнего месяца окажется вышедшей из строя, прямым следствием чего будет равновеликое сокращение провозной способности наших дорог»¹⁰.

На протяжении всего 1917 г. власти пытались решить проблему транспортировки грузов постепенным сокращением пассажирских перевозок. Однако этот метод решения проблем натолкнулся на естественное желание населения не только перемещаться по территории страны, но и самостоятельно обеспечивать себя продовольствием. В итоге, по утверждению того же И.Д. Михайлова, рессоры у пассажирских вагонов оказались выгнутыми в противоположную сторону. В своей статье в «Известиях по продовольственному делу» он писал: «Ежедневно солдатами и разного рода спекулянтами, проезжающими без всяких билетов, под видом ручного багажа заполняются хлебом классные вагоны и теплушки от пола до верха, причем погрузка в классные вагоны производится через разбиваемые стекла»¹¹.

Однако возникшие на транспорте сложности не сводились к чисто техническим проблемам. Несмотря на то что само предъявление продовольственных грузов железным дорогам и пароходствам

сократилось значительно — в силу общегосударственных тенденций в экономике (распад единого национального рынка, кризис системы денежного обращения, натурализация сельскохозяйственного производства) — на перевозках этих грузов сказалось и быстрое падение авторитета государственной власти. Последнее выражалось не только в игнорировании местными властями тех или иных распоряжений Временного правительства, но и в невозможных ранее фактах простого грабежа продовольственных грузов. Так, выступая на заседании Временного Совета Республики 10 октября 1917 г. по вопросу об общем продовольственном положении министр продовольствия С.Н. Прокопович говорил: «Нам приходится иметь дело с другим явлением: этот хлеб к нам не приходит, это не вина Министерства продовольствия. По Мариинской системе было направлено в сентябре 1917 г. около 400 тысяч пудов хлеба... из этих 400 тысяч пудов уже задержано на Мариинской системе в одном Белозерске 152 тысячи, в других местах еще несколько барж разграблено; в общем, задержано или разграблено около 200 тысяч пудов»¹². По мнению Петроградской Центральной продовольственной управы, городу ежемесячно требовалось 2 069 000 пудов хлеба, или 69 вагонов в сутки. Из всех месяцев 1917 г. наиболее благополучным с прибытием хлебных грузов был май — выполнено было 90 % плана (в марте — 81 %, в апреле — 34 %), однако удержать этот успех не удалось, и в июле прибыло только около трети необходимого¹³.

Имперские и городские власти во время войны довольно осмотрительно предпринимали попытки вмешательства в сферу торговли. Это было обусловлено не только тем пиететом, который они испытывали к институту частной собственности и принципу свободы торговли, но и умением оценивать реальную обстановку. Им не требовалось углубляться в теоретические размышления о вероятных последствиях государственной регламентации в сфере торговли, поскольку уже имевшаяся практика свидетельствовала, что подобный способ решения проблем снабжения городов влечет за собой процветание черного рынка и изменение организационных форм легальной торговли, которые только усугубляли хаос в экономике, в частности, в системе государственных финансов, и подталкивали к созданию обширной системы

государственных монополий, добиться обеспечения четкого функционирования которой было практически невозможно.

В какой-то мере справедливым будет заметить, что власти предпочитали взирать на замкнутый круг проблем, чем пытаться разорвать его, поскольку в их распоряжении фактически не было для этого особых возможностей. Сверхоптимистические заверения некоторых кооперативных деятелей о том, что кооперация является тем волшебным средством, которое сможет обеспечить гарантированное снабжение городского населения продовольствием при условии более решительных действий со стороны государства (не только в сфере торговли)¹⁴, не могли восприниматься всерьез, так как тщедушие российской кооперации было общеизвестным фактом. Выступить в условиях войны в качестве «заменителя» частной торговли она явно не была способна. Городская дума в Петрограде неоднократно вынуждена была с прискорбием для себя признавать, что торговцы в распределении продуктов играют огромную роль и вследствие этого обладают возможностями влиять на общественное мнение «в желательном для них смысле». Поэтому если властями и предпринимались какие-либо меры, то их осуществление ограничивалось, как правило, системой оговорок и негласных поблажек нарушителям (так было с инструкциями, разосланными министерством внутренних дел от 31 июля 1914 г., по которым губернаторам предоставлялось право вмешиваться в «нездоровое повышение цен») или временными рамками. Примером последнего является решение Особого совещания по продовольственному делу, которым петроградскому градоначальнику князю А.Н. Оболенскому были предоставлены 19 сентября 1915 г. полномочия конфисковать и передавать потребителям прибывавшие в столицу для спекулятивных целей продовольственные грузы. Полномочия эти действовали 12 дней.

Столь решительный шаг Временного правительства, как введение хлебной монополии, не многого стоил, так как он, как отмечали современники, «разрешая вопросы распределения продуктов, совершенно не затрагивает вопросов, относящихся к сфере производства»¹⁵. В итоге дополнительный стимул получил все тот же черный рынок.

Характерным для воюющих государств явлением было введение карточной системы, учитывающей особенности труда отдельного человека, складывание более или менее обширной системы таксации цен на ряд продуктов питания и некоторые промышленные товары, а также введение ограничений в ассортименте продуктов, предлагаемых на продажу, и услуг, оказываемых населению. Разработка некоторых мероприятий в области распределения предметов первой необходимости предусматривала помимо прочего достижение режима наибольшей экономии. Однако и без усилий со стороны имперских и городских властей частная торговля быстро освоилась с ситуацией. При выпечке хлеба чего только не подсыпали в муку. Иногда, впрочем, предпринимателям удавалось доказать полезность своих действий. Так, «конфетно-кондитерские предприятия» Петрограда считали своей заслугой — и с точки зрения «Известий Особого совещания по продовольственному делу» небезосновательно — превращение песочного сахара в леденцы, «каковая форма сладкого вещества является настоятельно необходимой для мелкого потребителя, не умеющего экономизировать ограниченное количество отпускаемого ему сахара иначе как путем потребления „вприкуску“»¹⁶.

Поскольку Петроград оказался в Европе не единственным крупным городом, испытывающим трудности со снабжением, внимание к зарубежному опыту по традиции оказалось большим. Издававшиеся в столице «Известия по внешней торговле» нет-нет да и радовали читающую публику сообщениями о введении новых правил для хлебопечения декретом президента Французской республики или установлении новых карательных мер за спекуляцию в двуединой монархии и т. д. Кое-что бралось на заметку и петроградскими властями. 24 марта 1917 г. в городе было объявлено о введении карточной системы на основные продукты питания, не исключавшей, правда, торговли этими же продуктами по свободным ценам. В российской столице за соблюдением такс наблюдали городские участковые попечители, которые через своего представителя, избираемого на Совещании попечителей, нередко ставили перед градоначальником вопросы об издании обязательных постановлений, регулирующих торговлю продовольственными товарами. Так, в начале января 1917 г.

градоназначнику¹⁷ предлагалось издать такие постановления о воспрещении выпечки и продажи сладкого хлеба, тортов, пирожных и т. п. Возможности попечителей оказывать воздействие на частную торговлю были ограничены правом наложения штрафов, не слишком пугавших хозяев торговых заведений.

Дело снабжения столицы находилось не только в руках частных торговцев, государственных и кооперативных органов, но и муниципальных властей. Активность последних находила свое объяснение не только во вполне понятном желании помочь малообеспеченным слоям населения, но и в стремлении избежать нежелательных эксцессов. Продемонстрированная правительством в годы войны крайняя осмотрительность в решении экономических проблем была одной из причин того, что городская дума самостоятельно пыталась решить проблему обеспечения населения продовольствием и другими товарами первой необходимости.

Надо отдать должное городским властям: на этом пути они обратили внимание на органы мелкого кредита, предоставляя им ссуды из городской казны. В той ситуации, когда складывавшаяся в течение десятилетий система оптовой торговли рухнула в одночасье, возникла острая необходимость в развитии тех организационных форм торговли, которые оказались бы способными более или менее восполнить утрату. Население увидело выход в создании разного рода кооперативов и товариществ. Однако для начала эффективного ведения торгово-закупочных и кредитных операций вносимых паев далеко не всегда хватало, поэтому ссуды из городской казны были далеко не лишними.

Вообще вклад Петроградской городской думы и ее исполнительного органа — управы — в дело снабжения населения был значителен. В распоряжении последней имелись запасы продовольствия, прежде всего муки, достаточно большие для того, чтобы отпускать его «заимообразно» другим учреждениям, а также «уполномоченному председателю особого совещания по продовольствию Петрограда». Причем последнему управа могла, например, в феврале 1917 г. выдавать до 35 000 пудов муки в сутки. Городская дума постоянно стремилась к возможно более полному контролю над тем, чтобы это продовольствие доставалось исключительно жителям города. Это, кстати, было характерным

явлением для всей европейской части империи. Местные власти во время войны пытались препятствовать вывозу продовольствия, видя в этом один из способов борьбы с дороговизной и насыщения собственного рынка. Поскольку, например, цены на сливочное масло в Петрограде были выше, чем в Финляндии, этот ценный продукт питания во все больших количествах «утекал» из Великого Княжества, что и заставило финские власти еще в 1916 г. поставить этому препятствие: для проезда за станцию Кямьяра (Гаврилово) требовалось получение специального разрешения.

Одним из способов контроля городские власти Петрограда считали введение карточной системы отпуска хлеба. Но помимо этой меры городская дума также выступала и за достижение соглашения с городскими владельцами хлебопекарен для обеспечения выпечки хлеба из всей муки, получаемой от города, и за соглашение с торговцами «о несокращении мест продажи хлеба», за привлечение статистических организаций для производства учета. Перед самой февральской революцией городская дума полагала, что необходимо все дело продовольственного снабжения населения столицы передать в руки «городского общественного управления».

Более решительно городская дума стала действовать уже в дни революции. 28 февраля ею было принято постановление о возложении дела распределения продуктов на комиссию по продовольствию¹⁸ совместно с санитарной комиссией, а также о принятии в ведение города всей деятельности уполномоченного председателя особого совещания по продовольствию Петрограда и объединению деятельности городских организаций по закупке, транспорту и распределению продуктов с другими однородными организациями. Более того, дума принимала на себя ответственность перед железными дорогами и грузохозяйствами за все хлебные и прочие продовольственные грузы, которые будут выдаваться в распоряжение городской комиссии по продовольствию, как за стоимость самого товара, так и за причитающиеся дорогам фрахты и сборы. При этом городская дума, хорошо осознавая, насколько зависит она в получении продовольствия и товаров, в том числе энергоносителей, от частной торговли — как при организации оптовых закупок, так и в деле распределения

(муниципальных лавок и столовых было ничтожно мало), — не забывала после Февральской революции открыто заявлять, что «свободной торговле не грозит никаких ограничений, если названная торговля не будет преследовать целей спекуляции»¹⁹.

В апреле 1917 г. в Петрограде были проведены выборы в Центральный продовольственный комитет²⁰, исполнительным органом которого стала Центральная продовольственная управа (ЦПУ) во главе с В.Г. Громаном²¹. Деятельность ее продолжалась менее полугода. Трудно представить, чтобы подобному органу, как, впрочем, и возглавлявшим его людям, удалось бы избежать жесткой критики. Следует признать, что ЦПУ стремилась к максимальной прозрачности в своей деятельности, начав в июне 1917 г. регулярные публикации не только своих решений, но и сведений о наличии и количестве на своих складах продуктов питания в «Бюллетене Петроградской Центральной продовольственной управы». К этому ЦПУ была вынуждена прибегнуть, чтобы противостоять атакам со стороны частной торговой сети. ЦПУ пришлось признавать, что «торговцы в распределении продуктов играют большую роль и имеют поэтому возможность влиять на население в желательном для них смысле; почти вся торговля в их руках, имеется лишь одна городская лавка и одна кооперативная хлебопекарня»²². Попытки повлиять на общественное мнение призывами, время от времени звучавшими со страниц упомянутого «Бюллетеня»²³, видимого результата не давали.

По утверждению журнала «Продовольствие и снабжение», «демократическая ЦПУ» была представлена столичной прессой «как собрание каких-то невежественных своекорыстных и во всех отношениях зловредных людей». В результате, во-первых, «поползла темная сплетня о „воровстве Громана“... о порче по вине Управы огромных партий яиц, рыбы и мяса, о „стачке Громана с мародерами“. Дело дошло до разгрома и ограбления квартиры председателя продовольственной управы»²⁴, а во-вторых, обвинения заставили правительство назначить ревизию ЦПУ и одновременно принять 14 сентября 1917 г. постановление о передаче продовольственного дела в столице в ведение петроградского городского общественного управления. Таким образом, на смену управе 21 сентября пришло Петроградское особое

продовольственное присутствие как исполнительный орган городской думы²⁵. Таким способом стремились поставить снабжение города под более строгий контроль общественности.

Следует коснуться еще одного момента: что именно выдвигалось в качестве главного обвинения Центральной продовольственной управе? Проверившая ее деятельность комиссия указывала в своем докладе: «все ее (т. е. ЦПУ. — А. Р.) внимание было направлено на неполучение потребителем лишнего продукта, тогда как следовало направить усилия на своевременное предоставление потребителю причитающегося ему продукта»²⁶. Иными словами, продовольствие действительно гнило. Бесспорно, в значительной мере это объяснялось плохим состоянием транспорта (имеются в виду не только дальние перевозки, но и транспортировка грузов в черте города, положение с которой вынудило Временное правительство 30 марта ввести принудительный наряд на перевозочные средства) и отсутствием налаженной системы распределения. Но в значительной степени ситуация объяснялась и организаторской нерасторопностью, прикрываемой желанием досконально выяснить все «за» и «против» на утомительных заседаниях различных согласительных комиссий. Сложившаяся практика оказалась очень живучей: и после октября 1917 г. она осталась без изменений.

Обладать исчерпывающей информацией о наличии продовольствия в Петрограде городские власти, конечно же, не могли. Подобная задача, впрочем, имевшимся статистическим органам никогда и не ставилась. Однако то, что имелось на складах Петроградской центральной продовольственной управы, учитывалось достаточно строго, а информация доводилась до сведения населения посредством специального «Бюллетеня». Вместе с тем попытки продовольственной управы найти действенный способ борьбы с возникавшей время от времени среди населения паникой в результате слухов о предстоящем исчезновении того или иного продукта питания не отличались особым изыском. Так, когда в начале лета 1917 г. ввели монополию на яйца, розничные торговцы заявили через прессу о том, что ответственность за поставку яиц на стол горожан они больше несут не будут. Возникший в итоге яичный ажиотаж управа пыталась погасить

выбросом в продажу дополнительных партий этого ценного продукта питания. Если ранее население довольствовалось 10 вагонами яиц в сутки, то теперь в день продавалось по 34–45 вагонов²⁷. Это продолжалось до тех пор, пока практически весь запас яиц не был исчерпан и ажиотаж не спал благодаря почти полному исчезновению этого продукта.

Собственно говоря, каких-либо новых способов разрешения продовольственной проблемы городским властям изобрести не удалось. Весь 1917 г. продолжали вводиться новые или возобновляться старые запреты на ряд продовольственных товаров. Так, 29 мая в ресторанах, трактирах, чайных и вафельных заведениях была воспрещена продажа молока. Такая же судьба постигла и сливки. Несколько ранее было запрещено выпекать кулебяки, пироги, печенье, пряники, вафли и т. п.²⁸. Иногда городские власти отваживались и на более жесткие в отношении частной торговли меры — реквизиции; то реквизировалась привозимая в столицу телятина (по цене говядины), то баранина и свинина (по твердым ценам) и т. д. Было бы удивительным, если эти меры не стали бы вызывать со стороны частной торговли протеста и желания надуть существующие власти. Способы обмана были весьма различны — от простого (и в силу этого необычайно распространенного) «консервирования» товара в потайных местах или в железнодорожных тупиках в ожидании наступления подходящего момента для реализации до найма группы продавцов вразнос для быстрой распродажи незаконно приобретенного, то есть попросту украденного у той же городской думы или интендантства товара. Буквально выпекавшие одно постановление за другим, причем нередко противоречивые, городская дума и центральная продовольственная управа не обладали сколько-нибудь реальными возможностями контроля над их повсеместным исполнением, что в полной мере учитывалось той стороной, которая давно освоила традиции российской торговли.

Несмотря на усилия городских властей, продовольствия для широких слоев населения, тем более по доступным ценам²⁹, не хватало. Поэтому центральная продовольственная управа неоднократно выступала за «расширение коллективного питания», то есть за создание общественных столовых. Как водится, не обошлось

без созыва совещания по данной проблеме (впервые оно было создано 26 июня 1917 г.), которое пришло к выводу о желательности идти по пути создания общественных столовых с организацией центральных кухонь, для чего рекомендовалось использовать крупнейшие из существовавших столовых (в Народном доме, при учебных заведениях, крупнейших ресторанах)³⁰. Появление таких столовых обогатило быт горожан еще одним изобретением — введенной с 1 сентября 1917 г. в оборот талонной книжкой с разменными столовыми купонами для получения обедов и ужинов в общественных столовых. Горожанину следовало обменять основную продовольственную и хлебную карточки на талонную книжку с купонами на каждый день: на 1-е и на 2-е блюдо, на ужин и на хлебный паек. Кстати, именно с 1 сентября 1917 г. центральная продовольственная управа решила запретить отпуск хлеба трактирам, кухмистерским, частным столовым и тому подобным заведениям. Ранее она была вынуждена использовать частные торговые заведения для распределения продуктов первой необходимости среди населения, поскольку не располагала разветвленной сетью своих торговых точек. Частичный отказ от такой практики был обусловлен не тем, что в распоряжении ЦПУ имелась теперь эта сеть столовых и магазинов, а тем, что количество распределяемого существенно сокращалось. Несмотря на всю сложность ситуации с продовольствием, ЦПУ не забыла в своей деятельности о такой значительной категории населения, как учащиеся школ, гимназий, училищ. Для обеспечения школьников завтраками выделялись продукты из расчета $\frac{1}{4}$ фунта хлеба в день, $\frac{1}{4}$ фунта мяса в неделю, 1 фунт крупы в месяц, а также небольшие количества муки для приправы, сливочного и растительного масла, сахара и т. д.

Надо сказать, что не только продовольственная управа приходила к выводам о необходимости «социализации питания». Так, например, и профсоюз торговых служащих трактирного промысла считал, что «необходимо немедленное устройство общественных столовых, питательных пунктов... Только самый действенный контроль над производством и распределением продуктов питания в ресторанах, трактирах, со стороны служащих трактирного промысла ослабит продовольственный кризис»³¹. Позднее, уже после октябрьских событий 1917 г., именно этому

«отряду трудящихся» удастся занять комфортные позиции в сфере распределения.

Большие неприятности городским властям доставляло то, что в конце года, уже при новых властях, будет называться «несознательностью». Особое недовольство продовольственной управы вызывал тот факт, что хотя по данным Петроградского губернского продовольственного комитета только в мае не менее 225 000 горожан переехали на свои дачи и стали получать продовольствие в силу установившейся практики по новому месту жительства (т. е. в губернии), от районов и подрайонов города продовольственная управа не получила никаких сведений об уменьшении их населения и продолжала выдавать продовольствие по-старому. Трудно сказать, получали ли эти четверть миллиона человек продовольствие в удвоенном размере или же положенное им перетекало в иные руки. В данном случае следует учитывать, что ЦПУ отпускала тогда продовольственным комитетам в день по ½ фунта муки на каждую основную карточку и столько же на каждую дополнительную (для лиц физического труда), поэтому количество отпускаемой почти на четверть миллиона человек муки было весьма значительно.

Вообще дело поголового учета населения было поставлено плохо. Этот факт неоднократно констатировался представителями муниципальных властей. Поэтому и удивительно, что только в августе 1917 г. Центральный продовольственный комитет пришел к убеждению о необходимости наведения в этом деле надлежащего порядка и обязал домовладельцев, управляющих домами, и старших дворников в Петрограде и его пригородах вести «точную запись всех лиц, прибывающих в дома и выбывающих из дома». Вышеперечисленные ответственные лица были «обязаны следить за тем, чтобы лица, выбывающие из дома и уезжающие из Петрограда, не увозили с собой хлебные и другие продовольственные карточки, а возвращали их домовым комитетам»³². Вопрос о том, кто же будет контролировать канцелярии при дворницких, не ставился, что, быть может, является еще одним свидетельством высокого доверия властей к дворникам. Сказать, насколько оправдал себя этот способ учета городского жителя, к сожалению, нельзя.

На этом разработка методов контроля исчерпана не была. Летом вокруг города появились заставы, в задачу которых входило следить за тем, чтобы из города не увозилось продовольствие. М. Рабинович (ЦПУ) так объяснял необходимость обращения к этой мере: «Цель застав заключается в борьбе со спекулятивным вывозом из Петрограда продовольственных продуктов, с одной стороны, а с другой — они должны вести регистрацию тех продовольственных и фуражных грузов, которые прибывают в Петроград. Организованы заставы были 17 июня... Всего было учреждено 17 застав во всех концах города, по шоссе и грунтовым дорогам. Параллельно с этим были учреждены и „водные заставы“ по р. Неве и ее каналам — всего 10 застав и надзор на пассажирских пристанях... Раньше всего обнаружилось, что по водным путям, в устье реки Фонтанки, например, происходят неоднократные попытки контрабандного вывоза в Финляндию продовольственных продуктов... На шоссе заставы крупных реквизиций не было»³³. Трудно сказать, можно ли считать эти заставы своего рода прообразом заградительных отрядов.

В целом, пожалуй, можно утверждать, что до октября 1917 г. имперскими и городскими властями при попытке разрешить тот круг проблем, которые возникли в деле снабжения Петрограда, был фактически опробован весь набор мероприятий, позднее использованный и большевиками. Несомненно, последние внесли и нечто новое — прежде всего позаботились об изменении мотивации своих преобразований в сфере торговли и распределения, а также о масштабах применения оных («большая обостренность и четкость методов работы»). Вместе с тем сложившаяся за годы Первой мировой войны система жизнеобеспечения столицы продолжала в определенной степени действовать по инерции в течение всего 1917 г. и примерно до конца лета 1918 г.

Вступление в права

Устранение Временного правительства не послужило основой для автоматического перехода власти во всей стране к большевикам и не обеспечило им лояльности государственных институтов. Изоляция нового правительства от остальной страны вовсе не была невозможной. Знакомство с печальным опытом Парижской коммуны требовало от руководства РСДРП(б) не ограничиваться рамками одной столицы и стремиться к более быстрому развитию революции вширь и активизации деятельности государственного аппарата, добиваясь лояльности прежних институтов власти и параллельно создавая новые. От успехов на этом пути во многом зависели возможности решения неотложных экономических проблем, в том числе и обеспечение продовольствием промышленных центров страны.

Однако данный процесс оказался достаточно длительным и далеко не всегда и везде успешным. В силу этого практическое, а не декларативное осуществление системы общегосударственных мер в сфере экономики оказалось невозможным, что и приводило к необходимости прибегать к паллиативам ради временного снятия остроты тех или иных проблем местного уровня. Плодами совместного революционного творчества масс и местных властей — в нашем случае петроградских — стали беспорядочные обыски, конфискации и реквизиции³⁴. Чинной процедуры вступления в права наследования не получилось.

Несмотря на исключительную желчность анонимного автора рескрипта на имя Льва Троцкого (за подписью «Ленин»), опубликованного под новым 1918 г. в газете «Вечерний звон», в определенной мере заслуживает внимания следующая цитата из этого

«документа»: «В неусыпном попечении о преуспевании страны нашей дарована была Нами, народу нашему общественная жизнь, покоящаяся на началах совершенно свободного, но точно нами очерченного круга деятельности, сообразно имеющихся духовных и экономических сил»³⁵.

Несомненно, представители новых властных органов сознавали неизбежность использования в течение более или менее продолжительного срока прежней системы жизнеобеспечения столицы. Однако помимо понимания этого непреложного факта, им приходилось сплошь и рядом, в рамках «очерченного круга деятельности», в экстренном порядке принимать решения, которые вносили разлад в эту систему. Методы, которыми они пытались добиться выполнения своих решений, породили крайне резкое обострение отношений с органами столичного городского самоуправления.

Между тем первые шаги новых властей, казалось, не предвещали такого развития событий. 27 октября в городских газетах было опубликовано подготовленное накануне предписание Военно-революционного комитета, гласившее: «...все торговые заведения г. Петрограда должны быть открыты с завтрашнего утра, и торговля повсюду должна производиться в установленное особым постановлением Городской думы время. Не подчиняющиеся настоящему приказу торговцы будут рассматриваться как враги революции и подлежат каре по всей строгости революционного закона». Одновременно ВРК распространил и свое заявление, что он «беспощадно будет бороться со всякого рода спекуляцией, причем все мародеры и спекулянты будут уничтожаться».

В этот же день Совет народных комиссаров принял постановление «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле». В нем, в частности, утверждалось: «Все продовольственные грузы, прибывающие в город, в том числе адресованные интендантству, Красному Кресту и всем прочим лицам и учреждениям, имевшим до сих пор право на независимое от города снабжение и распределение получаемых продуктов, — отныне поступают в распоряжение городского самоуправления, берутся им на учет и распределяются его продовольственной организацией»³⁶.

Внешне могло создаваться впечатление, что появляются предпосылки для достаточно слаженной работы в деле снабжения города и более или менее нормального функционирования в нем торговой сети. Впечатление, вероятно, было довольно сильным, так как столичные газеты наполнились разного рода благопожеланиями и предложениями. Порой даже довольно неожиданными предложениями. Так, например, орган Петроградской группы социалистов революционеров-оборонцев газета «Народ» писала 28 октября: «...прежде всего, необходимо отменить хлебную монополию и заняться, наконец, забытым делом — заготовкой хлеба для армии и населения. Пусть казна организует заготовку, но не по „твердым“, а по вольным ценам. Одновременно возобновится, конечно, частная торговля хлебом, но бояться этого отнюдь не следует... Только частный торговец сумеет вплотную приблизиться к мужику, а не сидеть вдали, издавая приказы и посылая воинские отряды для понуждения»³⁷.

Однако взаимодействие между новыми властями и органами городского самоуправления не сложилось. И объяснялось это не только различием политических позиций. Внешне подчеркивая желание сотрудничать с городской управой и ее исполнительными органами, большевики буквально с первых дней приступили к созданию параллельных исполнительных структур. В частности, уже 29 октября 1917 г. при Военно-революционном комитете был создан продовольственный отдел в дополнение к уже существовавшему Особому по продовольствию присутствию во главе с А.М. Аргутинским-Долгоруковым.

Неизбежность возникновения трений между старыми и новыми органами обуславливалась несколькими причинами. Прежде всего, следует учитывать то, что в первые недели после свержения Временного правительства главной заботой новых властей было упрочение собственных позиций. Это требовало предельно осторожного обращения с той огромной солдатской массой, которая буквально наводняла город. Для того чтобы удержать ее хотя бы нейтральной, не претендуя на безусловную и деятельную поддержку новых властей, требовалось просто кормить, а то и одаривать людей в форме. Именно поэтому в вышеупомянутом декрете «О расширении прав городских самоуправлений

в продовольственном деле» была сделана существенная оговорка: «В Петрограде Центральному Исполнительному Комитету рабочих и солдатских депутатов предоставляется получать на адрес Смольного института количество продовольственных грузов, по определению Правительства необходимое для удовлетворения потребностей экстренно прибывающих частей войск и других чрезвычайных потребностей»³⁸.

Радужных перспектив в деле подвоза продовольствия в Петроград не наблюдалось³⁹. Ситуация, напротив, продолжала все ухудшаться⁴⁰. Поэтому становятся понятными те шаги, которые стал предпринимать Петроградский ВРК, чтобы удовлетворить запросы буквально на глазах наглежащей солдатской массы, в большинстве своем вообще не нюхавшей пороха⁴¹. ВРК не оставалось ничего другого, как решать свои проблемы за счет ресурсов продовольственных органов городского самоуправления. Он стал выдавать разрешения на осмотр складов и холодильников представителям различных воинских частей и Балтфлота. Почти до конца ноября этот революционный орган сквозь пальцы смотрел на то, как множество полковых и ротных комитетов выбивали на петроградских фабриках и заводах крупные партии промышленных товаров (особенно ткани, табак) и затем пускали их в частную продажу. Все это дополнялось небывалого размаха спекуляцией с так называемыми «военными» и прочими «привилегированными грузами»⁴².

Происходившее в корне подрывало попытки продовольственной управы наладить, исходя из имеющихся ресурсов, обеспечение жителей продовольствием. Более того, развернутая ВРК с конца октября 1917 г. кампания по розыску скрытых продовольственных грузов чаще всего приводила к «находке» тех запасов, которые «с большими усилиями были собраны особым присутствием [по продовольствию] и помещены в своих и заарендованных складах»⁴³. Однако «найденное», как правило, не шло в общий городской котел.

В определенной мере справедливым будет утверждение, что петроградский ВРК, являясь в первые недели после свержения правительства Керенского самой мобильной властно-распорядительной структурой в городе, не проявлял особого

интереса к решению общегородских проблем в деле снабжения и распределения. Его внимание оказалось сосредоточенным на обеспечении только отдельных категорий горожан. Не был забыт и Смольный институт. Когда, например, 400 рабочих Государственного банка обратились в ВРК за продовольственной поддержкой, то последний переадресовал их просьбу Центральной продовольственной управе со следующей мотивировкой: «Мы лишены возможности выполнить это требование, так как кормим сейчас крестьянский съезд, телефонную станцию, рабочих по разгрузке, красную гвардию и т. п. и т. д.»⁴⁴.

Вообще слишком многие отмечали тот факт, что новые власти заботятся исключительно о «серошинельной массе», забывая о других. Даже глава германской военной миссии⁴⁵, прибывшей в Петроград в середине декабря, вице-адмирал, начальник оперативного отдела германского Адмирал-штаба барон Вальтер фон Кейзерлингк⁴⁶ в одном из своих военно-политических рапортов был вынужден констатировать: «Меры против голода всегда касаются, как известно каждому, способному видеть, только большевистских солдат. Народ будут держать в узде высокопарными словами, а когда это не поможет — упитанными солдатами»⁴⁷.

Впрочем, желание новых властей не осложнять свои отношения с некоторыми другими слоями населения приводило иногда к решениям, которые в перспективе могли иметь серьезные негативные последствия, перекрывавшие кратковременный выигрыш. Так, в начале ноября крестьяне «задержали» на Неве выше Обуховского завода продовольственные грузы, иными словами, попросту растащили их. Власти решили: ворованный хлеб отобрать, оставив по 20 фунтов на человека (не совсем ясно — каждому из непосредственных расхитителей или же и каждому из членов их семей)⁴⁸.

Действия ВРК крайне негативно сказывались на эффективности работы городских продовольственных органов. Интересно, однако, что, несмотря на достаточно быстро возникшие устойчивые антипатии к органам городского самоуправления, в ВРК люди явно осознавали тот факт, что комитет не способен самостоятельно справиться с проблемами снабжения и распределения. Впрочем, столь же осторожны были и районные городские

власти, предпочитавшие оставлять «вопрос открытым до выяснения положения в центре» или просто полагаться на районные продовольственные управы⁴⁹. Власти вполне, пожалуй, могли согласиться с мнением некоего штабс-капитана А. Неелова: «Если бы вам удалось улучшить положение с хлебом, все бы преклонилось перед вами»⁵⁰.

Источником серьезных трений между ВРК и городским самоуправлением служило и то, что первый постоянно изменял компетенцию старых и новых органов или же, напротив, уклонялся от ее определения. Так, например, хотя в соответствии с распоряжениями центральных властей таксация цен на продукты питания относилась полностью к ведению продовольственных органов местного самоуправления, ВРК 6 ноября присвоил это право и себе⁵¹. На практике это приводило к тому, что «устранить самочинную таксацию продуктов на рынках матросами и красногвардейцами», против чего выступала продовольственная управа, так и не удалось⁵².

Кроме того, ВРК неоднократно признавал, что право осуществления реквизиций принадлежит исключительно продовольственной управе⁵³, однако, несмотря на это, не только сам выдавал распоряжения и разрешения на проведение реквизиций, но и не высказывался против проведения таковых другими советскими органами. Недовольство городского самоуправления не мог не вызывать и следующий способ действий «продовольственных абреков» от ВРК. 9 ноября ВРК издал постановление, которым обязывал владельцев продовольственных грузов вывезти свои товары с железнодорожных станций в течение 2 суток, в противном случае товары подлежали реквизиции. Однако распоряжение это было доведено до сведения публики лишь 17-го, а к этому времени грузы были уже реквизированы⁵⁴.

Исключительное внимание ВРК уделял доставшейся ему в наследство от Временного правительства Центральной разгрузочной комиссии. Позднее, в самом конце ноября, он создаст еще одну комиссию — Центральную контрольную разгрузочную. «С момента образования вышеуказанной комиссии к ней переходит исключительное право реквизиции всех товаров, скрываемых с целью спекуляции или саботажа, независимо от их количества

или местонахождения. Центральная контрольная разгрузочная комиссия наделяется широкими полномочиями по борьбе с мародерством и со спекуляцией и на ее усмотрение передаются все заявления о скрываемых мародерами и спекулянтами продовольственных и других продуктах»⁵⁵. Представители городского самоуправления оказались в этой комиссии в меньшинстве и никак не могли влиять на принимаемые решения. Поскольку и первая, и вторая комиссии имели исключительно широкие права в отношении разгрузки железнодорожных станций от продовольственных грузов (последняя из комиссий даже обладала правом издания обязательных инструкций по реквизициям), а сами эти грузы в значительной своей массе поступали в распоряжение именно ВРК, то подобное положение дел также не могло вызывать радости у сотрудников продовольственных органов столицы.

Конфликт между новыми властями и органами городского самоуправления подпитывался не только вносимым ВРК разладом в систему снабжения и чисто политическими разногласиями сторон, но и нескрываемым недоброжелательством большевиков и поддерживавших их слоев населения к представителям частной, в том числе и уличной торговли. В определенной мере именно это недоброжелательство (хотя не следует забывать и о том, что в распоряжении новых властей достаточно длительное время не было необходимой специализированной службы для поддержания порядка в городе) нередко прямо создавало благоприятную почву для той волны грабежей, которая не обошла стороной ни частные магазины, ни городские, ни интендантские склады и сбить которую удалось лишь к весне 1918 года.

Вместе с тем каких-либо официальных мероприятий, помимо ужесточения контроля над освещением витрин, соблюдением такс и тому подобного, к чему владельцы магазинов и лавок уже успели привыкнуть и до октябрьских событий, не проводилось. Даже осуществление муниципализации частных торговых предприятий началось лишь в январе 1918 г., да и то в довольно умеренных масштабах. Это не означает, что репрессивных мер против частной торговли не осуществлялось на практике вовсе. В этой сфере особенно проявили себя районные власти, имевшие достаточно оснований и поводов для недовольства в отношении

ресторанов, столовых, клубов, трактиров. Эти «притоны темных элементов» являлись, по мнению районных властей, местами «разврата и распития спиртных суррогатов», а их владельцы «преследовали часто спекулятивную цель». Поэтому районные советы нередко принимали меры по закрытию и реквизиции этих заведений, как, впрочем, и в отношении магазинов. Власти пытались, по их словам, «урегулировать» магазинную торговлю, создавая для этого торговые инспекции.

Далеко не всегда для подобного рода шагов требовалось принятие решения на уровне районного совета — инициатива могла исходить и «снизу». Так, например, поскольку, по мнению коменданта Красной гвардии Рождественского района И.Н. Корнилова, власти на месте не принимали мер против свободной продажи продуктов по повышенной цене и без карточек, то его комендатуре пришлось «производить самостоятельные обходы и реквизиции продуктов»⁵⁶.

Заслуживает внимания и та поразительная активность, которую стали именно с этого времени проявлять, например, союзы трактирных служащих и торгово-промышленных служащих. И тот и другой поспешили, и явно небезуспешно, заручиться поддержкой новых властей. Вряд ли владельцы торговых предприятий были обрадованы инициативностью собственных приказчиков и официантов.

В начале ноября союз торгово-промышленных служащих выработал проект «Содействия военно-революционному комитету». Проект предусматривал создание центральной и районной комиссий содействия с целью организации «плановой борьбы» с явлениями саботажа на торгово-промышленных предприятиях города, со всеми видами спекуляции, сокрытием продуктов и всякими злоупотреблениями со стороны владельцев торгово-промышленных предприятий⁵⁷.

Союз трактирных служащих⁵⁸ (иногда именовавшийся просто союзом официантов) поспешил воспользоваться ситуацией, для того чтобы без особых хлопот отрешиться от ведения дел трактировладельцев. Весь предшествующий жизненный опыт «товарищей официантов» подсказывал им, что поддержку властей поддерживающих просто так не заполучить, даже если власти эти охотно

поддерживают организованный пролетариат. Поэтому к середине ноября 1917 г. трактирные служащие собрали и передали ВРК «для борьбы с контрреволюцией» 10 000 рублей⁵⁹.

Траты, вероятно, окупались: в ВРК и районных советах неоднократно принимались решения о возможности отмены того или иного решения о закрытии трактиров, чайных и тому подобных заведений, если работа их «будет проходить через контроль официантов». Заведения и переходили под их контроль. Более того, 17 ноября Я. Петерс подписал следующее постановление ВРК: «Поручить профессиональному союзу служащих трактирного промысла взять все закрытые чайные и трактирные заведения под свой контроль и поручительство. Союзу служащих трактирного промысла предоставляется право закрытия таковых в случаях обнаружения торговли спиртными напитками»⁶⁰.

В значительно меньшей мере удалось преуспеть в отстаивании своих прав союзу уличных торговцев. Районные власти охотно соглашались с уличными торговцами, то есть разносчиками, что «вопрос уличного торга есть вопрос всего Петрограда», но предлагали обращаться либо в городскую управу, либо в Центральный совет рабочих и солдатских депутатов⁶¹. В «центре», судя по всему, никаких решений по этому вопросу вплоть до весны 1918 г. не принималось.

Постепенно вокруг владельцев частных торговых заведений и, пожалуй, в несколько меньшей степени вокруг уличных торговцев возникла малокомфортная для них атмосфера неуверенности и незащищенности. Волей-неволей у них должно было появиться ощущение полузаконности своей торговой деятельности как таковой вообще, а это могло служить только дополнительным фактором распада разветвленной и отлаженной системы взаимосвязей торговых заведений города. Одним же из условий сохранения в течение сколько-нибудь продолжительного времени атомизированных торговых единиц стало не пунктуальное следование предписаниям новых властей, а ускоренный и полный переход к различным формам нелегальной торговли, складывание системы невидимых для властей каналов поступления товаров и их перераспределения. Это не могло не повлечь за собой дальнейшего расстройства системы снабжения городского населения.

Тем самым новые власти фактически оказались поставленными в ситуацию, когда им пришлось действовать по принципу «разрушь и воздвигнь». Уже 16 ноября СНК принял решение о роспуске городской думы и проведении, на основе измененных правил новых выборов в думу. Спустя две недели новым городским головой стал М.И. Калинин. Затем, воспользовавшись объявленной 3 декабря руководством Особого совещания по продовольствию забастовкой, поддерживавший большевиков продовольственный совет⁶² избрал 9 декабря Центральную управу из 10 человек в качестве исполнительного органа. В ее состав вошли только большевики (А.Е. Бадаев, М.Н. Смит-Фальккер, Н.О. Кучменко, В.Ф. Азовский, А.И. Гужевский и др.). И 14 декабря продовольственное дело в городе полностью перешло к Продовольственному совету.

Вне сомнения, в ноябре-декабре 1917 г. замена руководящего состава органов городского самоуправления представлялась большевикам действенным способом разрешения проблем снабжения. Уже принятие решения о «безусловной реквизиции по твердым ценам» нормированных товаров (перечень был внушающим) откровенно объяснялось как вынужденное, предпринятое «в интересах сохранения последних остатков государственного плана снабжения населения»⁶³. При этом большевики определенно сознавали и то, что подобного рода действия повлекут разрушение созданной прежними продовольственными органами системы. Последняя включала в себя не только штат агентов на местах, но и отлаженные связи с поставщиками, комиссионерами, массу договоров о поставках и аренде, структуру финансирования, во многом основывавшуюся на коммерческом доверии. Но эта система была жизнеспособна только при относительной внутривнутриполитической стабильности и при сохранении прежних принципов функционирования экономики страны.

В обозримом будущем стабильность просто невозможно было гарантировать. Остается, однако, непонятно, с какой целью Центральная управа Продовольственного совета запугивала население со страниц своего «Бюллетеня»: «Переживаемое петроградцами хроническое недоедание не случай, и если сейчас еще голод не ощущается в острой форме, то в ближайшем будущем

петроградцам, без сомнений, предстоит пережить тяжелые дни голода со всеми его ужасными последствиями: цингой, тифом и другими спутниками голода»⁶⁴.

Безусловно, осознание неисправимости ситуации вынуждало к использованию действительно чрезвычайных и ранее не применявшихся мер в деле снабжения, что, в свою очередь, сделало неизбежным как устранение прежних продовольственных органов, так и отказ от их методов работы, прежде всего в деле заготовки и доставки продовольствия в Петроград. На повестке дня для новых властей оказался и вопрос о жестком классовом подходе в деле распределения продовольствия среди населения города. Однако даже в выступлениях главы Петрокоммуны Григория Зиновьева довольно долго звучали оговорки, что предпринимаемые в этом направлении меры вызваны отнюдь не классовой ненавистью⁶⁵.

Уже в конце ноября 1917 г. в десяток-другой губерний были посланы для организации заготовок отряды рабочих, солдат и матросов. Потребовалось достаточно продолжительное время (по крайней мере до конца января 1918 г.), чтобы Центральная продовольственная управа во главе с А.Е. Бадаевым смогла осознать простой факт: ситуация с обеспечением продовольствием плоха не только в Петрограде, а рассыпавшиеся по стране отряды настроенных по-боевому новичков-заготовителей вносят невероятный хаос в общегосударственную систему заготовок. Руководству новых петроградских продовольственных органов пришлось также осознать и тот факт, что и ресурсами самого Петрограда им не удастся распорядиться по собственному усмотрению.

Эффектная критика властей предрежащих почти никогда не оставляет критикующего с пустыми руками. Главное, разумеется, не в этом, а в том, как он распорядится приобретенным на ней капиталом. Радикальная критика внешней и внутренней политики временных правительств принесла большевикам огромный политический капитал, и воспользовались они им на редкость умело. Всего за несколько месяцев он был ими конвертирован во власть. Новое положение обязывало хотя бы к частичному исполнению обильно раздававшихся ранее обещаний. Одно из основных было выполнено в сжатые сроки — через четыре месяца после октябрьского переворота Россия вышла из войны, правда, вступив в войну Гражданскую. Вместе с тем, эти же прошедшие четыре месяца показали, что население крупных городов волнует уже не столько вопрос, будет страна продолжать войну или нет, поскольку для большинства было понятным, что воевать она просто не в силах, сколько проблема простого физического выживания. «Знаете, о чем мы больше всего говорили? — писала Н.А. Тэффи. — О немцах? О расстрелах? Об анархистах? Нет. Мы говорили о еде... На почве еды мы соединились без всяких лозунгов, плакатов и мандатов — все — пролетарии, буржуи, грабятские и ограбленные». Предлагавшаяся большевиками еще до прихода к власти рецептура решения проблем обеспечения продовольствием населения в качестве главного средства включала создание четко работающей общегосударственной системы снабжения, основанной на жестком регулировании цен, которая значительно потеснила бы жиреющую на спекуляциях частную торговлю. Полностью отказаться от услуг последней в голову

никому и не приходило, поскольку о четко работающей общегосударственной системе даже в теории приходилось говорить все же с известной долей пессимизма: состояние финансов, сельского хозяйства, транспорта радужных надежд не внушало. «Рынки, базары и торговые площади, на которых производится торговля продуктами, постепенно замирают и, безусловно, замрут совершенно, лишь только распределительные пункты получают все необходимые для распределения продукты», — так в марте 1918 г. рисовалась перспектива некто П. Каниовскому на страницах «Бюллетеня Центральной управы Петроградского продовольственного совета»⁶⁶.

Следует, однако, учитывать один немаловажный факт: в руках новых властей оказались колоссальные фонды промышленных товаров, сырья и полуфабрикатов, сосредоточенные в индустриальных центрах страны. Наличие этих фондов создавало уверенность, что при централизованном их использовании можно не только обеспечить более или менее бесперебойное функционирование милитаризованной промышленности, но можно и добиться, пусть минимального, но стабильного снабжения городского населения продовольствием, а сельского — изделиями промышленности. Возникшая идея продуктообмена была тем более соблазнительной, что предполагала возможность обхода тех многочисленных ловушек, которые неизбежно возникли бы, займись власти налаживанием не его, а активизацией товарообмена. Для успеха в этом начинании требовалось, как представлялось, решение двух казавшихся чисто техническими задач: во-первых, создание вертикали государственных органов, которые взяли бы на точный учет и контроль местные ресурсы и централизованно, по нарядам сверху, отправляли бы их по определенным адресам; и, во-вторых, возможно более рациональное использование транспорта, прежде всего железнодорожного. Но уже при решении первой задачи возник ряд сложностей, на устранение которых СНК пришлось потратить много сил и времени.

Речь в данном случае идет, прежде всего, о позиции местных властей. Бесспорно, приступая к организации продуктообмена в общегосударственном масштабе, СНК не рисовал себе такую идиллическую картину: в условиях полного хаоса, острейшего

товарного голода, повсеместно распространенных настроений неуверенности в будущем петроградские власти — и советские, и партийные — с умилением будут взирать на то, как центр во имя достижения высших революционных целей организованно выгребает последнее из городских закромов. Но столь же очевидно, что та практика местных органов власти, которые постоянно, настойчиво и на первых порах — по крайней мере, до весны 1919 г. — небезуспешно подменяли и оттесняли созданные центром в Петрограде органы (за исключением, пожалуй, специальных армейских служб) от источников материальных ресурсов, а подчас — предпринимали некоторые шаги просто в пику им, превзошла все ожидания центральных властей.

Во многом этой практике способствовало создание в городе большого числа ведомств различных уровней, как правило, с рыхлой внутренней структурой, отдельные звенья которой дублировали функции друг друга и при этом почти всегда не обладали сколько-нибудь соответствующей действительности информацией. Ситуация усугублялась тем, что Петроград, лишившись статуса имперской столицы и оставшись всего лишь «центром мировой революции», некоторое время цепко держался за положение столицы Союза коммун Северной области и не прочь был использовать свои возможности обладателя материальных ценностей для поддержания своего политического влияния в последнем.

Что же представляла собой система центральных и местных органов, в компетенцию которых входили вопросы снабжения, распределения и торговли, и насколько согласованно взаимодействовали друг с другом элементы этой системы?

Среди созданных в Петрограде уже в начале 1918 г. центральных органов, в ведении которых находились вопросы распределения, снабжения и торговли, следует прежде всего назвать расположившееся в Аничковом дворце так называемое Районное управление по продуктообмену. Оно было создано 9 марта 1918 г. и осенью того же года преобразовано в Петроградское отделение Народного комиссариата продовольствия. В Петрограде оно было известно под скромным именем «Райпродукт». Этот орган просуществовал до 4 февраля 1921 г. В течение всего первого года

своего существования он был вынужден работать без четкого определения вышестоящим ведомством его задач, компетенции и структуры — своего рода «нечто» для «чего-то». Только в марте 1919 г. заместитель наркома продовольствия М.И. Фрумкин утвердил проект положения о петроградском отделении наркомата. В объяснительной записке, приложенной к утвержденному проекту, давалась оценка работы отделения за истекший год. Уместным будет привести ее здесь: «Работа эта протекала в условиях исключительно трудных, — в обстановке общего неустройства и разрухи в центре и на местах, при постоянной военной угрожаемости Петрограда и нарушающих всякую плановность приступах перемежающейся эвакуационной лихорадки... при постоянном нарушении компетенции Петроградского отделения конкурировавшими с ним учреждениями (Севуправа и преемник ее Компродсевоб, Севсовнархоз и пр.), при недоброжелательном и прямо враждебном отношении проникнутых областническими тенденциями местных властей и непризнании ими самого права на существование за Петроградским отделением, то есть при полной незащищенности его компетенции со стороны закона»⁶⁷.

Спohватившийся через год наркомат так определил задачи подведомственного органа: «...2. На Петроградское отделение Народного Комиссариата Продовольствия возлагается: 1. образование и пополнение в определенном Народным Комиссариатом Продовольствия районе товарного фонда Народного Комиссариата Продовольствия, то есть запаса товаров, относящихся к предметам личного потребления и домашнего хозяйства, 2. отпуск и отправка товаров из этого фонда по планам и нарядам Народного Комиссариата Продовольствия, 3. выполнение поручений Народного Комиссариата Продовольствия». Выполнение этих задач предусматривалось следующими способами: «посредством сношений и соглашений с государственными учреждениями, с управлениями национализированных предприятий и производств и их Главками и Центрами, посредством частных сделок, посредством реквизиции и конфискации оптовых складов и национализации соответственных торговых фирм, посредством участия в распределении демобилизуемых имуществ, имущества ликвидируемых учреждений, казенных имуществ, не имеющих

определенного назначения, имущества, поступающих в распоряжение государства в порядке реквизиций и конфискации, при эвакуации, разгрузке складочных пунктов и т. п.»⁶⁸.

Следует сказать, что необходимость согласования своих действий в Петрограде с местными властями была осознана руководством Райпродукта быстрее, чем руководством наркомата продовольствия. Уже в начале апреля 1918 г. оно ходатайствовало перед наркоматом продовольствия о создании при Управлении Райпродукта совещательного органа⁶⁹. Такой орган действительно был создан, однако первая же попытка урегулировать отношения путем переговоров, например, с Северным областным продовольственным комитетом, закончилась полным провалом, так как, по мнению представителя этого комитета О.Ю. Шмидта, «работа должна в настоящее время сосредотачиваться в областных объединениях, а оттуда оттекаться к центру. Районное управление должно передать свой транспорт Северной Управе». На такое пожелание глава Райпродукта И.С. Цыпкин, неплохо осведомленный об организационных успехах своего оппонента, не без ехидства сказал, что не возражает против предоставления Северной областной продовольственной управе права взятия на учет нецентрированных товаров, если управа имеет необходимый технический аппарат⁷⁰.

Спустя несколько дней Шмидт признается в том, что такового аппарата фактически не существует⁷¹. Однако Райпродукту и его высшей инстанции — Наркомпроду — также доводилось нередко выслушивать нелестные замечания в свой адрес. Так, заведующий отделом снабжения предметами первой необходимости комиссариата снабжения и распределения СКСО Г.А. Яновский утверждал: «Только в идее Наркомпрод осуществляет всю государственную задачу снабжения и распределения. Если бы это было в действительности, то существование областных компродов было бы совершенно излишним»⁷². Доставалось Райпродукту и со стороны Северной областной продовольственной управы, вполне резонно считавшей, что тот толком не разбирается в делах продуктообмена и своими действиями скорее срывает проведение заготовки продуктов питания, чем ведет ее⁷³. Наскоки конкурентов, впрочем, не мешали Райпродукту продолжать твердо,

хотя и без заметных успехов, отстаивать свою монополию на проведение продуктообменных операций. Поэтому, когда стало известно, что комиссариат продовольствия СКСО намеревается создать товарообменную контору в Петрограде, то Райпродуктом ему в директивной форме было предложено такую деятельность прекратить⁷⁴. Реакции на это обращение, однако, не последовало.

Несмотря на первоначальную неопределенность своего положения в Петрограде, Райпродукт оказался все же на редкость активным и жизнеспособным органом. Подводя итоги своей деятельности за полтора года (с марта 1918 по октябрь 1919 г.), руководство Райпродукта констатировало, что ему удалось отправить из города 4354 вагона продуктов, не считая отправок водным транспортом. Большую часть вывозимых продуктов составили машины и орудия труда для сельского хозяйства (1049 вагонов), текстиль (854 вагона), табак и папиросы (827 вагонов), кожа, обувь и галоши (343 вагона), стекло (269 вагонов), спички (267 вагонов) и даже продукты питания (135 вагонов)⁷⁵. Когда в начале 1921 г. вместо Райпродукта будет создана Петроградская распределительная база Наркомпрода, его начальство не забудет похвалить самого себя в «Бюллетене Петрораспредбазы»: «Когда величина жизненных фондов падала, — сокращалась масса производимых предметов и истощались товарные ресурсы, — Райпродукт выходил из начальных границ своих работ и нес свою помощь туда, где он видел жизненный нерв хозяйственного организма Республики. Он вступал на путь заготовок (что, собственно говоря, было одной из его задач. — А. Р.) и интенсифицирования производственной энергии... За три года существования Райпродукта транспортным отделом отправлено 6723 вагона и 5062 места предметов первой необходимости в различные места Советской Республики. В 1918 году отправлено 2816 вагонов... в 1919 году — 2765 вагонов и 2843 места... в 1920 году — 1172 вагона и 2219 мест»⁷⁶.

Управление Райпродукта озаботилось ради поддержания сотрудников обзаведением собственным огородом, урожай с которого (точнее его половина, остальное уходило в фонд помощи нетрудоспособным работникам и на трудовые премии) делился в соответствии с отработанными на огороде часами. «Правила

распределения овощей с огорода» гласили: «Полным урочным часом (60 минут) считается каждый из проработанных данным сотрудником на огороде первых 100 урочных часов, каждый из следующих 50 урочных часов (101–150) считается за $\frac{3}{4}$ урочного часа, каждый из дальнейших 50 урочных часов (151–200) считается за $\frac{1}{2}$ урочного часа, каждый из следующих урочных часов (свыше 200) считается за $\frac{1}{3}$ полного урочного часа»⁷⁷. Такой подход к оценке трудового вклада допускает несколько толкований.

Самостоятельно, едва ли не в условиях круговой обороны, в Петрограде пытались также работать Районное управление Главрыбы⁷⁸, Управление Уполномоченного Центрожира⁷⁹, Табачный комитет⁸⁰, Спичечный комитет⁸¹, Управление Особуполномоченного по закупке хлеба, соли и сахара для армии и т. д. и т. п. Масштабы деятельности всех этих и им подобных органов были, впрочем, незначительны, однако они несколько поднимали процент неплохо обеспеченных горожан, т. е. работающих во всех этих организациях чиновников.

Особое место среди центральных органов в Северной столице занимало Петроградское отделение Народного комиссариата торговли и промышленности. В распоряжении этого органа имелись значительные материальные ресурсы, сосредоточенные в находившихся на территории города складах. Прежде всего ему принадлежала Петроградская портовая таможня с ее колоссальными складами на Гутуевском острове, которые так и не смогли опустошить ни так называемая эвакуация Петрограда, ни стихийно-организованные грабежи первых месяцев советской власти. И два года спустя с нее продолжали вывозить крупные партии грузов — от сенокосилок и серебра до кофе и монпансье⁸². Менее значительные складские помещения имелись на Белоостровской таможне, Шлиссельбургской таможенной заставе, Донском, Сестрорецком, Раяйокском и других таможенных постах. Значительным было влияние Народного комиссариата торговли и промышленности и в пограничной полосе. В подчинении наркомата находились войсковые части, «призываемые к охране границы». Этим частям предоставлялось право «в целях обнаружения контрабанды... останавливать для осмотра все подводы и экипажи, на коих провозятся товары или проезжают

пассажиры в пределах 21-верстной пограничной полосы (т. е. практически вся территория от Белоострова до Петрограда)⁸³.

Вполне естественно, что таким сокровищем, каким являлись Гутуевские склады, хотел обладать каждый⁸⁴. В борьбу за них оказались вовлеченными, помимо самого собственника, также и ВСНХ, СНК и СНХ Северной области. В итоге последнему из названных органов удалось в сентябре 1918 г. одержать частичную победу: таможня перешла к нему в совместное управление с Центральной коллегией по разгрузке и эвакуации Петрограда. Наркомату продовольствия в Москве приходилось неоднократно сталкиваться с тем, что его распоряжения опротестовываются СНХ⁸⁵. Рекомендации заместителя наркома М.И. Фрумкина ссылаться в вопросе о передаче Райпродобмену (т. е. Райпродукту) из Гутуевской таможни всех продуктов, годных для продуктообмена, на 6-й пункт декрета СНК о реорганизации снабжения (всем делом снабжения населения ведает Компрод в лице Главпродукта), особых успехов не приносили⁸⁶. Впрочем, Райпродукту приходилось сталкиваться не только с нежеланием СНХ делиться «гутуевскими сокровищами», но и с «царившей на Гутуевской таможне полной анархией»⁸⁷.

Однако ресурсы Петроградского отделения Наркомата торговли и промышленности не исчерпывались складами Гутуевского острова, что и обусловило его активность в таком деле, как налаживание внешнего товарообмена с Финляндией, Швецией, Норвегией, Данией. Для работы в этом направлении в рамках Отделения работал Отдел внешней торговли (его возглавлял И. Сегаль) и отделение импорта (заведующий Иммерман). Надежды на развитие внешнеторговых операций были особенно сильны весной-летом 1918 г. Даже Главное гидрографическое отделение тогда считало, что «ближайшей задачей Гидрографии на Балтийском море явится отныне подготовка этого моря для торгового мореплавания»⁸⁸.

Контроль над внешнеэкономической деятельностью на Северо-Западе Петроградское отделение Наркомата торговли и промышленности осуществляло, в частности, благодаря Осведомительно-секретному отделу Петроградского областного управления военного контроля и военно-морского контроля,

а также быстро сложившейся разрешительной системе. Военный контроль перлюстрировал частную корреспонденцию и вызывающие у него подозрения почтовые отправления пересылал в отдел внешней торговли. Если эксперты последнего находили, что «проектируемый в письме экспорт/импорт является незаконным и неосуществимым», то письмо доставке адресату не подлежало⁸⁹.

Хотя на протяжении всего 1918 и первой половины 1919 г. Петроградское отделение наркомата вело большое число переговоров о поставках с финскими, шведским и германскими фирмами, однако в большинстве случаев они не завершались подписанием контрактов. Основной причиной была та, по которой, например, в октябре 1918 г. было отклонено предложение Эрика Шёбергера о поставках из Стокгольма 100 тонн мясного порошка для супа (320 руб. за пуд), 20 тонн мясного экстракта (в жестянках по 800 руб. за пуд, в бочках — за 625 руб.), 5 тонн копченой колбасы и пр. В Петрограде цены сочли непомерно высокими и отказались от подписания контракта⁹⁰. Переговоры с так называемым Финляндским временным экономическим комитетом, которые велись осенью 1918 г. — весной 1919 г., дали весьма скромные результаты. Были собраны материалы о количестве и стоимости оставшихся в Финляндии товаров, принадлежащих российским фирмам и общественным организациям, заключены несколько сделок (о поставках из Финляндии, например, тряпья, покупке «кинематографических устройств», бумаги, о финских закупках свинца, цинка, олова, серы, 10 000 пудов табака и некоторых других товаров)⁹¹.

В сфере внешнеторговой деятельности отделам внешней торговли и импорта приходилось поддерживать постоянные контакты с комиссариатом снабжения и распределения СКСО, так как в большинстве случаев при подготовке договоров о взаимных поставках ряд товаров имелся только в распоряжении указанного комиссариата.

Следует отметить, что влияние Петроградского отделения Наркомата торговли и промышленности обуславливалось не только обладанием им значительными материальными ресурсами, но и правом выдачи разрешений на вывоз товаров и личного имущества из пределов Российской Федерации и на ввоз таковых.

Независимым государством в то время считалась, например, и Украина, на территорию которой по различным причинам в течение 1918 г. из Петрограда выехало значительное количество горожан со своим скарбом, в 1919 г. потянувшихся обратно, как правило, уже без оногo. Даже при ввозе из Литвы 100 пудов учебников и хрестоматий для еврейской общины в Петрограде требовалось разрешение Отделения наркомата⁹². Следует, однако, признать, что масштабы его деятельности были несравнимы с размахом деятельности различных органов СКСО.

Структура органов СКСО включала в себя прежде всего Совет народного хозяйства (СНХ), возглавлявшийся В.М. Молотовым. Совет располагался в доме № 54 по Английской набережной. Задача СНХ, как утверждалось официально, заключалась «в поднятии промышленности, производства и изготовлении фабрикатов». В интересующей нас сфере торговли и распределения его роль формально ограничивалась тем, что он должен был заниматься только распределением сырья и полуфабрикатов, тогда как распределение готовых изделий, предметов первой необходимости и «тем более продовольственных продуктов» являлось задачей низовых структур исполнительной власти в СКСО⁹³. Однако уже признание за СНХ права распределения сырья и полуфабрикатов в условиях хозяйственной разрухи и товарного голода само по себе отводило этому органу исключительную роль во всей системе распределения и снабжения, в том числе и продуктов питания. Судя по всему, вмешательство именно в сферу распределения продовольствия было с его стороны довольно значительным. Поэтому долгое время Наркомату продовольствия, посылавшему из Москвы немало секретных телеграмм председателю СНХ Северной области Г. Зиновьеву, не удавалось исправить положение в свою пользу⁹⁴. Причем СНХ, особенно с осени 1918 г., когда положение с продуктами питания в Петрограде находилось на грани катастрофы, стал не без поддержки того же Зиновьева предпринимать все более и более активные шаги именно в деле закупок продовольствия. В октябре он попытался привлечь к нему Общество оптовых закупок для потребительных обществ, но эта инициатива СНХ была сорвана комиссариатом снабжения и распределения СКСО⁹⁵.

Активная роль СНХ в деле торговли и распределения косвенно подтверждается и внутренней структурой этого органа. Она включала в себя, в частности, такие отделы, как внутренней торговли, товарообмена, кооперативный, а также торговую секцию, бюро по распределению продуктов первой необходимости, химических продуктов, тканей, реквизиций и конфискации и т. д. Деятельность отдельных органов СНХ вызывала ярость со стороны представителей Райпродукта. Так, на коллегии последнего в феврале 1919 г., помимо и ранее неоднократно делавшихся заявлений о необходимости вести борьбу с Совнархозом, И.И. Сегаль потребовал уничтожения Торговой секции СНХ: «Райпродукт должен поглотить Торговую секцию, как поглотил секцию внутренней торговли Комиссариата торговли и промышленности»⁹⁶. Практически постоянно, вплоть до ликвидации СНХ, в Москву шли телеграммы, сходные по существу со следующей: «Севсовнархоз окончательно приостановил деятельность текстильного отдела Райпродобмена [Райпродукт] запретив фабрикам заводам отпуск тканей нарядам ордерам Райпрода и требуя предварительного представления на заключение Севсовнархоза плана распределения»⁹⁷. Глава Райпродукта Цыпкин был вынужден констатировать, что «наибольшие областнические тенденции проявляет Совнархоз. Если удастся привлечь Совнархоз к участию в работе Райпродукта, эти тенденции удастся, вероятно, смягчить, если же нет — придется бороться, как до сих пор»⁹⁸.

Информация — основа деятельности любой государственной организации. Способы получения информации в первые послереволюционные годы были довольно примитивны. Среди них одним из наиболее распространенных являлась публикация предписания в виде обязательного постановления о необходимости в обусловленный срок (как правило, дней семь) сообщить в тот или иной орган полные сведения о содержимом своих складов. Именно так чаще всего и поступал СНХ. Трудно предположить, чтобы обладатель материальных благ стал бы раздумывать над какими-либо иными вариантами своих действий, кроме как предоставления — в лучшем случае — правдоподобных сведений или же простого перепрятывания своего добра. Некоторые поступали более изобретательно. Когда СНХ извещал, что впредь

конфискации подлежат те или иные товары, владелец последних отправлялся в «национализированное банковское предприятие», закладывал этот товар по более высокой цене и получал его полную стоимость. Комиссар финансов Северной Области А.И. Потяев был вынужден в 1919 г. признавать, что «99 % всех конфискованных и реквизируемых товаров в свое время были оплачены так или иначе Народным банком»⁹⁹. Что же касается качества информации, то она во всех государственных органах, вовлеченных в работу в сфере торговли и распределения, оставляла желать много лучшего. Пытавшийся по свежим следам в 1920 г. изучить принципы и методы распределения Н.М. Вишневецкий констатировал, что «вынужден заменить сильное оружие цифровых выводов слабым оружием логических доводов», что отчетность должна давать представление о фиксируемом ею предмете, но именно этой задачи отчетность распределительных аппаратов и не выполняет¹⁰⁰. Фактически ни центральные, ни местные органы никогда не обладали сколько-нибудь достоверной информацией по вопросам торговли и распределения. Часто о наличии и предполагаемом количестве того или иного товара узнавали случайно. Экономическая ситуация не способствовала появлению оптимистических настроений; надежды на повторную «находку» были невелики, поэтому случай стремились не упустить и всеми правдами и неправдами овладеть партией товара первыми. Отношения между руководящими работниками разных ведомств и служб были в силу этого крайне напряженными.

Помимо СНХ, структура исполнительных органов СКСО, так или иначе имевших отношение к сфере распределения в Петрограде, включала и комиссариат продовольствия. С конца мая 1918 г. и до своей ликвидации в марте-апреле 1919 г. он именовался комиссариатом снабжения и распределения СКСО, хотя в официальных документах его нередко продолжали именовать по-старому — Компродсевоб. Большой срок существования этого органа его главой являлся Самуил Петрович Восков, а с осени 1918 г. — Анатолий Иванович Пучков. Комиссариат находился на Тучковой набережной в доме № 2а. В октябре 1918 г. комиссариат «поглотил» Северную областную продовольственную управу. Причиной реорганизации явились многочисленные упреки в

адрес управы, что «она часто служила посредником между поставщиками и центральными кооперативами, которым передавала продукты, вместо того чтобы самой их распределять, что объяснялось ее слабым распределительным аппаратом». При этом, впрочем, признавалась и заслуга управы в деле заготовки, результаты которой принявший ее хозяйство под свою опеку комиссариат оценивал высоко: десятки тысяч пар хорошей народной обуви, несколько десятков тысяч футов хромового опойка и шеврета и т. д.¹⁰¹

О позиции руководящих кадров комиссариата хорошо свидетельствует следующее заявление заведующего отделом товарообмена П.А. Оцуца: «Мы должны заявить: не должно быть северного областничества и сепаратизма, но должно быть самое внимательное отношение к нуждам и потребностям Северной области, наиболее истощенной и нуждающейся из частей советской Республики. Ей должно быть предоставлено самое широкое поле действий, возможно больше самостоятельности в деле снабжения Северной области. Нам должно быть предоставлено право на основе выработанного центральной властью расписания подлежащих экспорту и импорту продуктов... определения количества и всех остальных деталей товарообмена»¹⁰².

Заявлениями дело не ограничивалось. При поддержке СНХ уже 23 мая 1918 г. было решено создать при Компродсевобе отдел снабжения и распределения предметов первой необходимости, «включая и продовольствие», и сделать его единственным для Северной области органом, «в ведении которого сосредотачивается общее руководство всем делом снабжения, учета и распределения». В коллегия нового отдела были включены представители ряда других органов, кооперативов; Райпродукт среди них упомянут не был¹⁰³.

В отличие от СНХ и Райпродукта комиссариат снабжения и распределения имел более дробную внутреннюю структуру. Так, например, один из его основных отделов — отдел снабжения имел в своем составе следующие подразделения: 1. Продуктовый подотдел с секциями: а) скоропортящихся продуктов, б) бакалейный, в) овощной и фруктовый, г) хлебно-фуражный, д) общественного питания, е) заготовок; 2. Подотдел предметов первой

необходимости с секциями: а) текстильно-ткацкого производства, б) кожи, кожевенных изделий и резины, в) металлургическо-промышленный, г) химическо-промышленный, д) табак, спички и папиросы, е) бумага и бумажные производства.

Нельзя, правда, утверждать, что подобная дробность структуры создавала основу для эффективности осуществления комиссариатом своей деятельности. Прежде всего, его работа тормозилась исключительно острой нехваткой квалифицированных кадров, что и было причиной появления, например, таких решений его руководства: «Пригласить специалистов по разным отраслям заготовки и закупки продуктов, широко оповестив о том, что Комиссариату нужны таковые. Войти в переговоры с профессиональными союзами, организациями и т. п. учреждениями о предоставлении таковых людей»¹⁰⁴.

Несмотря на нехватку квалифицированных кадров, комиссариату, впрочем, удавалось получать более оперативно необходимую и, что более важно, даже более качественную информацию, что и позволяло ему перехватывать у Райпродукта те или иные партии товаров. Комиссариат, например, получал весьма интересную информацию из Экономического осведомительного отдела Петроградского областного управления военного почтово-телеграфного и пограничного контроля. Направляемые этим отделом ежемесячные «Экономические сводки» содержали достаточно обширную информацию по следующим разделам: импорт, экспорт, товарообмен, работа промышленности, урожай. Практически единственными крупными неудачами, выпавшими на его долю, были утрата доступа к распределению имевшегося в Петрограде текстиля¹⁰⁵: Райпродукту удалось установить контроль над крупнейшими работающими в Петрограде фабриками по выработке мануфактуры (осенью 1918 г. их средняя ежесуточная производительность составляла около 200 тысяч аршин) и ниток, а также проигрыш в «мыльном деле» (Петрокомпрод в конце 1918 г. «официально предложил нам искать мыло, где угодно, он же нам с местных фабрик не отпустит», — писал заведующий отделом снабжения предметами первой необходимости Г.А. Яновский). Вместе с тем практически каждый день доставлял руководству комиссариата новые заботы. В итоге в октябре

1918 г. Восков и Пучков были вынуждены публично восклицать в «Северной коммуне»: «Невольно задаешь себе вопрос, где мы живем, в организованном ли государстве, где все вопросы решаются сообща, в государстве, где господствует один класс, солидарный между собою во всех отношениях, или же живем в эпоху средних веков, где каждый, кто имеет силу, грабит на большой дороге слабых»¹⁰⁶. Оба чиновника явно не были обременены размышлениями о возникавших при чтении этих строк в умах читателей газеты мыслях.

Значительное время ответственным работникам комиссариата приходилось затрачивать не только на борьбу с Райпродуком, Петрокомпродом и другими организациями, обладавшими доступом к источникам благ, но и на выяснение отношений между собственными структурными подразделениями. Неизбежность внутренних неурядиц обуславливалась уже тем, что практически все его отделы, бюро, секции и прочее обладали в той или иной степени правами как для принятия решений по вопросам распределения, так и их реализации. Так, например, Отдел распределения комиссариата был крайне недоволен деятельностью отдела снабжения, которая, по мнению начальства первого, наносила делу огромный вред; хорошо еще, утверждало оно, направляя жалобу главе комиссариата, что этот вред «отчасти аннулируется тем, что Контрольно-учетный отдел Совнархоза, благодаря своей осведомленности о порядках Компродсевоба, возвращает такие дела» отделу распределения¹⁰⁷. В склоку между этими отделами была втянута и финансовая коллегия комиссариата¹⁰⁸.

В результате этой и подобных ситуаций сложилась практика дополнительных согласований и даже подписания между отдельными службами комиссариата документов, официально именовавшихся договорами. Весь комиссариат жил и трудился (главный акцент, судя по всему, необходимо ставить на слове «жил») в обстановке перманентных и далеко не всегда понятных преобразований. В итоге последних на свет время от времени появлялись документы вроде следующего: «Ввиду полного отсутствия сахару и чрезмерно усиленной деятельности, выпавшей на долю ответственных работников Комиссариата Снабжения и Распределения СКСО в связи с непрерывно происходящей его

организацией и реорганизацией, Отдел распределения настоящим просит отпустить для нужд Компродсевоба 40 ф. шоколаду и 40 ф. монпансье»¹⁰⁹. Эту просьбу заведующий отделом Исаак Абрамович Квин был вынужден посылать в Петрокомпрод, так как последний являлся фактическим монополистом в обладании сахаром и его производными (за исключением сахараина, разверсткой которого ведал Райпродукт), как, впрочем, и некоторых других продуктов питания.

Было бы несправедливым утверждать, что Комиссариат снабжения и распределения СКСО был в основном озабочен только выгребанием из Петрограда промышленных изделий и продуктов питания. Он также прилагал значительные усилия для организации доставки в город крупных продовольственных грузов, осуществляя их закупку через свои закупочные конторы и посредников. Это касается привоза муки, битой птицы, рыбы и т. д. Так, в декабре 1918 г. в комиссариате была создана т. н. «чрезвычайная рыбная тройка» (Тимофеев, Гальперин, Абрамович), задачей которой была закупка и ускоренная доставка в Петроград рыбы, для чего указанным лицам было выдано из средств комиссариата 2,5 млн рублей¹¹⁰. Осенью того же года в Олонецкой губернии для Петрограда была закуплена большая партия рябчиков, тетерок и глухарей (стоит, впрочем, заметить, что следов поступления дичи в торгово-распределительную сеть Петрограда найти не удалось). В основном комиссариат, используя сеть посредников — прежде всего кооперативы, закупал так называемые скоропортящиеся продукты, что послужило главным препятствием для включения их в список «центрированных продуктов». Так, в конце 1918 г. в Смоленск были посланы уполномоченные комиссариата для заготовки яблок, грибов, монпансье, сыра, орехов, меда. Иногда комиссариат, несмотря на плохие отношения с Райпродуктом, обращался к последнему за помощью. В мае 1918 г., например, он просил нагрузить маршрутный поезд с товарами (мануфактура, нитки, стекло, подковы, гвозди) для обмена на хлеб Петрограду и Северной области за соответствующую оплату¹¹¹.

Впрочем, помимо скоропортящихся продуктов комиссариатом закупалось и немалое количество промышленных изделий, а также древесный уголь, лен, колесная мазь, кружева и т. д.

Ассортимент был весьма разнообразен. Следует, кроме того, отметить, что борьба с конкурентами в деле закупок не исчерпывалась банальными захватами чужих грузов: иногда просто продавцу предлагалась более высокая цена. В наиболее выгодном положении в таковых ситуациях были прежде всего центральные органы. Они чаще своих конкурентов располагали свободной наличностью, тогда как областные и петроградские городские власти постоянно жаловались на ее нехватку (что, кстати, и являлось, как правило, для них основным препятствием к заключению сделки)¹¹². Показательная, но далеко не единичная в этом отношении стычка имела место у комиссариата с Наркоматом путей сообщения при закупке стекла у Петроградского Стекольно-промышленного общества в октябре 1918 г.¹¹³ Подобная практика вызывала протесты со стороны Петроградского отделения Государственного контроля.

Учитывая вышесказанное, а также тот факт, что задача комиссариата заключалась в снабжении всей Северной области, следует с пониманием относиться к нередким просьбам этого органа к Комиссариату по продовольствию Петроградской Трудовой Коммуны об оказании помощи продовольствием. Якобы централизованная в общегосударственных масштабах операция по изъятию хлеба у крестьянства создавала иногда поразительные бюрократические хитросплетения, так что остается только удивляться тому, насколько быстро нарождающееся советское чиновничество смогло освоиться в этом хаосе. В связи с этим стоит привести направленный в конце ноября 1918 г. комиссару Петрокомпрода К.К. Стриевскому следующий документ: «Настоящим Комиссариат Снабжения и Распределения СКСО доводит до Вашего сведения следующее: прибывший маршрутный поезд в количестве 32 вагонов пшеничной муки был заготовлен в Саратовской губ. 3-м Пороховским военно-продовольственным отрядом, посланным от коммун Северной области с разного рода товарами... для обмена на хлеб. Ввиду отсутствия в Саратовской губернии для Северной области нарядов отряду пришлось отгрузить хлеб в адрес Петрокомпрода. Фактически же адресатом является Компродсевоб... Комиссариат просит Вас не чинить препятствий к разгрузке и переадресовке прибывших 32 вагонов»¹¹⁴.

(Такое количество хлеба составило бы примерно 2,5 % общих плановых поставок в Петроград при выполнении плана.) Если в этом случае дело было улажено сторонами, то, например, три вагона воблы (свыше 2000 пудов) комиссариат так и не увидел — Петрокомпрод не вернул их хозяину¹¹⁵.

Порой Компродсевоб проявлял своего рода благотворительность в отношении собственно петроградских структур. Под новый 1919 год член коллегии Компродсевоба Полозов и заведующий Отделом распределения Квин направили в Транспортный отдел своего комиссариата следующее распоряжение: «Отдел распределения просит Вас, находящиеся на складах комиссариата 912 пудов 31 фунт отсортированный, негодный к употреблению картофель отправить на свинарник Петрокомпрода. *Негодный картофель передается Петрокомпроду бесплатно*»¹¹⁶ (курсив мой. — А. Р.).

Как выше уже отмечалось, Комиссариат снабжения и распределения СКСО был ликвидирован в 1919 г. Сам процесс ликвидации занял несколько месяцев — с конца февраля по начало июля. Часть структурных подразделений была передана в состав Райпродукта (транспортный отдел, за исключением части обоза, доставшейся Петрокомпроду, меховая комиссия и внешний товарообмен) и Петрокомпрода (отделы общественного питания, молочный, агитации и пропаганды, статистики, контрольно-учетный подотдел отдела снабжения, продовольственный подотдел)¹¹⁷.

Непосредственное отношение к сфере торговли и распределения в бывшей имперской столице имели, конечно же, собственно городские органы исполнительной власти. Среди них наиболее значительную роль играл начавший свою деятельность 12 июня 1918 г. комиссариат продовольствия Петроградской Трудовой Коммуны. Комиссариат, находившийся по адресу: Адмиралтейская набережная, дом № 12, возглавлял Константин Константинович Стриевский. Этот орган заменил собой претерпевшую ряд реорганизаций Центральную управу Петроградского продовольственного совета. Руководство комиссариата не слишком высоко оценивало деятельность своих предшественников. В подготовленном им «Обзоре деятельности Петроградского

комиссариата по продовольствию» отмечалось: «Проекты, возникшие летом 1917 г. с целью смягчения продовольственного кризиса Петрограда, как, например, развитие дела общественного питания путем открытия сети общественных столовых, муниципализации торговли, концентрации хлебопечения и друг[ие], так и оставались проектами, и если в этой области что-либо делалось, то не в виде общей меры, а носило случайный характер»¹¹⁸. Определенная независимость Петрокомпрода от центральных властей основывалась на том, что он существовал, так сказать, на свои собственные средства, не получая ассигнований ни из Государственного казначейства, ни от Наркомпрода.

Руководство комиссариата в начале своей деятельности считало, что основное внимание следует уделить следующим вопросам: концентрации хлебопечения, развитию дела общественного питания, организации продовольственных отрядов, «проведению в жизнь идеи монополизации торговли». Без околичностей глава Петрокомпрода заявил на совещании в Райпродукте в начале августа 1918 г., что следовало сразу предоставить Петрограду право самостоятельно обменивать товары и не только на пищевые продукты, но и на хлеб. Центр недостаточно силен, он не имеет аппарата. Петроград более организован и аппарат имеет». Это резкое выступление Стриевского было вызвано следующими словами главы Райпродукта: «Районное управление считает своей обязанностью прийти на помощь комиссариату продовольствия НТК в его затруднительном положении. Районное управление в настоящее время имеет большие запасы товаров и ввиду того, что посылать их для товарообмена в государственном масштабе почти не представляется возможным, могло бы посылать в обмен на пищевые продукты для Петрограда»¹¹⁹.

Всем без исключения вышеупомянутым органам успех сопутствовал, как это ни кажется странным, прежде всего в деле добывания предметов первой необходимости (одежда, ткани, обувь, керосин, мыло и т. д.) и продуктов питания — как нормированных, так ненормированных. Главные сложности возникали для них даже не на стадии доставки добытого в город (или в черте последнего в тот или иной район), а на стадии распределения. Прежде чем товары доходили до потребителя, на них следовало

установить таксы и цены, чем занимался специальный комитет Петрокомпрода. Однако эти таксы и цены, как отмечала пресса, «часто никакому коллегиальному обсуждению таксовой комиссии не подвергаются и устанавливаются „временно“, притом произвольно по соглашению с заинтересованными отделами»¹²⁰.

Петрокомпрод, у которого в подчинении находились 18 районных продовольственных управ (позднее — комиссариатов), к лету 1919 г. имевших в своем распоряжении свыше 1200 пунктов распределения нормированных продуктов (460 ларей и 84 пункта, принадлежащих Петрокомпроду, и 654 кооперативных пункта), на первый взгляд, казалось, не должен был испытывать каких-то особых затруднений в деле распределения. Однако документы свидетельствуют о том, что еще в июле 1918 г. распределение предметов первой необходимости удалось кое-как поставить на ноги всего только в трех районах города — Спасском, Нарвском и Василеостровском. Причем ситуация в лучшую сторону и в дальнейшем изменялась крайне медленно. Это создавало для городских властей одну очень нежелательную проблему — очереди. Последние служили своего рода внешними признаками неблагополучия в деле распределения. Были еще свежи в памяти события 1917 — начала 1918 г., когда именно «хвосты» служили источником разного рода эксцессов. С очередями пытались бороться. Предлагались для этого следующие способы: увеличение штатов, упрощение процесса выдачи, выдача в очередях специальных билетов с указанием часа приблизительного приема, «но с тем, чтобы очереди не устанавливались ранее 9 часов утра». Последний способ показался, вероятно, слишком трудоемким и поэтому предпочли раздуть штаты.

Налаживание дела распределения не удавалось сдвинуть с мертвой точки, несмотря даже на то что распределением предметов первой необходимости ведал еще один городской орган — Бюро по распределению предметов первой необходимости, который располагался в доме № 3 по Чернышеву переулку. Это бюро было создано при Совете коммунального хозяйства. Существование такого органа в структуре последнего было обусловлено тем, что в ведении Совета находились все рынки, национализированные и муниципализированные склады, лавки,

магазины и т. д. (они часто сдавались Советом в аренду районным компродам), тогда как Петрокомпрод в своей деятельности, как и подчиненные ему районные органы, был вынужден, особенно на первых порах, использовать в основном недолюбливаемые им кооперативы и частные магазины. Бюро по распределению обладало одним очень важным правом — без его согласия нельзя было закрыть какой-либо частный магазин, торговавший промышленными товарами, и конфисковать его содержимое. Закрытие магазина должно было производиться только в присутствии уполномоченного Бюро¹²¹.

Чтобы как-то изменить ситуацию в сфере распределения, в конце 1918 г. Совет коммунального хозяйства решил дополнить Бюро по распределению предметов первой необходимости представителем Петрокомпрода. В результате появилась новая организация — Петроградский горпродукт, подчинявшийся (во многом номинально) Петрокомпроду¹²². Горпродукт располагался в доме № 30 по Невскому проспекту. В компетенцию этой организации Комиссариат городского хозяйства не передал, однако, продажу и распределение некоторых товаров, в частности, «предметы художественной и домашней обстановки и прочие предметы», которые предназначались Оценочной антикварной комиссией при Петроградском отделении Народного комиссариата торговли и промышленности для свободной продажи среди населения.

Роль Комиссариата городского хозяйства в сфере торговли и распределения была весьма существенна, поскольку именно он путем издания обязательных постановлений устанавливал и взимал муниципальные налоги. Сбором этих налогов занималось Налоговое управление. Стоит перечислить некоторые из этих налогов, взимавшихся в 1918–1920 гг.: сбор с теплиц, садоводств, питомников, огородов, молочных ферм, свиноводств, находящихся в черте города, сбор с разносного и развозного промысла, с извозного и перевозного промысла, за остановку на улицах и площадях города возов для продажи с них товаров, за санитарный осмотр мяса, за употребление общественных мер и весов на торговых местах — всего свыше тридцати различных сборов.

Взаимодействие между различными городскими органами не было на должной высоте, несмотря даже на жестко установленную

их соподчиненность. Дело доходило до того, что они предпочитали вести дело учета населения каждый по-своему и руководствоваться в деле распределения только собственными данными.

Кроме Петрокомпрода, подчиненных ему районных компродов, Горпродукта с подчиненными ему службами, Комитета городского хозяйства, в каждом районе существовали еще экономические отделы районных совдепов. Они также, каждый по-своему, пытались внести лепту в дело снабжения, распределения и торговли. Наличие значительного числа органов, так или иначе отвечавших за эту сферу, обуславливало необходимость создания органа, координирующего их деятельность. Переговоры по этому вопросу начались еще в апреле 1918 г. Тогда их инициатором выступил Райпродукт; однако сразу же выяснилось, что на роль объединителя претендуют и другие, прежде всего СНХ Северной области. В итоге начавшийся переговорный процесс остановился.

Очередная вспышка активности имела место осенью 1918 г. В роли объединителя на сей раз попытался выступить Совет народного хозяйства Северной области. Однако на несколько созываемых им в октябре совещаний так и не удалось собрать представителей заинтересованных сторон. Вероятно, учитывая этот факт, принявший в ноябре у СНХ эстафету Компродсевоб решил несколько изменить тактику. Его руководство предложило обсудить на «междуведомственном совещании» уже не вопрос о создании органа-координатора, а «областного центрального контрольно-учетно-реквизиционного органа», в котором были бы слиты все органы учета и контроля, так как «систематичности» в этой сфере нет, что, грубо говоря, позволяло конкурирующим друг с другом организациям беззастенчиво орудовать в чужих закромах. Решено было создать комиссию «для выработки конституции» указанного контрольного органа¹²³. Через четыре месяца, однако, начался процесс ликвидации органов СКСО, поэтому и на сей раз желаемый результат достигнут не был. В марте 1919 г. глава Райпродукта Цыпкин предпринял еще одну и, кажется, последнюю попытку. На заседании с представителями Горпродукта и кооперации он предложил обсудить вопрос о создании единого распределительного органа. Выяснилось, что таковым хотел бы стать Горпродукт. В конечном итоге было решено: «Горпродукт

должен стать административным органом; он вырабатывает сеть лавок, намечает план заготовок, получает в общероссийском плане наряды и оставляет за собой контроль над выполнением планов. Снабжение и распределение производится через муниципальные лавки и центры рабочей и гражданской кооперации с ее распределителями-лавками»¹²⁴.

Непосредственное отношение к сфере торговли и распределения в городе имели и финансовые органы: Комиссариат финансов Северной области (его возглавлял А.И. Потяев), имевший в своем составе Налоговый отдел, Северо-областная контора Народного банка со своими отделениями, в январе 1920 г. присоединенная к Горфинотделу.

Комиссариат финансов СКСО, подчиненный Управлению заместителя народного комиссара финансов по Северной области, официально просуществовал до 15 марта 1919 г., когда вместо него были созданы два новых органа: Петроградский городской финансовый отдел Исполнительного комитета рабочих и красноармейских депутатов и подобный же орган для Петроградской губернии. Компетенция между этими последними была поделена довольно своеобразно. В конце 1919 г. глава Горфинотдела Яков Никитич Таргулов¹²⁵ констатировал: «учет оборотов сумм Государственного казначейства по исполнению финансовых смет находящихся в г. Петрограде советских учреждений во всей полноте сосредоточился в Губернском финансовом отделе... а Городской Финансовый Отдел не имеет в своем составе Подотдела Косвенных налогов, и заведование этой областью финансового управления на территории г. Петрограда возложено на Губернский финансовый отдел. Обстоятельство это, имея своим правовым следствием невозможность для Петроградского Городского Исполнительного Комитета касаться указанной части финансового управления, приводит также к неполноте бюджета г. Петрограда, искусственно выделяя из него такую крупную статью общегосударственных доходов, как косвенное обложение, поступления от которой к тому же по преимуществу сосредотачиваются именно в кассах г. Петрограда, а не губернии»¹²⁶.

Недовольство главы Горфинотдела объяснялось следующим: под косвенным налогообложением имелись в виду начисления

в пользу казны на предметы производства. Определение размера этих начислений (обычно колебался от 5 до 15 %) являлось предметом ожесточенных споров между различными советскими учреждениями и «производящими организациями» или попросту заводами и фабриками. Если учесть, что, несмотря на Гражданскую войну, в Петрограде продолжалось массовое производство довольно обширной номенклатуры изделий промышленности, то становится понятным, что речь идет не о маленьких суммах. Не следует забывать, что органы власти и подчиненные им организации постоянно испытывали огромную потребность в денежной массе — как для покрытия собственных расходов, так и для ведения (как, например, в случае с Петрокомпродом) товарообменных и закупочных операций. Нехватка или нередко полное отсутствие наличности имели своим следствием довольно жесткую финансовую политику властей: нередко даже поставка по государственным нарядам не производилась до тех пор, пока не поступали деньги. В силу этого вполне понятным является желание Горфинотдела осуществлять контроль за поступлениями от косвенного налогообложения. Добиться своего ему удалось только в 1920 г.¹²⁷

Приходится констатировать, что в сфере государственных финансов царила ничуть не меньшая неразбериха, чем в сфере распределения. Причину этого положения комиссар Потяев определял следующим образом: возникло противоречие между желанием создать социалистические начала в хозяйственной жизни, которые, в сущности, означали в будущем гибель всего финансового аппарата, и реальностью, не позволившей сделать это. В данном случае комиссар только пересказал слова Н.Н. Крестинского, выступившего с директивным докладом на Первом финансовом съезде Северной области, проходившем 17–21 декабря 1918 г. в Петрограде: «Деньги, по завершении цикла экономических мероприятий, будут аннулированы и будут заменены натуральным обменом. Тогда нам будет неважно, если рубль ничего не будет стоить, но нам важно додержаться до этого момента»¹²⁸.

Наступление этого момента благостного коммунистического будущего затягивалось, поэтому петроградские финансовые органы осенью 1918 г. и были вынуждены признать, что

реорганизация всего налогово-податного аппарата должна быть произведена незамедлительно «в соответствии с условиями жизни и требованиями времени». В начале октября была создана специальная комиссия по реорганизации банковского деда под председательством М.А. Сергеева. Помимо ряда организационных моментов комиссия констатировала: «В связи с общей финансовой политикой государства финансирование частной торговли прекращается, главнейшие же положения по выдаче ссуд под товары общественным и кооперативным объединениям должны иметь в основе следующие положения: 1) жизнеспособность и цели, преследуемые каждым таким объединением, должны быть при вступлении с ним в деловые сношения, исчерпывающим образом выяснены; 2) краткосрочность ссуд; 3) сосредоточение всех активных и пассивных операций таких предприятий в соответствующих отделениях Народного Банка»¹²⁹. (Выдачей ссуд по закупкам продовольствия и предметов первой необходимости ведало 15-е отделение Народного банка.)

Горфинотдел собирал необходимую ему для работы информацию точно так же, как и СНХ. Время от времени он публиковал в местной прессе свои постановления о «Порядке доставления в финотделы сведений о поставках и подрядах». Доставляемые сведения не были ни исчерпывающими, ни достоверными. Поскольку налогово-податный аппарат действовал неэффективно, а планируемая им раскладка сборов растягивалась по времени и не выполнялась по суммам, то другие советские и кооперативные органы постоянно страдали от недостатка наличности, что сплошь и рядом срывало выполнение различных закупочных операций. Более того, судя по некоторым оговоркам, встречающимся в деловой переписке, финансовые органы иногда допускали «поблажки» частным торговым предприятиям (занижение суммы сбора, отсрочки и т. д.), что влекло за собой конфликты с другими органами советской власти.

Непросто складывались отношения вышеперечисленных петроградских органов с аналогичными структурами других территорий, на которых была установлена советская власть. Порой дело доходило до откровенного шантажа. Так, в июне 1918 г. прибывший в Петроград представитель Московского областного

продовольственного комитета Кункевич требовал увеличения поставок из Петрограда табачных изделий, заявляя, что в случае неисполнения этого требования «Москва может не дать Петрограду необходимого ему продовольствия, если не получит табаку и других нужных ей товаров»¹³⁰.

Бесконфликтное сотрудничество и эффективную деятельность всех вышеперечисленных центральных, областных и городских органов трудно представить себе даже теоретически. И первое, и вторая исключались уже не только в силу наличной экономической ситуации в стране, но и из-за неопределенности, точнее — кажущейся целенаправленности курса новой власти в таких вопросах, как основы финансовой политики, взаимоотношения с частно-торговым предпринимательством, отношение к кооперации. На кооперацию административное давление резко усилилось осенью 1918 г. Значительное число членов правлений подверглось арестам «по самым незначительным поводам». Целью давления, что не скрывали как городские власти, так и власти СКСО, было желание провести в правления кооперативных органов своих кандидатов. Кооперативный отдел СНХ СКСО 10 декабря категорически отверг ходатайство Совета кооперативных съездов Северной области об отмене своего постановления о перевыборах правлений и ревизионных комиссий. Власти, в частности, удалось настоять на проведении двух своих кандидатов в правление из семи человек Петроградского областного союза потребительских обществ (бывший «Оптсоюз») ¹³¹.

Складывавшаяся ситуация оставляла, однако, за местными властями обширное поле для творчества, направленность которого определялась не в последнюю очередь их организаторскими талантами и идеологическими пристрастиями. В Петрограде последние, кажется, преобладали над первыми. К сожалению, неизвестно, кто был автором следующих строк в «Петроградской правде», как нельзя и утверждать, чего в этих словах больше — иронии или же безысходной печали: «Успехи с каждым днем развиваются все шире и шире. Необходимо во всеоружии встретить будущие улучшения, так чтобы новый размах и масштаб работы не нарушил бы с таким трудом созданный и налаженный продовольственный аппарат Петрограда» ¹³².

Quis custodiet ipsos custodes?¹

Прошло всего несколько месяцев после Октябрьского переворота 1917 г. Отличающийся своим здравомыслием в делах житейских горожанин, в течение всей своей более или менее продолжительной жизни познававший на практике избитую истину «Ничего нового под луной произойти не может» и поэтому глубокомысленным рассуждениям на эту тему не предававшийся, вынужден был без удивления и даже с пониманием воспринимать как должное те метаморфозы, которые стали происходить с новыми городскими властями. И он действительно не был удивлен, поскольку эти метаморфозы оказались всего лишь очередным и не очень интересным ответом на тот вопрос, который почти две тысячи лет тому назад пришло в голову задать еще Дециму Юнию Ювеналу: «Quis custodiet ipsos custodes?» В данной связи больший интерес вызывает одно обстоятельство: совершенно очевидный и вместе с тем, как представляется, определенно не сознававшийся городскими властями собственный проигрыш в таком важном деле, коим, безусловно, и тем более в годы крупных социальных потрясений, является создание образа врага и внедрение этого образа в сознание наиболее широких слоев населения — в нашем случае — жителей Петрограда. Партийно-идеологическая машина не только работала на холостом ходу, более того, она, сама того не желая, постаралась превратить в упомянутого выше врага саму власть, которой служила.

Вне всякого сомнения, не существовало тех, кто оставался еще в неведении относительно наличия в мире враждебных

---

¹ Кто устережёт самих сторожей?

империалистических сил, а в самой советской республике — их приспешников в лице белогвардейцев. Всем также приходилось мириться с бушующей в стране Гражданской войной как с данностью, исключавшей на тот момент времени возможность спокойно-сытого бытия. Однако в рамках остающихся возможностей жизнеобеспечения ответственность несла уже новая власть. На это ей иногда указывали прямо. Так, собрание кондукторов петроградских бригад Николаевской железной дороги приняло 10 мая 1918 г. следующее решение: «...если сами народные комиссары не в состоянии снабдить этого работника (имелись в виду железнодорожники. — А. Р.) усиленной порцией, то во имя справедливости не должны запрещать... приобретать им самим продовольствие, дабы они могли работать продуктивно... говоря, что революция в опасности, народные комиссары не должны подтягивать желудок тому работнику, который все время несет красное знамя вперед и вперед»¹³³. В свою очередь, фракция коммунистов-большевиков при Исполкоме организации раненых и больных воинов г. Петрограда и окрестностей потребовала в июне 1918 г. от Петросовета немедленно утвердить своих представителей комиссарами по снабжению всех лазаретов и госпиталей, так как «это единственная мера по борьбе со злоупотреблениями продовольственных учреждений»¹³⁴.

В силу различных обстоятельств городским властям «удалось» избавиться от наиболее удобного объекта для перекладывания ответственности. Еще в начале 1918 г. горожанка, принеся домой купленный в лавке некоей Надежды Егоровой сахарный песок и убедившись, что покупка наполовину состоит из мусора, могла вернуться и, «набросившись на торговку-мародерку, избить ту в кровь»¹³⁵. Еще в начале осени 1918 г. «Петроградская жизнь» могла публиковать вызывающую у читающей публики смешливый интерес картинку-загадку «Где буржуй-осьмушечник, которого ждет этот сытый обед?» (изображался накрытый столовым прибором на одну персону стол — тарелки были пусты)¹³⁶. Но уже поздней осенью 1918 г. и тем более в 1919 и 1920 гг. тема частного торговца, «сосущего кровушку трудящегося пролетариата», несмотря на имевшие место попытки развить ее, почти заглохла.

Правда, следует признать, что сами эти попытки были весьма слабыми. Это само по себе косвенно свидетельствует о признании того факта, что выжать из этой темы много было невозможно. «Петроградский бюллетень Агентства печати СЖСО» продолжал еще некоторое время публиковать на своих страницах списки фамилий задержанных спекулянтов и фальшивомонетчиков, но поскольку до массового читателя этот бюллетень не доходил, то его информация практически никак не сказывалась на умонастройке горожан¹³⁷. Ранее имевшиеся факты рукоприкладства в отношении частных торговцев в документах и на страницах газет уже не попадают. Зато нередко население какого-нибудь района или подрайона города выступало на защиту рыночных и уличных торговцев. Властям явно приходилось считаться с этим. Президиум Петросовета, рассматривая на своем заседании 29 июля 1918 г. жалобу профессионального союза уличных торговцев, вызванную незаконными реквизициями товаров, был вынужден поручить своему юридическому отделу подготовку специального постановления, в котором были бы четко определены правовые рамки проведения реквизиций¹³⁸. Практика реквизиций охватывала в 1918–1919 гг. не только частную торговлю, но и кооперативы, к которым, в том числе и рабочим, не лежала душа у самого Григория Зиновьева¹³⁹. Так, Райкомпрод Пороховского района, пользовавшийся в Петрограде исключительно дурной славой, «уничтожил реквизиционным порядком» кооператив рабочих Пороховского завода, явно преследуя при этом иные цели, а не налаживание дела распределения в районе, считал государственный контролер С.П. Елисеев¹⁴⁰. Как бы и кем бы реквизиции ни производились, документы оставляют впечатление, что пользу они приносили почти исключительно лицам, производившим реквизиции.

Сами того не желая, власти превратили советского служащего, связанного с системой снабжения и распределения (вне зависимости от положения того на иерархической лестнице), в главного врага голодного горожанина. Недовольство последнего все чаще проявлялось теперь не к рыночным торговцам, владельцам частных магазинов, а к существующим муниципальным органам распределения и снабжения, в которых, по общему мнению, работали ворюги и в которых царил принцип «кому хочу, тому и

дам». Привозивший всеми правдами и неправдами продукты питания в город и продававший их по высоким ценам частник былой озлобленности не вызывал. Высокие цены ставились в вину не ему, а властям. Последним пришлось, например, мириться с процветанием в городе торговли контрабандными товарами¹⁴¹, поскольку сотрудничества с горожанами в деле борьбы с этим достичь оказалось невозможно.

Можно задать риторический вопрос, как мог оценивать горожанин информацию основного печатного органа советских и партийных властей — «Петроградской правды», писавшей на своих страницах следующее: «Недавно на столбцах „Правды” мы отмечали цены на продукты у торговцев на рынке, у спекулянтов, торгующих из-под полы. Теперь в связи с прекращением пассажирского движения (мера сия была предпринята с целью сбить цены на ненормированные продукты питания в местах оптовых закупок этих продуктов советскими органами. — А. Р.) цены эти еще более возросли... Саботажницы, торгующие около рынка, также страшно подняли цены»¹⁴².

Авторский коллектив «Петроградской правды» явно не справлялся со своими профессиональными обязанностями. В противном случае трудно объяснить, как сообщение о мародерских операциях, под которыми понималась «торговля всяким домашним хламом» на Центральном рынке Петербургской стороны, могло содействовать выработке у горожан устойчивого неприятия частной торговли. С другой стороны, также и публикуемые в прессе официальные объявления городских органов власти не могли, кажется, не вызывать у читателя хотя бы недоумения. Так, «Северная коммуна» 24 октября 1918 г. извещала, что устанавливаются твердые расценки на отпускаемые из буфетов при коммунальных столовых блюда. Однако постоянность и неизменность цен, как явствовало из сообщения, не означала неизменности размеров порций.

То, что в сфере торговли и распределения в городе достаточно быстро стало происходить нечто странное, не согласующееся с декларируемыми целями и принципами, бросалось в глаза очень многим. Городские власти не публично, правда, но признавали обоснованность недоброжелательного отношения горожан к работающим в Смольном. Уже в марте 1918 г. подготовлен «Проект

реорганизации продовольственного дела при Смольном институте» (утвержден Малым Совнаркомом 27 марта 1918 г.), в котором подчеркивалось, что «во избежание нареканий со стороны жителей города Петрограда (между прочим, довольных основательных и справедливых), указывающих на то, что лица, находящиеся при Смольном институте, получают помимо нормировочных продуктов еще и добавочный обед и всякое иное довольствие, должна быть введена карточная система, а у заднего входа на кухню Смольного одолжен быть поставлен караул¹⁴³.

Пожалуй, не должен вызывать особого удивления интерес занятого неустанными поисками хлеба насущного человека к вопросу, насколько разделяли с ним тяготы жизни те, кто вел его к светлому будущему. Интерес был довольно велик, что и не позволило исчезнуть из повестки дня теме особого снабжения усиленно трудящихся в стенах Смольного. Потрясшие страну кронштадтские события зимы 1921 г. послужили поводом для того, чтобы в ЦК РКП(б) поинтересовались: разделяют ли муки голода с горожанами сотрудники Петербургского комитета партии. К сожалению, узнать, насколько скромнен был рацион т. Зиновьева и прочих, не представляется возможным: нет документов. Лишь по сохранившимся фотографиям можно утверждать, что стол у главы Коминтерна, скорее всего, скуден не был. В подготовленной для Москвы справке было указано лишь питание мелких служащих. Так, дежурные по Смольному получали за дежурство на двоих (напомним, что речь идет о жутком голоде зимы 1920/21 г.) по три фунта хлеба, ½ фунта сахара, 1 фунту масла, 1 фунту сыра, 1 ½ пачки папирос и т. д., сотрудники комендатуры довольствовались более скромным рационом, который, впрочем, уступал содержанию 4 личных «шофферов» т. Зиновьева — каждому в день по 1 фунту хлеба, 1,8 фунта сахара, 1/32 фунта чая, ¼ фунта масла, ¼ фунта сыра, полбанки консервов, полпачки папирос и т. д. Художники мастерской революционной живописи (8 человек) по личному указанию председателя Петросовета получали также значительно более сытный паек, чем горожане¹⁴⁴.

Распределители для узкого круга лиц создавались почти всеми ведомствами, управлениями, комиссариатами. Разница была лишь в том, что одним из них, в деятельности своей прямо со

сферой распределения не соприкасавшимся, приходилось довольствоваться немногим. Некоторым из них уже в 1918 г. пришло понимание того, что бороться с голодом «путем предъявления требований о повышении окладов» бесполезно. Ответы начальства, которые доводилось получать работающим на свои требования, нередко почти текстуально совпадали с теми, которые отправлял своим подчиненным комиссар Петроградского округа путей сообщения (ПОПС) т. А. Д. Нагловский¹⁴⁵: «Что касается продовольствия, то сами содействовать организации продовольствия не можем, это не входит в компетенцию административных органов, но даем право устроить закупочный орган, который отправится за продовольствием на места»¹⁴⁶. Иными словами: ищите выход сами. По словам «Трибуны государственных служащих», «хоть и не сразу, но голод все же заставил их (государственных служащих. — А. Р.) на общие средства делегировать ходоков в хлебные места»¹⁴⁷. Другим к таким крайним мерам прибегать не приходилось. Так, Хозяйственная комиссия Союза служащих Управления Особоуполномоченного по закупке хлеба, сахара и соли для армии в голодный январь 1919 г., когда жителям по несколько дней не отоваривались хлебные карточки¹⁴⁸, выдавала на каждого члена семьи (но не более чем на 5 человек) следующие продукты: 5 шт. сельдей (следовательно, максимум 25 шт.), курагу, урюк (крупный и мелкий), изюм, кофе («Универсаль» или «Виктория»), миндаль, сушеные вишни (всего вышеперечисленного по фунту на человека), а также по 2 банки сардин (в томате и в масле), чернослив (неограниченное количество), мешок соли и пр. Цены были более чем умеренные: чернослив по 40 коп., миндаль — по 90, урюк — по 60, кофе — по 75–85 коп. и т. д.¹⁴⁹

О существовании далеко не всех распределителей становилось известно широкому кругу жителей. Лишь в том случае, когда их деятельность становилась скандально известной (как, например, в случае с закрытыми чайными комиссара К. К. Стриевского), власти создавали какую-нибудь комиссию трех для расследования. До выводов дело, насколько можно судить по документам, почти никогда не доходило.

В ноябре 1918 г. некто С. Марков послал комиссару Компродсевоба А. И. Пучкову письмо, в котором, в частности,

указывал следующее: «Между тем как Советское правительство твердо идет по намеченному пути национализации производства и распределения и частные предприятия прежней формации вынуждены постепенно отмирать, а лица, стоящие во главе их, или ликвидировать свои дела и скрываться за пределами Советской Республики, или же переходить на службу Советского правительства, в то же время начинает вновь развиваться частная предпринимчивость и в еще более чем раньше, уродливых формах, причем, как это ни странно, зачастую не без участия тех или иных органов Советского правительства»¹⁵⁰.

Подмеченное автором данного письма явление получило столь быстрое и широкое распространение, что в 1919–1920 гг. городские власти в лице, например, возглавлявшей Отдел управления Петросовета Сары Равич (главного борца с рынками и частной торговлей в Петрограде) уже не пытались отрицать наличие прямой связи между преднамеренным развалом работы городских исполнительных органов и относительным процветанием как черного рынка, так и легальной частной торговли. В итоге пришли к тому, что сама борьба с частным торговым сектором стала считаться необходимой не столько ради построения социалистических начал в экономике, сколько ради достижения более близкой, как казалось, цели — уничтожения воровства совслужащих. Так, в августе 1919 г. Президиум Петросовета принял «ввиду тяжелого продовольственного положения г. Петрограда и сильно развившихся хищений и злоупотреблений предметами питания» обязательное постановление. Оно гласило, что все уличенные в подобного рода неблагоприятных поступках будут караться народным судом как за спекуляцию и приговариваться к срокам от 3 месяцев до 3 лет без замены штрафом. О том, что в качестве объекта этого постановления выступал именно совслужащий, говорила заключительная фраза: «Все приговоренные по такого рода преступлениям лишаются навсегда права занимать какие бы то ни было должности, требующие доверия, о чем и делается соответствующая пометка на всех их документах»¹⁵¹. Обращает на себя внимание явная мягкость наказаний чиновников за должностные преступления, обычному спекулянту, по крайней мере на страницах газет, нередко грозили расстрелом.

Следует признать, однако, что на этом фронте борьбы и в следующем году заметных успехов достигнуто не было. При анализе итогов борьбы со спекуляцией Петроградская ГубЧК отмечала: «...спекуляция товарами в 1920 г. уже почти совершенно изменила свою первоначальную форму против предыдущих годов существования Советской власти. Чистой спекуляции скрытыми от учета товарами за очень редкими исключениями почти не наблюдалось, зато в этом году пышным букетом расцвела спекуляция товарами при совершении должностными лицами различных преступлений путем взяточничества, фабрикации подложных ордеров и железнодорожного хищничества, выбрасывались на спекулятивный рынок целые вагоны продовольствия и предметов первой необходимости через филиалы продорганов, и разный производственный фабрикат, полуфабрикат и различное сырье». В ЧК считали, что причиной этого является то, что «у кормила власти над народным достоянием» стали бывшие купцы, маклеры, биржевики, рыночные торговцы и т. д. «Редкая администрация коммунальных столовых и лавок Петрогубкоммуны не привлекалась за хищение продуктов... В Нарвско-Петергофском райбюро Петрогубкоммуны почти все ответственные сотрудники во главе с правлением участвовали в организации путем подлога получения продуктов на более чем 10 000 мертвых душ».

За годы Гражданской войны в Петрограде сложилась весьма разветвленная сеть ревизионных органов различного уровня. Эти органы, надо отдать им должное, производили массу проверок, как по собственной инициативе, так и по жалобам, поступавшим от отдельных граждан и коллективов (газеты неоднократно призывали население активнее сообщать в соответствующие органы информацию о «недоразумениях»)¹⁵². Типичной, например, была жалоба кооператоров Рождественского района на местный комиссариат продовольствия. Начальник последнего (комиссар Чуев) обвинялся в постоянном нарушении такс на продукты питания. Так, рыбу кооператоры получали от него по ценам «значительно выше мародерских», причину чего сам комиссар объяснял тем, что раз райкомпрод терпит убытки, то их должны нести и кооперативы. Нередко комиссар просто отказывался выдавать продукты для распределения их через кооперативные лавки под

предлогом, что он сам лично покупал их и поэтому кому хочет, тому и будет давать. Когда же кооператоры отказывались получать гнилье под видом доброкачественных продуктов, то в ответ слышали: «Не хотите брать — ничего не получите»¹⁵³.

Однако, несмотря на кипучую деятельность как чрезвычайных, так и обычных «контрольно-ревизионных» комиссий, практические результаты были невелики. Руководители райкомпродов не очень смущались, когда их буквально хватали за руку. Складывается впечатление, что преобладала уверенность в том, что грозу пронесет. Частично это зафиксировала даже терминология документов. То, что в отношении действий обычных горожан именовалось просто и понятно преступлением, применительно к чиновнику чаще называлось упущением. В марте 1919 г. Чрезвычайная ревизионная комиссия по продовольственному делу, проверяя Адмиралтейский райкомпрод, установила, что при перевозке со складов Петрокомпрода на районные склады по каким-то причинам исчезает немалое количество продуктов. Заведующий отделом транспорта и снабжения Адмиралтейского райкомпрода Хомяков объяснил ревизорам ситуацию очень просто: «...голодный обыватель в лице извозчиков, мальчишек и т. д. положительно штурмует возы с продуктами, стремясь стащить что-нибудь... мешки из-под сыпучих продуктов в большинстве своем рваные» (устранение прорех в мешках заведующий, вероятно, не считал обязанностью своего отдела); «утечка соленой баранины объясняется тем, что бочки были неисправны и вытек рассол»¹⁵⁴. Подобным образом и после проверок усушивалось, утрушивалось и утекало за месяц по 40 пудов мяса, 20–40 пудов хлеба, соли и пр.¹⁵⁵

Деятельность контролеров была крайне затруднена важным обстоятельством — полным хаосом в отчетности¹⁵⁶. В райкомпродах, как правило, относились к ведению документации без особой любви: либо вовсе ее не вели, либо стремились уничтожить до появления контролеров или выкрасть во время ревизии. Но даже когда скрыть следы хищений не удавалось, виновные чаще всего не несли какого-нибудь наказания. В июле 1919 г. контролер С.П. Елисеев, обследуя Пороховский райкомпрод, констатировал, что члены коллегии последнего установили обычай

слишком широко пользоваться возможностью конфисковывать и реквизировать имущество граждан, в компрое широко привился nepoтизм, коллегией даются незаконные распоряжения о выдаче продуктов, бухгалтерская отчетность находится в полной хаотичности и бесформенности, контроль над подведомственными райкомпроду заведениями осуществлялся двумя родными братьями, «которые, по-видимому, ограничиваются участием в подписании актов, составляемых по просьбам заинтересованных лиц», а главное — коллегия райкомпрода просто проигнорировала выводы ревизии, произведенной еще в конце 1918 г.¹⁵⁷

Не менее злободневной была проблема выдачи районными органами продовольственных карточек. Производивший ревизию Василеостровской продовольственной управы контролер А.В. Поливанов констатировал, что весной 1918 г. в управе были украдены 2 книги с удостоверениями о сдаче продовольственных карточек, 1500 карточек для приезжающих и 2000 удостоверений для выдачи домовым комитетам. Расследование случившегося произведено не было, «равно как не было принято мер и к предотвращению возможности использования пропавших продовольственных карточек»¹⁵⁸. Ситуация с отчетностью по карточкам не изменилась и годы спустя. В январе 1920 г. к этому выводу приходил старший контролер Б.Б. Дорн, обследовавший Коломенский райкомпрод¹⁵⁹. Впрочем, карточная система сама по себе порождала огромное количество проблем, в разрешении которых городские власти оказывались беспомощными, что и вынуждало их обращаться к населению с просьбами о присылке своих проектов в статистический отдел Петрокомпрода. А в городе тем временем шла бойкая торговля карточками и талонами.

Не менее часто руководство райкомпродов использовало для личного обогащения подлог документов при проведении реквизиций. В такого рода делах им иногда помогали и контролеры¹⁶⁰.

Положение дел в райкомпродах Петрограда не могло не сказаться на работе подчиненных им заведений: хлебопекарен, лавок, магазинов, пунктов, складов и т. д. В конце 1919 г. контроль так называемой Чрезвычайной пятерки выявил, что на хлебозаводах количество выпекаемых буханок, как и их вес, указываются неправильно, в документах завышается количество

израсходованного масла, соли, занижается процент припека, а отчетность носит в целом характер теоретических выкладок¹⁶¹. Проверки магазинов и столовых постоянно выявляли наличие «неправильных весов и гирь», а также «специальных порционных черпаков» для отпуска подсолнечного масла и керосина. Чрезвычайная ревизия Пороховского района, обнаружив в январе 1919 г. «во всех почти лавках неточные весы и гири», в июле (т. е. спустя полгода) констатировала, что положение не изменилось¹⁶². Контролер А.А. Волков, обследовавший лавки Невского района, выявил отсутствие во всех лавках и магазинах оправдательных купонов на значительные количества продуктов. Только в одной лавке № 20 за январь 1919 г. неизвестно куда делись 15 пудов хлеба, 6 пудов соли, 1 пуд 22 фунта мяса, 4 пуда 17 фунтов муки и т. д.¹⁶³ В свою очередь заведующий столовой при «Скоророде» тов. Бирзуль спокойно признавал, что у него, бывает, получается до 300 лишних пайков в день, и он считает себя вправе расходовать их по собственному усмотрению¹⁶⁴. «Северная коммуна» 3 марта 1919 г., извещая читателей о результатах ревизии столовых, писала, в частности: «Весьма характерным является то обстоятельство, что комиссариатом продовольствия в течение трех месяцев выдавались продукты несуществующей столовой и попадали в руки ловких аферистов». К сожалению, в нашем распоряжении нет документов или свидетельств мемуаристов, которые отразили бы реакцию горожанина на подобные газетные публикации. Можно лишь предположить, что удивления они не вызывали.

Ситуация в райкомпродах беспокоила партийные инстанции. На заседании Петербургского комитета РКП(б) 24 декабря 1918 г. был даже заслушан специальный доклад. В результате была создана еще одна контрольная комиссия из представителей комитета партии, госконтроля, ЧК¹⁶⁵. Однако кроме протокольной констатации того очевидного факта, что дело обстоит из рук вон плохо, иных результатов, пожалуй, достигнуто не было¹⁶⁶.

Чем, собственно, объяснялась эта поразительная ситуация в продовольственных органах города? Можно принять в качестве одной из причин ту, что приводилась в циркулярной телеграмме Наркомпрода от 11 мая 1919 г.: «Грандиозность задач, поставленных революцией перед компродом, вызвала необходимость

спешно набирать сотрудников без внимательного отношения к вопросу о пригодности их для работы; такая поспешность сказалась самым отрицательным образом на качестве и скорости работы»¹⁶⁷. Телеграмма свидетельствовала о том, что главным источником бед продорганов является вопиющая некомпетентность многих работающих в них. Против этого возразить нечего. Однако следует отметить, что определенная часть сотрудников продорганов в Петрограде обладала немалой деловой сметкой, которая в совокупности с наличием тех нравственных качеств, которые способствуют быстрому устранению грани между «своим» и «чужим» в пользу первого, помогала им сохранять ситуацию хаоса в сфере распределения и торговли в городе. Этой ситуацией хаоса не преминули воспользоваться и те, кто попадал в категорию бесталанных. Как правило, именно последние и становились изредка «жертвами» правоохранительных органов, погорев, как, например, комиссар Тараев, на любви к компотам и миндалю¹⁶⁸.

Стоит отметить, что городским властям пришлось признать безуспешность предпринимаемых мер борьбы со служащими продорганов путем ревизий. Так, председатель правления Петрокоммуны А.Е. Бадаев считал в 1920 г. чуть ли не единственным выходом из этой ситуации создание специальных отрядов, которые стали бы наблюдать за торговлей в городе и в случае установления факта продажи продуктов, «приобретенных преступным образом из советских учреждений города», арестовывать лиц, их продающих, а продукты конфисковывать. Эти же отряды, по его мнению, должны были бы постоянно обыскивать всех выходящих из хлебозаводов, пекарен, мельниц, складов¹⁶⁹. Подсчетами необходимого количества людей для этого Бадаев себя не обременял.

Неэффективность контрольных проверок в собственно советских учреждениях была в свою очередь обусловлена как минимум следующими причинами. Первая выше уже упоминалась — катастрофическая нехватка квалифицированных кадров, вынуждавшая закрывать глаза на многие должностные прегрешения служащих; бессистемность контроля и запутанность нормативной базы; для контроля за огромным количеством муниципальных лавок, магазинов, столовых требовался колоссальный

ревизионный аппарат; и, наконец, отношение правоохранительных органов к совершившим должностные преступления. 25 ноября 1920 г. заместитель наркома РКИ В. Аванесов и управляющий Административной комиссией этого наркомата Э. Миллер разослали подведомственным органам циркулярную телеграмму. В ней, в частности, констатировалось: «Следствия по делам, возбуждаемым Правительственными учреждениями в различных судебных учреждениях, ведутся крайне медленно и настолько небрежно, что бывают случаи, когда, пробыв в следственном производстве свыше года, дела возвращаются судами к доследованию как неполные и незаконные... Кроме того, были случаи пропажи дел... [в результате] обвиняемые нередко скрываются от суда, а самые дела теряют остроту своего характера»¹⁷⁰.

В Петрограде было немало случаев, подтверждавших мнение Аванесова. Так, дело о виновных в крупных хищениях в райкомпроде Петроградской стороны тянулось с января 1919 г. по февраль 1920 г., когда и выяснилось, что обвиняемых в городе давно нет¹⁷¹. Дело, возбужденное против чинов Пороховского райкомпрода, пролежавшее в суде полтора года, было в итоге судом закрыто. Причина была простой — контролеры не смогли представить талонные книжки, которые обвиняемые заблаговременно сожгли¹⁷². Результатом судебного разбирательства стало лишь вынесение выговора за халатность. Впрочем, иногда контролерам РКИ все же удавалось доказать, что судебные инстанции не всегда беспристрастны. Помощнику контролера А.Я. Антипову удалось, в частности, найти ряд документов, изобличающих сотрудников народного суда Коломенского района.

В данном случае речь идет о нескольких официальных обращениях председателя народного суда А. Савельева в комиссариат продовольствия Коломенского района. Содержание этих документов заслуживает того, чтобы полностью привести текст хотя бы одного из них. Так, 8 ноября 1918 г. Савельев писал: «Прошу комиссариат продовольствия не отказать в выдаче составу и служащим канцелярии вверенного мне суда возможного количества продуктов, как-то: чаю, сахара, консервов, сушеных овощей, масла и т. д. Одновременно уведомляю, что во вверенном мне отделении (1-м отделении суда. — А. Р.) сосредоточены все дела

Центральной продовольственной управы, почему суд все время обременен работой, и надеюсь, что Комиссариат найдет возможным удовлетворить эту просьбу. Личный состав суда и служащих восемь человек»¹⁷³. Более чем прозрачный намек, содержащийся в тексте обращения, руководством райкомпрода был прекрасно понят. В итоге, как отмечал контролер в своем докладе, выдачи продовольствия 1-му и 2-му отделениям суда стали носить постоянный характер¹⁷⁴. Трудно сказать, сколько судебных-следственных работников Петрограда в рассматриваемое время было привлечено к ответственности за недобросовестное выполнение своего долга. Вероятно, единичными случаями дело не ограничивалось, поскольку Петроградскому совету народных судей в апреле 1919 г. пришлось специально рассматривать вопрос об «участившихся в местах заключения случаях избиения отправленных туда для содержания лиц, до ареста несших судебные-следственные обязанности»¹⁷⁵.

Удивление вызывает тот факт, что центральный продовольственный орган Северной столицы, руководство которого обладало должной информацией о состоянии дел в нижестоящих органах, явно не торопился принимать какие-либо эффективные меры. Несмотря на то что практика выдачи продовольствия по запискам родственникам и знакомым или просто за взятку пышно расцвела еще весной 1918 года¹⁷⁶, Петрокомпрод только 2 мая 1919 г. решил издать особый циркуляр, запрещающий подобный образ действий с 1 мая с. г. Формулировка, к которой в данном случае прибегли комиссар А.Е. Бадаев и члены коллегии С. Скалов и К. Гамильтон, представляет интерес: «Комиссариат продовольствия *предлагает* (курсив мой. — А. Р.) сделать строгое категорическое распоряжение, чтобы впредь из продовольственных складов и лавок продукты отпускались исключительно по ордерам и карточкам и отнюдь не по запискам, носящим частный характер... В случае обнаружения частных записок, заведующие лавками или складами будут привлекаться к строгой ответственности, как за растрату товаров с возмещением стоимости таковых»¹⁷⁷.

Следует отметить, что смысловая нагрузка процитированного выше документа заключалась для обширного штата районных

начальников даже не в подчеркнутом нами слове «предлагает», а во фразе о форме ответственности. Дело в том, что хозяева лавок, магазинов, пунктов и столовых не столько покрывали нужды более или менее широкого круга близких им людей, сколько в гораздо больших количествах сбывали товары на рынок (и легальный, и черный), наживаясь за счет разницы между складской отпускной ценой и «мародерской рыночной». Поэтому возмещение стоимости украденных товаров было для них сущей безделицей. Тем более, когда даже не упоминалось о такой форме наказания, как отстранение от должности — формула «растратил-заплатил-растратил...» должна была вполне устраивать чиновников компродов. Стоит заметить, что, опасаясь реквизиций (большое количество продуктов трудно было бы утаить от глаз голодных и любопытных горожан), сотрудники райкомпродов хранили украденное на тех же государственных складах. Например, Николай Федорович Виллевалд, член коллегии компрода Петроградской стороны, только на одном складе заботливо хранил собственные 136 пудов гречи и 58 пудов перловки¹⁷⁸.

Вместе с тем чиновники продорганов умели довольно успешно скрывать свои операции не только благодаря фактическому отказу от ведения отчетности, но и благодаря протаскиванию на службу своих родственников. Хлебный отдел Петрокомпрода долгое время «контролировали» трое братьев Михельсон: заведующий отделом Андрей Фердинандович, главный бухгалтер Федор Фердинандович и счетовод Константин Фердинандович¹⁷⁹.

В целом нельзя не согласиться с мнением одного из контролеров: «...трудное и ответственное дело [распределения] было вверено лицам, по своим личным качествам для этого дела не на надлежащее место поставленным, т. е. не обладавшим ни достаточными знаниями, ни достаточным опытом и нравственной устойчивостью»¹⁸⁰.

Далеко не всегда, однако, райкомпродовским служащим приходилось прибегать к открытым хищениям, к подчисткам документов или краже последних. Существовали и вполне легальные способы получения «излишков». Сама процедура распределения хлеба по карточкам, например, допускала скидку на провес, усушку и крошку. Цифры иногда были довольно впечатляющими.

В одном Коломенском райкомпроде, распределявшем хлеб примерно на 60 000 человек, в сентябре 1918 г. под эту статью списывалось 4500 пудов хлеба в месяц; в октябре эта цифра возросла уже почти до 12 000 пудов, в ноябре она достигла 19 000 пудов. В декабре 1918 и январе 1919 г. «усушка и крошка» оценивались одинаково — в 16 000 пудов хлеба в месяц¹⁸¹. Таким образом, на каждом получавшем в районе хлеб «утрушивалось и усыхало» в среднем около 5 кг хлеба в месяц (иными словами, почти месячная норма выдачи хлеба работающему).

Не менее эффективным способом повышения собственного благосостояния было заключение договоров на поставку продуктов и материалов не только «с отступлением от действующих в установленном порядке твердых цен, но даже тех определенных цен, на началах комиссионно-процентного вознаграждения со стоимости израсходованных сумм и с отпуском подрядчикам нередко весьма крупных ссуд», по большей части ничем не гарантированных¹⁸².

Происходящее в продорганах не мог видеть только не желающий видеть. Некто Д. Копылов, направивший весной 1919 г. в Смольный обстоятельный опус под названием «Вокруг чрева Петрограда» (с ним, видимо, ознакомился сам Зиновьев, если судить по сохранившейся сопроводительной надписи: «Прочитайте, т. Зиновьев, и верните»), с полным основанием мог утверждать: «...одним контролем дело не улучшить, надо пересмотреть весь аппарат Петрокоммуны»¹⁸³. Пересмотреть было можно, другой вопрос — кем заменить?

О плодах целеустремленности и зависти

Риск — неизменная составная часть жизни торговца — в дни совершения очередного государственного переворота — Октябрьского — возрос значительно. Как бы ни развивались события в дальнейшем, было ясно, что по крайней мере в ближайшем будущем стабильность общественного порядка останется скорее в сфере желаемого, чем возможного. Такой чуткий барометр, как торговля, отреагировал моментально. Соккрытие товаров, перекачка их на черный рынок или попытки их вывоза из города приобрели нежелательные для новых властей масштабы. Во многом этому способствовала та ситуация беззакония, при которой город оказался захлестнутым лавиной разбоев, грабежей и убийств. Но нельзя сбрасывать со счетов и простую настороженность торговцев в отношении возможных экономических и иных мероприятий большевиков. Декрет о национализации банков, как известно, датирован 14 декабря 1917 г., однако, слухами о подготовке этого документа город был полон чуть ли не с начала ноября. На фоне крайне острого кризиса с наличными деньгами уже одно хождение подобных слухов ставило под вопрос само существование системы кредита¹⁸⁴. К прежней причине — получению дополнительной прибыли — добавилась, как минимум еще одна — необходимость постоянного наличия на руках крупных денежных сумм.

Вместе с тем каких-либо общегосударственных мер, которые свидетельствовали бы о наличии у новых властей намерений покончить с частной торговлей, не проводилось. У Г.Я. Неймана¹⁸⁵ были все основания отметить: «Первый год существования пролетарской диктатуры характеризуется по линии обмена сохранением

рыночных отношений с преобладанием частной торговли, существовавшей по ненормированным товарам легально, и потребительской кооперации»¹⁸⁶.

Наиболее отчетливо мысль о необходимости ликвидации частного торгового аппарата прозвучала в конце весны 1918 г. Тогда, 26 мая, открылся I Всероссийский съезд Советов народного хозяйства. В принятых съездом резолюциях было записано: «В области обмена и распределения необходима централизация и сосредоточение всего торгового аппарата в руках государственных органов и в кооперативных организациях с проведением постепенной ликвидации частно-торгового аппарата». Отмечая, что «хотя частно-торговые аппараты разрушены или парализованы», и выражая сожаление по поводу того, что остатки этих аппаратов «заняты широко развитой спекуляцией», которая стала возможна благодаря недостаточной борьбе с ней всех советских органов, авторы резолюции не исключали привлечения частной торговли к работе «преимущественно на началах комиссионных»¹⁸⁷.

В Петрограде в этот период продолжали работать многочисленные рестораны, кухмистерские, трактиры, кафе и магазины. После того как властям во второй половине февраля 1918 г. удалось сбить волну массовых грабежей, частная торговля развила довольно бойкую деятельность. Быстрее всего вошла в более или менее нормальное русло работа рынков. В целом к апрелю в городе функционировало свыше 3000 ресторанов, чайных и тому подобных заведений и свыше 5000 только продовольственных магазинов и лавок. Даже осенью 1918 г. только в 1-м городском районе было зарегистрировано 4257 частных торговых предприятий (152 часовых и ювелирных, 390 кафе и ресторанов, 478 молочных и гастрономических, шляпами и платьями торговали 155, корсетами и т. п. — 213, имелось 148 парикмахерских и 87 книжных).

Много это было или мало? Какова была численность населения Петрограда в 1918–1919 гг.? Если судить по количеству выдаваемых основных продовольственных карточек, то летом 1918 г. в Петрограде проживало около 1,77 млн. человек (весной — в апреле-мае — жителей было тысяч на 100 больше). Следует, однако, учитывать, что в эту категорию не попадали те, кто причислялся к составу Красной армии, флота, водного и железнодорожного

транспорта (за их обеспечение собственно городские органы не отвечали). В конце 1918 г. таковых насчитывалось ни много ни мало 921 тыс. человек¹⁸⁸. Численность этой части населения изменялась постоянно. Что касается периода 1919–1920 гг., то по количеству выданных карточек судить о численности населения еще более затруднительно, поскольку отчетность о выданных и не востребованных карточках, судя по всему, носила умозрительный характер, а выдача т. н. дополнительных карточек оставляет впечатление хаоса. Именно по этой причине Бюро по производству продовольственной переписи Петрограда (проводилась 1–2 июня 1919 г.) могло назвать только ориентировочную цифру — 1,48 млн. жителей. В упомянутом выше 1-м городском районе к лету 1919 г. проживало около 300 тыс. человек (из них более 80 тыс. — дети до 14 лет)¹⁸⁹, однако сколько к тому времени в районе осталось кафе, ресторанов и т. п. заведений — сведения отсутствуют¹⁹⁰.

С апреля же в Петрограде стал выходить журнал «Торговля и промышленность». В опубликованном в первом номере журнала обращении к читателям указывалось: «Процессу разрушения частной торговли противопоставляется объединение ее. Идет создание секционных объединений деятелей мелкой и средней торговли... Отныне необходимо представлять собою идейную и организационно единую, сплоченную силу... Нужно собрание воедино всех сил и выступление сомкнутым строем, для того чтобы вести совершенно определенную политику, выражать и защищать свои интересы»¹⁹¹. Трудно предположить, что подобный призыв мог найти положительный отклик в сердцах городских властей.

Попытки сплотиться особых успехов представителям частной торговли не приносили. Членами Петроградского комитета торговли были около 3500 хозяев отдельных торговых заведений, разделенных на 67 групп. Из них 1173 человека — торговцы пищевыми продуктами (менее четверти всех владельцев подобного рода заведений). В это время, когда было «нужно накапливать силы», владельцам магазинов пришлось вести борьбу на два фронта. Прежде всего с властями и пока в основном по вопросу налогообложения. Но на этом участке борьбы им довольно быстро пришлось прийти к неутешительному выводу о том, что

«сговориться с советской властью об облегчении налогового бремени и даже о рассрочке платежей невозможно»¹⁹². Второй враг оказался неожиданным и коварным — обслуживающий персонал торговых предприятий. На состоявшемся 17 февраля 1918 г. в зале Петровского коммерческого училища чрезвычайном собрании торговцев, посвященном вопросу контроля служащих в торговых предприятиях, говорили даже о «случаях просто анархического и самочинного захвата торговых предприятий» приказчиками. Последние понимали под «рабочим контролем передачу им торговых предприятий в собственность»¹⁹³. По всей видимости, приказчикам действительно сопутствовал успех, ибо в конце 1918 г. «Северная Коммуна» была вынуждена признавать: «В настоящее время существует еще целый ряд больших торговых фирм, работающих под контролем служащих. Некоторые из них, пользуясь свободой денежных операций и накоплением денег на текущих счетах, развернули миллионные обороты»¹⁹⁴.

В лояльность частных торговцев власти верить отказывались. Когда в начале мая 1918 г. в городе возникли продовольственные беспорядки, то подстрекателями обвинили именно их, как добивающихся свободной торговли¹⁹⁵. В этом с властями были согласны и кооператоры. «Петроградский кооператор», сообщая читателям о настроениях на состоявшемся 19 мая Советании Северного областного совета кооперативных союзов, писал: «Исподволь, с величайшей осторожностью выступают на сцену ушедшие было в подполье торговцы. Они пробуют свою силу. Момент очень благоприятен, так как голодного легче обольстить обещанием куска хлеба, чем убедить разумным словом»¹⁹⁶.

Автор одной из работ, опубликованных в 1920-е гг., писал, что именно Петроград стал тем городом, где зародилось движение за ликвидацию частной торговли. По всей видимости, это было действительно так. С чем нельзя согласиться, так это с утверждением, что это движение возникло лишь летом 1919 г.¹⁹⁷. В действительности же с весны 1918 г. резко усиливается негативное отношение к частной торговле со стороны городских властей. Одновременно накапливалось недовольство и в отношении кооперативов, которые «не только не безвреднее частных торговцев, но и вреднее последних, так как спекуляции лиц, именующих

себя кооператорами, производятся ими даже не на собственные, а на общественные деньги... Под наименованием кооператива производят самым беззастенчивым образом торговлю со всеми признаками мародерства»¹⁹⁸. Даже частные торговые заведения не удостаивались таких эпитетов, которые на страницах прессы давались кооператорам: «поганые грибы», «обдираловки».

Именно с весны 1918 г. все чаще на страницах официальных изданий начинают появляться призывы к муниципализации и национализации всей частной торговой сети, вместо которой должна была возникнуть строго централизованная и не столь разветвленная (чем меньше объектов контроля, тем лучше) сеть госпредприятий. «Если обратим внимание в Петрограде на улицы и дома, мы увидим массу лавок и лавчонок, массу вывесок. К чему все это? Не лучше ли вместо десяти лавчонок-ловушек оборудовать один большой магазин? Ясно, что при такой концентрации торговли получится большая экономия в служебном персонале, транспорте, отоплении и освещении и самый внешний вид домов, обезображенный многочисленными и безобразнейшими вывесками, будет более приличный, а за счет железа, употребленного на эти вывески, можно будет покрыть железом тысячи крестьянских изб»¹⁹⁹. Смелость признать, что на подобного рода проекты приходится идти исключительно в силу необходимости и ничего более, позволяли себе только авторы кооперативных изданий²⁰⁰.

Особенно активно магазины оказывались объектом национализации поздней осенью 1918 г. В определенной мере этому способствовал и опубликованный 24 ноября 1918 г. декрет СНК об организации снабжения²⁰¹. Трудно сказать, рассчитывали ли проводившие эту операцию органы городской власти на получение чисто материальных выгод. Как правило, акт о ликвидации той или иной торговой фирмы, магазина сопровождался лапидарной фразой: «Товара в магазине не оказалось»²⁰². С другой стороны, если составить перечень товаров, которые в течение года должны были быть конфискованы, национализированы и нормированы, то трудно припомнить, какой из товаров мог оказаться пропущенным и что вообще могло находиться на складах и полках магазинов.

Сколько всего было муниципализировано и национализировано или просто закрыто частных предприятий торговли, сказать затруднительно. Публиковавшиеся, далеко не ежедневно, адресные списки заведений, подлежащие указанным выше «преобразованиям», обычно включали не более десятка-другого, редко больше магазинов и лавок. Иначе и быть не могло. Для каждого конкретного случая составлялась специальная комиссия из представителей различных учреждений. Людей для подобного рода работы просто не хватало. Поэтому даже для попавших в эти списки заведений сроки их опечатывания, составления описей нередко переносились, а порой и совсем не составлялись. Не стоит поэтому удивляться, что летом 1920 г., по мнению городских властей, в городе было около 30 000 частных торговых заведений.

Под удар в 1918 г. попали не только магазины и лавки. 16 октября «прекратили свое существование все рестораны, столовые частных предпринимателей, закусочные и т. п. учреждения»²⁰³. Летом же этого года городские и районные власти обрушили лавину постановлений на уличных торговцев. Если еще в мае 1918 г. было опубликовано специальное постановление, детально регламентирующее уличную торговлю²⁰⁴, то несколько позднее стали выходить постановления о предстоящем запрете уличной торговли в одном за другим районах города. У нарушивших запрет торговцев товары подлежали конфискации, а после проведения этой процедуры они должны были обливаться керосином. С какой целью необходимо было фактически уничтожать товары в условиях товарного голода, не объяснялось. Впрочем, документы не сохранили ни одного факта непродуктивного расходования столь дефицитного товара, как керосин. Кроме того, на допустивших у своих домов торговлю дворников и домоуполномоченных должны были налагаться штрафы (суммы при этом не указывались). Чтобы пресечь саму возможность «стачки» ресторанов, кофейных и чайных (которым в начале августа 1918 г. было предписано получать продукты только от Продовольственной управы) с частными торговцами, власти запретили им приобретение нормированных продуктов у частных лиц. Нарушение запрета влекло наложение «по установлению ЧК» штрафа на администрацию

или хозяев заведения в размере 100 тыс. руб. или тюремное заключение до 3 лет, или общественные работы на тот же срок²⁰⁵.

Понимание того, что совокупность нововведений отнюдь не порождает у большинства горожан радостного воодушевления, приводило к тому, что время от времени со стороны властей раздавались призывы, аналогичные тому, который за подписью заместителя комиссара финансов СКСО И. Пашкевича был распространен в сентябре 1918 г.: «Вступая в бой с капитализмом, Рабоче-Крестьянское Правительство в интересах трудящихся масс считает нужным во всех случаях ограничивать аппетит буржуазии, и трудовое население должно мириться с происходящими отсюда некоторыми временными стеснениями и неудобствами. Мало того, для успешности этой борьбы сами трудящиеся должны идти навстречу соответствующим начинаниям Правительства».

Перечисленные выше запреты привели к тому, что летом 1918 г. главными «толкучками» города стали вокзалы, к которым буквально стекалось все городское население, чтобы приобрести продовольствие у прибывающих из губернии мешочников. Городские власти остались глухи к вполне справедливым утверждениям, появившимся в еще незакрытых петроградских изданиях. Профессор И. Кулишер²⁰⁶, например, писал на страницах «Торговли и промышленности» в мае 1918 г.: «Мешочничество, если так можно выразиться, есть ведь только суррогат торговли, более того — фальсификация профессиональной торговой деятельности, оно есть порождение борьбы с законной, правильной торговлей». Мешочникам не приходилось долго искать покупателей. У горожан быстро выработалось хорошее чутье на те места в городе, где можно было раздобыть съестное. Это качество было немедленно замечено и послужило поводом для появления многочисленных образчиков черного юмора вроде следующего объявления: «В кооперативе „Продакуп“ появился ломоть белого хлеба — Население в панике — Порядок не восстанавливается»²⁰⁷. Осенью 1918 г., в связи с приближающейся первой годовщиной Октябрьского переворота власти разрешили в течение 3 дней — 25, 26 и 27 октября — свободный провоз в город продуктов (4 пуда с собой и 3 пуда в багаже). За пару недель до этих

благостных дней Петроградское областное управление военного почтово-телеграфного и пограничного контроля при перлюстрации переписки пришло к выводу, что спекулянты намерены воспользоваться праздничными днями. К направленному комиссару продовольствия Воскову сообщению было приложено письмо некоего Валаховича брату в Могилевскую губернию. Автор письма советовал: «...вот если хочешь заработать, то и привези муки и хлеба, и еще чего-нибудь, я бы сам поехал, да меня не выпускают отсюда, потому что мне нужно скоро идти в солдаты»²⁰⁸.

Однако, несмотря на подчас даже жестокое обращение с уличными торговцами (дело доходило до избиений), борьба с ними при помощи совершаемых время от времени облав имела тот же результат, что и борьба с гнусом в тайге с помощью мухобойки. Нельзя не согласиться с Ф. Бродецем, что уличная торговля является системой, в высшей степени способной к адаптации; что любой затор в распределении, любое нарастание подпольных форм деятельности только способствует ее процветанию. Ибо торговля вразнос — это всегда способ обойти установленный порядок святой святых рынка, надуть существующие власти²⁰⁹.

Нельзя даже говорить о том, что борьба с уличной торговлей велась с переменным успехом. Во время проведения 28 августа 1919 г. облавы «на тунеядцев и мелких спекулянтов Центрального рынка Петербургской стороны» (сюда, как утверждалось в прессе, они перенесли свои операции с закрытого незадолго до этого Сытного рынка) было задержано 400 человек, из которых 200 дополнили ряды обитателей рабочего лагеря — Чесменки. Через день-другой количество продавцов восстановилось. Таких рынков, базарчиков, стихийных толкучек в городе функционировало около сотни, время от времени они перемещались с одного места на другое. Мобильность уличных торговцев резко контрастировала с организаторскими талантами городских властей. Всем им противостояла созданная 5 июня 1918 г. служба Торгового надзора (при Отделении сборов Финансового отдела Петроградской городской управы), в которой по штату было 17 человек: 6 торговых наблюдателей и 7 их помощников, целых двое запасных наблюдателей, конторщик и заведующий²¹⁰. Держать под своим «надзором» всю сферу торговли они, что понятно, не могли.

Торговцы умудрялись со сказочной быстротой заполнять любую щель, доставать любой дефицитный товар и восполнять убытки. «Уличные мародеры мобилизовали все свои силы и сплоченной массой двинулись на потребителей табачных изделий, с первого же момента запросивших пардону», — писал «Вестник Совета 1-го городского района», когда в Петрограде зимой 1919 г. возникли сложности с табаком²¹¹.

У уличного торговца и на рынке можно было купить практически все: от карточек на обед в столовой и талонов на галоши²¹² до икры и свежей сметанки. «Петроградская правда» была вынуждена признавать, что весь торг в городе перешел на рынки. Цены, как и подобает в ситуации голода и хаоса, были огромны. Однако, как писала, например, газета «Наш век»: «...при появлении какого-либо мешочника толпы напуганных призраками голода людей жадно набрасывались на него, хватая все из рук, не спрашивая цены»²¹³. Стоит отметить, что официальные издания фактически признавали, что и советским служащим приходится пополнять свои продовольственные и промтоварные ресурсы именно на рынке с его вольными ценами. Более того, эти же издания допускали весьма прозрачные намеки: «...позыв на воблу, селедку, картофель, не говоря о масле, мясе и крупе, грозит разом разрушить весь бюджет и толкнуть человека на изыскание иных путей к утолению естественного голода. Эти же пути, да минуют они нас, отвлекут усердного и честного работника от прямых его обязанностей»²¹⁴. Действительно, отвлекали, но об этих иных путях совслужащих речь пойдет ниже.

Муниципализация частных торговых фирм, изживание уличной торговли, попытки поставить под жесткий контроль рынки и базары способствовали концентрации населения вокруг котлов общественных столовых и в хвостах к дверям продуктовых лавок²¹⁵. Казалось, минет всего несколько месяцев или даже недель, и тлетворный дух частного торговца навсегда будет унесен из города свежим невским ветерком. Этого, однако, не произошло. Определенно, некоторую роль в этом сыграл тот факт, что в начале 1919 г. как-то внезапно выяснилось, что обеспечить желаемое количество горожан дешевыми обедами в столовых «по техническим причинам» невозможно. Достижение главной цели, которая

ставилась при переходе к общественному питанию — всемерная экономия средств, было отложено, поскольку экономить практически было не на чем. В силу этого возникла необходимость оставить горожанам возможность доставать продовольствие в иных местах. Кампания по ликвидации частной торговой сети несколько затихла. Более того, горожанам разрешили пользоваться услугами почтамта — можно было получить или послать по одному адресу две посылки общим весом до 40 фунтов (в данном случае речь идет о так называемом «продовольственном трехнеделье» февраля-марта 1919 г.).

Городским властям пришлось убедиться в том, что они не в силах держать под жестким контролем уличную торговлю. Для этого требовалось привлечение огромного числа людей, тогда как даже для обычных облав приходилось заниматься поисками «сознательных» рабочих и выдавать им за это дополнительный паек. Не могли власти не учитывать и настроений горожан. Даже официозная газета «Северная коммуна» иногда была вынуждена с некоторой обеспокоенностью отмечать, например, перебои в деятельности рынков. Частная торговля находила поддержку и у некоторых советских органов, хотя бы на районном уровне. Однако уличная и рыночная торговля являлась для многих деятелей Петросовета и его исполнительных органов своего рода занозой, от которой во что бы то ни стало следовало избавиться. Само это желание, вероятно, было результатом преувеличения негативного воздействия на умы горожан контраста между системой государственного снабжения и частной торговлей и недопонимания прагматизма жителей. Последние к 1919 г. уже свыклись с тем, что власти не способны обеспечить их всем необходимым в силу объективных экономико-политических причин. Для них рынки, толкучки были лишь частью системы снабжения, составными элементами которой были также не только муниципальные магазины, столовые, талоны и ордера, но и набор хитроумных уловок, объединенных понятием «пайколовство».

11 июля 1919 г. состоялось совещание представителей экономических отделов районных совдепов и Петрокомпрода по вопросу о разрешении частной торговли. Заведующий подотделом торговой регистрации Лилеев заявил на нем: «...наблюдается

наплыв ходатайств об открытии частных торговых предприятий, торгующих разного рода съестными припасами и искусственными водами». Перед присутствующими был поставлен вопрос: «Возможно ли в дальнейшем допускать открытие новых торговых предприятий разного рода?» Сама постановка именно такого вопроса свидетельствует об определенном изменении отношения к частной торговле в городе к тому времени — торговцы ведь считали вполне возможным обращаться за разрешениями.

Представители экономических отделов единогласно заявили, что ни районные компроды, ни комендатуры не принимают мер против свободной продажи на рынках нормированных продуктов и «даже удерживают экономические отделы от каких-либо в отношении рыночных торговцев запретов». Представитель Петрокомпрода потребовал полной ликвидации частной торговли. В итоге совещание пришло к компромиссному решению, согласно которому зеленью и минеральными водами торговать пока было можно, но разрешения на открытие новых торговых заведений выдаваться не будут. В очередной раз было решено поставить крест на уличной торговле²¹⁶.

Совещание бесследно не прошло. В августе 1919 г. Отдел управления Исполкома Петросовета принял постановление, которым с 20 сентября торговля разрешалась только на 9 городских рынках (к тому моменту их действовало свыше 40). Купля-продажа на улицах, площадях и во дворах запрещалась. Провинившимся грозило 6 месяцев принудительных работ и конфискация товаров²¹⁷. Власти постарались провести некоторую пропагандистскую подготовку. В газеты потекли анонимные письма негодующих читателей. Например, некто «Х» писал в «Петроградскую правду»: «Вниманию начальника милиции города. В последние дни по всему городу открыты всевозможные лавки, кофейные и чайные, преимущественно спекулянтами и буржуа, которые торгуют чем угодно, даже „живыми душами“, до поздней ночи. Город фактически превращен в большой рынок, где черные элементы среди белого дня грабят граждан»²¹⁸.

Вышеупомянутое постановление Отдела управления было воспринято тем не менее с большим неудовольствием даже отдельными советскими органами. Одним из первых официально

отреагировавших на него стал Отдел коммунального хозяйства Смольнинского района, нашедший поддержку у Исполкома Смольнинского совдепа. Отдел потребовал внести в списки действующих еще несколько рынков: «Горушечный» (бывшие Мельникова, Иванова и Захарова), располагавшийся на Большой Охте, и Суворовский. Мотивировочная часть документа заслуживает того, чтобы привести ее: «Принимая во внимание, что указанные рынки изъяты из частного владения и находятся под непосредственным контролем и надзором, во всех отношениях, Отдела Коммунального Хозяйства, к тому же находясь в тесной связи с другими коммунальными предприятиями Отдела, своим денежным отчислением дают возможность покрывать дефицит некоторых из мастерских и таким образом содержать в них рабочих, а также имеют неоспоримо большое значение в смысле представления удобств прилегающему к ним населению пользоваться продуктами потребления из ближайших рынков, причем первый из них питает продуктами громадный район населения Большой и Малой Охты, Исаковки и пригорода, прекращение работы которого принудило бы население данного района, к тому же не имеющего трамвайного движения, пользоваться отдаленными рынками, хотя бы Сенным, что, безусловно, вызовет справедливое недовольство, нарекания обывателей, в особенности с наступлением осени, постоянно несущей с собой распутицу»²¹⁹.

Заметим, что авторы приведенного документа не коснулись двух моментов, которые, как правило, служили основой для негодования властей — цены на продукты и продажа краденого. Смольнинский исполком был не единственным обратившимся с подобного рода просьбой. Финансовый отдел Совета Выборгского района просил того же, но был более краток в объяснении причин — интересы фиска и недовольство населения²²⁰.

Не отставали с просьбами и Жилищный отдел комиссариата городского хозяйства, Совет коммунального хозяйства города, Петергофский райсовет и др.²²¹ На площадь Урицкого, 6, поступали и заявления со стороны торговцев Ширяевского, Везенбергского, Лесного, Советского и других рынков. Стоит привести часть письма торговцев упомянутого последним рынка: «Рынок этот... давал городу ежемесячный доход в 15 000 рублей,

а владельцам ларей этого рынка, принадлежащим без исключения к классу пролетариев, давал возможность поддерживать существование своих семейств. Закрытие означенного рынка поставило бы владельцев ларей его в безвыходное положение при страшной настоящей дороговизне предметов первой необходимости, в то время, когда супруги, дети и братья многих из них проливают кровь в рядах Красной армии, многие из этих владельцев, торгуя со времени открытия рынка (15 лет тому назад. — А. Р.), оказываются неподготовленными к другому труду, а потому закрытие рынка равносильно для них лишению их средств к существованию, а прибегать им к социальной помощи по меньшей мере считают для себя неудобным»²²².

В итоге оказанного на Отдел управления Исполкома Петросовета давления в ноябре к девяти разрешенным рынкам добавилось как минимум еще одиннадцать. Пресса об этом предпочитала не упоминать. Фактически такой поворот дела был пусть и частичным, но очередным поражением для руководителя Отдела С.Н. Равич.

Отметим, что очередная постановка вопроса о борьбе с частной торговлей совпала с очередным резким ухудшением в середине лета 1919 г. продовольственного положения. В начале июля Председатель Петрокоммуны довел до сведения жителей, что хлебный паек будет сокращен, отменяются всякие премиальные и иные выдачи хлеба всем учреждениям и заводам²²³. С 1 июля было введено коммунальное питание через столовые для всего населения. Затем последовали сообщения, что выдаваемый, например, на 2 дня хлеб следует считать выданным на 4 дня, что ряд купонов трудового пайка просто аннулируется и т. д.²²⁴ Всеобщего ликования, разумеется, данные решения властей не вызывали. Обещанного же в скором времени незначительного увеличения хлебного пайка до $\frac{3}{4}$ фунта горожанам пришлось ждать до конца ноября 1919 г. (до этого его размер колебался для 1 и 2 категорий от $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$ фунта).

Фоном для всего этого служило настоящее изобилие рынков. Купить действительно можно было все, в том числе и нормированные продукты и товары. У властей были все основания подозревать, что значительная часть продаваемого попадает на

рынки с государственных складов и из магазинов. Ликвидация большей части рынков и полное свертывание уличной торговли должны были сократить возможности легального сбыта ворованного. Соппротивление, оказанное частью аппарата городского управления, оказалось в этот момент все же достаточно сильным, как, впрочем, и недовольство населения. Нередко приводимые в прессе цены на рыночные продукты и товары не должны вводить в заблуждение, поскольку следует учитывать то обстоятельство, что чаще всего на рынках совершалась даже не продажа, а натуральный обмен. У горожан было еще что принести для обмена не только из домашнего обихода, но и с тех заводов, фабрик и учреждений, где они работали. В город буквально стекались жители не только Петроградской губернии, но также из Новгородской и Псковской губерний, оказавшихся на крайне скудном промтоварном пайке. За приносимые и привозимые ими продукты питания можно было поторговаться. И, как уже ранее упоминалось, сетования на дороговизну тем не менее не вызывали у горожан резко отрицательного отношения к торгующим, поскольку они сами в большинстве своем стали таковыми.

Летне-осенняя попытка наступления 1919 г. на частную торговлю не была, однако, последней. Следующий — 1920 год — начался с национализации молочных распределительных пунктов. Спустя две недели Президиум Исполкома Петросовета поручил Отделу управления совместно с Отделом коммунального хозяйства и налоговым отделом, а также ЧК «начать правильную работу по закрытию всех рынков». Решено было начать с Клинского рынка: все ларьки следовало пустить на дрова, а на освободившейся площади устроить детскую площадку.

Однако уже только это одно вызвало, очевидно, довольно сильное недовольство, ибо спустя месяц «Петроградская правда» писала: «То и дело приходится слышать такие слова: „Окончательно хотят заморить голодом, негде будет купить фунта картошки, негде будет достать фунта мыла и т. д. и т. п.“ К сожалению, точно такие же слова пишущему эти строки приходилось слышать от людей, именующих себя коммунистами. Неужели эти товарищи до сих пор не могут понять, какой вред приносят рынки?.. В переживаемый трудный момент ни один фунт какого

бы то ни было продукта не должен пройти мимо наших продовольственных органов, все должно идти на улучшение нашего коммунального котла, а не для изысканных блюд отдельным группам. Этого мы можем достигнуть только уничтожением этих гнезд бесшабашной спекуляции»²²⁵. Тем не менее «правильная работа» по уничтожению названных гнезд все же затягивалась. На Клинском рынке еще и в начале марта продолжала вестись торговля. Правда, за это время успели закрыть частные мебельные магазины, а покидающим пределы Советской России горожанам предписать продажу своего добра только Петрокоммуне. В очередной раз судьба частной торговли и рынков решалась на заседаниях Большого Президиума Петросовета 30 апреля и 2 мая 1920 г. Детальная проработка операции была поручена Бадаеву, Равич и Трилиссеру. 7 мая Президиум вернулся к этому вопросу. Присутствующие считали, что в городе существует около 30 000 различных частных заведений (в том числе 8000 из них получили разрешения за последний год-полтора). Было решено, что 20 мая все эти заведения будут закрыты. На следующий день в это решение было внесено небольшое дополнение — все закрытые магазины «в кратчайший срок разгрузить»²²⁶.

Начальник Отдела управления С.Н. Равич подготовила соответствующий приказ: «1. Управлению Петроградской Рабоче-Крестьянской Советской Милиции 25 сего мая опечатать все частные магазины, рынки, мастерские отдельных кустарей, мелких промышленников, кустарно-кооперативных объединений, как производящих непосредственно торговлю своими изделиями, так и не производящих... не подлежат опечатыванию временно магазины цветочные и оптические... 3. Воспретить 25 мая в течение всего дня перевозку частных товаров из магазинов, рынков и мастерских»²²⁷.

По своим масштабам задуманная операция была колоссальной. С проведением ее у городских властей что-то не заладилось с самого начала. 4 июня С.Н. Равич пришлось выступить с объяснениями на заседании Большого Президиума. Ей дали недельный срок для завершения. Секретарь Исполкома Петросовета Д.А. Трилиссер разослал соответствующие телеграммы в районные комиссии по частной торговле²²⁸. Весь июнь, судя по всему,

подготовительные работы продолжались и, вероятно, не остались незамеченными со стороны предполагаемых объектов репрессалий. По крайней мере, собрание торговцев Кузнечного рынка решило пожертвовать в фонд «недели помощи Западному фронту» полмиллиона рублей. Когда все же приступили к закрытию рынков, остается неясным, так как 22 июля 1920 г. Большой Президиум вынес решение на обращение торговцев о возвращении им инвентаря и открытии вновь рынков: «Рынки должны быть закрыты»²²⁹, но, по официальным сообщениям, сама операция началась лишь через неделю после этого решения.

Дальнейшее развитие событий было логически объяснимым. 29 июля новый председатель Петрокоммуны А.С. Куклин заявил, что считает продовольственное положение города неустойчивым. Имеющихся продуктов хватит только до 2 августа, и поэтому хлебный паек будет сокращен, как и нормы отпуска обедов в коммунальных столовых²³⁰.

На следующий день Отдел управления приступил к закрытию всех магазинов, ларьков и частных мастерских. По словам С. Равич, для этого задействовали 17 000 человек (10 000 коммунистов, 3000 красноармейцев; кто были остальные 4000 — неясно). Задержанных торговцев отправляли в «распределительные карательные пункты».

Сама операция проводилась несколько дней. 2 августа Отдел управления провел специальное заседание «по разрешению вопроса о приемке запечатанного в магазинах товара и передаче его в учреждающиеся в настоящее время государственные магазины»²³¹. А уже 3 августа Исполком Петросовета принял постановление: «Восстановить нормы продовольственного пайка, существовавшие до 1 июля с. г.» Тем самым давалось понять, что власти достигли своих целей. В конце августа Равич на заседании Петросовета заявила: «Частная торговля более не существует. Тем не менее и в настоящее время наблюдается уличная торговля кучками. Борьба с этими последними попытками поручена исполкомам районных советов».

Выступивший после нее представитель Петрокоммуны с гордостью сообщил о том, что «разгружено 5730 (sic!) магазинов», при этом (вероятно, к немалому изумлению присутствовавших)

добавил: «...в закрытых лавках и на рынках обнаружено такое ничтожное количество продуктов, что смотреть на эти лавки и рынки как на серьезную подмогу продовольственного кризиса ни в коем случае нельзя»²³². Тем самым столь крупномасштабная операция и вовсе лишалась какого-либо смысла. Даже более простое дело, чем ликвидация «спекуляции и частной торговли» — проведение описи содержимого закрытых торговых заведений — затянулось как минимум до конца октября. Представить себе, что у каждого из нескольких тысяч закрытых заведений приставили круглосуточную охрану, невозможно. Борьба же с «последними попытками» оказалась еще более трудной. Большой Президиум 4 декабря 1920 г. в очередной раз предложил Отделу управления «периодически производить облавы и энергично бороться со спекуляцией»²³³. Наличие диссонанса между «периодичностью» и «энергичностью» в Большом Президиуме определенно не улавливали.

Настойчивое стремление городских властей ликвидировать рынки и уличную торговлю вызывалось не только необходимостью воспрепятствовать широко распространенным хищениям на фабриках и заводах, из государственных распределительных пунктов и складов, на железной дороге. Определенно, это стремление обуславливалось и желанием устранить тот слишком неприятный для властей контраст между становящимися все более скудными муниципальными обедами и пайками — с одной стороны, и довольно бойкой торговлей на рынках и улицах — с другой. Содержание корзинки разносчика или лотка рыночного торговца пусть частично, но вступало в противоречие с постоянными сетованиями городских властей на сложности с общей экономической ситуацией и волей-неволей ставило под вопрос их расторопность в деле снабжения городского населения.

Следует, однако, заметить, что петроградским властям не хватило понимания того, насколько выгодно сохранение этого контраста при наличии крайне тяжелых экономических условий в стране и при разрухе на транспорте. Этот контраст делал существующую власть до некоторой степени необходимой, позволяя ей самой об этом говорить, и горожанин не возражал против необходимости ограничения свободы торговли, контроля над ней. Полное же устранение рынков и уличной торговли уничтожило

тот компромисс, который был достигнут между жителями и городскими властями. Глухой ропот недовольства в течение двух лет не перерастал в открытые политические акции именно потому, что горожанин сознавал ограниченность возможностей властей и принимал как должное предоставление ему возможностей в деле собственного жизнеобеспечения. Однако теперь эти возможности у него отбирались; тем самым городская власть обязывалась в понимании горожанина нести ответственность за его выживание в полном объеме. На словах городская исполнительная власть вроде бы была готова к этому, но ближайшие месяцы показали, что фантазиям дают разгуляться даже тогда, когда неприкосновенные запасы терпения уже исчерпаны. Июльская акция 1920 г. могла бы напомнить историю с одним литературным героем, отвинчивавшим гайки на железной дороге, если бы не походила более на месть за собственное бессилие, а месть редко заставляет думать заранее о последствиях.

Примечания

- ¹ Статистика прямых налогов. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. СПб., 1915. Табл. 1а.
- ² Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1915 г. Пг., 1917. Ч. 1. С. 11, 88.
- ³ *Rantatupa H. Elintarvikehuolto ja-säännöstely Suomessa vuosina 1914–1921. Jyväskylä, 1979. S. 41*
- ⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 11. Д. 673. Л. 1, 4.
- ⁵ В Петрограде действовало несколько организаций Красного Креста. Уже в это время у городских властей имелись вопросы в отношении деятельности складов, принадлежащих Датскому Красному Кресту, позже — в 1919 г. — это привело к их закрытию и многочисленным арестам сотрудников.
- ⁶ Бюллетень Петроградской Центральной Продовольственной Управы. № 14. 26.09.1917; № 21. 23.10.1917.
- ⁷ Банковая и торговая газета. 1917. 13 июля. № 28. С. 491.
- ⁸ Там же. 1917. 1 июня. № 22. С. 391.
- ⁹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март-октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. 4.2. С. 214.
- ¹⁰ Там же. С. 251.
- ¹¹ *Михайлов И.Д.* Современное состояние железнодорожного транспорта и результаты водной навигации за восемь месяцев 1917 г. II Известия по продовольственному делу. 1917. № 3. (Сентябрь-октябрь). С. 21.

- ¹² Экономическое положение России... С. 360.
- ¹³ Продовольствие и снабжение. 1917. 1 сентября. С. 22.
- ¹⁴ См., напр.: *Омельченко А.* Задачи кооперативов в борьбе с дороговизной // Петроградский кооператор. 1917. 18 февраля. № 4. Д. Чаянов в своей статье «Продовольственный кризис» писал в мае 1917 г.: «Только организованный общественный разум может взять на себя задачу распределения продовольственных продуктов среди населения». По его мнению, старая государственная власть, осознавая необходимость этого, наращивала свое вмешательство в товарооборот хлебов и, прогнав тем самым с рынка торговца, оказалась бессильна создать что-либо взамен. Разрушив торговый аппарат, она оставила вместо него пустое место (Там же. 1917. № 9–10. С. 10).
- ¹⁵ *Звенигородский Н.* О хлебной монополии // Петроградский кооператор. 1917. № 7–8. С. 14.
- ¹⁶ Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 1917. № 2. Февраль. С. 50.
- ¹⁷ Именно в то время, кстати, градоначальник генерал-майор Александр Павлович Балк был временно назначен Уполномоченным Председателя Особого совещания по продовольственному делу по г. Петрограду.
- ¹⁸ После проведенных 7 апреля 1917 г. выборов в Центральный продовольственный комитет эта комиссия прекратила свое существование.
- ¹⁹ Известия Петроградской городской думы. 1917. Март-апрель. С. 171–175.
- ²⁰ Положение об организации продовольственных органов г. Петрограда было принято 4 апреля 1917 г. Общегосударственным продовольственным комитетом, созданным правительством Г.Е. Львова 9 марта. Этим положением предусматривалось создание Центрального продовольственного комитета, который осуществлял бы свои полномочия «при помощи районных, подрайонных продовольственных комитетов, квартальных и домовых продовольственных комиссаров». В его состав входили помимо представителей районов и подрайонов, городской думы, торговли (по 1 человеку от каждой

из 4 бирж), городского комитета Всероссийского союза городов, Всероссийского земского союза, Бюро совместных закупок городских попечительств, Центрального военно-промышленного комитета, также представители Совета рабочих и солдатских депутатов (20 человек), кооперативов (10 человек), Всероссийского крестьянского союза (2 человека), Центрального бюро профессиональных союзов (3 человека), Союза рабочих по обработке мучных изделий (2 человека) и торговых приказчиков (2 человека). Понятно, что в данном органе оказался представленным весьма широкий спектр мнений (Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (май). С. 111–112).

- ²¹ Владимир Владимирович Громан (псевдоним Горн, 1874–1940) — статистик, депутат I государственной думы.
- ²² Бюллетень Петроградской центральной продовольственной управы. 1917. № 9. С. 4.
- ²³ «Да, управа не так снабжает продуктами, как это бы хотелось торговому капиталу и спекулянтам. Управа строго выполняет распоряжения Временного правительства, которое стало на решительный путь борьбы со спекуляцией... Торговый капитал хочет вернуть себе былое значение. Хочет вернуть полную свободу торговли, возможность по-своему распоряжаться товарами, вздуть какие угодно цены... Не свободную торговлю поощрять нужно, а поставить все продовольственное дело под надзор и распоряжение государства» // Бюллетень Петроградской центральной продовольственной управы. 1917. № 10–11. С. 1–2.
- ²⁴ Продовольствие и снабжение. 1917. № 6 (1 октября).
- ²⁵ Волокитил А.С. Торговля хлебом и другими продуктами питания в Петрограде накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Сборник научных трудов Ленинградского института советской торговли. Л., 1960. Вып. 16. С. 29.
- ²⁶ Продовольствие и снабжение. 1917. № 6 (1 октября). С. 27.
- ²⁷ Бюллетень Петроградской центральной продовольственной управы. 1917. № 1. С. 2.
- ²⁸ Там же. С. 3–5.
- ²⁹ Хотя и эти таксированные цены росли весьма быстро: за сентябрь–октябрь 1917 г., например, они подскочили с 62 до

88 %; более всего подорожал ситный хлеб — с 17 до 32 коп. за фунт. Менее всего вздорожала пшеничная мука — с 6 руб. 40 коп. за пуд до 9 руб. 42 коп.

- ³⁰ Бюллетень Петроградской центральной продовольственной управы. 1917. № 6. С. 4.
- ³¹ Наше слово. 1917. № 1. С. 11.
- ³² Бюллетень Петроградской центральной продовольственной управы. 1917. № 9. С. 5.
- ³³ Там же. 1917. № 17. С. 2.
- ³⁴ На заседании Рабочей секции Петроградского Совета 4 декабря 1917 г. В.И. Ленин прямо сказал: «Сейчас не должно думать об улучшении вот в этот момент своего положения, а думать о том, чтобы стать классом господствующим... Конкретного плана по организации экономической жизни нет и быть не может. Его никто не может дать. А сделать это может масса снизу, путем опыта» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 145–146).
- ³⁵ Вечерний звон. 1917. 30. XII.
- ³⁶ Декреты Советской власти о Петрограде. 25 окт. (7 нояб.) 1917 г. 29 дек. 1918 г. Л., 1986. С. 17.
- ³⁷ Сигов И.С. О хлебе насущном // Народ. 1917. 28.X.
- ³⁸ Декреты Советской власти о Петрограде. С. 18.
- ³⁹ Стоит, впрочем, заметить, что «Правда» попыталась 12 ноября поднять настроение жителей известием о том, что в Петроград прибывают 1200 вагонов муки(!). Вероятно, благоразумия ради, газета забыла упомянуть, в течение сколь длительного срока эти вагоны будут прибывать. Публикации на продовольственную тему в официальной печати вообще нередко отличались двусмысленностью. Так, «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства» писала 8 декабря 1917 г.: «Положение с растительными маслами крепкое, но замечается отсутствие товара».
- ⁴⁰ Правда, она была еще не настолько плоха, как спустя полгода, когда появилось печально-ироничное объявление: «Хочу есть ежедневно. Время безразлично. Приду на дом».
- ⁴¹ Именно солдат уже в начале ноября стал выступать в глазах обывателя в качестве главного спекулянта и мародера. Газета «Питер» («главный орган российского обывателя») была

вынуждена констатировать: «Базарные торговцы, арендующие у города за бешеные цены на площадях столицы места под торговлю, хотят уже прикрывать лавочки из-за невозможности конкурировать с „товарищами“ в серых щипцелях, торгующих „беспошлинно“» (Питер. № 3. 15.XII.1917). Тот же «Питер» так передавал «дискуссию», возникшую между участниками разгрома магазина некоего Черепенникова на Знаменской улице:

— Ты, товарищ, не очень толкайся!

— А что?

— Да то, что я, может, сам красногвардеец и выпить хочу!

— А я, рази, мешаю?

— То-то, что мешаешь. Становись в очередь. Это тебе не монархия, чтобы беспорядок делать. (Питер. № 1. 13.XII.1917).

⁴² Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 28. XI.

⁴³ День. 1917. 19. XI. Действительно, более или менее крупные находки утаенного продовольствия случались очень редко, при этом определение количества найденного делалось, как правило, на глазок, чаще всего в сторону завышения.

⁴⁴ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы: В 3-х т. М., 1967. Т. 3. С. 118. Заметим, что даже с «кормлением» упомянутого крестьянского съезда ВРК, судя по всему, справиться не удалось, ибо 22 ноября Урицкий был вынужден направить М.К. Владимирову в Особое по продовольствию присутствие следующее письмо: «ВРК просит принять на себя заботу о продовольствии Съезда крестьянских депутатов» (Там же. С. 266).

⁴⁵ Имеется в виду германская делегация в смешанной австро-германо-российской комиссии по урегулированию вопроса об обмене гражданских пленных, военнопленных и инвалидов во главе с графом В. Мирбах-Харффом, находившаяся в Петрограде с 28 декабря 1917 по 14 февраля 1918 г.

⁴⁶ Вице-адмирал Кейзерлингк был не столько вовлечен в переговоры о военнопленных, сколько в переговоры с российским Морским генеральным штабом по вопросу об «установлении перемирия в водах Белого и Северного Ледовитого океана», о границах установленной германской стороной т. н. «запретной

зоны» в Северном Ледовитом океане. — Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 610. Л. 11-11 об., 12, 16 об., 27-29.

- ⁴⁷ Die militärpolitische Berichte des Freiherr von Keyserlingk aus Petersburg // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1967. Н. 1. S. 98–99.

Дожившее до мая 1918 г. «Петроградское эхо» не без сарказма описывало «желанных гостей в старом кафе «с вычурным французским названием» на углу Невского и Литейного проспектов: «Это люди самого „товарищеского вида“, они по большей части одеты в серые шинели и в матросские куртки». *Томский О.* Провинциальный Петроград // Петроградское эхо. 1918. № 69. 27 мая 1918 г.

- ⁴⁸ Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 2. С. 124.

- ⁴⁹ Районные советы Петрограда в 1917 г. Л., 1964. Т. I. С. 63, 156; Л., 1966. Т. X. С. 171.

- ⁵⁰ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. С. 229. Автор письма предлагал, кстати, властям свои услуги: «Буду сообщать (совершенно бескорыстно) о настроении публики, прислушиваясь на местах, делая это для общей пользы».

- ⁵¹ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 2. С. 155.

- ⁵² Там же. С. 136.

- ⁵³ Там же. С. 194.

- ⁵⁴ Народ. 1917. 20 ноября. Практика реквизиций, получившая небывалый размах уже в первые дни после октябрьских событий, создавала благоприятную почву для любителей легкой наживы. На заседании ВРК 29 ноября было, например, заслушано сообщение о том, что члены Военно-революционного крестьянского союза поговаривали между собой о проекте «обложения азартных клубов в пользу Союза»: причем как средство воздействия рассматривалась угроза «реквизиции тех клубов, которые отказываются добровольно дать известную сумму» (Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. С. 455).

- ⁵⁵ Документы Великой пролетарской революции. Т. I. М.: ОГИЗ, 1938. С. 317.

⁵⁶ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. С. 57.

⁵⁷ Там же. Т. 2. С. 168.

⁵⁸ Один из членов этого союза, поэт-официант С. Ганшин, сочинил своего рода гимн трактирных служащих, в котором, в частности, были следующие строки:

«Нас много, нас знает и ценит народ,
Не наши ли песни отчизне поет,
Не наши ли песни бичуют и жгут,
Людскую неправду и к свету зовут.
Нас много, нас много, нас целая рать,
Мы вышли из мрака, цепями звеня,
Мы вестники правды, мы пламя огня,
Мы счастье на землю пришли возвещать...»
(Наше слово. 1917. № 1).

⁵⁹ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. С. 18.

⁶⁰ Там же. С. 111.

⁶¹ Районные Советы Петрограда в 1917 г. Т. 3. С. 239.

⁶² Он был создан после подавления т. н. корниловского мятежа, но ни разу, вплоть до октябрьских событий, не был созван Особым совещанием по продовольствию. В его состав входили представители рабочих организаций.

⁶³ Бюллетень Центральной управы Петроградского продовольственного совета. 1918. № 30 (3). (23.01.1918). С. 1.

⁶⁴ Бюллетень Центральной управы Петроградского продовольственного совета. 1918. № 6 (33) (7.03.1918). С. 3.

⁶⁵ Так, выступая 28 мая 1918 г. на конференции 1-го городского района, Зиновьев говорил: «Вчера принято решение поставить продовольственное распределение на классовую ногу. Мы каемся, может быть, надо было сделать это раньше... Если в Финляндии буржуазия перевела рабочих на солому, мы здесь, в Петрограде, буржуазию переведем на солому... Я заявляю, что нам многим классам придется урезать паек хлеба не потому, что мы из особенно ненавидим, не в этом дело, а просто потому, что наше продовольственное положение отчаянное» // Вестник Совета 1-го городского района. 1918. № 9–10. (8 июня 1918 г.).

⁶⁶ Там же. № 7 (34) (20.03.1918). С. 7.

Управа Продовольственного совета устанавливала таксы на ненормированные продукты, однако, места, где их можно

было приобрести, оставались подавляющему большинству горожан неизвестными. Им оставалось, например, в конце мая 1918 г. только радоваться, что где-то можно было купить белых куропаток на 3 руб. 35 коп. за фунт, сыр голландский по 7 руб. 90 коп. за фунт, тетерок за 3 руб. 50 коп. за фунт, рябчиков за 3 руб. 85 коп. за фунт, зайцев за 36 коп. за фунт, а также балык 1-й категории, кету, треску, нельму максуна, поросят и пр. // Там же. № 14 (41) (26.5.1918). С. 5.

- ⁶⁷ Ленинградский областной государственный архив (в г. Выборге, далее — ЛОГАВ). Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
- ⁶⁸ Там же. Д. 2. Л. 7.
- ⁶⁹ Там же. Д. 8. Л. 19.
- ⁷⁰ Там же. Л. 32–32 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 48.
- ⁷² Там же. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- ⁷³ Там же. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.
- ⁷⁴ Там же. Л. 78.
- ⁷⁵ Там же. Д. 6. Л. 48–50.
- ⁷⁶ Там же. Д. 47. Л. 31–38.
- ⁷⁷ Там же. Д. 18. Л. 363.
- ⁷⁸ Главрыба — Главное управление по рыболовству и рыбной промышленности в России при Наркомате продовольствия РСФСР.
- ⁷⁹ Главный комитет по жировой промышленности при ВСНХ.
- ⁸⁰ Табачный комитет — Главный табачный комитет (Главтабак) при ВСНХ (1918–1919 гг.), Главное управление государственной табачной промышленности (Главтабак) ВСНХ РСФСР (1919–1921 гг.).
- ⁸¹ Спичечный комитет — Главный спичечный комитет (Главспичка) ВСНХ РСФСР. В 1919–1921 гг. в Петрограде функционировало Северное районное управление спичечной промышленности (Рауспичка) Главного управления спичечной промышленности ВСНХ.
- ⁸² Только в декабре 1918 г. одного монпансье Комиссариат снабжения и распределения СКСО передал Пскову 1900 пудов, Петрогубпродкому — 1650 пудов, Петрозаводску — 2725 пудов, Новгороду — 3100 пудов. ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 59. Л. 157–160.

- ⁸³ Инструкция войсковым частям, призываемым к охране границы. Б. м., 1920.
- ⁸⁴ Следует учитывать, что подчиненность Гутуевской таможни Наркомфину РСФСР позволяла управлению таможни не спешить с выполнением решений других органов власти. Так, осенью-зимой 1918 г., несмотря на то что Комиссариат снабжения и распределения СКСО получил в октябре все необходимые согласования для получения Петрогубкомпродом 209 пудов кофе и провел в начале ноября оплату этой партии, управление таможни и в середине декабря не выполнило поставки. Можно только предположить, что подобная неторопливость обуславливалась недовольством управления таможни тем, что упомянутый комиссариат иногда позволял себе осуществлять реквизиции на таможенных складах. // ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 18. Л. 4; Д. 14. Л. 11.
- ⁸⁵ ЛОГАВ. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ⁸⁶ Там же. Л. 3.
- ⁸⁷ Там же. Д. 77. Л. 72 об.-73.
- ⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 189. Л. 5.
- ⁸⁹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 11. Д. 754. Л. 311, 312, 408.
- ⁹⁰ ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 127. Л. 3, 6.
- ⁹¹ *Рунасов* № А.И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 212–213.
- ⁹² РГИА. Ф. 138. Оп. 7. Д. 317. Л. 7; Д. 245. Л. 3, 7, 22; Ф. 23. Оп. 11. Д. 745.
- ⁹³ ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
- ⁹⁴ См., например, телеграммы М. Фрумкина от 18 и 28 октября 1918 г.
- ⁹⁵ Там же. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 35. Л. 47, 51; Д. 38. Л. 208); Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 126. Л. 7 об., 8.
- ⁹⁶ Там же. Д. 52. Л. 2.
- ⁹⁷ Там же. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.
- ⁹⁸ Там же, Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
- ⁹⁹ *Потяев А.И.* Финансовая политика советской власти. Пг., 1919. С. 31.
- ¹⁰⁰ *Вишневский Н.М.* Принципы и методы организованного распределения продовольствия и предметов первой необходимости. М., 1920. С. 156.

¹⁰¹ ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об.

¹⁰² Там же. Д. 11. Л. 42.

¹⁰³ Там же. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 29. Л. 14.; Д. 11. Л. 42.

¹⁰⁴ Там же. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 38а. Л. 21.

¹⁰⁵ В связи с этим представляет интерес подготовленная в Компродсевобе в октябре 1918 г. «Докладная записка по подотделу тканей Отдела снабжения». В записке, пропитанной явной досадой от того факта, что распределение тканей в Северной области не является прерогативой комиссариата, предлагалось вообще отказаться от распределения тканей среди населения, поскольку не учитывается то, как способно население расходовать получаемый товар. «Само собой разумеется, что изготовлять из него (т. е. материала. — А. Р.) одежду население не может. Материал в конце концов поступает в руки частных торговых мастерских, которые спекулируют, с одной стороны, на заработной плате, а с другой, на полученном товаре. Готовая одежда обходится, таким образом, населению очень дорого, а ткани становятся предметом усиленной спекуляции». По этой причине, считали в подотделе, необходима организация снабжения населения готовой одеждой, изготовляемой «экономическим путем в национализированных крупных портновских предприятиях... Правильная раскройка, а также экономический фасон костюмов, пальто, белья и пр. дает в результате сотни тысяч аршин прикроя, который при раздаче тканей населению расходится совершенно непроизводительно». // ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 96. Л. 66.

¹⁰⁶ Северная коммуна. 1918. 2 октября, (прибавление к № 119).

¹⁰⁷ ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 67. Л. 53 об.

¹⁰⁸ Там же. Д. 149. Л. 57.

¹⁰⁹ Там же. Д. 67. Л. 52.

¹¹⁰ Там же. Д. 148. Л. 15.

¹¹¹ Там же. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 28. Л. 77.

¹¹² Хотя еще 23 января 1919 г. принят декрет СНК, предусматривавший осуществление взаиморасчетов «бухгалтерским способом без участия денежных знаков», об этом и в последующем 1920 г. приходилось постоянно напоминать, в том числе и через прессу, руководству петроградского Горфинотдела р

азличным организациям. В своей телефонограмме в Народный банк (январь 1919 г.) А.И. Пучков утверждал: «Задержка в деньгах убийственно тормозит работу и поощряет развитие спекуляции, так как зачастую частные лица расплачиваются непосредственно и тем самым успешно борются с нашими начинаниями» (ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 5. Л. 182).

¹¹³ Там же. Д. 103. Л. 2–3.

¹¹⁴ Там же. Д. 67. Л. 40.

¹¹⁵ Там же. Д. 59. Л. 88.

¹¹⁶ Там же. Л. 92.

Стоит отметить, что на городских складах, во многом благодаря плохой организации как хранения, так и распределения приходило в негодность огромное количество продуктов питания. Распространявшееся по окрестностям зловоние было настолько сильным, что приходилось принимать «экстренные меры к немедленному вывозу из продовольственных складов и лавок всех негодных к употреблению и распространяющих зловоние продуктов». // Петроградский бюллетень Агентства Северной областной коммуны. 19.07.1918. 17 час. 50 мин. Л. 10.

¹¹⁷ Там же. Д. 152. Л. 1–8; Д. 155. Л. 1–2.

¹¹⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 105. Л. 2–3.

¹¹⁹ ЛОГАВ. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

¹²⁰ Северная коммуна. 1919. 28 апреля.

¹²¹ ЛОГАВ. Ф. Р-3384. Оп. 1. Д. 188. Л. 1, 4, 7, 10, 16, 18, 24, 27, 36, 51, 59.

¹²² Там же. Д. 184. Л. 38.

¹²³ Там же. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 67. Л. 7.

¹²⁴ Там же. Д. 52. Л. 25, 25 об. (след. стр.).

¹²⁵ Яков Никитич Таргулов в 1919 г. опубликовал в Петрограде интересную монографию «Финансовая наука (краткий курс). Лекции, читанные на финансовых курсах Комиссариата Финансов Союза Коммун Северной Области в октябре-декабре 1918 года».

¹²⁶ Смета доходов и расходов по г. Петрограду на июль–декабрь 1919 г. Доклад Петроградского городского финансового отдела по сметам отделов Исполнительного комитета Совета рабочих

и красноармейских депутатов и по сметам Окружных управлений Народных Комиссариатов на июль–декабрь 1919 г. Пг., 1919. С. 6–7.

¹²⁷ Отметим, что сфера компетенции подотделов косвенных налогов отличалась некоторым своеобразием. Петроград после Октябрьской революции оказался своего рода монополистом в обладании запасами игральные карты, реализацией которых для «профессиональных союзов, общественных собраний, кооперативов и других торговых заведений» занимались казначейства и другие правительственные учреждения. Разрешения на выпуск и покупку игральные карты как раз и выдавало ведавшее косвенными налогами учреждение при Губфинотделе (циркуляр Главного управления неокладных сборов Наркомата финансов РСФСР от 31 мая 1919 г. № 2974) (ЛОГАВ. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 67. Л. 70, 70 об).

¹²⁸ Первый финансовый съезд Северной области. Краткий отчет. Пг., 1919. С. 14.

Соратник Крестинского по партии М.М. Литвинов явно был иного представления о роли денег в экономической жизни страны и, как деловой человек, который до революции в России имел в Лондоне достаточно крупный бизнес и не понаслышке знал о том, какое значение имеет в бизнесе взаимное доверие партнеров, захав в 1919 г. в Петроград, не замедлил вернуть Александру Гермеру 6000 рублей за закупленные тем в начале 1917 г. в Лондоне для российского военно-морского ведомства и частично недопоставленные электротехнические материалы.

¹²⁹ Еженедельник комиссариата финансов и Совета Народного Хозяйства Северной Области. № 3 (27.10.1918) С. 8, 11, 12.

¹³⁰ ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

¹³¹ Кооперативный отдел СНХ пошел на одну уступку — срок проведения перевыборов правлений был продлен для потребительских обществ до 5 февраля, а для союзных объединений — до 1 марта 1919 г. // Бюллетень Исполнительного бюро «Петроградской кооперации». 1918. № 2. С. 17–20.

В глазах властей СКСО и Петрограда кооперация являлась относительно независимым элементом, оказывающим серьезное влияние на настроения населения и, как следствие,

на внутривластную ситуацию. В середине декабря 1918 г. Кооперативным отделом СНХ была подготовлена справка, из которой следовало, что на территории СКСО функционировало свыше 9000 потребительских кооперативов, около 1000 кредитных кооперативов, 300 молочных артелей и множество иных товариществ, которые образовывали примерно 200 мелких и крупных кооперативных съездов и объединений, аккумулирующих средства населения на сумму в 1 млрд руб. Насколько власти опасались кооперации свидетельствует следующий факт. 4 июня 1919 г. Президиум СНХ Северного района постановил отложить созыв кооперативного съезда «до более спокойного времени» и указал Кооперативному отделу СНХСР, что тот самостоятельным органом не является и не имеет права давать разрешение на созыв съезда. ЛОГАВ. Ф. Р.-3386. Оп. 1. Д. 37. Л. 196; Р-3384. Д. 185. Л. 32 об.

Деятели кооперации, в свою очередь, опасались буквального проведения в жизнь декрета от 10 апреля 1918 г. «О потребительских кооперативных организациях», так как это могло бы привести к тому, что «кооперативы очутились бы в руках малосознательной массы потребителей, чуждых духу кооперации». Именно по этой причине в постановлении Совета Кооперативных съездов Северной области и областной конференции рабочей кооперации признавался допустимым полный отказ гражданского кооператива от работы в 6 окраинных районах Петрограда с преобладающим рабочим населением: в Лесном, Охтинском, Невском, Пороховском, Петергофском и Полюстровском. Впоследствии в этот перечень попали Новодеревенский, Нарвский и Александрово-Невский. // Бюллетень Исполнительного бюро «Петроградской кооперации». 1918. № 3–4. С. 3.

¹³² Петроградская правда. 1920. 15 июня.

¹³³ ЦГА СПб. Ф. 2145. Оп. 1. Д. 134. Л. 36–38.

¹³⁴ Там же. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 317. Л. 34.

¹³⁵ Петроградское эхо. 1918. 26 января.

¹³⁶ Петроградская жизнь. 1918. 22 сентября.

¹³⁷ С середины марта 1918 г. по 1 января 1919 г., согласно статистике Петроградской ЧК, было расстреляно за спекуляцию

81 человек. К сожалению, сколько человек было арестовано за спекуляцию в этот период, сказать трудно, так как они были включены в отчете в одну графу с теми, кто обвинялся в хищениях, измене, взяточничестве и пр. (таковых было 19275 человек). Статистика за 1919 г. носит довольно странный характер. Так в мае были арестованы за спекуляцию 13 человек, в июле — 6, однако осенью этого года произошел резкий скачок количества арестованных за этот вид преступления — в октябре 170 человек (из них расстреляны 35), в ноябре 248 (из них расстреляны 6). А в 1920 г. за спекуляцию были арестованы 2260 человек.

¹³⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 159. Л. 3.

¹³⁹ Следует признать, что негативное отношение к кооперативам у городских властей возникло не на пустом месте. Деятельность, например, такого кооператива, как созданный бывшим генералом Аносовым «Заготовитель» (данном случае оставим в стороне вопрос о «контрреволюционной сущности» данного общества, контактах его членов со штабом Юденича) служит ярким свидетельством наличия коррупционных схем, охватывавших целый ряд органов городской и центральной власти. Так, для заключения контракта с Комгорхозом на поставку в Петроград 6000 кубов дров член кооператива Мечислав Бениславский был вынужден согласиться на посредничество ряда лиц, в том числе Николая Корвин-Круковского, заместителя заведующего Жилищным отделом Совкомхоза. Оплата услуг посредников составляла около четверти стоимости товара. Поскольку свободными средствами кооператив не располагал, Бениславскому пришлось обратиться к неким Файнбергу и Эпштейну, которые взяли на себя труды по «устройству ссуды в Народном банке». Размер ссуды составил 850 000 рублей, из которых Файнбергу и Эпштейну за хлопоты пришлось отдать 120 000 рублей. Бениславский получил в 1919 г. через Народный банк по подложным счетам свыше 3,5 млн рублей. Его знакомая Елена Зоргенфрей в том же 1919 г. вела переговоры о переводе в Финляндию 2 млн руб., полученных ею из рабочего кооператива (комиссионные за перевод составляли 20 %). Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и

Ленинградской области. Д. 9964. Т. 1. Л. 7, 7об, 121.

¹⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3441. Л. 18 об.

¹⁴¹ В 1918–1919 гг. на Петроградской стороне, Васильевском острове, в Стрельне горожанину было легче приобрести привезенные из Финляндии сливочное масло, мясо, дичь, папиросы, спирт и многое другое, чем получить те же товары в городских лавках и столовых.

¹⁴² Петроградская правда. 1919. 9 апреля.

¹⁴³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 112. Л. 19, 19 об. В июле 1918 г., явно разгневанный положением дел в советских органах, член Василеостровского Совета С. Лебедев писал, обращаясь к своим коллегам: «Прошу принять мое обращение к вам, как к коммунистам, в том, что, как ни посмотришь, в какое-нибудь производство или организацию, или учреждение, везде идет либо саботаж, либо хищение народного имущества или неправильное распределение, начиная с продуктов и кончая дровами и жилищным вопросом, везде идет спекуляция, саботаж и укрывательство» (Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 24. Л. 206).

¹⁴⁴ Центральный государственный архив историко-партийных документов (далее — ЦГАИПД). Ф. 16. Оп. 1. Д. 414. Л. 2–3.

¹⁴⁵ Александр Дмитриевич Нагловский (1885–1942) — сын генерала Д.С. Нагловского, большевик, после Гражданской войны работал в наркомате внешней торговли, был торгпредом в Италии, позже работал в Берлине, в 1929 г. стал невозвращенцем.

¹⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 2145. Оп. 1. Д. 171. Л. 124 об. (август 1918 г.).

¹⁴⁷ Трибуна государственных служащих. Журнал служащих всех ведомств. (Пг.). 1918. № 32. Стб. 3.

¹⁴⁸ Тогда вместо хлеба населению выдавался овес в зерне. «Вестник Совета I городского района» с печальной иронией описывал ситуацию: «С момента выдачи петроградскому населению вместо хлеба овса некоторые дома превратились в какие-то подозрительные, день и ночь шуршащие вертепы. Визжали мясорубки, скрипели кофейные мельницы, трещали от парившегося овса котлы и кастрюли. В поте лица граждане выделявали комочную массу для лепешек». // Вестник Совета I городского района. 1919. № 8. С. 5.

- ¹⁴⁹ ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 117. Л. 35, 36.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 1. Л. 70.
- ¹⁵¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 142. Л. 28.
- ¹⁵² Так, комиссар А. Пучков обращался со страниц «Петроградской правды» к горожанам: «В различных местах города... происходят хронические недоразумения, наблюдается халатность и неправильность с выдачей и получением продовольствия. Устранить эти недоразумения можно лишь путем здоровой информации о том, что подмечено... Все присланные заявления будут каждодневно подбираться по районам и направляться в центр, для того чтобы недоразумения прекратить» (Петроградская правда. 1919. 5 апреля).
- ¹⁵³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2217. Л. 176, 176 об.
- ¹⁵⁴ Там же. Д. 2232. Л. 192, 192 об.
- ¹⁵⁵ Там же. Д. 3423. Л. 8.
- ¹⁵⁶ На фоне фактического отсутствия сколько-нибудь отвечающей действительности отчетности вызывают оторопь постоянные публикации в местной печати вроде следующей: «По данным статистического отдела комиссариата продовольствия... в запасе состоят следующие продукты: 816 934 п. соли, 592 п. картофеля, 179 680 штук (sic!) свежих огурцов, 267 п. подсолнечного семени, 609 п. и 3 бочки соленых огурцов» (Северная коммуна. 1918. 2 октября). В чем хранились 609 пудов соленых огурцов, газета не сообщала. В 3 бочках, вероятно, хранились отборные.
- ¹⁵⁷ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3441. Л. 1–2, 18 об., 19 об., 26.
- ¹⁵⁸ Там же. Д. 3423. Л. 19–19 об.
- ¹⁵⁹ Там же. Д. 3428. Л. 73 об.
- ¹⁶⁰ Там же. Д. 3433. Л. 3.
- ¹⁶¹ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 174. Л. 100–101.
- ¹⁶² Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3441. Л. 21 об.
- ¹⁶³ Там же. Д. 3431. Л. 29.
- ¹⁶⁴ Петроградская правда. 1919. 3 мая.
- ¹⁶⁵ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. Л. 67.
- ¹⁶⁶ Впрочем, если верить «Петроградской правде», то один результат чрезвычайной комиссии «по упорядочению торгового аппарата Петрограда» все же был достигнут: в лавках

было отмечено более корректное отношение к посетителям // Петроградская правда. 1919. 10 мая. Этот успех, однако, был временным, ибо в конце октября следующего года эта же газета отмечала, что предпринимаются меры «к внушению служащим необходимости корректного отношения к посетителям» (Там же. 1920. 20 октября).

¹⁶⁷ ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.

¹⁶⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 121. Л. 2.

¹⁶⁹ Петроградская правда. 1920. 18 января.

¹⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 586. Л. 8.

¹⁷¹ Там же. Д. 3438. Л. 2, 9, 20 об.

¹⁷² Там же. Д. 3441. Л. 26, 35, 47.

¹⁷³ Там же. Д. 2234. Л. 242.

¹⁷⁴ Там же. Л. 325 об. В отличие от Савельева, старший контролер Б.Б. Дорн полагал, что продовольственные выдачи делались не всему составу суда, а именно народным судьям (Там же. Д. 3428. Л. 69).

¹⁷⁵ ЛОГАВ. Ф. Р-2482. Оп. 1. Д. 92. Л. 41. К сожалению, нельзя сказать, какие решения принимались по «замечаниям» контролеров о том, что продукты отпускались не по нормам районному совдепу (ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3430. Л. 5).

¹⁷⁶ Коллегия контроля Петроградских районных компродов назвала это «установившейся домашним порядком практикой» (ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3435. Л. 3).

¹⁷⁷ Там же. Д. 3441. Л. 11.

¹⁷⁸ Там же. Д. 3438. Л. 9.

¹⁷⁹ Там же. Д. 3428. Л. 68.

¹⁸⁰ Там же. Д. 3439. Л. 91.

¹⁸¹ Там же. Д. 2234. Л. 27–31.

¹⁸² ЛОГАВ. Ф. Р-3387. Оп. 1. Д. 20. Л. 18.

¹⁸³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 174. Л. 110.

¹⁸⁴ Дневники Ю.В. Готье содержат весьма примечательную запись: «Банковский кризис доведен до национализации банков... убивается кредит, промышленность, торговля, частная предприимчивость: мы еще одно дно пробили своим бесчувственным лбом» (Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 176). Так реагировал далекий от делового мира человек. Что же говорить о коммерсантах?

- ¹⁸⁵ Генрих Яковлевич Нейман (1903–1938) — член Бунда, позже вступил в ВКП(б), в 1930-е гг. заместитель начальника управления торговлей Центросоюза.
- ¹⁸⁶ *Нейман Г.Я.* Внутренняя торговля СССР. М., 1935. С. 77.
- ¹⁸⁷ Резолюции I Всероссийского Съезда Советов Народного Хозяйства. М., 1918. С. 18, 35, 36.
- ¹⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 105. Л. 5 об.
- ¹⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 3. Д. 11. Л. 7.
- ¹⁹⁰ Уже в 1918 г. Совет I городского района начал наступление на «очаги хулиганства», одной из первых жертв которого стало кафе «Бристоль». Когда же владелец «Северной гостиницы» А. Редде предложил ему уступить помещение кафе «для открытия общественной столовой и кафе с входной платой в пользу Совета и предлагал в виде компенсации открыть на свои средства в другом месте детскую столовую и передать ее в ведение Совета», то последний, испытывая сомнения в отношении репутации Редде, счел его предложение «прикрытой взяткой». // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 177. Л. 2, 2 об.
- ¹⁹¹ Торговля и промышленность. Средняя, мелкая, ремесленная и кустарная. Орган Петроградского Комитета торговли и Всероссийского Совета Съездов деятелей по средней и мелкой промышленности и торговле. 1917. № 1. 17 апреля.
- ¹⁹² Наш век. 1918. 19(6).2.
- ¹⁹³ Против самого принципа контроля над частной торговлей открыто не высказывались, явно понимая, что в этом вопросе власти не уступят. См., например: *Н.А.* Контроль над торговлей // Торговля и промышленность, 1918. № 2. 27 апреля.
- ¹⁹⁴ Северная коммуна. 1918. 29 октября.
- ¹⁹⁵ Вестник Совета 1-го городского района. 1918. №3. С. 4.
- ¹⁹⁶ Петроградский кооператор. 1918 г. №12. С. 17.
- ¹⁹⁷ *Устинов В.М.* Эволюция внутренней торговли СССР с 1913–1924 г. М.-Л., 1925. С. 38.
- ¹⁹⁸ Вестник Совета 1-го городского района. 1918. № 1–2. С. 3.
- ¹⁹⁹ *Бороздин М.* Что даст муниципализация торговли населению // Там же. 1918. № 34–35. С. 9.
- ²⁰⁰ Петроградский кооператор. 1918. № 7–8. С. 17–18; 1919. № 1. С. 13–16.

²⁰¹ Имеется в виду принятый 21 ноября СНК РСФСР декрет «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», согласно которому «для снабжения и правильного распределения продуктов используется и организуется сеть государственных и кооперативных оптовых складов и розничных советских и кооперативных лавок», находящихся под управлением и контролем Наркомата продовольствия. Для получения продуктов из советских и кооперативных лавок каждый гражданин обязан был приписаться к одной из лавок.

²⁰² ЛОГАВ. Ф. Р-3384. Д. 188. Л. 1, 7, 25, 59.

²⁰³ Северная коммуна. 1918. (прибавление к №134. 19 октября).

²⁰⁴ Все желающие заниматься уличной торговлей обязаны были вступить в профсоюз уличных торговцев, а «после получения у союза удостоверения на право приобретения из городской управы жестянки для торга на улице», «выбрать в торгово-промышленном (IV) делопроизводстве отделения сборов финансового отдела городской управы установленное свидетельство на право уличной торговли взнос без права постоянной, оседлой стоянки». Желающие иметь постоянное место для торговли на улице должны были подавать особое заявление (размер взимаемого за это взноса зависел от конкретного места). Устанавливались размеры тележки, ее колес, ручного лотка и корзинки, время торговли, запрет торговцам стоять рядами, скопом, стоять можно было только на расстоянии 3 сажень друг от друга (что, кстати, косвенно свидетельствовало — речь шла о городских толкучках), нельзя было сидеть на табуретах и ящиках и т. д. Не разрешалось стоять с тележками на Невском проспекте, Морской, Гороховой, Садовой улице, Кузнечном переулке, а с лотками, установленными на разложках, на Невском проспекте от бывшего Главного штаба до Дегтярной улицы. Торговец должен был быть в чистом переднике и быть «безусловно, в приличном виде», он не должен был громко и назойливо обращаться к публике. Уже в первом пункте постановления имелось особое примечание: «Слепые и глухонемые должны иметь при себе провожатых». (Вестник Совета 1-го городского района. № 9-10. С. 10, 11; № 22. С. 3). Стоит отметить, что введение запретов на уличную торговлю

- иногда обуславливалось опасениями вспышки дизентерии и холеры, нередко сопровождалось указанием, что продуктами разрешается торговать на рынках и базарах, время работы которых было ограничено: они были открыты с 7 до 13 час. (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 12. Д. 4. Л. 17; Ф. 145. Оп. 12. Д. 3. Л. 11,30).
- ²⁰⁵ Вестник Совета 1-го городского района. 1919. № 24 (3 августа 1918 г.). С. 6. Помимо этого, согласно постановлению Комиссариата внутренних дел, все рестораны, чайные, кофейные, кабаре, увеселительные заведения должны были закрываться в 11 часов вечера, а посетители, отказывавшиеся за 5 минут до закрытия очистить помещение, штрафовались на сумму до 10 000 руб. (или им грозила тюрьма до 4 месяцев).
- ²⁰⁶ Иосиф Михайлович Кулишер (1878–1933) — экономист, профессор Петроградского университета.
- ²⁰⁷ Чертова перечница. 1918. № 1.
- ²⁰⁸ ЛОГАВ. Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3.
- ²⁰⁹ См.: Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988. С. 65, 66.
- ²¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 80. Л. 2–3 об.
- ²¹¹ Вестник Совета 1-го городского района. 1919. № 2. С. 6.
- ²¹² Фальшивые ордера и хлебные карточки, как правило, выявлялись уже после того, как они были отоварены — при ревизиях магазинов и лавок. Так, только в одном магазине на Владимирском проспекте изъяли около 500 фальшивых ордеров за 4 дня (ЛОГАВ. Ф. Р-3384. Д. 184. Л. 21).
- ²¹³ Наш век. 1918. 4 мая.
- ²¹⁴ Вестник 1-го городского района. 1919. №5–6. С. 8.
- ²¹⁵ Чтобы избежать очередей в столовых, комиссариатом продовольствия было предписано: «Двери столовых для отпуска пищи посетителям должны быть открыты не менее 14 часов в сутки при двух сменах... При первой смене столовая должна быть открыта с 12 до 7 часов вечера... От 8 до 11 ½ утра отпускаются только чай, кофе и дежурное блюдо. От 12 до 7 часов вечера отпускается только обед. От 7 часов и до закрытия — чай, кофе и дежурное блюдо». В феврале 1919 г. сообщалось, что «для посетителей коммунальных кафе-чайных готовится приятный сюрприз, приятный для кармана и благоразумный в гигиеническом отношении». Дело в том, что Комиссия по организации кафе-чайных при Центре для удешевления стоимости

отпуска чая и кипятку высказалась тогда за продажу в этих заведениях сахара, лимонной кислоты, фруктовых экстрактов и безалкогольных напитков. Считалось, что данное нововведение избавит посетителей коммунальных кафе-чайных от необходимости приобретения сахара и конфет у толпящихся при входе торговцев, дерущих дикие цены и «дающих загрязненный товар». Должное возникнуть первоначально у горожанина радостное чувство должно было быстро угаснуть при чтении заключительного абзаца сообщения: кредита под это новшество нет. // Вестник Совета 1-го городского района. 1919. № 11–12. (12 февр. 1919). С. 11.

²¹⁶ ЛОГАВ. Ф. Р-3384. Д. 187. Л. 17, 17 об.

²¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7455. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3 об.

²¹⁸ Петроградская правда. 1919. 2 сентября.

²¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7455. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8 об.

²²⁰ Там же. Л. 24.

²²¹ Там же. Л. 4, 17, 73.

²²² Там же. Л. 34.

²²³ Петроградская правда. 1919. 3 июля.

²²⁴ Там же. 1919. 10 июля.

²²⁵ Там же. 1920. 25 февраля.

²²⁶ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 55. Л. 4, 8.

²²⁷ Там же. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 405. Л. 50.

²²⁸ Там же. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 56. Л. 170, 182.

²²⁹ Там же. Д. 57. Л. 213.

²³⁰ Петроградская правда. 1920. 29 июля.

В повести «Возвращение Мюнхгаузена» Сигизмунд Кржижановский вложил в уста главного героя следующую фразу: «...питательные пункты, организованные правительством Советов, не могли бороться со стихией голода: пункты раздавали по маковой росинке на человека, чтобы никто не мог сказать, что у него росинки во рту не было; это предотвращало ропот, но оставляло желудки пустыми».

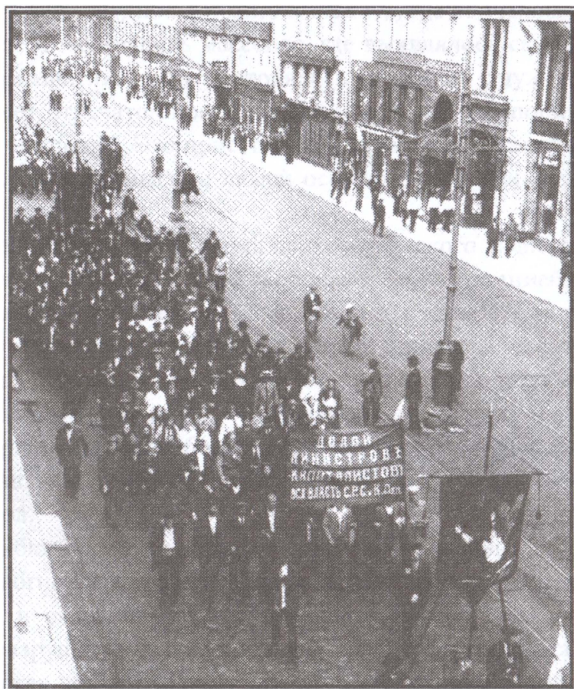
²³¹ Там же. 1920. 3 августа.

²³² Там же. 1920. 21 августа.

²³³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 60. Л. 1.

С.В. Яров

Политические настроения горожан

Революция: за и против

Уловить нечто постоянное в частой смене настроений, поступков, чувств, взглядов петроградцев пореволюционной эпохи — дело трудное. Сложно выяснить, где кончалось индивидуальное и начиналось массовое, где выявлялось самостоятельное размышление, а где повторялось заученное с чужого голоса, что имеет отпечаток краткого аффекта и где неоспорима прочность убеждений. Это присуще всем временам, но эпоха распада и хаоса придала мыслям людей особую переменчивость и обостренность.

Осень 1917 г. — это время психологического надлома русского общества. «Весна русской свободы» с ее экзальтацией, необычной речью, обусловленной не политикой, а этикой, с ее театральностью политических манифестаций в одночасье стала анахронизмом. Революция не показала того, что в ней пристальнее всего стремились разглядеть, — чудодейственный дар. Она быстро обнажила изнанку свободы, но многие не были способны трезво признать «рутину» революции, ее немощь, ограниченность и произвол.

Приближение катастрофы — это чувствовали и об этом писали многие, независимо от их взглядов. Катастрофа стала признаком и символом общей душевной смуты. Здесь сказалось все: и разрушение старого порядка, и экономический хаос, и политическая разногласица. Новому не было привычных объяснений: прежние представления о нем оказались иллюзорными. Предчувствие катастрофы — это и одна из ипостасей апокалиптичности, определяемой не только государственным упадком, но и началом духовного переосмысления, «пересчета» эпохи.

Перемена политических симпатий в обществе, столь заметная уже к осени 1917 г., произошла не сразу и не прямо. Ее ускорило смещение Корнилова — но не только это. Корнилов был устранен, но инерция антикорниловского движения осталась, придав особую силу всем оппозиционным действиям сентября 1917 г. Эйфория победы над Корниловым плохо сочеталась с той рутинной государственного существования, которая вновь воцарилась тотчас же после ликвидации мятежа. По-прежнему ничего или почти ничего не делалось — ни в политике, ни в экономике. Керенскому уже мало верили — но это еще не означало одобрения большевизма.

Керенский являлся не просто политическим лидером. Он был прочно спаян с той системой идеологических ценностей, которая стала объектом едва ли не ритуального поклонения после Февраля. Он воплощал в себе эту систему — своим экзальгированным демократизмом, революционной риторикой, манерами. Отчасти и поэтому переход к большевистскому радикализму не был легким. Отчаяние, политическая апатия, отсутствие былой восприимчивости к революционным символам — все это приходило исподволь и составляло неизбежный промежуточный этап в большевизации масс.

Отношение к Керенскому особо резко обозначилось собственно уже после переворота: кто-то делал политический выбор, кто-то размышлял о прошлом, стараясь понять то, что случилось. «Все указывали, что при непопулярности правительства в стране лучше о нем не вспоминать»¹, — вот что писал об этих днях В.Б. Станкевич, политик, весьма далекий от большевизма. Неприязнь к коалиционному правительству была почти единодушной². Этого не объяснить ни запальчивостью мемуариста, ни искусной манипуляцией историческими источниками. Люди высказывались сразу же, едва утих шум выстрелов в Зимнем — и говорили торопливо, со злобой, то прибегая к «партийному» языку, то пользуясь уличным жаргоном — но однозначно. «Левые» резолюции и воззвания здесь более известны — тем символичнее, что многое из них было повторено едва ли не в унисон и правыми. Очень показательны дневниковые записи одного из чиновников министерства финансов, относящиеся к октябрю–декабрю 1917 г.

По ним можно определить, какую репутацию имел министр-председатель у «буржуазной» публики в конце своего поприща. Редкая запись обходится без прямых оскорблений свергнутого премьера. Оценки чиновника почти не мотивированы, но по ряду признаков можно догадаться, как они возникли. Примечателен уже едкий комментарий к воззванию А.И. Коновалова с призывом «Спасайте родину, республику и свободу»: «Забыли упомянуть о революции и ее спасении и углублении»³. Тут явно обнаруживается аллергия, которую тогда уже вызывала у многих революционная фразеология. Демократическая риторика даже воспринималась острее, чем маскируемое ею безвластие, неприятием которого была продиктована другая дневниковая запись: «Керенский опять занимался произнесением речей в Царском Селе»⁴.

И все же политическое поведение масс в октябре 1917 г. не было двухполюсным. Все было перемешано. Неприязнь к Керенскому выражали люди, не питавшие симпатии к большевикам. Одобрение большевиков не означало готовности к «выступлению». И что очень важно, протест против правительства не всегда был политическим. Выбирали зачастую не программы, которые отличались в массовом восприятии лишь степенью радикализма, а средства, которыми могли быть достигнуты программные цели.

Здесь, возможно, одна из причин (хотя и не главная) той апатии к грядущему «выступлению», которая была замечена в середине октября даже большевистскими лидерами. Идеологическое противостояние враждующих сторон в октябре 1917 г. было во многом иным, нежели перед Февралем. Приемы идеологической защиты самодержавия были очевидно обветшалыми, застывшими, дискредитированными. Им противостояла тогда сумма политических представлений, близких массам прежде всего «культурно», т. е. использовавших их язык, утилитарную логику их общественных оценок, наконец, эгалитаризм — недаром почти все антимонархические программы были буквально пронизаны социализмом, правда, разных оттенков.

Не так было осенью 1917 г. И большевики, и Керенский пользовались одинаковыми политическими клише, аргументацией,

ключевые блоки которой неизменно включали «защиту и продолжение революции», «борьбу за свободу», «пресечение происков черносотенцев» и т. д. Несколько иной идеологический язык обнаружил Корнилов — и этот лингвистический сигнал был осознан даже быстрее политической угрозы, ибо был непосредственным признаком «чужого».

Историки уже не раз обращались к протоколу заседания ПК РСДРП(б) 15/28 октября 1917 г. Здесь большевики говорили о политическом самочувствии масс накануне «выступления» — неуверенно, то подбадривая себя, то с пессимизмом — но откровенно. Почти текстуально совпали выступления представителей Рождественского района («Если будет выступление со стороны контрреволюции, то отпор дадим, но если будет призыв к выступлению, то не думаю, чтобы рабочие выступили»)⁵ и профсоюзов («Если будет наступление со стороны контрреволюции, то отпор будет дан, а сама масса в выступление не пойдет»)⁶. Это уже симптом, он говорит о большем, нежели позднейшие арифметические подсчеты голосов «оптимистов» и «пессимистов» на этом заседании.

В речах «пессимистов» прослеживается даже какая-то монотонность. «Общая картина — стремления выйти нет», «настроения выйти на улицу у рабочих нет», «выступить настроения нет» — таковы были донесения из различных районов⁷. Иные из ораторов предпочли и вовсе уклониться от четких оценок: «Настроение чрезвычайно сложное», «настроение трудно учесть»⁸. Но прислушаемся и к речам «оптимистов». В них сразу же замечаешь одну особенность — оговорки по поводу готовности «выступить». Где-то это обусловлено особым влиянием РСДРП(б), где-то социальным расслоением рабочих, а где-то — и маскировкой предстоящего переворота «советской», не большевистской вывеской⁹.

Несомненно одно. Всеобщее недовольство существующим порядком не принимало экстремистские, «маргинальные» формы. Иногда (как в свое время Н.Н. Суханов)¹⁰ объясняют это памятью об июльской катастрофе. Эта память, думается, сохранялась скорее у активистов и партийных политиков, нежели в низах, где с трудом разбирались в десятках версий июльских событий. Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев были отчасти правы, когда

утверждали, что настроения выступать «нет даже на заводах и в казармах»¹¹. И трудно выяснить, где обнаруженная апатия масс имеет своим источником исключительно «октябрьские» условия, а где лишь ярче проявилась (ввиду усиленной вербовки для «выступления») давняя и прочная традиция политического равнодушия многих слоев общества. Простое разделение этих двух явлений почти невозможно. Одно маскировалось другим либо совмещалось и сливалось с ним.

Пореволюционный Петроград очень точно отразил амплитуду общественных настроений, колебаний и ожиданий того времени. Большевистское «выступление», сначала малоприметное, не вызвало ни 24, ни 25 октября сколько-нибудь заметного всплеска городской среды. Правда, все необычное — разведение мостов, перекрытие улиц, остановка трамваев — собирало толпы людей. Слухи заполнили город. Мало кто что-либо знал точно, но общим было мнение о недолговечности нового режима.

Недовольство стало нарастать исподволь, его укрепляли мелкие стычки и расширяли слухи. Ожидания анархии и погромов, привычные для любого переворота, возникли и здесь. Грабежи, обычные для того времени, уже связывали с «выступлением». Все пришло в движение. Художник К. Сомов, зашедший к своему знакомому 31 октября, нашел его в «большой ажитации»: «...животный страх... слухи, буржуазные настроения, т. е. только страх и ужас»¹². Насилие было еще «политическим», а не «бытовым» — но «на улицах, в трамваях, в общественных местах говорили только о событиях»¹³. Полюса неприязни поменялись. В эмоционально и психологически неустойчивом русском обществе болезненно воспринималось все, что хотя бы издали напоминало прежний режим. Новая жизнь началась для горожан не с великих перемен, а с «водворения порядка», причем в формах, памятных по царским временам.

В обществе, раздираемом конфликтами, ненависть, отчаяние, нищета, усталость — все искало своего выхода. Всегдашняя готовность к оппозиции обнаружилась мгновенно. Враг стал осязаем, предметен, видим. Краткое, быстро пошедшее на убыль антибольшевистское движение на улицах 27–30 октября — реакция скорее не на идеологию и не на политические прокламации

победившей партии, а на ее практику: на закрытие газет, разгром типографий, пресечение демонстраций. Разумеется, вспыхнувшая борьба обрела идеологическое обрамление, вернее пропагандистские клише в ней использовались как эффективный инструмент. Ситуация к 27 октября стала более ясной, позиция различных партий — отчетливой. И пришла в движение ориентированная на партии «политизированная» публика — постоянные участники всевозможных митингов, собраний и манифестаций. У здания городской Думы стояла большая толпа, произносились речи. При выстрелах люди разбегались, прячась в подъездах домов и в колоннаде Гостиного Двора, потом собирались вновь. Каждое протестующее слово одобряли, любой призыв находил отклик. Оглядывались, боялись солдат — и с надеждой ждали от них поддержки. Матроса, защищавшего перед Думой Керенского, «слушавшая оратора публика подняла... на руки с криками „Ура!“ стала... качать»¹⁴. «Город зашевелился... — писал один из очевидцев тех дней. — Новое правительство не нашло сочувствия среди горожан. Напротив, к нему отнеслись резко отрицательно, враждебно. Злобой дышали лица и разговоры, когда заходила речь о большевиках. То и дело вспыхивали словесные стычки на улицах...»¹⁵ Все стало хаотичным. Люди присоединялись к митингующим и отходили, нападали на патрули и спасались бегством от пуль. «Толпа, чернь, гарнизон — бессознательны абсолютно и сами не понимают, на кого и за кого они идут...» — записывает в дневнике 29 октября З. Гиппиус¹⁶.

Вскоре все захлебнулось. Подавление юнкерского восстания, откат войск Керенского, разговоры об однородном правительстве, ослабившие на время партийную междоусобицу, — многое способствовало этому. Очевидцы не разглядели лиц участников событий, это неслучайно. Уличный протест 27–29 октября — это движение плохо управляемой, аморфной массы, слабое и обреченное. Отражало ли оно пульс всего Петрограда, заявляло ли о том, о чем думал всякий в те дни, — сказать трудно. Несомненно, большая часть горожан не мешала большевистскому перевороту, за Керенским шло очень мало людей. Отсутствие широкого протеста — следствие разных причин, и не только политических. Непросто говорить и о свидетельствах, запечатлевших

«революционный восторг» в октябре 1917 г. Многим из них позднее без достаточных оснований был придан политический оттенок. Отказ низших служащих бастовать (едва ли политическое решение) рассматривалось как одобрение переворота. Заявление верхушки профсоюзов выдавалось за мнение всей профессиональной группы. Пробольшевистские заводские резолюции (из коих особо сомнительны единогласные) оценивались как точное отражение настроения рабочих.

Разумеется, проблема «октябрьских» симпатий масс неизмеримо сложнее. Желание изменить жизнь к лучшему, приблизить «настоящий день» было всеобщим и широким — это несомненно, и видно сразу, едва касаешься подлинных документов той эпохи. Но существовали и особые политические ритуалы в послефевральской России. Низовые устремления были оформлены партийными резолюциями, каждая из которых по-своему их «углубляла» и видоизменяла, дополняла десятками политических оговорок, обусловленных тактическими приемами борьбы. Элементарный низовой протест, едва возникнув, сразу же облачался в идеологические одежды, шлифовался, переводился на другой язык и направлялся как оружие против политических врагов. Разглядеть под этими наслоениями первичное движение очень трудно — ведь и сами массы пользовались предложенными им клише, унифицируя ими свои неотчетливые и аморфные политические представления.

Что несомненно — это то, что стиль простых, насильственных и волюнтаристских решений широко практиковался в низах, даже политически равнодушных. Можно спорить, принимался или нет политический большевизм, но экономический проводился наполовину стихийно — тому есть веские доказательства. Сам его дух возникал из повседневных производственных стычек, житейских неурядиц, его в полной мере можно назвать порождением низов¹⁷. Доставленное в ноябре 1917 г. в Петроградский ВРК письмо одного из обывателей — это тот же большевизм, правда, мелкий, не претендующий на «политику», ограниченный лишь чайными и рынком. «Имеем честь донести Вам о мародерстве и скрытии товаров», «целый вагон картошки скуплен и хранится внизу чайной, а бедному люду 1 фунт взять негде», «господин

гражданин еще оповестите население правилом, чтобы домовые комитеты не брали большие цены с обывателя»¹⁸ — это ведь писалось не под принуждением и едва ли объяснимо влиянием прокламаций.

Многие отвергали большевизм — не принимая его этику, из-за партийных обид, по личным причинам. Но везде ощущалась подсознательная тяга к большевизму — в поисках «врагов революции», насаждении социалистической кастовости, отторжении всего несоциалистического: газет, партий, вождей. Требование однородного социалистического правительства ведь неслучайно. Это один из симптомов той болезни послефевральской демократии, которая затем погубила и ее саму — инерция «отторжений» оказалась неостановимой.

По обе стороны баррикад

Определить истоки, границы и сущность политического недовольства в октябре-ноябре 1917 г. можно лишь условно и приблизительно. В этом еще раз убеждаешься, изучая забастовки «саботажников», столь шумные в первые недели после переворота. Забастовки возникали не только как следствие политического неприятия большевиков. Это была и реакция на революционный язык новых властей, их жесткий политический стиль, вмешательство в работу учреждений. Чиновник МИДа В.Б. Лопухин, упоминая о забастовке в министерстве, писал: «Безо всякого предварительного стовора, совершенно стихийно назрело решение большинства служащих не оставаться на службе при большевистском правительстве. И не по одному нашему ведомству, но и по другим... Внушенный чиновникам страх и нанесенная обида — являлись главнейшими стимулами воздержания служащих от сотрудничества с новой властью»¹⁹. Но это «культурное» отторжение от большевизма тесно переплелось с обычной бюрократической реакцией на государственный переворот. Чиновники боялись административных кар за сотрудничество с властью, в чьей скорой гибели мало кто сомневался. Первая волна забастовок началась с 26–27 октября, и ее в целом можно назвать политической. Через несколько дней ряды бастующих стали быстро покидать низшие служащие. Они менее, чем высшие чиновники, были связаны ритуалами бюрократического поведения, меньше понимали политическую риторику и слабо реагировали на нее, их действия имели скорее бытовой, чем идеологический подтекст. И вряд ли оправданно искать в их поступках некую политическую корысть.

Вторая волна забастовок началась в ноябре. И здесь она имела оттенок политической оппозиционности. Но основная причина ее — столкновение с новыми большевистскими комиссарами по различным производственным вопросам. Такие стычки только *post factum*, в соответствии с традицией, получали политическую окраску. Зачастую эти «политические» забастовки прекращались в результате неприкрытого торга, где о политике старались не вспоминать. В данной связи уместно вспомнить ситуацию в типографии «Новое время», в которой, по сообщению ее комиссара, из 550 человек «только 150 высказалось за Советскую власть»²⁰. Об этом говорилось на заседании Петроградского ВРК 24 ноября 1917 г. Далее в отчете о заседании мы читаем: «Товарищ комиссар высказывает уверенность, что, если выдать аванс в 4000 руб. — большая часть рабочих выйдет на работу»²¹.

И забастовки, и другие оппозиционные акции в конце 1917 г. в первую очередь были вызваны сугубым экстремизмом новых властей. Политическое недовольство здесь вторично, на первом плане — столкновение различных интересов, экономических и профессиональных. Примеры многообразны. Возьмем резолюцию собрания Петроградского общества заводчиков и фабрикантов 22 ноября 1917 г. Промышленники выступали против рабочего контроля, заявляя, что «русский пролетариат, совершенно не подготовленный для руководства чрезвычайно сложным механизмом промышленности, неминуемо своим решающим вмешательством приведет эту жизненную отрасль государства, уже потрясенную в своих основаниях, к быстрой гибели»²². Лишь в конце мы читаем несколько строк о власти, «не преследующей в своей деятельности государственных целей и не признанной большей частью населения России»²³. Забастовка служащих Государственного Банка в середине ноября 1917 г. прямо связана с попытками большевиков получить крупную денежную ссуду. В воззвании, которое выпустили по этому поводу служащие банка, на первом месте — не политическое осуждение, а резонное замечание о том, что «банк и при царском режиме не отпускал никаких сумм безотчетно»²⁴. И даже протесты печатников были вызваны не только ущемлением «свободы печати».

Заккрытие газет, конфискация их тиражей и секвестр типографий создавали реальную угрозу заработкам рабочих.

Еще более запутанным и сложным представляется определение политического пульса интеллигенции. Русский интеллигент встретил революцию со смешанным чувством недоумения, раздражения и равнодушия. Революция предстала перед ним с варварской стороны — обстрелом Зимнего дворца и разрушением Кремля, непривычной «низовой» речью новых правителей, погромами, насилиями, запретом печати, цензурой, и, наконец, проектами Наркомпроса. И здесь первичным было культурное отторжение. Культурная неприязнь определяла код политической неприязни. «Порыв и увлечение заняли доминирующее место, — таким языком описывал впоследствии актер Ю.М. Юрьев свое отношение к послеоктябрьским эксцессам, — можно сказать, они играли тогда руководящую роль и, таким образом, вековой культуре не только театра, но и культуре всех искусств грозила несомненная, очевидная опасность. Многие из нас именно так воспринимали развивавшиеся события, и именно подобное (пусть субъективное) восприятие проблем культуры и искусства диктовало нам те или иные... поступки»²⁵.

Октябрьская междоусобица, столь возмущившие интеллигентов «штыки»²⁶ побудили их более открыто и отчетливо выступить против радикализма. В революционном акте часть интеллигенции увидела знак культурного «опрощения» России. Никогда не умолкавшие споры о цивилизованности страны и ее готовности к переворотам вспыхнули с новой силой. М. Горький выразил мнение многих, заявив в те дни о том, что «в современных условиях нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему велению, сделать социалистами 85 % крестьянского населения страны, среди которых несколько десятков миллионов инородцев-кочевников»²⁷. Добавим к этому, что многие интеллигенты были политически ориентированы на социал-демократизм, причем не большевистского, а умеренного толка. Для них положение о постепенном «стадиальном» движении к социализму давно уже стало общепотребительным канонem. Типичным для этой среды представляется признание известного меньшевика О. Ерманского, писавшего в 1927 г.: «...в лозунгах... выброшенных большевиками, я усматривал оппортунистическое приспособление

к иллюзиям политически неискушенных пролетарских и особенно солдатско-крестьянских масс... Я полагал, что в данных условиях возможна революция демократическая, с глубоким социальным содержанием, но не социалистическая...»²⁸ Эти отчеканенные в жесткие формулы, накрепко заученные расхожие партийные клише, прямо перекликаясь с «культурной» неприязнью интеллигента к революции, теоретически оформляли его непосредственные впечатления.

Антибольшевистские настроения интеллигенции зачастую изучаются по документам, представляющим скорее административную, «верхушечную» реакцию государственных учреждений или общественных Союзов на непризнанную и «самозванную» власть. Разумеется, оппозиционные резолюции учительских, студенческих, медицинских и прочих организаций и учреждений²⁹ возникли неслучайно. Но зачастую они не только оформляли «низовые» устремления, но и как бы создавали их. Они устанавливали обязательный канон политического поведения в определенной группе, ставший и одной из ипостасей традиционного профессионального поведения.

Отметим и другое. Нередко сигналом к политической демонстрации служил не столько политический акт, сколько административное действие, нарушающее групповые ритуалы. В этом отношении показательны забастовки петроградских театров в конце 1917 г. «Назначенный на место Головина³⁰ бывший помощник режиссера в Суворин[ском] театре прислал труппе строгий приказ, чтобы они не смели прекращать спектакли. Никто раньше об этом и не думал, но, получив в дерзкой форме такой приказ, труппа взяла да и отменила нынешний спектакль», — записывает 28 октября 1917 г. в своем дневнике хорошо знавшая Александринский театр писательница С.И. Смирнова-Сазонова³¹. Пресловутое комиссарское предписание — яркий пример того языка, на котором говорили с «саботажниками» и который в данном случае забыли сменить или хотя бы облечь в приемлемую форму: «Всякое уклонение от выполнения своих обязанностей будет считаться противодействием новой власти и повлечет за собой заслуженную кару»³². Сохранившийся протокол упомянутого заседания труппы показывает, каким непростым было решение

театра бастовать. Актеры колебались, шли на компромиссы, предлагали сделать протест условным. Но едва один из них, предложив сотрудничать с комиссаром, как-то неловко и явно невольно сообщил, что «если бы он привел на собрание комиссара, то члены собрания не так бы реагировали на его слова», — зал огласил крики: «долой», «вон», «provokator», «он нас запугивает»³³. После этого нетрудно понять, какой отклик вызвала у артистов обещанная комиссаром «заслуженная кара». Повторим, поводов для недовольства в театральной среде было достаточно, но лишь малая их часть может быть отнесена к политическим. Устройство митингов в помещениях театров, смещение прежних управляющих, нападки на автономию — все то, что в одночасье рождало протест, собственно и не выходило за пределы театрального мира и имело мало соприкосновений с политическими страстями революционного Петрограда.

Разумеется, в те дни можно обнаружить интеллигентскую реакцию и с более приметным идеологическим оттенком. Причиной политических споров тогда служили не прямые действия властей, а лишь «декларации о намерениях». Но и в данном случае первопричина конфликта оставалась прежней — стремление властей усилить государственный контроль над различными сферами духовной жизни и, в частности, искусства. Это вызывало живейший и, заметим, почти единодушный протест интеллигенции. «Моя революция» — так называл Октябрь В. Маяковский³⁴, но даже и для него переворот не сразу стал личным делом. Послеоктябрьские тактические ходы «Союза деятелей искусств» (к которому и тяготел В. Маяковский) — яркая иллюстрация взаимоотношений художника и власти в революции, свободная от «хрестоматийного глянца», столь ненавистного поэту.

В ноябре 1917 г. Союз деятелей искусств (СДИ) рассматривал несколько предложений А.В. Луначарского о сотрудничестве с Наркомпросом. Все они были отвергнуты. Особо примечательно заседание Временного комитета уполномоченных СДИ 17 ноября. Несмотря на наличие в Союзе трех блоков — «правого» (Ф. Сологуб), центра и «левого» (О. Брик) — все, и «правые», и «левые», говорили на одном языке. «Кто бы ни стоял у власти — никто не может управлять деятельностью искусства

помимо деятелей искусств», — эти слова необычны для О. Брика, но были сказаны именно им³⁵. Гневно выступил Ф. Сологуб, призвавший «оберегать искусство — достояние народа» — от А. Луначарского³⁶. В протоколе мы читаем и следующую запись: «Маяковский согласен с Сологубом, но каким путем прийти к этому, как можно захватить это достояние — приходится обратиться к власти, приветствовать эту власть»³⁷. Можно, как позднейшие комментаторы, находить в этих словах симптомы будущих симпатий поэта — но как примечательно здесь согласие с Сологубом и как недвусмысленно это слово — «приходится». Данный пример очень показателен. Если даже у Маяковского и его «левых» приверженцев большевистские приемы поначалу не вызывают сочувствия, то что говорить о массе интеллигентов, далеких от «футуристических» крайностей и исповедующих иные, чем будущие левовцы, взгляды на культурные ценности.

Восприятие интеллигентом Октября — это взгляд людей, ущемленных революцией, предъявляющих ей свой счет. Во всяком случае, так было в первые недели после переворота. Но большевистская акция имела не только обвинителей, но и защитников. Проводить водораздел между принявшими революцию и осудившими ее по классовому признаку вряд ли правомерно. Правильнее было бы отметить «культурные» истоки размежевания: но и они объясняют не все. Политическая лаборатория 1917 г. не имела условий для чистоты эксперимента. Здесь все перемешано. Меркантильное маскировалось идеологическим, бытовое — политическим. «Революционность» едва ли может быть представлена как нечто однозначное, безусловное и тотальное. Она отчетливо и легко показывает нам и анархичность, и консерватизм, ее в равной мере проповедуют и бунтарь, и приверженец прежних устоев. Что она отразила точно — так это нетерпимость общества, нетерпимость идеологическую, политическую и бытовую, направленную против старого порядка и порожденную им самим³⁸.

Подавление инакомыслия поначалу еще рядилось в идеологические одежды. «Новое строительство требует новых форм, требует полного отрешения от старых отживших законов», — так откликнулся на разгон старой городской думы левый эсер В. Трутовский, выступая 24 ноября перед новыми гласными³⁹. Здесь и слова нет о политической целесообразности.

Все сведено к дуальным примитивным оппозициям: новое — старое, рождающееся — отжившее, однозначная оценка которых была приметой не только социал-демократа, но зачастую и либерального интеллигента. Эти характерные оговорки сопровождают всякий насильственный акт конца 1917 г. Для примера приведем резолюцию Выборгского райсовета, принятую в тот же день, 24 ноября: «Укрепление действительно народной свободы невозможно без ограничения... свободы буржуазии во всех областях народной жизни: путем контроля над производством, урегулирования распределения, закрытия буржуазных газет и тому подобного организованного насилия над эксплуататорами»⁴⁰.

Идеологическое оправдание насилия — это все же прерогатива верхов. Насилие для низов — это составная часть обычного социального поведения, оно лишь в силу обстоятельств приобрело политический оттенок. Здесь насилие уже очень заметно выражается в форме «охранительной» реакции, зеркально отражающей практику старого режима. Это быстро почувствовали современники революции. Один из них дал примечательное описание вечернего Невского проспекта 12 ноября 1917 г., в первый день выборов в Учредительное собрание: «Запестрели тут и там летучие митинги. Но солдаты, матросы и красногвардейцы почему-то усомнились в их законности... местами происходили такие диалоги:

— Агитации разводят!

— Кому это мешает? За свободу агитации мы боролись. Пусть пользуются.

— Кто агитировать хочет, пусть идет на митинги, в Модерн или куда еще...

— Почему же не агитировать на улицах?

— Не велено.

— Кем? Почему?

Солдат отворачивается и уходит.

В другой кучке:

— Протелефонируйте в ВРК, пусть отряд вышлет.

— Зачем?

— Да так, «чтоб не собирались»...

— А почему нельзя собираться?

— Всякую агитацию разводят...

— Да так при Николае городские и жандармы говорили...

— Мешают проходить...

и т. д. Разговор совсем как по старине»⁴¹.

Говоря о массовой поддержке революции, необходимо еще раз отметить феномен «социалистического» фундаментализма. В нем очень сильно проявилось автоматическое начало. Поддержка переворота — это и элемент политического поведения, кодированного, определенного принадлежностью к той или иной группе. В данном случае массы реагировали не на революцию, а на сигналы к групповым действиям. Здесь заметно и подсознательное стремление к кастовости, выделению себя в особое сословие. Все «чужое» вызывает уже быстрое, слабо мотивированное отторжение. Многие «революционные» поступки 1917 года — это реакция не только на революцию, но скорее на действия тех, кто ее осудил, — а ими и были по преимуществу «чужие».

Отмеченные выше элементы общественной психологии явно обнаружались во время споров об однородном социалистическом правительстве. Требование «объединить демократию» широко распространилось в начале ноября⁴². Оно было выражено послефевральским языком, еще привычным для политизированных горожан. Примечательны, однако, те мотивы, по которым эта идея вызывала сомнения или отвергалась. Здесь и обычное указание на голос масс, и ожидание саботажа со стороны «союзников», и боязнь объединения с «контрреволюционерами», и, наконец, убежденность, что Советы — выразитель воли всего народа и потому объединяться не с кем и не для чего. Но тут же можно обнаружить и уже очень знакомое. Читаем протокол заседания 2-го Городского РК РСДРП(б) 4 ноября 1917 г.: «Тов. Крутов предлагает объявить все партии, кроме больш[евиков], вне закона и ни на какие соглашения с другими социалист[ическими] партиями не идти. Товарищ предлагает беспощадную борьбу со всеми партиями... В заключение тов[арищ] повторяет, что никаких соглашений не должно быть»⁴³. И этот максималист не был одинок. «На местах обижаются на переговоры с меньшевиками и эсерами», — сообщал представитель Петербургского района на заседании ПК РСДРП(б) 29 октября 1917 года⁴⁴.

Прощание с революцией

Послеоктябрьское напряжение в городе быстро спало. Даже выборы в Учредительное собрание не вызывали того политического отклика, на который рассчитывала оппозиция. Общая апатия ощущалась всюду. «В массах громадный абсентеизм, полное равнодушие. Те, которые голосовали за нас, голосовать вовсе не будут. Многие уничтожают избирательные бюллетени», — говорит большевик М. Горелик на заседании ПК РСДРП(б) 8 ноября 1917 г.⁴⁵ Ему резко возражали, но даже В. Володарский был вынужден здесь же признать: «Всякий, кто присматривается к нашей революции, поражается слишком малым творчеством пролетарских масс»⁴⁶. Накануне выборов по городу передавались слухи, очень примечательные для того времени, — о возможных насилиях над избирателями, о том, что вечером отключат ток и бюллетени будут подменены и т. д. Нервозность вызывали и слухи о предстоящем выпуске новых денег. В день выборов не было ни шумных митингов, ни демонстраций, многие улицы казались пустыми.

В середине ноября А. Луначарский попытался собрать интеллигентов, готовых сотрудничать с большевиками, — на встречу пришло лишь несколько человек⁴⁷. Событием стало другое — демонстрация к Таврическому дворцу 28 ноября. В этот день предполагалось открыть Учредительное собрание — его и стремились поддержать. Учредительное собрание еще никто не разгонял, но примечателен язык и стиль того письма, в котором «рабочие новоснарядной мастерской» Обуховского завода опровергали слухи о своем участии в шествии. Демонстрацию они (а скорее, скрывшийся за ними профсоюзный активист) оценили как

«поклонение приспешникам контрреволюционной шайки корнило-калединской закваски и компании»⁴⁸. Авторы письма буквально захлебываются в ругательствах по адресу инакомыслящих: «...небольшие кучки торговцев, спекулянтов, мироедов и всей честолюбивой сволочи», «...гнусные вожди контрреволюционной шайки», «...сатрапы, ловко скрывшиеся под ширмой Учредительного Собрания»⁴⁹.

Через несколько дней в городе ввели осадное положение из-за разгрома винных складов. Неприятным было то, что спивались революционные полки — в строгой очередности, по мере заступления на вахту борьбы с погромами. Погромщиков тогда искали рьяно: за пьяными обывателями чудились вожди российской контрреволюции. Очереди за хлебом удлинялись, продуктов не хватало, и они стоили больших денег. «Живется у нас скверно. Тоскливо. Я очень мало и неохотно работаю», — пишет Константин Сомов из Петрограда 15 декабря⁵⁰. О политике упоминают все более охотно. Газет мало, что-то закрыли, что-то закрылось само, все вновь заговорили на знакомом «эзоповом» языке. «Много слухов о том, что в ближайшем будущем в Петрограде явятся немецкие войска, на престол будет возведен цесаревич Алексей, а регентом будет назначен не то Гессенский, не то Баварский принц. Хуже не будет, и многие предпочитают видеть здесь тысячу шуцманов, чем сотню красновардейцев», — описывает в дневнике 3 декабря настроения своего круга уже знакомый нам финансовый чиновник⁵¹. И о том же в записи 9 декабря: «Все мечтают увидеть на углах шуцманов вместо проклятых красновардейцев»⁵². Мира ждут любой ценой — и не только чиновники. Впоследствии чекисты прочтут запись речи редактора газеты «Страна» И.К. Брусиловского на заседании интернациональной секции ЦИК Совета крестьянских депутатов 14 декабря 1917 г.: «Можно достигнуть единения масс на вопросе о защите Учредительного Собрания, но по отношению к вопросу о мире антибольшевистская пропаганда встречает невероятные препятствия, массы не разбираются в тонкостях международной политики, они довольствуются внешностью германского предложения мира...»⁵³

Но в Петрограде рассуждают не только о мире. Много разговоров об эвакуации. Заводы закрываются, нет сырья и денег —

и растет ожесточение рабочих к «буржуям», чьими происками и объясняют кризис. Рабочий контроль с непривычки быстро сводится к проверке складов и даже буфетов у «капиталистов». Рабочие ищут не «участия в восстановлении хозяйства страны» (чем и мотивировался контроль) — они жаждут надежных заработков. Отсюда и лавина прошений о национализации предприятий, которые, по быстро упрочившейся традиции, облачаются в политические одеяния.

Такова «феноменология» предновогоднего Петрограда. Эта картина тех дней, составленная очевидцами, мозаична и фрагментарна, но она довольно точно отражает «осадный» дух города. В первой половине 1918 г. можно наблюдать три пика политической активности горожан — в начале января, в феврале и в мае. В каждом из них оппозиционность проявлялась все слабее, отчетливо видно ее специфическое «затухание». Наиболее мощными оппозиционными акциями отмечен, пожалуй, лишь январь 1918 г. Уже с начала месяца город вновь, как это было во всех «кризисах», захлестнула волна слухов. «Говорят о выступлениях в связи с теми или иными событиями, о покушениях, о возможных погромах», — сообщала газета «Наш век»⁵⁴. Массой всевозможных слухов обросло «покушение» на Ленина 1 января. Оно заметно повысило напряженность в городе, и не только ввиду его агитационной «обработки» большевиками, но еще и потому, что в этом увидели символ надвигающихся перемен. «Все и вся пребывают в каком-то непрерывном ожидании, что завтра это должно кончиться, наступает это завтра — ничего нет, тогда ждут еще завтрашнего дня и т. д. Тоска!» — писал 4 января 1918 г. из Петрограда художник Б.М. Кустодиев⁵⁵.

Несколько событий получили в эти дни общественный отклик: разгон Учредительного собрания, расстрел «учредилловской» демонстрации и убийство в Мариинской больнице А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокоскина — арестованных министров Временного правительства. Они произошли почти что одновременно и, слившись воедино в сознании людей, послужили основным детонатором оппозиционного движения в январе. «Учредилловские» манифестации 5 января собрали под свои знамена людей различных положений и сословий. Здесь были рабочие,

много солдат, но преобладала интеллигенция. Демонстранты шли с пением «Марсельезы», с красными флагами, с плакатами о свободе и революции — совершался привычный послефевральский «манifestационный» ритуал. Безжалостный расстрел демонстрантов придавал оппозиционности горожан специфический оттенок потаенности. О том, что происходило в Петрограде, можно лишь догадываться по намекам, косвенным признаниям, да и по той атмосфере нервности, которую в ее почти что иррациональных проявлениях столь художественно зорко изобразил на страницах «Взвихренной Руси» А. Ремизов: «На Большом проспекте на углу 12-й линии два красногвардейца ухватили у газетчицы газеты.

Бойтесь, — кричит — чтобы не узнали, как стреляли в народ!

— Кто стрелял?

— Большевики.

— Смеешь ты — ?

И с газетами повели, а она горластей метели — Я нищая! — орет, — нищая я! Ограбили! Меня!»⁵⁶

Эта нервность проявилась и во время похорон жертв 5-го января — демонстрации, на редкость политически сдержанной, осторожной даже в своем «плакатном» оформлении. Во время шествия, как сообщалось в одной из газетных заметок, «из толпы солдат, шедшей за гробом, раздались возгласы: „Товарищи солдаты, присоединяйтесь к нам“»⁵⁷. И люди, не поняв, о каких солдатах говорят, или что-то не расслышав, побежали — от пуля, от новых расстрелов, от той смерти, которая стала обычной на петроградских улицах в январе 1918 г.

Для историка многое в те дни становится каким-то двойственным, малоотчетливым и трудноосязаемым. Разгон Учредительного собрания и расстрел демонстрантов, убийство министров — все это вызывало живейший протест горожан, о котором говорят даже пристрастные свидетели тех дней. Но массовых откликов нет, новых демонстраций не видно, на заводах молчат. Возможно, здесь сказался агитационный натиск большевиков, а он был в первые недели января необычайно мощным. В примечательной листовке, выпущенной властями 3 января, полутонот нет: «Это будет демонстрация врагов народа, демонстрация

друзей Каледина и Корнилова», «...на улицах Петрограда будут демонстрировать саботажники, буржуазия, прислужники буржуазии» и т. п.⁵⁸ Все это, пусть не сразу и не всеми, но перенималось в низах, на это откликались люди, не раз слышавшие большевиков на митингах и собраниях и привыкшие верить им, особенно там, где индивидуальное подавлялось массовым. Им достаточно было разглядеть в протестующей толпе хорошо одетых людей — и пропагандистские клише становились сигналом к действиям. Характерно признание одного из рабочих, разгонявших демонстрацию 5 января. Сделано оно было в 1932 г. на «вечере воспоминаний». Он стоял по другую сторону баррикад, и события того дня виделись ему уже по-иному: «...никаких ранений со стороны публики и охраняющих участков не было, за исключением одной истерички женщины, возможно, была ранена, возможно, нарочно помазала себя кровью. Судя по тому, как она себя вела на извозчике, можно заключить, что все это было искусственно сделано. Она кричала: „Что вы здесь делаете, жандармы, чего вам нужно, вы убиваете совершенно неповинных людей“. Тогда мы ей ответили: „Тебе здесь делать нечего, напрасно на извозчике разъезжаешь, скрывайся или будешь направлена в определенное место“».⁵⁹

Это очень показательный психологический документ. За прошедшие годы многое, конечно, забылось — но примечательно то, что удержано памятью. Дважды упомянут тут извозчик, и это не оговорка: езда на извозчике была для рабочего свидетельством о богатстве, признаком «буржуя». Страдания, всколыхнувшие тогда многих петроградцев, оставляют рабочего равнодушным: он убежден в их «поддельности», протестующие крики для него — «жест истерички». Такова логика «иного» взгляда: те же факты имеют для него другую последовательность и причинно-следственную связь. И неслучайно поэтому на заседании Центрального Совета профсоюзов 7 января аплодисментами были встречены слова лидера левых эсеров о петроградском расстреле: «...это неизбежные жертвы всякой революции... революцию нельзя делать в белых перчатках... с этим нужно считаться как с фактом, являющимся этапом к достижению социализма»⁶⁰.

Следующий политический «всплеск» приходится на вторую половину февраля и непосредственно связан с германским

наступлением на Петроград. В городе кое-где началась паника: передавали слухи о бегстве Коллонтай с восемью миллиардами рублей, об отсутствии хлеба, предстоящей эвакуации правительства и, наконец, готовящемся восстании «корниловцев»⁶¹. Властям не верили. После взятия немцами Пскова на заводах стали требовать выдачи жалованья за месяц и более вперед⁶². Многие стремились уехать из Петрограда. Примечательная деталь: на собрании Выборгской бумагопрядильной фабрики 10 апреля 1918 г. решили вновь принять на работу глухонемую, оправдав ее тем, что «она взяла расчет, глядя на бегущую массу»⁶³.

Однако перевыборы завкомов на предприятиях не выявили сколько-нибудь решающего антибольшевистского сдвига. Разумеется, где-то нужное настроение и «создавали» путем запугивания, переголосований, аннулирования результатов выборов. О том, как это делалось на Трубочном, Обуховском и орудийных заводах, сообщала одна из нелегальных социалистических листовок тех дней «Советы в большевистском плену»⁶⁴. Но многих в городе больше, чем политика, интересовали «материальные» вопросы — тарифы, предстоящие увольнения, эвакуация. Показателен в этой связи опрос по предприятиям, проведенный в дни германского наступления Петербургским районным комитетом РСДРП(б). Лишь на фабрике Мелодер была замечена политическая оппозиция: там переизбрали большевистский комитет старост, выдвинули лозунги Учредительного собрания и ликвидации Советов⁶⁵. В других случаях информаторы, отвечая на вопрос анкеты: «Каково настроение рабочих в переживаемый момент?», высказывались односложно и туманно: «неопределенное», «плохое», «более-менее серьезное», «паническое», «приподнятое», «обыкновенное»⁶⁶. И характерен тут более пространственный ответ одного из анкетированных предприятий: «Настроение в связи с постоянной задержкой уплаты денег очень бурное, к политическим событиям относятся равнодушно»⁶⁷.

Февральские волнения не приобрели ошутимого массового размаха. Они обернулись мелкими стычками на предприятиях, уличными разговорами, слухами, резкими «антисоветскими» резолюциями, паникой и бегством из угасающего города. Но они не прошли бесследно. Стихийный «большевизм» масс, пожалуй, и

остался, но уже нередко обращался, как ни парадоксально, против самих большевиков. Эта тенденция отчетливо видна, когда присматриваешься к рабочему движению в Петрограде в первой половине 1918 г.

Экономическое недовольство рабочих определило тогда три основные формы их массовых действий. Это, во-первых, экономический экстремизм, поддержанный властями и теоретически оформленный коммунистическими постулатами. Для него характерно стремление преодолеть разруху и нищету путем национализаций, имущественных разделов, экспроприаций. Во-вторых, это забастовки — испытанная и давняя форма борьбы рабочих за свои права. И, в-третьих, это создание политизированных профессиональных объединений, противопоставленных государственным профсоюзам.

Полемика о рабочем контроле имела в те дни не только экономический, но и политический смысл. Контроль, будучи одним из основных элементов программы правительства, неслучайно стал объектом острых разногласий между социалистами и большевиками. Но в низах политические аспекты этой акции воспринимались слабо. Истоки экономической разрухи представлялись им зачастую упрощенно, как следствие саботажа, нежелания капиталиста работать на пролетарское государство, утаивания товара и его хищений. И рабочий контроль нередко принимал экзотические формы, экономически бессмысленные, но в целом объяснимые теми воззрениями, которые были присущи рабочей среде. Размах импровизаций в этой сфере насторожил даже большевистские круги, обычно поощрявшие всякую проявленную здесь инициативу. «Заводские комитеты в толковании рабочего контроля уходят вперед, гоняются за такими мелочами, как, например, требования обязательного учета куда, по какому делу и зачем ходил бухгалтер или другое должностное лицо, вплоть до члена правления, требования обязательного своего присутствия на приемах у директора-распорядителя или другого члена правления, требования обязательного своего присутствия на всех заседаниях правления, требования, чтобы ни одна корреспонденция не выходила из завода или правления без санкции, печати и пр. заводского комитета... До таких геркулесовых столпов дошел,

например, заводской комитет завода Лангеншиппен, который после целого года борьбы за рабочий контроль, в довершение идеи контроля дошел в начале второго года борьбы до обыска председателя правления под руководством членов заводского комитета, и при обыске было найдено... вино», — все это сообщалось в докладе секции по металлу Совнархоза Северного района 11 июля 1918 г.⁶⁸ Возможно, здесь отражены крайности рабочей «борьбы» с разрухой. Проблема, однако, состояла в том, что иных ее форм в низах и не знали, неотчетливость и аморфность имевшихся инструкций лишь усиливала размах импровизаций.

Осознание никчемности контроля и его экономической бесполезности имело два последствия. С одной стороны, очень быстро на предприятиях от увлечения рабочим контролем переходили к просьбам о национализации фабрик и заводов⁶⁹. По сути дела, это явилось лишь обнажением того «патерналистского» духа, для которого существенным была не передача фабрик и заводов в руки пролетариев, а требование стабильности и гарантированных заработков, независимо от того, кто это обеспечивал.

С другой стороны, в рабочей среде получали поддержку предложения о ликвидации контроля и возвращении к прежней системе управления. Несомненно, это в значительной мере оформлялось политическими доктринами социалистов. Последнее обстоятельство иногда смущает историка, который видит здесь скорее инициативу верхов, чем желание низов. Дело было сложнее. Отмена контроля тут все же побочное требование. Определяющим стало общее тяготение к прежнему бытовому укладу, к той сытости и достатку, которые, даже будучи скромными, разительно отличались от всего, с чем столкнулись рабочие в 1918 г. И это настроение охватило многих, отсюда и та терпимость, с которой выслушивались рабочими возражения против контроля. В полемике по этому вопросу оппозиция избегала обсуждения политических аспектов. Спор имел несколько «технократический» оттенок. «Заберут фабрики, исковеркают и оставят рабочих голодными», «когда у нас велась эвакуация, все было бестолково, а когда сдали буржую или подрядчику, дело пошло великолепно», «рабочему контролю мы в значительной мере обязаны тем, что в промышленности анархия, что разрушены

многие предприятия» — подобным простым и «доходчивым» языком объясняли свое неприятие контроля ораторы на рабочих собраниях и конференциях⁷⁰. Памятуя об «антибуржуазном» синдроме у рабочих и не только у них, социалисты предложили заменить рабочий контроль государственным — этим, помимо другого, отменялись и слухи о передаче предприятий их бывшим хозяевам. На заседании Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда 22 марта 1918 года было даже заявлено, что «рабочий контроль, кроме всего прочего, воспитывает собственнические инстинкты в рабочей среде»⁷¹.

Выступления против контроля охватили лишь небольшую часть рабочих. Но они показательны. Они означали эрозию того «классового» сознания масс, для которого было привычно тяготение к радикальным решениям и которое было пронизано антибуржуазным, эгалитарным духом. Настрой 1917 года постепенно уходил, оставляя после себя озлобленность, вспышки протеста и, разумеется, забастовки.

Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда — один из наиболее ярких символов послереволюционного времени. Идея собрания возникла как естественное следствие двух тенденций, наиболее явно обозначившихся к марту 1918 г. Первая — это усиление «беспартийных» настроений, обычных для рабочей среды, но именно к весне 1918 г. приобретших отчетливую антибольшевистскую окраску. «Мы привыкли слышать на петроградских заводах много беспартийных, которые разное объясняют свою беспартийность», — это явление, отмеченное на 5-м Губернском съезде Советов⁷², в те дни было особенно заметным, оно наблюдалось даже в прокоммунистических общественных союзах⁷³. Мемуаристу В. Мещерскому запомнились разговоры на Путиловском заводе о том, что «мы против всяких партий», «должна быть одна партия, объединяющая рабочих»⁷⁴. И это подтверждается протоколом общезаводского собрания 6 марта 1918 г., на котором один из ораторов призвал создать Петроградский Совет «исключительно из самих рабочих»⁷⁵.

Вторая тенденция — это растущее разочарование рабочих в Советах и их попытки создать независимые профессиональные организации, противостоящие как Советам, так и профсоюзам, —

некую параллель городским структурам власти. Несомненно, инициатива здесь принадлежала социалистам⁷⁶, но это встретило живейшее сочувствие и у многих рабочих. Совмещение этих двух тенденций — тяги к беспартийности, оппозиционной в своей основе, и стремления к профессиональной независимости, и породило политический феномен весны 1918 г. — беспартийные конференции. Одна из них была тогда проведена по инициативе социалистов в Рождественском районе⁷⁷. Большевикам с трудом удалось повернуть ее русло в нужную сторону, и это в дальнейшем определило их тактику по отношению к «беспартийным» экспериментам.

Уже первые заседания Собрания Уполномоченных представляют значительный интерес для анализа политической психологии петроградских рабочих. Политические оценки достаточно однообразны: «...из-за расчетов и вычетов добавочных сумм среди рабочих царит бурное противобольшевистское настроение» (Трубочный завод), «...рабочие кричат: „Долой большевиков!“» («Старый Лесснер»), «...на заводе замечен перелом в настроении рабочих <...> рабочим кажется, что все гибнет» (завод Речкина), «...к большевикам настроение явно враждебное», «...рабочие разуверились в партиях» (Невский судостроительный завод), «...политическое настроение резко изменилось», «...большевиков бойкотируют, о социалистической республике больше не говорят» (паровозные мастерские Николаевской железной дороги), «...рабочие интересуются, почему комиссары уехали, а они не могут. Говорили даже о взрыве поездов» (Ижорский завод), «...настроение против большевиков растет» (Обуховский завод)⁷⁸.

Сообщения с мест о настроениях масс, конечно же, нуждаются в поправках — они принадлежали партийным ораторам, в речах которых нетрудно уловить политическую пристрастность. Найти коррективы к ним, однако, очень сложно. Ни отсутствие оппозиционных массовых действий, ни даже одобрение «советских» резолюций — привычные в прошлом аргументы в споре pro et contra — еще сами по себе не могут служить критерием истинности всего того, о чем говорилось на Собрании. Но все же отметим ряд особенностей дошедших до нас сведений. Заметна, прежде всего, их абстрактность и особенно краткость — она вряд ли объяснима лишь техникой протоколирования

записей. Это верное указание на аморфность антибольшевистских настроений — улавливались лишь общий «дух», направленность протеста. Неудивительно поэтому жалобы ораторов на равнодушие, малую активность рабочих масс. На том же заводе Речкина, несмотря на общую неприязнь к властям, из-за апатии рабочих не смогли сразу избрать уполномоченных на Собрание⁷⁹. «Ощущение безысходности и апатии вследствие этого» наблюдалось и на Невском судостроительном заводе⁸⁰.

Очень отчетливо этот настрой сказался и в конце апреля, когда Собрание уполномоченных решило провести первомайскую демонстрацию своих сторонников. Казалось бы, все способствовало этому замыслу. В середине апреля город остался без хлеба. К нехватке продовольствия уже привыкли, но теперь увидели нечто новое — полное отсутствие продуктов. «Надо знать: в городе абсолютный голод», — записывает 14 апреля 1918 г. в дневнике З. Гиппиус⁸¹. Ситуация стала критической в конце апреля. «Вот он, голод, — читаем дневниковую запись другого очевидца тех дней, архивиста Г. Князева, относящуюся к 1 мая 1918 г. — Выдают по ½ ф. хлеба на день. На рынках ничего нет... В трамваях даже незнакомые [люди] начинают разговаривать друг с другом о голоде... Не выдерживают. Сказать вслух, что наболело у всех, стало вдруг потребностью.

— Вот вам и Советская власть. Сами того хотели.

— А обманули нас большевики.

— Ленин говорит, что через 10 лет все хорошо будет.

— А нам что до этого. Умрем до тех пор с голоду или от черной смерти»⁸².

И все ждут, что кто-то первым бросит вызов властям. «Многие уже предрекают, что пришли последние дни для большевиков», — пишет 28 апреля Г. Князев⁸³, но никто не выступает, лишь кое-где, по замечанию З. Гиппиус, «вяло волнуются». «Завтра, кажется, ничего не произойдет. Для всех „акций“ все слишком голодны», «волнения на заводах, вероятно, будут подавлены, ибо разрешены опять мешочники», — эти записи З. Гиппиус сделаны соответственно 17 и 29 апреля⁸⁴, как раз в самый пик хлебного кризиса.

Лучше, чем З. Гиппиус, о настроениях на предприятиях были осведомлены в Собрании Уполномоченных. Первомайский

«смотреть» здесь решили предварить обзором политического самочувствия рабочих. Сведения с мест были неутешительны. «Надеяться, что масса пойдет за нами — нечего, даже при желании пойти она не пойдет, побоится, что ее расстреляют, как 5-го января» (делегат от безработных), «настроение подавленное, под влиянием голода, отчасти застрашивания» (Обуховский завод), «настроение инертное, 1-м мая никто не интересуется» (Путиловский завод), «настроение подавленное» (Пригородная Невская железная дорога, Гильзовый отдел Патронного завода), «откликов кругом нет и царит уныние, только 5 человек высказываются за участие [в демонстрации. — С. Я.]» (типография газеты «Копейка»), «настроение очень апатичное. Не хотят слушать никого» (завод Сименс–Шуккерт), «настроение подавленное. Рабочие не уверены, что не будут расстреливать» (Новый Арсенал), — таковы были сообщения уполномоченных на заседаниях Собрания 24 и 29 апреля 1918 г.⁸⁵ И в то же время на заводах охотно клеймили большевиков и Советы, принимали резолюции социалистов. «Во время прений резко критиковали Советскую власть. Рабочие внимательно слушали. Готовности к выступлению не обнаруживалось», — этот отчет представителя Городской электростанции⁸⁶ в целом рисует типичную для тех дней картину.

Последней попыткой Собрания Уполномоченных побудить рабочих к активным действиям была организация политической забастовки в июне. Однако к ней присоединились лишь немногие⁸⁷. Майские и июньские заседания Собрания позволяют хорошо ощутить ту атмосферу бессильного протеста, который повсеместно наблюдался в рабочей среде. «Не далее как колпинские и сестрорецкие события⁸⁸ вызвали массу резолюций, которые, однако, не дали существенных результатов, не заставили говорить о себе всех и каждого. Все попытки протеста и волнения умерли. Комиссары имеют полное право говорить, что не выявилась воля петроградского пролетариата... Закрытие печати также не отозвалось в массах. Со скрежетом зубным воспринимали мы закрытие „Луча“, „Дела народа“, „Дня“, но широкая рабочая масса этого не замечала», — упоминалось на заседании Собрания 23 мая 1918 г.⁸⁹ С тревогой активисты Собрания уполномоченных воспринимают быстрые перепады настроений рабочих, слишком

уж тесно увязанных с выдачей хлеба и других продуктов, — это видно из протокола заседания 29 мая: «Недели полторы назад положение было такое же. Некоторые заводы не работали, волновались, но прошло два дня, пришел хлеб, волнение улеглось, о восстании перестали говорить»⁹⁰.

За что голосовали рабочие-оппозиционеры в эти дни? За свободу печати, амнистию социалистам, отмену смертной казни, прекращение Гражданской войны. Эти требования были всеобщими. Кое-где протестовали против Брестского мира. Лозунг отставки Совнаркома иногда выдвигался открыто, иногда заменялся пожеланием, как это было в резолюции обуховцев 17 июня 1918 г., «создания общесоциалистической — демократической временной власти»⁹¹. Сложным было отношение к Учредительному Собранию. Нередко, как на заводе Сименс-Шуккерт, выступали за «оздоровление Советов рабочих и солдатских депутатов путем перевыборов»⁹². Примечательно, что антибольшевистская резолюция Путиловского завода 6 августа 1918 г. кончалась призывами «Да здравствуют Советы Рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов», «Да здравствует Красная Армия»⁹³. В других местах (например, на фабриках б. Паль и Варгунина, Обуховском заводе) лозунг Учредительного Собрания одобрялся без всяких оговорок⁹⁴. В целом резолюции почти не выходили за пределы эсеро-меньшевистских программ, но говорить об унификации их вряд ли правомерно. Мы видим заметное, хотя в чем-то и ограниченное «низовое» участие в их составлении. Так, на Путиловском заводе во время обсуждения одной из резолюций — об этом сообщалось на Собрании уполномоченных 29 мая — «председатель... вычеркнул было пункт об Учредительном Собрании, но большинство настояло на том, чтобы он был внесен»⁹⁵. И о собрании в типографии газеты «Копейка» говорилось, что «оно приняло лозунги Собрания Уполномоченных и прибавило еще лозунг о свободе печати»⁹⁶. Если присмотреться к самим резолюциям, здесь зачастую нетрудно обнаружить и местные импровизации; одно из них — постановление путиловцев 6 августа 1918 г.: «Мы требуем немедленного разоружения всех вооруженных банд, поселившихся на железных дорогах, прикрывающихся флагом Красной Армии,

производя[щих] разгромы и расстрелы рабочих и крестьян»⁹⁷. И примеры эти можно продолжить.

Политические настроения масс в 1917–1921 гг. отчетливее и рельефнее для историка обозначались лишь во время наиболее значимых общественных акций. Особенно это справедливо по отношению к 1919–1920 гг., когда нередко только кампания по выборам в Советы позволяла хоть что-то узнать именно о политических чувствах людей. Они словно вызывались на политический диспут, и уже по их первичной реакции, даже молчаливой, можно было догадаться о преобладающих настроениях. Выборы Петроградского Совета летом 1918 г. в целом подтвердили ту расстановку сил, которая еще раньше была обнаружена Собранием Уполномоченных. Примем во внимание все: политическую апатию, избирательную систему, дававшую много преимуществ для властей, устранение инакомыслящих и даже целых партий, интенсивную идеологическую «обработку» горожан в условиях фактического запрета свободной печати⁹⁸. Но все это лишь отчасти способно объяснить весомую коммунистическую победу на выборах⁹⁹. Важнейший ее фактор — все еще сохраняющаяся «большевизация» части рабочих. Этот политико-психологический феномен в свое время обсуждало и Собрание Уполномоченных, на одном из заседаний которого прямо говорили: «Вырвать рабочих из-под большевистской опеки — задача почти непосильная. Здесь много говорили о подавленном настроении, но ничего другого и представить себе нельзя. Массы еще не вполне отошли от большевиков и не вполне разочаровались»¹⁰⁰.

Это явление очень сложное, оно не всегда означало сознательное усвоение коммунистических лозунгов. Это — скорее даже элемент общего социального поведения, во многом определяемого и конформистскими стереотипами. Тут сказались и традиции идеологизации русского общества, делавшие зачастую понятное, «правильное» слово более весомым аргументом, чем «правильное» дело. С одной стороны, мы видим забастовки на фабриках и заводах, знаем об уличных впечатлениях интеллигентов. Стачки летом 1918 г. не были редки. Правда, они возникали на крупных предприятиях, среди наиболее организованных рабочих — на Путиловском, Обуховском, Невском судостроительном

заводах¹⁰¹. На Обуховском заводе дело кончилось даже локаутom, разгоном завкома и прекращением работ в цехах на два месяца¹⁰². С другой стороны, типичным можно считать и протокол предвыборного собрания Выборгской бумагопрядильной фабрики 19 июня 1918 г., в котором читаем: «Подавляющим большинством избран тов[арищ], сочувствующий партии большевиков. Общим собранием единогласно принят наказ Петроградской коммунистической партии большевиков»¹⁰³. Подобного рода документов появлялось в те дни немало — именно так, без споров и прений, не глядя, словно впопыхах, и создавалась большевистская фракция в городском Совете.

И неслучайно мы видим во второй половине лета 1918 г. лавинообразный рост проявлений политического фундаментализма — настроений, охвативших не только партийных и советских чиновников, но и значительные слои низов. Основные элементы его достаточно выкристаллизовались за несколько месяцев после переворота, быстро теряя чуждое им послефевральское обличье. Это четкий дуализм мира, деление его на своих и чужих, идеализация первых и однозначное (идеологическое либо политическое) отторжение вторых. Это прочное убеждение в существовании одной и единственно верной политической программы, при том, что прочие отвергались безоговорочно, без какого-либо обсуждения. Это ориентация даже не на программы, а на определенный круг лиц. Это полный разрыв с прежними юридическими ритуалами или, вернее, с нормами традиционного правового мышления, поскольку насилие незамедлительно облекалось в юридические формы. Это тотальное неприятие политических противников, доходящее до оправдания их убийств.

Ленина вряд ли вводили в заблуждение, когда сообщали о желании местных рабочих ответить на убийство Володарского масовым террором¹⁰⁴. Разумеется, это не все рабочие, а лишь «сочувствующие», как называли бы их в то время, но ведь были и такие. «Мы, безусловно, пошлем на Урал своих товарищей, — говорил некто Сергеев на общем собрании Василеостровской организации РКП 9 августа 1918 г., — но мы говорим о том, что дайте нам только несколько дней для расправы с здешними, внутренними врагами, с петроградскими белогвард. офицерами, которых имеется

зарегистрированных только 18.000 чел[овек]»¹⁰⁵. Общий дух нетерпимости, царивший в городе, удивлял иногородних. «Рассказы о терроре, который здесь царит, поражали москвичей. В Москве ничего этого нет», — сообщила делегация Собрания Уполномоченных, побывавшая в столице¹⁰⁶. Петроградский делегат Зорин даже вступил на 5-м Всероссийском съезде Советов в июле 1918 г. в полемику с Лениным — ему не понравились слова российского вождя о том, что он доверяет искренности левых эсеров. «Товарищ Ленин, сидя здесь, в Совнарком, может быть, не видит всей работы левых с. р. Я говорю, что искренности нет», — так он излагал свои взгляды на возможность «социалистического единения»¹⁰⁷.

Красный террор оформлялся исподволь, в течение всего лета 1918 г.: «погромной», как тогда говорили, агитацией «Красной газеты», расправой с левыми эсерами, августовскими арестами офицеров — следствием Ярославского мятежа, наконец, Декретом Совета Комиссаров Союза Коммун Северной области 18 августа 1918 г., где обозначен целый перечень провинностей, караемых расстрелом: «за контрреволюционную агитацию, за призыв красноармейцев не подчиняться Советской власти, за тайную или явную поддержку того или иного иностранного правительства, за вербовку сил для чехословацких и англо-французских банд, за шпионство, за взяточничество, за спекуляцию, за грабежи и налеты, за погромы, за саботаж и т. п. преступления»¹⁰⁸. Террор породил слухи, со слухами боролись террором. Слухи особенно стали множиться с первых чисел августа, когда началось повсеместное закрытие «буржуазных» газет и аресты офицеров. Говорили о занятии чехословаками Нижнего Новгорода, Рязани, даже Подмосковья, о немецком ультиматуме. Много было разговоров о расстрелах и потоплении офицеров¹⁰⁹. Слухи о предстоящей отправке хлеба из голодающего города в Германию вызвали даже специальное Обращение Петросовета «К рабочим Петрограда»¹¹⁰ — опасались попыток захвата поезда с посылками для русских военнопленных.

Сентябрьский красный террор не был поэтому каким-то экстраординарным событием в жизни города — к нему уже были готовы, он стал логическим завершением того процесса, который обозначился давно. Ни политические покушения августа 1918 г., ни сам сентябрьский террор не вызвали каких-либо беспорядков

в городе. Террор коснулся по преимуществу бывших офицеров — их боялись больше всего, «помещиков и капиталистов», бывших царских чиновников. Разумеется, он отразился новой волной слухов в Петрограде: говорили о застенках, и перлюстратор международной корреспонденции в своем отчете за октябрь 1918 г., отметив «подавленность общества», объяснил ее «необходимым применением „красного террора“»¹¹¹. Волна митингов и резолюций в те дни почти не затронула заводы. Когда читаешь документы, запечатлевшие отклики на августовские события, обращаешь внимание на их авторов — это по преимуществу коммунисты, профсоюзная верхушка (изредка завкомы) и в подавляющем большинстве военные — красноармейцы, матросы, служащие внутренней охраны¹¹². Были и несомненно фальсифицированные документы, в частности, «Резолюция детей Петергофского района»¹¹³. Она написана уже явно «взрослым» языком, очень витиеватым, а сложная лексическая конструкция предложений (одно из них насчитывало более 120 слов) делало ее чтение трудным не только для детей. Но рабочих резолюций мало. Протокол собрания Пушечного Округа Путиловского завода, призывавшего к насилию, видимо, был такой редкостью, что его поместили в «Петроградской правде» полностью, без сокращений; но и из него видно, что 20 человек воздержались при голосовании¹¹⁴.

И все же, несмотря на террористические лозунги, аресты заложников, расстрелы, настроение «улицы» не менялось. Словно существовало два города: один, дисциплинированный коллективными ритуалами, молчащий или молча голосующий, другой — вне заводских стен и учреждений, без наблюдающего ока, раскованный и непредсказуемый. Очевидцы, видевшие только этот, другой город, удивлялись устойчивости нового режима. «Но на ком же, в сущности, держатся большевики? — писал уже упомянутый ранее Г. Князев 8 сентября. — Ведь только и слышно, как поносят большевиков. Царское правительство так не ругали. В трамваях, на улицах, особенно женщины, кричат, что хуже стало, чем при царе»¹¹⁵. Но равновесие режима и поддерживалось «ззором» между этими двумя городами — поведение первого из них жестко регулировалось большевистскими регламентами, организационными и идеологическими, и нейтрализовало

анархическую оппозиционность второго — стихийного, слабо управляемого, разобщенного.

Настроения в Петрограде в конце 1918 г. не были оптимистичными — об этом можно судить даже по коммунистической листовке, выпущенной в связи с годовщиной Октябрьского переворота. «Некоторые рабочие, — читаем в ней, — говорят что это — голодная годовщина, многие из рабочих говорят теперь, что революция не дала никаких улучшений, не изменила будто бы условий их труда»¹¹⁶. Но именно тогда закрываются последние «буржуазные» газеты — и безо всякого массового протеста, изгоняются со своих постов последние независимые профсоюзные лидеры¹¹⁷. Даже столь известный в 1918 г. своей оппозицией Путиловский завод принимает 18 декабря по докладу Г. Зиновьева резолюцию с характерными формулировками: «Путь к социализму лежит только через единственные органы государственной власти — Советы, заявляем, что ни за какую парламентскую чечевицу не продадим своего права на жизнь и труд»¹¹⁸. «Все словно очумевшие, — замечает в тот же день в своем дневнике Г. Князев. — И вид какой-то приниженный, озлобленный. Никто не осмеливается громко и смело заявить протест. Только злобно шепчутся»¹¹⁹. Безо всяких споров одобряются на фабриках и заводах предложения о том, что только коммунистов следует избирать в руководящие органы¹²⁰ — и это при очевидном «беспартийном» настроении масс. Пресловутый цензор-перлюстратор писем в отчете за декабрь 1918 г. отмечает «иной тон писем беспартийного петроградского обывателя, который жалуется на недостаток продовольствия и топлива... вследствие чего и настроение этой части общества подавленное»¹²¹, упоминает «циркулирующие слухи о наступлении англо-французов»¹²², — но и он не склонен преувеличивать реальной политической угрозы Советам.

Происходило медленное, еще мало заметное, ежедневное, зачастую бессознательное приспособление к новому режиму. Усваивались его речь, терминология, коды поведения. Исчезновение открытой оппозиции неминуемо изменяло политическое мышление масс. Новый идеологический порядок еще не был прочным, но он уже существовал, он отчасти определял и мысли, и поступки людей и становился более обязательным.

«Зачинайся, русский бред»

«Зачинайся, русский бред» — это начало неоконченного стихотворения А. Блока, созданного через несколько недель после переворота, не менее точно передает противоречивость революционных «чувствований» поэта, чем его знаменитые публичные декларации. Две фигуры вызывают у А. Блока сильнейшую аллергию — это «буржуй» и «интеллигент». Ненависть к ним — важный элемент формирования его «октябрьских» настроений. «Буржуй» прежде всего — символ пошлости и обыденности. Неприязнь к нему — это, пожалуй, у А. Блока вневременное чувство, но после 1917 года оно приобрело отчетливый политический оттенок. Революция для поэта — способ разрушения пошлости, охватившей, по его мысли, все: быт, культуру, политику, литературу. «Немцы продолжают идти. Барышня за стеной поет. Сволочь подпевает ей (мой родственник). Это — слабая тень, последний отголосок ликования буржуазии», — уже по этой дневниковой записи 21 февраля 1918 г.¹²³ видишь, какое отвращение вызывало у Блока все, что хоть издали напоминало о «буржуазном» порядке, и главное — как политизировались эти настроения. «Интеллигент» — одна из частиц мира пошлости по Блоку. Либеральное поведение для него лживо, это синоним трусости, ибо в нем многое не договаривается до конца, оно не целостно и не здорово, оно двусмысленно. Люди, разрушающие эту рутину, и метель, которая опрокинет старый, закосневший мир, вызывают у него нескрываемую симпатию. Он необычно подробно записывает разговор с С. Есениным 3 января 1918 г., ему явно созвучны слова последнего: «(Интеллигент) — как птица в клетке, к нему протягивается рука здоровая, жилистая (народ); он бьется, кричит от страха. А его возьмут и... выпустят»¹²⁴.

В протестах интеллигентов против большевистских бесчинств он видит все тот же симптом двоедушия, которое, по его мнению, не позволяет замечать исторической правоты разрушения — обо всем этом он писал в статье «Интеллигенция и революция»¹²⁵. Вообще все «интеллигентское» вызывало у него уже острое чувство раздражения: мышление, стереотипы, групповые пристрастия, традиционные политические и идеологические ритуалы. Блок особо подмечает в поступках А. Луначарского «много верного и неинтеллигентского»¹²⁶, (что особенно важно)¹²⁷. И хрестоматийная дневниковая запись 14 января 1918 г. едва ли поэтому нуждается в комментариях: «„Интеллигенты“, люди, проповедовавшие революцию, „пророки революции“, оказались ее предателями. Труссы, натравливатели, прихлебатели буржуазной сволочи»¹²⁸.

Путь Блока к революции — это лишь один из путей, в чем-то необычный, возможно, своей откровенностью, сильно «индивидуализированный»; здесь к тому же одинаково проявились и народничество поэта, и его ницшеанство. «Октябрьские» симпатии интеллигенции — сложный психологический феномен. Они обнаружили и ее анархичность, и ее «народопоклонничество» и, как следствие последнего, — тягу к примитивизму и культурному «опрощению», к агитке. Требование дополнить изменение политических форм внутренним, «духовным» Октябрем, некоей третьей, «нравственной», революцией заметны везде: и в Передвижном театре П. Гайдебурова, и в работах А. Белого. Этим как бы подчеркивалась значимость «политического» Октября, подыскивалась адекватная ему этическая параллель. Революция, таким образом, не только одобрялась, но и была объектом интенсивного внутреннего переживания: аморфные представления тяготеющего к революции интеллигента переливались в отчетливые большевистские формулы.

Обратим внимание на «промежуточный» язык — тот, которым пользовался интеллигент, близкий по духу большевикам, но еще не полностью обращенный «в революцию». Это — язык этических формул и клише, зачастую туманных и «красивых», наподобие призыва В. Мейерхольда «отречься от старой России во имя искусства всего земного шара»¹²⁹. Режиссер Александринского

театра В. Мейерхольд использовал именно этот язык, готовя в конце 1917 — начале 1918 г. проект обращения к правительству от имени актеров: «Россия придет к победе, ибо страна эта не только мощна своим политическим разумом, но еще и тем, что она страна искусства. И когда искусство это хочет стать потоком, рвущимся с той же необъятной силой к той же цели, к великой вольности, последней вольности, — с какою рвется к победе новая трудовая коммуна, служители этого искусства вправе сказать: обратите на нас внимание, мы с вами»¹³⁰.

Разумеется, зачастую это был язык «публичный», приспособленный к оправданию своего сотрудничества с новыми властями, но все же, как правило, он отражал внутреннее, «переходное» состояние интеллигента. Значимость этических идей как регулятора политических настроений можно оценить хотя бы по одному случаю, описанному александринским артистом Д. Пашковским. Он вспоминал о постановке пьесы Л. Толстого «Петр Хлебник» в 1918 году: «Тогда шли страшные реквизиции. Дело касалось матрацев для армии. Приходит И.М. Уралов (выдающийся артист Александринского театра), говорит: „Ну, братцы, какую я пьесу достал... Надо поставить. Все стонут о реквизициях, а ведь сколько тут радости: отдать, что можно от себя“»¹³¹. «Воспринятая столь своеобразно, пьеса была поставлена на правах первой программной новой постановки примиряющегося с Советской властью и „кающегося“ Александринского театра», — замечает публикатор этой записи¹³².

Элементы «большевизации» интеллигенции разнообразны. «Героический» театральный репертуар был созвучен риторике революции — и потому грань между «чистым искусством» и политикой, между актером и политизированным обществом не была столь уж непроницаемой. Когда знакомишься с покаянными письмами бывших социалистов, интеллигентов по преимуществу, то быстро замечаешь, что для них ключом «обращения» стало внешнее соответствие «социалистических преобразований» расхожим в их среде представлениям о социализме. «Самое главное у нашей партии была борьба за то, чтобы не пускать в управление страной главного врага — буржуазию, — так рассуждал на 1-й губернской конференции профсоюзов 6 сентября 1919 г.

представитель партии революционеров-коммунистов, возникшей после раскола левых эсеров. — Тогда, когда партия левых эсеров забыла наше желание и стала употреблять свои силы на борьбу с коммунистами, мы увидели, что этот путь для революции гибельный. Это и заставило нас отколоться»¹³³. Интеллигент в данном случае более улавливал абстрактную, поверхностную «общую картину» какого-либо явления, чем «частности» революционного обихода, которыми и жили массы. Эта «общая картина» влияла на его политическое самочувствие более заметно как раз потому, что его восприятие было преимущественно книжным, теоретическим, а не практическим.

Во многих случаях большевизация начиналась и с «деловых» отношений с новым режимом, что уже весной 1918 г. допускалось даже Всероссийским учительским Союзом — наиболее непримиримо настроенной к большевикам интеллигентской организацией¹³⁴. И здесь мы также видим использование «промежуточного» языка, уже знакомого нам по декларациям В. Мейерхольда, — может быть, и не всегда «цветистого», но включающего те же блоки интеллигентской лексики. Характерный пример — резолюция младших преподавателей Политехнического института, принятая в январе 1918 г.: «Принимая во внимание, что деятельность ученых и учено-учебных учреждений, каким является Политехнический институт, имеет своей целью сохранение и создание ценностей абсолютных, мировое и государственное значение которых не связано с господством тех или иных политических партий, что существование института как учреждения государственного немыслимо вне связи с органами существующей власти... войти в сношение с Советом народных комиссаров при условии действительных гарантий возможности выполнять... работу»¹³⁵. Допуская «деловые» отношения, интеллигент, вовлекаясь в новый порядок, становился его частицей, воспринимал его логику, язык, ритуалы, приспосабливался «внешне» — и это неизбежно ломало устои внутренние, смешивало его с ранее чуждой ему средой.

Приближение интеллигента к революции не было быстрым и последовательным. Ему ежедневно приходилось преодолевать и внутреннюю предубежденность, нарушать профессиональные

традиции, идти на несовместимые с его взглядами компромиссы. Главное, что он мог противопоставить большевизму, — это свой политический нейтралитет и отражающее его стремление к групповой автономии. Беспартийность вполне соответствовала известному анархическому оттенку традиционных интеллигентских воззрений. Партийное служение рассматривалось в них как духовное стеснение. И примечательно, что первые выступления готовых к сотрудничеству с властями учителей против ВУСа в конце 1917 г. как раз и обосновывались полным политическим нейтралитетом школы, которая, по их мнению, «не должна быть ни при каких условиях обращена в орудие политической борьбы»¹³⁶. Но политическая нейтральность — это уже не борьба, это пассивное сопротивление, которое иногда неожиданно оказывалось и формой «приобщения» интеллигента к революции, притупляя аллергию к новому режиму. Это, во всяком случае, — необходимое условие пресловутой «большевизации».

Ранее уже говорилось о «культурном» отторжении от властей как основе политической оппозиционности. В воспоминаниях Ф. Шалапина, прожившего в Петрограде все послереволюционные годы, эта культурная неприязнь видна наиболее отчетливо в ее различных проявлениях и сочетаниях. Мы встречаем ее едва ли не на каждой странице очерка «Под большевиками» — одной из глав его мемуарной книги. Вот как он описывает приобщение народных масс к театру в это время — явление, восторгавшее многих провозвестников «театральных зорь»: «Правда то, что народ в театр не шел и не бежал по собственной охоте, а был подталкиваем либо партийными, либо военными ячейками. Шел он в театр „по наряду“. То в театр наряжат такую-то фабрику, то погонят такие-то роты»¹³⁷. Вот к нему собираются на застолье «облепившие театр, как мухи» какие-то местные чиновники, и он с брезгливостью подмечает, что среди них «преобладали люди малокультурные, глубоко по духу мне чуждые, часто просто противные»¹³⁸. Трудно сказать, насколько точны были излагаемые им диалоги, но их художественная окраска несомненно передает тот дух культурной неприязни, которую у него вызывали оказавшиеся у власти, как он их назвал однажды, «бывшие парикмахеры». Без комментариев следует оставить воспроизведенный

знаменитым певцом монолог в его столовой одного из чиновников, без меры употребившего перед тем картофельную водку: «Вот вы, актеришки, вот вы, что вы для пролетариата сделали что-нибудь али не сделали, а ты вот выдумай что-нибудь для пролетариата и представь, ты же актеришка, ты и выдумывать должен»¹³⁹. «Тошно стало», — вспоминал об этом случае Шаляпин.

И, разумеется, одной из причин «антисоветских» настроений интеллигентов было тотальное ощущение ненужности, приниженности, социального неблагополучия — и своего, и чужого. «Учащие жалуются, что они не могут слышать плач голодных детей и не могут равнодушно относиться к постоянным разговорам о том, сколько такой-то из их родителей заработал, причем заработок нередко исчисляется крупными цифрами», — сообщал корреспондент «Нашего века»¹⁴⁰. И тут же замечает о том, что нужда среди наименее обеспеченных слоев интеллигенции достигла своего предела¹⁴¹. Крайне болезненно интеллигенты отозвались на решение властей весной 1918 г. урезать паек, а то и полностью его не выдавать «буржуазным классам» — этой мерой хотели увеличить паек рабочим и предотвратить заводские волнения. В резолюции годовичного общего собрания Петроградского Союза врачей 2 июня 1918 г. в этой связи было прямо сказано, что «власть стоит на ложном пути борьбы с голодом, узко-классовом»¹⁴².

Идеологическое и материальное — все переплеталось в сложном узле ежедневных «чувствований» интеллигента. Политический выбор зависел от многого, но не был устойчив — психологические «перепады» стали знаменем времени. Они не всегда являлись столь односложными и примитивными, как у многих рабочих, но имели те же истоки. Новые политико-психологические устои еще не возобладали, но они уже были отмечены в интеллигентском сознании. Началась перестановка «вех» — еще непоследовательная, скорее внешняя, выраженная специфическим либеральным и подчас антибольшевистским языком, но с каждым днем более реальная и весомая.

Первое предупреждение: весна-лето 1919 г.

Схожие тенденции мы обнаруживаем и в рабочей среде. Конформизм рабочего не означал, конечно, полной скованности его новыми политическими нормами. Вспышки протеста на фабриках и заводах мы наблюдаем и в 1919 г., особо мощные — весной и летом. Первая из них удивляет своей массовостью и размахом — такого не было с 1917 г. Внешне ее вполне можно принять даже за некий перелом в поведении рабочих. Но когда знакомишься с подробностями, с внутренней механикой мартовских волнений 1919 г., это ощущение быстро исчезает. Мартовский взрыв развивался во многом по новому сценарию, нежели рабочие выступления прошлых лет. Здесь видна их ограниченность — искусственная деполитизация, характерная лексика и стереотипы действий. И еще подметим их скоротечность — возникнув быстро и внезапно, они почти сразу пошли на убыль.

В начале 1919 г. пока еще трудно разглядеть какие-либо симптомы предстоящего кризиса. Достаточно упомянуть в этой связи один из самых «беспокойных» районов города — Василеостровский. «Настроение удовлетворительное», «настроение довольно хорошее», «настроение ничего», «настроение массы поправилось по получении 8 фунтов муки» — таковы были сообщения в январе 1919 г. с заводов Кабельного, Посселя и Сименс-Гальске, Василеостровского трампарка и фабрики Печаткина¹⁴³. Разумеется, где-то замечалось и глухое брожение. Сложной, как обычно, была обстановка на Балтийском заводе — об этом предупреждал местный коллектив РКП(б) 9 января: «Настроение масс противное коммунисту, были разговоры о забастовке на почве голода, что с трудом удалось приостановить»¹⁴⁴. «Плохое»

настроение обнаруживалось и на Гвоздильном заводе¹⁴⁵. Но тогда это были исключения. Однако уже иную картину в этом же районе мы можем наблюдать несколько недель спустя. «Недостаточная информация о положении на фронте вредно отражается на настроении масс» — об этом говорилось еще на собрании организаторов районных партколлективов 29 января 1919 г.¹⁴⁶ Какое-то ощущение надвигающейся грозы оставляет протокол собрания 19 февраля. Его участники делились такими впечатлениями о 12-й государственной типографии, Трубочном и Балтийском заводах, Сименс-Гальске: «О Советах и партии нельзя установить мнение массы», «настроение масс плохое, арест левых эсеров повлиял на массы», «много консерваторов и учредилковцев», «настроение масс неопределенное»¹⁴⁷.

Это еще не взрыв, но сама «неопределенность» говорит о многом. Громких выступлений пока не было, но даже на рабочих митингах в те дни все чаще заметно плохо скрываемое раздражение. Так, 1 марта 1919 г. призывавший на собрании молодежи Экспедиции заготовления государственных бумаг к мобилизации комсомольский оратор вместо привычного гула одобрения услышал в ответ крики: «Долой!», «На что нам Красная Армия?», «На что нам текущий момент»¹⁴⁸. Не стеснялись уже и большевистских вождей. Рабочий Северной Судостроительной верфи П. Беляков так вспоминал о выступлении Ленина в Петроградском Народном доме в марте 1919 г. — там, где большевистский лидер предложил запретить пассажирские перевозки на железной дороге¹⁴⁹: «Народу было очень много <...> между собой вели разговоры, что все это делается с той целью, чтобы не дать народу самому ездить за хлебом, а весь хлеб бросать для армии, для того чтобы та воевала, а здесь, в городе, ничего не будет, для них городское население ничто»¹⁵⁰. Все это совпало с недовольством низов по поводу слишком уж поспешной бюрократизации и «отрыва от народных масс» нового аппарата власти. Получаемые им «блага», сколь бы куцыми они еще ни были, вызывали живейший протест у рабочих и других слоев общества. Неслучайно Г. Зиновьев в начале 1919 г. несколько раз был вынужден говорить об этом публично. «Местами это приходится наблюдать, местами создалась такая атмосфера, что комиссар — это стало бранным словом», —

заявил он на 6-м губернском съезде Советов 2 января 1919 г.¹⁵¹ И о том же он упоминал спустя несколько недель на VIII съезде РКП(б) — о партиячках, отгородившихся стеной от масс, стремящихся к привилегиям, мечтающих о хорошей квартире и мягкой мебели и далеких от рабочих, которые смотрят на них «как на начальство»¹⁵². Это нарочитое возвращение к одной и той же теме примечательно — очевидно, улавливался какой-то сдвиг в общественных настроениях. То, что произошло в городе в марте, вряд ли можно понять, отвлекаясь от всех этих частных. Они создавали соответствующий психологический климат, который и подготовил мартовский кризис.

Точкой отсчета волнений следует считать 8 марта 1919 г. Утром этого дня начался самочинный митинг рабочих Путиловского завода, требовавших хлеба. Заводской комитет никоим образом не вмешивался в это действие и вообще постарался его не заметить. Это насторожило рабочих, заставивших комитет избрать из своей среды президиум собрания во время второго митинга, который состоялся утром 9 марта. Здесь мы наблюдаем очень характерный поступок — стремление к «легитимизации» митинга. Ни для чего другого завком не был им нужен. Никому из его представителей 9 марта рабочие не позволили выступать. Эта «легитимизация» — одна из форм самоограничения волнений; экономический характер заводской резолюции, несмотря на политические прения, едва ли был здесь случайным. Рабочие словно стремились показать свою «благонадежность» — они осмотрительно воздерживались поначалу от всего, что превращало их действия в политическую акцию. Показательно, что все это закончилось, едва прибывшие на митинг чиновники пообещали одарить путиловцев неким усиленным «бронированным» пайком к 12 марта¹⁵³.

Собственно, политизация волнений и произошла после 12 марта, когда из-за нерасторопности властей — они опоздали на несколько дней — обещанный паек не привезли на завод. 13 марта состоялось новое собрание, очень бурное, причем его председателем избрали уже левого эсера. Главным здесь стало обсуждение политических вопросов — но этот факт нуждается в комментариях. Действительно, итогом митинга была

политическая (в отдельных своих пунктах) резолюция, и представители завкома даже выразили недоумение, почему вместо хлеба рабочие просят свободы слова¹⁵⁴. Но масштабы проявленного здесь инакомыслия не следует преувеличивать. На политические устои государства тут никто не покушался. Один из выступивших, представитель оппозиции Глебов, хотя и осуждал террор, но много говорил и о расколе рабочих, а в заключение несколько туманно призывал к объединению «всех разумных социалистических сил в единый социалистический строй»¹⁵⁵. Да и политического спора на собрании не было — мы слышим, как правило, монолог социалистов, а об откликах рабочих судим лишь по коллективной резолюции.

Эта знаменитая резолюция путиловцев, ставшая главным идеологическим документом мартовских волнений, и была предложена все тем же Глебовым. Собственно, это был даже цикл резолюций — каждое из собраний дополняло прежние свои решения, и затем все это было представлено как единое целое.

Преамбула данного документа была полна жалоб на нищету и голод; политических разногласий здесь не касались. Упоминалось, правда, об «односторонней и узко фракционной власти», занятой «сведением счетов»¹⁵⁶, — но это все же краткое определение, а не подробная политическая декларация. Первый пункт резолюции посвящен исключительно бытовым вопросам: просили фунт хлеба в день на человека, обуви и одежды рабочим и их семьям. Второй пункт резолюции, отвергая увеличение пайка за счет детей и «прочих граждан», требовал даже не свободной торговли, а некоей кооперативной закупки продуктов, причем строго оговаривалось, что она должна существовать при неограниченной поддержке правительства — не допускали даже намека на ее «альтернативность». Третий пункт несколько повторял предыдущий — он предусматривал свободу действий для кооператоров и снятие «заградительно-грабительских кордонов». Столь же ограниченными следует считать и предложения установить рабочий контроль за распределением продуктов — об этом говорилось в четвертом пункте.

Пятый пункт резолюции и есть собственно политический. Прочитируем его целиком: «Мы требуем полной политической

амнистии и немедленного освобождения из тюрем, застенков и чрезвычайек всех людей, брошенных туда за убеждения и свободное их распространение»¹⁵⁷. Самым примечательным в этом документе является шестой пункт — о возможной будущей власти. Авторы, понятно, не могли обойти молчанием эту проблему, — но обратим внимание, каким вдруг неточным, двусмысленным становится их политический язык: «Мы требуем отказа, как в области экономического строительства, так и в области политического управления, от узкого и фракционного недоверия к широким народным массам <...> требуем создания единого социалистического фронта и привлечения к социалистическому строительству всей трудоспособной революционной демократии»¹⁵⁸. Что здесь предлагается — Советы, Учредительное собрание, земства или нечто иное, понимается ли под «созданием фронта» участие в правительстве или идеологическая коалиция, что такое «трудоспособная» демократия и в чем суть ее «привлечения» — выяснить трудно, все это допускает различное толкование.

Такова эта пресловутая «политизация». Однако и в этом своем ограниченном проявлении она необычайно взволновала «отцов» города — верный признак того, что явилась для них неожиданной. Ко времени следующего забастовочного взрыва, к февралю 1921 г., властями уже были опробованы некоторые приемы антистачечной агитации. Однако события марта 1919 г. явно застали их врасплох. Они быстро начали терять самообладание, а иные из них — и чувство меры. Уже знакомый нам Зорин, например, с трибуны Петросовета счел уместным объявить, что «на территории Петербурга каждый честный рабочий имеет право пустить пулю в лоб каждому левому эсеру»¹⁵⁹. Следы этой растерянности заметны, во-первых, в том, что большевики воспользовались как идеологическим оружием блоками уже привычной, отшлифованной, разветвленной аргументации против меньшевиков и эсеров. Миф о «святости» пролетариата не посмели разрушать, но дали ему особую интерпретацию: всем бастовавшим было отказано в праве именовать себя рабочими. И здесь зашли уж слишком далеко: путиловцев, еще не столь давно бывших объектом чуть ли не ритуального поклонения, не стесняясь, объявили сбродом контрреволюционеров и буржуазии. Во-вторых,

для прекращения «волынок» использовали войска — и очень скоро, не дожидаясь результатов агитационных листовок. На территорию Путиловского завода подразделения кронштадтских матросов, красноармейцев и сводного рабочего коммунистического отряда были введены 18 марта. У заводских ворот поставили охрану и преградили путь как агитаторам, так и делегациям с других заводов. Начались аресты — взяли под стражу около 120 человек¹⁶⁰. И все закончилось — протесты, собрания, стачки. В следующие дни завод работал как обычно, волнения уже поутихли.

Угрозы, однако, действовали не на всех. С 14 марта началось быстрое распространение стачек на других предприятиях. Первыми заволновались рабочие Рождественского трамвайного парка. Они собрались на митинг вечером 14 марта. Попытки прибывших сюда А.В. Луначарского и комиссара по агитации Союза коммун Северной области М.И. Лисовского «образумить» трамвайщиков успеха не имели. Но политическую часть митинга едва ли можно счесть радикальной. Говорили скорее о второстепенном: о «наймигах — латышах и китайцах», о поддержке путиловцев и посылке к ним депутации с красным флагом. И это собрание имело отчетливый «социалистический» оттенок. Примечательно, что речь Луначарского заглушалась криками: «белогвардеец», «барин», «снимите с него шубу»¹⁶¹.

Собрание это не было доведено до конца. Власти не желали искушать судьбу и допускать существование еще одного очага напряженности в городе. Митингующих окружили некоей «сводной коммунистической ротой» и предложили предъявить свои документы. Возникла свалка, кто-то начал стрелять, толпа тут же разбежалась. Утром следующего дня трамваи были остановлены, в парке возник стихийный митинг, но к вечеру все улеглось. Не обошлось без арестов, но сделано это было более тихо, чем на Путиловском заводе¹⁶².

Распространение стачек в эти дни происходило по следующей схеме. Сигналом для всех оппозиционных выступлений являлась забастовка путиловцев. Дальнейшее развитие конфликта зависело, однако, уже от специфических условий того или иного предприятия. Можно выявить несколько типов действий рабочих. Некоторые из них были ответом на путиловские волнения.

Путиловская резолюция обсуждалась и одобрялась митингами на заводах А. Коппель, Речкина и Трубочном¹⁶³. Где-то, впрочем, довести заводские собрания до конца не удавалось, и об их возможных результатах можно только гадать. Мы уже упоминали о том, как разогнали митинг в трамвайном парке; нечто подобное случилось и на заводе «Треугольник». Детали произошедшего там инцидента не совсем ясны — видимо, его причиной послужила драка на собрании между рабочими и членами завкома. Дело и здесь не обошлось без стрельбы, а повреждение во время паники трубы парового отопления стало источником многочисленных слухов об ошпаренных кипятком рабочих¹⁶⁴.

Забастовки, правда, не всегда были следствием одобрения путиловской резолюции — проголосовавший за последнюю Трубочный завод к стачке не примкнул. Да и сами путиловцы не слишком уповали на агитационную силу своих обращений, предпочитая им посылку делегаций на заводы — именно они способствовали приостановке работ на Александровском механическом заводе и фабрике Паль¹⁶⁵. Кое-где стачки возникали и вне всякой связи с путиловскими событиями, в силу внутренних причин. И только совпав с ними по времени, они стали восприниматься как их логическое следствие. На заседании Петросовета 14 марта делегаты ряда предприятий, в том числе Сименс-Шуккерта и Максвелла, в один голос заявили, что забастовка этих заводов не имеет ничего общего ни с «авантюрой левых эсеров», ни вообще с политикой¹⁶⁶. Характерным примером подобного совпадения были события на фабрике Речкина. Из-за понижения тарифных ставок рабочим «итальянская» забастовка началась здесь уже 11 марта, а вскоре прекратили работу все мастерские. Знакомство с путиловской декларацией произошло лишь позднее — ее заслушали и одобрили, но сколь-нибудь решающего значения она не имела¹⁶⁷.

К этому следует добавить, что в целом число бастовавших не было большим. Многие предприятия не откликнулись на мартовские волнения, хотя причины здесь были разными¹⁶⁸. Более того, везде принимались резолюции, осуждавшие как путиловцев, так и вообще всех бастовавших. Насколько они отражали подлинные мысли рабочих, сказать трудно. «Некоторые товарищи

докладывают, что по якобы единогласно принятой резолюции еще нельзя судить о настроении рабочих», — такую запись можно прочитать в протоколе заседания коллектива РКП Русско-Балтийского моторного завода 17 марта 1918 г.¹⁶⁹ Единодушное голосование по заводам слишком уж контрастировало со слухами, распространенными в эти дни в городе. 16 марта, например, ожидалось какие-то «выступления» в Петрограде и случайные выстрелы расценивались как пролог к восстанию¹⁷⁰.

Самое примечательное в мартовских забастовках — это то, как они заканчивались. Здесь не рассматриваются особые случаи — «оккупация» Путиловского завода, разгон рабочих трамвайного парка и «Треугольника». Но зачастую никаких насильственных действий и не требовалось. На заводе б. Речкина стачка была прекращена тотчас же по получении известий о прекращении такой среди путиловцев¹⁷¹. Нечто похожее мы наблюдаем и в других местах. Нередко забастовки кончались вне зависимости от того, выполнялись или нет требования рабочих. Возникает даже ощущение, что все это — некий механический акт, лишенный экономического и политического смысла. Данным сценарием стачек была подчеркнута значимость не идеологических, а «коллективистских» мотивов в поведении рабочих, групповое начало в массовых действиях. И, разумеется, следует сказать об аморфности собственно «идеологической» программы стачек, которая придала бы рабочим акциям большую устойчивость, широту и автономность. Парадоксальность ситуации состояла в том, что мартовские волнения рабочих можно счесть и политическими, и неполитическими.

Политическими они являлись потому, что объективно, что бы ни говорили их участники, представляли собой именно оппозиционную акцию. Вместе с тем рабочие, в подавляющей своей части, отрицали эту оппозиционность. Их резолюции зачастую были лишены политических «вкраплений», а там, где они допускались, заметны их неотчетливость и умеренность.

«Когда речь заходила о вопросах принципиальных — о сущности Советской власти, о ее борьбе с империалистами, о коммунизме — никто из делегатов завода и не думал возражать, наоборот, все положения... принимались скорее сочувственно», —

писал о встречах с рабочими депутациями в мартовские дни один из руководителей ПК РКП(б) К. Шелавин¹⁷². Его слова подтверждает и другая информация о настроениях на заводах ранней весной 1919 г. На фабрике Паль, например, немало произносилось «черносотенных» (по определению коммунистов) речей, здесь требовали отмены смертной казни и «упразднения Гороховой, 2». Однако в принятой рабочими резолюции говорилось только об увеличении хлебного пайка, выдаче мануфактуры, пересмотре тарифных ставок¹⁷³. Обратим внимание, как быстро начался перелом в настроении рабочих после взрыва водопроводов на Шпалерной улице и на Петроградской стороне 30 марта, что немедленно приписали, безо всякого расследования, левым эсерам. Информаторы в те дни отмечают «сочувственное» и «удовлетворительное» отношение к коммунистам на предприятиях, в частности, на таких «неспокойных», как Лаферм и Печаткина¹⁷⁴. Особо упомянем в этой связи один из стачечных «бастионов» — Трубочный завод, на котором, как следует из отчета организатора местной партиячки 1 апреля 1919 г., «настроение переменялось в лучшую сторону». Он, правда, отмечает и выкрики из толпы во время митинга, и возмущение недавними арестами на заводе, но тут же добавляет: «В связи с последними событиями настроение отчасти изменилось в этом отношении»¹⁷⁵.

Возможно, это и не совсем точный показатель политико-психологического сдвига масс. Но здесь заметны те условия, которые делали его реальным. Мартовские волнения обнаружили и другой психологический феномен: их возникновение не вызвало сколько-нибудь острой реакции в городской среде. Превентивные аресты интеллигентов (за решетку в феврале 1919 г. попали А. Ремизов, К. Петров-Водкин и даже А. Блок) были следствием не их политических взглядов, а скорее невежества чиновника, принявшего список сотрудников народнических газет за указание на эсеров-меньшевистских «активистов». В городе если и не молчали, то уж точно никаких усилий по поддержке рабочих не предпринимали.

Такую же картину можно наблюдать и несколько месяцев спустя, в начале июля 1919 г., когда по заводам прошла новая волна забастовок. Их политизация была ничтожной. Никаких резолюций

не принималось, хотя очевидцы и запомнили несколько оброненных железнодорожниками политических фраз: «долой войну», «долой Советскую власть». Основные причины волнений — экономические; стачки были вызваны резким понижением продовольственного пайка с 3 июля 1919 г. Удар пытались смягчить выдачей обедов на дом «всему населению Петрограда»¹⁷⁶, но это мало кого удовлетворило. Возможные последствия данной меры не были секретом для властей — еще 28 июня один из выступавших на собрании организаторов партячек Василеостровского района откровенно заявил, что «факт уменьшения хлебного пайка и кормежки всех в общественных столовых сильно отразится в худую сторону на нашей агитации»¹⁷⁷.

Волнения начались с забастовок на Николаевской железной дороге 8-9 июля 1919 г. Главные требования путейцев — свобода торговли и устранение самочинств комиссаров на дорогах¹⁷⁸. Апогеем стали события на 9-м участке пути, где служащие (конторщики, проводники, контролеры) пытались привлечь к забастовке рабочих мастерских. Сюда прибыл отряд красноармейцев, и после возникшей драки один из рабочих был убит. Едва стало известно о начавшихся волнениях, ряд предприятий, в первую очередь текстильных, объявил стачку, своеобразный характер которой можно проиллюстрировать на примерах фабрики Гука и Балтийского завода. Гуковцы примкнули к «волынке», лишь получив известия о брожении рабочих в других районах, однако ее мотивы объяснили фабричными проблемами: недостатком хлеба и отказом в выдаче материи¹⁷⁹. Поводом для забастовки балтийцев стало нежелание администрации немедленно разделить между рабочими только что поступившую на завод партию картофеля: ссылались на технические трудности. Это озлобило рабочих, и на двухчасовом митинге они обвинили завком в воровстве. Жесткое предписание последнего — не оплачивать митинговое время — переполнило чашу терпения. Завод остановился, были даже попытки арестовать местную продколлегия. Вот тогда-то и пришло известие о железнодорожниках — еще смутное, названное партячейкой «слухом», но в какой-то мере упрочившее забастовочный настрой на заводе¹⁸⁰.

В целом, однако, бастовали немногие, и все кончилось буквально через несколько дней, не проникнув глубоко в рабочую среду. Едва ли это произошло из-за вмешательства солдат — инцидент на железной дороге был единственным. Не объяснить этого и агитками — их было мало, и они не были щедры на выдумку. Обращение Петросовета, к слову, обнаружило среди «волынщиков» «шпионов и провокаторов, подсланных сюда английскими агентами и русскими черносотенными генералами»¹⁸¹, — вряд ли этому кто-либо верил в голодающем городе. Надлом был каким-то внутренним, недаром гуковцы, пытавшиеся найти поддержку в Финляндском пароходстве, были встречены там враждебно, и прежде всего самими рабочими¹⁸².

От протестов к «соглашательству»

Партийные архивы сохранили немало документов, повествующих о динамике массовых настроений в это время. Наиболее ценные из них — доклады организаторов (секретарей) партячеек о положении на фабриках и заводах. Иногда они довольно пространны, но в целом, как правило, кратки — особенно те, которые содержатся в отчетах о районных собраниях. Говоря о настроениях рабочих, тут ограничивались иногда одним прилагательным, причем шкала оценок не была сложной: «сочувственное», «удовлетворительное», «хорошее», «доверчивое», «сознательное» или «неопределенное», «нервное», «вредное», «обывательское». Во все эти определения вкладывался скорее общий негативный либо позитивный смысл; их отличия скорее отражали лексику информаторов либо протоколистов, нежели осознанную градацию различных оттенков отношения рабочих к власти.

Знакомясь с партийными информационными докладами, можно увидеть те перепады массовых настроений, которые современники тех дней объясняли многим — и раздачей продуктов, и удачным словом агитатора. В июне 1919 г. мало что предвещало будущую июльскую грозу — на многих фабриках наблюдали «хорошее» и «сочувственное» отношение к коммунистам¹⁸³.

В июле уже было все иначе. Стачки прекратились быстро, но их след остался в поступках и настрое рабочих, что не ускользнуло от зоркого ока наблюдателей. Сообщения, поступившие 11 июля 1919 г. с Васильевского острова, типичны для тогдашней «духовной ситуации»: «настроение нервное» (Трубочный завод), «настроение среднее» (Сименс-Гальске, Лаферм), «настроение не очень хорошее» (Хлебопекарный завод), «настроение нехорошее»

и даже «особенно нехорошее» (Балтийский завод)¹⁸⁴. Мало что, видимо, изменилось здесь и к концу июля — выступления ряда ораторов на очередном совещании организаторов большевистских ячеек 26 июля были столь удручающими, что последовал окрик председательствующего: «Среди коммунистов не может быть такого пессимизма»¹⁸⁵. Затем мы опять видим определенное низовое «умиротворение» — оценки становятся все более спокойными и однообразными.

Приближение Юденича осенью 1919 г. вызвало глухое брожение среди рабочих; охватило оно, правда, не всех, к открытым столкновениям не привело и произошло из-за неизбежных в таких случаях экономических неурядиц. На рубеже 1919–1920 г. настроение на фабриках и заводах заметно улучшилось — очевидно, под влиянием скоро ожидаемого конца войны и поступления хлеба нового урожая: и рыночного, и «разверсточного». Во многих местах отмечали настроение не только удовлетворительное, но и «сочувственное» и «хорошее»¹⁸⁶.

Очередной кризис наступает ранней весной 1920 г. Волнений пока нет, но есть характерные указания на «средние» настроения, активизацию социалистов в некоторых районах¹⁸⁷. Затем новый «подъем» — с мая 1920 г., в целом ограниченный и уж точно не тотальный. Он долго не продлился, но и не завершился глубоким «спадом». Возникло некое «равновесие», без всплесков и стычек, лишь изредка нарушаемое очень краткими экономическими забастовками. Положение стало меняться только в конце 1920 г., в условиях обесценивания лозунгов военной поры, на фоне постоянных споров о тарифах и пайках между рабочими, на фоне обвинений коммунистов в привилегиях — всего того, что в партийных сводках этого времени обозначалось как «обывательские настроения»¹⁸⁸.

Такова была общая, в чем-то упрощенная картина пролетарского «самочувствия», которую лишь приблизительно, не очень глубоко, не замечая многих подробностей, а зачастую и не зная о них, описывал нередко пристрастный наблюдатель 1919–1920 гг. Примечательно, что в это время мы не наблюдаем сколько-нибудь крупных забастовок — они становятся более краткими, малочисленными и какими-то условными, половинчатыми, не

похожими на прежние выступления. Упоминания о забастовках — очень глухие; о них говорят порой невразумительно, причем боятся даже самого этого слова, заменяя его менее путающими определениями: «заминка», «события», «приостановка», «итальянка», «волынка». Так зачастую и сообщали о стачках ряда предприятий за Московской заставой в конце 1919 г., фабрик «Скорород» и «Победа» в июне 1920 г., завода резиновой промышленности № 1, Балтийского и Трубочного заводов в июле 1920 г., Александровского завода в августе и сентябре 1920 г.¹⁸⁹ Забастовочного поветрия уже не наблюдалось, очевидна сугубая обособленность, изолированность каждого рабочего выступления. И, разумеется, мы здесь не видим никаких политических жестов.

Открытых политических выступлений со второй половины 1919 г. почти не было. Сведения о политической оппозиции в это время — очень смутные и ненадежные; возникает ощущение, что и сами информаторы говорят об этом без должной уверенности. Собственно, о каких-либо акциях и речи нет — упоминают только о наличии на предприятиях и в других местах социалистов. Видимо, и одного этого уже было достаточно, чтобы ощутить некую политическую угрозу — так изменились времена. И, заметим, не говорится ничего конкретного; ограничиваются обычно невнятным: «увеличиваются и развивают работу... эсеры и меньшевики», «попали на завод элементы эсеро-меньшевистского направления», «есть эсеры и меньшевики», «наблюдается меньшевистское направление»¹⁹⁰. Примером подобного осведомления может служить доклад инструктора коллектива РКП(б) Балтийского завода в 1920 г. (сохраняем его орфографию): «имеется... и эсеры и меншивики и вероятно не мало монархистов его старых консерваторов рабочих старичков и служащих»¹⁹¹.

Реальным политическим действием в 1920 г. было лишь голосование на выборах в Петросовет. Критерием общественного мнения оно может служить лишь отчасти — в руках властей имелось достаточно рычагов (административных, экономических и идеологических) для того чтобы добиться нужных результатов. Впрочем, тогда социалистам все же «клюнуло» (по выражению «Красной газеты») — в том числе и на таких крупных предприятиях, как завод Нобеля и фабрика Паль¹⁹². Своеобразный

«плюрализм» проявили на заводе «Арсенал». Здесь избранными оказались 5 коммунистов и 1 эсер¹⁹³ — верный признак того, что отдавали симпатии скорее не программам, а лицам.

Центр политического инакомыслия перемещался с предприятий на городские собрания, на беспартийные конференции, в Петроградский Совет. Конференции проходили с переменным успехом с точки зрения властей: общегородская в целом одобрила большевистские документы, зато Выборгскую районную в марте 1920 г. пришлось разгонять — там предлагались резолюции «чисто контрреволюционного характера»¹⁹⁴. Единственную трибуну, на которой социалисты могли говорить громко и не оглядываясь, предоставлял Петроградский Совет. В прессе изложение речей оппозиции здесь давалось очень кратко, искаженно и с характерными примечаниями. Однако официальная стенограмма фиксировала выступления оппозиционеров довольно точно и подробно, и в целом она позволяет судить о степени их радикализма. Тут старались не говорить ни об Учредительном собрании, ни о «кучке авантюристов-самозванцев», ни даже об однородном социалистическом правительстве. Временами даже невозможно различить речи большевиков и их противников — столь общим политическим языком они пользуются. «Мы шлем свой привет Красной Армии, защищающей завоевания российской революции против натиска мировой реакции», «все свои силы будет прилагать к тому, чтобы эта реставрация буржуазного строя была неосуществима», — так говорили на заседании Петроградского Совета 6 июля 1920 года представители фракций РСДРП (меньшевиков) и социалистов-революционеров¹⁹⁵. Разумеется, говорили и о свободе, и о прекращении террора, и об амнистии — но очень осторожно, с оговорками об интересах революции, о самостоятельности трудящихся масс и т. д. Власти тогда более серьезно относились не к «парламентским» речам оппозиционеров, а к выступлениям их на митингах против советско-польской войны¹⁹⁶. Одно из них — на Александровском заводе — имело даже успех: рабочие отказались принять предложенную коммунистами резолюцию о войне¹⁹⁷. Настойчивей и откровенней социалисты стали выдвигать политические лозунги лишь в конце 1920 г. Но и тогда вниманием аудитории пользовались не они,

а беспартийные рабочие, критиковавшие привилегии властных структур — одно это и вызывало бурный эмоциональный отклик. Фрагмент выступления рабочего Обуховского завода Гольгина на заседании Петросовета 17 сентября 1920 г. — лучшее подтверждение этого явления: «Все члены организаций, завкомов, фабкомов и т. д. должны приходиться своевременно на работы: начинать своевременно и кончать своевременно (аплодисменты, голоса: правильно). Затем все кожаные тужурки, галифе и фуражки отдать на фронт, в Красную Армию (бурные аплодисменты). Товарищи, при буржуазном строе я ходил в грязной блузе, а паразит, тот, который избивал нашего брата рабочего и кровь его пил, носил галстуки и крахмалы; а теперь и наши товарищи члены организаций унаследовали эти галстуки и крахмалы и сами начали чище буржуазии наряжаться (аплодисменты)»¹⁹⁸.

Это примечательное понижение уровня оппозиционности с политического до бытового мы можем наблюдать и в 1919, и в 1920 гг. Политический протест словно вырождался и мельчал, он ограничивался выкриками на собраниях и трудноуловимым шепотом несогласных. «Бытовизация» политических конфликтов — особая примета общественного конформизма. Политический спор уже изначально сужается, становится непринципиальным — и не покушается на самые устои государства.

Можно привести несколько примеров этого смешения бытового с политическим. Наиболее характерный из них — обвинение коммунистов, профсоюзных комитетов и вообще государственных структур в тех или иных неблагоприятных действиях. В данном случае обычно не делалось различия между конкретным лицом, виновным в прегрешениях, и той партийной либо иной средой, к которой он принадлежал; бытовой поступок неизбежно приобретал политическое обличье.

Много было обвинений в воровстве. При этом, заметим, обвинители не нуждались в безукоризненных доказательствах. Подозрения возникали по большей части а priori, исходя из привычных представлений о власти как об источнике обогащения. На собрании фабрики «Светоч» 14 ноября 1919 г. поводом для «антикоммунистических» выпадов стали, например, споры о распределении конфет. На выступление одного из рабочих: «Нам

нужно требовать от комитета конфеты, которые комитет, думаю, съел и нам... не надо выбирать комитет коммунистов», — другие отзывались возгласами: «долой комитет», «долой список коллектива [РКП]»¹⁹⁹. Разумеется, были и возражения — но для нас здесь более интересно обнажение прямой связи между конфетами и политикой. Показательно, что разговоры о воровстве в комячейках возникали и там, где их члены привлекались для обысков на проходных. «Кто уполномочивал коллектив делать обыски, и чем коллективисты гарантированы, что коллектив не ворует?» — по этой реплике одной из работниц первой столовой Петрокоммун²⁰⁰ нетрудно увидеть простейший психологический механизм конструирования обвинений.

Немало слухов передавалось о бытовых привилегиях коммунистов. «Рабочие имеют нарекание: обещали хорошего, а сами живут, а про рабочих и не думают <...> говорят, что коммунисты много получают жалованья и продовольствия, а в столовых их кормят из трех блюд, а нас кормят как свиней, дают какой-то бурды», — сообщал в 1919 г. агитатор 1-й государственной гильзовой фабрики Меркурьев²⁰¹. Опровержение этих слухов стало тогда обычным делом для пропагандистов, — а отрицать приходилось многое: и то, что коммунисты чрезмерно пользуются домами отдыха, и даже то, что для них специально пекутся французские булки в кондитерской на Троицкой²⁰². В этих слухах было немало преувеличений — но и сами коммунисты зачастую признавали факты, которые, по несколько неуклюжему замечанию одного из рабочих-мемуаристов, «порождали в беспартийных массах паразитический взгляд как на членов Бюро, так и вообще всех членов партии»²⁰³.

Нередко и «снобизм», высокомерие и просто лучшая одежда пролетариев, попавших из рабочих низов в «верхи», рождали в массах стойкую неприязнь к властям. «Сидят в креслах», «как немного выше — смотришь, и приделся, приобрел квартиру с хорошей мебелью, а мы рабочие... после», «в коммунисты записываются ради своей личной выгоды» — такие разговоры, например, вели между собой рабочие Охтинского снарядного цеха, 14-й типографии и 7-го хлебозавода в 1920 г.²⁰⁴

Но еще раз отметим — в данном политико-бытовом протесте собственно уже очень мало политического: все переливается

в рутинные групповые и личные конфликты, спорят не о политических свободах, а о материальных благах. Эта печать приземленности уже лежит на всяком действии, которое, с разной долей уверенности, можно счесть политическим, это — остов оппозиционности. Вслушаемся в сумбурно записанную стенографистом речь некоего Воронцова на собрании в 1-й государственной типографии 25 июля 1919 г. — ее тут же, кстати, оценили как «анти-советский» выпад: «Наш председатель вооружен револьвером, для чего он вооружен, что нас пугать оружием и председатель наш явился к нам на собрание как жандарм, а Союз наш является как Государственный Совет, а с кем мы теперь боремся и для чего нам Союз, который только собирает членские взносы, вот меня как сочувствующего назначили на фронт, а коммунисты все остаются здесь, а как на фронт, то сочувствующего в первую голову посылают, а семья моя за это время голодала, вот вам и забота о женах красноармейцев»²⁰⁵. Внешне оппозиционное, данное выступление, как это ни парадоксально, никаких политических аспектов не содержит. Здесь отвергается не комиссар как таковой, а только стиль его поведения. Нападки на профсоюзы сопровождаются примечательной оговоркой об их ненужности («с кем мы теперь боремся?»), которая буквально заимствована у большевистских публицистов, долго споривших о целях и задачах профессиональных организаций «переходного периода». Очередность призыва едва ли имела политический смысл, а что касается помощи семьям, то здесь противоречия и вовсе не было — власти говорили об этом чуть ли не ежедневно, и помехи могли исходить лишь от нерадивого чиновника или от нехватки средств. И, добавим, это все же сколько-нибудь «развернутое» выступление — как правило, политический протест тогда выражается кратким возгласом либо жестом — и тем заканчивается²⁰⁶. А зачастую и просто молчали — об этом говорилось, например, в отчете агитотдела Выборгского РК РКП(б) за март–май 1920 г.: «Необходимо отметить ту общую вялость присутствующих, которую приходится наблюдать на собраниях к проводимым темам, агитации. Совершенно не задается вопросов докладчику. Резолюции в подавляющем большинстве принимаются предлагаемые докладчиком»²⁰⁷.

Последнее обстоятельство замечаешь сразу, когда знакомишься с протоколами рабочих собраний второй половины 1919 и особенно 1920 г. Этот общий настрой не могли изменить и речи оппозиционеров — в тех редких случаях, когда их слушали. В упомянутом отчете Выборгского агитотдела говорится о политическом выступлении на Арсенале рабочего И. Филиппова, но против предложенной коммунистами резолюции голосовало лишь 10 человек из 1000²⁰⁸. В 1919 г. кое-где в протоколах еще подсчитывают число воздержавшихся, но в 1920 г. преобладает один итог: «единогласно»²⁰⁹. И постепенно, с каждым месяцем, отшлифовывался ритуал рабочих пожертвований на государственные либо политические нужды. В июле 1919 г., когда проводился сбор подарков для Красной Армии, где-то и колебались: заменяли их 1 % жалования, отказывались от предложения повысить эту цифру до 2 %, «откладывали вопрос» на определенное время и даже высчитывали, что выгоднее — 1 % с ежемесячного жалованья или отчисление заработка за полдня²¹⁰. В 1920 г. почти ничего этого нет. Помощь бастующим шведским рабочим, более далеким, чем Красная Армия, во многих местах оказывается автоматически — ни споров, ни воздержавшихся.

Если когда еще и проявляется «инакомыслие», то во время выборов: завкомов, правлений профсоюзов, Советов. Диапазон его не очень велик — от отклонения списка кандидатов РКП(б) до дебатов о том, как голосовать, открыто или тайно, прямо или через выборщиков. Возражения против кандидатов-коммунистов, разумеется, не всегда имели политический смысл — здесь обнаруживаются и личные разногласия. Иногда это и просто отклик на процедурные нарушения, но нельзя исключать, что обнаружение «выборных» погрешностей было только предлогом, маской политической выпадки. Характерен в данной связи инцидент, случившийся во время перевыборов профкома 24-й государственной типографии 11 сентября 1919 г. После того как собранию представили составленный комячейкой список «комитетчиков», некто Марголин потребовал «разъяснения о заслугах предлагаемых лиц перед рабочими, бросая коллективу обвинения в том, что он, не излагая таковых, выносит на обсуждение список своих кандидатов»²¹¹. Казалось бы, спор идет о церемониальных

деталях, но затем оратор предлагает выдвинуть собранию «свой», рабочий список и, что особенно важно, провести тайное голосование. Последнее повсеместно встречало жесткий отпор именно коммунистов — и данный жест потому уже имел отчетливую политическую направленность.

Отклонение «коллективистских» списков имело место даже в 1920 г., в частности, на Адмиралтейском заводе, 1-й государственной словолитне, заводе «Петроград»²¹². Однако нередко были случаи, когда рабочие, отвергнув список РКП, отстаивали другой, куда также включали и членов комячейки²¹³; голосование в данных условиях теряло свою остроту. Нередко допускалось голосование «смешанных» списков: в них были представлены, в той или иной пропорции, представители и от коммунистов, и от рабочих. Но во многих местах принимался все же исключительно партийный список, даже если прочие, как это было на Трубочном заводе в марте 1920 г., просто не допускались к рассмотрению. И почти везде во время выборов в Петросовет собрания единогласно принимали наказ Петроградского комитета РКП(б) избранным делегатам — оппозиционный маневр в таких условиях становился минимальным²¹⁴. То инакомыслие, что еще проявляется в избирательных кампаниях 1919–1920 годов, трудно признать политическим — и не только потому, что мотивы решений тут крайне сложны и требуют разбора в каждом конкретном случае. Оно отражает скорее не политические, а групповые интересы. На Первом резиновом заводе, например, в декабре 1920 г. сами коммунисты агитировали против списка РКП²¹⁵. Нельзя отрицать, что этот «аполитизм» во многом был искусственным — рабочие боялись открыто выступать, опасаясь репрессий. О ЧК они знали не понаслышке: общее собрание Ново-Адмиралтейского завода было вынуждено 14 декабря 1920 г. «после долгих прений» даже принять специальное постановление, в котором предлагается «заручиться с партийным комитетом коммунистов, чтобы каждому рабочему было возможно свободно обсуждать на общих собраниях вопросы порядка дня, так как были случаи, что после собрания вызывали некоторых товарищей в Чрезвычайную Комиссию, ибо после этого тов. рабочие на собрания не идут»²¹⁶.

Но одним лишь страхом всего не объяснить — происходило именно внутреннее «перерождение» общества. Изменялся его язык: люди постоянно употребляли политизированные лексические штампы, которые постепенно становились принадлежностью любого «низового» прошения или просто бытового действия. К этому языку привыкли — и уже пользовались им как специфическим «готовым письмом», отражающим ценностные ориентиры. «Готовое письмо, которому я вверяюсь, есть не что иное, как общественное установление; оно обнаруживает и мое прошлое, и мой выбор, оно снабжает меня историей, выставляет напоказ мое положение, накладывает на меня социальные обязательства, освобождая от необходимости сообщать об этом», — для описания предпосылок тогдашней «духовной революции» лучше воспользоваться данным определением знаменитого французского структуралиста²¹⁷.

Уже по ряду деталей, по случайно сохранившимся свидетельствам историк ощущает эту атмосферу психологического приспособления, массового «соглашательства» 1920 года. На заводе Барановского, как отмечал один из партийных инспекторов в мае 1920 г., коллектив РКП «месяца два стал пользоваться популярностью... после того как на собрание коллектива стали приглашаться беспартийные товарищи»²¹⁸. Почти в то же время на Тентелевском химическом заводе, узнав о предстоящем созыве широкой конференции, передавали «большое спасибо тов. коммунистам, что не забывают своих товарищей — беспартийных»²¹⁹. Даже жалобы становятся необычными: на 1-м лесопильном заводе рабочие, по словам партинструктора, «изъявляют недовольство, что у них нет собраний и никто не хочет с ними вести политрабату»²²⁰. И на заводе взрывчатых веществ в январе 1920 г., после единогласно принятой резолюции с примечательными здравницами вождям, выразили желание, чтобы «приезжали ораторы для бесед с рабочими о текущем моменте»²²¹. И еще подметим обязательность и тотальность политического ритуала — они еще слабо проявляются, но уже реально существуют. И потому, например, решение одного из заводов в мае 1920 г. «принять участие как в демонстрации, так и в параде всем без исключения и со знаменем»²²², беспепелляционное, словно само собой разумеющееся — едва ли случайно, это зримый

признак того будущего «коллективного» поведения, которое станет привычным в последующие годы.

И еще раз подчеркнем: политические акции не всегда осознаются таковыми в низах. Характерный пример — вербовка рабочих в партию в 1919 г., дело по тем временам очень нелегкое. Отказывались под разными предложениями, но никогда среди них не было политических. Можно отчасти принять последнее и за мимику, но вот что примечательно. Все разговоры с пропагандистом после долгих объяснений, заверений в симпатиях и прочем обычно кончались одним: «Давайте хлеба, тогда и запишемся». Это услышал вербовщик на 1-й ниточной мануфактуре²²³. И почти то же сказали агитаторам 22-й типографии: «Нечего записываться в партию, все равно есть нечего»²²⁴. И на Невской бумагопрядильной фабрике говорили таким же откровенным языком: «Дайте хлеба и пойдем в партию»²²⁵. Это уже не оговорка, а какой-то монотонно повторяющийся стереотип. Кажется, что присутствуешь на торге: все превращается в товар, все продается или, вернее, обменивается — и намного быстрее, чем при обещанном военно-коммунистическими доктринами прямом продуктообмене.

То, что раньше властям давалось ценой огромных усилий, теперь достается легко, везде ощутим дух какой-то «податливости». Это движение неминуемо захватывает и средние слои, и интеллигенцию, но своеобразно, не столь прямо и упрощенно, с примечательными отклонениями. Когда знакомишься с отчетами о политическом поведении служащих в 1919–1920-х гг., всегда оставливает какая-то их бесцветность: сразу возникает ощущение рутинного однообразия происходящего. Ни откровенных выкриков, ни искусных политических речей — ничего этого почти нет. В целом это объяснимо — служащие менее, чем рабочие, защищены от репрессий политическими мифами, более искушены в тонкостях общественного спора, чтобы стремиться решить его полемическим ораторским приемом. Они постоянно чувствуют на себе настороженный взгляд информатора, передававшего «по инстанции» любые мелочи вроде того, что «член партии Шукина сидела на окне и пела романовский гимн»²²⁶.

Разумеется, политические жесты заметны и здесь — преимущественно на выборах. Оппозиционно настроенные служащие

пользуются теми же приемами, что и рабочие: выдвигают альтернативный коммунистам список (как на «Госконе» в начале 1920 г.²²⁷) и даже избирают социалистов в Петросовет²²⁸. Но число таких акций невелико. Многие служащие голосовали на предприятиях, как правило, вместе с рабочими, и их голос вообще неразличим. А там, где они выступали отдельно — в государственных учреждениях, на складах, в различных управлениях, — имелось много причин для того, чтобы не устраивать бури.

Сохранился подготовленный Петроградским отделением ГПУ Наркомата путей сообщения в 1920 г. «список вредных элементов по управл. службы движения». Обратим внимание на краткость и расплывчатость содержащихся здесь характеристик: «бывший эсер, агитатор против власти», «подкладка эсера и пользуется авторитетом», «выступает на собрании с подкладкой эсера»²²⁹. Информатор добросовестно выполняет свои обязанности, но ему, очевидно, очень трудно сообщить что-либо конкретное. Диковинное выражение «подкладка эсера» — скорее указание на интуитивное ощущение, чем на точный факт. Скудость словаря этого документа обнаруживает не столько малограмотность чиновника, сколько неполноту его впечатлений.

Эта неполнота очень показательна — она следствие ограниченности самого протеста среди служащих. От наблюдателей, конечно, ускользают детали, нередко они фиксируют лишь обычный итог: «пассивность». Но там, где приводят подробности «антисоветских» выпадов, зачастую видишь заурядную бытовую склоку, в которой политические обвинения лишь надежный инструмент сокрушения оппонентов. В этой связи интересны отчеты коммунистических ячеек в столовых — с информацией о «белогвардейских настроениях», о «разложении масс» заведующей и т. д.²³⁰

Власти в целом относились к служащим с трудно скрываемым подозрением, которое, правда, не приняло таких острых, почти маргинальных форм, как антиинтеллигентский синдром. Служащий по преимуществу молчал. Он делал то, что должен был делать, предчувствуя, что нерадивости припишут потаенный умысел. Но он отодвигался от всего политического как можно дальше, декларируя лояльность — но беспартийную. Попытки привлечь его в РКП за редким исключением были не очень

успешными. Даже заботясь о карьере, он должен был оглядываться на тот круг, интеллектуальный и профессиональный, к которому он принадлежал. Это подтверждают многие политические отчеты учреждений. «Вообще работать... очень трудно, в организацию политическую идут неохотно, особенно конторщицы и лица с высшим образованием. Почти весь коллектив состоит из низших служащих», — докладывает в феврале 1920 г. руководитель комячейки Смольнинского Компрода²³¹. То же улавливается и в других свидетельствах на сей счет. «Уровень средний. Беспартийная масса запугана мобилизацией и потому не вступает в коллектив», «большинство интеллигентов, настроение вялое» — такие сообщения из Народного Дома и Рыбинстройки²³² типичны для этого времени. Даже там, где наблюдалась «большевизация» учреждений, оценки все равно оставались осторожными, напоподобие тех, что употребляли в марте 1920 г. в отношении управления городских железнодорожных служащих: «Настроение резко изменилось, нельзя сказать, что совсем на сторону Советов, но все же удовлетворительное»²³³.

Продолжала сохранять свой нейтралитет интеллигенция — но нейтралитет уже не такой ригористичный, часто «внешний». Все где-то работают, мало кто рассуждает о том, чья рука дает деньги или пайки. Переводы, классический театральный репертуар, литературная редакция, переиздание старого и публикация нарочито аполитичного нового — каждый находит себе труд, позволяющий не идти на компромиссы с совестью и не демонстрировать излишнюю близость к властям. Характерная форма «примирения с действительностью» — увлечение большевистским государственным «собранием» России, предвестник сменовеховства и евразийства. В различных намеках, разговорах, письмах все чаще проскальзывает мысль о том, что именно большевикам интеллигент обязан тем, что у него не отобрали последний кусок хлеба, что его не причислили скопом к «барам» и не уничтожила его нахлынувшая внезапно низовая стихия. Для М. Горького «антикультура» отождествлялась с деревней, с ее духом, враждебным городу и городской культуре. «Кроме большевиков — нет сил, которые могли бы противостоять этому движению, — писал он Е.П. Пешковой в конце 1919 г. — Революция выродилась в борьбу деревни с городом — вот что надо понять.

Задачи момента — объединение интеллигенции и представителей крупной промышленности с большевиками, несмотря на все прегрешения... последних»²³⁴.

«Левизна» еще не совсем выветрилась. Усилиями А. Белого и Р. Иванова-Разумника создается Вольная философская академия (Вольфила). Когда философу Н.О. Лосскому предложили присоединиться к ней, он спросил о ее целях и услышал в ответ: «Разрабатывать идеи социализма и содействовать распространению их»²³⁵. Разумеется, это социализм какой-то мистический и не «научный», — но примечательны выбор темы, та же склонность к «обновлению», бывшая основой нового политического сознания, тот же мессианизм. Этот настрой, правда, удерживает не всех. Приходит разочарование казенщиной и рутинной новых государственных устоев, упрочением «охранительного» духа в его знакомых, прежних формах. Одним из первых это почувствовал стихийный большевик А. Блок. Мемуарные свидетельства о позднейших колебаниях поэта многие блоковеды считают апокрифическими, но вот его дневниковая запись 16 ноября 1920 г. о встрече в гостях с венгерским журналистом: «Вечер состоял в том, что мы „жаловались“, а он спорил против всех нас. „Не желайте падения этой власти, без нее будет еще гораздо хуже“, „народ угнетали всегда, теперь он угнетает нас“»²³⁶. И спустя месяц он делает другую запись, в чем-то итоговую, полную раздумий обо всей его послеоктябрьской душевной смуте, а не только о ее конце — очень показательную именно для 1920 г.: «Еще раз: (человеческая) совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порою отказываться от старого, милого и умирающего и разлагающегося в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего светлую жизнь. Обратное: под игом насилия человек замыкается в старом: чем наглее насилие, тем прочней человек замыкается в старом. Так случилось с Европой под игом войны, с Россией — ныне»²³⁷.

Левое течение — и его адепты, и отошедшие от него — не было определяющим в городской интеллигентской среде. Власти с опаской оглядывались на интеллигента, постоянно ожидая политических жестов с его стороны. На беспартийной конференции Петроградского района в мае 1920 г. один из выступавших как о само собой разумеющемся говорил о том, что «интеллигенция

и специалисты не имеют доверия к Советской власти»²³⁸. Политические симпатии интеллигента уже не оформляются громкими публичными декларациями, но о них хорошо осведомлены, их узнают — по разговорам, доносам, разоблачительным статьям, наконец, по характерным отмежеваниям. «Ложное понимание свободы печати, слова, личности и проч. вкоренилось в умах многих интеллигентов, и они никак не могли отказаться от этого блефа», — сетовали на первой культурно-просветительной конференции в Петрограде в сентябре 1919 г.²³⁹

Этот настрой в какой-то мере давал о себе знать на выборах — но очень слабо. Политическое действие совершается тихо, без объяснения мотивов, без возгласов протеста, словно по какому-то предписанному сценарию. Репортер «Красной газеты» был очевидцем избрания депутатов в Петросовет в 1920 г. от научно-технического института. Собрание по традиции хотели открыть выступлениями — «профессора и спецы... заявили, что не нужно никаких докладов, ни текущих моментов»²⁴⁰. Предложили зачитать коммунистический наказ — и в нем не оказалось надобности. Когда усилиями рабочих и служащих восстановили привычный ритуал и наказ одобрили, представитель профессуры отказался от баллотировки. И не было сказано ни единого «политического» слова, и мало кто голосовал иначе: 47 воздержавшихся из 111 человек²⁴¹. Против порядков не бунтуют, их «обходят» и предпочитают делать это мягко, без откровенного вызова. Когда в 1919 г. попытались заставить бывших «мирискусников» рисовать плакаты к очередной годовщине революции — возмущение не вышло за пределы их узкого кружка, государственный заказ решили передать «кому-нибудь из учеников»²⁴².

Было и еще одно немаловажное обстоятельство, заставлявшее интеллигентов приближаться к властям или хотя бы внешне принимать предписанные им правила. Это — раздробленность их среды групповыми, эстетическими, мировоззренческими и, наконец, политическими конфликтами. И трудно сказать, играли ли власти на этих противоречиях или сами интеллигенты использовали государственный авторитет для достижения своих целей. Групповые расколы оказались прелюдией к духовным разломам — и норма поведения, которая сегодня признавалась допустимой, завтра становилась обязательной.

Накануне взрыва

Февральско-мартовские волнения рабочих Петрограда в 1921 г. — событие, примечательное во многих отношениях. Мощный социальный взрыв, оказавшийся политически бессильным — яркое свидетельство новой ситуации в обществе. Самоограничение массового протеста, его своеобразное затухание, умеренность действий, очевидная привнесенность политических лозунгов извне — все то, что отрывочно и бессвязно проявлялось в рабочих акциях прошлых лет, обнаружило здесь себя во всей полноте.

Сами волнения — закономерный итог агонии военного коммунизма в России. Окончание войны в 1920 г. не стало тем рубежом, за которым оборвалась цепь военно-коммунистических экспериментов в стране. И экономика, и политика — все оставалось нетронутым, все лишь чуть подправлялось и ретушировалось, не меняя своей внутренней сути. И никто не обращал внимания на безмерную усталость людей от нескончаемых тягот, от неразберихи и разрухи, от холода и голода, которые не прекратились с наступлением мира — хотя этого ждали и на это страстно надеялись почти все. Широковещательные программы наподобие электрификации никого не могли увлечь — жили не будущим, а настоящим. В февральской вспышке отозвалось многое — и обычное, что и раньше служило источником брожения, и уникальное, присущее только 1921 г.

Весенние забастовки вспыхивали и в 1918 г., и в 1919 г. Совпадение, по времени едва ли случайно — к марту иссякали продовольственные запасы, соответственно этому традиционным стало и «сезонное» сокращение пайка. Само по себе это

явление не было новым и не приводило автоматически к массовым волнениям. Но в 1921 г. положение усугублялось увеличением числа заградительных отрядов, не пропускавших в города торговцев хлебом и отнимавших продукты у всех, кто их сюда вез, даже если и лично для себя и своей семьи. Рынок был закрыт: его окончательно разрушили в 1920 г., испугавшись «спекуляции» и высоких цен. В эйфории победы 1920 г. попытались «расконсервировать» заводы — и не рассчитали, в одночасье кончилось топливо, остановилось и то, что еще работало. Ко всему добавился и транспортный паралич: разбитые поезда не смогли преодолеть снежные заносы и доставить в Петроград хотя бы те продукты, которые еще имелись. Голодных и измученных горожан словно испытывали на терпеливость — не кормили и не разрешали кормиться самим.

Взрыв был подготовлен и другими, побочными обстоятельствами. Это, прежде всего, ослабление военных стеснений, правда, неофициальное и внешне не очень заметное. Отмирание ряда жестких ограничений 1918–1920-х гг. проходило до того момента еще без видимых социальных трений и не было последствием четко осознаваемой неприязни к прежнему курсу. Здесь мы наблюдаем исчезновение скорее «мелочей» военно-коммунистического обихода, ставших практически ненужными в новых условиях. Но этот процесс затронул и собственно идеологическую сферу. Ограничившая массовые конфликты система идеологических догм, основанная на терминологии, символике и понятиях эпохи Гражданской войны, стала утрачивать свою значимость. С одной стороны, она не могла столь уверенно, как в прошлом, насаждаться путем репрессивного давления, а с другой — потеряла свою логическую стройность и свое оправдание в изменившейся ситуации.

Таким образом, для нас очевидны два параллельно протекающих процесса: 1) ослабление идеологического контроля над настроениями масс в формах, присущих 1918–1920 гг.; 2) распад производственных коллективов, т. е. той основы, которая в какой-то степени унифицировала и регулировала поведение рабочих, упорядочивала его, предохраняя от анархических отклонений.

Кризис нарастал исподволь. В начале 1921 г. заметны лишь кратковременные и неглубокие вспышки протеста. Глухое

брожение на первых порах вылилось в мелкие конфликты на предприятиях, недолгие остановки работ, частые прогулы²⁴³. С конца января началось резкое сокращение пайка, но и это еще не привело к сколько-нибудь широким и массовым волнениям. Производственные конфликты в это время проявляются не сразу, они как бы «запаздывают» и уж точно не синхронны с колебаниями продовольственных норм. Показательно и другое. Рабочие требования касались преимущественно экономических вопросов²⁴⁴, а пункты, которые можно отнести к политическим, выдвигались, как правило, без комментариев, наличие которых сигнализировало о пресловутой политизации. Ожидания перемен сводились только к смягчению ряда непопулярных экономических мер, таких как запрет свободной торговли или прикрепление рабочих к предприятиям. Разумеется, все это было тесно увязано с общей экономической системой военного коммунизма, но на самую систему не покушались, вернее, не особенно четко осознавали их связь с ней. Общественные ожидания января 1921 г. — это ожидания пока только модернизации действующей модели, причем модернизации «внешней», стремящейся лишь к устранению крайностей.

Сложность, однако, состояла в том, что эти «крайности» на деле служили тем основанием, на котором зиждилось все здание военного коммунизма. Распространенное тогда стремление к частичным переменам фактически независимо от чьей-либо воли явилось попыткой сломать всю прежнюю систему — разумеется, без ясного понимания того, что именно ломается. Умеренные лозунги камуфлировали радикальные проекты перемен — это было знаменем времени. Такова, в сущности, общая схема разложения идеологии любого «ancien regime» (старого порядка), и коммунизм образца 1917–1920-х гг. не стал здесь исключением.

Брожение стало перерастать в открытый конфликт начиная с конца января 1921 г. 24 января на профсоюзной конференции строителей докладчика, увлекшегося описанием победы над царскими генералами, прервали криками: «Не их мы победили, а самих себя», «Мы не доросли до коммунизма», «Что дали нам коммунизм?»²⁴⁵. Другая профсоюзная конференция — металлостов, прошедшая в начале февраля, сохранила этот зачин. Даже

побывавший здесь член ЦК РКП(б) А. Шляпников, обычно любивший поговорить о «рабочих доблестях», не удержался и заявил, что «не узнает питерских металлистов»²⁴⁶. Правда, зачитанный здесь наказ одной из мастерских Балтийского завода о свободе проезда никто не поддержал, но «обывательское брюзжание» стало приметой этого собрания²⁴⁷. Наиболее беспокойный завод — Балтийский. 8 февраля тут трудилось лишь 25 % рабочих²⁴⁸. И в последующие дни приходили не все — примерно половина²⁴⁹ от общего числа занятых. Председателю Петрогубпрофсовета Н.М. Анцеловичу удалось уговорить рабочих прекратить «вольнку» с 11 февраля. Согласие, правда, дополнили обширной резолюцией из 12 пунктов. Там было написано и о бане, и о мыле, и о дровах, но первым в списке числилось требование о перевыборах Петросовета²⁵⁰. Не ограничивается, как прежде, выкриками и собрание рабочих и служащих на «Арсенале» 11 февраля. Здесь принимается подробная, кем-то тщательно подготовленная резолюция из 10 пунктов, которая уже имеет своеобразный оттенок «перехода» — от экономики к политике. Прямых выпадов против власти нет, но есть характерные требования свободы слова и печати, ревизии государственных органов, отмены привилегий членов РКП²⁵¹. «Все это недовольство ни в коем случае не является недовольством пролетарской властью — никаких политических лозунгов, никаких политических требований рабочие не выставляют, — уверяет спустя несколько дней с трибуны губернского съезда профсоюзов Н. Анцелович²⁵², — но многие чувствуют приближение грозы. Газеты ни слова пока не проронили о начавшемся движении, но уже заполнились статьями, осуждающими любые стачки и «подстрекателей»-социалистов²⁵³.

14 февраля на заводе Лесснер принимается и первая собственно политическая резолюция. Ее предложил меньшевик Каменский, немедленно после этого арестованный²⁵⁴. Документ содержал следующие основные требования: перевыборы Советов на основе тайного, прямого, равного и всеобщего голосования, свобода торговли и труда, «раскрепощение личности», отмена «ответственных» пайков, снятие заградительных отрядов, создание независимых организаций и партий²⁵⁵. Резолюция Каменского — это, конечно, «верхний», партийный синтез массовых ожиданий

зимы 1921 года. Однако если сравнить ее с более ранними решениями балтийцев и арсенальцев, мы обнаружим скорее эволюцию, чем разрыв. Политические лозунги тут, правда, отшлифованы, «очищены», получили даже некоторую систематичность — но не стали более радикальными. Едва ли это маскировка: автор точно улавливает «низовые» настроения, в его резолюции есть многое из того, о чем говорили и чего желали широкие массы петроградских рабочих. Заметная умеренность чисто политических проектов — это скорее индикатор подлинного самочувствия общества, которое уже не было склонно откликаться ни на Учредительное собрание (мы его почти не встретим среди рабочих требований в эти дни), ни на откровенный антибольшевизм. Последний, правда, существовал, но в своеобразной «бытовой» форме. Вместе с тем большевизм не отвергался принципиально, политически. Лозунг «Советы без коммунистов» — позднейшая идеологическая и историографическая конструкция; о выдвижении его в феврале из достоверных источников ничего не известно. Люди ищут правды — но не мыслят ее уже вне традиционных государственных институтов. Неразумным является для них не советское учреждение, а искажение его начал.

Примечательна в этой связи механика распространения резолюции Каменского. 15 февраля аналогичное постановление принимают рабочие завода «Нобель». Оно было предложено меньшевиком Кузяковым, который просто воспользовался лесснеровским образцом, лишь чуть расширив его. Одобренная двумя крупнейшими заводами, эта резолюция оценивалась как наиболее авторитетная. Она начала кочевать по предприятиям, обрастая на своем пути новыми добавлениями, и вскоре уже насчитывала 19 пунктов²⁵⁶. Часть добавлений касалась экономических вопросов, однако остов резолюции остался прежним. Таким образом, эффект политизации здесь достигался не путем собственно обсуждения политических требований, а посредством механического присоединения к ним. Зачастую детально дискутировались и особо подчеркивались дополнения к резолюции, а не сама она в целом.

Параллельно движению лесснеровской резолюции принимается близкое ей по духу постановление на Кабельном заводе.

Политики здесь мало, но критика представителей власти заметно усилилась. Этой волне уже невозможно противостоять отговорками и агитками случайных ораторов на собраниях. Президиум Петроградского губкома Всероссийского Союза рабочих металлистов (ВСРМ) был вынужден в середине февраля пойти на переговоры с представителями ряда заводов, в частности Балтийского и Кабельного. Здесь руководители Союза не столько шли на уступки, сколько терпеливо разъясняли их невозможность. Но рабочие смелеют: говорят уже не только о перевыборах Советов, но и об арестах ЧК за критику и даже требуют от чекистов отчета в их действиях²⁵⁷. Весомых результатов от этих встреч нет. Примирение, которого, казалось, удалось тут достигнуть, было кратким.

Все пришло в движение — оппозиционный настрой одновременно начинает проявляться во многих местах. Экономическое отделяется от политического почти незримой чертой. На заводе «Тюдор» 9 февраля 1921 г. один из выступающих без обиняков заявляет: «Во всем виновата власть, сваливающая все... на эсеров и меньшевиков <...> не следовало бы пускать в ход новые заводы, открывать на полмесяца мартеновские цехи и кричать об этих... дутых победах труда»²⁵⁸. На 2-м хлебозаводе 19 февраля отклоняют резолюцию, излагающую по агитационным рецептам причины топливного кризиса в стране²⁵⁹. Даже традиционная опора власти — местная профсоюзная верхушка и коммунистические ячейки — начинают испытывать на себе давление масс и отвечают на это молчанием, апатией, характерными уклонениями. «Для того чтобы завертелись наши фабрики, нужно поставить людей дела во главе нашего текстильного хозяйства <...> у нас много хозяев, зато порядка нет <...> нужно поставить одного хозяина опытного, практичного и энергичного работника., прибегнуть к помощи посредников по доставке сырья и топлива», — постановление со столь необычными формулировками принято на Выборгской бумагопрядильной фабрике 8 февраля не возбужденной толпой доведенных до отчаяния рабочих, а собранием фабкома совместно с администрацией и коллективом РКП(б)²⁶⁰.

Забастовки с каждым днем февраля становятся более мощными, невзирая на публично выраженную уверенность властей

в том, что «эсеры не наживутся». 15 февраля бастует половина рабочих «Скорохода»²⁶¹. Их примеру вскоре следуют подносчики и подвозчики Путиловского завода²⁶². «К двадцатым числам февраля движение приняло форму всеобщей забастовки», — вспоминал находившийся в эти дни в Петрограде лидер меньшевиков Ф. Дан²⁶³. Центр волнения — Трубочный завод. Тут уже давно не работают, едва ли не каждый день митингуют, принимают резолюции и несут их на соседние заводы. И откликаются голодные, уставшие от всяческих передряг рабочие: где-то стихийным собранием, где-то оппозиционной декларацией, где-то частичной остановкой цехов. Власти решили покончить с этим разом — локаут, из предосторожности именуемым тогда «перерегистрацией». 24 февраля Трубочный завод был остановлен — утром огромная толпа рабочих оказалась перед закрытыми воротами. И произошел взрыв.

Трубочники сразу же обратились за поддержкой к фабрике Лаферм и, соединившись с ее рабочими, двинулись к Балтийскому заводу. Здесь тотчас бросили работу. Косая линия Васильевского острова оказалась затопленной огромной массой людей. Быстро появились плакаты. Люди устремились на Большой проспект, сметая на пути немногочисленные кордоны. Были вызваны курсанты, которым с трудом удалось блокировать демонстрацию. Предупредительными выстрелами толпа была вскоре рассеяна. Мгновенно по городу распространились слухи о расстрелах на Васильевском острове²⁶⁴.

Группы рабочих, либо участвовавших в демонстрации, либо узнавших о ней позднее, пошли на фабрики и заводы. Уже утром 24 февраля стачка охватила Путиловскую верфь; ее рабочие смогли увлечь за собой и часть людей в цехах Путиловского завода²⁶⁵. 25 февраля к забастовке примкнули заводы Арсенал, Розенкранц, Балтийский, Кабельный, Механический, Экспедиция заготовления государственных бумаг, фабрики Лаферм, Печаткина, Брусницына²⁶⁶. 26 февраля остановились Невские бумагопрядильная и ниточная фабрики, «Скороход» и частично Обуховский завод, а 27 февраля — Новое и Старое Адмиралтейство²⁶⁷.

Стачное движение представляло тогда необычайно пеструю картину. И после событий 24 февраля забастовки, как правило, продолжали нести на себе отпечаток того глухого брожения, которое им предшествовало. Особый термин «волынка», отнесенный меньшевиками к роду идеологической ретуши²⁶⁸, на самом деле отражал своеобразный характер остановки работ в конце февраля. В «чистом» виде забастовка встречается нечасто.

Преимущественно она имеет оттенок половинчатости, компромисса. С завода уходила только часть людей, практиковался неполный рабочий день. Это было как бы продолжением ситуации начала февраля. Первоначально сохранялась даже умеренность требований, и лишь затем они стали более радикальными — в основном за счет «живой связи» между рабочими²⁶⁹.

Четкого сценария «волюнок» не было. Нередко рабочие покидали завод, узнав, что бастуют близлежащие предприятия, — и никаких требований, ни политических, ни экономических не выдвигали. Иногда рабочих «снимали» со своих мест, силой заставляли примкнуть к забастовкам, останавливали пикетами у проходных. Обычной стала «итальянка», как ее тогда называли — рабочие находились у станков, но ничего не делали. В конце февраля — начале марта, в той или иной степени, полностью либо частично, стачками были охвачены заводы Речкина, Парвйайнен, Осипова, Гвоздильный, Радиотелеграфный, «Русский Дизель», Александровский, Автозавод, фабрики «Победа», «Жорж Борман», «Петронитка», Центральные муниципальные мастерские, 17-я типография, Петроградский трампарк, Электрическая станция Общества 1886 г., Огнесклад и др.²⁷⁰

Движение пошло на убыль спустя несколько дней после демонстрации 24 февраля. Уже к 1–2 марта почти все работали. Дольше прочих держался Балтийский завод, окончивший забастовку 7 марта. Вопреки традиционному мнению, извещение о Кронштадтском мятеже 3 марта не вызвало никакого «крутого перелома» в настроениях рабочих в масштабах города. Не последовало массового «отрезвления» (по тогдашнему словцу пропагандистов) и после заседания Петросовета 26 февраля, где объявили о переходе к продналогу, отпуске трудмобилизованных и свободном провозе продуктов. Эти меры позднее оказались надежным объяснением того, почему спала стачечная волна. Но в конце февраля, если верить документам, они никакого эффекта не имели. Забастовкам был присущ собственный ход развития, и трудно уловить какие-либо следы влияния на них широковещательных жестов властей. Более того, 27 февраля наблюдалось даже нарастание «волюнок»²⁷¹. Да это и немудрено — продналог был обещан в будущем, а пока «дожимали» крестьян разверсткой,

заградотряды еще недели спустя грабили проезжавших, а трудмобилизованных почти не видно среди инициаторов волнений. Перелом наступил 1–2 марта. Именно тогда прекратили «волынть» в главном стачечном центре — на Васильевском острове. 2 марта приступили к работе крупнейшие фабрики и заводы Московского района — «Скорород», «Победа», «Артур Коппель». В тот же день отметили «успокоение» на всех предприятиях Выборгского района²⁷².

Возникает искушение объяснить столь быстрый конец чисто административными действиями властей. Однако к локаутам тогда прибегали редко, и список «перерегистрированных» предприятий исчислялся единицами — Трубочный завод, Лаферм, Невская ниточная фабрика. Войска на территорию заводов вводились крайне осторожно, причем боялись не только стычек, но и их «братания» с рабочими. Опасались проводить и широкие аресты забастовщиков, предвидя негативную реакцию низов; этим занялись позднее. Скорее всего, февральско-мартовские волнения, как это ни парадоксально, были внутренне запрограммированы на самоограничение — в своих акциях, политических программах, проектах перемен.

Рабочие боятся уходить с предприятий даже тогда, когда не работают. Они все время оглядываются на другие фабрики и заводы — и возобновляют работу, едва узнают, что где-то «волынка» прекратилась. Гвоздильный завод 28 февраля заявил, что закончит забастовку только тогда, когда это же сделает Балтийский завод. Фабрика «Победа», хотя и не бастовала 26 февраля, но следила за тем, как поступят скороходовцы. 7 марта прекратил работу завод «Артур Коппель», причем никаких требований не выставлялось. Как выяснилось впоследствии, рабочие поверили слухам о том, что все петроградские предприятия остановились²⁷³. Как и в марте 1919 г., нередко на мелких предприятиях забастовка является автоматической реакцией на действия основных стачечных центров. И столь же, как в 1919 г., в рабочей среде ощутим политический самоконтроль.

«Мы шли по 7 и 9 линии Васильевского острова и спрашивали: „А какие ваши требования?“ — „Мы не знаем. Я вот стою перед вами и не вру вам“, — это был их ответ. „Если здесь есть

представитель от этого завода, пусть он вам скажет, что это сущая правда“. Мы спрашиваем: „Все-таки, приблизительно, какое ваше требование?“ — „А такое: побольше хлеба, чтобы очистить верхи, там много засело буржуев, и перевыборы Петроградского Совета — вот наш лозунг“. — „А какие перевыборы Совета?“ — „Как постоянно выбирают“, — это все рассказывал на заседании Петросовета 26 февраля 1921 г. некто Газенберг²⁷⁴. И нет оснований не верить этому свидетельству, оно напоминает десятки других подобных сообщений. На следующем заседании Петросовета, состоявшемся 4 марта, в выступлении представителя «Арсенала» анархиста Филиппова мы наблюдаем точно такой же настрой. «Я не свою мысль буду высказывать, а всех рабочих, — заявил оратор. — Когда вопрос поднялся о том, чего же, собственно говоря, хочет вся масса — Учредилку, что ли, и вот я вам должен сказать... что все хотят вернуться именно к октябрьским завоеваниям. Значит, власть Советов — тот лозунг, который стал перед рабочими, но главное, что я должен тоже отметить, это — долой диктатуру... партии»²⁷⁵. Данный случай очень характерен. Устранение диктатуры — это, по мнению рабочих, ведь тоже «октябрьское завоевание». Утопические представления об идеальном порядке уже основаны на новом политическом мифе. И это обстоятельство — одно из условий сохранения политической умеренности.

Конечно, речи в Петросовете могут показаться ненадежным доказательством — слишком уж специфичной была здесь аудитория, и даже оппозиционные ораторы не решались игнорировать ее особенности. Но посмотрим, какие требования выдвигались в эти дни непосредственно на фабриках и заводах — как «волынивших», так и охваченных «волыночным» духом.

У скороходовцев, как сообщали 26 февраля, главные требования, помимо увеличения хлебных выдач, касались только свободного проезда: разрешения выезжать за пределы города на 150 верст, увеличения норм провоза и числа пригородных поездов²⁷⁶. Одобренная на фабрике «Светоч» 28 февраля резолюция насчитывала три пункта: установление контроля над заградительными отрядами в целом по стране и снятие их в Петроградской губернии; увеличение объема привозимых продуктов; созыв

беспартийной конференции рабочих²⁷⁷. Последнее требование было выдвинуто еще в начале февраля, его поддержали многие предприятия в дни стачек.

Наиболее распространенным «политическим» требованием было освобождение политзаключенных — его предъявляли на Балтийском, Кабельном, Ново-Адмиралтейском заводах, Электрической станции Общества 1886 года, заводе Речкина²⁷⁸. Об Учредительном собрании толковали преимущественно на крупнейших предприятиях. Большинство прочих фабрик и заводов просто голосовало целиком за резолюции, присланные из стачечных центров. В этих документах имелись политические «вкрапления», но сами собрания, их одобрявшие, ограничивались только экономическими дебатами. Своеобразный характер тогдашней политизации можно оценить, приняв во внимание события на Огнескладе. 1 марта его рабочие объявили забастовку, причем сначала пожелали только «аккуратной выдачи» продуктов и получения того, что задолжала им администрация склада за период с 1 января по 1 марта. Но спустя некоторое время сюда проникли делегаты с «Арсенала», и, как писал в своем отчете начальник Огнесклада, «настроение рабочих резко изменилось, они выставляют требования уже на политической подкладке, т. е. в целом присоединяются к рабочим Арсенала, требуя свободной торговли, снятия заградительных отрядов... вплоть до созыва Учр[едительного] собрания»²⁷⁹. Но через день, 2 марта, работа возобновилась, и информатор в докладе Окружному артиллерийскому управлению уточняет свое раннее сообщение: «Настроение рабочих не против Советской власти в целом, но против некоторых постановлений власти. Главное требование общего характера: немедленный созыв общегородской конференции, а из местных требований — уравнивание пайка служащих и рабочих, выдача недополученных ордеров, отчет выборного в Петросовет председателя Петрокоммуны тов. Куклина, выдача недополученных продуктов за февраль месяц»²⁸⁰.

Все ушло в эти продовольственные пайки, в ордера, в разговоры о том, кто больше ест и кто больше ворует. И этим все исчерпалось и закончилось. Меньшевики потом сетовали на то, что экстренные раздачи в феврале и марте обуви и одежды быстро

заглушили недовольство рабочих, сразу же потерявших вкус к политическим переменам. Но это обстоятельство — скорее диагноз, чем причина. Это итог — непредвиденный, но закономерный для духовной революции 1917–1921 гг.

Таковы основные элементы февральского взрыва. Был неожиданностью он сам, но не его сценарий. Он лишь ярче обнажил такое, что той или иной своей гранью проявило себя в прошедшие годы. Он показал нам политическое действие зачастую без политической мысли. И это очень символично.

Рассматривая психологические перемены в рабочей среде, можно обозначить ряд феноменов, которые подготавливали изменение общественного сознания в 1920-е гг.

Первый из них — это переплетение бытового и политического в повседневной социальной практике. Политизируются многие «структуры повседневности» (одежда, досуг, семейный быт, распределение жилья, товаров и услуг), бытовое поведение становится и частью поведения политического. Желая изменить свой быт, человек должен был пользоваться политическими формулами и обосновывать свою правоту ссылками на политический порядок — и потому бытовой поступок зачастую имел идеологический оттенок.

Второй феномен — это соотнесенность группового и политического подчинения. Любой коллектив — профессиональный, партийный, молодежный, производственный — в разной, но, как правило, в значительной степени ориентируется на большевизм. Отчасти в силу этого политическое начинает пропитывать отношения человека с другими людьми, осуществляемые в рамках определенной общности. Каждая группа — это подчинение, и потому принадлежность к политизированной группе влекло за собой политическое подчинение, и групповые изменения — это и неизбежно ценностная переориентация.

Третий феномен — это включенность рабочего в массовые ритуальные формы политической поддержки, оказываемой властям. Посредством этого ослабевала индивидуальная внутренняя сопротивляемость людей — не сразу, но неуклонно. Новый правящий режим принципиально не допускал политической нейтральности. Каждый рабочий должен был участвовать

в митингах, собраниях и манифестациях с заранее предсказуемым сценарием. Постепенно это становилось традицией, и выключенность из этого ритуала предполагала точно такое же обнажение инакомыслия, как и публичная оппозиционная речь. Приобщение к коллективному действию стало, таким образом, и элементом самосохранения. Стереотипная акция приобрела оттенок автоматизма и иррациональной обязательности, был утрачен ее первоначальный смысл, но сохранен присущий ей дух политического послушания: не всякий задумывался над ее причиной, но каждый знал, что должен быть ее участником. Разумеется, последнее нередко было чисто внешним знаком политического приспособления — но это неизбежно суживало круг инакомыслящих, лишенных открытой коллективной поддержки.

Четвертый феномен — это подчиненность рабочего большевизированному политическому языку, специфическое языковое «рабство», посредством которого повседневно видоизменялась его мировоззренческая самоидентификация. Заимствованные из социалистической литературы политические термины, которыми оперировал рабочий, подчеркивали не отличие его от властей, а общность с ними. Даже будучи обращенной против большевиков, оформленная социалистическими клише речь рабочих изначально являлась фактором ограничения их протеста. Она предполагала лишь определенный диапазон акций и строго очерчивала их пределы, равно как и границы антибольшевистских политических комбинаций.

Пятый феномен — взаимозависимость политической дискриминации и понижения социального статуса. Будучи исторгнутым из политической общности, рабочий неизбежно терял и свои социальные привилегии, и перемещался на низшее место в социальной иерархии. Это влекло за собой, прежде всего, ухудшение жизненного уровня — важнейшего ценностного ориентира для подавляющего большинства рабочих. Увольнение с работы и занесение в особые списки, грозившие постоянной безработицей, перевод на низкооплачиваемую и тяжелую работу, производственные придирки — эти и прочие способы широко применялись властями и выполнявшей их волю заводской администрацией для наказания политических послушников. Но и само по

себе исключение из социальной «элиты», сколь бы условной она ни была, обостренно воспринималось рабочими. Причисление себя к привилегированному слою, отличному от других, было для многих из них и своеобразным знаком самоутверждения и обоснования своей личностной значимости.

Политический тоталитаризм едва бы смог существовать, если бы не включил и не использовал механизмы «низовой» поддержки — армия и репрессивные органы не придали бы ему прочной устойчивости. Но санкцию низов нельзя рассматривать однозначно. Мы должны скорее говорить о создании специфической и сложной системы взаимного низового контроля, подавления и принуждения. Политическая психология рабочих и являлась в значительной мере ее продуктом. Она — яркое порождение революционного времени — полно отразила присущую ему неустойчивость, смещение ценностей и поиски новых идеалов.

Душа человека, его мысли, настроения в ряде своих проявлений останутся для нас загадкой, тайной, ее едва ли сможет разгадать даже исследователь, обладающий изошренным аналитическим инструментарием. Переменчивость и смутность политических чувствований, искаженных многими наслоениями, вынуждает нас в иных случаях лишь приблизительно оценивать главенствующий психологический настрой общества. Словно разбитую чашу, мы восстанавливаем картину советского мира 1917–1920 гг. по осколкам, которые соотносим друг с другом подчас интуитивно, по сохранившимся психологическим реликтам, проецируемым на послереволюционное общество, по заведомо неточным и пристрастным субъективным записям. В тайну своего политико-психологического преобразования зачастую не может проникнуть и сам человек, чьи взгляды и настроения изучает историк. Этот человек становится другим, но он объясняет свой духовный поворот расхожими клишеобразными формулами, он не находит для этого собственных оригинальных слов, которые выражали бы его мысли — вернее не осознает, что воспринятые им стереотипные формулы не принадлежат ему.

Горожанин как политик непредсказуем и неоднозначен. Он обычно не признает себя таковым. Его политические поступки — продолжение его бытового поведения. В «житейских» формулах

он выражает свое отношение к миру, революции и войне. О его политических чувствах мы нередко узнаем не от него самого, а от других. Взгляды его известны нам и не всегда прямо, а по ряду недомолвок и косвенных намеков. Его молчание иногда говорит о большем, нежели его речь.

Без преувеличения можно сказать, что в 1917–1921 гг. закладывались политико-психологические устои нового общества. Возникали и становились приоритетными новые политические обряды, мифы, язык, которые в конечном счете изменяли массовое мышление. Очень непросто, часто лишь внешне, но неуклонно и последовательно формировался «новый человек» — самым укладом жизни, идеологией и практикой эпохи, ее ритуалами и привычками.

Примечания

- ¹ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 гг. Л., 1926. С. 138.
- ² Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 3. М., 1992. С. 271; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 315; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1957. С. 463; Листовки петроградских большевиков, 1917–1920, Т. 3. Л., 1957. С. 121–122; Новая жизнь. 1917. 31 октября; *Соболев Г.Л.* Пролетарский авангард в 1917 году. Л., 1993. С. 237.
- ³ Русская революция глазами петроградского чиновника. Дневник 1917–1918 гг. Осло, 1986. С. 15.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ Первый легальный Петербургский комитет. С. 314.
- ⁶ Там же. С. 315.
- ⁷ Там же. С. 313–315.
- ⁸ Там же. С. 313.
- ⁹ Там же. С. 314–315.
- ¹⁰ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 271.
- ¹¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 91.
- ¹² Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 183.
- ¹³ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 345.
- ¹⁴ Новая жизнь. 1917. 29 октября.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919 // Живые лица. Тбилиси. 1989. Т. 1. С. 388.
- ¹⁷ Национализация промышленности и организация социального производства в Петрограде (1917–1920 гг.) Л., 1958.

- Т. 1. С. 34–35; Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М.; Л., 1967. Т. 3. С. 136, 145.
- ¹⁸ Петроградский военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 2. С. 461.
- ¹⁹ Лопухин В.Б. После 25 октября // Минувшее: Ист. альманах. 1990. № 1. С. 14–15.
- ²⁰ Петроградский военно-революционный комитет. Т. 3. С. 319.
- ²¹ Там же.
- ²² Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917–1919 гг.: Сб. документов. Л., 1947. Т. 1. С. 257.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Новая жизнь. 1917. 16 нояб.
- ²⁵ Юрьев Ю.М. Записки. М.; Л., 1956. Т. 2. С. 242.
- ²⁶ Лапшин В.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 212.
- ²⁷ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 182.
- ²⁸ Ерманский О.А. Из пережитого (1887–1921 гг.). М.; Л., 1927. С. 182.
- ²⁹ Воспоминания главного комиссара Врачебно-санитарного отдела Военно-революционного комитета М.И. Барсукова // Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета. М., 1957. С. 246–251; Федотова З.Ф. Борьба большевиков Петрограда против контрреволюционной деятельности Всероссийского Учительского Союза // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией. М., 1986. С. 205.
- ³⁰ Ф. Головин — комиссар Временного правительства над б. Министерством императорского двора и уделов.
- ³¹ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1917–1921. Л., 1968. С. 227.
- ³² История советского театра. Л., 1933. Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма. С. 93.
- ³³ Советский театр. С. 222–223.
- ³⁴ Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 1. С. 25.
- ³⁵ Литературное наследство. М., 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 565.
- ³⁶ Там же. С. 566.
- ³⁷ Там же.

- ³⁸ См., например: Воспоминания комиссара типографии «Русская воля» С. Уралова // Донесения комиссаров. С. 226; *Потехин М.Н.* Первый совет пролетарской диктатуры. Л., 1966. С. 129; *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. Л., 1969. С. 172.
- ³⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1963. Ч. 1. С. 186.
- ⁴⁰ Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 161.
- ⁴¹ Новая жизнь. 1917. 14 нояб.
- ⁴² Районные советы Петрограда в 1917 году. Т. 1. С. 50; М.; Л., 1966. Т. 3. С. 208; Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 530; *Блинов А.С.* Центральный Совет фабзавкомов Петрограда. 1917–1918. М., 1982; *Фрайман А.Л.* Указ. соч. С. 93.
- ⁴³ Первый легальный Петербургский комитет большевиков. С. 346.
- ⁴⁴ Там же. С. 330.
- ⁴⁵ Первый легальный Петербургский комитет большевиков. С. 350.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Ярошевская В.П.* Борьба партии большевиков за художественную интеллигенцию в период подготовки социалистической революции и в первые годы Советской власти. Л., 1973. С. 15.
- ⁴⁸ Петроградский военно-революционный комитет. Т. 3. С. 452.
- ⁴⁹ Там же. С. 452–453.
- ⁵⁰ Константин Андреевич Сомов. С. 184.
- ⁵¹ Русская революция глазами петроградского чиновника. С. 35–36.
- ⁵² Там же. С. 38.
- ⁵³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8098. Оп. 1. Д. 6 а. Л. 17 об.
- ⁵⁴ Наш век. 1918. 3 января.
- ⁵⁵ Борис Михайлович Кустодиев. Л., 1967. С. 157.
- ⁵⁶ *Ремизов А.* Взвихренная Русь. М., 1990. С. 191.
- ⁵⁷ Наш век. 1918. 11 янв.
- ⁵⁸ Листовки петроградских большевиков. Т. 3. С. 144.
- ⁵⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф. 4000. Оп. 1. Д. 194. Л. 24.
- ⁶⁰ Наш век. 1918. 11 янв.

- ⁶¹ Красная газета. 1918. 1 марта.
- ⁶² *Шелавин К.И.* Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 г. // Красная летопись. 1928. № 3 (27). С. 152–153; В боях за Октябрь. Воспоминания об Октябре за Невской заставой. Л., 1932. С. 63; Красная газета. 1918. 16 марта.
- ⁶³ ЦГА СПб. Ф. 6255. Оп. 17. Д. 70. Л. 8.
- ⁶⁴ *Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 годов // Отечественная история.* 1993. № 1. С. 160.
- ⁶⁵ ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
- ⁶⁶ Там же. Л. 5, 11–15.
- ⁶⁷ Там же. Л. 19.
- ⁶⁸ *Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917–1920 гг.).* Т. 1. С. 200.
- ⁶⁹ *Кульшиев Ю.С., Носач В.И.* Партийная организация и рабочие Петрограда в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Л., 1971. С. 89.
- ⁷⁰ Володарка. Л., 1932. С. 85; Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района: (Стенографические отчеты 25 мая — 5 июня). Пг., 1918. С. 118; ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.
- ⁷¹ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.
- ⁷² Стенографический отчет о работах пятого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии. Пб., 1918. С. 105.
- ⁷³ *Леске Э.* Как мы организовывали Союз социалистической рабочей молодежи: (Воспоминания) // Ленинское поколение. Л., 1925. Вып. 1: 1916–1918 гг. С. 112.
- ⁷⁴ *Немеркнувшие годы: Очерки и воспоминания о Красном Петрограде. 1917–1919.* Л., 1957. С. 306.
- ⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 10 об.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.
- ⁷⁷ *Шелавин К.И.* Указ. соч. С. 161.
- ⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3, 4 об., 10, 11.
- ⁷⁹ Там же. Л. 2 об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 3.
- ⁸¹ *Гиппиус З.* Петербургские дневники. 1914–1919 // Живые лица. Т. 2. С. 363.

- ⁸² *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1914–1922 гг. 1918 год // Русское прошлое: Ист.-документ. альманах. 1993. № 4. С. 52.
- ⁸³ *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1914–1922 гг. 1918 год // Русское прошлое: Ист.-документ. альманах. 1993. № 4. С. 51.
- ⁸⁴ *Гиппиус З.* Петербургские дневники. Т. 2. С. 364, 368.
- ⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 99, 105–107.
- ⁸⁶ Там же. Л. 107.
- ⁸⁷ Там же. Д. 17. Л. 32.
- ⁸⁸ Весной 1918 г. в Колпине и Сестрорецке произошли столкновения рабочих с властями.
- ⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 143.
- ⁹⁰ Там же. Л. 164.
- ⁹¹ Там же. Д. 18. Л. 53.
- ⁹² Там же. Л. 31.
- ⁹³ Там же. Л. 41.
- ⁹⁴ Там же. Д. 13. Л. 157–158; Д. 18. Л. 53.
- ⁹⁵ Там же. Д. 13. Л. 168.
- ⁹⁶ Там же. Л. 106.
- ⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 18. Л. 41.
- ⁹⁸ Разрешенный в июне на краткое время выпуск эсеро-меньшевистских газет был ограниченным и вряд ли имел какое-либо значение.
- ⁹⁹ *Гоголевский А.В.* Петроградский Совет в годы Гражданской войны. Л., 1982. С. 61.
- ¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 111.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 4591. Оп. 2. Д. 175. Л. 4, 8; *Бастионы революции: Страницы истории ленингр. заводов.* Л., 1959. Вып. 2. С. 19; *Красная газета.* 1918. 11 авг.
- ¹⁰² *Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде.* 1917–1920 гг. Л., 1960. Т. 2. С. 32.
- ¹⁰³ ЦГА СПб. Ф. 6255. Оп. 17. Д. 70. Л. 16.
- ¹⁰⁴ *Ленин В.И.* *Подн. собр. соч.* Т. 50. С. 106.
- ¹⁰⁵ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
- ¹⁰⁶ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 72.

- ¹⁰⁷ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1918. С. 88.
- ¹⁰⁸ Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной области.
- ¹⁰⁹ Красная газета. 1918. 8 августа.
- ¹¹⁰ Там же. 10 августа.
- ¹¹¹ ЦГА СПб. Ф. 43. Оп. 1. Д. 68. Л. 168.
- ¹¹² Петроградская правда. 1918. 4, 6, 7, 8 сентября; Красная газета. 1918. 11 сентября.
- ¹¹³ Петроградская правда. 1918. 5 сентября.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента... 1918 год. С. 94.
- ¹¹⁶ Листовки петроградских большевиков. С. 227, 229.
- ¹¹⁷ *Назаров А.И.* Октябрь и книга. Создание советских издательств и формирование массового читателя. 1917–1923. М., 1968. С. 67.
- ¹¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 23.
- ¹¹⁹ *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента... 1918 год. С. 129.
- ¹²⁰ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 2. Д. 6. Л. 32; Ф. 6261. Оп. 3. Д. 30. Л. 31, 33.
- ¹²¹ Там же. Ф. 143. Оп. 3. Д. 20. Л. 5.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 268.
- ¹²⁴ *Блок А.* Дневник. С. 257.
- ¹²⁵ *Блок А.* Собрание сочинений. М.; Л., Т. 6. 1962.
- ¹²⁶ Подчеркнуто А. Блоком.
- ¹²⁷ *Блок А.* Дневник. С. 264.
- ¹²⁸ Там же. С. 261.
- ¹²⁹ История советского театра. Л., 1933. Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма. С. 96.
- ¹³⁰ *Мейерхольд В.Э.* Статьи. Письма. Речи. Беседы. М., 1968. Ч. 2: 1917–1939. С. 3.
- ¹³¹ История советского театра. С. 147.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 270. Д. 442. Л. 11.
- ¹³⁴ *Островский Н.М.* Всероссийский учительский Союз и его идейно-политический крах после Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1972. С. 19.

- ¹³⁵ *Бурцев Г.В.* Политехнический институт в первые годы Советской власти. (1918–1922) // Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина. Труды. Л., 1957. Т. 190. С. 94.
- ¹³⁶ Новая жизнь. 1917. 9 декабря.
- ¹³⁷ *Шляпин Ф.И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 211.
- ¹³⁸ Там же. С. 238.
- ¹³⁹ Там же. С. 239.
- ¹⁴⁰ Наш век. 1918. 19 января.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об.
- ¹⁴³ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 1, 4.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 1.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 4.
- ¹⁴⁶ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 7 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 14, 14 об.
- ¹⁴⁸ *Дорохов А.В.* школе революции: (Из воспоминаний). М., 1931. С. 46.
- ¹⁴⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 31–38.
- ¹⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 8. Л. 141.
- ¹⁵¹ Стенографический отчет о работах Шестого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии. Пб., 1919. С. 20.
- ¹⁵² Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 294.
- ¹⁵³ Петроградская правда. 1919. 25 марта.
- ¹⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 5.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 6.
- ¹⁵⁹ Петроградская правда. 1919. 15 марта.
- ¹⁶⁰ Там же. 25 марта.
- ¹⁶¹ Там же. 18 марта.
- ¹⁶² Там же; Красная газета. 1919. 16 марта; ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 136.
- ¹⁶³ Петроградская правда. 1919. 28 марта; ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 17.

- ¹⁶⁴ Петроградская правда. 1919. 20 марта.
- ¹⁶⁵ Там же. 22, 25 марта.
- ¹⁶⁶ Там же. 15 марта.
- ¹⁶⁷ Там же. 28 марта.
- ¹⁶⁸ Там же. 18, 23 марта; ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 17 об., 18.
- ¹⁶⁹ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 344.
- ¹⁷⁰ Петроградская правда. 1919. 18 марта.
- ¹⁷¹ Там же. 28 марта.
- ¹⁷² Там же. 23 марта.
- ¹⁷³ Там же. 25 марта.
- ¹⁷⁴ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 30, 31, 31 об.; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 41, 42, 287.
- ¹⁷⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 30.
- ¹⁷⁶ Петроградская правда. 1919. 3 июля.
- ¹⁷⁷ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 21 об.
- ¹⁷⁸ Петроградская правда. 1919. 12 июля.
- ¹⁷⁹ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 284. Л. 59 об.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 59.
- ¹⁸¹ Петроградская правда. 1919. 10 июля.
- ¹⁸² ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 284. Л. 59.
- ¹⁸³ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; Д. 145. Л. 240, 243.
- ¹⁸⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 284. Л. 50, 50 об.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 55 об.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 7 об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 117; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 5. Л. 14, 14 об., 16 об.; Д. 145. Л. 148; Д. 225. Л. 5, 17, 17 об., 20.
- ¹⁸⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 286. Л. 24; Д. 290. Л. 45 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 12 об.
- ¹⁸⁸ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 290. Л. 5, 5 об.; Ф. 1000. Оп. 1. Д. 68. Л. 14 об.
- ¹⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 39, Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 258; Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 61; ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 370. Л. 4; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 284. Л. 14 об.; Красная газета. 1920. 1 июля.
- ¹⁹⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 286. Л. 48; Д. 420. Л. 12; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об.; Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1574. Л. 8.
- ¹⁹¹ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 290. Л. 17 об.
- ¹⁹² ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 20; Красная газета. 1920. 26 июня.

- ¹⁹³ Красная газета. 1920. 26 июня.
- ¹⁹⁴ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 281; ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 8 об., 9.
- ¹⁹⁵ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Созыв второй половины 1920 г. Заседание первое. Пг., 1920. Стб. 24.
- ¹⁹⁶ ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 370. Л. 4.
- ¹⁹⁷ Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание пятое. Стб. 258.
- ¹⁹⁸ Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание пятое. Стб. 251.
- ¹⁹⁹ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 108 об.
- ²⁰⁰ ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1424. Л. 68.
- ²⁰¹ ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 145. Л. 230 об.
- ²⁰² Там же. Д. 1171. Л. 34; ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 60 об.; Красная газета. 1920. 26 июня.
- ²⁰³ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3034. Л. 1.
- ²⁰⁴ Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 2, 7; ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 119.
- ²⁰⁵ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 62.
- ²⁰⁶ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 9 об.; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 257, 257 об.; Ф. 6276. Оп. 269. Д. 93. Л. 75.
- ²⁰⁷ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 9 об.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 103, 112, 140; Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 76 об.; См. также: Оп. 4. Д. 19.
- ²¹⁰ Там же. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 46, 57 об., 59 об., 83 об.
- ²¹¹ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 88.
- ²¹² Там же. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 53, 65; Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 4-8.
- ²¹³ Там же. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 187; Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 89 об., 92 об., 93; Ф. 6255. Оп. 17. Д. 83. Л. 24.
- ²¹⁴ Там же. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 11. Л. 257, 257 об.; Д. 16. Л. 20, 20 об., Ф. 4709, Оп. 4. Д. 61. Л. 6; Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 6 об., 122 об., 124, 126; Оп. 4. Д. 19. Л. 214; Ф. 6255. Оп. 17. Д. 70. Л. 50; Петроградская правда. 1920. 29 июня, 1 июля.
- ²¹⁵ Там же. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 57 об.
- ²¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 197а.
- ²¹⁷ Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 318.

- ²¹⁸ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 325. Л. 3.
- ²¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 154.
- ²²⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 289. Л. 24.
- ²²¹ ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 103.
- ²²² ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 5.
- ²²³ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 123.
- ²²⁴ Там же. Л. 40.
- ²²⁵ Там же. Л. 98 об.
- ²²⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.
- ²²⁷ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 5. Д. 142. Л. 6, 6 об.
- ²²⁸ Красная газета. 1920. 29 июня.
- ²²⁹ ЦГА СПб Ф. 5125. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
- ²³⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 51, 60; Д. 290. Л. 47; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 26.
- ²³¹ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 22.
- ²³² Там же. Л. 10.
- ²³³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 12 об.
- ²³⁴ Архив А.М. Горького. 1906–1932. М., 1966. Т. 9: Письма к Е.П. Пешковой. С. 210.
- ²³⁵ Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 180.
- ²³⁶ Блок А. Дневник. С. 314.
- ²³⁷ Там же. С. 321.
- ²³⁸ ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1439. Л. 1 об.
- ²³⁹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 4. Д. 140. Л. 6.
- ²⁴⁰ Красная газета. 1920. 1 июля.
- ²⁴¹ Красная газета. 1920. 1 июля.
- ²⁴² Константин Андреевич Сомов. С. 194.
- ²⁴³ Маховик. 1921. 16 февраля; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 5. Л. 83; Д. 6. Л. 1; Ф. 6261. Оп. 6. Д. 72. Л. 41; ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 61. Л. 28; Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 138; Ф. 81. Оп. 1. Д. 8. Л. 11, 11 об.; Ф. 376. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 14.
- ²⁴⁴ Маховик. 1921. 4 февраля; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 28; Д. 14. Л. 63.
- ²⁴⁵ Маховик. 1921. 28 января.
- ²⁴⁶ Там же. 3 февраля.
- ²⁴⁷ Там же. 4 февраля.

- ²⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 26.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 28.
- ²⁵¹ Там же. Л. 174.
- ²⁵² Третий Петроградский губернский съезд профессиональных Союзов. Стенографический отчет. Пг., 1921. Бюллетень № 1. С. 9.
- ²⁵³ См. передовые статьи газет «Петроградская правда»: «Эсеры не наживутся» (1921. 11 февраля), «За нами следят» (Там же. 17 февраля); «Маховик»: «Смотрите под ноги, товарищи» (1921. 15 февраля), «Нельзя поддаваться» (Там же. 22 февраля); статью Н. Андреева «Стыдитесь, скороходовцы» (Там же. 16 февраля), статью «Что должны знать питерские рабочие» («Красная газета». 1921. 15 февраля).
- ²⁵⁴ Дан Ф. Два года скитаний (1919–1921 гг.). Берлин, 1922. С. 114.
- ²⁵⁵ Ваксер А.З. Из истории классовой борьбы в Петрограде в начале восстановительного периода (январь — апрель 1921 г.) // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1959. Т. 188. С. 14.
- ²⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 9.
- ²⁵⁷ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 4 об., 6.
- ²⁵⁸ Там же. Д. 14. Л. 103.
- ²⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 57. Л. 20.
- ²⁶⁰ Там же. Ф. 6255. Оп. 17. Д. 70. Л. 67.
- ²⁶¹ Маховик. 1921. 16 февраля; *Иванов В.М., Канев С.Н.* На мирной основе. Ленинградская партийная организация в борьбе за восстановление промышленности города. 1921–1925. Л., 1961. С. 38–39.
- ²⁶² ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 5. Л. 83.
- ²⁶³ Дан Ф. Два года скитаний. Берлин, 1922. С. 105.
- ²⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 59; ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.
- ²⁶⁵ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 228. Л. 6, 6 об.; Справка о настроении рабочих и “волыночном движении” на фабриках и заводах гор. Петрограда с 25 февраля по 5 марта 1921 г. // Кронштадтский мятеж: Сб. ст., воспоминаний и документов. Л., 1931. С. 133.
- ²⁶⁶ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 228. Л. 4; Справка о настроениях... С. 130, 132.
- ²⁶⁷ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 224. Л. 4; Ф. 4000. Оп. 6. Д. 228. Л. 5;

- 6 об.; *Пухов А.С.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 г. // *Красная летопись.* 1930. № 4 (37). С. 108, 112.
- ²⁶⁸ *Дан Ф.* Указ. соч. С. 105.
- ²⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 54, 59; Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 14; *Справка о настроениях...* С. 129–130; *Пухов А.С.* Кронштадтский мятеж в 1921 г. М., 1931. С. 126.
- ²⁷⁰ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 350. Л. 6, 9, 9 об.; Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3098; Л. 3; Оп. 6. Д. 228. Л. 4 об., 5, 6; *Маховик.* 1921. 27 марта; *Пухов А.С.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания... С. 107, 109, 111; *Справка о настроениях...* С. 132, 133; *Панов Н., Давыдов А.* Молодежь в дни Кронштадтского мятежа // *Молодежь в революции.* М., 1931. Сборник 2. С. 54, 61.
- ²⁷¹ *Справка о настроениях...* С. 132.
- ²⁷² Там же. С. 131–133.
- ²⁷³ *Панов Н., Давыдов А.* Указ. соч. С. 54; *Пухов А.С.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания... С. 109; *Его же.* Кронштадтский мятеж... С. 125–126.
- ²⁷⁴ Петроградский Совет... заседание 26.II. 1921 г. Стб. 42–43.
- ²⁷⁵ Там же. Заседание 4. III. 1921 г. Стб. 22–23.
- ²⁷⁶ *Пухов А.С.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания... С. 108.
- ²⁷⁷ *Справка о настроениях рабочих...* С. 130.
- ²⁷⁸ *Пухов А.С.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания... С. 109, 111, 112.
- ²⁷⁹ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 350. Л. 6.
- ²⁸⁰ Там же. Л. 10, 10 об.

Е.М. Балашов

Новое общество — «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Преобразование духовной жизни общества, внедрение в жизнь народа каких-либо новых социальных идей, ценностей и представлений — наиболее сложная задача из всех, которые решаются в ходе всеобщей ломки и перестройки в период революционных потрясений. Это понимали руководители РКП(б), взявшие на себя непосредственную функцию осуществления этой задачи. «Политическую революцию сделать можно в час, — говорил нарком просвещения А.В. Луначарский, — а революцию социальную, революцию во нравах, экономическую, культурную делают десятками лет»¹. Однако и откладывать эту задачу на более благоприятные времена они не считали возможным. Поэтому реорганизация всей этой сферы началась буквально с первых дней прихода к власти нового правительства.

Осуществление главной задачи большевиков, задачи построения нового «социалистического» общества, было невозможно без носителя коммунистического сознания — «нового человека» — в качестве основного элемента и фактора этого строительства. Но и трансформация человеческой психики также была невозможна без формирования новой социальной среды как необходимого условия изменения внутреннего склада человека. После захвата власти в руках большевиков оказался государственный аппарат, который сразу же был приспособлен для нужд всех этих преобразований. Структуры государственного аппарата выполняли при этом две основные функции: *репрессивную*, рассчитанную на подавление оппозиционной части населения и принуждение ее нейтральной части, и *воспитательную* (агитационно-пропагандистскую), направленную почти на все социальные

слои, но в первую очередь на те, что считались опорой нового государственного и социального строя. Вторая функция была наиболее важной, так как никакая власть не может долго держаться исключительно на одних репрессиях, она должна восприниматься как своя основной массой населения.

Воспитательно-пропагандистская деятельность государства имела различные направления и пронизывала практически все сферы духовной жизни общества. Рассмотрим пять из них, на наш взгляд, главных: 1) взгляды большевиков на новые морально-этические отношения в обществе и некоторые аспекты их реализации; 2) политика в отношении церкви и религии; 3) внедрение коммунистического воспитания в систему народного образования; 4) различные виды устной и печатной пропаганды; 5) использование наиболее массовых форм искусства и городской среды для формирования нового мироощущения горожан.

Следует отметить ряд моментов, которые в определенной мере отличали эти направления в рассматриваемый период времени от аналогичной деятельности в последующие этапы советской власти, несмотря на то что, разумеется, для государства они всегда стояли на первом плане. Прежде всего, надо подчеркнуть, что форма интерпретации большевиками своих взглядов на различные явления общественной жизни, как, например, на морально-этические отношения, отличалась от формы, принятой в более поздние годы. Уже на протяжении 1920-х гг. она претерпела изменения. Обоснование этих взглядов партийными теоретиками в данный период отличалось неразработанностью, отсутствием единства и прямолинейностью. С другой стороны, и восприятие основной частью населения внедряемых большевиками лозунгов и взглядов имело более непосредственный характер, определявшийся как новизной этих взглядов для массового сознания, так и спецификой настроений и мироощущения народной массы в этот период. Автор стремился очистить указанные особенности от более поздних представлений и, по возможности, показать их в том виде, который был им присущ в годы «военного коммунизма».

Этика беспощадной борьбы

Этика большевиков периода военного коммунизма заключалась не столько в утверждении новых моральных постулатов, сколько в отрицании традиционных нравственных ценностей вместе с религиозными, философскими и мировоззренческими принципами, лежащими в их основе. Разрушение «старой» или «буржуазной» морали было прямым следствием установки большевистской партии на уничтожение прежних общественных отношений, полную отмену права частной собственности, борьбу с религией и «немарксистскими» мировоззрениями. Что же касается позитивной части этической программы большевиков, то она в первые годы советской власти так и не вылилась в форму законченного учения. Немногие из теоретиков партии, занимавшиеся данной проблемой, наметили лишь контуры этой части программы. Ни в коем случае не претендуя на полноту рассмотрения этических взглядов большевиков в этот период, попытаемся все же дать очень краткий обзор основных работ их лидеров по этим вопросам. Задача облегчается тем обстоятельством, что подобных работ было крайне мало.

В наиболее общем виде понятие коммунистической нравственности сформулировал В.И. Ленин в известной речи на III Всероссийском съезде комсомола 2 октября 1920 г.: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата... Коммунистическая нравственность — это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов»². Таким образом, нравственность всецело подчинена интересам и задачам партии, объединяемого ею коллектива

единомышленников. Следовательно, нравственно то, что служит целям и интересам этого коллектива. То есть, в конечном счете, нравственным критерием каких-либо действий должна служить практическая целесообразность: способствуют ли данные действия достижению вышеупомянутых целей. Это отношение к нравственности довольно точно определил философ-публицист Г.П. Федотов: «Большевики — профессионалы революции, которые всегда смотрели на нее как на „дело“, как смотрят на свое дело капиталистический купец и дипломат, вне всякого морального отношения к нему, все подчиняя успеху»³. Более подробно проблему нравственности В.И. Ленин не развивает ни в этой речи, ни в других своих работах.

Н.И. Бухарин уделил вопросам морали большее внимание, хотя сам термин «коммунистическая мораль» или «этика» представлялся ему неправильным, содержащим в себе элемент фетишизации, только затуманивающий такое якобы простое и ясное понятие. Никому же не придет в голову, писал он, называть устав кооперативной лавки «этическим» или «моральным», «потому что здесь всякому понятен их человеческий смысл». Таким образом, по Бухарину, пролетариату нужны отчетливо сформулированные «технические правила» или «нормы» поведения, а не этика — «фетишистский соус к полезной еде». Предельно упростив проблему, Бухарин иллюстрирует свою мысль образным примером. Для пролетариата, пишет он, нормы поведения есть такие же технические правила, как для столяра, который делает табурет. Чтобы довести работу до конца, столяр должен проделать определенный ряд телодвижений: строгать, пилить и т. п., а «не плясать трепака». Так же и пролетарий, поставивший целью достижение социализма, должен делать одно и не делать другого⁴. В этих действиях не фетиши владеют его умом, как-то: бог, долг и «еще какая-нибудь чепуха», а трезво осознанная цель и расчет. Поэтому член «пролетарской партии» никогда не должен рассуждать так, как представитель «буржуазного мировоззрения». «Буржуазные расхлябанные слюнтяи, — писал Н.И. Бухарин, — постоянно себя спрашивают <...> можно или нельзя убить человека, застрелить околоточного надзирателя? А мы говорим, что все подчинено определенным практическим соображениям о целесообразности для хода

революции, для осуществления тех или иных задач. Мы смотрим на наши моральные отношения <...> как на инструменты... борьбы с вредными элементами человечества, чтобы привести человечество в новые высшие формы своего развития»⁵.

Этот утилитарный подход большевиков к этическим проблемам, характерный для периода военного коммунизма, подтверждается целым рядом свидетельств. Так, анархистка Эмма Goldman, высланная в 1920 г. из Соединенных Штатов за революционную деятельность и прибывшая в Петроград, позднее писала: «Однажды, когда я стала возражать против бесчеловечности, с которой хрупких женщин гонят на улицы для уборки снега, и настаивала на том, что даже если они принадлежат к буржуазии, они все же человеческие существа, и это данное природой обстоятельство необходимо принять во внимание, — один коммунист сказал мне: „Как вам не стыдно, вы — старая революционерка и так сентиментальны“».⁶

Весьма важную роль в социально-этических конструкциях большевиков играл фактор принуждения. Он был лейтмотивом многих речей и статей рассматриваемого периода. Наиболее выпукло его обозначил в одном из своих сочинений Н.И. Бухарин: «...Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью <...> является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»⁷. В этом, пожалуй, заключается этическое credo большевизма: человек (или новый человек) — это идеал будущих эпох, а в реальности сегодняшнего дня существует лишь исковерканный капиталистической действительностью «человеческий материал», слепой, инертный, требующий радикальной переработки в руках революционера.

Другой теоретик партии, Е.А. Преображенский, посвятил проблемам классовой морали даже небольшую книгу. Его также не удовлетворяли термины: «этика», «мораль» и т. д., но, чтобы не искать новых, он допускал употребление их в обиходе, однако считал, что по сути своей эти слова мертвы. «Слова „грех“, „грешно“ вымирают вместе с религией, — писал он, — а слова „безнравственно“, „неэтично“ и т. д. отбрасываются пролетарской наукой раньше, чем вошли в обиход класса»⁸.

Преображенский специально остановился на относительно-сти норм пролетарской морали, на зависимости классовых интересов от конкретных социальных условий. Так стачка, классовая борьба имели положительное значение в условиях капитализма, но при социалистическом строе они недопустимы. Напротив, теперь каждый рабочий должен всячески крепить «сознательную трудовую дисциплину», бороться с теми, кто ее нарушает и наносит вред производству, содействовать в этом профсоюзам и другим классовым организациям, роль которых также в корне изменилась⁹. На относительность норм поведения указывал и Н.И. Бухарин. Беседуя с комсомольцами, он вспоминал, как в школьные годы с товарищами-гимназистами демонстративно курил. «Этой мелочью, — говорил он, — мы разрушали дисциплину старого строя. Это был протест против организации школы, а оттуда протест переносили на организацию всего общества... А теперь есть ли что-нибудь похожее на прежние условия? С точки зрения физиологической, с точки зрения воспитания увлечение табаком и алкоголем, это — прямой вред»¹⁰.

По Е.А. Преображенскому, два фактора являются залогом действительности «пролетарских норм»: безусловная согласованность их с классовыми интересами, их подчиненная по отношению к этим интересам роль и пристальный контроль класса за их исполнением. Класс, коллектив обладает абсолютным значением. Каждый представитель «класса пролетариев» обязан жертвовать всем, даже жизнью во имя коллективных интересов. «Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден, — патетически восклицал Преображенский. — Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса. Высшая мудрость пролетарской борьбы состоит не в том, чтобы каждый ковырялся внутри своей собственной личности и декларировал насчет ее прав, а в том, чтобы каждый умел беззаветно, почти стихийно, без фраз и излишних жестов, не требуя ничего лично для себя, влить всю свою энергию и энтузиазм в общий поток и пробиться к цели со своим классом, может быть, свалившись мертвым по дороге»¹¹. Такая безграничная преданность коллективным интересам, жизнь и смерть ради этих интересов должна составлять основу коммунистической морали или, по Преображенскому, классовых норм.

В этой причастности мощи коллектива, в преклонении перед ней, в «ощущении могущественного роста коллективной силы и воли» Н.И. Бухарин видел «духоподъемность» коммунистической идеологии. «Духоподъемность как источник тех чувств, которые способны оживить и привести в действие этические нормы без освящения их некими высшими силами»¹². Таким образом, духоподъемность коллективной мощи в ее стремлении к светлым идеалам коммунизма выступает как подобие церковного духа соборности, правда, с той существенной разницей, что на место смирения пришла агрессивность, а на место Бога — идеальное (и потому абстрактное) человечество. Все, что находится за пределами коллектива единоверцев, существует само по себе, для коллектива не только чуждо, но и враждебно.

В поэтических метафорах эти положения отчетливо выразил в 1918 г. петроградский поэт В.В. Князев¹³, стихи которого, по свидетельству современников, имели большое влияние на пролетарскую молодежь:

Сердца единой верой сплавим.
Пускай нас мало, не беда! —
Мы за собой идти заставим
К бичам привыкшие стада.
Нам ведом к райскому порогу
Вернейший путь — прямая нить;
И — смерть тому, кто нам дорогу
Посмеет нагло преградить!
.....
Враг должен пасть. И пасть — навеки,
Как жизнью свергнутый кумир!
И пусть прольются крови реки, —
Они потопят старый мир.

Этика большевиков нашла практическое выражение в установленной ими системе правопорядка. Советское правосознание в годы военного коммунизма фактически основывалось на отрицании всего предшествующего юридического опыта. Гражданское (имущественное) право представлялось ненужным по мере

отмены частной собственности и переходу к новым социальным и семейным отношениям. В судебной практике оставался, главным образом, разбор уголовных дел.

Что касается самих судов, то уже первый декрет Совнаркома по этому вопросу, принятый 22 ноября 1917 г., практически полностью упразднил старую судебную систему. Он отменил прежние суды и институт присяжных, адвокатуру, процедуру апелляции, прокурорский надзор и т. д.¹⁴ На местах были учреждены так называемые народные суды в составе судьи и двух заседателей. Право обвинения и защиты подсудимых предоставлялось любому желающему из присутствующих в зале суда граждан¹⁵. Народный суд должен был, согласно декрету, руководствоваться «революционной совестью и революционным правосознанием», а «законами свергнутых правительств» лишь постольку, поскольку они не противоречат революционному правосознанию. Кроме того, они не должны были противоречить программам правящих партий: большевиков и левых эсеров. «Пытались шутить над этим положением декрета, — писал первый руководитель новой юстиции П.И. Стучка, — но ясно, что революционное правосознание победившей революции прежде всего выражается в том мировоззрении, которое изложено в программах победивших революционных партий»¹⁶. Заседатели нового суда имели равное с судьей право голоса. Впрочем, они ничем от судей не отличались, так как среди последних не было не только профессиональных юристов, но и людей, имевших опыт судебной работы. Они действовали, руководствуясь исключительно «классовым подходом и пролетарским чутьем»¹⁷.

Практика неформального суда с ужасом воспринималась профессиональными служителями права. «Газеты запестрели примерами фантастических приговоров, с восторгом указывая, как удачно избираются наказания при содействии „революционной совести“, — вспоминал один из петроградских юристов. — Запомнился случай, когда красноармеец, судившийся за взятку в 40 рублей, полученную за неправильную посадку в вагон на Николаевском вокзале, был приговорен к расстрелу и расстрелян»¹⁸. Бывали, конечно, случаи и мягких приговоров. Например, на заседании временного революционного суда

Выборгского района в ноябре 1917 г. разбиралось дело милиционера, который в пьяном виде начал беспорядочно палить из винтовки. Объяснение самого милиционера было кратким: «Товарищи, был очень пьян, может быть, и стрелял, не знаю...» Выступившие на суде обвинители указали на то, какие тяжкие последствия мог бы иметь этот проступок. Добровольный же защитник резонно заметил, что «такое несчастье может со многими случиться», и предложил освободить обвиняемого, исключив его из милиции. Это решение покрылось возгласами одобрения всего зала¹⁹.

Характерной особенностью нового суда был строго классовый подход к обвиняемому. Так, представитель одного из народных судов Нарвского района, рабочий Путиловского завода В. Алексеев, за одни и те же преступления осуждал «трудящихся и эксплуататоров» по-разному. Объявляя приговор, он разъяснял, что «буржую не прощается то, что может быть прощено неграмотному рабочему»²⁰.

Одновременно с народными судами, разбиравшими уголовные дела, декрет Совнаркома от 22 ноября 1917 г. учредил «революционные трибуналы», специально занимавшиеся политическими делами о «контрреволюционерах». Методы их деятельности очень ярко охарактеризовал Н.В. Крыленко, возглавлявший в Народном комиссариате юстиции отдел «исключительных судов». В апреле 1918 г. он говорил: «Трибунал — это не суд, в котором должны возродиться юридические тонкости и хитросплетения; трибунал — орудие политической борьбы...» В качестве критерия оценки трибуналом меры преступления он предлагал следующий прецедент: «Я приведу три примера, с которыми мне пришлось столкнуться в Смольном, в штабе революционного комитета, вскоре после Октябрьских дней. Я приведу их, чтобы показать ту единственную мерку, с которой мы подходим сейчас к оценке всякого явления. Ночью в Смольный доставили трех арестованных: один был солдат, схваченный при продаже своей винтовки, другой — офицер, пытавшийся перекупить ее, а третий — меньшевик-агитатор. Первого было решено отпустить, второго арестовать; но со всей беспощадностью поступили с агитатором, который на заводе выступал против Советской власти»²¹.

Эти слова звучат в унисон с высказыванием Ф.Э. Дзержинского, который в декабре 1917 г. в Петрограде выступал на заседании Совнаркома по вопросу о создании ВЧК. «Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, — сказал он, — юстиция сейчас нам не нужна... Я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции»²².

Петроградский революционный трибунал был организован в конце 1917 г. (в доме великого князя Николая Николаевича на Петровской набережной у Троицкого моста) под председательством И.П. Жукова и А.В. Галкина. При трибунале существовала следственная комиссия, производившая обыски, аресты и готовившая обвинительный материал²³. В этот начальный период деятельности ВЧК и ревтрибуналов, то есть до сентября 1918 г., по данным самой ЧК, в Петрограде было расстреляно около 300 человек. Подлинное число казненных неизвестно. Сведения о репрессиях в это время не публиковались, напротив, власти уверяли всех в своих миролюбивых намерениях. Однако, если верить Л.Д. Троцкому, «это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора»²⁴. Выступивший в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов председатель Петроградского Совета Г.Е. Зиновьев также настаивал на необходимости террора: «...потому-то и погибла Парижская Коммуна, что она слишком либерально обходилась со своими противниками»²⁵. Даже если подвергнуть сомнению утверждение Троцкого, все же останется бесспорный факт, что после того, как 20 июня 1918 г. в Петрограде был убит комиссар печати, агитации и пропаганды М.М. Володарский, В.И. Ленин письменно потребовал, чтобы петроградское руководство прислушалось к якобы имевшему место настойчивому желанию рабочих начать террор. Он призвал «поощрять энергию и массовидность террора»²⁶. Хотя в это время террор так и не был начат, к середине августа в петроградских газетах появились статьи, в которых террор расценивался как «неизбежная составная часть революции»²⁷.

Поводом к началу массовых репрессий в Петрограде послужило убийство 30 августа 1918 г. главы Петроградской ЧК М.С. Урицкого студентом Политехнического института

Л.А. Каннегисером. В тот же день в Москве произошло покушение на В.И. Ленина. Через четыре часа после убийства Урицкого все руководство Петроградского комитета РКП(б) собралось в бывшей гостинице «Астория», занятой под 1-й Дом Совета. Перед собравшимися выступил Г.Е. Зиновьев, предложивший в ответ на убийство принять «соответствующие меры». По воспоминаниям известной деятельницы партии Е.Д. Стасовой, «в числе таких мер он предложил разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему прямо на улице». Сама Стасова выступила против этого предложения по следующим мотивам: «Я сказала, что считаю предложение Зиновьева неправильным, так как оно обернется против нас в первую голову. Черносотенцы начнут действовать под видом рабочих и перебьют всю нашу верхушку»²⁸. В итоге совещание решило создать специальные «тройки» по районам города для «выявления контрреволюционных элементов». Начались массовые аресты. По признанию Е.Д. Стасовой: «Часто аресты бывали неправильными, так как арестовывали по случайным данным. В число арестованных попадали люди, сочувствующие нам, работавшие с нами и т. д.»²⁹. Один из петроградских интеллигентов вспоминал об этом времени: «Вооруженные красноармейцы и матросы врываются в дома и арестовывали лиц по собственному усмотрению. Не было и речи о том, что арестованные имели хотя бы отдаленное отношение к убийству или самому убийце... Арестованных отправляли без всякого предварительного допроса в тюрьму, хотя бы их вина состояла только в том, что они были „буржуями“ или интеллигентами... Председатель петроградской коммуны Зиновьев не испугался бросить в массы лозунг: „Вы, буржуазия, убиваете отдельных личностей, а мы убиваем целые классы“»³⁰.

5 сентября 1918 г. Совнарком принял декрет о «красном терроре», в котором говорилось, что «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Декрет предоставил ВЧК право арестовывать, помещать в концентрационный лагерь и расстреливать всех «прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», при этом имена расстрелянных должны были публиковаться³¹. Петроградские газеты начали печатать списки расстрелянных заложников. В число заложников

попадали не участники контрреволюционных заговоров, а главным образом люди, арестованные за принадлежность к определенному классу или социальной группе. «Беспрерывно приходили вести то об обысках, то об арестах, иногда даже среди родных, притом людей ничего общего с политикой не имевших, ни в чем не замешанных», — вспоминал о Петрограде сентября 1918 г. земский деятель Н.В. Савич³².

Красный террор проводился с целью запугать, деморализовать «бывшие господствующие классы». Отсюда его массовость, публикация списков расстрелянных и т. п. «Это система планомерного проведения в жизнь насилия <...>, — писал исследователь красного террора С.П. Мельгунов. — Это не эксцессы, которым можно найти в психологии Гражданской войны то или иное объяснение... Моральный ужас террора, его разлагающее влияние на человеческую психику, в конце концов, не в отдельных убийствах, и даже не в количестве их, а именно в системе»³³.

По данным большевиков, за сентябрь 1918 г. по постановлениям Петроградской ЧК было расстреляно 500 заложников. Однако, по неофициальным сведениям, число казненных достигало 1300 человек. Многие из них были убиты по решению местных советов: только в Кронштадте за одну ночь расстреляли 400 человек. Английский военный священник сообщал лорду Керзону: «В последних числах августа две барки, наполненные офицерами, потоплены, и трупы их были выброшены в имении одного из моих друзей, расположенном на Финском заливе; многие были связаны по двое и по трое колючей проволокой»³⁴.

Призывы к массовому террору заполнили страницы газет. Публиковались резолюции партийных и рабочих собраний в поддержку репрессий. Даже школьники не остались в стороне. Группа подростков-коммунистов в сентябре 1918 г. писала: «Мы, члены молодежи только что организовавшейся ячейки [РКСМ] при бывшей 3-й мужской гимназии <...>, единогласно постановили: необходимо применить массовый красный террор для всех без исключения соглашателей и контрреволюционеров»³⁵.

Очередное усиление репрессий произошло летом 1919 г. после наступления на Петроград белых войск. Жена одного из бывших офицеров старой армии на допросе в ЧК осенью 1919 г.

свидетельствовала: «Настроение в Петрограде в это время (в середине июля) было ужасное. Происходили повальные обыски среди ночи, многочисленные аресты и расстрелы, мать мою хотели арестовать только за то, что у нее нашли офицерские погоны»³⁶. Арестовывались не только офицеры, «буржуи» или бывшие чиновники, но и многие представители интеллигенции: ученые, писатели, инженеры и т. д. Арестованных было так много, что допроса у следователя ждали неделями. Различным учреждениям приходилось вызывать необходимых им специалистов из тюрьмы. В канцеляриях формировались дела с перепиской «об арестах». Слово «Гороховая» — занятый Петроградской ЧК дом бывшего Управления градоначальника на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта — приобрело в Петрограде такое же символическое значение, как «Лубянка» в Москве.

17 января 1920 г. ВЦИК отменил смертную казнь по приговорам как ЧК, так и ревтрибуналов. «Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России, — говорилось в декрете, — с удовлетворением констатируют, что разгром вооруженных сил контрреволюции дает им возможность отложить в сторону оружие террора»³⁷. Тем не менее накануне отмены смертной казни и даже в ближайшую следующую ночь в Петрограде было расстреляно до 400 человек. В 20-х числах февраля Петроградская ЧК опубликовала новые списки расстрелянных. Казни продолжались и далее в течение лета. Всего за 1920 г. было казнено около 5000 человек³⁸.

Политика в отношении «враждебных классов» выражалась, конечно, не только в массовых арестах и расстрелах. Ее основу составляла система мер, направленная на лишение представителей «прежде господствовавших классов» гражданских, политических, социальных и других прав. «Весь общественный строй этой эпохи был проникнут духом беспощадной классовой исключительности <...>, — писал первый советский исследователь политики военного коммунизма Л.Н. Крицман. — Буржуа превратился в презренное и отверженное существо — в пария, лишенного не только имущества, но и чести. Он был лишен всех гражданских и политических прав, в том числе права избирать и быть избранным в какое бы то ни было общественное учреждение <...>»

всякий, кто хотел стать равноправным членом советского общества, упорно стремился доказать свое незапятнанное рабочее или крестьянское происхождение, подкрепляя его всякого рода документами и показаниями»³⁹.

Лишение гражданских прав сопровождалось всяческими ограничениями в социальной сфере. Уже «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая ВЦИК 3 января 1918 г., ввела всеобщую трудовую повинность. Труд понимался главным образом как физический. Для «имущих классов» он состоял в уборке снега, мусора, рытье окопов и прочей грязной и неквалифицированной работе. Летом 1918 г. во время эпидемии холеры «буржуазия» была мобилизована на опасную работу по захоронению холерных трупов. В 1919 г. все, кто не мог представить удостоверение о службе, по распоряжению коменданта Петроградского укрепленного района Я.Х. Петерса, немедленно задерживались и направлялись на принудительные работы⁴⁰. Проблема содержания и эксплуатации труда большой массы арестованных вызвала появление новой и до того нигде не применявшейся формы заключения — «концентрационного лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного понуждения»⁴¹. (Впрочем, довольно скоро трудовая повинность перестала быть только классовой мерой принуждения. Постановление Совнаркома от 29 января 1920 г. установило трудовую повинность для всех слоев населения, независимо от постоянной работы и рода занятий)⁴².

При распределении питания образованные классы относились к самой низшей категории, в случае перебоев со снабжением в первую очередь лишались пайка. В январе 1918 г. начались обыски «буржуазных» квартир в поисках скрытых или накопленных «запасов продовольствия». Одновременно проводилась экспроприация мебели, домашней утвари, одежды, белья, постельных принадлежностей и т. п. Домовые комитеты бедноты «уплотняли» квартиры «буржуазии», вселяя в них неимущих граждан. «Весь этот потребительский коммунизм <...>, — писал Л.Н. Крицман, — сбрасывал понятным для самого отсталого, для самого неразвитого пролетария образом членов бывших господствующих

классов с их социального пьедестала и тем создавал в пролетариате и примыкающих к нему социальных группах чувство действительного освобождения, ощущение действительного переворота, мощный революционный энтузиазм»⁴³. Действительно, одним из стремлений большевиков было создание в массах ощущения того, что уже близко наступление всеобщего царства равенства и справедливости. И в двух последних понятиях большевистские лозунги ближе всего сходились с обыденными представлениями «пролетариев». Эти лозунги в дни подготовки октябрьского переворота в Петрограде неизменно встречали восторг «низов». По словам журналиста Н.Н. Суханова, Л.Д. Троцкий, выступая перед членами Петроградского Совета 21 октября 1917 г., говорил: «Советская власть отдает все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему...» «Это были очень хорошие и справедливые мысли, — писал Суханов. — Они не могли не возбуждать энтузиазма толпы, которую воспитала царская нагайка... Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу. Казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн»⁴⁴.

Когда же в условиях голода и разрухи массы начали постигать, что желанные лозунги все еще очень далеки от осуществления, одним из средств переключить грозные разряды недовольства масс в определенном направлении стало обличение «контрреволюционера», «саботажника» — в конечном счете «буржуя», образ которого трактовался очень широко и всегда вызывал антипатию пролетария. Психологической основой «антибуржуйских» настроений в массах являлась стихийная ксенофобия, рождавшаяся в душе пролетария, озлобленного годами нищеты, темноты и униженного существования, выбитого войной из привычной житейской колеи. А.М. Горький воспроизвел на страницах газеты «Новая жизнь» ряд характерных высказываний простого люда на улицах Петрограда в канун октябрьского переворота:

Кондуктор трамвая: Плевать нам на социалистов, социализм — это го́сподская выдумка, а мы, рабочие, — большевики.

Солдат (в ответ на призыв студента «учиться»): Чему ты меня можешь научить? Знаем мы вас, — студенты всегда бунтовали. Теперь — наше время, а вас пора долой, буржуазию!

Щеголь, похожий на парикмахера: Товарищи! Довольно командовала нами интеллигенция. Теперь, при свободе прав, мы и без нее обойдемся⁴⁵.

Этот феномен классового инстинкта тщательно культивировался большевиками в качестве фундамента «пролетарской этики». Важнейшей основой для всех классовых норм пролетариата, считал Е.А. Преображенский, является «полубессознательная классовая спайка, чувство класса, родство со всеми своими по классу и враждебность по отношению к представителям чужих классов»⁴⁶.

Подход большевиков к вопросам семейно-бытовой морали отличался таким же практицизмом, как и решение социально-этических проблем. Исходным моментом при этом, разумеется, были общественно-экономические отношения. «Формы семьи определяются формами хозяйства, — писал петроградский партийный публицист В.А. Быстрянский, — с ходом развития производительных сил, с изменением экономического фундамента общества, эволюционируют, приспособляясь к базису, и формы отношений между полами»⁴⁷. В соответствии с идеей бесклассового коммунистического общества, в котором человек будет избавлен от экономической или какой-либо иной зависимости, большевики считали необходимым разрушить традиционную («буржуазную») семью, то есть сделать любовь свободной, избавив ее от экономических, юридических и церковных пут буржуазного общества. Практическим выражением этого стала задача упразднения брака как имущественно-правового и воспитательного института. В самом начале советской власти эта утопическая идея уничтожения семьи была господствующей среди партийных теоретиков и представлялась им не только реальной, но и неизбежной. В качестве обоснования неизбежности «отмирания» традиционной семьи приводились два основных довода. «Семья <...>, — писала в 1918 г. А.М. Коллонтай, — не нужна государству

потому, что домашнее хозяйство уже не выгодно государству, оно без нужды отвлекает работников от более полезного, производительного труда. Она не нужна самим членам семьи потому, что другую задачу семьи — воспитание детей — постепенно берет на себя общество»⁴⁸. И.Ф. Арманд также считала, что отдельные домашние хозяйства стали вредным пережитком, который закабальет женщину и затрудняет введение новых форм распределения. Функции этих хозяйств должны быть обобществлены, а для этого необходимо ликвидировать кухни в квартирах и немедленно создавать общественные кухни, столовые и прачечные⁴⁹. Она же подчеркивала необходимость обобществления воспитательной функции семьи⁵⁰.

На необходимость общественного воспитания детей указывала и мужская часть партийных теоретиков. «Право родителей на воспитание собственных детей... с социалистической точки зрения совершенно ни на чем не основано, — утверждали Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский. — Отдельный человек принадлежит не себе самому, а обществу... Общественное воспитание дает социалистическому обществу возможность воспитать будущее поколение так, как будет нужно, и с наименьшей тратой сил и средств»⁵¹. «И еще большой вопрос, — добавлял Преображенский, — разрешит ли в будущем социалистическое государство хотя бы части родителей портить домашним воспитанием своих детей, коверкая их по образу и по подобию своему»⁵².

Все эти намерения в условиях России и даже Петрограда времен Гражданской войны (если учесть, с одной стороны, традиционно-патриархальные взгляды пролетариата, и в особенности его женской части, на семью, а с другой — экономические и материально-бытовые условия) были чистой воды утопией. Тем не менее именно в это время они нашли наибольшее количество сторонников в партии, которые ожидали хотя бы каких-нибудь, но именно *немедленных* результатов в деле обобществления функций семьи. Это нетерпеливое желание — увидеть ростки новых общественных отношений в столь далеких от них реальных условиях — было характернейшим признаком большевиков времени военного коммунизма. «Мы могли сказать, что вступили на путь, который ведет к действительному освобождению любви

от всех привходящих, калечащих и убивающих ее элементов, — писал позднее один из них, — и, прежде всего, к действительному освобождению любви от экономики, к действительному освобождению женщины от домашнего рабства. Мы... надеялись, что скоро пойдем дальше в создании учреждений, при которых только и возможно гармоническое, красивое, человеческое, коммунистическое развитие новых форм брака»⁵³.

Наличие страстного желания как можно скорее увидеть реальное осуществление идеалов коммунистического общества имело следствием неизбежный и психологически понятный самообман — попытку выдать желаемое за действительное. Этому самообману весьма способствовало головокружительно быстрое крушение институтов старого общества, по крайней мере, их внешних форм и проявлений, а также кажущаяся податливость социальной среды. «...Темп, быстрота процесса страшно ускорились <...>, — отмечал заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский. — Нас, — я скажу это откровенно, потому что испытал это на себе, — нас пьянила в известной степени эта быстрота. Дело пошло таким темпом, что нам казалось, что мы от коммунизма, — коммунизма, созданного собственными средствами, не дожидаясь победы пролетарской революции на Западе, — что мы от этого коммунизма очень близко»⁵⁴.

В годы военного коммунизма возникла иллюзия, что государство уже берет на себя функции семьи, что, по словам А.М. Коллонтай, «создается новая семья уже не из двух лиц, а из всего коллектива трудящегося общества»⁵⁵. Действительно, в условиях обострения голода советское правительство ввело бесплатное питание детей, которое по качеству и количеству продуктов едва ли могло удовлетворять требованиям медицинской нормы. Его целью было спасение юного поколения петроградских жителей от голодной смерти. Вместе с тем эта мера рассматривалась как бесспорный положительный сдвиг к социализму. Так, комиссар продовольствия Петрограда А.Е. Бадаев в голодном 1919 г. утверждал: «Бесплатное питание детей является весьма крупным шагом в деле установления социалистического строя»⁵⁶. В условиях мировой и Гражданской войны тысячи детей лишались семьи и оказались на улице. Количество опекаемых детскими

домами Петрограда увеличилось с 1917 по 1920 г. в 12 раз (при том что население города за то же время сократилось более чем в три раза, а общее количество детей — в два раза)⁵⁷. И эта вынужденная мера, вызванная тяжелыми социальными условиями и спасительная для детей, воспринималась как некое достижение в деле общественного воспитания. Детский дом рассматривался не как воспитательное учреждение для сирот, полусирот или детей красноармейцев, а как детская «коммуна» — оптимальная форма коллективистского воспитания для всех без исключения детей. «Мы должны изъять ребенка из мещанской, из мелкобуржуазной семьи», — такую задачу ставила заведующая Комиссариатом социального обеспечения СКСО З.И. Лилина, выступая на II Петроградской губернской конференции РКП(б) в феврале 1919 г.⁵⁸ Детский дом, интернат, колония — любая форма детского общежития, изолированная от вредного семейного влияния, считалась лучшим способом воспитания коллективизма и коммунистического мироощущения. Поэтому уже в 1918 г. в Петрограде и его окрестностях появились «детские городки», «коммуны», «колонии» и т. п. детские учреждения интернатского типа, рассчитанные на большое количество воспитанников. Эти учреждения, наряду со школой, были основным и наиболее эффективным инструментом воспитания «нового человека». Рассматривая ребенка как одушевленную *tabula rasa* (лат. — чистая доска), на которой можно начертать любые письмена, большевики стремились создать все условия для того, чтобы эти письмена соответствовали духу их учения.

На пороге свободы совести

Большевики вели непримиримую борьбу с религией и церковью. Это воинственное отношение к религии как бы преследовало цель освободить место в психологии человека для утверждения новой квазирелигиозной идеи. «Большевизм претендует захватить всего человека, все его силы, он хочет ответить на все запросы человека, на все муки человеческие, — писал Н.А. Бердяев в 1917 г. — Большевизм хочет быть не кое-чем, не частью, не отдельной областью жизни, не социальной политикой, а всем, всей полнотой. Как вероучение фанатическое, он не терпит ничего рядом с собой, ни с чем ничего не хочет разделить, хочет быть всем и во всем. Большевизм и есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности»⁵⁹. Безграничная вера в исключительность и незыблемость своего учения не могла сосуществовать с иными верованиями. Однако в отрицании большевиками церкви и ее институтов, в особенности Русской Православной Церкви, проявлялись и тенденции, присущие определенной части российской интеллигенции задолго до событий 1917 г.

Поскольку до революции 1917 г. официальной религией российского государства было православие, все государственные структуры обеспечивали православной церкви ее доминирующее положение и воздействие на духовную жизнь народа посредством обязательного религиозного освящения различных жизненных и общественных актов, формирования определенных религиозных верований через влияние на воспитание и образование новых поколений. Февральская революция фактически ничего не изменила во взаимоотношениях государства и церкви; этот вопрос был

отложен до Учредительного собрания. После октября 1917 г. положение изменилось самым радикальным образом. Власть оказалась в руках партии, ставившей целью создать не просто светское, но атеистически-идеократическое государство, подчинить весь государственный аппарат и общественные институты задачам осуществления коммунистических идей; партии, которая, считая свои идеи единственно верными, всеми способами внедряла их в психику народа, ревниво и неукоснительно боролась с влиянием любых других мировоззрений.

Новое государство в первые же дни своего существования фактически отделило себя от церкви, полностью отказавшись от какого бы то ни было религиозного освящения событий государственной и общественной жизни. Затем началось юридическое оформление этого отделения. Постановление Совнаркома от 18 декабря 1917 г. установило гражданский брак единственной юридически признаваемой формой брака⁶⁰. Регистрация браков, рождений и смертей, которую ранее вели церкви соответствующих конфессий, была передана в местные советы, где вскоре возникли отделы записи актов гражданского состояния (загс). Декрет «О расторжении брака», опубликованный 19 декабря, вывел бракоразводные дела из компетенции православной и иных церквей⁶¹.

11 декабря 1917 г. Народный комиссариат по просвещению постановил перевести Петроградскую духовную академию в свое ведение. Профессора и преподаватели академии выразили по этому поводу протест. Однако уже вскоре возник вопрос о самой возможности дальнейшего самостоятельного существования академии, так как в епархиальной казне отсутствовали средства для ее финансирования. Кажущимся спасительным выходом из положения явился план присоединения Духовной академии к Петроградскому университету. Сначала предполагалось объединение этих учебных заведений на равных правах, затем появились проекты организации в университете религиозно-философского факультета или факультета истории религии⁶². Наркомпрос сначала сочувственно отнесся к этой идее, и университет, при поддержке Академии наук, направил соответствующее ходатайство в Совнарком. Но положительного результата добиться так и не удалось. В декабре 1918 г. Духовная академия прекратила существование⁶³.

С начала 1918 г. наступление на церковь стало более решительным. Приказ наркома государственного призрения А.М. Коллонтай, появившийся в печати 20 января 1918 г., прекратил выдачу денежных средств на содержание церквей и совершение религиозных обрядов при учреждениях наркомата⁶⁴. Затем была изъята из ведения церкви синодальная типография, закрылась церковь Зимнего дворца и еще ряд домовых церквей. А.М. Коллонтай 13 января 1918 г. подписала распоряжение о реквизиции монастырских помещений Александро-Невской лавры для размещения в них призреваемых. В тот же день в лавру явился вооруженный отряд с требованием передачи зданий и имущества, но получил категорический отказ от монастырских властей.

Все эти меры, естественно, встретили недовольство церкви. На следующий день после инцидента в лавре петроградское духовенство организовало многолюдное собрание духовенства и мирян в зале Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, посвященное вопросу «гонений на церковь». Была вынесена резолюция о необходимости «всячески противиться реквизиции лаврских помещений и твердо заявить народным комиссарам, что православный русский народ не допустит отобрания имущества у монастырей и храмов <...>, не допустит поругания его заветных святынь...» Собрание постановило развить усиленную агитацию в церквах, на рынках и площадях, среди матросов и солдат, разъясняя, что «церковь православная терпит открытое гонение»⁶⁵. Через несколько дней произошло событие, которое вызвало массовый взрыв религиозных чувств среди верующего населения Петрограда.

19 января 1918 г. была предпринята новая, более решительная попытка захватить Александро-Невскую лавру. В лавру прибыл отряд из 17 человек красногвардейцев и матросов с требованием передать описи помещений и имущества. В ответ на отказ настоятеля лавры епископа Прокопия выполнить это требование его арестовали. Когда весть об этом дошла до обитателей монастыря, началось волнение, в двух лаврских церквах ударили в набат. Быстро собралась большая толпа верующих, разоружила красногвардейцев и заставила их покинуть лавру. Однако очень скоро появился более многочисленный отряд, вооруженный пулеметом,

из которого была открыта стрельба в воздух, в тщетной попытке разогнать толпу. Протоиерей Петр Скипетров, обратившийся было с увещаниями к красногвардейцам с паперти Троицкого собора, был убит, а несколько человек из числа верующих ранено. Толпа прихожан все прибывала, и отряду пришлось уйти.

Это событие всколыхнуло массу верующих. Петроградский митрополит Вениамин назначил на 21 января большой крестный ход к лавре — демонстрацию протеста против «гонений на церковь». Накануне во всех церквях города собралось большое количество молящихся. Некоторые верующие женщины ходили по казармам и убеждали солдат выступить на защиту церкви. В результате крестный ход стал действительно грандиозным событием. По некоторым оценкам, в нем участвовало несколько сот тысяч человек⁶⁶. Огромное количество богомольцев двигалось к площади Александро-Невской лавры от Казанского собора и других церквей, объединенные крестные ходы шли с Петроградской стороны и Васильевского острова. Процессия растянулась по Невскому проспекту. Соединившись на лаврской площади, участники крестного хода заслушали послание вновь избранного 5 ноября 1917 г. патриарха Тихона с призывом к верующим и священнослужителям поднять народ на защиту церкви от будущих посягательств. Затем выступил с проповедью митрополит Вениамин⁶⁷.

Приняв во внимание настроение значительной части населения, правительство в вопросе о судьбе лавры благоразумно решило уступить. (Некоторые исследователи указывают даже, что В.И. Ленин был недоволен поспешными и несогласованными действиями А.М. Коллонтай)⁶⁸. Чрезвычайная комиссия по охране Петрограда заявила, что советская власть не препятствует отправлению веры, и распорядилась арестовывать нарушителей порядка во время крестного хода. Накануне власти опубликовали разъяснение о том, что реквизиция помещений предполагала лишь размещение в лавре инвалидов.

В день крестного хода в Петрограде, 21 января 1918 г., в «Известиях» был опубликован декрет Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Очень скоро, однако, он изменил название и во всех последующих официальных

публикациях именовался декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁶⁹. Основные положения декрета были сформулированы в общедемократическом духе и провозглашали полное отделение церкви от государства, свободу совести и отправления религиозных обрядов. Лишь два последних пункта (пп. 12–13) существенно меняли его характер и резко отличали декрет от аналогичных актов, принятых в европейских странах. Эти пункты запрещали церковным и религиозным обществам владеть собственностью, лишали их прав юридического лица и объявляли национализированным все имеющееся у них имущество. Они свидетельствовали о явной дискриминации религиозных организаций.

В 1918 г. началось открытое преследование священнослужителей, ограничение прав церкви и осквернение религиозных святынь. В ходе кампании по «разоблачению церковного обмана» были вскрыты мощи одного из главных святых Русской Православной Церкви — святого Александра Невского⁷⁰. Власти постепенно закрыли все выходившие в Петрограде церковные и религиозные издания. В соответствии с декретом об отделении церкви началось составление описей церковного имущества. 11 февраля правительство конфисковало помещения высшего руководящего органа православной церкви — Священного Синода. Со второй половины 1918 г. начались аресты и казни священников за «контрреволюционную деятельность». Осенью 1918 г. в Петрограде были расстреляны: настоятель Казанского собора Философ Орнатский, настоятель Адмиралтейского собора Алексей Ставровский и другие священнослужители⁷¹. (Еще ранее группа революционных солдат расправилась в Царском Селе со священником Иоанном Кочуровым прямо в помещении его церкви).

Изменилось правовое и материальное положение служителей церкви. Собственно гражданских прав они, подобно представителям других «эксплуататорских классов», были лишены. Отсутствие материальной поддержки и постепенное сокращение численности прихожан по мере уменьшения количества населения Петрограда привело к тому, что некоторые из них начали искать побочный заработок. «... Часто теперь можно видеть, — писал в дневнике в январе 1919 г. один из петроградских жителей, —

как тот или иной священник, облачившись вместо рясы в какую-нибудь приобретенную по случаю одежду <...>, отсчитывает день-ги в качестве казначея или переписывает бумаги... Иногда идут на службу, не переодеваясь в штатское платье. В Сенатском архиве видел, как диакон таскает книги в качестве носчика»⁷².

Ограничение церковной деятельности и борьба с духовенством касались не только бывшей господствующей православной церкви, но и других конфессий. В петроградских национальных еврейских школах было запрещено преподавание на «языке священных книг» иврите. Неоднократно подвергались арестам иерархи римско-католической церкви. Однако острее антицерковной борьбы было направлено именно против ортодоксальной Русской Православной Церкви. Ее сокрушение было главной задачей всей антиклерикальной кампании РКП(б) и Советского государства. Необходимо отметить, что советская антирелигиозная печать, наряду с беспощадным обличением «контрреволюционного» православного духовенства, склонна была в 1919 г. расценивать протестантов как очень трудолюбивых и благонамеренных граждан, которые, хотя и лишены правильного идеологического воззрения, но тем не менее могут объективно способствовать строительству социализма. О мусульманах также высказывалось мнение, что они вполне лояльны по отношению к новому Советскому государству⁷³. Еще более благожелательно новая власть относилась к различным религиозным сектам.

При полном запрете духовной и церковной литературы все более развивалась атеистическая и антирелигиозная пропаганда: листовки, брошюры, книги, лекции и т. д. Имели место проявления ненависти к религии: стрельба в причастие, в иконы. Фанатизм безбожников принимал иногда трагикомические формы. Так, на одном музыкальном концерте, когда певец запел романс С.В. Рахманинова «Христос воскрес, поют во храме», кто-то из публики выстрелил в артиста, но, к счастью, не попал⁷⁴. Пуля становилась веским аргументом в борьбе с религией. Неслучайно, по-видимому, А.А. Блок вложил в уста героев поэмы «Двенадцать» восклицание: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь!..»

События в Александрo-Невской лавре вызвали всплеск религиозной экзальтации определенной части верующего населения

Петрограда. В начале 1918 г. церковное руководство довольно успешно овладело организацией прихожан для отпора «гонениям на церковь». Создано было «Братство защиты Александроневской лавры», члены которого давали торжественную клятву защищать лавру и ее святыни всеми средствами, даже жертвуя жизнью. Началась организация приходских союзов для защиты храмов и церковного имущества. За короткое время в эти союзы записалось около 60 тыс. членов⁷⁵. Союзы стали заявлять протесты против действий представителей власти по отношению к церкви и духовенству. С началом поста службы в церквях Петрограда начали привлекать огромное количество народа. Для поддержания воодушевления верующих духовенство устраивало в церквях ночные молебны, проводимые с особой торжественностью и подъемом. Среди глубокой ночи вдруг раздавался колокольный звон — это начинался крестный ход молящихся вокруг церкви. Ночная тишина, зажженные свечи, церковное пение — вся эта мистическая обстановка необыкновенно возбуждала религиозные чувства массы прихожан.

Весьма остро переживала церковь и верующее население отмену религиозного воспитания в школе — фактическое лишение церкви возможности влиять на воспитание юных поколений. Статья 9-я декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви гласила: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом»⁷⁶. Еще до принятия декрета, 27 декабря 1917 г., вновь сформированная большевиками Петроградская городская дума изъяла преподавание Закона Божия из подведомственных ей школ, в число которых входили почти все начальные училища города⁷⁷. С 19 февраля 1918 г. комиссар Петроградского учебного округа З.Г. Гринберг отменил обучение религиозным предметам в средних учебных заведениях⁷⁸.

Большинство родительских организаций Петрограда выступило против декрета об отделении школы от церкви. В день официальной публикации декрета, 23 января 1918 г., Центральный комитет Всероссийского союза родительских организаций

вынес резолюцию о том, что запрещение преподавания религии в школе является «явным нарушением принципа автономии русской школы... и отрицанием истинной свободы совести», дающей родителям право выбора: учить детей Закону Божию или нет⁷⁹. Общее собрание представителей родительских комитетов высших начальных училищ Петрограда 17 февраля подтвердило, что «Закон Божий как предмет является в школе обязательным»⁸⁰. Такой же точки зрения придерживались родительские комитеты отдельных школ.

Учителя занимали не столь единодушную позицию по вопросу преподавания религии в школе. Их мнения отражали целый спектр педагогических и политических взглядов. Специальная комиссия, образованная на 7-м делегатском съезде Всероссийского учительского союза, в июне 1918 г. констатировала: «Учительство раскололось в этом вопросе на три части: одни находят, что положение Закона Божия должно быть прежнее; другие считают, что этот предмет должен быть обязательным для школы, но необязательным для учеников; третьи требуют полного отделения религии от школы и не допускают религиозного обучения в стенах школы»⁸¹. Вторая из этих точек зрения — о факультативном преподавании Закона Божия в школе — была наиболее популярна среди петроградских учителей. В марте 1918 г. Петроградский демократический школьный союз, объединявший учителей городских начальных училищ, принял резолюцию в поддержку этого варианта решения проблемы⁸².

Впрочем, новая власть и не думала считаться с этим разнообразием мнений. Она последовательно проводила свою политику. Комиссариат просвещения СКСО неукоснительно вел кампанию по очищению школы от любых признаков религиозности. Летом 1918 г. он издал серию распоряжений по изгнанию религии из школы: об удалении из классов всех предметов религиозного культа, о недопустимости уроков Закона Божия даже вне основного расписания и в добровольной форме, о ликвидации домашних церквей при учебных заведениях и др.⁸³

Проведение декрета об отделении школы от церкви уже в самый начальный период приняло формы, оскорблявшие зачатую религиозные чувства верующих. Даже один из сторонников

полного отделения школы от церкви, петроградский педагог В.А. Десницкий, не удержался, чтобы не написать: «Ошибка отдельных лиц и местных органов советской власти — проявление чрезмерной поспешности и неуклонной прямолинейности, приводившее нередко к ненужным и тяжелым столкновениям с экзальтированными и сбитыми с толку верующими... Вся тяжесть формального проведения декрета об изгнании Закона Божия из школы возлагалась... на учителей и учительниц: им грозили репрессиями, если в школе будет происходить преподавание Закона Божия, они под страхом опять-таки тяжелой ответственности обязаны были озаботиться выносом из школьных зданий всякого рода принадлежностей культа (иконы и т. п.)... Наряду с этим усердие превыше меры: распоряжение об обязательной развеске в школе вместо вынесенных икон портретов Маркса и русских революционных деятелей, представителей государственной власти в Советской республике, воспрещение духовенству обучать детей даже во внеурочное время, даже в церковных зданиях, даже в самой церкви. Легко представить себе, какая психическая атмосфера создавалась для проведения реформы подобного рода проявлениями исполнительности... Новый человек, новая психология не создаются никакими мудрыми декретами, не создаются сразу даже и тогда, когда осуществлению их содействуют расторопные молодые люди с бесчисленных российских Гороховых улиц»⁸⁴.

Пожалуй, В.А. Десницкий ошибался только в одном: в том, что подобные меры были проявлением чрезмерной исполнительности отдельных лиц и местных органов власти. В действительности, это была партийно-государственная политика. Хотя декрет от 23 января 1918 г. и разрешил обучение религии частным образом, попытка организовать в Петроградской епархии религиозно-нравственное обучение детей и подростков при епархиальных советах была мгновенно пресечена. Органы, руководившие отделением церкви, тут же издали разъяснение о том, что детям до восемнадцатилетнего возраста преподавание любых вероучений не разрешается даже частным образом⁸⁵. Новая программа РКП(б), принятая в марте 1919 г., открыто признала положения декрета от 23 января 1918 г. недостаточными. «По отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным

уже отделением церкви от государства и школы от церкви», — говорится в программе⁸⁶. Партия взяла курс на полное искоренение религии в жизни народа. В соответствии с программными установками запрет на преподавание религии детям и подросткам превратился в контроль над религиозными влияниями на ребенка в семье. «Освобождение детей от реакционных влияний их родителей составляет важную задачу пролетарского государства, — утверждала «Азбука коммунизма», наиболее авторитетное в то время популярное изложение программных взглядов РКП(б). — Радикальное средство — общественное воспитание детей, проведенное в полном объеме. Но на ближайшее время необходимо, чтобы мы не ограничивались изгнанием религиозной пропаганды из школы, но чтобы школа перешла в наступление против религиозной пропаганды в семье»⁸⁷.

Светскость школы в понимании большевиков означала не просто секуляризацию школьного образования. Она предполагала не только запрет на преподавание религии детям, но и воспитание активного, воинствующего безбожия. Это воспитание должно было формировать у детей представление о верующих как о людях темных, невежественных, обманутых; о священниках — как о корыстных, циничных обманщиках; о вере в Бога — как о чем-то постыдном. Вместе с религиозными отношениями отбрасывалась, как ветхий и ненужный хлам, вся нравственная сторона веры. При таких задачах воспитания и методах проведения декрета его первоначальное название («О свободе совести...») резало слух своим несоответствием духу времени. Неслучайно это название было изменено.

Несмотря на недовольство большей части населения города отменой уроков Закона Божия в школе, в Петрограде сопротивление декрету не принимало таких резких и массовых форм, как, скажем, в провинции, особенно в деревне. Отделение школы от церкви фактически завершилось в 1918 г. Сведения о каких-либо серьезных нарушениях декрета в городе отсутствуют уже с 1919 г.

И вообще тот религиозный подъем среди части верующего населения Петрограда, который наблюдался в начале 1918 г. и достиг апогея после событий в Александро-Невской лавре,

довольно скоро начал сменяться апатией. Одновременно в среде православного клира усиливалось разномыслие и зрел раскол. С февраля 1918 г. группа петроградского духовенства начала издавать воскресную газету «Правда Божия», на страницах которой авторы высказывались против позиции патриарха Тихона и призывали к примирению с советской властью⁸⁸. Все более открыто проявлялось и приобретало новое значение так называемое обновленческое движение, оно противопоставляло себя оппозиционным советскому правительству («реакционным», по определению обновленцев) церковным кругам и патриарху Тихону. В пасхальные дни 1918 г. патриарх приехал в Петроград. «Тихона торжественно встречали. Но это официально, — писал позднее один из представителей обновленчества, священник А.И. Введенский. — Народ не был затронут. Народу чуждо патриаршество. Я был на службе Тихона в Исаакиевском соборе. Никакого подъема... Как литургия, так и крестный ход вокруг собора лишены всякого массового одушевления»⁸⁹.

Спаду религиозного подъема способствовала и более или менее осторожная в Петрограде политика большевиков, которые после эксцессов в Александро-Невской лавре уже не стремились форсировать события. Борьба государства с церковью на несколько лет (до 1922 г.) приняла латентные формы. Внешняя видимость относительного спокойствия церковной жизни, отсутствие явных «гонений» на церковь, явных признаков мученичества имели для церкви роковое значение. Они создавали иллюзию ее как бы вполне приемлемого существования. При этом большевики в публикациях, обращенных к населению Петрограда, уверяли в своей готовности соблюдать декрет об отделении церкви. Уже материалы первого обследования народных настроений в связи с декретом об отделении церкви, проведенного Наркоматом внутренних дел в начале 1918 г., свидетельствовали о том, что основная часть населения приняла декрет с покорностью⁹⁰. «Очевидно, правы были те пессимисты, которые предупреждали собор и церковное общество, что ставка на народные массы весьма сомнительна, — отмечал профессор Петроградской духовной академии Б.В. Титлинов. — Церковный народ оказался пассивным и инертным и, видимо, далеко не так близко к сердцу принимал

церковные „обиды“. Для народной массы было непонятно, из-за чего собственно идет борьба, ради чего ее призывают жертвовать даже до потери „живота“. Храмы по-прежнему стояли открытые, богослужение совершалось беспрепятственно... А что касается материальных и правовых потерь церкви, то к ним народ относился довольно равнодушно»⁹¹. Суровые условия существования, бедственное материальное положение горожан, резкое сокращение их численности, погруженность в каждодневную борьбу за выживание также заставляли их забывать о проблемах церкви. В глазах же другой части жителей города православная церковь, тесно связанная со старым государством, ассоциировалась с пороками этого государства, отвергалась ими как один из институтов старого общества. Некоторая часть интеллигенции даже полагала, что проведение декрета об отделении сможет обновить и улучшить духовное благополучие православной церкви. В то же время церковь, лишенная государственного покровительства, к которому она привыкла, оставленная в одиночестве перед напором воинствующего просвещения, с большим трудом противостояла этому напору.

«Орудие коммунистического перерождения общества»

Программа РКП(б), принятая VIII съездом партии в марте 1919 г., определяя задачи школьного образования в Советской России, назвала школу «орудием коммунистического перерождения общества»⁹². Это определение чрезвычайно точно характеризует суть новой системы просвещения. Вся она снизу доверху, от детского сада до высшей школы, должна быть объединена главной общей целью — целью коммунистического воспитания детей, подростков и молодежи.

«Надо воспитать ребенка так, чтобы он мог быть счастливым, только будучи социалистом. Говоря образнее, надо настраивать струны человеческой души таким образом, чтобы эти струны создавали гармонию, исполняя только мелодию социалистического строя», — писал в 1918 г. один из провозвестников новой социалистической педагогики⁹³. Весь арсенал педагогических средств должен был способствовать складыванию нового психологического типа индивидуума на основе классового коллективизма, что являлось важнейшим элементом всей системы воспитания. «Человек должен мыслить как МЫ, стать живым, полезным соответствующим органом, частью этого МЫ», — подчеркивал народный комиссар просвещения А.В. Луначарский⁹⁴. Все основные проявления психической деятельности «нового человека» должны быть социально направлены, обусловлены потребностями строительства нового общества, что предполагает сознательное ограничение индивидуальных потребностей, желаний и чувств.

Содержательная сторона образования — обучение — также рассматривалась в качестве одной из главных задач, но ни в коем случае не должна была стать самодостаточным,

изолированным, процессом. А.В. Луначарский говорил, что хороший специалист, «не воспитанный коммунистически», есть не что иное, как «гражданин американского типа», который, вероятнее всего, станет классовым врагом⁹⁵. Отсюда естественным образом следует вывод о приоритете воспитания в педагогической работе. Что же касается знаний, получаемых в процессе обучения, то к ним следует подходить строго критически, отбирая лишь нужное и полезное для нового общества. «Мы должны все „духовные“ богатства, накопленные буржуазным обществом, пересмотреть, отбросить весь ненужный хлам и овладеть лишь тем наследством, которое будет иметь неоспоримую ценность для пролетариата как в его творческой созидательной работе, так и в его борьбе с классовыми врагами», — писал старейший петроградский большевик С.И. Канатчиков⁹⁶. Таким образом, наряду с наследием «социалистической мысли» следует овладевать лишь тем знанием, которое составляет «ценности объективные», без которых нельзя обойтись в практической деятельности. Но и эти знания должны получить соответствующую окраску, новое направление и задачи. Поэтому образование, и прежде всего школа, обязано теснейшим образом связать процесс обучения с воспитанием, заключить оба эти направления деятельности в жесткие мировоззренческие рамки и тщательно процеживать все знания через сито «революционной теории». Политическое воспитание на основе коммунистической идеологии должно было стать тем стержнем, который пронизывает все формы и все содержание преподавания не только гуманитарных, но и естественных наук.

Всей этой работой в Петрограде до середины марта 1918 г. руководил непосредственно Наркомпрос, затем Комиссариат просвещения Петроградской трудовой коммуны (который возглавил А.В. Луначарский, сохраняя полномочия всероссийского наркома просвещения), а с апреля 1918 г. — Комиссариат просвещения Союза коммун Северной области (СКСО).

В первые же недели существования советской власти были заложены основы того, чтобы коммунистическое воспитание детей начиналось с самого раннего возраста. А.В. Луначарский писал, что основы «коммунистических чувств» нужно начинать закладывать в ребенке уже в пятилетнем возрасте, поскольку,

подчеркивал он, коммунистическому влиянию легче всего поддается молодежь, еще легче — подростки, очень легко — школьники и, наконец, совсем легко — дети дошкольного возраста⁹⁷. Уже 20 декабря 1917 г. распоряжением комиссара по дошкольному образованию З.И. Лилиной был сделан первый шаг по созданию единой учебно-воспитательной «лестницы». В распоряжении говорилось, что «система дошкольного воспитания должна явиться составной частью всей школьной системы» и что «введение дошкольного воспитания в общую систему народного образования имеет своей задачей положить начало общественному воспитанию ребенка уже на первых ступенях его развития»⁹⁸. Вопрос заключался не просто в создании массовой государственной сети дошкольных учреждений, которой не существовало ранее в России. Эта сеть должна была стать средством государственного воспитания малолетних детей, извлечения их из круга влияния семьи и формирования у них основ мировоззренческих установок.

К началу 1918 г. в Петрограде имелось два с небольшим десятка детских садов, принадлежавших частным организациям. Некоторые из них носили экспериментальный характер. К осени того же года они все были национализированы. Одновременно быстро расширялась сеть государственных садов. За 1918 г. количество дошкольных учреждений в городе увеличилось в три раза, а к концу 1920 г. в Петрограде имелось 130 детских садов и очагов, которые посещали 5,5 тыс. детей, и 71 детский дом для дошкольников с почти пятью тысячами воспитанников⁹⁹. Но и это количество не удовлетворяло потребностей населения, так как из-за тяжелых жизненных условий все большее количество женщин-матерей вынуждено было идти работать, а в городе в середине 1919 г. имелось до 70 тыс. детей дошкольного возраста¹⁰⁰. Развитию сети государственных детских садов препятствовали материальные трудности и недостаток подготовленных воспитателей, из-за чего резко снизился уровень воспитательной работы. Осенью 1919 г. более половины всех воспитателей петроградских детских садов не обладали никакой специальной подготовкой, примерно шестая часть не имела даже среднего образования, и пятая часть окончила лишь краткосрочные курсы¹⁰¹.

Важнейшим звеном коммунистического воспитания большевики считали школу. А.В. Луначарский называл школу «политическим учреждением, которое устанавливает государство в своих целях»¹⁰². Новая школьная система изначально строилась таким образом, чтобы, по словам В.И. Ленина, «все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»¹⁰³.

Главной, хотя и наиболее неподатливой, сферой воспитания была средняя школа. Объектом воспитания стали не только учащиеся, но и учителя, как основной активный элемент школьного образования. Большинство учителей города входили в Петроградский учительский союз (ПУС). Это была наиболее сильная из местных организаций Всероссийского учительского союза (ВУС), самой крупной и влиятельной профессиональной учительской организации России. К январю 1918 г. в ПУС состояло около 5 тыс. членов¹⁰⁴. Большевиков среди учителей насчитывались единицы. Нарком просвещения А.В. Луначарский позднее говорил: «Количество педагогов... в среде нашей партии было крайне ничтожно. Все учительство, беря в скобки некоторых людей, от самого знаменитого профессора до последнего сельского учителя встретило нас с наглой враждебностью и с равнодушием, окрашенным несомненной враждебностью»¹⁰⁵. Политический протест против новой власти вылился в конце 1917 г. в общегородскую школьную забастовку под руководством организаций ВУС. Забастовку поддержали родительские комитеты и Союз учащихся. Однако забастовка в Петрограде не была такой единодушной, как в Москве. Часть преподавателей школ пребывала в сомнении: допустима ли вообще забастовка в школе, не нанесет ли она вред воспитанию детей. Большинство учительства придерживалось мнения, что школа должна быть аполитична.

Для противодействия учительской оппозиции Наркомпрос создал альтернативную организацию — Союз учителей-интернационалистов (СУИН), куда вошли три десятка человек, представлявших различные леворадикальные политические течения: большевиков, левых эсеров, анархистов, эсеров-максималистов и т. п. Большинство учителей бойкотировало СУИН как официальную организацию. Действительно, почти все члены нового союза были

служащими Наркомпроса, некоторые занимали руководящие должности. В отличие от провинциальных городов, в Петрограде СУИН так и остался малочисленной организацией, не пользующейся никаким влиянием и раздираемой межпартийными противоречиями.

К весне 1918 г. многие учительские объединения, трезво оценив политическую обстановку, «признавая новую власть как факт установившийся», по словам резолюции одного из союзов, пришли к выводу, что необходимо пойти на контакт с Наркомпросом. На совещании делегатов учительских организаций Северной области в мае 1918 г. отмечалось: «В последнее время отношения между учительством и властью... начинают принимать более миролюбивый характер»¹⁰⁶. Деловое сотрудничество с Наркомпросом воспринималось как неизбежность.

Приступив в начале января 1918 г. к занятиям после забастовки, учителя потребовали, чтобы все бастовавшие и руководители стачки не подверглись бы преследованиям, на что Наркомпрос вынужден был согласиться. «Уволить их мы не можем, — говорил А.В. Луначарский в марте 1918 г. на заседании Петросвета. — Ввиду создавшегося положения, мы решили объявить декрет о выборности учительского персонала... Таким образом будет удален всякий хлам...»¹⁰⁷ Под декретом подразумевалось постановление Государственной комиссии по просвещению от 27 февраля 1918 г. о выборности всех педагогических должностей. Выборы поручалось провести местным советам по личным заявлениям учителей, при этом учительские организации игнорировались. Наличие диплома для претендента было необязательно, зато требовались рекомендации политических партий или других организаций, изложение своих общественно-политических взглядов и т. п.¹⁰⁸ Учительство расценило этот документ как инструмент политической чистки. В мае 1918 г. петроградские учительские организации провели свои выборы через педагогические советы учебных заведений, но Комиссариат просвещения признал их недействительными. В результате новых выборов через комиссии при местных советах в школах города было уволено 133 человека и 233 учителя отправлены на пенсию¹⁰⁹.

Неэффективность и изолированность Петроградского СУИНа заставили руководство комиссариата создать новый,

«отраслевой» союз при Петроградском совете профсоюзов, который объединил бы всех «просвещенцев» на самой широкой основе под руководством РКП(б). Этот профсоюз, под названием Союза работников учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений, был организован в Петрограде в сентябре-октябре 1918 г. Президиум союза состоял из большевиков, его председателем стала одна из руководительниц Комиссариата просвещения СКСО Л.Р. Менжинская. Членство в новом союзе было обязательным и обуславливало саму возможность педагогической работы. В опубликованном президиумом союза воззвании говорилось: «Все, начиная с профессоров и деятелей науки и кончая обслуживающими школу и учреждения физическим трудом, обязаны согласно уставу союза и декретам власти вступить в члены союза. Не состоящие в союзе лишаются права занимать должности в указанных учреждениях»¹¹⁰.

Весной 1919 г. в городе имелось почти 10 тыс. членов союза, из них только 46 % были преподавателями и работниками культурно-просветительных учреждений. К 1 сентября того же года количество членов почти удвоилось, а доля педагогов уменьшилась до 37 %¹¹¹. Основную часть членов союза составляли хозяйственно-технические, конторские служащие и обслуживающий персонал (так называемые «младшие служащие»). Такая широта состава при наличии монолитного партийного руководства позволяла в случае необходимости, противопоставляя интересы различных групп и используя массу младших и технических служащих, добиваться нужных для руководства решений.

Организация нового союза сильно ослабила такую цитадель ВУСа, какой был Петроград, и позволила нанести ВУСу окончательный удар. 16 декабря 1918 г. Наркомпрос принял постановление о роспуске ВУСа, в котором его деятельность была объявлена контрреволюционной, хотя за три недели до этого сами руководители Наркомпроса признавали, что деятельность союза проводится в «легальных формах». ВЦИК утвердил это постановление¹¹². Формирование учительской «школы коммунизма» завершило создание Союза работников просвещения и социалистической культуры (Рабпрос), отделение которого в Петрограде было организовано в сентябре 1919 г. Резолюция организационной

конференции ориентировала на подъем уровня «политической сознательности членов союза» и на «понимание глубоких интересов пролетариата в его борьбе за конечные цели»¹¹³.

Основной упор в деле коммунистического воспитания большевики делали на учащихся, стремясь пробудить в них юношеское бунтарское начало и противопоставить их «реакционным» учителям и родителям. К концу 1917 г. самой крупной ученической организацией в Петрограде была Организация учащихся средних учебных заведений (ОСУЗ), возникшая вскоре после Февральской революции. Организация насчитывала 12 тыс. членов¹¹⁴.

Приход к власти большевиков был воспринят учащимися средних школ города в целом так же, как и учителями. Уже в ноябре 1917 г. ОСУЗ обсуждала вопрос о школьной забастовке, а после объявления ее учителями присоединилась к ним¹¹⁵. Затем ОСУЗ, по собственному признанию ее руководителей, пережила «эпоху неопределенного отношения к власти», которая продолжалась до осени 1918 г.¹¹⁶ В этот период члены союза активно занимались организационной работой, участвовали в деятельности педагогических советов школ и т. п. Эта активность облегчила в дальнейшем Комиссариату просвещения СКСО задачу привлечения школьников к сотрудничеству. После переговоров в сентябре 1918 г. решено было создать при Отделе средней школы комиссариата совещательный орган — Коллегию по делам учащихся (Колдуч). Своей основной целью коллегия ставила привлечение учащихся к делу «создания новой школы» на широкой политической основе. «Школа внепартийна, но не аполитична, — так начиналось обращение коллегии к школьникам. — Учащиеся, независимо от политических убеждений, должны непременно примкнуть к работе по постройке школы»¹¹⁷. Несмотря на либеральные декларации, коллегия возглавлялась исключительно коммунистами. Она начала привлекать к совместной работе подростков и скоро приобрела среди них известный авторитет. Триумфом новых взаимоотношений стал митинг, организованный Колдучем 22 сентября 1918 г. Собравшиеся шумно приветствовали наркома просвещения¹¹⁸. В день начала учебных занятий митинги прошли во всех районах города, а в Мариинском театре состоялся общегородской праздник учащихся, на котором еще

раз выступил руководитель Наркомпроса. Позднее, в феврале 1919 г., А.В. Луначарский говорил: «Когда в первый раз вскоре после Октября я и тов. Познер¹¹⁹ собрали учащихся, чтобы поговорить о революции, значении и смысле Октября, то большая часть из них с шиканьем покинула собрание. А теперь, когда открывался новый учебный год и мы устроили громадный праздник в Мариинском театре, то гимназисты и гимназистки устроили мне, как народному комиссару, овацию»¹²⁰. Изменение настроений учащихся повлияло на позицию ОСУЗ, которая начала сотрудничать с комиссариатом и даже получила новое наименование: Союз учащихся единой трудовой школы (СУЕТШ).

В конце 1918 г. в Петрограде появилась еще одна организация учеников средней школы, созданная по инициативе заведующего городским школьным отделом Н.П. Кумина из учащихся бывших четырехклассных начальных училищ Городской управы. Училища давали неполное среднее образование, учились в них главным образом дети рабочих и других малоимущих и малообразованных слоев городского населения. На учредительном собрании Союза учащихся пролетарских трудовых школ — Супротруша (так стал именоваться новый союз) — присутствовали представители ОСУЗ, призвавшие делегатов от четырехклассных училищ присоединиться к их организации. Но делегаты, по воспоминаниям одной из руководительниц Супротруша, решили, «что им с буржуазными сынками не по пути» и проголосовали за создание своего союза¹²¹. Новый союз строился как классовая организация и тем принципиально отличался от ОСУЗ — общеученического объединения; но, сплываясь по признаку классовой принадлежности, члены Супротруша оставались в массе беспартийными. Этим союз отличался и от РКСМ, занимая как бы промежуточное положение между ним и ОСУЗ. Супротруш рос быстро, в него коллективно вступали целые школы — бывшие высшие начальные и четырехклассные училища Петрограда, к маю 1919 г. он объединял уже 20 тыс. человек.¹²²

Осенью 1918 г. в средних школах города начали организовываться ячейки Союза учащихся-коммунистов. Возникновение этого союза наряду с РКСМ было обусловлено недоверием между рабочей и учащейся молодежью. Руководители комсомола

(первоначально чисто рабочей организации) опасались, что прием «интеллигенции» может привести к «буржуазному перерождению» РКСМ. Весной 1919 г. ЦК комсомола даже выдвинул для местного комсомольского аппарата лозунг: «Шире двери для рабочих и крестьян, осторожнее принимать интеллигентов»¹²³. Учащаяся молодежь могла вступать в РКСМ исключительно в индивидуальном порядке после тщательной проверки. Однако, поскольку руководство РКП(б) считало недопустимым существование самостоятельных ученических организаций даже коммунистического характера, Союз учащихся-коммунистов в мае 1919 г. был влит в комсомол, а при ЦК РКСМ образован школьный отдел¹²⁴.

С лета 1919 г. возникла новая проблема взаимоотношений комсомола с учащимися. Так как РКСМ получил исключительное право на работу с учащейся молодежью, Супротруш, оставшийся к этому времени единственной ученической организацией в Петрограде, подлежал ликвидации. Но учащиеся решительно выступили за сохранение своего союза. Все попытки его «безболезненного» роспуска ни к чему не привели. Ситуация становилась все более конфликтной и вылилась в подлинный скандал на VIII Петроградской конференции РКСМ 4 июля 1919 г., где после принятия резолюции о недопустимости существования отдельных организаций учащихся представители Супротруша демонстративно покинули зал заседания под негодующие выкрики делегатов конференции¹²⁵. Еще целые полгода после этого действовала ученическая организация, несмотря на постоянно предпринимаемые попытки ее ликвидации. Лишь в начале 1920 г. городскому аппарату РКСМ при поддержке Петроградского комитета РКП(б) и Городского отдела народного образования удалось расколоть и уничтожить союз учащихся. Это произошло на следующий день после проходившей 30–31 января 2-й конференции союза, когда все его руководство (а возглавляли союз члены комсомола) и часть членов, «переубежденных» в Горкоме РКСМ, постановили ликвидировать союз и перейти в ведение школьного отдела горкома. Союз был парализован и скоро прекратил существование.

Затем Петроградский комитет РКСМ начал кампанию за вступление в комсомол школьной молодежи. Под воздействием

агитации в феврале-марте 1920 г. прием учащихся в комсомол действительно стал массовым. В конце мая около половины школ города уже имели комсомольские коллективы¹²⁶. Но очень скоро эти коллективы начали таять, как весенний снег: к марту в Петрограде было 120 школьных коллективов РКСМ, к июлю — 73, к августу — 53, к сентябрю — 41¹²⁷. Что же произошло? Дело в том, что первый поток учащихся, влившийся в РКСМ (как правило, коллективно), представлял слои, далекие и от комсомола и от политической жизни вообще. Они вошли в организацию под напором агитации, заразившись массовым настроением, нередко просто из любопытства.

Глава школьного отдела Горкома РКСМ Ф. Дребезгов в феврале 1920 г. отмечал: «Среда учащихся мало знала о том, что такое Союз молодежи. Теперь по всем школам заговорили о Коммунистическом союзе»¹²⁸. О том же писала одна из бывших руководительниц Супротруша А. Крумина. «Не имея до сих пор никакого представления о РКСМ», учащиеся на собрании в 29-й школе «впервые услышали» об этой организации и тут же «решили, что они должны быть членами РКСМ»¹²⁹. Имеется еще ряд свидетельств того же рода. Когда же волна массового интереса к новой организации схлынула, на поверхности осталась лишь малая часть неофитов. Остальные, как только дело дошло до выполнения конкретных обязанностей, перестали проявлять себя в качестве комсомольцев, превратившись в «мертвые души». Перерегистрация, проведенная в конце 1920 — начале 1921 г., показала, что количество школьных коллективов РКСМ в Петрограде сократилось более чем в два раза, а число комсомольцев-школьников — в 8,3 раза¹³⁰. Несмотря на это, РКСМ, получив право непосредственно направлять своих представителей в педагогические советы, старостаты и другие органы школ, а также в руководящие надшкольные структуры, с 1920 г. начал уверенно вращаться в городскую систему школьного образования.

Хотя в основу реформы школы, начатой в 1918 г., легли назревшие и давно ожидаемые преобразования, они оказались густо замешанными на радикальных идеях большевизма: была поставлена задача разрушения существующей школы во имя

создания идеальной коммунистической школы. «Дело заключается не в том, чтобы завладеть школой <...>, — говорил А.В. Луначарский в августе 1918 г., — мы должны были все уничтожить; было совершенно ясно, что школа подлежит революционной ломке»¹³¹. К началу реформы основную часть средних мужских и женских школ Петрограда составляли частные и муниципальные учебные заведения различных типов: гимназии, реальные и коммерческие училища, высшие начальные училища и т. п. В 1918 г. все они были приспособлены к образцу девятилетней государственной «единой трудовой советской школы» двух ступеней в пять (начальная) и четыре (средняя) года обучения. Декретами правительства было введено обязательное совместное обучение юношей и девушек, отменены экзамены и оценки, изучение латинского языка, ношение форменной одежды и знаков учебных заведений.

Важное значение в «пролетаризации» средней школы имело разрушение традиционного школьного уклада и формирование новой школьной среды. Введение совместного обучения, закрытие, объединение и другие виды реорганизации учебных заведений вызвали массовые перетасовки учащихся. А это, в свою очередь, вело к обезличению и усреднению ранее известных своими традициями и индивидуальными особенностями петербургских гимназий и училищ. Разрушение «школьной рутины», ломка складывающейся юношеской психологии, разложение формирующихся у подростка моральных и мировоззренческих принципов, неприемлемых с точки зрения нового учения — таковы были главные задачи Комиссариата просвещения по «расчистке почвы». Всеобщее единство в организации школ, полная унификация всей учебно-воспитательной работы, подгонка всех индивидуальных «я» под коллективную мерку — на этой основе осуществлялся план строительства новой школы. Весьма типичный факт привел в своих воспоминаниях философ Н.О. Лосский, родственник известного петроградского педагога М.Н. Стоюниной. Однажды в канцелярии отдела средних учебных заведений Комиссариата просвещения СКСО кто-то стал хвалить бывшую частную гимназию Стоюниной за индивидуализированный характер воспитания: «Стоюнина, учителя и воспитатели принимают

во внимание характер каждой ученицы и каждого ученика; в школе Стоюниной все отношения имеют семейный характер...» Начальник [отдела средних] учебных заведений,¹³² выслушав такие похвалы, сказал: «Семейные отношения в школе — это вредный буржуазный порядок; воспитывать всех учащихся нужно в одном и том же духе»¹³³.

С 1918/19 учебного года Комиссариат просвещения СКСО приступил к непосредственному внедрению в школу основ политического воспитания. Летом 1918 г. он предложил классным руководителям «озаботиться о развитии политического самосознания молодежи» и прежде всего ознакомить ее с «основами Советской Конституции»¹³⁴. Определенную роль в политическом воспитании начали играть новые учебные предметы: история труда (политэкономия) и социология, преподавание которых контролировалось организациями РКП(б).

В июле 1918 г. комиссариат распорядился изъять из школьных библиотек Петрограда «монархическую и религиозно-мистическую литературу». В течение 1918/19 учебного года было изъято большое количество книг, выдержанных в церковно-православном, монархическом и патриотическом духе. Это были, прежде всего, сочинения и учебники по русской истории Д.И. Иловайского, С.В. Рождественского, И.И. Белляринова и других авторов. Подлежали также изъятию учебники по естественной истории и географии, задачки, грамматики, хрестоматии, псалтыри, молитвенники¹³⁵ и т. п. литература, отражавшая дух и уклад дореволюционной России. Кампания по борьбе с «монархической» и «церковно-религиозной» литературой фактически стала началом борьбы за искоренение в преподавании и воспитании традиций национальной истории, культуры и патриотизма. Эти понятия противоречили интернационально-мессианской утопии всемирной революции, идущей из Советской России. До зарождения «советского патриотизма» РКП(б) отрицала не только буржуазную государственность и культуру, но и любые проявления «буржуазного» патриотизма («шовинизма»). «Нашей школе не нужна клерикальная морали и прописных истин национализма, ибо родиной нашей является весь мир и религией нашей — активный идеализм, который стремится на почве

труда спаять все человечество и сделать из существующего мира светлый храм», — говорил нарком просвещения на митинге учащихся Петрограда в сентябре 1918 г.¹³⁶

Изъятие из школьного обращения предосудительных книг и учебников прошло без эксцессов, хотя после начала учебного года отмечалось нежелание некоторых руководителей школ расстаться со старыми учебниками¹³⁷. Дело тут было не в одной приверженности старым взглядам. Введение новых программ Комиссариата просвещения СКСО меняло не только содержание, но концепцию и логику учебных предметов. А новые учебники, рукописи которых лежали в Петроградском отделении Госиздата, в первые годы советской власти так и не вышли в свет. Отсутствие учебников и учебных пособий, соответствующих новым программам, ставило преподавателей в тупик. Так, например, программы по истории для начальной школы строились на стержневых понятиях классовой борьбы и социально-экономических формаций. В соответствии с этим изучались такие темы: «Первобытное общество», «Пугачевщина», «Декабристы», «Народная воля» и т. д. Естественно, что учителя, не знакомые не только с теорией исторического материализма, но даже с конкретно-историческим материалом по этим темам, чувствовали себя абсолютно беспомощными.

Сложность новых программ для учителя истории (да и других предметов) заключалась еще и в другом. В течение считанных месяцев он должен был совершить прыжок из одного мира духовно-нравственных ценностей в другой, противоположный по знаку. Можно себе представить замешательство школьного преподавателя, который в течение многих лет повторял легенду о заслугах и нравственных добродетелях царя-освободителя Александра II, а теперь вынужден был импровизировать новую легенду о героизме революционеров-цареубийц, покончивших с тираном. Если человек и готов был безоговорочно принять новую трактовку исторических событий, то перестроить выросшую в сознание схему и логику старой концепции, да еще в такой короткий срок, было нелегко. Поэтому психологическая атмосфера в «новой» школе представляла собой странное смешение старых и новых ценностей. «Ярлык „единой трудовой школы“ украшает теперь все петроградские учебные заведения, — писал весной

1919 г. эксперт Комиссариата просвещения СКСО А.Е. Кудрявцев, — но за этим ярлыком сплошь да рядом скрывается недавняя старина во всей своей неприкосновенности. Кое-где портреты Маркса, Ленина, Троцкого, Луначарского пребывают в близком и трогательном соседстве с заделанными в золоченую раму похвальными дипломами императрицы Марии или Александры... Во время посещения одной из школ мне пришлось побывать на школьном завтраке. Подсаживаюсь к столу рядом с ученицами. Над нами красуется большой портрет К. Маркса, а с противоположной стены глядит на нас столь знакомое всем петроградцам лицо А.В. Луначарского. Я показываю на него своей соседке и спрашиваю, кто это такой. „Кажется, Урицкий“. — „А над нами кто?“ — „Это Карл Маркс“. — „А кто он такой был?“ — Ответа не последовало. Не могли мне разъяснить этой загадки и остальные ученицы... В некоторых школах мне с гордостью показывали на заведенный в школьной библиотеке отдел социалистической и политической литературы. Это оказалась случайно приобретенная партия брошюр... Никакой системы в подборе книг не было заметно»¹³⁸.

Для внедрения новой идеологической схемы в сознание учителей Комиссариат просвещения уже в канун 1918/19 учебного года ввел в программу курсов по педагогической переподготовке предметы политического характера: историю социализма, политическую экономию и др.¹³⁹ Эффективность этой формы политического воспитания оказалась слабой. Н.К. Крупская писала, что курсы в 1918 г. не смогли «сразу поднять учительство на должную высоту, хотя через одни только петроградские курсы прошло шесть тысяч учителей»¹⁴⁰.

С 1919/20 учебного года для учащихся средней школы и старшего класса начальной школы были введены уроки «политической грамоты». В программу этих уроков вошли темы по основам теории и истории большевизма: «Диктатура пролетариата», «Сведения по истории большевистской партии», «Подготовка и ход Октябрьской революции» и т. п. Для ведения этих уроков приглашались лекторы из городского и районных комитетов РКП(б). На одном из заседаний Василеостровского районного педагогического совета особо отмечалось, что этот предмет «должен занять

в школах одно из первых мест... В основу уроков политического знания должно быть положено выявление и освещение происходящей социально-политической борьбы как классовой, как борьбы труда с капиталом. Главный метод обучения — это вдвинуть ребенка в современность путем чтения газеты и объяснения ее с классовой точки зрения»¹⁴¹.

В политическом воспитании учащихся, а также и учителей, значительное место занимала внешкольная работа. Организовывались лекции на политические темы, которые читали партийные лекторы. Так, в конце 1919 г. отдел народного образования 2-го Городского района предложил всем районным школам привести учащихся на цикл лекций по темам: «Советская власть», «Школа, религия и церковь», «Класс, социализм и коммунизм», «Интернационализм» и т. п. Для преподавателей истории посещение этих лекций было обязательным¹⁴².

Большая роль в политической работе с учащимися отводилась революционным праздникам. Школьники принимали непереносимое участие в демонстрациях, митингах и других массовых действиях. Это должно было способствовать развитию коллективизма у детей. Осенью 1918 г. Комиссариат просвещения СКСО предложил всем школам города обратить особое внимание на участие школьной молодежи в празднествах первой годовщины Октября. Особенно желательным руководство комиссариата считало присутствие учащихся на открытии революционных памятников для «развития у молодежи коллективных навыков и хоровых переживаний», а также разучивание школьными музыкальными ансамблями и «хоровое и оркестровое исполнение „Интернационала“, „Дубинушки“, „Нашего марша“». ¹⁴³ Празднества и другие массовые театрализованные зрелища оказывали наибольшее политизирующее влияние на детей и подростков, привлекая их своей сценичностью и размахом.

Политическому воспитанию служили и различные формы «практических мероприятий». В 1919 г. Комиссариат просвещения привлек членов Союза учащихся — Супротруша — к выявлению политически нелояльных педагогов. «Каждому сознательно мыслящему учащемуся, — писала одна из руководительниц комиссариата, — предоставлено было право открыто заявить об имеющемся в школе реакционном преподавателе»¹⁴⁴. Один

из регулярно проводившихся обысков «буржуазных» квартир в доме Мурузи на Литейном проспекте, где проживали писатели Д.С. Мережковский и его жена З.Н. Гиппиус, проходил с участием детей. «Мальчик лет 9 на вид, шустрый и любопытный, усердно рылся в комодах и в письменном столе Дм[итрия] Серг[еевича]», — писала в дневнике З.Н. Гиппиус¹⁴⁵.

Введение в школе уроков политической грамоты было недоброжелательно встречено большей частью педагогов. Несочувственно отнеслись к нему и старшекласники. Политзанятия превратились в механическое заучивание формул и терминов марксизма. Стремясь преодолеть это формальное отношение к занятиям, отделы народного образования ужесточили требования к проверке «политических знаний» выпускников школ. Один из районных отделов в начале учебного года предупреждал школы, что следует особо позаботиться о подготовке учащихся выпускных классов «по новой литературе, по всей истории и политическим вопросам. Им следует теперь же заявить, что без основательных сведений по этим предметам они не получают удостоверений об окончании школы»¹⁴⁶.

Несмотря на все усилия руководства народным образованием Петрограда, к концу 1920 г. политическое воспитание в школах некоторых районов, в особенности окраинных, начало угасать. Нарвско-Петергофский район докладывал районному исполкому, что «политическая работа в школах проявляется очень мало, приносившая лишь к каким-либо празднествам»¹⁴⁷. Даже в образцовой 27-й школе Петроградского района, отмечалось в Петрогубоно, «в отношении политического воспитания работы мало; старшие дети не ориентируются в общем мировом хозяйстве»¹⁴⁸.

В целом организация коммунистического воспитания петроградских школьников к 1921 г. далеко еще не достигла того уровня, к которому стремились руководители народного образования. В связи с этим З.И. Лилина отмечала: «...Вся деятельность школы должна преследовать цели политического воспитания в духе коммунизма, должна быть проникнута коммунистическим настроением. Но эта основная, исходная тенденция, к сожалению, слабее всего осуществляется в практике нашей школы, ибо педагоги наши в большинстве случаев не коммунисты. Пробел этот

восполняется включением в учебный план занятий по политической грамоте и политических бесед, но эта привнесенная извне работа, конечно, не может заменить органического проникновения всей деятельности школы духом коммунизма»¹⁴⁹.

Еще скромнее были успехи в деле политического завоевания высших школ Петрограда, несмотря на то что в 1919–1920 гг. этой задаче уделялось немалое внимание Комиссариатом просвещения и Петроградским комитетом РКП(б). Так, А.В. Луначарский писал, что высшие учебные заведения в особенности «должны быть как можно больше нагипнотизированы нашим коммунистическим духом!»¹⁵⁰ Однако добиться этого даже в малой степени в годы Гражданской войны не удалось, главным препятствием, пожалуй, было крайне незначительное количество проводников этого духа — студентов-коммунистов.

Уже в январе 1918 г. при Петроградском комитете РКП(б) образовалась студенческая организация, которая обратилась с воззванием «Ко всему революционному студенчеству»¹⁵¹. Эта группа насчитывала всего несколько членов и не имела никакой опоры в учебных заведениях. Немаловажное значение имело подозрительное отношение работников Петроградского комитета к идее создания чисто студенческих партийных организаций. В результате к 1919 г. сложилась довольно парадоксальная ситуация: отдельные коммунисты в вузах существовали, но входили в районные партийные организации и никак не были объединены на местах. Этот вопрос обсуждался в декабре 1918 г. на VIII Петроградской городской партийной конференции, где С.М. Гессен предложил организовать отдельные коллективы в высших учебных заведениях, тесно связав их с райкомами РКП(б). Однако начало этому было положено только через год, когда в конце 1919 г. в городе было создано организационное бюро студентов-коммунистов из четырех человек, которое поставило задачу учета всех коммунистов в вузах и «организации во всех учебных заведениях коммунистических ячеек для проведения коммунистической политики в высшей школе»¹⁵².

В течение 1920 г. ячейки РКП(б) организовались в некоторых высших учебных заведениях Петрограда, но они были малочисленны и включали главным образом рабочих, технических служащих и обслуживающий персонал¹⁵³. Осенью 1920 г. Петроградский комитет РКП(б) вынужден был отметить, что влияние партийных

ячеек на местах совершенно не чувствовалось. Он решил усилить их деятельность и выделил специального организатора для работы в вузах, А.М. Аменецкого, который возглавил бюро студентов-коммунистов из пяти членов. Бюро руководило городским клубом студентов-коммунистов, в котором вели занятия два марксистских кружка, привлекавшие до 100 слушателей. К началу 1921 г. в 25 высших учебных заведениях Петрограда с количеством учащихся около 20 тыс. имелось 20 ячеек РКП(б), в которых состоял 281 человек. Из этого количества 150 чел. входили в партийные организации рабочих факультетов. А.М. Аменецкий писал, что во многих вузах на выборах в академические органы управления «студенческая масса не поддерживает списков коммунистов. Наименьшая связь коллектива с студенческой массой в Петроградском университете... Последняя общестуденческая сходка весьма собою напоминала улицу времен Керенского, где страсти разгорались весьма сильно»¹⁵⁴.

Оплотом новой высшей школы становились петроградские рабочие факультеты. Они готовили рабочую молодежь, направленную по путевкам профсоюзов и др. организаций, по общеобразовательной программе к поступлению в вуз. Первый рабфак в городе был открыт 8 декабря 1919 г. при Петроградском университете на Васильевском острове, а в январе 1920 г. открылось Смольнинское отделение рабфака. Число рабфаковцев непрерывно росло и к концу 1920 г. достигло более 860 человек. Осенью того же года открылся еще один рабфак при Политехническом институте¹⁵⁵. Именно здесь, на рабфаках, ковались кадры будущих специалистов, «воспитанных коммунистически». Не новой советской интеллигенции, как их стали именовать позднее, ибо новому индустриализирующемуся обществу не нужна была рыхлая, рефлектирующая «интеллигенция литературы». Оно нуждалось в преданных специалистах, может быть, и пишущих с грамматическими ошибками, но зато освоивших физику, химию и сопромат; пусть не слишком разбирающихся в литературе и истории страны, но зато умеющих цитировать материал по истории партии, диамату и политэкономии. Руководство Наркомпроса подчеркивало, что рабфаки есть органическая часть вузов и в то же время являются по отношению к ним «силой внешней, вышедшей из революционного переворота», представляющей «фундамент новой социалистической высшей школы»¹⁵⁶.

МОНОПОЛИЯ СЛОВА И МЫСЛИ

«**П**ечать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не применяется», — так гласил первый революционный закон о печати, принятый Временным правительством 27 апреля 1917 г.¹⁵⁷

Приход к власти большевиков означал не только возврат к временам цензуры, но и ужесточение ее, а затем и полный запрет как оппозиционной, так и всей прочей небольшевистской печати. Подавление свободы слова было естественным следствием веры большевиков в исключительность своей миссии и нетерпимого отношения к чужому мнению. Эмма Голдман писала, что однажды стала свидетелем того, как в 1920 г. на заседании Петроградского Совета попросил слова меньшевик. Зал тут же взорвался оскорбительными выкриками и шумом, не дав и слова сказать оратору. Когда Голдман заговорила об этом с членом Исполкома Петросовета С.С. Зориным, он усмехнулся: «Свобода слова — это буржуазный предрассудок, в революционный период свободы слова не должно быть». Эти слова эхом повторяли высказывания В.И. Ленина, с которым Э. Голдман встретила чуть позже¹⁵⁸.

Характерно, как быстро менялись установки Ленина по этому вопросу после захвата власти. Сразу после вооруженного переворота в Петрограде, утром 28 октября 1917 г., он спросил Ф.Ф. Раскольникова: «Какие меры вы приняли бы по отношению к буржуазной печати?» Застигнутый врасплох Раскольников стал отвечать в духе одной из последних статей Ленина: необходимо, мол, подсчитать запасы бумаги и затем распределить ее между газетами разных направлений пропорционально количеству их

сторонников, но по выражению лица собеседника понял, что говорит не то. «Тогда я не учел, — заметил позднее Раскольников, — что это была мера, предлагавшаяся во время режима Керенского и теперь, после революции, уже устаревшая»¹⁵⁹.

25 октября 1917 г. красногвардейцы заняли в Петрограде типографии газет «Русская воля» и «Биржевые ведомости». В ночь на 26 октября большевики закрыли газету «Наше общее дело», ее редактор В.Л. Бурцев был посажен в Петропавловскую крепость. Утром 26 октября перестали выходить газеты «Новое время» и «Вечернее время», издаваемые Б.А. Сувориным, газета кадетов «Речь» и меньшевистская газета «День»¹⁶⁰. 27 декабря Совнарком принял декрет о печати, который предусматривал запрет на выход изданий, оппозиционных новому режиму. Подлежали закрытию газеты, «призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению» правительству, «сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов» и «призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера»¹⁶¹. Средством экономического давления на печать должен был стать опубликованный 8 ноября декрет СНК о государственной монополии на объявления, лишивший газеты одного из источников финансовых средств¹⁶². Оценку соответствия газетных материалов всем перечисленным видам преступлений и решение вопроса о закрытии газет и наказании их редакторов взял на себя Революционный трибунал по делам печати, сформированный в Петрограде 17 января 1918 г. по инициативе М.М. Володарского, который постоянно выступал на его заседаниях в качестве государственного обвинителя, требуя закрытия очередного издания или изданий.

С 11 марта 1918 г. Володарский возглавил Комиссариат агитации и печати Петроградской трудовой коммуны, преобразованный в апреле того же года в одноименный комиссариат Союза коммун Северной области. Он координировал всю деятельность по борьбе с оппозиционной прессой. Первое время, наряду с репрессиями, в отношении «лживой буржуазной печати» проявлялась определенная гибкость и даже известный «либерализм», который был продиктован некоторыми колебаниями в оценке декрета о печати в рядах самих большевиков и левых эсеров.

«Коммунистические цензора очень быстро сообразили <...>, что надо бороться с „духом“ газеты, с „подбором“ фактов, с „тоном“ отношения к новой власти, — писал по этому поводу публицист А.С. Изгоев. — Можно было и порицать, но это должно было делаться с оттенком уважения, а, главным образом, без скрытой подоплеки: „мы“ и „они“»¹⁶³. Но период «либерализма» продолжался недолго. Уже к лету 1918 г. положение резко изменилось. Н.Я. Кузьмин, ставший главой Комиссариата печати, агитации и пропаганды после убийства М.М. Володарского, следующим образом сформулировал свои основные задачи: «Полное отменение и закрытие всех соглашательских газет, как наиболее ядовитых и вредных в острый период Гражданской войны... Беспощадное и последовательное давление на печать путем штрафов, закрытий, арестов — и в нужный момент закрытие всех газет»¹⁶⁴.

Эта программа выполнялась строго последовательно. Только за июль 1918 г. в Петрограде было оштрафовано 10 газет самых разных направлений на общую сумму 127 тыс. рублей, 15 изданий закрыто, 5 редакторов и литературных сотрудников арестованы в качестве заложников¹⁶⁵. К концу 1918 г. уже не только оппозиционная, но и всякая иная небольшевистская печать была запрещена. С этих пор и до начала нэпа в Петрограде выходили исключительно официальные коммунистические и советские издания. Уничтожению небольшевистской прессы способствовала национализация Петроградского телеграфного агентства (ПТА), всей материально-технической основы печатного дела: издательств, типографий и т. п., а также ликвидация рынка бумаги и замена его государственным распределением. Сразу после октябрьского переворота Военно-революционный комитет (ВРК) начал устанавливать в Петрограде контроль за захваченными типографиями. Он предписал начальникам караулов составить списки служащих, впускать их только по пропускам и не разрешать ничего печатать без санкции ВРК и его комиссаров. Но овладеть полностью всеми 322 типографиями и типолитографиями города, сломить сопротивление оппозиционно настроенного профсоюза печатников удалось только через год.¹⁶⁶ Наступил тот самый «нужный момент», о котором писал Н.Я. Кузьмин. Большевики «остались единственной политической силой, владевшей

печатным станком как средством массовой политико-психологической обработки населения.

В системе мер по формированию так называемого «нового человека», пожалуй, главное значение большевики придавали массовому устному и печатному воздействию на психику наиболее широких слоев населения. Это воздействие они подразделяли на два тесно взаимосвязанных направления: пропаганду — постоянное целенаправленное распространение коммунистических взглядов и представлений среди народа и агитацию — вербовку своих сторонников и внедрение каких-либо лозунгов для активизации «масс». Агитационно-пропагандистская деятельность была важнейшей обязанностью каждого члена партии. Средством агитации и пропаганды должно было стать все: газета, книга, устное слово.

Большевистская печать основывалась на принципах, в корне отличных от тех, что были приняты в буржуазном обществе. Разномыслие, множественность и индивидуальность точек зрения на любой предмет, которые характерны для изданий этого общества и которые дают возможность читателю судить о всей его политической палитре, при большевиках сфокусировались в одной точке — официальной точке зрения РКП(б). Материал, который предоставляли читателю полосы коммунистических газет, давал информацию о событиях в преломлении партийных интересов и идеологии. «На все явления общественной жизни наша печать смотрит под углом зрения „новой науки“, созданной Марксом и Энгельсом<...>, — писал петроградский партийный публицист В.А. Быстрянский. — Коммунистическая пресса <...> — это могучее орудие в деле воспитания граждан социалистического общества, в деле созидания нового коммунистического общества». Отсюда и новая роль журналистики и журналистов. При советской власти, утверждал тот же автор, «журналист является подлинным орудием коммунистического просвещения масс»¹⁶⁷.

Пропагандистская назидательность и строго официальный тон большевистской печати никак не могли удовлетворить образованного читателя, уже привыкшего к пестроте и разномыслию периодических изданий. «Седьмой месяц без газет, — с тоской писал один из петроградских интеллигентов в марте 1919 г. — Петроградцы... вдруг увидели то, чего не видели в самые мрачные

эпохи реакции. Ведь седьмой месяц читать одну „Северную Коммуну“ — это все равно, что прежде бы читать „Ведомости С[анкт]-Петербургского градоначальства“... Читаем. И примирились, кажется»¹⁶⁸. Скучность сведений, сообщаемых советскими газетами о происходящих в стране событиях, способствовала тому, что важным источником информации для населения Петрограда стали слухи. Они иногда были правдоподобны, нередко принимали преувеличенные формы, но чаще всего не отражали реальные события, а выдавали желаемое (или, наоборот, пугающее) за действительное. Эту атмосферу слухов и домыслов, в которой обитали петроградские жители, обрисовала в дневнике З.Н. Гиппиус. «Все теперь без исключения, — носители слухов, — отмечала она летом 1919 г. — Носят их соответственно своей психологии: оптимисты — оптимистические, пессимисты — пессимистические. Так что каждый день есть *всякие слухи*, обыкновенно друг друга уничтожающие. Фактов же нет почти никаких. Газета <...>, если факты имеет, то не сообщает, тоже несет слухи, лишь определенно подтасованные»¹⁶⁹.

Большевистская печать Петрограда определила свое лицо еще до октября 1917 г. Имея опытных и способных сотрудников, она весьма эффективно вела пропагандистскую войну с политическими противниками, которые вынуждены были отдать должное ее успехам на этом поприще. Так, например, известный социолог и политический деятель П.А. Сорокин писал: «...для пропагандистской газеты большевистская „Правда“ очень умело редактировалась. Особенно великолепны были саркастические статьи Троцкого, в которых он бичевал и осмеивал своих оппонентов, в том числе и меня. Отличная сатира»¹⁷⁰.

После октябрьского переворота в Петрограде периодическая печать оставалась основным средством массовой печатной пропаганды большевиков. Наряду с прежними официальными органами РКП(б) и советов (отделившихся от своих ставших «центральными» предшественников) — «Петроградской правдой» и «Известиями Петросовета» (со второй половины 1918 г. и до весны 1919 г. именовавшейся «Северной коммуной») — с начала 1918 г. стала выходить «Красная газета», рассчитанная на уровень восприятия городского пролетариата. Ее основал и редактировал

комиссар печати и пропаганды М.М. Володарский. Газету отличали упрощенный язык и популярный характер подачи материала.

Петроград был одним из главных центров издательской активности большевиков. С 1917 г. здесь действовали партийные издательства «Прибой» и «Жизнь и знание», отделение литературно-издательского отдела Наркомпроса, с начала 1918 г. издательство Петроградского Совета. Летом 1919 г. все они были объединены в Петроградском отделении Государственного издательства (Госиздата). Основную часть продукции этих издательств составляла агитационно-пропагандистская литература, но и научные, художественные и т. п. издания также служили целям пропаганды. Первый руководитель Госиздата В.В. Воровский писал по этому поводу: «Государственное издательство обязано... давать массам ту концентрированную умственную пищу, которая необходима для усвоения малосознательными элементами задач и целей пролетарской революции, давая ее во всех формах — агитационной, пропагандистской, популярно-научной, художественной или строго научной, пригодных для пропаганды практического осуществления социалистических идей...»¹⁷¹ Из работ научно-популярного характера обычно отбирались «идейно приемлемые» издания, напечатанные до революции. При этом предпочтение отдавалось социально-политической литературе социалистического или атеистического направления. Иногда Госиздат давал заказы и на написание новых книг. Старые издания проходили очень строгий отбор: только 40 % всех отрецензированных в Госиздате книг получили положительный отзыв. Главным требованием было наличие «последовательной марксистской материалистической точки зрения на сущность популяризируемого предмета»¹⁷².

Представление об объеме выпуска петроградскими издательствами агитационно-пропагандистской литературы могут дать следующие цифры. За год с небольшим общий тираж выпущенных издательством «Прибой» изданий агитационно-пропагандистского характера составил 1,3 млн экземпляров, научно-популярных — 262 тыс. экземпляров. Всего с конца 1917 до июня 1919 г. издательствами «Прибой», Петросовета и литературно-издательским отделом Наркомпроса было выпущено

270 наименований пропагандистских брошюр и книг общим тиражом 11,5 млн экземпляров, а с августа 1919 по декабрь 1920 г. Петроградским отделением Госиздата — не менее 160 «марксистских» книг и брошюр тиражом более 12 млн экземпляров. В 1920 г. доля продукции агитационно-пропагандистского отдела Госиздата в общей номенклатуре изданий составляла 26,5 %, а суммарного тиража — 54,5 %¹⁷³. Цифры, как видим, очень внушительные. Такое обилие агитационной литературы обеспечивало, конечно, не только Петроград, но и всю страну. В Петрограде и Северной области распространялось всего около 1/6 части изданий.

Продукция издательств состояла из книг, издававшихся тиражом 20–50 тыс. экземпляров, и брошюр, тираж которых достигал 100–150 тыс. В числе изданий были работы К. Маркса, Ф. Энгельса и других теоретиков марксизма, современных вождей и идеологов большевизма: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и др. Наиболее значительным пропагандистским изданием стала «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского, выходявшая в разных издательствах в течение нескольких лет в сотнях тысяч экземпляров. Книга представляла собой популярное толкование программы РКП(б) по всем направлениям ее деятельности и считалась непревзойденным пропагандистским пособием. Издавалось также большое количество агитационно-пропагандистских брошюр со статьями и речами местных петроградских деятелей: Г.Е. Зиновьева, М.М. Володарского, З.И. Лилиной, П.Ф. Куделли, В.А. Быстрянского и др. Основным требованием, которое предъявлялось к пропагандистским брошюрам, было требование широкой популярности и доступности, «дающей возможность усвоить прочитанное совершенно неподготовленному читателю»¹⁷⁴. То же требование сохранялось для выпускаемых в большом количестве агитационных плакатов, листовок и т. п. мелких изданий.

В целях пропаганды использовались и первые большевистские декреты. «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды, — говорил впоследствии В.И. Ленин. — Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декреты не исполняют <...>, но эта полоса была законной... Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике

сразу давали в форме декретов»¹⁷⁵. Для этого декреты издавались массовыми тиражами, расклеивались в Петрограде, рассылались в провинцию, публиковались в газетах и т. д.

Печать была в то время наиболее массовым и эффективным средством пропаганды. Для того чтобы полностью контролировать не только издание, но и распространение печати, правительство к концу 1918 г. фактически ликвидировало частную книжную торговлю. По декрету Совнаркома от 26 ноября 1918 г. в Петрограде был образован единый централизованный государственный аппарат распространения печати — Севцентрпечать — как отделение Центрального агентства распространения печати (Центропечати) в Москве. Он монополизировал функции распространения всех изданий: газет, журналов, книг, брошюр, плакатов, листовок, воззваний и др.

Распространением печати, внедрением этого «агитационного оружия» в толщу масс, советские власти были особенно озабочены. Малограмотность, отсутствие у основной части населения привычки обременять себя чтением литературы на политические темы представляли серьезное препятствие для того, чтобы это оружие метко било в цель. Нередко агитационные брошюры, распространяемые в красноармейских частях, шли «на сигарки», хотя руководители Госиздата яростно отрицали подобные факты¹⁷⁶. Довольно анекдотический случай привел в своих воспоминаниях управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич. В конце 1917 г. в Петрограде была организована раздача демобилизованным солдатам отдельных оттисков «Декрета о земле», принятого 26 октября 1917 г. В.И. Ленина очень заботило, чтобы солдат не потерял и довез до своей деревни данные ему экземпляры декрета. «Но Ленина, — писал В.Д. Бонч-Бруевич, — беспокоило одно обстоятельство. „Вот ведь беда <...>, бумаги-то нет, а покурить солдату надо, сейчас и свернет из декрета козью ножку...“ Владимир Ильич примолк, а через несколько минут хитро улыбнулся и, обращаясь ко мне, сказал: „А знаете что, Владимир Дмитриевич, поезжайте-ка в магазин Сытина и спросите там, нет ли у них старых отрывных календарей... На раскурку и дадите каждому календарь. Удобно, календарь ведь отрывной, бумага подходящая, мягкая и как раз на одну козью ножку

с махорочкой... Вот мы декреты-то и спасем“»¹⁷⁷. Конечно, рядовым пропагандистам было далеко до таких хитроумных приемов. В агитационно-пропагандистской практике применялись простые методы вроде читки вслух газет, декретов, листовок — способ агитации, приемлемый даже для совершенно неграмотной массы слушателей.

Среди основной части населения, не отличавшейся высоким уровнем грамотности и навыком к чтению, самым действенным средством пропаганды было устное слово, а наиболее эффективной формой устного воздействия — массовые митинги. Большевики широко использовали митинги до октября 1917 г. для политической агитации среди солдат, рабочих и других слоев населения Петрограда. Нарком просвещения А.В. Луначарский, часто выступавший перед ними с речами, позднее назвал период с весны по октябрь 1917 г. «золотым временем митингов», когда большевистские лозунги приобретали все большую популярность у митинговой массы. По его наблюдениям, на массовых митингах публика была пестрая: процентов двадцать рабочих, процентов пятьдесят солдат, «остальное делилось на неопределенную городскую бедноту и интеллигенцию»¹⁷⁸. Известная партийная деятельница Е.Д. Стасова также отмечала, что на массовых большевистских митингах в цирках «Модерн» и Чинизелли «бывали все решительно слои населения». Она вспоминала эпизоды, свидетельствующие о вере, по ее выражению, «мелкого люда» большого города в возможность быстрого исполнения лозунгов большевиков: «...горничная моих родителей, побывав на митингах и почтаив газеты, заявила мне, что при выборах в Городскую думу будет обязательно голосовать за список большевиков, так как они обещают крестьянам землю, а народу мир и прекращение войны, которая надоела до смерти. Она сумела сагитировать и кухарку»¹⁷⁹.

Одним из лучших большевистских ораторов была А.М. Коллонтай. Ее выступления были настоящими шедеврами ораторского искусства, их наполняли вдохновение и страсть подлинного артистизма. Невротический накал ее речей в сочетании с крайне упрощенным их содержанием, понятным и близким любому самому неразвитому «пролетарию», выгодно отличал ее от

других выступавших. Любопытное описание того, как Коллонтай «переломила» настроение «масс» на первомайском митинге-концерте в Мариинском театре в 1917 г., где выступления ораторов от разных партий перемежались с исполнением революционных песен, оставил нам журналист-социалист Н.Н. Суханов: «Чередуюсь с музыкальными номерами, что-то очень „деловое“ проворчал Урицкий, потом хрипел Каменев, острил Скобелев, нестерпимо долго пел Чернов... Возбужденно требовала у организаторов Коллонтай, чтобы ее выпустили непременно, так как она „может поднять настроение“... Когда Коллонтай, правдами или неправдами, появилась на трибуне, она не столько подняла настроение, сколько попала в самый центр его.

— Товарищи, — говорила она., сжав по обыкновению кулаки и подскакивая на трибуне, — вам твердят ежедневно: солдаты — в окопы, рабочие — к станкам!.. Рабочие — к станкам, чтобы работать, солдаты — в окопы, чтобы умирать. А буржуазия? А помещики?.. Помещики — на покой в свои усадьбы! А буржуазия — к своим награбленным сундукам!..

Эти святые истины попадали в самую точку... Блестящий зал императорского театра неистовствовал от восторга: настроение массы было ухвачено...»¹⁸⁰. Коллонтай скоро стала самой популярной из женщин-революционерок, ораторствовавших в Петрограде.

Однако не только содержание речей, но и обстановка самого митинга, психологический настрой слушателей и ораторов усиливали агитационный эффект этого действия. Особенно запечатлелся в памяти А.В. Луначарского один из больших митингов в цирке «Модерн» в октябре 1917 г. Случайно отключилось электричество, и в огромном помещении горела только одна керосиновая лампа у трибуны да вспыхивали многочисленные огоньки закуренных папирос. «Ораторы, — писал Луначарский, — бросали... слова в эту звездами вспыхивавшую темноту. Слушатели же видели только с одной стороны освещенную фигуру оратора и его теряющуюся в полутьме жестикуляцию. Вероятно, благодаря темноте, митинг шел с напряженной торжественностью. Полная тишина и вдруг взрывы дружных рукоплесканий. И опять тишина, словно в огромной зале нет никого. Когда мы выходили,

один товарищ, приехавший из провинции, сказал: „Это уж не митинг, а священнодействие какое-то“»¹⁸¹. Так, обстоятельства, способствуя театрализации обстановки, выявляли и подчеркивали сакральный смысл происходящего политического ритуала. Эмоциональный накал, вызываемый ритуальными действиями, был даже важнее содержания произносимых речей. Еще важнее был взаимный психологический резонанс агитатора и «массы». Лозунги ораторов с призывами к выступлению возбуждали толпу, а ее нетерпеливая жажда скорых и крутых действий еще более подстегивала радикализм агитаторов. Один из руководителей кронштадтских матросов Ф.Ф. Раскольников, выступавший в октябре 1917 г. на большевистском митинге среди солдат на Петроградской стороне, писал: «Уже с первых слов я почувствовал между собой и аудиторией тесный контакт, самое близкое взаимодействие. Речь, видимо, находила отклик у слушателей, а их настроение, в свою очередь, влияло на меня. Поэтому тон речи непрерывно повышался, и резкость ее выводов все нарастала... Чувствовалось, что среди этих тысяч солдат и рабочих каждый в любую минуту готов выйти на улицу с оружием в руках»¹⁸².

После октябрьского переворота количество массовых митингов в Петрограде достигло огромных размеров. Только с 28 октября 1917 г. по февраль 1918 г. в городе состоялось 600 митингов рабочих, солдат и матросов, на которых выступали крупнейшие деятели Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б). За первые три месяца 1919 г. агитпропотдел ЦК РКП(б) провел 29 больших городских митингов, 203 районных и 204 красноармейских¹⁸³. Митинг стал политической повседневностью города.

Всей агитационно-пропагандистской деятельностью в Петрограде руководили агитпропотдел Петроградского комитета (ПК) партии и Комиссариат агитации, пропаганды и печати Союза коммун Северной области (СКСО). Первый глава комиссариата, М.М. Володарский, считался одним из непревзойденных партийных ораторов. О его пропагандистских способностях, умении воздействовать словом на толпу слушателей с восхищением писали соратники по партии. «Очарование его речей было огромное, — вспоминал А.В. Луначарский. — Речи его были не длинные, необычайно понятны, как бы целое скопище лозунгов-стрел,

метких и острых. Казалось, он ковал сердца своих слушателей. Слушая его, понималось больше, чем при каком угодно другом ораторе, что в эту эпоху такого расцвета политической агитации, какого, может быть, мир не видел, агитаторы поистине месили человеческое тесто, как какой-то вязкий и бесформенный сплав, который твердел потом под их руками, превращаясь в необходимое революции орудие»¹⁸⁴. Конечно, трудно представить себе сейчас, как воспринимала «масса» выступления Володарского, что представляли собой его ораторские приемы: интонации, паузы, жесты, движения и т. п. набор сценических средств, который магическим образом заставляет толпу слушателей восторженно внимать словам оратора. Опубликованные тексты его выступлений¹⁸⁵ не дают представления об этом и, во всяком случае, уступают текстам речей такого партийного «цицерона», как Л.Д. Троцкий. Как бы там ни было, М.М. Володарского отличали не только незаурядные ораторские способности, но и умение в любой ситуации быстро найти убедительную тему для агитации. Его взгляд мгновенно обращал любой предмет в объект для пропаганды, подобно тому как прикосновение руки легендарного царя Мидаса обращало любую вещь в золото. «Учитесь разговаривать со всяким, везде и по любому поводу, — наставлял Володарский в 1917 г. агитаторов Нарвского райкома партии. — Завязал разговор с кем-либо на улице — посмотри кругом. Ну вот мостовая: плохая мостовая за Нарвской, грязь непролазная... Почему в рабочем районе одно, а в центре, где живет буржуазия, — другое? Вот тебе и тема для разговора! И тяни ты эту мостовую до вопроса о том, кто виноват в этом, кому это на пользу»¹⁸⁶.

Успех пропаганды во многом зависел от кадров агитаторов. Подготовке этих кадров большевики, не в пример другим партиям, всегда придавали очень серьезное значение. Пропагандистская деятельность, к которой еще до революции 1917 г. готовил себя каждый член РСДРП, рассматривалась как наиболее важный элемент партийной работы. После революции значение агитации и пропаганды (а главное ее масштабы) неизмеримо возросли. В партийных документах эта деятельность расценивалась как самоотверженное проповедническое служение во имя распространения коммунистических идей. «Агитатор... Помни, ты отдал

себя Великому Делу: сеять в души трудящихся семя коммунизма. Ты его выполнишь, только отдав ему все свои силы и время», — так начиналась «памятка агитатора», составленная агитационно-пропагандистским отделом ПК РКП(б). «Мы тот аппарат партии, при помощи которого она разбрасывает семена коммунизма в сырую землю (массы), — говорил один из руководителей Нарвско-Петергофского райкома партии, выступая перед рядовыми агитаторами. — Мы аппарат, который лелеет и воспитывает ростки и побеги, выросшие из семян, указывая им правильный путь»¹⁸⁷. Этим духом миссионерского прозелитизма была проникнута как подготовка, так и вся текущая деятельность партийных проповедников.

Первые курсы и школы для подготовки пропагандистов были открыты в Петрограде при большевистских организациях после Февральской революции. Некоторые из них продолжали действовать и после октября 1917 г. В начале 1918 г. агитпропотдел ПК РСДРП(б) открыл в Смольном месячные курсы для ускоренной подготовки агитаторов продовольственных отрядов, а в мае 1918 г. М.М. Володарский основал школу агитаторов при Комиссариате агитации, пропаганды и печати СКСО. Занятия в школе продолжались несколько недель и включали цикл лекций по программе и истории партии. По окончании школы слушатели отправлялись в качестве пропагандистов в провинцию. Зачислялись в школу члены, кандидаты и сочувствующие РКП(б)¹⁸⁸. С сентября 1918 г. назначение школы изменилось. Она стала готовить уже не обычных пропагандистов, а профессиональных партийно-советских функционеров — «советских работников». Школа была переименована в Рабоче-крестьянский университет имени Г.Е. Зиновьева, а курс обучения увеличен до полугода. Слушателей командировали исполкомы советов и партийные организации из провинции. Они жили в общежитии Смольного, получая стипендию и полное содержание. Основная часть курсантов была в возрасте 18–25 лет. Университет давал и некоторую общеобразовательную подготовку, но главным образом — специальную политическую. В январе 1919 г. университет занял помещения Таврического дворца (дворца Урицкого)¹⁸⁹. В конце 1920 г. университет им. Зиновьева был реорганизован в городскую высшую партийную школу.

Летом-осенью 1918 г. ПК РКП(б) открыл краткосрочную городскую и районные партийные школы для подготовки агитаторов из низовых партийных функционеров, а в декабре того же года — Высшую школу агитации, в которую райкомы направляли наиболее перспективных пропагандистов. ПК установил обязательное посещение всеми членами партии раз в неделю лекций при райкомах. С ноября 1918 г., кроме подготовки агитаторов, партийные школы начали заниматься подготовкой «новых членов партии», то есть читать лекции для сочувствующих, кандидатов в члены РКП(б) и комсомольцев. Количество слушателей сильно увеличилось. Оно еще больше выросло с конца 1919 г., когда в результате «партийных недель» в городскую организацию вступило много новых членов¹⁹⁰. Большая часть вновь принятых в партию, так же как кандидатов и сочувствующих, была не только не подготовлена «идейно-теоретически», но и попросту малограмотна. Политическая подготовка этих «молодых коммунистов» оказалась делом непростым. Очень быстро выяснилось, что многие новые члены партии проявляют мало интереса к партийной учебе и не посещают занятия. Собрание секретариатов партийных школ Петрограда в декабре 1918 г. постановило обязать районных партийных организаторов принять меры воздействия на слушателей вплоть до исключения из числа кандидатов и сочувствующих и разъяснить каждому из слушателей, что он обязан пройти полный курс лекций в школе¹⁹¹. Поскольку партийным школам и райкомам стало нелегко справляться с большим потоком слушателей, часть работы передали непосредственно в первичные коллективы РКП(б).

В начале 1920 г. агитотдел ПК ввел в коллективах регулярные чтения вслух глав «Азбуки коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского. Но уже вскоре стало ясно, что надежды, возлагавшиеся на эти чтения, не оправдались. Агитотдел ПК отмечал, что «в большинстве коллективов — чтение „Азбуки коммунизма“, долженствующее вызвать живой обмен мыслей по поводу прочитанного, целый ряд вопросов, способствующих развитию членов коллектива, превратилось в явление, которое не только не заинтересовывало слушателей, но, наоборот, — они считали чтение „Азбуки коммунизма“ самой неприятной

из партийных обязанностей»¹⁹². Поэтому агитотдел решил вместо чтений сделать главный упор на докладах по «текущему моменту» и каждому члену, вступившему в партию до октября 1917 г., поручить «идейное» воспитание десяти новых членов. В то же время райкомы занялись усиленной переподготовкой через партшколы чтецов «Азбуки коммунизма», дабы сделать эти чтения более занимательными.

В августе 1920 г. коллегия агитпропотдела ввела систему устной коммунистической пропаганды среди членов партии, состоящую из трех звеньев. Первое звено, рассчитанное на вновь принятых в партию, включало местные партколлективы и велось по элементарной программе: «Что такое коммунизм?», «Путь к коммунизму» и т. п. Вторым звеном была районная партшкола, программа которой включала уже более конкретные политические и экономические вопросы. Третье звено составляли марксистские теоретические кружки при райкомах и партклубах и, конечно, университет им. Зиновьева. Слушатели второго и третьего звена активно использовались в качестве пропагандистов.

Кроме общеполитической и теоретической подготовки агитаторов и пропагандистов, ПК придавал большое значение обучению их методам и приемам ведения пропаганды, способам овладения аудиторией и борьбы с оппонентами. Агитатор должен был также научиться в любой обстановке преодолевать отрицательные настроения среди населения города, вызванные тем, что власть уже «в руках пролетариата», а положение народа все ухудшается. Как нужно действовать агитатору в подобных условиях? Ответ на этот вопрос дают «Общие положения для руководства агитаторам и пропагандистам», составленные в 1918 г. агитотделом ПК РКП(б). «Положения» требовали от агитатора не ограничиваться выступлениями на официальных митингах, а вести пропаганду повсюду, где встречаются «враждебные мнения»: в трамваях, очередях и т. п. местах. В качестве общей рекомендации предлагалось при разборе злободневных вопросов всегда подчеркивать *«временный характер наших невзгод»* и как можно чаще и обстоятельнее говорить о будущем социалистическом строе. «Положения» советовали агитаторам не скрывать того, *«что есть»*, не запугивать оппонента Гороховой улицей

(Петроградской ЧК), «не возмущаться жестокими способами борьбы противников. Это есть лицемерие. Мы сами прибегаем к таким способам. Указывать на них лишь в том случае, если нас будут упрекать в жестокости». «О всех отрицательных сторонах нашего строя, — рекомендовали «Положения», — говорить самому и возражать по существу, ничего не затушевывая». Далее приводился набор примерных обоснований позиции РКП(б) по ряду острых вопросов: о недопустимости забастовок, нарушающих «строгую организацию социалистического производства»; о злоупотреблениях властью в Советской России (комиссародержавии), как наследии старого режима, об их случайном и временном характере («борьба же с комиссарством вообще есть просто неприятие советских общественных отношений, регулируемых комиссарами, которые ставятся самим народом — в лице советов»); о продовольственных трудностях, которые вызваны исключительно войной и разрухой; о недопустимости свободного товарообмена, могущего привести к «разгулу спекуляции», разрушению системы распределения и возврату к капитализму и т. д.¹⁹³

Этот инструктаж, надо сказать, не шел впрок. Основная часть рядовых партийных пропагандистов строила свои выступления не на острых, животрепещущих вопросах повседневной жизни, а на весьма отвлеченных темах программы большевизма и политики «текущего момента». Как правило, это не находило отклика у слушателей. Так, на митинге в 1918 г. в одном из петроградских лазаретов, на котором присутствовало две-три сотни раненых красноармейцев, оратор разъяснял контрреволюционную сущность Деникина и Колчака и обрисовывал преимущества советской власти. Он говорил почти час с жаром и вполне доступным языком, а когда в конце речи осведомился, нет ли у слушателей вопросов, один из красноармейцев робко спросил: «А вот насчет отлучек из лазарета как же? Нам бы с ночевкой»¹⁹⁴. К середине 1919 г. неэффективность проведения ритуальных митингов с длинными речами о социализме и мировой политике становится предметом обсуждения в ПК РКП(б). На собрании организаторов районных секций работников, состоявшемся в Смольном в июле 1919 г., было отмечено, что практикуемые уже в течение двух лет способы агитации устарели, слишком однообразны и

не удовлетворяют массы. Собрание подчеркнуло в резолюции, что при ведении агитации необходимо начинать с больших вопросов дня (например, о хлебе), а не с вопросов мирового значения (об империализме и т. п.), и рекомендовало инструктировать в этом духе агитаторов в районах¹⁹⁵.

Никаких положительных результатов эти меры не принесли, и уже к началу 1920 г. стало ясно, что общеполитический митинг как основная форма агитации и пропаганды начал себя изживать. В феврале 1920 г. на собрании заведующих агитотделами райкомов Петрограда член ПК С.И. Шульга указал на малую посещаемость общегородских митингов. Я.А. Нетупская отметила безучастное отношение масс к митингам по «текущему моменту». «Рядовые рабочие не посещают митингов, — сказала она. — Старые приемы агитации изжили себя, надо дать что-нибудь новое»¹⁹⁶. В качестве альтернативных форм агитации присутствующие предложили «деловые доклады» на заводах, лекции и, в первую очередь, «беспартийные конференции». Общегородские митинги собрание решило временно прекратить.

Так называемые беспартийные конференции рабочих или работниц использовались большевиками для политической агитации с конца 1917 г. В 1920–1921 гг. они приобрели особое значение для пропаганды политики партии в экономической, социальной и др. сферах. Лекционная пропаганда большевиков проводилась на заводах и фабриках, в крупных помещениях и залах города, но главным образом сосредоточивалась в партийных и рабочих клубах. Клубы стали основными центрами-рассадниками «коммунистических идей». Их количество из года в год росло. В 1918 г. в Петрограде было 66 рабочих и молодежных клубов и 39 партийных. В 1920 г. — 110 рабочих, 15 партийных и 14 комсомольских клубов¹⁹⁷.

Повседневная агитационно-пропагандистская деятельность большевиков фокусировалась в агитационных кампаниях, регулярно проводившихся в 1918–1920 гг. в виде тематических «дней» и «недель»: «День Красной Армии», «День советской пропаганды», «Партийная неделя», «Неделя помощи Западному фронту», «Неделя помощи крестьянину» и т. п. В рамках агиткампаний активизировались различные формы агитации и пропаганды. В течение лета-осени 1920 г., например, во время кампаний агитпропотдел

Губкома РКП(б) ежемесячно проводил в Петрограде в среднем более 50 митингов, лекций, собраний и собеседований¹⁹⁸.

Военная пропаганда, которая была на первом плане в годы Гражданской войны, с 1920 г. начинает вытесняться так называемой «производственной пропагандой», которая преследовала цель укрепить «социалистическую дисциплину труда», поднять его производительность, а главное, как писал Л.Д. Троцкий, формировать у молодого рабочего «сознание того, что его производственная работа есть в то же время социалистическое служение». «В нашу героическую эпоху, — подчеркивал он, — все должны быть героями; героев винтовки должны сменить герои молота, герои топора...»¹⁹⁹ При этом наряду с обычными формами пропаганды широко использовалась сила примера, образца, подражания. Для этого в пропагандистский обиход начали внедряться обряды, символизировавшие апофеоз труда, предназначенные для воспитания в молодом поколении чувства благоговения перед «трудовой солидарностью пролетариата». Одним из таких обрядов стало торжественное чествование трудовых юбилеев рабочих-ветеранов — «культ героев труда», проводившееся под эгидой петроградских профсоюзов. Еще большее значение придавалось организации трудовых субботников, которые были призваны не столько поднять экономику, сколько сыграть роль фактора воспитания «нового отношения к труду». Петроградский комиссар внутренних дел С.Н. Равич, выступая в августе 1919 г. на совместном собрании делегатов Петросовета и членов бюро секции работниц при ПК РКП(б) по вопросу о субботниках, отмечала, что «те, которые в самом начале относились немного скептически к этой мере <...>, теперь сами придают этой мере большое значение. Не столь велико значение ее экономическое, сколько морально-политическое»²⁰⁰.

Устная и печатная пропагандистская практика большевиков выработала совершенно новый, непривычный как для обыденной жизни, так и для старой литературы язык. Язык большевистской пропаганды как бы стремился уйти от рассудочной холодной прозы, приобретая некоторые черты поэтического языка. Он был эмоционально напряжен, патетически приподнят, контрастен и метафоричен. Он оперировал простейшими образами-лозунгами, доступными широкой массе народа. Он был сродни

языку страстной религиозной проповеди, молитвы, гимна. Он провозглашал громовые анафемы презренным врагам, воспевал «светлое царство социализма», сурово возвеличивал мучеников революции.

Основой лозунгового языка был широкий набор броских эпитетов и метафор, которые либо возвеличивали «великую пролетарскую революцию» и ее борцов, либо клеймили «гидру контрреволюции». Этот язык здравец и проклятий вошел в обиход всех форм большевистской пропаганды: митингов, листовок, газет, публицистической литературы. Вот некоторые примеры из лозунгового лексикона. Ряд положительных образов: «пролетарские борцы», «стоимиллионная трудовая рать», «Красная Армия — освободитель всего угнетенного человечества», «горит священный огонь классовой борьбы», «Гражданская война — священная война». Иногда, благодаря насыщенности метафорами, язык приобретает звучание стихотворения в прозе: «Весь мир угнетателей сидит на вулкане. Уже слышен подземный грохот волнуемого моря труда»²⁰¹. Для характеристики врагов используется другой ряд образов: «международные хищники», «мировые вампиры», «разбойники капитала», «золотопогонные наймиты умирающей буржуазии», «ошалелая шайка Юденича», «белогвардейское зверье». Уничижительными сравнениями лепится образ соглашателей — эсеров, меньшевиков: «жалкие заскребыши контрреволюции», «иуды-предатели», «переодетые белогвардейцы». Яркими красками изображается опасность контрреволюции: «змеиное шипение раздастся из черного стана врагов рабочих и крестьян», «буржуазные волки щелкают зубами и ждут момента, чтобы броситься на живое тело Советской России и разодрать ее в клочья». Эти кошмарные символы оттеняют светлые и возвышенные образы революционной власти, коммунистической партии: «РКП(б), как гигантский маяк, освещает путь блуждающим в темноте», «взоры трудящихся всего мира устремлены на Красный Петроград — светоч и очаг мировой революции». И, наконец, торжественно-проникновенные слова, обращенные к «пролетарию» как прирожденному коммунисту: «Товарищ труженик! Коммунист — это ты сам. Может быть, ты этого еще не сознал, может быть, под бременем разрухи и голода ты об этом

забыл <...>, но в душе и по своему классовому положению ты коммунист до мозга костей»²⁰².

Возможности этого языка в воздействии на толпу дали повод одному из иерархов Русской Православной Церкви заявить в январе 1918 г. на церковном соборе: «Проповедь ясная, короткая, как лозунги большевиков, вот что нужно народу»²⁰³. Этот новый язык был следствием и одновременно стимулом формирования определенного строя сознания, основанного на представлениях об исконной классовой биполярности общества, борьбе добра со злом, неизбежной победе добра и достижении всеобщего счастья — почти религиозного образа мышления, стремящегося в борьбе с существующим в мире злом достичь райских вершин. Страстное, необузданное стремление ввысь никак не могло удовлетвориться рассудочным, «филистерским» языком прозы. «Наш предреволюционный, явно окостеневший, канцелярский и либерально-газетный язык... уже обогатился в значительной мере новыми словесно-изобразительными средствами, новыми, гораздо более точными и динамичными выражениями», — писал один из лучших партийных ораторов Л.Д. Троцкий²⁰⁴.

Однако одновременно с эмоциональным насыщением митингового языка происходила его примитивизация. Сначала пропагандисты, ориентируясь на уровень масс, максимально упрощали форму и сущность толкуемых ими понятий, а затем, когда некоторые представители этих масс стали носителями нового языка, упрощенные штампы начали сочетаться с элементами простонародной лексики, литературной малограмотностью и попытками украсить речь «учеными» иностранными словами. «Нередко, — отмечал Л.Д. Троцкий, — прекрасные рабочие ораторы говорят: константировать, инцидент, инстинкт, легулировать...»²⁰⁵ Этот безграмотный язык героев М.М. Зощенко превратился в обычный жаргон рядовых партийных агитаторов, выросших из «пролетарских низов».

Хотя агитационно-пропагандистское воздействие на массы имело важнейшее значение для овладения политической ситуацией, оно все же не являлось универсальным ключом к душам людей, которым можно было бы пользоваться долговременно и безотказно. Когда соотнесение лозунгов и обещаний с реальностью

все более и более свидетельствовало об их кричащем несоответствии, магия слов теряла свою силу. Действенность большевистской пропаганды становилась все слабее по мере ухудшения материального положения петроградцев, усиления голода, разрушения остатков производства и вообще экономики города. Глухой ропот среди основной части рабочих и обывательских слоев уже к весне 1919 г. начал перерастать в забастовки и волнения. Обещания, которые большевики щедро раздавали в 1917 г.: мир — народам, фабрики — рабочим, земля — крестьянам и т. п., обернулись на деле жестокой Гражданской войной, экономическим и политическим принуждением, голодом, репрессиями, разрухой. Все это вызывало разочарование, переходившее в озлобление, той самой «массы», к которой апеллировали и которую так горячо призывали к «сознательности» большевистские агитаторы. «На официальных митингах все бродят какие-то искры, — писала З.Н. Гиппиус о настроениях рабочих весной 1919 г., — и порою достаточно одному взглянуть исподлобья, проворчать: „Надоело уже все это...“, чтобы заволновалось собрание, чтобы занадрывались одни ораторы, чтобы побежали другие черным ходом к своим автомобилям».²⁰⁶

Подобные настроения стали всеобщим явлением к концу 1920 г. Если в октябре 1917 г. призывы к сокрушению «старой власти» находили живой отклик у пролетарской массы, озлобленной войной и материальными лишениями, то теперь положение изменилось: по-прежнему недовольные массы плохо воспринимали уверения в том, что они являются правящим классом, речи по поводу заботы социалистического государства о трудящихся, о наступлении счастливого будущего. Вектор недовольства поменял направление. Его объектом стала теперь новая власть, от которой население требовало улучшения своего экономического положения. С началом 1921 г. бурные стихийные митинги и волнения рабочих, «волынки» на заводах стали обычным явлением. Уже никакая агитация и пропаганда не в состоянии была переубедить население Петрограда, у которого жизненные тяготы и лишения изрядно ослабили «революционный порыв» октября 1917 г. Этот кризис знаменовал собой конец периода так называемого «военного коммунизма».

Искусство улиц и площадей

Февральская революция 1917 г. породила новые формы искусства, которые непосредственно внедрились в стихию общественной жизни. Они использовали круг символов, ассоциирующийся иногда с искусством Великой Французской революции, а в некоторых случаях свидетельствующий о поиске новых революционных образов. Наиболее массовыми формами этого творчества стали лозунги, знаки, плакаты, знамена и т. п. атрибуты празднеств и других революционных ритуалов.

В их создании участвовали как известные мастера, так и начинающие художники и непрофессионалы. Художник А.Н. Самохвалов, учившийся в 1917 г. в Академии художеств в Петрограде, вспоминал: «К нам в Академию являлись рабочие с заводов и фабрик и приносили тексты лозунгов и красную материю. Мы писали эти лозунги, стараясь украсить их эмблемами производства: наковальнями, шестернями, молотами, серпами и так далее»²⁰⁷. На рабочих знаменах изображались аллегорические фигуры, заключающие в себе образы нового революционно-демократического сознания. Знамена представляли собой большие полотнища ткани с выполненными масляной краской или вышитыми изображениями и надписями. Они, как правило, имели традиционную для России форму хоругви с фестонами, украшенной кистями, бахромой, бантами и лентами²⁰⁸. Позднее на место хоругви приходит флаг прямоугольной формы, характерной для военных знамен.

Создавались и малые формы революционного искусства: художественные открытки, жетоны, медали и др. Появились первые опыты театрализованных художественно-музыкальных

статических представлений в духе символических «живых картин». Наиболее впечатляющими по глубине эмоционального воздействия явились массовые демонстрации и празднества. В Петрограде самые многолюдные и красочные из них состоялись 22 марта (похороны жертв революции на Марсовом поле), 18 апреля (праздник 1 Мая) и 29 июня (праздник «Займа свободы» на ипподроме)²⁰⁹. Особенно запечатлелся в памяти современников день похорон жертв революции. «Петроград за все свое существование никогда не видел такого зрелища. То, во что вылились национальные похороны жертв революции, превзошло всякие ожидания», — отмечал один из них. «В воздухе колыхались сотни причудливых знамен, красных, черных, белых с эмблематическими рисунками и надписями», — писал другой²¹⁰. По общему впечатлению, почти весь город вышел на проводы погибших. Здесь же, на Марсовом поле, было начато сооружение первого в истории России временного революционного монумента на могилах жертв революции по проекту архитектора Л.В. Руднева — ступенчатых гранитных пирамид из камней, оставшихся от старой набережной.

Первое легальное празднование 1 Мая (18 апреля по старому стилю), который был объявлен «общенародным праздником», также вывело на улицы Петрограда множество его жителей. «...Весь город от мала до велика, если был не на митингах, то был на улицах <...>, — вспоминал журналист Н.Н. Суханов. — Весь Невский, на всем протяжении, был запружен толпой... Толпа стояла на тротуарах и на мостовой... Никто никуда не спешил; никто не вышел сюда ни за делом, ни для официального торжества. Но все праздновали, и все впервые вышли сюда — на люди, в толпу, на улицу своего города — со своим праздником... Это был совсем новый, еще не виданный Невский, завоеванный народом и превращенный им в свой домашний очаг»²¹¹.

После октября 1917 г. все основные виды нового массового искусства продолжали развиваться, но их содержание, смысл, символика и средства художественного выражения претерпели значительные изменения. В процесс создания массовых форм агитационного искусства были вовлечены молодые художники, отвергнутые ранее представители «левого» искусства, которые

отождествили свой «революционный» поиск новых форм в творчестве со строительством новых форм жизни. Они превратили улицы и площади города в творческую лабораторию, сделали попытку стереть грань между искусством и жизнью. Специфический отпечаток на весь процесс творчества в эти годы накладывала романтическая, полурелигиозная вера в неизбежность торжества социального добра и справедливости. Непосредственный участник этого процесса, художественный критик и искусствовед Я.А. Тугендхольд писал: «То были годы подлинной бури и натиска <...>, когда художественная молодежь, еще вчера отверженная и безработная, вышла из подполья, очутилась на гребне волны, получила в свое полное распоряжение улицы и площади городов. То были годы, когда перед нашим искусством, еще вчера келейным и комнатным, взвилась гордая и смелая мечта преобразить самый лик жизни, прыгнуть в будущее, в царство Коммуны... То были годы, когда вопреки блокаде, нищете и голоду казалось, что искусство тотчас же сможет приступить к созданию новой среды, новой жизненной обстановки, к новому оформлению всего быта»²¹².

Лидеры большевистской партии, не разделяя эстетических взглядов левых художников, в то же время не препятствовали их творческим поискам. Однако стихийная деятельность даже в сфере искусства категорически претила руководителям большевиков. Поэтому уже в первые годы советской власти перед соответствующими структурами государства ставится задача координации и контроля работы в художественной области, как в любой другой обобществленной отрасли хозяйства. В беседе с К. Цеткин в 1920 г. В.И. Ленин определил роль советского государства в этой области как защитника и заказчика художников, освободившего их от необходимости работать для рынка. «Но, понятно, мы — коммунисты, — заметил он. — Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда захочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты». Результаты же формируются в соответствии с задачами искусства, которое, по мнению Ленина, должно быть понятно массам и быть ими любимо, должно пробуждать и развивать в них художественное чувство. «Оно должно объединять

чувство, мысль и волю этих масс, подымать их»²¹³. Таким образом, по В.И. Ленину, искусство выступает, как средство коллективного воспитания и формирования общественного сознания или, другими словами, как инструмент психологического воздействия на народ с целью его коммунистического воспитания. Н.К. Крупская еще определеннее сформулировала главные задачи искусства в Советской России: 1) «Подойти как можно ближе к массам, найти формы наиболее доступные, понятные низам», 2) «из искусства создавать своего рода резонатор, усиливающий все коммунистическое»²¹⁴.

Привести в действие этот пропагандистский инструмент должен был Народный комиссариат по просвещению, учрежденный 26 октября 1917 г. и созданная 9 ноября 1917 г. Государственная комиссия по просвещению, в составе которой начал действовать отдел искусств. После переезда в марте 1918 г. правительственных учреждений в Москву был образован Петроградский комиссариат просвещения с отделами: изобразительных искусств, театральным и музыкальным. В Петрограде среди руководителей и сотрудников художественных отделов преобладали представители «левого» искусства. Музыкальный отдел возглавлял композитор-новатор А.С. Лурье, отдел изобразительных искусств — сначала один из лидеров художественного авангарда Н.Н. Пунин, затем художник левого направления Д.П. Штеренберг. Под их руководством при участии большого количества молодых художников осуществлялись программы агитационно-пропагандистской работы художественными средствами.

В качестве одного из первых и главных направлений работы был выдвинут план так называемой «монументальной пропаганды». Его замысел принадлежал лично В.И. Ленину, заимствовавшему эту идею из сочинения социального утописта XVII века Т. Кампанеллы «Город Солнца». Суть плана, по мысли Ленина, заключалась в следующем: «В разных видных местах, на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные, коренные принципы и лозунги марксизма... Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы...

Особенное внимание надо обратить и на открытие таких памятников... Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленьким праздником»²¹⁵.

Декрет Совнаркома «О памятниках республики», принятый 12 апреля 1918 г., сформулировал основные задачи плана монументальной пропаганды: 1) снятие памятников, воздвигнутых «в честь царей и их слуг» и не представляющих исторической и художественной ценности; 2) создание проектов новых памятников, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции»; 3) спешная подготовка декорирования города к дню 1 Мая, замена эмблем, гербов, названий улиц и т. п. новыми, «отражающими идеи и чувства революционной трудовой России».²¹⁶

К осуществлению декрета приступили фактически с лета 1918 г., а к ликвидации старой эмблематики и символики намного ранее. Собственно говоря, стихийный процесс ликвидации вещественных знаков и символов, связанных со старой властью, начался уже в первые дни Февральской революции. В февральские дни толпа сожгла Литовский замок — известную тюрьму для политических заключенных (в своем роде русскую Бастилию) и здание Окружного суда на Литейном проспекте (на месте нынешнего «Большого дома»). Уничтожались изображения последних царей и их министров, любые изображения, содержащие атрибуты царской власти, например, городской герб Санкт-Петербурга. На зданиях и вывесках замазывались государственные гербы и другие эмблемы. Даже в среде художественной интеллигенции развернулась кампания за низвержение всех «идолов самодержавия». Журналист А.В. Амфитеатров обрушился на памятник Николаю I П.П. Клодта, называя его «наиболее возмутительным памятником голштино-готторпской династии, который непременно надо убрать от глаз народных, и чем скорее, тем лучше». В печати появлялись нападки и на другие старые монументы, в том числе на «Медного всадника»²¹⁷. Но, в конечном счете, это были частные суждения, всего лишь тенденция в общественном мнении. При большевиках она приняла характер планомерной государственной политики. В 1918–1919 гг. началось снятие памятников, установленных в конце XIX — начале XX в. Всего в этот период было

ликвидировано около десяти монументов: несколько скульптурных фигур и бюстов Петра I (на Адмиралтейской набережной, у здания Нового Арсенала, на Большеохтинском проспекте); конный памятник великому князю Николаю Николаевичу-старшему, командующему русской армией в войне с Турцией 1877–1878 гг. (на Манежной площади); памятники-бюсты Александру I, Александру II и др.²¹⁸ Ряд авторов ликвидированных монументов (как, например, И.Я. Гинцбург и В.В. Лишев) стали в дальнейшем видными деятелями советского монументального искусства. Этот факт, по-видимому, можно считать свидетельством того, что отнюдь не художественные качества памятников послужили причиной их снятия.

Во время проведения первых «красных» празднеств 1918 г. конный памятник Александру III скульптора П.П. Трубецкого на площади Восстания (Знаменской) неизменно закрывался специальными щитами с лозунгами. С 1919 г. эти сооружения, маскирующие памятник, приняли форму «трибун», которые каждый раз имели разную конфигурацию и величину. Такое решение, пожалуй, можно признать неудачным даже с точки зрения замысла той же монументальной пропаганды. Символическое значение скульптуры Трубецкого оказалось недоступно как авторам «трибун», так и широкой революционной публике. На это указывали некоторые современники. «Глупые люди не поняли глубокого национально-революционного смысла бессознательно отлитого П. Трубецким в его статуе, — писал публицист А.С. Изгоев, — <...> они укрыли его от глаз народа и превратили в символ своей революционной пошлости».²¹⁹

В 1918 г. родилась символика коммунистической России: новый герб, красная звезда — символ Красной Армии, государственный гимн — «Интернационал». Красный флаг также стал государственным символом Советской России. Слово «товарищ» превратилось в официальное обращение. Эта символика сразу же активно внедрилась в городскую жизнь: новые эмблемы и флаги появились на стенах и крышах зданий, любое собрание неизменно заканчивалось хором пением «Интернационала», его же пели хором дети в школах; помещения официальных учреждений, общественных организаций, школ, клубов, библиотек

украсили сотни портретов основоположников марксизма и «вождей пролетариата» и т. д.

С 1918 г. Петроградский Совет приступил к переименованию улиц и площадей города. Конечно, в первую очередь менялись названия, напоминавшие о «старом режиме», на другие, которые были связаны с представлениями о новых временах и героях. Так, Большая Дворянская улица превратилась в 1-ю улицу Деревенской Бедноты, Кадетская линия — в Съездовскую, Суворовский проспект — в Советский, Конногвардейский бульвар — в бульвар Профсоюзов, Николаевская набережная — в набережную Лейтенанта Шмидта, Полицейский мост — в Народный. Однако и совершенно нейтральные в этом отношении топонимы стирались с лица города во имя торжества новых идей. Знаменитый Невский проспект стал проспектом 25-го Октября, Садовая улица — улицей 3-го Июля, Литейный проспект — проспектом Володарского, Лафонская площадь (перед Смольным) — площадью Диктатуры, Гороховая улица — Комиссаровской улицей, Большой проспект Васильевского острова — проспектом Фридриха Адлера, Большой проспект Петроградской стороны — проспектом Карла Либкнехта, Адмиралтейский проспект — проспектом Рошалья, Выборгское шоссе — проспектом Энгельса и т. д. Перечень многих улиц, проспектов и площадей начал напоминать мартиролог «героев и мучеников революции».

Первая волна переименований оказалась наиболее сильной: за 1918 г. появилось 54 новых названия²²⁰, в основном в центральной части города. Следующие два года не идут ни в какое сравнение с этим топонимическим взрывом. В 1919 г. возникло всего четыре новых наименования: Детскосельская улица (бывшая Царскосельская), набережная Красного Флота (Английская), переулок Леонова (Замятин) и улица Толмачева (Караванная); а в 1920 г. — только два: остров Трудящихся (Каменный) и переулок Подбельского (Почтамтский). Следующее после 1918 г. массовое переименование (значительно более масштабное) было проведено уже в 1923 г.

В еще большей степени должны были служить делу увековечения новых героев и пропаганде новых идей памятники, подлежащие установлению в городах России по декрету Совнаркома.

В Наркомпросе был срочно составлен список имен исторических деятелей, в честь которых предполагалось воздвигнуть монументы, и утвержден Совнаркомом 30 июля 1918 г.²²¹ Установление скульптурных памятников рассматривалось как основа всей программы монументальной пропаганды, так как монументальная скульптура могла в наибольшей степени повлиять на изменение городской архитектурно-пространственной среды, воздействуя на чувства людей, обитавших в этой среде.

Первым в Петрограде, 22 сентября 1918 г., был торжественно открыт памятник А.Н. Радищеву работы скульптора Л.В. Шервуда. Он представлял собой небольшой гипсовый бюст, установленный в символическом проломе решетки на углу ограды сада Зимнего дворца со стороны Дворцовой набережной. К первой годовщине большевистской революции в Петрограде прошли церемонии открытия еще нескольких монументов. На Невском проспекте у здания Городской думы был установлен бюст Ф. Лассаля, выполненный из дерева скульптором В.А. Синайским; у Тучкова моста — памятник Н.А. Добролюбову (автор. Ф.К. Заале); у Смольного — памятник К. Марксу (автор А.Т. Матвеев). Затем до конца 1918 г. были открыты памятники: Н.Г. Чернышевскому на Сенатской площади, Г. Гейне у здания Петроградского университета, Т.Г. Шевченко возле мечети, С. Перовской на площади Восстания. К весне 1919 г. в городе появились еще два памятника: А.И. Герцену у Литейного моста, и Дж. Гарибальди у Московских ворот²²². На этом завершился наиболее бурный период монументальной пропаганды в ее скульптурной части. Но открытие памятников продолжалось: всего за 1918–1920 гг. в Петрограде было установлено около 20 скульптур.²²³

Нельзя сказать, что кампания монументальной пропаганды проходила гладко и вполне удовлетворяла поставленным перед ней задачам. Из-за отсутствия необходимых материалов и спешки все памятники были исполнены в гипсе и других хрупких и недолговечных материалах. Они, конечно, не могли увековечить имена и образы, которым были посвящены. Через четыре месяца после открытия памятника Радищеву, 19 января 1919 г., гвардеец-охранник (милиционер) 2-го Городского района докладывал: «Довожу до сведения коменданта, что сего числа во время моего

дежурства в 5 часов утра, памятник, поставленный на углу у бывшего Зимнего дворца товарищу Радищеву, упал и разбился»²²⁴. Подобная судьба постигла почти все монументы, установленные в 1918–1920 гг.: Гарибальди, Бланки, Гейне и др.²²⁵ Исключение составляют памятник Ф. Лассалю, который в 1921–1922 гг. перевели в гранит и который мог бы сохраниться до нашего времени, если бы не был снят в 1938 г., и памятник-мемориал на Марсовом поле.

Несовершенство материала вызывало неблагоприятное эстетическое впечатление от памятников, подчеркивало их художественные недостатки. Многие скульптуры были слабы и по замыслу, и по пластической выразительности, и по композиции. Портретные изображения создавались обычно в виде небольших бюстов, никак не увязанных с окружающей городской средой: ни масштабно, ни декоративно, ни стилистически. По существу, как писал нарком просвещения А.В. Луначарский, это были не памятники, а статуи или даже наброски статуй. Поиски необычного пластического решения приводили иногда к эффекту, прямо противоположному идее монументальной пропаганды. Характерный пример — экстравагантный символический памятник С. Перовской итальянского скульптора О. Гризелли. Он представлял собой большую голову-герму, выполненную в энергичной кубофутуристической манере и не имевшую никакого портретного сходства с оригиналом. А.В. Луначарский позднее писал, что когда впервые открыли этот памятник, «то некоторые прямо шарахнулись в сторону, а З. Лилина на самых высоких тонах потребовала, чтобы памятник был немедленно снят»²²⁶. Скульптура Гризелли явно была не в состоянии выполнять пропагандистские задачи, она не только не вызывала ассоциаций с образом революционерки, но и оставляла гнетущее чувство в душе горожанина. 8 апреля 1919 г. Петросовет постановил снять этот памятник²²⁷.

Но не одни только авангардистские изыски футуристов вредили делу монументальной пропаганды. Не менее тягостное впечатление производил установленный в 1920 г. перед фасадом Дворца труда натуралистический колосс скульптора М.Ф. Блоха под названием «Великому Металлисту», составлявший резкую дисгармонию с окружающей архитектурой. Немалый конфуз

произвела другая скульптура того же автора — гигантская статуя рабочего с молотом, названная «Освобожденный труд». Ее установили на Каменном острове ко дню открытия домов отдыха для рабочих 20 июля 1920 г. Это была десятиметровая мускулистая мужская фигура, явленная во всей натуралистической наготе. Любопытное описание того, как рабочие, шедшие колоннами на торжества, восприняли это произведение, оставила в своих воспоминаниях художница В.М. Ходасевич: «...первые ряды уже вступали на площадь и, окончательно ошеломленные, останавливались перед скульптурой непристойно белого, гипсового, мускулистого „Пролетария“ и медленно обходили его вокруг. Начались такие высказывания, что хоть я и помню их, но неловко это написать, хотя многое было даже остроумно»²²⁸. В конце концов, присутствовавшие на празднике члены Петроградского Совета заставили М.Ф. Блоха за одну ночь надеть на обнаженную фигуру фартук. Наутро у разволновавшегося скульптора был сердечный приступ.

Все же по уровню творческих сил Петроград находился в более выгодном положении, чем многие другие города России. «Уровень всех памятников, поставленных в Петербурге, вообще выше среднего <...>, — говорил А.В. Луначарский на заседании Совета комиссаров Союза коммун Северной области 17 февраля 1919 г., — у нас есть превосходные памятники, и некоторые заслуживают того, чтобы быть отлитыми из бронзы»²²⁹. Вместе с тем организация оценки и отбора проектов была ускорена и упрощена, что не могло не повлиять на их качество, — все шло в быстром темпе, в спешке, обусловленной стремлением к скорейшему преобразованию городской среды, созданию облика «социалистического города».

Еще одним направлением монументальной пропаганды, предусмотренным декретом Совнаркома, было декорирование городских улиц для проведения революционных праздников и других торжеств.

Празднества уже в первый год советской власти начали приобретать новые формы, отличавшие их от народных, церковных и официальных праздников дореволюционной эпохи. Сохраняя обрядовую торжественность, эмоциональную приподнятость, а также сакральное значение, они в то же время из закрытых

помещений (церковь, театр) переносят основное действие на улицу, где перемешиваются ритуальные (митинг — как обрядовый акт, речь — проповедь, хоровое пение — молитва) и чисто игровые и театрално-зрелищные элементы (театрализованное шествие и представление, выступление ансамблей, танцы, гулянья и т. п.).

Первый революционный праздник, празднование которого в нелегальных условиях имело место в России еще до Первой мировой войны и возобновилось после Февральской революции, был «Международный день солидарности трудящихся» — 1 Мая. Среди новых праздников он составлял исключение, так как не нес в себе память о каком-либо историческом событии. Не связанный с реалиями прошлого, он должен был символизировать коллективизм настоящего во имя идеального будущего.

Однако основная часть праздников красного календаря, который сформировался в течение 1918–1919 гг., основывалась на исторических и памятных датах. В этот период к 1 Мая прибавилось еще несколько официальных празднеств: «День „Кровавого воскресенья“» (9 января), «День Красной Армии» (23 февраля), «День Парижской коммуны» (18 марта), «Память июльских дней» (3–6 июля), «День Октябрьской революции» (7 ноября). Установились традиционные центры, к которым направлялись праздничные шествия и где проводились митинги и другие ритуальные действия. Сначала таким местом было Марсово поле (поле Жертв Революции), затем, с 1920 г., Дворцовая площадь (площадь Урицкого).

Проведению празднеств придавалось большое значение. При Петроградском комитете РКП(б) создавались специальные комиссии по организации торжеств. В феврале 1920 г. был образован постоянный руководящий центр — секция пролетарских празднеств при Петроградском отделе народного образования. В нее вошли представители партийных, советских, военных и профсоюзных организаций²³⁰.

Первым большим советским празднеством было 1 Мая 1918 г. В этот день в Петрограде впервые было применено массовое декорирование улиц и площадей. Огромное количество плакатов и лозунгов покрыло фасады зданий. Появился новый элемент декорирования: гигантские красочные панно, как правило,

с необычными кубофутуристическими композициями, созданными художниками «левых» направлений. В праздничном городе доминировал красный цвет. Газета «Известия ЦИК» писала: «Вдоль всего Невского проспекта, по всем мостам через Неву тянулись гирлянды красных флагов. Дома пестрели красными знаменами и майскими плакатами. Огромными плакатами были украшены здания Городской Думы, Публичной библиотеки, Мариинского, Зимнего и Мраморного дворцов. Памятники бывших царей закрыты полосами красной материи»²³¹.

Празднование первой годовщины Октябрьской революции было еще более грандиозным. Организация торжеств проводилась в соответствии с непростой психологической задачей, поставленной Наркомпросом, — создать атмосферу для «повторного переживания массами революционного порыва». К праздничному оформлению города были привлечены почти 200 художников всех школ и направлений, среди которых имелось немало известных мастеров. Они создали сотни агитационных плакатов и транспарантов, декорировали площади города сериями панно различной тематики. Так, Б.М. Кустодиев свою серию панно на Ружейной площади посвятил разным видам труда и ремесел; М.В. Добужинский, работавший над зданием Адмиралтейства, — морской теме; К.С. Петров-Водкин на Театральной площади — историческим и сказочным сюжетам и т. д. Таким образом, определенная часть изображений имела в основном декоративный и художественный характер, хотя, конечно же, бóльшая часть панно преследовала агитационные цели. (В дальнейшем, по мере усиления контроля над оформлением празднеств, такая «аполитичность» уже не допускалась. В 1920 г. Н.К. Крупская, наставляя работников политпросветов, настойчиво подчеркивала, что «все области художественной работы должны быть использованы не как развлечение, а как агитация партийных задач»)²³².

В некоторых местах города: на Литейном проспекте, в Гавани и др. были сооружены временные триумфальные и декоративные арки. Большую арку с дымящимся жертвенником на куполе, по проекту И.Г. Лангбарда, установили в начале аллеи, ведущей ко входу в Смольный. Само здание Смольного художник Я.М. Гуминер обильно декорировал панно и более мелкими

живописными элементами, расписанными в духе революционной патетики. Другой центр празднества — Дворцовую площадь — оформил Н.И. Альтман, который разместил три больших панно на зданиях Главного штаба и Зимнего дворца и соорудил трибуну вокруг Александровской колонны, заключенную в композицию из геометрических конструкций разных размеров, форм и цветов. «Мне пришлось повоевать за то, чтобы сломить монополию красного цвета на празднествах», — писал позднее художник²³³.

6 ноября 1918 г. в 12 часов ночи 25 пушечных выстрелов с кронверков Петропавловской крепости возвестили горожанам начало празднеств. С раннего утра толпы народа начали стягиваться к Смольному — месту открытия торжеств. Здесь в 10 часов утра у вновь установленного памятника К. Марксу, задрапированного красной материей, нарком просвещения А.В. Луначарский открыл митинг. Затем, как писала одна из газет, «комиссар изобразительных искусств тов. Пунин под звуки „Интернационала“ скидывает покрывало со статуи. Раздаются крики: „Ура“, „Да здравствует мировая социальная революция“. Затем тов. Пунин от имени отдела изобразительных искусств подносит тов. Луначарскому фарфоровую статую Карла Маркса, исполненную на государственном фарфоровом заводе. Такую же статую отдел подносит тов. Ленину. Делегации городских районов, Красной армии, Красного флота и комитетов деревенской бедноты проходят мимо памятников»²³⁴.

Последующим поколениям большая часть этих праздничных картин показалась бы достаточно знакомой и привычной, но для современников все это было внове. Однако непринужденного веселья, легкого праздничного настроения события праздника у них не вызывали. В колоннах демонстрантов в эти годы обычно царил суровая и мрачная атмосфера. «Чем-то напряженным, почти зловещим дышали они в 19 и 18 годах, — писал один из участников. — Манифестация была тогда не только празднеством-юбилеем, это был смотр сил. Атмосфера во время демонстрации была насыщена духом борьбы, мостовые пылали»²³⁵. Это массовое черно-белое ощущение подчеркивалось общим подавленным настроением, вызванным условиями войны, голода и тяжелого материального положения.

Но, может быть, стоит отделиться от колонн демонстрантов и взглянуть на красные празднества глазами той части горожан, для которой они были явлением чуждым, странным и даже нелепым, у которой вся обстановка празднования вызывала иронию и насмешку. Известная писательница З.Н. Гиппиус, например, накануне маевки 1918 г. писала в дневнике: «В среду на Страстной — 1 мая по новому стилю. Владыки устраивают „праздник“ своему „народу“... Будут возить какие-то колесницы с кукишами гигантскими (старый мир) и драконов (новый мир, советская коммуна). Потом кукиш сожгут, а дракона будут венчать. Футуристы жадно этим занялись, мажут плакаты. Луначарский обещает еще „свержение болванов“ — памятников царей»²³⁶. В том же духе отзывался о первомайских празднествах 1918 г. один из столичных аристократов: «Сегодня официальный праздник пролетариев. Занятий и работ нигде нет, все магазины закрыты, трамваи не ходят. На Дворцовой площади, на Мариинском дворце, на Городской думе потрясающие футуристические плакаты. Эти огромные простыни размаlevаны самым невероятным образом. На Дворцовой площади смотр „революционным силам Красного Петрограда“, то есть первомайский парад Красной армии... Вечером палили с судов, стоящих в Неве, и должны были, иллюминированные, дефилировать колесницы. На улицах спокойно. Буржуев не видно, да и рабочих немного, все больше обтрепанные товарищи и прочий революционный пролетариат»²³⁷.

Другой представитель старой интеллигенции Петрограда, литератор-публицист А.С. Изгоев с иронией писал о приготовлениях к торжествам первой годовщины Октября: «Город украшался, конечно, в красный цвет. Все было затянуто красными полотнами. Футуристы выставили какие-то плакаты: ноги шли отдельно, голова оставалась позади, руки, тоже независимо от туловища, болтались где-то наверху. Было красиво и красно. Особенно запомнился мне огромный красный колпак, надетый на думскую каланчу²³⁸. Точь-в-точь как у клоунов в цирке. Колпак с широкими полями, только все в огромных размерах»²³⁹.

Как видим, главное впечатление производило оформление города «левыми» художниками. Презрительная оценка «футуристов» — это не только непонимание их творчества и отношение

к ним как к хулиганствующей богеме, но и реакция на их союз с большевиками. Однако новое искусство не вызывало интереса и у «низов». По свидетельству современника, «чужими и непонимающими шли манифестирующие колонны мимо... фантастически искаженных фигур с молотами и винтовками в простенках питерских зданий»²⁴⁰. Сами большевики также не жаловали «левых». Исполком Петросовета 10 апреля 1919 г. в связи «с жалобами из районов на футуристическое засилие, наблюдавшееся на всех наших предыдущих празднествах», постановил: «Ни в коем случае не передавать организацию первомайского празднества в руки футуристов из отдела „изобразительных искусств“». При этом руководство Петросовета выразило полное согласие «с теми рабочими, которые указывают на то, что футуристические крайности до сих пор только портили рабочие праздники»²⁴¹.

Действительно, экспериментальное искусство было (и не могло не быть) совершенно непонятно широким слоям населения и потому оказалось неуместным на улицах города. Оно являлось таким же чуждым и для партийных вождей, вкусы которых, как правило, воспитывались на традиционных образцах²⁴². Таким образом, общее непонимание творчества левых художников делало бессмысленным использование его в целях пропаганды. Для этих целей требовалось искусство массовое, популярное, приспособленное к уровню восприятия толпы и уж во всяком случае предметно-реалистическое. Впрочем, «футуристы» продолжали участвовать в оформлении праздников, но под наблюдением специальной комиссии Петросовета.

В 1919 г. в проведение празднеств вносятся некоторые новшества, которые определили дальнейшее развитие форм советских торжеств. Начиная с 1 мая 1919 г. в ход празднования внедряются элементы театрализации и нового декоративного оформления праздничных колонн. Вместе с демонстрантами на улицы вышли карнавальные шествия с участием актеров, загримированных под «буржуев» и «врагов революции». В пеших колоннах появилось больше «колесниц» — празднично декорированных автомобилей. Так, колонну Балтийского завода возглавлял автомобиль, на котором возвышался огромный глобус, опоясанный синей лентой с надписью «Интернационал». Несколько автомобилей

было оформлено в виде палаток из еловых ветвей, декорированных флагами и транспарантами. Отряды военных матросов вывели на улицы автомобили-грузовики в виде кораблей. Один агитационный автомобиль вез большую клетку, наполненную ряжеными под городских, с надписью: «Прежде кусался — теперь испугался».

На Марсовом поле, месте сбора всех праздничных колонн демонстрантов, был введен ритуал принесения символической присяги. Для этого установили наковальню, по которой ударили молотом вожаки проходящих колонн. Центральным событием праздника стало ритуальное сожжение чучела дракона с надписью «Империализм» на площади Революции (Троицкой) под звуки «Интернационала», крики «Ура!» и выстрелы орудий с судов-грузовиков²⁴³. С 1919 г. вследствие недостатка материалов праздники стали более скромными. Октябрьский юбилей оказался в значительной степени скомканным из-за наступления на Петроград армии белых. К осени 1920 г. в городе иссякли запасы тканей, и количество транспарантов сильно сократилось. Украшения изготавливались в основном из дерева и еловых веток.

Появилась еще одна форма советского праздника, которая сразу же приобрела яркий обрядовый характер. По решению IX съезда РКП(б) об усилении хозяйственной пропаганды постановлением председателя Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности Ф.Э. Дзержинского празднование 1 Мая 1920 г. было превращено в гигантский всероссийский субботник, результаты которого должны были стать «памятником коммунистического труда». При этом в постановлении большое значение придавалось художественному оформлению субботника для усиления его пропагандистского воздействия на массы. Поэтому Петроградский комитет партии для проведения субботника образовал четыре комиссии: 1) декоративную, 2) по разработке плана субботника, 3) театрально-музыкальную и 4) по участию детей в празднестве²⁴⁴.

Наиболее массовые субботники в Петрограде проводились в двух местах: у Зимнего дворца и на Марсовом поле. Рано утром прозвучал пушечный выстрел — знак начала работ. По этому

сигналу, под торжественную музыку военных оркестров, семитысячная толпа начала разбирать ограду сада Зимнего дворца. Работа закончилась к двум часам дня. Дворцовая набережная оказалась загроможденной огромными каменными глыбами и связками металлических решеток: в этот день, в разгар праздника, их не успели увезти, а позднее уже не хватало рабочих рук. Даже спустя несколько лет, вплоть до 1924 г., этот «памятник коммунистического труда» все еще украшал собой набережную. Если «работа» у Зимнего явилась символом разрушения старого мира, то Марсово поле стало ареной «созидания новой жизни». Это зрелище было еще грандиознее. Собравшимся здесь 16 тысячам человек предстояло в один день превратить каменистую, пыльную площадь в цветущий сад. Участников субботника разбили на четверки, и работа началась. Для создания праздничной атмосферы в четырех углах поля безостановочно играли оркестры. Несколько театральных трупп разыгрывали драматические сцены. Рабочие поэты из Пролеткульта читали свои стихи. Братские могилы окружало множество красных знамен, сложенных манифестантами. К 6 часам вечера было посажено до 60 тыс. кустов вербы и акации. Сад вскоре зазеленел, но... ненадолго. К середине лета растения, посаженные неумелыми руками на тонкий слой невозделанной почвы, под которым находились кирпичи, погибли.

Рассматривая субботник с точки зрения здравого смысла, можно было бы сделать вывод о бесполезности, даже бессмысленности его итогов. Но в том-то и дело, что практические результаты на этом «празднике труда» отнюдь не были главным. Существенное заключалось в самом процессе совместной работы как коллективного обряда, в ее объединяющей роли, в ритуально-символическом значении коллективных действий и чувствований — в том, что роднило эти обрядовые действия с театром. Характерно, что такой специалист в сфере театра, как режиссер А.И. Пиотровский, дал высокую и даже восторженную оценку зрелищной стороне петроградского субботника: «Посадка сада имела <...>, как и разрушение ограды, чисто символическое, зрелищное значение. Это не делает изумительное явление менее значительным. Это лишь дает ему большее право на место в хронике празднеств»²⁴⁵.

Другое необычное для того времени зрелищно-ритуальное действо, в котором участвовали десятки тысяч людей, состоялось через год, в день празднования 1 Мая 1921 г. Это была церемония принятия «торжественного обещания» (присяги) военнослужащими Красной армии. Эта церемония впервые проводилась в таком массовом порядке. Весь ритуал, оформленный очень красочно и зрелищно, проходил на площади Урицкого вокруг нескольких центров, которыми являлись автомобили-эстрады. Окружавшие их воинские части хором повторяли слова «торжественного обещания». Им вторило эхо. Вокруг площади шествовала группа знаменосцев, и над головами присутствующих мерцал символический дождь — тысячи бумажных звезд, сброшенных с аэропланов. Это зрелище производило впечатление даже на зрителей, по своему духу и настроению весьма далеких от красных празднеств. «Сияло солнце... Вдалеке стоял в небе голубой аэростат <...>, — писал один из них. — А высоко, высоко кружились быстрые аэропланы и что-то сбрасывали. По-видимому, листовки. И они, медленно падая, долго, долго серебрились на солнце»²⁴⁶.

Эмоциональный подъем, вызываемый подобными обрядами, был результатом не только массовости, внешней красочности и грандиозности этих хорошо отрежиссированных зрелищ, невиданных никогда прежде, но и внутренней атмосферой ритуала, насыщенной героико-романтическим духом, который призван объединить в едином порыве тысячи людей. Ощущение причастности к некоему всеобщему великому свершению охватывало участников этих действий и превращало обрядово-бытовой акт в священнодействие.

Зрелищная сторона праздничных торжеств требовала наиболее тождественной формы выражения. Это соответствовало потребностям и политической элиты, нуждавшейся в наилучших способах приобщения масс к новым социальным ценностям, и элиты художественной, искавшей новые пути и формы в искусстве, и, наконец, самих масс, уровень и характер мироощущения которых влек их к самовыражению в коллективной игре. Все это вызвало небывалое массовое распространение непрофессионального театра и рождение таких его новых форм, которые в течение очень короткого времени создали целую эпоху в истории театрального искусства.

Особое значение имели, характерные именно для периода военного коммунизма, массовые сценические действия на открытых площадках, которыми служили собственно площади города. Их участниками были в большинстве простые красноармейцы, но постановку осуществляли профессиональные режиссеры и художники. Они с большим энтузиазмом принялись за реализацию новых форм «свободного» уличного театра. В их среде родились идеи «театрализации жизни» (Н.Н. Евреинов), превращения советского праздника в «соборное действо» с хорами, ритмико-пластическими движениями масс, с символично-мифической обрядностью (Вяч.И. Иванов)²⁴⁷. Один из участников этих постановок в упоении писал: «Театр — где сценой служит весь город, вся страна, театр — где участвуют десятки тысяч, миллионы граждан... При одной мысли о таком театре невольно кружится голова...»²⁴⁸ Разумеется, в таких масштабах фантазии художников никогда не осуществлялись, но наиболее значительные эпизоды массовых действий в Петрограде оставили у современников незабываемые впечатления.

Со своей стороны, руководство РКП(б) и Наркомпроса придавало большое значение организации театрализованных празднеств, понимая их важную роль в воздействии на психологию масс. Задачей было создание атмосферы сопереживания и эмоционального подъема, в которой ощущение единства и силы своего сообщества стимулировалось непосредственным участием в праздничном движении, театрализованных играх, хоровом пении, спортивных или военизированных упражнениях и других игровых действиях. При этом решающее значение имело руководство большой массой людей, ибо, как писал А.В. Луначарский, «никак нельзя ждать, чтобы толпа сама по себе могла создать что-нибудь, кроме веселого шума и пестрого колебания»²⁴⁹. Недаром режиссеры предпочитали использовать в массовых постановках красноармейцев, привычных к дисциплине и команде.

Театрализованные действия разыгрывались на сюжеты революционных событий. Их общее настроение вполне может быть уподоблено духу средневековых мистерий — инсценировок эпизодов евангельской истории на площадях европейских городов во время религиозных праздников. На них царил восторженный

пиетет, коллективное возбуждение и сопереживание событий игры участниками и зрителями. «Это были празднества военного коммунизма, — писал один из руководителей этих постановок, режиссер А.И. Пиотровский. — <...> Для каждого очевидца этих зрелищ гигантский подъем, ими вызываемый, был ясен и несомненен. Героические празднества эти были неотъемлемой частью героических лет»²⁵⁰. Действительно, с наступлением практицизма нэпа эти грандиозные зрелища с их трагедийным пафосом прекратили существование, а представления на сюжеты революционной тематики замкнулись в стенах агитационных театров.

В начале 1919 г. в Петрограде была организована театральнo-драматургическая мастерская Красной армии под руководством Н.Г. Виноградова, в которую вошло около 200 участников красноармейской самодеятельности. Создатели мастерской поставили задачу «основать новый героически-монументальный театр, проникнутый духом классовой борьбы пролетариата».²⁵¹ Постановки этой мастерской, хотя и осуществленные главным образом в театральных помещениях, оказали немалое влияние на позднейшие массовые уличные представления. К годовщине Февральской революции в марте 1919 г. в Железном зале Народного дома мастерская поставила весьма своеобразное «игрище» под названием «Свержение самодержавия». Состав участников был полностью непрофессиональным, текст — импровизационным, диалог сочетался в постановке с хоровым пением. Основу драматургического и сценического построения во многом определяли обрядовые принципы манифестации и митинга. Развитие действия выразалось в шествиях, атаках и иных формах перехода основной массы исполнителей с одних подмостков на другие. 11 мая 1919 г. петроградцы стали зрителями еще одного спектакля мастерской, разыгранного уже под открытым небом и названного «Действо о III Интернационале».

Импровизационные начала «игрища» «Свержение самодержавия» способствовали постоянному видоизменению этой инсценировки. Она приобрела окончательную форму к октябрьскому юбилею 1919 г., после неоднократных постановок в разных помещениях и на открытых площадках. К основному материалу прибавилась балаганная интермедия о Временном правительстве

и штурме Зимнего дворца, а «игрище» получило название «Красный год»²⁵².

К празднику 9 января 1920 г. театральнo-драматургическая мастерская разыграла в Народном доме инсценировку «Кровавое воскресенье», ко второй годовщине Красной армии в феврале 1920 г. — постановку «Меч мира» в цирке Чинизелли, в марте — спектакль «Гибель коммуны» в Оперном театре Народного дома. В каждом представлении участвовало от 100 до 150 человек. Все эти зрелища строились, в сущности, на единых принципах. Они трактовали реальные исторические события с использованием приемов условной театрализации и символики. Так, в «Мече мира» красноармейцы говорили белым стихом, а «Троцкий» разрывал «свиток» Брестского договора с жестом актера классической трагедии. В то же время на сцене точно воспроизводились элементы военного парада, ритуал освящения знамени, инсценировка боя и т. п. Уже в инсценировках «Кровавое воскресенье» и «Красный год» вполне наметились характерные черты и композиционно-стилистические приемы, которые получили развитие в позднейших массовых постановках. Центр композиции составляла «масса» — толпа рабочих или революционеров — и «хор», действия которого согласовывались в единстве движения, пения, декламации. «Хор» (а в некоторых случаях и «масса») не был ни загримирован, ни костюмирован и ничем не отличался от массы зрителей. Таким образом, «хору» принадлежала важнейшая роль в спектакле: он осуществлял постоянную связь со зрителями, обеспечивал их активное эмоциональное участие в представлении, в развитии сценического действия, давая реальную возможность зрителю отождествить себя с «хором», которому противостояли нарочито театрализованные «маски» — символические буффонадные фигуры «врагов революции». В постановке «Кровавое воскресенье» ими были «царь», «Гапон», «полицейские». Реальность «хора» оттенялась иллюзорностью «масок». Самоотождествление зрителей с «хором» усиливало их возвращение к этим фантастически искаженным образам.

1 мая 1920 г. театрализованные зрелища разыгрывались уже на улицах и площадях Петрограда. Целая армия профессиональных актеров буквально оккупировала Летний сад и другие сады

и площади в центре города. По Фонтанке, Мойке и Лебяжьей канавке плавали украшенные цветами и разноцветными фонариками лодки, с которых звучали песни и агитчастушки. Весь день по улицам разъезжали десять трамваев, покрытых ярко размаляванными фанерными щитами, и три грузовых автомобиля с агитбригадами. Они представили свыше ста инсценировок, уровень которых был рассчитан на вкусы уличной толпы: аллегорические сценки, шутки, акробатические приемы, буффонада. В духе балаганного гротеска изображались фигуры «врагов революции»: Керенский в виде жестикулирующего попрыгунчика, Деникин с виселицей в руке и т. п.²⁵³

В тот же день состоялось первое массовое уличное театрализованное зрелище «Мистерия освобожденного труда», разыгранное у портала Фондовой биржи с использованием декораций и театральных костюмов. В нем участвовало около двух тысяч человек красноармейцев и актеров, большой хор и оркестр под управлением Г. Варлиха. Руководил постановкой режиссер и музыкант Д.П. Темкин. Авторами режиссуры и декораций были: Ю.П. Анненков, М.В. Добужинский, А.Р. Кутель, В.А. Щуко, С.Д. Масловская. На спектакль собралось около 35 тыс. зрителей. «Мистерия» состояла из трех актов, действие которых происходило в основном на ступенях лестницы и в портале биржи. Первый акт демонстрировал тяжкий труд рабов и разгул угнетателей. Во втором акте проходили пантомимические картины истории борьбы рабов с угнетателями и триумфальной победы пролетариата. Последний акт являлся апофеозом свободной радостной жизни. Вокруг символического «Древа свободы» все народы слились в радостном хороводе под звуки «Интернационала». Этот финальный эпизод произвел наибольшее впечатление на присутствующих. Наэлектризованная публика прорвала проволочные ограждения, ринулась к portalу биржи и присоединилась к пению. Зрители перемешались с актерами²⁵⁴. Это характерный пример превращения в массовом сознании иллюзий, рожденных искусством, в реальность жизни. Такая способность внушения (несмотря на всю условность театрального действия и некоторые просчеты режиссуры: недостаточно мощное звучание музыки, неприспособленность техники сценического движения и жеста

к масштабам зрительской аудитории и др.) свидетельствовала о больших возможностях подобных постановок в решении задач овладения психологией народных масс.

Следующий массовый спектакль под открытым небом «Блокада России» был приурочен к торжественному открытию домов отдыха для рабочих на Каменном острове 20 июля 1920 г. Руководила постановкой заведующая петроградским театральным отделом М.Ф. Андреева при участии режиссера С.Э. Радлова, архитектора И.А. Фомина и художников В.М. Ходасевич и С.В. Чехонина. Сценической площадкой стал небольшой остров посреди пруда, символизировавший РСФСР, который атаковали «империалистические державы». Действие развивалось по буффонадно-сатирическому сценарию с клоунадой и акробатическими трюками, вызывавшими восторг и аплодисменты неприятельных зрителей. Кульминацией зрелища было столкновение двух «эскадр», советской и империалистической, в составе нескольких яликов и лодок, заgrimированных под военные суда. После победы советской «эскадры» начался «апофеоз» — массовая красочная манифестация на суше и на воде, в которой участвовало 750 красноармейцев. «Фейерверком, аплодисментами и овациями зрителей — а их было по меньшей мере тысяч двадцать... — кончился спектакль, доставивший и нам, осуществившим его, большую радость, — вспоминала В.М. Ходасевич. — А я и Радлов с тех пор сделали энтузиастами массовых постановок под открытым небом»²⁵⁵.

Через месяц, в день открытия II конгресса Коминтерна, 19 июля 1920 г. у Фондовой биржи состоялось еще одно праздничное массовое действо «К мировой коммуне», поставленное под руководством М.Ф. Андреевой К.А. Марджановым, Н.В. Петровым, В.Н. Соловьевым, А.И. Пиотровским и С.Э. Радловым. Они привлекли к участию в инсценировке четыре тысячи исполнителей. Сценическое пространство спектакля включало площадь у лестницы биржи — место «рабов» — и площадку наверху — место «господ». Развитие действия заключалось в стремлении «рабов» наверх. По описанию А.И. Пиотровского: ближе к финалу «начинается своеобразный рост „реального пространства“. Площадь у биржи уже не только сценическая площадка — это осажденная

страна, РСФСР. Она оживает вся. На ростральных маяках перед биржей вспыхивают длинные языки огня, красноармейцы уходят куда-то через мост навстречу неприятелю. Враги за спиной у зрителя, над рекой. Там, в ночной темноте, — сумасшедшая переключка сирен (с миноносцев у Невы). Пушечные выстрелы из крепости. И вот — победа! На парапетах биржи — фигуры девушек с золотыми трубами. С Биржевого моста через площадь — парад кавалерии, артиллерии, пехоты — победоносное возвращение войск <...>, тянется шествие народов мира. Фейерверк»²⁵⁶. В постановке впервые была сделана попытка перейти от иллюзорного театрального действия к реальному, «настоящему». В действии участвовали настоящие автомобили, пушки, войска и т. п.

Это зрелище вызывало у зрителя состояние экстаического возбуждения, психический подъем, сравнимый с обострением религиозных чувств во время массового богослужения. О силе воздействия необычного представления свидетельствует отзыв иностранки (секретаря известного британского философа и общественного деятеля Бертрана Рассела), присутствовавшей на спектакле. «Я и не предполагала, что в наши дни может быть поставлено нечто вроде средневековой мистерии, — писала она. — Это была фактически мистерия, предназначение которой, уготованное ей высшими жрецами коммунистической веры, — наставлять народ... Спектакль в целом производил почти опьяняющее воздействие. Первое появление народных масс вызывало ощущение молчаливой и терпеливой силы, движущейся к какому-то пределу, а бешеный восторг пляшущей толпы возбуждал почти до экстаза. Зрелище продолжалось пять часов, если не больше, и приводило к эмоциональному истощению — говорят, такое же воздействие оказывали средневековые мистерии»²⁵⁷.

Самое массовое и грандиозное представление под открытым небом состоялось 7 ноября 1920 г. на Дворцовой площади. Оно же оказалось и последним в ряду «мистерий» периода военного коммунизма. Режиссеры и художники: Д.Н. Темкин, Н.Н. Евреинов, Ю.П. Анненков, А.Р. Кутель, Н.В. Петров и К.Н. Державин при участии около шести тысяч исполнителей поставили спектакль «Взятие Зимнего дворца» на том самом месте, где тремя годами раньше произошло это событие. В постановке использовалась

музыка наряду со световыми и звуковыми эффектами: выстрелами, шумом, прожекторами и т. п.

Напротив Зимнего дворца, по обеим сторонам арки Главного штаба художник-постановщик Ю.П. Анненков соорудил две сценические площадки, соединявшиеся мостками, и задник-декорацию. На одной площадке находились «красные», на другой — «белые». Здесь были разыграны сцены событий, предшествовавших штурму дворца. Зрелище, которое наблюдало до 100 тыс. зрителей, в целом было весьма впечатляющим, а отдельные эпизоды вызвали ощущение реальности. Ю.П. Анненков позднее, уже в эмиграции, с гордостью вспоминал: «...В спектакле принимали участие подлинные танки (вероятно, броневики — Е. Б.), подлинные пулеметы и, наконец, знаменитый крейсер „Аврора“, который, причалив к набережной вблизи Зимнего дворца, должен был, по сигналу из нашей режиссерской будки, сделать три „исторических“ холостых залпа... Действие начиналось в полной ночной тьме, пушечным залпом, вслед за чем освещался мост с фанфаристами, и начиналась симфония Гуто Варлиха (оркестр в 500 человек). Снова — тьма. Когда в симфонию вливалась „Марсельеза“, вспыхивал свет на правой, „белой“, эстраде, где зарождалась актерская игра. Вслед за этим освещалась левая, „красная“, эстрада, и, наконец, свет распространялся на обе эстрады, на мост и на самую площадь, через которую, появившись из-под арки Главного штаба, отряды красногвардейцев, с пулеметами и броневиками, рванулись к Зимнему Дворцу... Выстрелы, и опять — тьма. И вдруг — действие переносилось во внутренность Зимнего Дворца, где, в осветившихся окнах второго этажа, начались силуэтные сцены сражений...»²⁵⁸

Грандиозные масштабы, огромное количество участников, динамизм, красочность, эффектное оформление, сочетание сугубой театральности с бытовой реальностью, создающей иллюзию «подлинности» — все это делало массовые действия захватывающими зрелищами, запечатлевшимися в памяти современников и никогда больше не повторявшимися в таких необычных формах. (Попытки их реанимации в 1920-х гг. были тщетны). Эти зрелища соответствовали духу той эпохи, выражая свойственное ей ощущение всеобщего перелома, движения и обновления. «...Сотни

и тысячи людей двигались, пели, шли в атаку, скакали на конях, вскакивали на автомобили, неслись, останавливались и колыхались, освещенные военными прожекторами, под несмолкаемое звучание нескольких духовых оркестров, рев сирен и уханье орудий <...>, — писал режиссер С.Э. Радлов. — Была известная логика в том, что нэп приостановил развитие массовых празднеств... Празднества того времени создавались в дни массовых трудовых мобилизаций, грандиозных субботников... Людская масса была и главным материалом, из которого лепились наши зрелища»²⁵⁹.

Следует, правда, оговориться, что и 1 мая 1921 г. состоялись уличные праздничные зрелища. На площади Урицкого, на открытых подмостках у стен Зимнего дворца, была представлена пантомима-балет по мотивам пьесы Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна». На площади Восстания на помосте вокруг замаскированного памятника Александру III клубы рабочей самодеятельности разыграли эпизоды «Гибели Парижской коммуны». Спектакль сопровождался шествием костюмированных конных «герольдов». Однако оба эти представления носили характер обычных театральных спектаклей под открытым небом и очень мало имели общего с грандиозными «мистериями» 1920 г.

* * *

Ставя задачу формирования человека нового общества, или «нового человека», теоретики РКП(б) подчеркивали, что следует говорить о двух ипостасях этого человека. Если рассматривать его как члена будущего коммунистического общества, то следует признать, что это не более чем далекий идеал, к которому необходимо будет стремиться после радикального изменения существующих общественных отношений. В реальных условиях «переходного периода» этот тип гармонически развитого человека, о котором писали основоположники марксизма, не только недостижим, но и не нужен. В процессе классовой борьбы, утверждал А.В. Луначарский, нужно воспитывать не гармоническую личность, а сурового борца: «Мы гармонические цели предусматриваем, но в процессе борьбы надо быть иными»²⁶⁰. О том же говорил и Л.Д. Троцкий: «...Не отвлеченного гармонического и совершенного гражданина коммуны — о, нет, мы формируем конкретного

человека нашей эпохи <...>, гражданин коммуны будет не революционер», а «мы хотим создавать борцов, революционеров»²⁶¹.

Этот тип борца и революционера (который в дальнейшем заслонил собой идеал гармонической личности и из средства переходного периода превратился в самоцель) в годы Гражданской войны начал складываться уже весьма отчетливо, хотя как явление и не приобрел еще массового характера. Прежде всего, определенный тип советского нового человека возник в среде «пролетарского авангарда» — правящего класса нового общества. Этот тип вполне сформировался к концу Гражданской войны. Большевик-литератор В.И. Невский писал: «Петроградский рабочий вырос, приобрел опыт, многому научился, стал смелее, увереннее в себе <...>, это организатор человеческих масс... Он иногда не блестяще образован, его мозолистая рука с трудом держит карандаш... Он еще путает иностранные слова, но зато он политический и хозяйственно сознательный гражданин... Это новый и невиданный человек на Руси, это Советский чиновник»²⁶².

Эти советские чиновники — «совработники» разных уровней заполнили административные учреждения Петрограда. Конечно, их ряды состояли далеко не из одних выходцев из пролетарских или околопролетарских кругов. Меньшую часть составляли старые партийные кадры, занявшие, главным образом, высшие руководящие посты в петроградском аппарате власти и управления. Но большинство представляли новые люди, примкнувшие к РКП(б) в годы революции и Гражданской войны. Их отличало новое отношение к жизни, воля, решительность и практическая хватка — качества, которые, например, Л.Д. Троцкий считал главными для истинного революционера. Любопытно, что явление этих новых россиян отмечали почти в одинаковых выражениях совершенно разные люди. Н.И. Бухарин говорил о необходимом для Советской России «новом психологическом типе», который представляет собой «марксизм плюс американизм»²⁶³. В то же время Н.А. Бердяев отмечал появление среди соотечественников «нового антропологического типа», в котором уже не было «доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц». Новые лица были жестки по выражению, наступательны и активны. Этот тип, считал он, вышел

из многолетней войны и не имел ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию²⁶⁴.

Основная масса населения Петрограда, которая и являлась главным объектом всех рассмотренных выше форм политико-психологического воздействия новой власти, была далека от осознанного отношения к событиям политической и общественной жизни, инстинктивно принимая коллективно обусловленные представления и нормы поведения. Традиционные внешние коллективные регуляторы поведения, такие как, например, церковь, в этой среде были уже весьма слабы, благодаря социокультурной аморфности представителей этого социального слоя, их маргинальности по отношению как к народной сельской культуре, от которой они уже отделились, так и к профессиональной городской, которой они еще не освоили.

Непреодолимым препятствием для формирования индивидуальных внутренних норм и регуляторов поведения в этой социальной среде был низкий уровень грамотности. Средний уровень образования среди рабочих составлял 2,6 года начального обучения, в 1920 г. в Петрограде насчитывалось 19 % совершенно неграмотного населения²⁶⁵. Эти неграмотные и малограмотные городские слои были вполне подходящим объектом для наполнения ультрареволюционным содержанием. Недаром в разговоре с В.И. Лениным Клара Цеткин как-то заметила, что безграмотность народа сыграла в большевистской революции положительную роль: «Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву». Ленин согласился с этим выводом, но подчеркнул, что он справедлив *только для свержения старой власти*²⁶⁶. Ленин понимал, что революционность малограмотной массы имеет главным образом разрушительный характер, поведение этой массы неустойчиво и непредсказуемо. «Неграмотный стоит вне политики», — считал он. Поэтому массовая планомерная кампания по ликвидации неграмотности, начавшаяся с конца 1919 г., стала одним из важнейших пунктов политико-просветительной деятельности нового государства. Только за 1920 г. через школы и пункты ликбеза в Петрограде

прошло более 60 тыс. человек неграмотных²⁶⁷. Весь процесс обучения неграмотных и малограмотных взрослых граждан (как и общеобразовательная работа в обычной школе) не был разновидностью чисто просветительной работы. Он строился на различных формах и видах агитационно-пропагандистского материала. Обучение грамоте и сообщение элементарных знаний и сведений велось в преломлении политико-просветительных задач. Целям политического воспитания служили тексты для обучения грамоте, лозунги, листовки, газеты и т. п. Разнообразные формы агитационно-пропагандистской и воспитательной деятельности партии и государства, несомненно, оказывали значительное влияние на формирование социально-политических представлений основной массы населения. Несмотря на это, должны были пройти годы, прежде чем на основе этой народной стихии мог сформироваться, стать социальной реальностью и уже вполне массовым явлением тип «нового человека», или, другими словами, человека внутренне вполне соответствующего духу нового общества, его социокультурным нормам.

Наиболее быстро и успешно процесс социализации (то есть усвоения индивидуумом новых социальных норм и ценностей) шел в молодежной среде, которая, как известно, всегда более восприимчива к новым идеям и движениям. Тип «нового человека», вполне уже сформировавшийся в качестве «борца и революционера», был представлен определенной частью послереволюционного поколения, так сказать, «детьми революции», которые в годы Гражданской войны находились еще в детском или отроческом возрасте. Исходя из сказанного, годы военного коммунизма можно условно обозначить как период эмбрионального развития «нового человека», складывания основ этого типа ментальности в качестве массового явления.

Примечания

- ¹ Из выступления А.В. Луначарского на заседании исполкома Петроградского Совета в сентябре 1919 г.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 3. Д. 47. Л. 6–7.
- ² Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 41. С. 309–313.
- ³ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 98.
- ⁴ Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. М., 1921. С. 278–279.
- ⁵ Бухарин Н. Пролетарская революция и культура. Пг., 1923. С. 30.
- ⁶ Goldman E. My disillusionment in Russia. Garden City; New York, 1923. P. 111.
- ⁷ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 139.
- ⁸ Преображенский Е.А. О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923. С. 59.
- ⁹ Там же. С. 66–67.
- ¹⁰ Бухарин Н. Воспитание смены // Каким должен быть коммунист: Старая и новая мораль. Сборник. М.-Л., 1925. С. 23.
- ¹¹ Преображенский Е.А. Указ. соч. С. 63.
- ¹² Бухарин Н. Пролетарская революция и культура. С. 30.
- ¹³ Князев В. Красное евангелие. 4-е изд. Пг., 1918. С. 15,18.
- ¹⁴ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 124–126.
- ¹⁵ Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956. М., 1957. С. 15–17.
- ¹⁶ Стучка П. Народный суд в вопросах и ответах. М.; Пг., 1918. С. 32.
- ¹⁷ Нахимсон Ф. Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Советская юстиция. 1932. № 33. С. 29–30.
- ¹⁸ Майер Н. Служба в Комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции. Т. 7–8. М., 1991. Т. 8. С. 86.

- ¹⁹ Первые революционные суды в Петрограде // Исторический архив. 1957. № 1. С. 111–112.
- ²⁰ Мительман М. 1917 год на Путиловском заводе. Л., 1939. С. 207.
- ²¹ Крыленко Н.В. За пять лет. 1918–1922 гг. Обвинительные речи по наиболее крупным процессам. М.; Пг., 1923. С. 22.
- ²² Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930. С. 199.
- ²³ Галкин А. Первый трибунал // Советская юстиция. 1932. № 33. С. 28.
- ²⁴ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 216.
- ²⁵ Цит. по изд.: Капустин М. Конец утопии? М., 1990. С. 93.
- ²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106.
- ²⁷ McAuley, Mary. Bread and Justice: State and Society in Petrograd. 1917–1922. Oxford, 1991. P. 381.
- ²⁸ Стасова Е.Д. Воспоминания. М., 1969. С. 161.
- ²⁹ Там же. С. 162.
- ³⁰ Смильг-Бенарио М. На советской службе // Архив русской революции. Т. 3–4. М., 1991. Т. 3. С. 149, 150.
- ³¹ СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.
- ³² Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 252.
- ³³ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 6.
- ³⁴ Там же. С. 21.
- ³⁵ Вестник народного просвещения СКСО. 1918. № 2–3. С. 35.
- ³⁶ ЦГА СПб. Ф. 8098. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ³⁷ Энциклопедия государства и права. М., 1927. Вып. 6. Стб. 1177–1178.
- ³⁸ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 52, 56, 59; McAuley, Mary. Op. cit. P. 391.
- ³⁹ Крицман Л. Героический период великой русской революции: Опыт анализа так называемого «военного коммунизма». М.; Л., 1926. С. 81–82.
- ⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 56а–57об.
- ⁴¹ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1977. Т. 1. С. 188.
- ⁴² Энциклопедия государства и права. Вып. 6. Стб. 1264.
- ⁴³ Крицман Л. Указ. соч. С. 189.
- ⁴⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 292–293.
- ⁴⁵ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 130.
- ⁴⁶ Преображенский Е.А. Указ. соч. С. 101–102.

- ⁴⁷ Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. Пб., 1921. С. 68.
- ⁴⁸ Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. М.; Пг., 1918. С. 21.
- ⁴⁹ Блонина Е. (Инесса). Освобождение от домашнего рабства // Коммунистическая партия и организация рабочих. М.; Пг., 1919. С. 31–34.
- ⁵⁰ Блонина Е. Маркс и Энгельс по вопросам семьи и брака // Там же. С. 40.
- ⁵¹ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. М., 1919. С. 197.
- ⁵² Преображенский Е.А. Указ. соч. С. 96.
- ⁵³ Степанов И. Проблема пола // Каким должен быть коммунист. С. 154.
- ⁵⁴ Покровский М.Н. 7 лет пролетарской диктатуры. М., [1924]. С. 8.
- ⁵⁵ Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Документы и материалы 1917–1920. М., 1983. Т.1. Ч.1. С. 305.
- ⁵⁶ Красная газета. 1919. 28 мая.
- ⁵⁷ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 2, 4; Народный комиссариат по просвещению. 1917–1920. Краткий отчет. М., 1920. С. 22.
- ⁵⁸ Лилина З.И. Работа коммунистов среди женщин и молодежи. Пг., 1919. С. 26.
- ⁵⁹ Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. Paris: IMCA-press, 1990. С. 30.
- ⁶⁰ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 247–249.
- ⁶¹ СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
- ⁶² См.: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 46; Ф. 2551. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–55об., 70; Ф. 2555. Оп. 1. Д. 79. Л. 19–21.
- ⁶³ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 244–245.
- ⁶⁴ СУ РСФСР. 1918. № 17. Ст. 249.
- ⁶⁵ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 108.
- ⁶⁶ Введенский А.И. Церковь и государство. М., 1923. С. 120–123, 173–175, 192; Luukkainen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of The Bolshevik Party, 1917–1929. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1994. P. 70.
- ⁶⁷ Введенский А.И. Церковь и государство. С. 175; Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 108.

- ⁶⁸ См.: *Luikkanen A.* Op. cit. P. 71.
- ⁶⁹ Газета Рабочего и крестьянского правительства. 1918. 23 января; Декреты Советской власти. Т. 1. С. 373–374.
- ⁷⁰ *Spinka M.* The Church in Soviet Russia. New York, 1956. P. 21.
- ⁷¹ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. С. 239–243, 245–246.
- ⁷² *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента (1919–1922 гг.) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1994. Кн. 5. С. 150.
- ⁷³ Religious policy in the Soviet Union / Edited by Sabrina P. Ramet. Cambridge University Press, 1993. P. 7.
- ⁷⁴ *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 180.
- ⁷⁵ *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 125.
- ⁷⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 373–374.
- ⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 3217. Оп. 1. Д. 5а. Л. 44–45.
- ⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.
- ⁷⁹ Цит. по: *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 124.
- ⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–1об.
- ⁸¹ Петроградский учитель. 1918. № 15–16. С. 14.
- ⁸² Петроградский учитель. 1918. № 5. С. 7.
- ⁸³ Северная коммуна. 1918. 15, 23 июля; 14 августа, вечернее при-
бавление.
- ⁸⁴ *Десницкий В.* Церковь и школа // Вестник просвещения. 1918. № 1–3. С. 22–25.
- ⁸⁵ *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 158.
- ⁸⁶ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 83.
- ⁸⁷ *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. С. 214.
- ⁸⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 655.
- ⁸⁹ *Введенский А.И.* Указ. соч. С. 226.
- ⁹⁰ *Luikkanen, Arto.* Op. cit. P. 74.
- ⁹¹ *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 170.
- ⁹² КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 76–83.
- ⁹³ *Свенцицкий А.* Школа коммуниста // Первый народный календарь на 1919 г. Союза коммун Северной области. Пг., 1919. С. 125.
- ⁹⁴ А.В. Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 445.

- ⁹⁵ Там же. С. 475.
- ⁹⁶ *Канатчиков С.* На темы ддця. (Страницы пролетарской идеологии). Пг., 1923. С. 64.
- ⁹⁷ А.В. Луначарский о народном образовании. С. 464.
- ⁹⁸ Известия ЦИК и Петросовета. 1917. 20 декабря.
- ⁹⁹ Дошкольное воспитание в Ленинграде за 15 лет. 1917–1932. М.; Л., 1932. С. 10; Петроград в 1920 г. Работа Петроградского Совета и его отделов за 1920 г. Пб., 1922. С. 221.
- ¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19. Л. 65.
- ¹⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 827. Л. 10–10 об.
- ¹⁰² *Луначарский А.В.* Просвещение и революция. М., 1926. С. 170.
- ¹⁰³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.
- ¹⁰⁴ Учитель. 1918. № 1. С. 18.
- ¹⁰⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 236. Л. 2.
- ¹⁰⁶ Петроградский учитель. 1918. № 11–12. С. 9.
- ¹⁰⁷ Известия Петросовета. 1918. 31 марта.
- ¹⁰⁸ Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. М., 1919. Вып. 1. С. 82–83.
- ¹⁰⁹ Петроградский учитель. 1918. № 13–14. С. 13; Северная коммуна. 1918. 24 октября, вечернее прибавление.
- ¹¹⁰ Внешкольное образование. 1919. № 2–3. С. 93.
- ¹¹¹ Вестник просвещения. 1919. № 4–6. С. 57; ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 670. Л. 2.
- ¹¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 1. Д. 41. Л. 312; ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 626. Л. 7; Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 249–250.
- ¹¹³ Петроградская правда. 1919. 16 сентября; Известия Петросовета. 1919. 13, 22 сентября.
- ¹¹⁴ *Кулешов И.* Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений. М., 1931. С. 65–66.
- ¹¹⁵ *Монжале Е.С.* Политическое воспитание учащихся в школах Петрограда в первые годы советской власти // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 165. Л., 1958. С. 197; Петроградский учитель. 1918. № 2. С. 3.
- ¹¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 206. Л. 1-2.
- ¹¹⁷ Бюллетень Коллегии по делам учащихся. 1918. № 1. С. 1, 2.
- ¹¹⁸ Вестник народного просвещения СКСО. 1918. № 4–5. С. 46–48.
- ¹¹⁹ В.М. Познер — заведующий отделом средней школы Наркомпроса.

- ¹²⁰ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 13. Д. 8. Л. 10; Северная коммуна. 1918. 2 октября.
- ¹²¹ Крумина А. За год! // Красный учащийся. 1919. № 1. С. 2, 3–4.
- ¹²² Петроградская правда. 1919. 5 июня; Народное просвещение. 1919. № 48–50. С. 9.
- ¹²³ Юный пролетарий. 1919. № 11. С. 12.
- ¹²⁴ Народное просвещение (еженедельник). 1919. № 35–36. С. 13.
- ¹²⁵ Юный пролетарий. 1919. № 14. С. 5–7.
- ¹²⁶ Известия Петросовета. 1920. 27 мая.
- ¹²⁷ Петроградская правда. 1920. 25 февраля; Юный пролетарий. 1920. № 8. С. 23; № 10. С. 23.
- ¹²⁸ Петроградская правда. 1920. 25 февраля.
- ¹²⁹ Красная газета. 1920. 4 марта.
- ¹³⁰ Юный пролетарий. 1921. № 3–4. С. 37. Подсчет автора.
- ¹³¹ А.В. Луначарский о народном образовании. С. 33.
- ¹³² Этим отделом заведовал Е.А. Полетаев.
- ¹³³ Лосский Н.О. Указ. соч. С. 179.
- ¹³⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.
- ¹³⁵ Северная коммуна. 1918. 26 июля.
- ¹³⁶ Вестник народного просвещения СКСО. 1918. № 4–5. С. 46–47.
- ¹³⁷ Саботаж в трудовых школах // Красная газета. 1918. 2 ноября.
- ¹³⁸ Кудрявцев А. Петроградская школа в минувшем году (Из впечатлений районного эксперта) // Вестник просвещения. 1919. № 4–5. С. 27.
- ¹³⁹ Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. М., 1958. С. 413.
- ¹⁴⁰ Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 томах. М., 1958. Т. 2. С. 97.
- ¹⁴¹ Цит. по изд.: Монжале Е.С. Указ. соч. С. 205–206.
- ¹⁴² Известия Петросовета. 1919. 26 декабря.
- ¹⁴³ Вестник народного просвещения СКСО. 1918. № 4–5. С. 5; № 6–8. С. 5.
- ¹⁴⁴ Поршинева Е. О самоуправлении // Красный учащийся. 1919. № 1. С. 4–5.
- ¹⁴⁵ Гиппиус З.Н. Живые лица. Кн. 1. С. 178.
- ¹⁴⁶ Цит. по изд.: Монжале Е.С. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 102. Оп. 1. Д. 122. Л. 15 об.
- ¹⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2832. Л. 117.

- ¹⁴⁹ Известия Петросовета. 1921. 11 января.
- ¹⁵⁰ Луначарский А.В. Борьба за душу // Народное просвещение. 1921. № 77–78. С. 3.
- ¹⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295. Л. 7–7 об.
- ¹⁵² Там же. Д. 75. Л. 157–158; Д. 620д. Л. 17–17 об.
- ¹⁵³ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). Л., 1984. С. 79.
- ¹⁵⁴ Аменецкий А. О партийной работе в высших учебных заведениях Петрограда // Сборник материалов Петербургского комитета РКП. Пг., 1921. Вып. II. С. 38.
- ¹⁵⁵ Купайгородская А.П. Указ. соч. С. 90–92; ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 277. Л. 9.
- ¹⁵⁶ Купайгородская А.П. Указ. соч. С. 93.
- ¹⁵⁷ Щелкунов М. Законодательство о печати за пять лет // Печать и революция. 1922. Кн. 2. С. 177.
- ¹⁵⁸ Goldman E. Op. cit. P. 21, 50.
- ¹⁵⁹ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 236.
- ¹⁶⁰ Потехин М.Н. Первый совет пролетарской диктатуры. Л., 1966. С. 151–152.
- ¹⁶¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 24–25.
- ¹⁶² Там же. С. 54–56.
- ¹⁶³ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 4 об.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 5 об.
- ¹⁶⁶ Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. Л., 1969. С. 169–172; Назаров А.И. Октябрь и книга. 1917–1923. М., 1968. С. 66–67.
- ¹⁶⁷ Быстрянский В. Газета в буржуазном и пролетарском государстве. Пб., 1921. С. 71, 75.
- ¹⁶⁸ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента. С. 158.
- ¹⁶⁹ Гиппиус З.Н. Живые лица: Стихи, дневники. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 188.
- ¹⁷⁰ Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 149.
- ¹⁷¹ В[оровский] В. Задачи и организация Государственного издательства // Книжный мир. 1920. № 1. С. 3.
- ¹⁷² Назаров А.И. Октябрь и книга. 1917–1923. М., 1968. С. 66–67.
- ¹⁷³ Назаров А.И. Октябрь и книга. С. 37, 197; Идеи партии в массы. 1917–1982. Л., 1984. С. 15.

- 174 Отчет о деятельности [Госиздата] на 1 декабря 1920 г. М., 1920. С. 14.
- 175 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 111.
- 176 Вольфсон М.Б. Госиздат на идеологическом фронте // Государственное издательство за пять лет. М., 1924. С. 80.
- 177 Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1965. С. 114–115.
- 178 Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 164.
- 179 Стасова Е.Д. Воспоминания. М., 1969. С. 143.
- 180 Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 97.
- 181 Луначарский А.В. Указ. соч. С. 165.
- 182 Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М., 1990. С. 215–216.
- 183 Идеи партии в массы. С. 36.
- 184 Луначарский А.В. Указ. соч. С. 224–225.
- 185 См., напр.: Володарский В. Речи. Пб., 1920.
- 186 Мительман М. 1917 год на Путиловском заводе. Л., 1939. С. 88.
- 187 ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9012. Л. 1; Ф. 1. Оп. 1. Д. 796. Л. 18 об.
- 188 Идеи партии в массы. С. 20–23.
- 189 Равич С. Рабоче-крестьянский университет имени Зиновьева в Петрограде // Власть советов. 1920. № 8. С. 3–7.
- 190 Идеи партии в массы. С. 23–27.
- 191 ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 5 об.
- 192 ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9096. Л. 12.
- 193 ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 5–8.
- 194 Воронов С. Петроград-Вятка в 1919–20 году // Архив русской революции. Т. 1–2. М., 1991. Т. 1. С. 242.
- 195 ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 512. Л. 1.
- 196 Там же. Д. 794. Л. 7 об.
- 197 Идеи партии в массы. С. 38; За пять лет. 1917–1922. Исторический сборник к пятилетию питерской организации РКСМ. Пг., 1922. С. 17.
- 198 ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 8991. Л. 4, 13, 25.
- 199 Троцкий Л.Д. Поколение Октября: Речи и статьи. Пг.; М., 1924. С. 94, 172.
- 200 ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 512. Л. 2.
- 201 Листовки петроградских большевиков. Л., 1957. Т. 3. С. 303, 320, 325, 33, 343, 376. См. также: Купайгородская А.П. Оружием

- слова: листовки петроградских большевиков. 1918–1920. Л., 1981. С. 18–19.
- ²⁰² Листовки петроградских большевиков. Т. 3. С. 180, 187, 244, 308, 318, 321, 324, 329, 376; ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 350. Л. 261; Д. 514. Л. 17.
- ²⁰³ *Введенский А.И.* Церковь и государство. М., 1923. С. 136.
- ²⁰⁴ *Троцкий Л.Д.* Поколение Октября. С. 153.
- ²⁰⁵ Там же. С. 154.
- ²⁰⁶ *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. С. 172.
- ²⁰⁷ *Самохвалов А.* Мой творческий путь. Л., 1971. С. 44.
- ²⁰⁸ Реликвии борьбы и труда. Каталог знамен. Л., 1985. С. 9–28. См. также статьи: *Корнаков П.К.* Знамена Февральской революции // Геральдика. [Сборник] Л., 1983; Он же. Знамена. 1917 год // Сценическая техника и технология. 1982. № 2; Он же. Знамена Гражданской войны в России // Сценическая техника и технология. 1983. № 6.
- ²⁰⁹ Все три даты по старому стилю.
- ²¹⁰ *Лапшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 122.
- ²¹¹ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 96.
- ²¹² *Тугенхольд Я.А.* Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. Избранные статьи и очерки. М., 1987. С. 226.
- ²¹³ *Цеткин К.* О Ленине. Воспоминания и встречи. М., 1925. С. 39–40.
- ²¹⁴ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения в 10 томах. М., 1959. Т. 7. С. 86.
- ²¹⁵ *Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 198–199.
- ²¹⁶ Декреты Советской власти. М., 1958. Т. 2. С. 95–96.
- ²¹⁷ *Толстой В.П.* У истоков советского монументального искусства. 1917–1923. М., 1983. С. 41–42.
- ²¹⁸ Утраченные памятники архитектуры Петербурга-Ленинграда: каталог выставки. Л., 1988. С. 41–44.
- ²¹⁹ *Изгоев А.С.* Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Т. 9–10. М., 1991. Т. 10. С. 7.
- ²²⁰ Подсчитано автором по изд.: Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика. Л., 1990. С. 10–59.
- ²²¹ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 118.

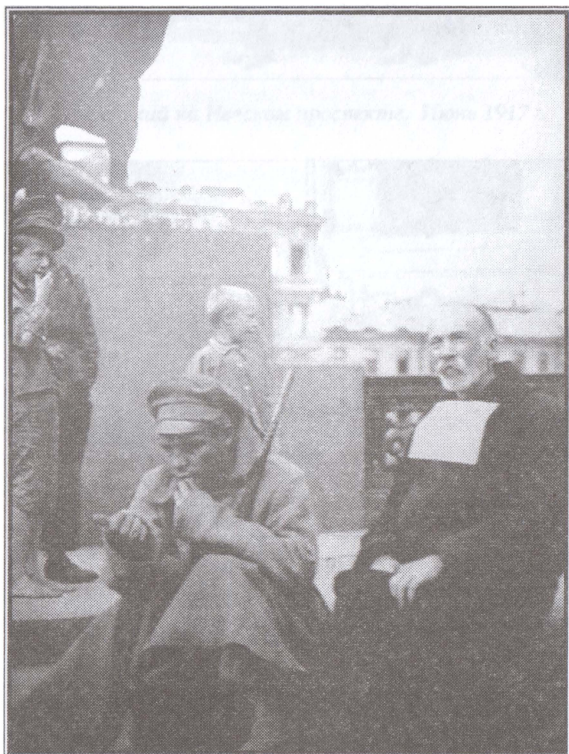
- ²²² *Ильина Г.И.* Культурное строительство в Петрограде. Октябрь 1917–1920. Л., 1982. С. 209–210.
- ²²³ Там же. С. 211; *Толстой В.П.* Указ. соч. С. 80.
- ²²⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 117. Л. 2.
- ²²⁵ ЦГА СПб. Ф. 3187. Оп. 1. Д. 338. Л. 8–8 об.
- ²²⁶ *Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. С. 193.
- ²²⁷ Агитационно-массовое искусство: Оформление празднеств. Материалы и документы. М., 1984. С. 87.
- ²²⁸ *Ходасевич В.* Портреты словами: Очерки. М., 1987. С. 143.
- ²²⁹ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 15. Д. 79. Л. 15–16.
- ²³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 797. Л. 2.
- ²³¹ Агитационно-массовое искусство... С. 50.
- ²³² Культурное строительство в РСФСР. Т. 1. Ч. 1. С. 310.
- ²³³ Агитационно-массовое искусство... С. 65.
- ²³⁴ Там же. С. 71–72.
- ²³⁵ Там же. С. 132.
- ²³⁶ *Гиппиус З.* Указ. соч. С. 363.
- ²³⁷ Глазами петроградского чиновника // Нева. 1990. № 12. С. 197.
- ²³⁸ Башня Городской думы, оформленная художником С.П. Ивановым.
- ²³⁹ *Изгоев А.С.* Указ. соч. С. 30.
- ²⁴⁰ *Пиотровский А.И.* За советский театр. Л., 1925. С. 52.
- ²⁴¹ Агитационно-массовое искусство... С. 87.
- ²⁴² В.И. Ленин признавался: «Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих „измов” высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости» (*Цеткин К.* О Ленине. С. 39). Л. Д. Троцкий писал: «...в поэзии футуризма, даже отдавшего себя целиком революции, мы слышим больше богемскую, чем пролетарскую революционность» (*Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 118).
- ²⁴³ *Шелавин К.* Первое мая в России. Л., 1925. С. 87.
- ²⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 797. Л. 3, 3 об.
- ²⁴⁵ *Пиотровский А.И.* Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. Сборник Комитета социологического изучения искусств [Государственного института истории искусств]. Л.: Academia, 1926. С. 75.

- ²⁴⁶ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента. С. 180–181.
- ²⁴⁷ Немиро О. Праздничный город: Искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987. С. 85.
- ²⁴⁸ Организация массовых народных празднеств. М., 1921. С. 9.
- ²⁴⁹ Там же. С. 4.
- ²⁵⁰ Пиотровский А.И. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. С. 64–65, 70.
- ²⁵¹ Ильина Г.И. Указ. соч. С. 142.
- ²⁵² Пиотровский А.И. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. С. 57–58; Немиро О. Праздничный город. С. 95.
- ²⁵³ Немиро О.В. Художественное оформление театрализованных зрелищ в Петрограде-Ленинграде в 20-е годы // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Л., 1975. Вып. 1. С. 133.
- ²⁵⁴ Агитационно-массовое искусство... С. 109–110.
- ²⁵⁵ Ходасевич В. Портреты словами. С. 144–145.
- ²⁵⁶ Агитационно-массовое искусство... С. 112–113.
- ²⁵⁷ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 33, 37.
- ²⁵⁸ Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. М., 1991. Т. 2. С. 120, 122.
- ²⁵⁹ Агитационно-массовое искусство... С. 170.
- ²⁶⁰ А.В. Луначарский о народном образовании. С. 444–446.
- ²⁶¹ Троцкий Л. Задачи коммунистического воспитания. М., 1924. С. 4–7.
- ²⁶² Невский В. В буре деяний. Петроград за пять лет советской работы. М.; Пг., 1922. С. 22–23.
- ²⁶³ Бухарин Н. Пролетарская революция и культура. С. 48.
- ²⁶⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. Л., 1990. С. 225.
- ²⁶⁵ Кузьмин М.Н. Культурность населения Советской России как фактор выбора политической модели // Формирование административно-командной системы. М., 1992. С. 123, 128; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. С. 274.
- ²⁶⁶ Цеткин К. О Ленине. С. 41.
- ²⁶⁷ Известия Петросовета. 1921. 5 марта.

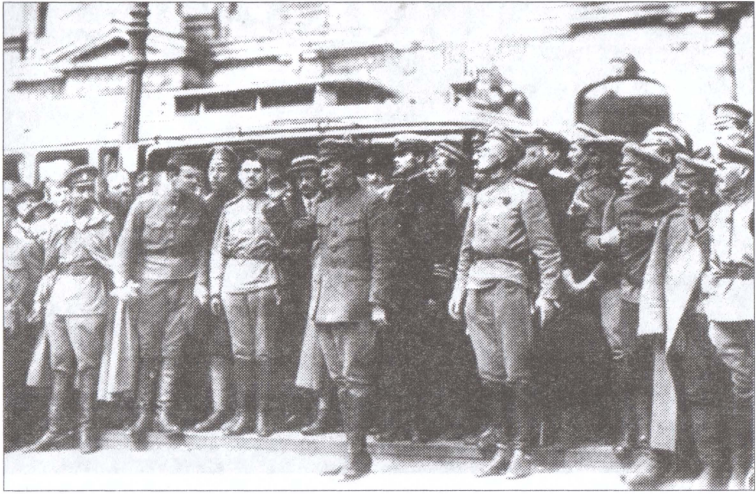

Образы эпохи

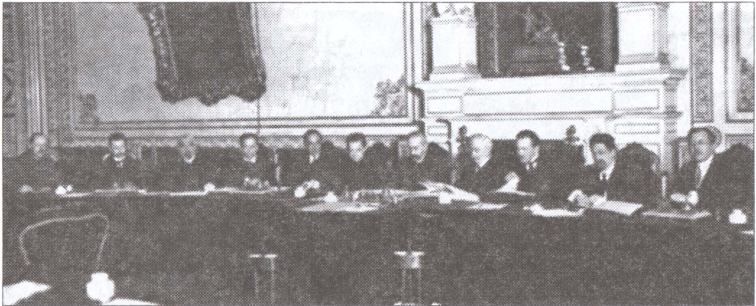

А.Ф. Керенский на Невском проспекте. Июнь 1917 г.

Заседание Временного правительства в Мариинском дворце. 1917 г.

Печать Временного правительства

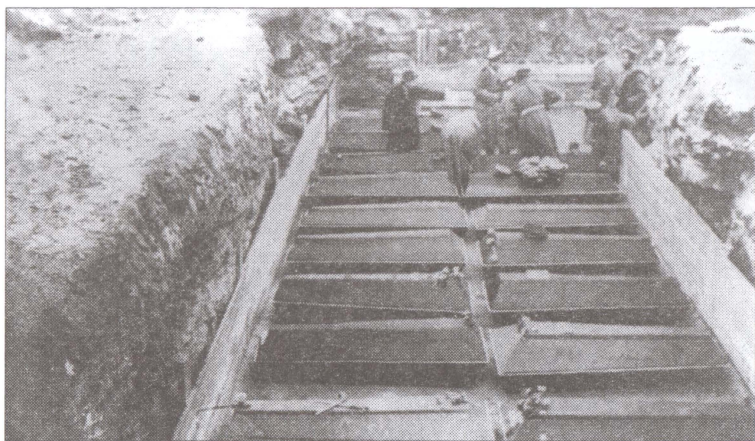
Демонстрация женщин. Февраль 1917 г.

Демонстрация работниц Путиловского завода. Февраль 1917 г.

*Члены Временного правительства у братской могилы жертв
Февральской революции 1917 г.*

*Братская могила жертв Февральской революции
на Марсовом поле. 1917 г.*

Войска на Литейном проспекте. 1917 г.

Баррикады у Арсенала. 1917 г.

Демонстрация матросов. 1917 г.

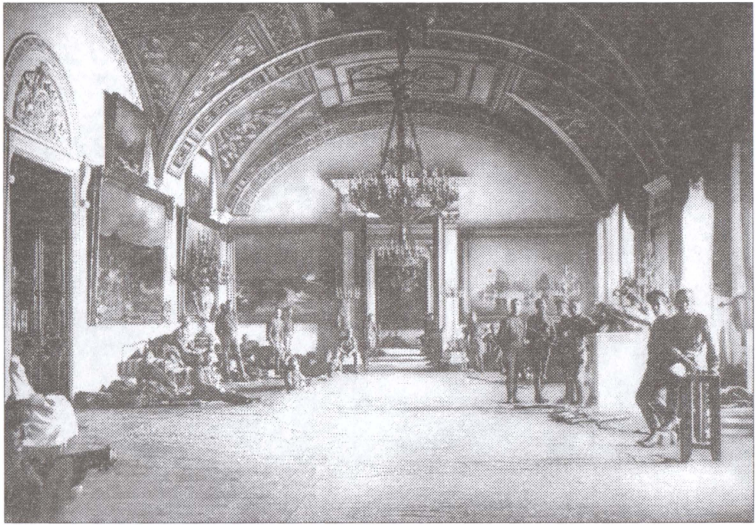
Агитационные транспорты на Большой Морской улице. 1917 г.

Февраль 1917 г.

Расстрел демонстрации рабочих в июле 1917 г.

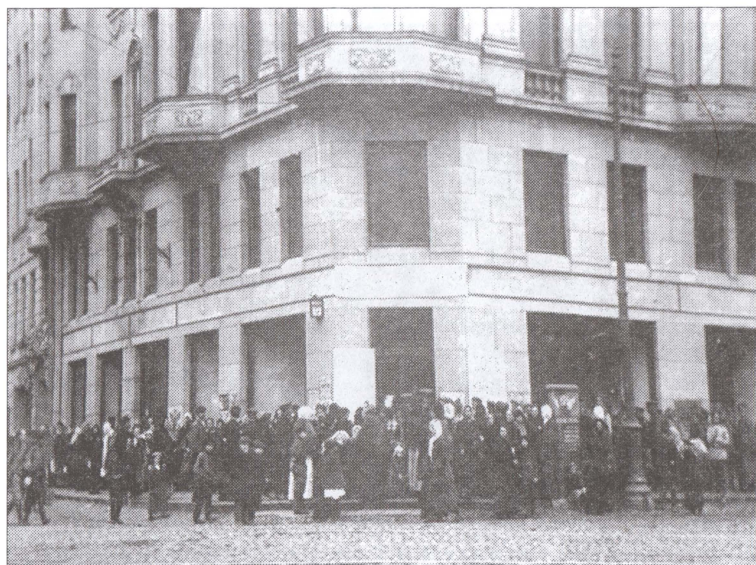
Революционные солдаты в Зимнем дворце. 1917 г.

Студенты-милиционеры. 1917 г.

Очередь за продуктами. Февраль 1917 г.

Очередь за продуктами. Февраль 1917 г.

В ожидании открытия центра помощи. 1917 г.

Столовая и буфет «Правильный путь»

*Открытие памятника В. Володарскому на бульваре Профсоюзов
22 июня 1919 г.*

*Выступление Г.Е. Зиновьева на открытии памятника
В. Володарскому на бульваре Профсоюзов 22 июня 1919 г.*

*Ленин в Смольном на совещании Совета народных комиссаров.
1918 г.*

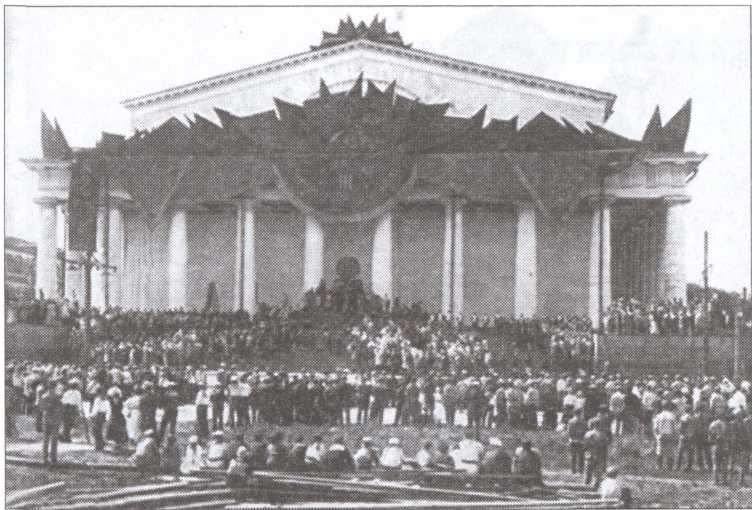
*Ленин в группе делегатов II конгресса Коминтерна
на Марсовом поле. 1920 г.*

Разгрузка дров. 1920 г.

Петроградские прачки

Инсценировка «К мировой комунне» у здании Биржи

Новое искусство на улицах Петрограда. 1918 г.

Плакат 1920 г. Художник Дени

Именной указатель

Brown D. 190
Buchanan M. 183, 185
Domergue G. 185
Francis D.R. 184
Goldman E. 87, 506, 512
Goldman E. 85, 91, 92, 183, 192
Jahn H.G. 190
Lansbury G. 183
Luukkanen A. 508, 509
Marabini J. 183
McAulay M. 186, 188, 192
Ramet S.P. 509
Ransome A. 182, 184
Rios F. de los 182
Scheibert P. 183
Serge V. 182
Snowden E. 182, 183, 193
Spinka M. 509

Абрамович 243
Аванесов В. 266
Авдеев И.А. 59
Адлер Ф. 483
Азовский В.Ф. 226
Александр I 482
Александр II 450, 482
Александр III 482, 502
Александров (Паныч) 131
Алексеев В. 415

Альмединген А.Н. 149
Альтман Н.И. 489
Аменецкий А.М. 455
Аменицкий А.А. 148
Амфитеатров А.В. 105, 481
Андреева М.Ф. 56, 499
Анненков Ю.П. 48, 99, 167, 498,
500, 501
Ан-ский (Раппопорт) С.А. 20
Антипов А.Я. 266
Антифеева М.А. 87
Анцелович Н.М. 47, 82, 380
Аргутинский-Долгоруков А.М.
219
Арманд И.Ф. (Блонина Е., Инесса)
423, 508
Арнаутов 137
Аршавский К.Г. 28
Асков Х. 122
Астапович З.А. 184
Афанасьев (Мишка-портной) 131

Бабкин В.Н. 190
Бадаев А.Е. 44, 45, 55, 78, 226,
227, 265, 267, 424
Бакаев И.П. 18, 43, 45, 47, 59, 60,
70, 151
Бакшт 150
Балашов Е.М. 89
Балк А.П. 289

- Барышев 151
 Барышев Н.В. 78
 Беллярминов И.И. 449
 Белый А. 346, 375
 Беляков П. 352
 Бениславский М. 301
 Берберова Н.Н. 58, 88, 89
 Бердяев Н.А. 426, 503, 508, 516
 Бернев С.К. 88
 Бирзуль 264
 Биткер Г.С. 82
 Благодоров Г. 142
 Бланки О. 485
 Блок А.А. 167, 345, 346, 359, 375,
 398, 402, 431
 Блох М.Ф. 485, 486
 Бойцов М.Ф. 146
 Бонч-Бруевич В.Д. 185, 463, 507,
 513
 Бонч-Бруевич М.Д. 201
 Боткин С.П. 173, 192
 Брик О.М. 323
 Бродель Ф. 277, 307
 Бронштейн З. 70
 Бронштейн Н. 70
 Брусиловский И.К. 328
 Брянский 150
 Будберг А. 126, 186
 Будберг М.И. 58
 Бурцев В.Л. 457
 Бурцев Г.В. 399
 Бухарин Н.И. 410–413, 423, 462,
 469, 503, 506, 508, 509, 516
 Быстрянский В. 422, 459, 462,
 508, 512
 Бьюкенен Дж. 101, 119
 Бьюкенен М. 101, 119
- Варлих Г.** 498, 501
 Васецкий Н.А. 60, 87, 89
 Васильев А.Е. 70
 Введенский А.И. 436, 508, 509, 514
- Вениамин, митрополит 429
 Ветошкин М.К. 85
 Виллевалд Н.Ф. 146, 268
 Виноградов Н.Г. 496
 Винцкевич 148
 Вихров В.М. 54, 86, 88
 Вишневский Н.М. 90, 239, 297
 Вишняков К.А. 190
 Владимиров М.К. 40, 292
 Волков А.А. 264
 Волобуев П.В. 38, 85
 Володарский (В.) М.М. 16, 18,
 26, 28, 40, 51, 53, 157, 327,
 341, 416, 457, 458, 461, 462,
 466, 467, 468, 513
 Володин В. 162, 165
 Вольфсон М.Б. 513
 Вомпас 149
 Воровский В.В. 461
 Воронов С. 513
 Восков С.П. 70, 239, 242
 Врангель М.Д. 103, 106, 183, 184
 Врангель П.А. 7
- Гаген-Торн И.И.** 89
 Газа И.И. 190
 Гайдебуров П. 346
 Галкин А.В. 416, 507
 Гальперин 243
 Гамильтон К. 267
 Ганшин С. 294
 Гарбуз З.К. 146
 Гарибальди Дж. 484, 485
 Гейне Г. 484, 485
 Геронимус А.А. 8
 Герцен А.И. 484
 Гессен С.М. 59, 454
 Гинцбург И.Я. 482
 Гиппиус З.Н. 25, 48, 57, 71, 86,
 87, 88, 102, 105, 143, 173,
 183, 189, 192, 337, 453, 460,
 476, 490, 511, 512, 514

Глебов Н. 354
Гоголевский А.В. 32, 43, 84, 85,
86, 397
Голдман Э. 32, 76, 79, 87, 96, 97,
103, 411, 456
Головин Ф. 322, 394
Гольгин 366
Гордон Н. 59
Горелик М. 327
Горемыкин И.Л. 201
Горький А.М. 56, 57, 58, 63, 77,
88, 126, 167, 186, 321, 374,
394, 421, 507
Готье Ю.В. 304
Гофман С.Х. 190, 191
Гофман С.Х. 159
Гоц А.Р. 53
Грачев 146, 147, 166
Греков И.И. 173
Гризелли О. 485
Громан В.В. 290
Громан В.Г. 211
Громштейн 150
Грундельсон П.М. 150
Губарева В.М. 85, 86
Гужевский А.И. 226
Гумилев Н.С. 167
Гуминер Я.М. 488
Гусев С.И. 43

Дан Ф. 383
Деникин А.И. 7, 471, 498
Державин К.Н. 500
Десницкий В.А. 434, 509
Дзержинский Ф.Э. 53, 416, 492, 507
Диесперов Л.И. 18
Дмитриев 58
Добролюбов Н.А. 484
Добужинский М.В. 167, 488, 498
Дорн Б.Б. 263, 304
Дрейцер 149
Дубровин 165
Дьяконов М.А. 110

Евдокимов Г.Е. 28, 47, 59, 70
Евреинов Н.Н. 495, 500
Егорова Н. 255
Елисеев С.П. 256, 262
Енукидзе А.С. 46
Ерманский О.А. 321, 394
Ершов В.Ф. 18
Есенин С.А. 345
Ефимов П. 147

Жарновецкий К.С. 73
Жигарь А.А. 136
Жих А.К. 146
Жуков И.П. 416

Заале Ф.К. 484
Закс-Гладнев С.М. 59, 60
Залуцкий П.А. 18, 59, 60
Замятин Е.И. 167
Заславский П.С. 55
Звягинцева А.П. 184
Зейн Ф.-А.А. 201
Зиновьев Г.Е. 9, 18, 36, 38–43,
45–55, 57–60, 63, 65, 70,
72, 74, 77, 81, 85–88, 91,
165, 180, 192, 227, 237, 256,
258, 269, 294, 314, 344, 352,
416, 417, 462, 468, 470, 513

Знаменский О.Н. 190
Зоргенфрей Е. 301
Зорин С.С. 9, 45, 47, 59, 64, 70,
79, 342, 355, 456
Зоценко М.М. 475
Зубарев В.А. 84, 85

Иванов В.М. 403
Иванов Вяч.И. 495
Иванов Н.В. 114, 116
Иванов-Разумник Р. 375
Иванов С.П. 515

- Изгоев А.С. 97, 108, 182, 184,
458, 482, 490, 512, 514, 515
- Измозик В.С. 90, 91
- Иловайский Д.И. 449
- Ильина Г.И. 55, 88, 192, 515, 516
- Иммерман 235
- Иностранцев А.А. 110
- Иогансон Э.М. 72
- Ионов (Бернштейн) И.И. 60, 70,
78, 89
- Иоффе А.А. 40, 41
- Ирошников М.П. 85, 89, 90
- Каледин А.М.** 331
- Калинин М.И. 21, 40, 54, 62, 142,
156, 171, 226
- Каменев Л.Б. 16, 314, 465
- Каменский З. 380, 381
- Кампанелла Т. 480
- Канатчиков С.И. 439, 510
- Каниовский П. 229
- Каннегисер Л.А. 417
- Канн П.Я. 185
- Каплун Б.Г. 60, 69, 89
- Капустин М. 507
- Карпинский В.А. 89
- Квин И.А. 243, 245
- Кейзерлингк В. фон 221, 292
- Кельсон З.С. 184
- Керенский А.Ф. 96, 115, 220, 312,
313, 316, 455, 457, 498
- Керзон Дж. 418
- Кирилина А. 88
- Кирпичников А.А. 130
- Клейнмихель М. 154
- Клейнштейн 58
- Клодт П.П. 481
- Клявс-Клявин А.Я. 81
- Князев В.В. 413, 506
- Князев Г.А. 55, 64, 88, 90, 337,
343, 344, 397, 398, 509, 512,
516
- Кожевников М.В. 506
- Козлов 58
- Кокко Н.И. 163
- Коккошкин Ф.Ф. 329
- Коллонтай А.М. 332, 422, 424,
428, 429, 464, 465, 508
- Колчак А.В. 7, 471
- Кольцов 101
- Комаров А. 172
- Комаров Н.П. 69, 70
- Коновалов А.И. 313
- Копылов Д. 269
- Копяткевич А.А. 43
- Корвин-Круковский Н. 301
- Корнаков П.К. 514
- Корнатовский Н.А. 8
- Корнилов И.Н. 224, 312, 314, 331
- Королев Ф.Ф. 511
- Костина А.П. 58, 60
- Кочуров И. 430
- Крайнев 80
- Крачковский В.М. 149
- Крестинский Н.Н. 47, 64, 85,
251, 299
- Крицман Л.Н. 419, 420, 507
- Крумина А. 447, 511
- Крупская Н.К. 451, 480, 488, 511,
514
- Кручковская В.М. 83
- Крыленко Н.В. 415, 507
- Кубяк Н.А. 46, 59
- Кутель А.Р. 498, 500
- Куделли П.Ф. 462
- Кудрявцев А.Е. 450, 511
- Кузьмин М.Н. 516
- Кузьмин Н.Я. 458
- Куклин А.С. 47, 59, 285, 388
- Кулешов И. 510
- Кулишер И.М. 276, 307
- Кулышев Ю.С. 183, 184, 190, 192,
396
- Куминов Н.П. 445
- Кункевич 253

- Купайгородская А.П. 184, 512, 513
Кустодиев Б.М. 329, 395, 488
Кутузов В.А. 87
Кучменко Н.О. 226
- Лангбард И.Г. 488
Лаппо-Данилевский А.С. 110
Лапшин В.В. 394
Лапшин В.П. 514
Лассаль Ф. 484, 485
Лашевич М.М. 18, 28, 40, 47
Лебедев С. 302
Лебина Н.Б. 90, 91, 188
Левенсон М.А. 18
Левина Н.Б. 184
Левин Б.Д. 202
Лейтис Я.Р. 80
Ленин В.И. 16–18, 21, 34, 36, 38, 41, 49–54, 57, 58, 61–63, 73, 75, 79, 85, 89, 100, 155, 171, 190, 291, 329, 337, 342, 352, 397, 399, 409, 410, 416, 429, 441, 451, 456, 462, 463, 479, 480, 489, 504, 506, 510, 513, 515
Ленц Э.Э. 110
Лескевич Ф. 147
Леске Э. 396
Лесов В. 185
Либкнехт К. 483
Лилеев 279
Лилина З.И. 9, 43, 52, 59, 60, 70, 79, 85, 425, 440, 453, 462, 485
Лисовский М.И. 57, 88, 356
Литвинов М.М. 299
Ли Фа 122
Лишев В.В. 482
Лобов С.С. 53
Лопе де Вега Ф. 502
Лопухин В.Б. 103, 183, 319, 394
- Лосский Н.О. 375, 402, 448, 509, 511
Луначарский А.В. 28, 38, 40, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 69, 86, 87, 88, 323, 327, 346, 356, 407, 438, 439, 441, 442, 445, 448, 451, 454, 464, 465, 466, 485, 486, 489, 490, 495, 502, 506, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516
Лурье А.С. 480
Львов Г.Е. 289
Лэнсбери Дж. 101
- Майер Н. 506
Мальков П.Д. 68, 73, 76, 91
Мандельштам О.Э. 167
Марголин 369
Марголин С.А. 64
Марджанов К.А. 499
Марков С. 259
Маркс К. 52, 434, 451, 459, 462, 489, 508
Масловская С.Д. 498
Матвеев А.Т. 484
Маяковский В. 323, 324, 394
Медведь Ф.И. 148
Мейерхольд В. 346, 347, 348, 398
Мельгунов С.П. 418, 507
Менжинская Л.Р. 443
Менжинский В.Р. 40
Мерев М. 203
Мережковский Д.С. 453
Меркурьев 367
Мещерский В. 335
Мещеряков Н. 65
Миллер Е.К. 7
Миллер Э. 266
Мино М.Н. 46, 47, 59
Мительман М. 507, 513
Митрофанов С.С. 47
Михайлов И.Д. 205, 288

- Михайлов Л.М. 50, 163, 171, 172
 Михельсон А.Ф. 268
 Михельсон К.Ф. 268
 Михельсон Ф.Ф. 268
 Молотов В.М. 18, 40, 55, 88, 237
 Монжале Е.С. 510, 511
 Моризе А. 181
 Морозов П.С. 110
 Мстиславский С.Д. 64
 Мурашов В. 172
- Нагловский А.Д.** 41, 49, 51, 54,
 77, 87, 91, 259, 302
 Нагловский Д.С. 302
 Назаров А.И. 398, 512
 Нахимсон Ф. 506
 Невский В. 516
 Неелов А. 222
 Нейман А.В. 146
 Нейман Г.Я. 270, 305
 Немиро О. 516
 Нетупская Я.А. 472
 Николай Николаевич старший
 416, 482
 Нирк 80
 Новицкий 58
 Носач В.И. 183, 184, 190, 192, 396
- Оболенский А.Н.** 207
 Оборин В.П. 24, 59
 Орнатский Ф. 430
 Осинский Н.М. 150
 Оуэн Р. 168
 Оцуп П.А. 240
- Павлович** 151
 Пахомов П.Л. 46, 58, 59
 Пашкевич И. 276
 Первухин Е.П. 41, 140, 178
 Переверзев П.Н. 155
- Перовская С.Л. 484, 485
 Петерс Я.Х. 225, 420
 Петров-Водкин К.С. 167, 359, 488
 Петров Н.В. 499, 500
 Пешкова Е.П. 374
 Пилявский С. 160
 Пименов Ю. 185, 186, 187
 Пиотровский А.И. 493, 496, 499,
 515, 516
 Пирогов Н.И. 174
 Платонов С.Ф. 111
 Плеве П.А. 201
 Подвойский Н.И. 34
 Позерн Б.П. 53, 79
 Познер В.М. 445, 510
 Покровский М.Н. 424, 508
 Полетаев Е.А. 511
 Поливанов А.В. 263
 Поршнева Е. 511
 Потехин М.Н. 18, 25, 29, 41, 83,
 84, 85, 89, 91, 159, 168, 183,
 190, 191, 512
 Потяев А.И. 239, 250, 251, 296
 Преображенский Е.А. 411, 412,
 422, 423, 462, 469, 506–508
 Прокопий, епископ 428
 Прокопович С.Н. 206
 Пунин Н.Н. 480, 489
 Пухов А.С. 8, 404
 Пучков А.И. 239, 259
- Рабинович А.** 85
 Рабинович М. 216
 Равич С.Н. 38, 45, 47, 55, 59, 60,
 70, 89, 141, 188, 260, 282,
 284, 285, 473, 513
 Радищев А.Н. 484, 485
 Радлов В.В. 110
 Радлов С.Э. 499, 502
 Раков А.С. 136
 Раскольников Ф.Ф. 456, 466, 512,
 513

- Рассел Б. 500, 516
 Рахманинов С.В. 431
 Реде А. 305
 Рекстин И.П. 130
 Ремизов А.М. 330, 359, 395
 Рет Н. 160
 Риос Ф. де лос 97
 Родзянко А.П. 8
 Рождественский С.В. 449
 Роцкан П. 130, 187
 Рошаль С.Г. 483
 Руднев Л.В. 478
 Рупасов А.И. 12, 88
 Рэнсом А. 96, 105
 Рябчикова 169
- Савельев А. 266, 304
 Савич Н.В. 418, 507
 Самохвалов А.Н. 477, 514
 Саутин Н.В. 83, 89
 Свенцицкий А. 509
 Свердлов Я.М. 37, 54, 76, 85
 Свешников А.В. 192, 193
 Свободина 149
 Сегаль И.И. 235, 238
 Семенов В. 68, 88
 Семенов Г.И. 53
 Сергеев 70, 341
 Сергеев М.А. 252
 Серебрякова З.Л. 86
 Серж В. 96, 99
 Серов И.С. 141
 Синайский В.А. 484
 Скалов С. 267
 Скилягин А.Т. 185, 186, 187
 Скинпетров П. 429
 Скобелев М.И. 465
 Скурлов В.В. 88
 Смилга И.Т. 40
 Смилга-Бенарио М. 79, 91, 110,
 184, 189, 191
 Смирнов 121
- Смирнова-Сазонова С.И. 322
 Смирнов Н.А. 150
 Смит-Фальккер М.Н. 226
 Сноуден Э. 97, 104, 179
 Собакин 165
 Соловьев В.Н. 499
 Сологуб Ф. 323, 324
 Соломон Г.А. 86
 Сомов К.А. 315, 328, 393, 395,
 402
 Сорокина П.А. 110
 Сорокин П.А. 86, 87, 104, 166,
 181, 183, 184, 191, 460, 512
 Ставровский А. 430
 Сталин И.В. 54, 59
 Станкевич В.Б. 312
 Стасова Е.Д. 38, 47, 417, 464, 507,
 513
 Степанов А. 88
 Степанов И. 508
 Стоюнина М.Н. 448, 449
 Стриевский К.К. 44, 70, 244, 245,
 246, 259
 Струмилин С.Г. 102, 103, 159,
 163, 183
 Стучка П.И. 40, 414, 506
 Суворин Б.А. 457
 Судаков П.И. 47
 Судик 24
 Сукновалов А.Е. 192
 Суханов Н.Н. 314, 393, 421, 465,
 478, 507, 513, 514
- Т**аммер 149
 Таргулов Я.Н. 250, 298
 Таташвили З.А. 149
 Темкин Д.Н. 498, 500
 Тиман 58
 Тимофеев 243
 Титлинов Б.В. 436, 508, 509
 Тихонов Н.С. 167
 Тихон, патриарх 429, 436

- Толстой В.П. 514, 515
Толстой Л.Н. 7, 347
Томашевич И.Н. 150
Трилиссер Д.А. 284
Трилиссер М.А. 47, 78
Троцкий Л.Д. 16, 17, 41, 49, 52,
54, 70, 86, 87, 88, 89, 217,
416, 421, 451, 460, 462, 467,
473, 475, 497, 502, 503, 507,
513, 514, 515, 516
Трубецкой П.П. 482
Трутовский В. 324
Туган-Барановский М.И. 110
Тугендхольд Я.А. 479
Тухачевский М.Н. 54
Тэффи Н. 203, 228
- У**
Угланов Н.А. 54, 55, 88
Уралов И.М. 347
Урицкий М.С. 41, 43, 53, 60, 69,
89, 121, 127, 292, 416, 417,
451, 465, 468, 487, 494, 502
Уэллс Г. 105, 174
- Ф**
Фаберже А. 56, 88
Фаберже К. 56
Фаберже Т.Ф. 88
Файнберг 301
Федоров И.Г. 174, 177, 193
Федоровский 146
Федотова З.Ф. 394
Федотов Г.П. 410, 506
Федулин П.С. 148
Фигурина М.М. 173, 192
Филиппов И. 369
Фирсенков И.П. 80
Фомин И.А. 499
Форш О.Д. 167
Фрайман А.Л. 83, 84, 85, 89, 182,
183, 185, 186, 190, 395, 512
Френкель З.Г. 182, 191, 192
- Фрумкин М.И. 231, 235, 296
Фрэнсис Д.Р. 113
- Х**
Харитонов М.М. 59
Хасегава Ц. 185, 186
Ходасевич В.М. 486, 499, 515,
516
Ходасевич В.Ф. 58, 167
Хомяков 262
Хромов Б.М. 192, 193
- Ц**
Цейтлин С. 59
Цеткин К. 479
Цыпкин И.С. 232, 238, 249
Цюрупа А.Д. 79
- Ч**
Чаянов Д. 289
Черепенина Н.Ю. 51, 87
Чернов В.М. 465
Чернышевский Н.Г. 484
Чехонин С.В. 499
Чжан Юйцан 122
Чижова Л. 88
Чистиков А.Н. 8, 88, 91, 189
Чуев 261
Чуев Ф. 88
Чуковский К.И. 55, 57, 64, 69, 77,
86, 88, 89, 90, 91, 105, 173,
184, 192
- Ш**
Шагинян М.С. 167
Шаляпин Ф.И. 107, 349, 350, 399
Шатов В.С. 127, 129, 136
Шахматов А.А. 110
Шёбергер Э. 236
Шевченко Т.Г. 484
Шелавин К.И. 28, 36, 84, 85, 359,
396, 515
Шервуд Л.В. 484

Шиловский 64
Шингарев А.И. 329
Шишкин В.А. 12
Шкаровский М.В. 188
Шкловский В.Б. 99
Шляпников А. 380
Шмидт В.В. 41
Шмидт О.Ю. 232
Шрейдер Г.И. 20
Штеренберг Д.П. 480
Шульга С.И. 472

Щелкунов М. 512
Щуко В.А. 498

Энгельс Ф. 459, 462, 483, 508
Эпштейн 301

Ювенал Д.Ю. 254
Юданов В. 88
Юденич Н.Н. 7, 31, 73, 74, 172,
178, 301, 363, 474
Юдин Д.Я. 149
Юносов К.А. 47, 59
Юрьев Ю.М. 321, 394

Яновский Г.А. 232, 241
Яров С.В. 10, 12, 84

Оглавление

Предисловие	5
-------------------	---

А.Н. Чистиков. У кормила власти

«Семь нянек» горожанина	15
Все на выборы?	23
На верхних этажах управленческой пирамиды	40
На политическом олимпе: Григорий Зиновьев	48
Бюрократизм в действии.....	61
«Кто у власти, тот и у сласти».....	68
Примечания.....	83

В.И. Мусаев. Городская повседневность

Состояние города. Повседневная жизнь горожан.....	95
Криминогенная ситуация и борьба с преступностью	113
Борьба с проявлениями девиантного поведения, спекуляцией, должностными преступлениями	135
Жилищный вопрос.....	153
Санитарное состояние. Эпидемии и борьба с ними	171
Примечания.....	182

А.И. Рупасов. Торговля и распределение

Наследство	199
Вступление в права.....	217
Система?	228

Quis custodiet ipsos custodes?	254
О плодах целеустремленности и зависти.....	270
Примечания.....	288

С.В. Яров. Политические настроения горожан

Революция: за и против	311
По обе стороны баррикад	319
Прощание с революцией	327
«Зачинайся, русский бред».....	345
Первое предупреждение: весна—лето 1919 г.	351
От протестов к «соглашательству»	362
Накануне взрыва	377
Взрыв.....	384
Примечания.....	393

Е.М. Балашов. Новое общество — «новый человек»

Этика беспощадной борьбы	409
На пороге свободы совести	426
«Орудие коммунистического перерождения общества»	438
Монополия слова и мысли.....	456
Искусство улиц и площадей	477
Примечания.....	506
Образы эпохи	517
Именной указатель	533

**ЯРОВ С.В., БАЛАШОВ Е.М., МУСАЕВ В.И.,
РУПАСОВ А.И., ЧИСТИКОВ А.Н.**

**ПЕТРОГРАД НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ
Город и его жители в годы революции
и Гражданской войны**

Ответственный за выпуск *Л. Янцева*

Редактор *Н. Бекренева*

Корректор *Л. Галаганова*

Верстка *Е. Новгородских*

Подписано в печать 25.06.2013.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «MinionPro».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 28,68.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 835

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

ПЕТРОГРАД

С. Яров, Е. Балашов
В. Мусаев, А. Рупасов
А. Чистиков

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Настоящая книга очерков истории Петрограда в годы Гражданской войны, не сгущая краски, показывает трудности и теневые стороны жизни, не пренебрегая тем положительным, что уже отражено в исторической литературе, но и не избегая тяжелых и мрачных явлений быта и повседневных тягот горожан, которым довелось прожить несколько лет на переломе эпох. Старый дореволюционный порядок с его уже ставшими привычными устоями жизни сменился резким скачком к неизведанному будущему, ставшим тяжелым испытанием для бывшей столицы Российской империи...
Изучение истории Петрограда эпохи Гражданской войны вплоть до настоящего времени все еще остается далеким от завершения. Замысел авторов — максимально правдиво рассказать читателям о жизни города и его жителей на непростом этапе перемен.

ISBN 978-5-227-04577-5

9 785227 045775

ЦЕНТРОЛИГРАФ®